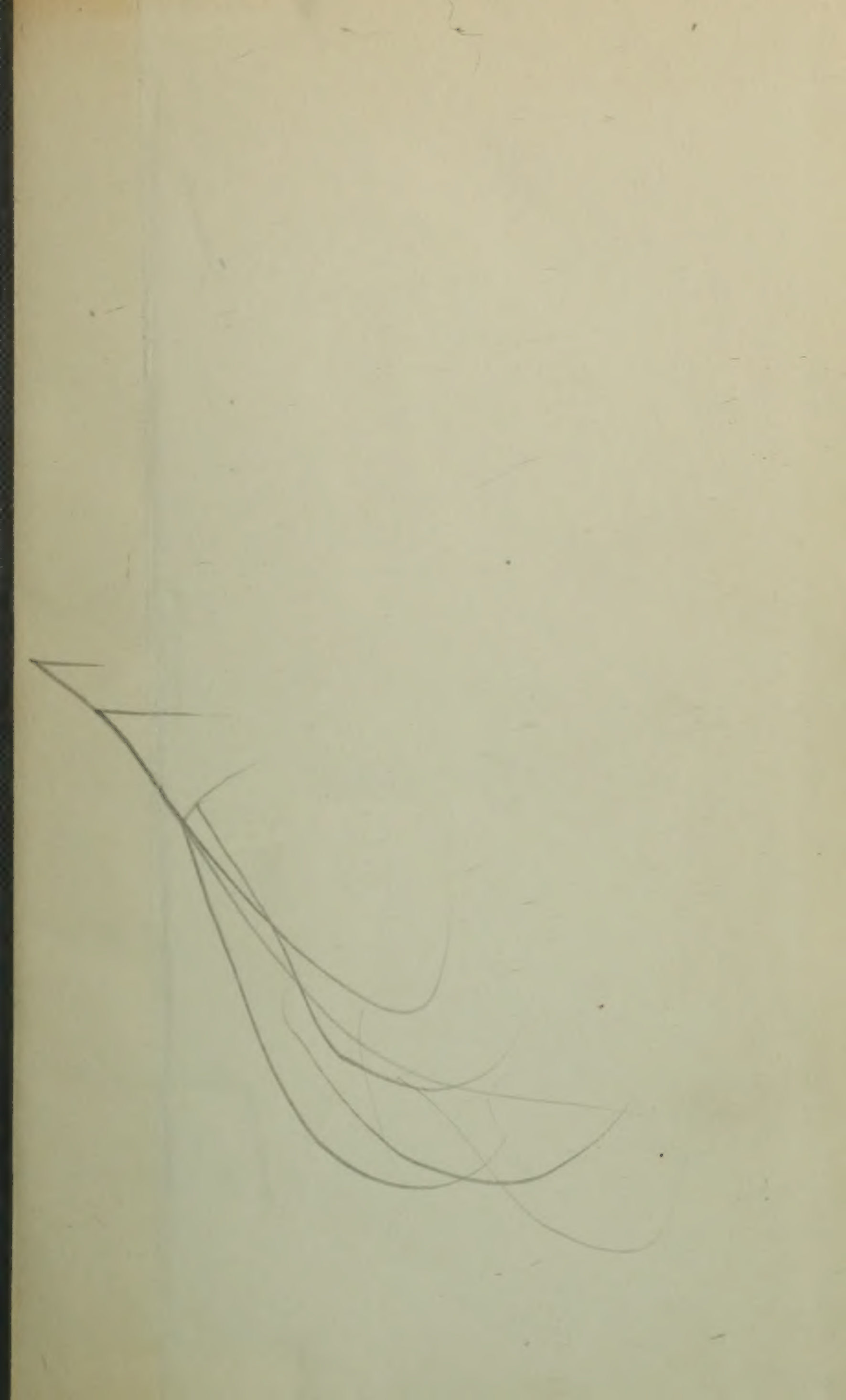

СОЧИНЕНІЯ

Л. Н. ТОЛСТОГО

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ДѢТСТВО
ОТРОЧЕСТВО
ЮНОСТЬ

Съ приложеніемъ «Первыхъ воспоминаній» и «Воспоминаній дѣтства» Л. Н. Толстого

[Берлинъ]

1921

Printed in Germany.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Я отдаю дань общей всѣмъ авторамъ слабости — обращаться къ читателю.

Обращенія эти большей частью дѣлаются съ цѣлью снискать благорасположеніе и снисходительность читателя. Мнѣ хочется тоже сказать нѣсколько словъ вамъ, читатель; но съ какой цѣлью? Я, право, не знаю, судите сами.

Всякій авторъ — въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, когда пишетъ что бы то ни было — непремѣнно представляетъ себѣ: какимъ образомъ подѣйствуетъ написанное. Чтобы составить себѣ понятіе о впечатлѣніи, которое произведетъ мое сочиненіе, я долженъ имѣть въ виду одинъ извѣстный родъ читателей.

Какимъ образомъ могу я знать, понравится или нѣтъ мое сочиненіе, не имѣя въ виду извѣстный типъ читателя? Одно мѣсто можетъ нравиться одному, другое — другому и даже то, которое нравится одному, не нравится другому. Всякая откровенно выраженная мысль, какъ бы она ни была сложна, всякая ясно переданная фантазія, какъ бы она ни была нелѣпа — не могутъ не имѣть сочувствія въ какой-нибудь душѣ. Ежели онѣ могутъ родиться въ чьей-нибудь головѣ, то найдется непремѣнно такая, которая отзовется ей.

Поэтому всякое сочиненіе должно нравиться, но не всякое сочиненіе нравится все и одному человѣку.

Когда все сочиненіе нравится одному человѣку, то такое сочиненіе, по моему мнѣнію, совершенно въ своемъ родѣ. Чтобы достигнуть этого совершенства, — всякій авторъ надѣется на совершенство, — я нахожу только одно средство составить себѣ ясное, опредѣленное понятіе объ умѣ, качествахъ и направленіи предполагаемаго читателя.

Поэтому я начну съ того мое обращеніе къ вамъ, читатель, что опишу васъ. Ежели вы найдете, что вы не похожи на того читателя, котораго описываю, то не читайте лучше моей повѣсти — вы найдете по своему характеру другія повѣсти. Но ежели вы точно такой, какимъ я васъ предполагаю, то я твердо убѣжденъ, что вы прочтете меня съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что при каждомъ хорошемъ мѣстѣ мысль, что вдохновляла меня, удерживала отъ глупостей, которыя я могъ бы написать, будетъ вамъ пріятна.

Чтобы быть приняту въ число моихъ избранныхъ читателей, я требую очень немногаго: чтобы вы были чувствительны, т.-е. могли бы иногда пожалѣть отъ души и даже пролить нѣсколько слезъ объ воспоминаемомъ лицѣ, котораго вы полюбили отъ сердца, порадоваться на него и не стыдились бы этого, чтобы вы любили свои воспоминанія, чтобы вы были человѣкъ религіозный, чтобы вы читали мою повѣсть, искали такихъ мѣстъ, которыя задѣваютъ васъ за сердце, а не такихъ, которыя заставляютъ васъ смѣяться, чтобы вы изъ зависти не презирали хорошаго круга — ежели вы даже не принадлежите къ нему; но

смотрите на него спокойно и безпристрастно, и я принимаю васъ въ число избранныхъ. И главное, чтобы вы были человѣкомъ *понимающимъ*, однимъ изъ тѣхъ людей, съ которымъ когда познакомишься, видишь, что не нужно толковать свои чувства и свое направленіе, а видишь, что онъ понимаетъ меня, что всякій звукъ въ моей душѣ отзовется въ его. Трудно, и даже мнѣ кажется невозможнымъ, раздѣлять людей на умныхъ и глупыхъ, добрыхъ и злыхъ; но *понимающіе* и *непонимающіе*, — это для меня такая рѣзкая черта, которую я невольно провожу между всѣми людьми, которыхъ знаю. Главный признакъ *понимающихъ* людей — это пріятность въ отношеніяхъ — имъ не нужно ничего уяснять, толковать, и можно съ полною увѣренностью передавать мысли самыя неясныя по выраженіямъ. Есть такія тонкія, неуловимыя отношенія чувства, для которыхъ нѣтъ яснаго выраженія, но которыя понимаются очень ясно. Объ этихъ-то чувствахъ и отношеніяхъ можно смѣло намекать, условленными словами говорить съ ними. Итакъ, главное требованіе мое — пониманіе. Теперь я обращаюсь уже къ вамъ, мой читатель, съ извиненіемъ за грубость и неплавность въ иныхъ мѣстахъ моего слога — я впередъ увѣренъ, что когда я объясню вамъ причину этого, вы не взыщете. Можно пѣть двояко: горломъ и грудью. Не правда ли, что горловой голосъ гораздо гибче грудного, но зато онъ не дѣйствуетъ на душу. Напротивъ, грудной голосъ, хотя и грубъ, беретъ за живое. Что до меня касается, то ежели я даже въ самой пустой мелодіи услышу ноту, взятую полной грудью, у меня слезы невольно навертываются на

глаза. То же самое и въ литературѣ: можно писать изъ головы и изъ сердца. Когда пишешь изъ головы, слова послушно и складно ложатся на бумагу; когда же пишешь изъ сердца — мыслей въ головѣ набирается такъ много, въ воображеніи столько образовъ, въ сердцѣ столько воспоминаній, что выраженія неточны, недостаточны, неплавны и грубы.

Можетъ-быть, я ошибаюсь, но я останавливалъ себя всегда, когда начиналъ писать изъ головы, и старался писать только изъ сердца.

Еще я долженъ вамъ признаться въ одномъ странномъ предубѣжденіи.

По моему мнѣнію личность автора-писателя (сочинителя), — личность почти поэтическая; такъ какъ я писалъ въ формѣ автобіографіи и желалъ какъ можно болѣе заинтересовать васъ своимъ героемъ, я желалъ бы, чтобы потомъ не было отпечатка авторства, и поэтому избѣгалъ всѣхъ авторскихъ пріемовъ — ученыхъ выраженій и періодовъ...

ДѢТСТВО.

Повѣсть (1852 года).

I.

УЧИТЕЛЬ КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

12-го августа 18.. г., ровно въ третій день послѣ дня моего рожденія, въ который мнѣ минуло десять лѣтъ, и въ который я получилъ такіе чудесные подарки, въ 7 часовъ утра Карлъ Ивановичъ разбудилъ меня, ударивъ надъ самой моей головой хлопушкой—изъ сахарной бумаги на палкѣ—по мухѣ. Онъ сдѣлалъ это такъ неловко, что задѣлъ образокъ моего ангела, висѣвшій на дубовой спинкѣ кровати, и что убитая муха упала мнѣ прямо на голову. Я высунулъ носъ изъ-подъ одѣяла, остановилъ рукою образокъ, который продолжалъ качаться, скинулъ убитую муху на полъ и хотя заспанными, но сердитыми глазами окинулъ Карла Ивановича. Онъ же въ пестромъ ваточномъ халатѣ, подпоясанномъ поясомъ изъ той же матеріи, въ красной вязаной ермолкѣ съ кисточкой и въ мягкихъ козловыхъ сапогахъ, продолжалъ ходить около стѣнъ, прицѣливаться и хлопать.

«Положимъ,—думалъ я,—я маленькій, но зачѣмъ онъ тревожитъ меня? Отчего онъ не бьетъ мухъ около Володиной постели? Вонъ ихъ сколько! Нѣтъ, Володя старше меня, а я меньше всѣхъ:

оттого онъ меня и мучитъ. Только о томъ и думаетъ всю жизнь,—прошепталъ я,—какъ бы мнѣ дѣлать непріятности. Онъ очень хорошо видитъ, что разбудилъ и испугалъ меня, но выказываетъ, какъ будто не замѣчаетъ... Противный человѣкъ! И халатъ, и шапочка, и кисточка—какіе противные!»

Въ то время, какъ я такимъ образомъ мысленно выражалъ свою досаду на Карла Ивановича, онъ подошелъ къ своей кровати, взглянулъ на часы, которые висѣли надъ нею въ шитомъ бисеромъ башмачкѣ, повѣсилъ хлопушку на гвоздикъ и, какъ замѣтно было, въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, повернулся къ намъ.

— Auf, Kinder, auf!... s'ist Zeit. Die Mutter ist schon im Saal! —крикнулъ онъ добрымъ нѣмецкимъ голосомъ, потомъ подошелъ ко мнѣ, сѣлъ у ногъ и досталъ изъ кармана табакерку. Я притворился, будто сплю. Карлъ Ивановичъ сначала понюхалъ, утеръ носъ, щелкнулъ пальцами и тогда только принялся за меня. Онъ, посмѣиваясь, началъ щекотать мои пятки. — Nun, nun, Faulenzer! —говорилъ онъ.

Какъ я ни боялся щекотки, я не вскочилъ съ постели и не отвѣчалъ ему, а только глубже запряталъ голову подъ подушки, изо всѣхъ силъ брыкалъ ногами и употреблялъ всѣ старанія, чтобы удержаться отъ смѣха.

— Какой онъ добрый и какъ насъ любитъ, а я могъ такъ дурно о немъ думать!

Мнѣ было досадно и на самого себя, и на Карла Ивановича, хотѣлось смѣяться и хотѣлось плакать: нервы были разстроены.

— Ach, lassen Sie, Карлъ Ивановичъ! — закричалъ я со слезами на глазахъ, высовывая голову изъ-подъ подушекъ.

Карлъ Ивановичъ удивился, оставилъ въ покоѣ мои подошвы и съ безпокойствомъ сталъ спрашивать меня: о чемъ я? не видѣлъ ли я чего дурного во снѣ?.... Его доброе нѣмецкое лицо, участіе, съ которымъ онъ старался угадать причину моихъ слезъ, заставляли ихъ течь еще обильнѣе: мнѣ было совѣстно, и я не понималъ, какъ за минуту передъ тѣмъ я могъ не любить Карла Ивановича и находить противными его халатъ, шапочку и кисточку; теперь, напротивъ, все это казалось мнѣ чрезвычайно милымъ, и даже кисточка казалась явнымъ доказательствомъ его доброты. Я сказалъ ему, что плачу оттого, что видѣлъ дурной сонъ — будто maman умерла и ее несутъ хоронить. Все это я выдумалъ, потому что рѣшительно не помнилъ, что мнѣ снилось въ эту ночь; но когда Карлъ Ивановичъ, тронутый моимъ разсказомъ, сталъ утѣшать и успокоивать меня, мнѣ казалось, что я точно видѣлъ этотъ страшный сонъ, и слезы полились уже отъ другой причины.

Когда Карлъ Ивановичъ оставилъ меня и я, приподнявшись на постели, сталъ натягивать чулки на свои маленькія ноги, слезы немного унялись, но мрачныя мысли о выдуманномъ снѣ не оставляли меня. Вошелъ дядька Николай—маленькій, чистенькій человѣчекъ, всегда серьезный, аккуратный, почтительный и большой пріятель Карла Ивановича. Онъ несъ наши платья и обувь: Володѣ сапоги, а мнѣ покуда еще несносные башмаки съ бантиками. При немъ мнѣ было бы совѣстно плакать; притомъ утреннее солнышко ве-

село свѣтило въ окна, а Володя, передразнивая Марью Ивановну (гувернантку сестры), такъ весело и звучно смѣялся, стоя надъ умывальникомъ, что даже серьезный Николай, съ полотенцемъ на плечѣ, съ мыломъ въ одной рукѣ и съ рукомойникомъ въ другой, улыбаясь, говорилъ:

— Будетъ вамъ, Владиміръ Петровичъ, извольте умываться.

Я совсѣмъ развеселился.

— Sind Sie bald fertig? — послышался изъ классной голосъ Карла Ивановича.

Голосъ его былъ строгъ и не имѣлъ уже того выраженія доброты, которое тронуло меня до слезъ. Въ классной Карлъ Ивановичъ былъ другой человѣкъ: онъ былъ наставникъ. Я живо одѣлся, умылся и еще со щеткой въ рукѣ, приглаживая мокрые волосы, явился на его зовъ.

Карлъ Ивановичъ съ очками на носу и книгой въ рукѣ сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, между дверью и окошкомъ. Налѣво отъ двери были двѣ полочки: одна—наша, дѣтская, другая—Карла Ивановича, *собственная*. На нашей были всѣхъ сортовъ книги — учебныя и неучебныя; однѣ стояли, другія лежали. Только два большихъ тома Histoire des voyages, въ красныхъ переплетахъ, чинно упирались въ стѣну; а потомъ и пошли длинныя, толстыя, большія и маленькія книги,— корочки безъ книгъ и книги безъ корочекъ; все туда же, бывало, нажмешь и всунешь, когда прикажутъ, передъ рекреаціей, привести въ порядокъ «библіотеку», какъ громко называлъ Карлъ Ивановичъ эту полочку. Коллекція книгъ на *собственной*, если не была такъ велика, какъ на нашей, то

была еще разнообразнѣе. Я помню изъ нихъ три: нѣмецкую брошюру объ унавоживаніи огородовъ подъ капусту — безъ переплета, одинъ томъ исторіи семилѣтней войны—въ пергаментѣ, прожженномъ съ одного угла, и полный курсъ гидростатики. Карлъ Ивановичъ бóльшую часть своего времени проводилъ за чтеніемъ, даже испортилъ имъ свое зрѣніе, но, кромѣ этихъ книгъ и *Сѣверной Пчелы*, онъ ничего не читалъ.

Въ числѣ предметовъ, лежавшихъ на полочкѣ Карла Ивановича, былъ одинъ, который больше всего мнѣ его напоминаетъ. Это—кружокъ изъ картона, вставленный въ деревянную ножку, въ которой кружокъ этотъ подвигался посредствомъ шпеньковъ. На кружкѣ была картинка, представляющая карикатуры какой-то барыни и парикмахера. Карлъ Ивановичъ очень хорошо клеилъ и кружокъ этотъ самъ изобрѣлъ и сдѣлалъ для того, чтобы защищать свои слабые глаза отъ яркаго свѣта.

Какъ теперь, вижу я передъ собой длинную фигуру въ ваточномъ халатѣ и въ красной шапочкѣ, изъ-подъ которой виднѣются рѣдкіе сѣдые волосы. Онъ сидитъ подлѣ столика, на которомъ стоитъ кружокъ съ парикмахеромъ, бросавшій тѣнь на его лицо; въ одной рукѣ онъ держитъ книгу, другая покоится на ручкѣ креселъ; подлѣ него лежатъ часы съ нарисованнымъ егеремъ на циферблатѣ, клѣтчатый платокъ, черная круглая табакерка, зеленый футляръ для очковъ, щипцы на лоточкѣ. Все это такъ чинно, аккуратно лежитъ на своемъ мѣстѣ, что по одному этому порядку можно заключить, что у Карла Ивановича совѣсть чиста и душа покойна.

Бывало, какъ досыта набѣгаешься внизу по залѣ, на цыпочкахъ прокрадешься наверхъ, въ классную, смотришь — Карлъ Ивановичъ сидитъ себѣ одинъ на своемъ креслѣ и съ спокойно-величавымъ выраженіемъ читаетъ какую-нибудь изъ своихъ любимыхъ книгъ. Иногда я заставалъ его и въ такія минуты, когда онъ не читалъ: очки спускались ниже на большомъ орлиномъ носу; голубые полузакрытые глаза смотрѣли съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, а губы грустно улыбались. Въ комнатѣ тихо, только слышно его равномѣрное дыханіе и бой часовъ съ егеремъ.

Бывало, онъ меня не замѣчаетъ, а я стою у двери и думаю: «Бѣдный, бѣдный старикъ! Насъ много, мы играемъ, намъ весело, а онъ — одинъ одинешенекъ и никто его не приласкаетъ. Правду онъ говоритъ, что онъ сирота. И исторія его жизни какая ужасная! Я помню, какъ онъ разсказывалъ ее Николаю—ужасно быть въ его положеніи!» И такъ жалко станетъ, что, бывало, подойдешь къ нему, возьмешь за руку и скажешь: «lieber Карлъ Ивановичъ!» Онъ любилъ, когда я ему говорилъ такъ; всегда приласкаетъ, и видно, что растроганъ.

На другой стѣнѣ висѣли ландкарты, всѣ почти изорванныя, но искусно подклеенныя рукою Карла Ивановича. На третьей стѣнѣ, въ серединѣ которой была дверь внизъ, съ одной стороны висѣли двѣ линейки: одна — изрѣзанная, наша, другая — новенькая *собственная*, употребляемая имъ болѣе для поощренія, чѣмъ для линеванія; съ другой—черная доска, на которой кружками отмѣчались наши большіе проступки и крестиками—маленькіе. Налѣво отъ доски былъ уголъ, въ который насъ ставили на колѣни.

Какъ мнѣ памятенъ этотъ уголъ! Помню заслонку въ печи, отдушникъ въ этой заслонкѣ и шумъ, который онъ производилъ, когда его поворачивали. Бывало, стоишь, стоишь въ углу, такъ что колѣни и спина заболятъ, и думаешь: «Забылъ про меня Карлъ Ивановичъ: ему, должно быть, покойно сидѣть на мягкомъ креслѣ и читать свою гидростатику, а каково мнѣ?» И начнешь, чтобы напомнить о себѣ, потихоньку отворять и затворять заслонку или ковырять штукатурку со стѣны; но если вдругъ упадетъ съ шумомъ слишкомъ большой кусокъ на землю — право, одинъ страхъ хуже всякаго наказанія. Оглянешься на Карла Ивановича, а онъ сидитъ себѣ съ книгой въ рукѣ и какъ будто ничего не замѣчаетъ.

Въ серединѣ комнаты стоялъ столъ, покрытый оборванною черною клеенкой, изъ-подъ которой во многихъ мѣстахъ виднѣлись края, изрѣзанные перочинными ножами. Кругомъ стола было нѣсколько некрашеныхъ, но отъ долгаго употребленія залакированныхъ табуретовъ. Послѣдняя стѣна была занята тремя окошками. Вотъ какой былъ видъ изъ нихъ: прямо подъ окнами дорога, на которой каждая выбоина, каждый камешекъ, каждая колея давно знакомы и милы мнѣ; за дорогой—стриженая липовая аллея, изъ-за которой кое-гдѣ виднѣется плетеный частоколъ; черезъ аллею виденъ лугъ, съ одной стороны котораго гумно, а напротивъ лѣсъ; далеко видна избушка сторожа. Изъ окна направо видна часть террасы, на которой сиживали обыкновенно большіе до обѣда. Бывало, покуда поправляетъ Карлъ Ивановичъ листъ съ диктовкой, выглянешь въ ту сторону, видишь черную головку матушки, чью-

нибудь спину и смутно слышишь оттуда говоръ и смѣхъ; такъ сдѣлается досадно, что нельзя тамъ быть, и думаешь: «Когда же я буду большой, перестану учиться и всегда буду сидѣть не за діалогами, а съ тѣми, кого я люблю?» Досада перейдетъ въ грусть и, Богъ знаетъ отчего и о чемъ, такъ задумаешься, что и не слышишь, какъ Карлъ Ивановичъ сердится за ошибки.

Карлъ Ивановичъ снялъ халатъ, надѣлъ синій фракъ съ возвышеніями и сборками на плечахъ, оправилъ передъ зеркаломъ свой галстукъ и повелъ насъ внизъ здороваться съ матушкой.

II.

MAMAN.

Матушка сидѣла въ гостиной и разливала чай; одной рукой она придерживала чайникъ, другою — кранъ самовара, изъ котораго вода текла черезъ верхъ чайника на подносъ. Но хотя она смотрѣла пристально, она не замѣчала этого, не замѣчала того, что мы вошли.

Такъ много возникаетъ воспоминаній прошедшаго, когда стараешься воскресить въ воображеніи черты любимаго существа, что сквозь эти воспоминанія, какъ сквозь слезы, смутно видишь ихъ. Это—слезы воображенія. Когда я стараюсь вспомнить матушку такою, какою она была въ это время, мнѣ представляются только ея каріе глаза, выражающіе всегда одинаковую доброту и любовь, родинка на шеѣ, немного ниже того мѣста, гдѣ вьются маленькіе волосики, шитый бѣлый воротничокъ, нѣжная сухая рука, которая такъ часто меня ласкала, и которую я такъ часто цѣловалъ; но общее выраженіе ускользаетъ отъ меня.

Налѣво отъ дивана стоялъ старый англійскій рояль; передъ рояземъ сидѣла черномазенькая моя сестрица Любочка и розовенькими, только что вымытыми холодною водой пальчиками съ замѣтнымъ напряженіемъ разыгрывала этюды Clementi. Ей было одиннадцать лѣтъ; она ходила въ коротенькомъ холстинковомъ платьицѣ, въ бѣленькихъ обшитыхъ кружевомъ панталончикахъ и октавы могла брать только „arpeggio“. Подлѣ нея вполоборота сидѣла Марья Ивановна въ чепцѣ съ розовыми лентами, въ голубой кацавейкѣ и съ краснымъ сердитымъ лицомъ, которое приняло еще болѣе строгое выраженіе, какъ только вошелъ Карлъ Ивановичъ. Она грозно посмотрѣла на него и, не отвѣчая на его поклонъ, продолжала, топая ногой, считать: un, deux, trois, un, deux, trois, еще громче и повелительнѣе, чѣмъ прежде.

Карлъ Ивановичъ, не обращая на это ровно никакого вниманія, по своему обыкновенію, съ нѣмецкимъ привѣтствіемъ подошелъ прямо къ ручкѣ матушки. Она опомнилась, тряхнула головкой, какъ будто желая этимъ движеніемъ отогнать грустныя мысли, подала руку Карлу Ивановичу и поцѣловала его въ морщинистый високъ въ то время, какъ онъ цѣловалъ ея руку.

— Ich danke, lieber Карлъ Ивановичъ, — и, продолжая говорить по-нѣмецки, она спросила:

— Хорошо ли спали дѣти?

Карлъ Ивановичъ былъ глухъ на одно ухо, а теперь, отъ шума за рояземъ, вовсе ничего не слыхалъ. Онъ нагнулся ближе къ дивану, оперся одной рукой о столъ, стоя на одной ногѣ, и съ улыбкой, которая тогда мнѣ казалась верхомъ

утонченности, приподнялъ шапочку надъ головой и сказалъ:

— Вы меня извините, Наталья Николаевна?

Карлъ Ивановичъ, чтобы не простудить своей голой головы, никогда не снималъ красной шапочки, но всякій разъ, входя въ гостиную, спрашивалъ на это позволенія.

— Надѣньте, Карлъ Ивановичъ... Я васъ спрашиваю: хорошо ли спали дѣти? — сказала maman, подвинувшись къ нему и довольно громко.

Но онъ опять ничего не слыхалъ, прикрылъ лысину красною шапочкой и еще милѣе улыбался.

— Постойте на минутку, Мими, — сказала maman Марьѣ Ивановнѣ съ улыбкой: — ничего не слышно.

Когда матушка улыбалась, какъ ни хорошо было ея лицо, оно дѣлалось несравненно лучше, и кругомъ все какъ будто веселѣло. Если бы въ тяжелыя минуты жизни я хоть мелькомъ могъ видѣть эту улыбку, я бы не зналъ, что такое горе. Мнѣ кажется, что въ одной улыбкѣ состоитъ то, что называютъ красотою лица: если улыбка прибавляетъ прелести лицу, то лицо прекрасно; если она не измѣняетъ его, то оно обыкновенно; если она портитъ его, то оно дурно.

Поздоровавшись со мной, maman взяла обѣими руками мою голову и откинула ее назадъ, потомъ посмотрѣла пристально на меня и сказала:

— Ты плакалъ сегодня?

Я не отвѣчалъ. Она поцѣловала меня въ глаза и по-нѣмецки спросила:

— О чемъ ты плакалъ?

Когда она разговаривала съ нами дружески, она всегда говорила на этомъ языкѣ, который знала въ совершенствѣ.

— Это я во снѣ плакалъ, maman,—сказалъ я, припоминая со всѣми подробностями выдуманный сонъ и невольно содрогаясь при этой мысли.

Карлъ Ивановичъ подтвердилъ мои слова, но умолчалъ о снѣ. Поговоривъ еще о погодѣ, — разговоръ, въ которомъ приняла участіе и Мими, — maman положила на подносъ шесть кусочковъ сахара для нѣкоторыхъ почетныхъ слугъ, встала и пошла къ пяльцамъ, которые стояли у окна.

— Ну, ступайте теперь къ папа, дѣти, да скажите ему, чтобъ онъ непремѣнно ко мнѣ зашелъ, прежде чѣмъ пойдетъ на гумно.

Музыка, считанье и грозные взгляды опять начались, а мы пошли къ папа. Пройдя комнату, удержавшую еще отъ временъ дѣдушки названіе *офиціантской*, мы вошли въ кабинетъ.

III.

ПАПА.

Онъ стоялъ подлѣ письменнаго стола и, указывая на какіе-то конверты, бумаги и кучки денегъ, горячился и съ жаромъ толковалъ что-то приказчику Якову Михайлову, который, стоя на своемъ обычномъ мѣстѣ, между дверью и барометромъ, заложивъ руки за спину, очень быстро и въ разныхъ направленіяхъ шевелилъ пальцами.

Чѣмъ больше горячился папа, тѣмъ быстрѣе двигались пальцы, и наоборотъ: когда папа замолкалъ, и пальцы останавливались; но когда Яковъ начиналъ говорить, пальцы приходили въ сильнѣйшее безпокойство и отчаянно прыгали въ разныя стороны. По ихъ движеніямъ, мнѣ кажется, можно было бы угадывать тайныя мысли

Якова; лицо же его всегда было спокойно—выражало сознаніе своего достоинства и вмѣстѣ съ тѣмъ подвластности, то-есть: я правъ, а впрочемъ, воля ваша!

Увидѣвъ насъ, папа только сказалъ:

— Погодите, сейчасъ.

И показалъ движеніемъ головы дверь, чтобы кто-нибудь изъ насъ затворилъ ее.

— Ахъ, Боже мой милостивый! что съ тобой нынче, Яковъ? — продолжалъ онъ приказчику, подергивая плечомъ (у него была эта привычка). —Этотъ конвертъ со вложеніемъ 800 рублей...

Яковъ подвинулъ счеты, кинулъ 800 и устремилъ взоры на неопредѣленную точку, ожидая, что будетъ дальше.

— ...для расходовъ по экономіи въ моемъ отсутствіи. Понимаешь? За мельницу ты долженъ получить 1.000 рублей... такъ или нѣтъ? Залоговъ изъ казны ты долженъ получить обратно 8.000; за сѣно, котораго, по твоему же расчету, можно продать 7.000 пудовъ—кладу по 45 копеекъ — ты получишь 3.000; слѣдовательно, всѣхъ денегъ у тебя будетъ сколько?... 12.000... такъ или нѣтъ?

— Такъ точно-съ,—сказалъ Яковъ.

Но по быстротѣ движеній пальцами я замѣтилъ, что онъ хотѣлъ возразить; папа перебилъ его:

— Ну, изъ этихъ-то денегъ ты и пошлешь 10.000 въ Совѣтъ за Петровское... Теперь деньги, которыя находятся въ конторѣ,—продолжалъ папа (Яковъ смѣшалъ прежнія 12.000 и кинулъ 21.000), —ты принесешь мнѣ и нынѣшнимъ же числомъ покажешь въ расходѣ. (Яковъ смѣшалъ счеты и

перевернулъ ихъ, показывая, должно быть, этимъ, что и деньги 21.000 пропадутъ такъ же). Этотъ же конвертъ съ деньгами ты передашь отъ меня по адресу.

Я близко стоялъ отъ стола и взглянулъ на надпись. Было написано: «Карлу Ивановичу Мауеру».

Должно-быть, замѣтивъ, что я прочелъ то, чего мнѣ знать не нужно, папа положилъ мнѣ руку на плечо и легкимъ движеніемъ показалъ направленіе прочь отъ стола. Я не понялъ, ласка ли это или замѣчаніе, на всякій же случай поцѣловалъ большую жилистую руку, которая лежала на моемъ плечѣ.

— Слушаю-съ, — сказалъ Яковъ. А какое приказаніе будетъ насчетъ хабаровскихъ денегъ?

Хабаровка была деревня maman.

— Оставить въ конторѣ и отнюдь никуда не употреблять безъ моего приказанія.

Яковъ помолчалъ нѣсколько секундъ; потомъ вдругъ пальцы его завертѣлись съ усиленною быстротой, и онъ, перемѣнивъ выраженіе послушнаго тупоумія, съ которымъ слушалъ господскія приказанія, на свойственное ему выраженіе плутоватой смѣтливости, подвинулъ къ себѣ счеты и началъ говорить:

— Позвольте вамъ доложить, Петръ Александрычъ, что какъ вамъ будетъ угодно, а въ Совѣтъ къ сроку заплатить нельзя... Вы изволите говорить, —продолжалъ онъ съ разстановкой,—что должны получиться деньги съ залоговъ, съ мельницы и съ сѣна... (Высчитывая эти статьи, онъ кинулъ ихъ на кости). Такъ я боюсь, какъ бы намъ не оши-

биться въ расчетахъ,—прибавилъ онъ, помолчавъ немного и глубокомысленно взглянувъ на папа.

— Отчего?

— А вотъ изволите видѣть: насчетъ мельницы,— такъ мельникъ уже два раза приходилъ ко мнѣ отсрочки просить и Христомъ Богомъ божился, что денегъ у него нѣтъ... да онъ и теперь здѣсь: такъ не угодно ли вамъ будетъ самимъ съ нимъ поговорить?

— Что же онъ говоритъ?—спросилъ папа, дѣлая головою знакъ, что не хочетъ говорить съ мельникомъ.

— Да извѣстно что! Говоритъ, что помолу совсѣмъ не было, что какія деньжонки были, такъ всѣ въ плотину посадилъ. Что-жъ, коли намъ его снять, *судырь*, такъ опять-таки найдемъ ли тутъ расчетъ?... Насчетъ залоговъ изволили говорить,— такъ я ужъ, кажется, вамъ докладывалъ, что наши денежки тамъ сѣли и скоро ихъ получить не придется. Я намедни посылалъ въ городъ къ Ивану Аѳанасьичу возъ муки и записку объ этомъ дѣлѣ: такъ они опять-таки отвѣчаютъ, что и радъ бы стараться для Петра Александрыча, но дѣло не въ моихъ рукахъ, а что, какъ по всему видно, такъ врядъ ли и черезъ два мѣсяца получится ваша квитанція... Насчетъ сѣна изволили говорить,—положимъ, что и продастся на 3.000...

Онъ кинулъ на счеты 3.000 и съ минуту молчалъ, посматривая то на счеты, то въ глаза папа, съ такимъ выраженіемъ:

«Вы сами видите, какъ это мало! Да и на сѣнѣ опять-таки проторгуемъ, коли его теперь продавать, вы сами изволите знать»...

Видно было, что у него еще большой запасъ доводовъ; должно-быть, поэтому папа перебилъ его.

— Я распоряженій своихъ не перемѣню,—сказалъ онъ,—но если въ полученіи этихъ денегъ дѣйствительно будетъ задержка, то, нечего дѣлать, возьмешь изъ хабаровскихъ, сколько нужно будетъ.

— Слушаю-съ.

По выраженію лица и пальцевъ Якова замѣтно было, что послѣднее приказаніе доставило ему большое удовольствіе.

Яковъ былъ крѣпостной, весьма усердный и преданный человѣкъ; онъ, какъ и всѣ хорошіе приказчики, былъ до крайности скупъ за своего господина и имѣлъ о выгодахъ господскихъ самыя странныя понятія. Онъ вѣчно заботился о приращеніи собственности своего господина на счетъ собственности госпожи, стараясь доказывать, что необходимо употреблять всѣ доходы съ ея имѣній на Петровское (село, въ которомъ мы жили). Въ настоящую минуту онъ торжествовалъ, потому что совершенно успѣлъ въ этомъ.

Поздоровавшись, папа сказалъ, что будетъ намъ въ деревнѣ баклуши бить, что мы перестали быть маленькими и что пора намъ серьезно учиться.

— Вы уже знаете, я думаю, что я нынче въ ночь ѣду въ Москву и беру васъ съ собой,—сказалъ онъ.—Вы будете жить у бабушки, а maman съ дѣвочками останется здѣсь. И вы это знайте, что одно для нея будетъ утѣшеніе — слышать, что вы учитесь хорошо и что вами довольны.

Хотя по приготовленіямъ, которыя за нѣсколько дней замѣтны были, мы уже ожидали

чего-то необыкновеннаго, однако, новость эта поразила насъ ужасно. Володя покраснѣлъ и дрожащимъ голосомъ передалъ порученіе матушки.

«Такъ вотъ что предвѣщалъ мой сонъ! — подумалъ я. — Дай Богъ только, чтобы не было чего-нибудь еще хуже».

Мнѣ очень, очень жалко .стало матушку, и вмѣстѣ съ тѣмъ мысль, что мы точно стали большіе, радовала меня.

«Ежели мы нынче ѣдемъ, то, вѣрно, классовъ не будетъ: это славно! — думалъ я. — Однако жалко Карла Ивановича. Его, вѣрно, отпустятъ, потому что иначе не приготовили бы для него конверта... Ужъ лучше бы вѣкъ учиться да не уѣзжать, не разставаться съ матушкой и не обижать бѣднаго Карла Ивановича. Онъ и такъ очень несчастливъ!»

Мысли эти мелькали въ моей головѣ; я не трогался съ мѣста и пристально смотрѣлъ на черные бантики своихъ башмаковъ.

Сказавъ съ Карломъ Ивановичемъ еще нѣсколько словъ о пониженіи барометра и приказавъ Якову не кормить собакъ, съ тѣмъ, чтобы на прощанье выѣхать послѣ обѣда послушать молодыхъ гончихъ, папа, противъ моего ожиданія, послалъ насъ учиться, утѣшивъ, однако, обѣщаніемъ взять на охоту.

По дорогѣ наверхъ я забѣжалъ на террасу. У дверей, на солнышкѣ, зажмурившись, лежала любимая борзая собака отца — Милка.

— Милочка,—говорилъ я, лаская ее и цѣлуя въ морду,—мы нынче ѣдемъ; прощай! никогда больше не увидимся.

Я расчувствовался и заплакалъ.

IV.

КЛАССЫ.

Карлъ Ивановичъ былъ очень не въ духѣ. Это было замѣтно по его сдвинутымъ бровямъ и по тому, какъ онъ швырнулъ свой сюртукъ въ комодъ и какъ сердито подпоясался, и какъ сильно черкнулъ ногтемъ по книгѣ діалоговъ, чтобъ означить то мѣсто, до котораго мы должны были вытвердить. Володя учился порядочно, я же такъ былъ разстроенъ, что рѣшительно ничего не могъ дѣлать. Долго безсмысленно смотрѣлъ я въ книгу діалоговъ, но отъ слезъ, набившихся мнѣ въ глаза при мысли о предстоящей разлукѣ, не могъ читать; когда же пришло время говорить ихъ Карлу Ивановичу, который, зажмурившись, слушалъ меня (это былъ дурной признакъ), именно, на томъ мѣстѣ, гдѣ одинъ говоритъ: Wo kommen Sie her? а другой отвѣчаетъ: ich komme vom Kaffeehause, я не могъ болѣе удерживать слезъ и отъ рыданій не могъ произнести: Haben Sie die Zeitung nicht gelesen? Когда дошло дѣло до чистописанія, я отъ слезъ, падавшихъ на бумагу, надѣлалъ такихъ кляксъ, какъ будто писалъ водой на оберточной бумагѣ.

Карлъ Ивановичъ разсердился, поставилъ меня на колѣни, твердилъ, что это упрямство, кукольная комедія (это было любимое его слово), угрожалъ линейкой и требовалъ, чтобъ я просилъ прощенья, тогда какъ я отъ слезъ не могъ слова вымолвить; наконецъ, должно-быть, чувствуя свою несправедливость, онъ ушелъ въ комнату Николая и хлопнулъ дверью.

Изъ классной слышенъ былъ разговоръ въ комнатѣ дядьки.

— Ты слышалъ, Николай, что дѣти ѣдутъ въ Москву? — сказалъ Карлъ Ивановичъ, входя въ комнату.

— Какъ же-съ, слышалъ.

Должно-быть, Николай хотѣлъ встать, потому что Карлъ Ивановичъ сказалъ: «сиди, Николай!» и вслѣдъ за этимъ затворилъ дверь. Я вышелъ изъ угла и подошелъ къ двери подслушивать.

— Сколько ни дѣлай добра людямъ, какъ ни будь привязанъ, видно, благодарности нельзя ожидать, Николай, — говорилъ Карлъ Ивановичъ съ чувствомъ.

Николай, сидя у окна за сапожною работой, утвердительно кивнулъ головой.

— Я двѣнадцать лѣтъ живу въ этомъ домѣ и могу сказать передъ Богомъ, Николай, — продолжалъ Карлъ Ивановичъ, поднимая глаза и табакерку къ потолку, — что я ихъ любилъ и занимался ими больше, чѣмъ ежели бы это были мои собственныя дѣти. Ты помнишь, Николай, когда у Володеньки была горячка, помнишь, какъ я девять дней, не смыкая глазъ, сидѣлъ у его постели. Да! тогда я былъ добрый, милый Карлъ Ивановичъ, тогда я былъ нуженъ; а теперь, — прибавилъ онъ, иронически улыбаясь, — теперь *дѣти большія стали: имъ надо серьезно учиться.* Точно они здѣсь не учатся, Николай?

— Какъ же еще учиться, кажется? — сказалъ Николай, положивъ шило и протягивая обѣими руками дратвы.

— Да, теперь я не нуженъ сталъ, меня и надо прогнать; а гдѣ обѣщанія? гдѣ благодарность?

Наталью Николаевну я уважаю и люблю, Николай, —сказалъ онъ, прикладывая руку къ груди.—Да что она?... Ея воля въ этомъ домѣ все равно, что вотъ это. — При этомъ онъ выразительнымъ жестомъ кинулъ на полъ обрѣзокъ кожи.—Я знаю, чьи это штуки и отчего я сталъ не нуженъ: оттого, что я не льщу и не потакаю во всемъ, какъ *иные люди.* Я привыкъ всегда и передъ всѣми говорить правду, — сказалъ онъ гордо. — Богъ съ ними! Оттого, что меня не будетъ, они не разбогатѣютъ, а я, Богъ милостивъ, найду себѣ кусокъ хлѣба... Не такъ ли, Николай?

Николай поднялъ голову и посмотрѣлъ на Карла Ивановича такъ, какъ будто желалъ удостовѣриться, дѣйствительно ли можетъ онъ найти кусокъ хлѣба, но ничего не сказалъ.

Много и долго говорилъ въ этомъ духѣ Карлъ Ивановичъ: говорилъ о томъ, какъ лучше умѣли цѣнить его заслуги у какого-то генерала, гдѣ онъ прежде жилъ (мнѣ очень больно было это слышать), говорилъ о Саксоніи, о своихъ родителяхъ, о другѣ своемъ портномъ Schönheit и т. д. и т. д.

Я сочувствовалъ его горю, и мнѣ больно было, что отецъ и Карлъ Ивановичъ, которыхъ я почти одинаково любилъ, не поняли другъ друга; я опять отправился въ уголъ, сѣлъ на пятки и разсуждалъ о томъ, какъ бы возстановить между ними согласіе.

Вернувшись въ классную, Карлъ Ивановичъ велѣлъ мнѣ встать и приготовить тетрадь для писанія подъ диктовку. Когда все было готово, онъ величественно опустился въ свое кресло и голосомъ, который, казалось, выходилъ изъ какой-

то глубины, началъ диктовать слѣдующее: „Von al-len Lei-den-schaf-ten die grau-sam-ste ist... haben Sie geschrieben?“ Здѣсь онъ остановился, медленно понюхалъ табаку и продолжалъ съ новой силой: „die grausamste ist die Un-dank-bar-keit... Ein grosses U.“ Въ ожиданіи продолженія, написавъ послѣднее слово, я посмотрѣлъ на него.

— Punktum, — сказалъ онъ съ едва замѣтной улыбкой и сдѣлалъ знакъ, чтобы мы подали ему тетради.

Нѣсколько разъ съ различными интонаціями и съ выраженіемъ величайшаго удовольствія прочелъ онъ это изреченіе, выражавшее его задушевную мысль; потомъ задалъ намъ урокъ изъ исторіи и сѣлъ у окна. Лицо его не было угрюмо, какъ прежде; оно выражало довольство человѣка, достойно отмстившаго за нанесенную ему обиду.

Было безъ четверти часъ; но Карлъ Ивановичъ, казалось, и не думалъ о томъ, чтобы отпустить насъ: онъ то и дѣло задавалъ новые уроки. Скука и аппетитъ увеличивались въ одинаковой мѣрѣ. Я съ сильнымъ нетерпѣніемъ слѣдилъ за всѣми признаками, доказывавшими близость обѣда. Вотъ дворовая женщина съ мочалкой идетъ мыть тарелки; вотъ слышно, какъ шумятъ посудой въ буфетѣ, раздвигаютъ столъ и ставятъ стулья; вотъ и Мими съ Любочкой и Катенькой (Катенька—двѣнадцатилѣтняя дочь Мими) идутъ изъ сада; но не видать Фоки, — дворецкаго Фоки, который всегда приходитъ и объявляетъ, что кушать готово. Тогда только можно будетъ бросить книги и, не обращая вниманія на Карла Ивановича, бѣжать внизъ.

Вотъ слышны шаги по лѣстницѣ; но это не Фока! Я изучилъ его походку и всегда узнаю скрипъ его сапогъ. Дверь отворилась, и въ ней показалась фигура, мнѣ совершенно незнакомая.

V.

ЮРОДИВЫЙ.

Въ комнату вошелъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ блѣднымъ, изрытымъ оспою, продолговатымъ лицомъ, длинными сѣдыми волосами и рѣдкою рыжеватою бородкой. Онъ былъ такого большого роста, что для того, чтобы пройти въ дверь, ему не только нужно было нагнуть голову, но и согнуться всѣмъ тѣломъ. На немъ было надѣто что-то изорванное, похожее на кафтанъ и на подрясникъ; въ рукѣ онъ держалъ огромный посохъ. Войдя въ комнату, онъ изъ всѣхъ силъ стукнулъ имъ по полу и, скрививъ брови и чрезмѣрно раскрывъ ротъ, захохоталъ самымъ страшнымъ неестественнымъ образомъ. Онъ былъ кривъ на одинъ глазъ, и бѣлый зрачокъ этого глаза прыгалъ безпрестанно и придавалъ его и безъ того некрасивому лицу еще болѣе отвратительное выраженіе.

— Ага! попались!—закричалъ онъ, маленькими шажками подбѣгая къ Володѣ, схватилъ его за голову и началъ тщательно разсматривать его макушку; потомъ съ совершенно серьезнымъ выраженіемъ отошелъ отъ него, подошелъ къ столу и началъ дуть подъ клеенку и крестить ее. — О-охъ, жалко! о-охъ, больно!... сердечные... улетятъ, — заговорилъ онъ потомъ дрожащимъ отъ слезъ голосомъ, съ чувствомъ всматриваясь въ

Володю, и сталъ утирать рукавомъ дѣйствительно падавшія слезы.

Голосъ его былъ грубъ и хриплъ, движенія торопливы и неровны, рѣчь безсмысленна и несвязна (онъ никогда не употреблялъ мѣстоименій), но ударенія такъ трогательны, и желтое уродливое лицо его принимало иногда такое откровенно-печальное выраженіе, что, слушая его, нельзя было удержаться отъ какого-то смѣшаннаго чувства сожалѣнія, страха и грусти.

Это былъ юродивый и странникъ Гриша.

Откуда былъ онъ? кто были его родители? что побудило его избрать странническую жизнь, какую онъ велъ? — никто не зналъ этого. Знаю только то, что онъ съ пятнадцатаго года сталъ извѣстенъ какъ юродивый, который зиму и лѣто ходитъ босикомъ, посѣщаетъ монастыри, даритъ образочки тѣмъ, кого полюбитъ, и говоритъ загадочныя слова, которыя нѣкоторыми принимаются за предсказанія, что никто никогда не зналъ его въ другомъ видѣ, что онъ изрѣдка хаживалъ къ бабушкѣ, и что одни говорили, будто онъ несчастный сынъ богатыхъ родителей и чистая душа, а другіе, что онъ просто мужикъ и лѣнтяй.

Наконецъ, явился давно желанный и пунктуальный Фока, и мы пошли внизъ. Гриша, всхлипывая и продолжая говорить разную нелѣпицу, шелъ за нами и стучалъ костылемъ по ступенькамъ лѣстницы. Папа и maman ходили рука объ руку по гостиной и о чемъ-то тихо разговаривали. Марья Ивановна чинно сидѣла на одномъ изъ креселъ, примыкавшихъ симметрично подъ прямымъ угломъ къ дивану, и строгимъ, но сдержаннымъ голосомъ давала наставленія сидѣвшимъ подлѣ

нея дѣвочкамъ. Какъ только Карлъ Ивановичъ вошелъ въ комнату, она взглянула на него, тотчасъ же отвернулась, и лицо ея приняло выраженіе, которое можно передать такъ: «я васъ не замѣчаю, Карлъ Ивановичъ». По глазамъ дѣвочекъ замѣтно было, что онѣ очень хотѣли поскорѣе передать намъ какое-то очень важное извѣстіе; но вскочить съ своихъ мѣстъ и подойти къ намъ было бы нарушеніемъ правилъ Мими. Мы сначала должны были подойти къ ней, сказать „bonjour, Mimi!" шаркнуть ногой, а потомъ уже позволялось вступать въ разговоры.

Что за несносная особа была эта Мими! При ней, бывало, ни о чемъ нельзя было говорить: она все находила неприличнымъ. Сверхъ того, она безпрестанно приставала: parlez donc français, а тутъ-то, какъ на зло, такъ и хочется болтать по-русски; или за обѣдомъ—только что войдешь во вкусъ какого-нибудь кушанья и желаешь, чтобы никто не мѣшалъ, ужъ она непремѣнно: mangez donc avec du pain, или comment est ce que vous tenez votre fourchette? «И какое ей до насъ дѣло! — подумаешь.—Пускай она учитъ своихъ дѣвочекъ, а у насъ есть на это Карлъ Ивановичъ». Я вполнѣ раздѣлялъ его ненависть къ *инымъ людямъ*.

— Попроси мамашу, чтобы насъ взяли на охоту, —сказала Катенька шопотомъ, останавливая меня за курточку, когда большіе прошли впередъ въ столовую.

— Хорошо, постараемся.

Гриша обѣдалъ въ столовой, но за особеннымъ столикомъ; онъ не поднималъ глазъ съ своей тарелки, изрѣдка вздыхалъ, дѣлалъ страшныя гримасы и говорилъ, какъ будто самъ съ собою:

«жалко!.. улетѣла... улетитъ голубь въ небо... охъ, на могилѣ камень!..» и т. п.

Maman съ утра была разстроена; присутствіе, слова и поступки Гриши замѣтно усиливали въ ней это расположеніе.

— Ахъ да, я было и забыла попросить тебя объ одной вещи,—сказала она, подавая отцу тарелку съ супомъ.

— Что такое?

— Вели, пожалуйста, запирать своихъ страшныхъ собакъ, а то онѣ чуть не закусали бѣднаго Гришу, когда онъ проходилъ по двору. Онѣ этакъ и на дѣтей могутъ броситься.

Услыхавъ, что рѣчь идетъ о немъ, Гриша повернулся къ столу, сталъ показывать изорванныя полы своей одежды и, пережевывая, приговаривать:

— Хотѣлъ, чтобы загрызли... Богъ не попустилъ. Грѣхъ собаками травить! Большой грѣхъ! Не бей, *большакъ*...[1]) Что бить? Богъ проститъ... дни не такіе.

— Что это онъ говоритъ?—спросилъ папа, пристально и строго разсматривая его.—Я ничего не понимаю.

— А я понимаю, — отвѣчала maman: — онъ мнѣ разсказывалъ, что какой-то охотникъ нарочно на него пускалъ собакъ, такъ онъ и говоритъ: «хотѣлъ, чтобы загрызли, но Богъ не попустилъ», и проситъ тебя, чтобы ты за это не наказывалъ его.

— А! вотъ что!—сказалъ папа.—Почемъ же онъ знаетъ, что я хочу наказывать этого охотника? Ты знаешь, я вообще небольшой охотникъ до

---

[1]) Такъ онъ безразлично называлъ всѣхъ мужчинъ.

этихъ господъ,—продолжалъ онъ по-французски,—
но этотъ особенно мнѣ не нравится и долженъ
быть....

— Ахъ, не говори этого, мой другъ, — прервала
его maman, какъ будто испугавшись чего-нибудь. —
Почемъ ты знаешь?

— Кажется, я имѣлъ случай изучить эту породу
людей—ихъ столько къ тебѣ ходитъ—всѣ на одинъ
покрой. Вѣчно одна и та же исторія...

Видно было, что матушка на этотъ счетъ была
совершенно другого мнѣнія и не хотѣла спорить.

— Передай мнѣ, пожалуйста, пирожокъ,—сказала она. Что, хороши ли они нынче?

— Нѣтъ, меня сердитъ,—продолжалъ папа, взявъ
въ руку пирожокъ, но держа его на такомъ разстояніи, чтобы maman не могла достать его, — нѣтъ,
меня сердитъ, когда я вижу, что люди умные и
образованные вдаются въ обманъ.

И онъ ударилъ вилкой по столу.

— Я тебя просила передать мнѣ пирожокъ, —
повторила она, протягивая руку.

— И прекрасно дѣлаютъ, — продолжалъ папа,
отодвигая руку,—что такихъ людей сажаютъ въ
полицію. Они приносятъ только ту пользу, что
разстраиваютъ и безъ того слабые нервы нѣкоторыхъ особъ, — прибавилъ онъ съ улыбкой, замѣтивъ, что этотъ разговоръ очень не нравился
матушкѣ, и подалъ ей пирожокъ.

— Я на это тебѣ только одно скажу: трудно
повѣрить, чтобы человѣкъ, который, несмотря на
свои шестьдесятъ лѣтъ, зиму и лѣто ходитъ босой
и не снимая носитъ подъ платьемъ вериги въ
два пуда вѣсомъ и который не разъ отказывался
отъ предложеній жить спокойно и на всемъ гото-

вомъ,—трудно повѣрить, чтобы такой человѣкъ все это дѣлалъ только изъ лѣни. Насчетъ предсказаній, — прибавила она со вздохомъ и помолчавъ немного:—je suis payée pour y croire; я тебѣ разсказывала, кажется, какъ Кирюша день въ день, часъ въ часъ предсказалъ покойнику папенькѣ его кончину.

— Ахъ, что ты со мной сдѣлала!—сказалъ папа, улыбаясь и приставивъ руку ко рту съ той стороны, съ которой сидѣла Мими. (Когда онъ это дѣлалъ, я всегда слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, ожидая чего-нибудь смѣшного). — Зачѣмъ ты мнѣ напомнила о его ногахъ? Я посмотрѣлъ и теперь ничего ѣсть не буду.

Обѣдъ клонился къ концу. Любочка и Катенька безпрестанно подмигивали намъ, вертѣлись на своихъ стульяхъ и вообще изъявляли сильное безпокойство. Подмигиваніе это значило: «что же вы не просите, чтобы насъ взяли на охоту?» Я толкнулъ локтемъ Володю, Володя толкнулъ меня и, наконецъ, рѣшился: сначала робкимъ голосомъ, потомъ довольно твердо и громко онъ объяснилъ, что такъ какъ мы нынче должны ѣхать, то желали бы, чтобы дѣвочки вмѣстѣ съ нами поѣхали на охоту, въ линейкѣ. Послѣ небольшого совѣщанія между большими вопросъ этотъ рѣшенъ былъ въ нашу пользу, и — что было еще пріятнѣе—maman сказала, что она сама поѣдетъ съ нами.

VI.

ПРИГОТОВЛЕНІЕ КЪ ОХОТѢ.

Во время пирожнаго былъ позванъ Яковъ и отданы приказанія насчетъ линейки, собакъ и вер-

ховыхъ лошадей — все съ величайшею подробностью, называя каждую лошадь по имени. Володина лошадь хромала: папа велѣлъ осѣдлать для него охотничью. Эти слова: «охотничья лошадь» какъ-то странно звучали въ ушахъ maman: ей казалось, что охотничья лошадь должна быть что-то въ родѣ бѣшеннаго звѣря и, что она непремѣнно понесетъ и убьетъ Володю. Несмотря на увѣщанія папа и Володи, который съ удивительнымъ молодечествомъ говорилъ, что это ничего и что онъ очень любитъ, когда лошадь несетъ, бѣдняжка maman продолжала твердить, что она все гулянье будетъ мучиться.

Обѣдъ кончился; большіе пошли въ кабинетъ пить кофе, а мы побѣжали въ садъ шаркать ногами по дорожкамъ, покрытымъ упавшими желтыми листьями, и разговаривать. Начались разговоры о томъ, что Володя поѣдетъ на охотничьей лошади, о томъ, какъ стыдно, что Любочка тише бѣгаетъ, чѣмъ Катенька, о томъ, что интересно было бы посмотрѣть вериги Гриши, и т. д.; о томъ же, что мы разстаемся, ни слова не было сказано. Разговоръ нашъ былъ прерванъ стукомъ подъѣзжавшей линейки, на которой у каждой рессоры сидѣло по дворовому мальчику. За линейкой ѣхали охотники съ собаками, за охотниками — кучеръ Игнатъ на назначенной Володѣ лошади и велъ въ поводу моего стариннаго клепера. Сначала мы всѣ бросились къ забору, отъ котораго видны были всѣ эти интересныя вещи, а потомъ съ визгомъ и топотомъ побѣжали наверхъ одѣваться и одѣваться такъ, чтобы какъ можно болѣе походить на охотниковъ. Одно изъ главныхъ къ тому средствъ было всучиваніе панта-

лонъ въ сапоги. Нимало не медля, мы принялись за это дѣло, торопясь скорѣе кончить его и бѣжать на крыльцо наслаждаться видомъ собакъ, лошадей и разговоромъ съ охотниками.

День былъ жаркій. Бѣлыя, причудливыхъ формъ тучки съ утра показались на горизонтѣ; потомъ все ближе и ближе сталъ сгонять ихъ маленькій вѣтерокъ, такъ что изрѣдка онѣ закрывали солнце. Сколько ни ходили и ни чернѣли тучи, видно, не суждено имъ было собраться въ грозу и въ послѣдній разъ помѣшать нашему удовольствію. Къ вечеру онѣ опять стали расходиться: однѣ поблѣднѣли, подлиннѣли и бѣжали на горизонтъ; другія, надъ самою головой, превратились въ бѣлую, прозрачную чешую; одна только черная большая туча остановилась на востокѣ. Карлъ Ивановичъ зналъ, куда какая туча пойдетъ; онъ объявилъ, что эта туча пойдетъ къ Масловкѣ, что дождя не будетъ и погода будетъ превосходная.

Фока, несмотря на свои преклонныя лѣта, сбѣжалъ съ лѣстницы очень ловко и скоро, крикнулъ «подавай!» и, раздвинувъ ноги, твердо сталъ посрединѣ подъѣзда, между тѣмъ мѣстомъ, куда долженъ былъ подкатить линейку кучеръ, и порогомъ, въ позиціи человѣка, которому не нужно напоминать о его обязанности. Барыни сошли и послѣ небольшого пренія о томъ, кому на какой сторонѣ сидѣть и за кого держаться (хотя, мнѣ кажется, совсѣмъ не нужно было держаться), усѣлись, раскрыли зонтики и поѣхали. Когда линейка тронулась, maman, указывая на «охотничью лошадь», спросила дрожащимъ голосомъ у кучера:

— Это для Владимира Петровича лошадь?

И когда кучеръ отвѣчалъ утвердительно, она махнула рукой и отвернулась. Я былъ въ сильномъ нетерпѣніи: взлѣзъ на свою лошадку, смотрѣлъ ей между ушей и дѣлалъ по двору разныя эволюціи.

— Собакъ не извольте раздавить,—сказалъ мнѣ какой-то охотникъ.

— Будь покоенъ: мнѣ не въ первый разъ,—отвѣчалъ я гордо.

Володя сѣлъ на «охотничью лошадь», несмотря на твердость своего характера, не безъ нѣкотораго содроганія, и, оглаживая ее, нѣсколько разъ спросилъ:

— Смирна ли она?

На лошади же онъ былъ очень хорошъ,—точно большой. Обтянутыя ляжки его лежали на сѣдлѣ такъ хорошо, что мнѣ было завидно, особенно потому, что, сколько я могъ судить по тѣни, я далеко не имѣлъ такого прекраснаго вида.

Вотъ послышались шаги папа на лѣстницѣ; выжлятникъ подогналъ отрыскавшихъ гончихъ; охотники съ борзыми подозвали своихъ и стали садиться. Стремянный подвелъ лошадь къ крыльцу; собаки своры папа, которыя прежде лежали въ разныхъ живописныхъ позахъ около нея, бросились къ нему. Вслѣдъ за нимъ, въ бисерномъ ошейникѣ, побрякивая желѣзкой, весело выбѣжала Милка. Она, выходя, всегда здоровалась съ псарными собаками: съ однѣми поиграетъ, съ другими понюхается и порычитъ, а у нѣкоторыхъ поищетъ блохъ.

Папа сѣлъ на лошадь и мы поѣхали.

VII.

ОХОТА.

Доѣзжачій, прозывавшійся Турка, на голубой горбоносой лошади, въ мохнатой шапкѣ, съ огромнымъ рогомъ за плечами и ножомъ на поясѣ, ѣхалъ впереди всѣхъ. По мрачной и свирѣпой наружности этого человѣка скорѣе можно было подумать, что онъ ѣдетъ на смертный бой, чѣмъ на охоту. Около заднихъ ногъ его лошади пестрымъ волнующимся клубкомъ бѣжали сомкнутыя гончія. Жалко было видѣть, какая участь постигала ту несчастную, которой вздумалось отстать. Ей надо было съ большими усиліями перетянуть свою подругу, и когда она достигала этого, одинъ изъ выжлятниковъ, ѣхавшихъ сзади, непремѣнно хлопалъ по ней арапникомъ, приговаривая: «въ кучу!» Выѣхавъ за ворота, папа велѣлъ охотникамъ и намъ ѣхать по дорогѣ, а самъ повернулъ въ ржаное поле.

Хлѣбная уборка была во всемъ разгарѣ. Необозримое блестяще-желтое поле замыкалось только съ одной стороны высокимъ синѣющимъ лѣсомъ, который тогда казался мнѣ самымъ отдаленнымъ, таинственнымъ мѣстомъ, за которымъ или кончается свѣтъ, или начинаются необитаемыя страны. Все поле было покрыто копнами и народомъ. Въ высокой густой ржи виднѣлись кое-гдѣ, на выжатой полосѣ, согнутая спина женщины, взмахъ колосьевъ, когда она перекладывала ихъ между пальцевъ, женщина въ тѣни, нагнувшаяся надъ люлькой, и разбросанные снопы по усѣянному васильками жнивью. Въ другой сторонѣ мужики въ однѣхъ рубахахъ, стоя на телѣгахъ, накладывали копны

и пылили по сухому, раскаленному полю. Староста, въ сапогахъ и въ армякѣ въ накидку, съ бирками въ рукѣ, издалека замѣтивъ папа, снялъ свою поярковую шляпу, утиралъ рыжую голову и бороду полотенцемъ и покрикивалъ на бабъ. Рыженькая лошадка, на которой ѣхалъ папа, шла легкою, игривою ходой, изрѣдка опуская голову къ груди, вытягивая поводья и смахивая густымъ хвостомъ оводовъ и мухъ, которые жадно лѣпились на нее. Двѣ борзыя собаки, напряженно загнувъ хвостъ серпомъ и высоко поднимая ноги, граціозно перепрыгивали по высокому жнивью, за ногами лошади; Милка бѣжала впереди и, загнувъ голову, ожидала прикормки. Говоръ народа, топотъ лошадей и телѣгъ, веселый свистъ перепеловъ, жужжанье насѣкомыхъ, которыя неподвижными стаями вились въ воздухѣ, запахъ полыни, соломы и лошадинаго пота, тысячи различныхъ цвѣтовъ и тѣней, которые разливало палящее солнце по свѣтло-желтому жнивью, синей дали лѣса и бѣло-лиловымъ облакамъ, бѣлыя паутины, которыя носились въ воздухѣ или ложились по жнивью,—все это я видѣлъ, слышалъ и чувствовалъ.

Подъѣхавъ къ Калиновому лѣсу, мы нашли линейку уже тамъ и, сверхъ всякаго ожиданія, еще телѣгу въ одну лошадь, на серединѣ которой сидѣлъ буфетчикъ. Изъ-подъ сѣна виднѣлись: самоваръ, кадка съ мороженой формой и еще кое-какіе привлекательные узелки и коробочки. Нельзя было ошибиться: это былъ чай на чистомъ воздухѣ, мороженое и фрукты. При видѣ телѣги мы изъявили шумную радость, потому что пить чай въ лѣсу на травѣ и вообще на такомъ мѣстѣ, на

которомъ никто никогда не пивалъ чаю, считалось большимъ наслажденіемъ.

Турка подъѣхалъ къ острову, остановился, внимательно выслушалъ отъ папа подробное наставленіе, какъ равняться и куда выходить (впрочемъ, онъ никогда не соображался съ этимъ наставленіемъ, а дѣлалъ по-своему), разомкнулъ собакъ, не спѣша второчилъ смычки, сѣлъ на лошадь и, посвистывая, скрылся за молодыми березками. Разомкнутыя гончія прежде всего махаіемъ хвостовъ выразили свое удовольствіе, встряхнулись, оправились и потомъ уже маленькой рысцой, принюхиваясь и махая хвостами, побѣжали въ разныя стороны.

— Есть у тебя платокъ? — спросилъ папа.

Я вынулъ изъ кармана и показалъ ему.

— Ну, такъ возьми на платокъ эту сѣрую собаку.

— Жирана? — сказалъ я съ видомъ знатока.

— Да, и бѣги по дорогѣ. Когда придетъ полянка, остановись. И смотри: ко мнѣ безъ зайца не приходить!

Я обмоталъ платкомъ мохнатую шею Жирана и опрометью бросился бѣжать къ назначенному мѣсту. Папа смѣялся и кричалъ мнѣ вслѣдъ:

— Скорѣй, скорѣй, а то опоздаешь!

Жиранъ безпрестанно останавливался, поднимая уши, и прислушивался къ порсканью охотниковъ. У меня недоставало силъ стащить его съ мѣста, и я начиналъ кричать: «ату! ату!» Тогда Жиранъ рвался такъ сильно, что я насилу могъ удерживать его, и не разъ упалъ, покуда добрался до мѣста. Избравъ у корня высокаго дуба тѣнистое и ровное мѣсто, я легъ на траву, усадилъ подлѣ себя Жи-

рана и началъ ожидать. Воображеніе мое, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, ушло далеко впередъ дѣйствительности: я воображалъ себѣ, что травлю уже третьяго зайца, въ то время, какъ отозвалась въ лѣсу первая гончая. Голосъ Турки громче и одушевленнѣе раздавался по лѣсу; гончая взвизгивала, и голосъ ея слышался чаще и чаще; къ нему присоединился другой, басистый голосъ, потомъ третій, четвертый... Голоса эти то замолкали, то перебивали другъ друга. Звуки постепенно становились сильнѣе и непрерывнѣе и, наконецъ, слились въ одинъ звонкій, заливистый гулъ. Островъ былъ голосистый, и гончія варили варомъ.

Услыхавъ это, я за́меръ на своемъ мѣстѣ. Впеpивъ глаза въ опушку, я безсмысленно улыбался, потъ катился съ меня градомъ, и хотя капли его, сбѣгая по подбородку, щекотали меня, я не вытиралъ ихъ. Мнѣ казалось, что не можетъ быть рѣшительнѣе этой минуты. Положеніе этой напряженности было слишкомъ неестественно, чтобы продолжаться долго. Гончія то заливались около самой опушки, то постепенно отдалялись отъ меня; зайца не было. Я сталъ смотрѣть по сторонамъ. Съ Жираномъ было то же самое: сначала онъ рвался и взвизгивалъ, потомъ легъ подлѣ меня, положилъ морду мнѣ на колѣни и успокоился.

Около оголившихся корней того дуба, подъ которымъ я сидѣлъ, по сѣрой сухой землѣ, между сухими дубовыми листьями, желудями, пересохшими, обомшалыми хворостинками, желто-зеленымъ мхомъ и изрѣдка пробивавшимися зелеными травками кишмя кишѣли муравьи. Они

одинъ за другимъ торопились по пробитымъ ими торнымъ дорожкамъ: нѣкоторые съ тяжестями, другіе порожнякомъ. Я взялъ въ руки хворостинку и загородилъ ею дорогу. Надо было видѣть, какъ одни, презирая опасность, подлѣзали подъ нее, другіе перелѣзали черезъ, а нѣкоторые, особенно тѣ, которые были съ тяжестями, совершенно терялись и не знали, что дѣлать: останавливались, искали обхода или ворочались назадъ, или по хворостинкѣ добирались до моей руки и, кажется, намѣревались забраться подъ рукавъ моей курточки. Отъ этихъ интересныхъ наблюденій я былъ отвлеченъ бабочкой съ желтыми крылышками, которая чрезвычайно заманчиво вилась передо мною. Какъ только я обратилъ на нее вниманіе, она отлетѣла отъ меня шага на два, повилась надъ почти увядшимъ бѣлымъ цвѣткомъ дикаго клевера и сѣла на него. Не знаю, солнышко ли ее пригрѣло, или она брала сокъ изъ этой травки — только видно было, что ей очень хорошо. Она изрѣдка взмахивала крылышками и прижималась къ цвѣтку, наконецъ, совсѣмъ замерла. Я положилъ голову на обѣ руки и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нее.

Вдругъ Жиранъ завылъ и рванулся съ такою силою, что я чуть было не упалъ. Я оглянулся. На опушкѣ лѣса, приложивъ одно ухо и приподнявъ другое, перепрыгивалъ заяцъ. Кровь ударила мнѣ въ голову, и я, все забывъ въ эту минуту, закричалъ что-то неистовымъ голосомъ, пустилъ собаку и бросился бѣжать. Но не успѣлъ я этого сдѣлать, какъ уже началъ раскаиваться: заяцъ присѣлъ, сдѣлалъ прыжокъ, и больше я его не видалъ.

Но каковъ былъ мой стыдъ, когда вслѣдъ за гончими, которыя въ голосъ вывели на опушку,

изъ-за кустовъ показался Турка! Онъ видѣлъ мою ошибку (которая состояла въ томъ, что я не *выдержалъ*) и, презрительно взглянувъ на меня, сказалъ только: «эхъ, баринъ!» Но надо знать, какъ это было сказано! Мнѣ было бы легче, ежели бы онъ меня, какъ зайца, повѣсилъ на сѣдло.

Долго стоялъ я въ сильномъ отчаяніи на томъ же мѣстѣ, не звалъ собаки и только твердилъ, ударяя себя по ляжкамъ:

— Боже мой, что я надѣлалъ!

Я слышалъ, какъ гончія погнали дальше, какъ застукали на другой сторонѣ острова, отбили зайца, и какъ Турка въ свой огромный ротъ вызывалъ собакъ, но все не трогался съ мѣста.

VIII.

ИГРЫ.

Охота кончилась. Въ тѣни молодыхъ березокъ былъ разостланъ коверъ, и на коврѣ кружкомъ сидѣло все общество. Буфетчикъ Гаврила, примявъ около себя зеленую сочную траву, перетиралъ тарелки и доставалъ изъ коробочки завернутые въ листья сливы и персики. Сквозь зеленыя вѣтви молодыхъ березъ просвѣчивало солнце и бросало на узоры ковра, на мои ноги и даже на плѣшивую вспотѣвшую голову Гаврилы круглые, колеблющіеся просвѣты. Легкій вѣтерокъ, пробѣгая по листвѣ деревьевъ, по моимъ волосамъ и вспотѣвшему лицу, чрезвычайно освѣжалъ меня.

Когда насъ одѣлили мороженымъ и фруктами, дѣлать на коврѣ было нечего, и мы, несмотря на косые, палящіе лучи солнца, встали и отправились играть.

— Ну, во что?—сказала Любочка, щурясь отъ солнца и припрыгивая по травѣ. — Давайте въ Робинзона.

— Нѣтъ... скучно,—сказалъ Володя, лѣниво повалившись на траву и пережевывая листья:—вѣчно Робинзонъ! Ежели непремѣнно хотите, такъ давайте лучше бесѣдочку строить.

Володя замѣтно важничалъ: должно-быть, онъ гордился тѣмъ, что пріѣхалъ на охотничьей лошади, и притворялся, что очень усталъ. Можетъ-быть, и то, что у него уже было слишкомъ много здраваго смысла и слишкомъ мало силы воображенія, чтобы вполнѣ наслаждаться игрой въ Робинзона. Игра эта состояла въ представленіи сценъ изъ „Robinson suisse", котораго мы читали незадолго передъ этимъ.

— Ну, пожалуйста... отчего ты не хочешь сдѣлать намъ этого удовольствія?—приставали къ нему дѣвочки. — Ты будешь Charles, или Ernest, или отецъ,—какъ хочешь,—говорила Катенька, стараясь за рукавъ курточки приподнять его съ земли.

— Право, не хочется, — скучно, — сказалъ Володя, потягиваясь и вмѣстѣ съ тѣмъ самодовольно улыбаясь.

— Такъ лучше бы дома сидѣть, коли никто не хочетъ играть,—сквозь слезы выговорила Любочка.

Она была страшная плакса.

— Ну, пойдемте; только не плачь, пожалуйста: терпѣть не могу!

Снисхожденіе Володи доставило намъ очень мало удовольствія; напротивъ, его лѣнивый и скучный видъ разрушалъ все очарованіе игры. Когда мы сѣли на землю и, воображая, что плывемъ на рыбную ловлю, изо всѣхъ силъ на-

чали грести, Володя сидѣлъ сложа руки и въ позѣ, не имѣющей ничего схожаго съ позой рыболова. Я замѣтилъ ему это; но онъ отвѣчалъ, что отъ того, что мы будемъ больше или меньше махать руками, мы ничего не выиграемъ и не проиграемъ и все же далеко не уѣдемъ. Я невольно согласился съ нимъ. Когда, воображая, что я иду на охоту, съ палкой на плечѣ, я отправился въ лѣсъ, Володя легъ на спину, закинувъ руки подъ голову, и сказалъ мнѣ, что будто бы и онъ ходилъ. Такіе поступки и слова, охлаждая насъ къ игрѣ, были крайне непріятны, тѣмъ болѣе, что нельзя было въ душѣ не согласиться, что Володя поступаетъ благоразумно.

Я самъ знаю, что изъ палки не только что убить птицу, да и выстрѣлить никакъ нельзя. Это игра. Коли такъ разсуждать, то и на стульяхъ ѣздить нельзя; а Володя, я думаю, самъ помнитъ, какъ въ долгіе зимніе вечера мы накрывали кресло платками, дѣлали изъ него коляску, одинъ садился кучеромъ, другой лакеемъ, дѣвочки въ середину, три стула были тройка лошадей,—и мы отправлялись въ дорогу. И какія разныя приключенія случались въ этой дорогѣ, и какъ весело и скоро проходили зимніе вечера!.. Ежели судить по-настоящему, то игры никакой не будетъ. А игры не будетъ, что жъ тогда остается?..

IX.

ЧТО-ТО ВЪ РОДѢ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ.

Представляя, что она рветъ съ дерева какіе-то американскіе фрукты, Любочка сорвала на одномъ листкѣ огромной величины червяка, съ

ужасомъ бросила его на землю, подняла руки кверху и отскочила, какъ будто боясь, чтобы изъ него не брызнуло чего-нибудь. Игра прекратилась; мы всѣ, головами вмѣстѣ, припали къ землѣ смотрѣть эту рѣдкость.

Я смотрѣлъ черезъ плечо Катеньки, которая старалась поднять червяка на листочкѣ, подставляя ему его на дорогѣ.

Я замѣтилъ, что многія дѣвочки имѣютъ привычку подергивать плечами, стараясь этимъ движеніемъ привести спустившееся платье съ открытою шеей на настоящее мѣсто. Еще помню, что Мими всегда сердилась за это движеніе и говорила: „c'est un geste de femme de chambre". Нагнувшись надъ червякомъ, Катенька сдѣлала это самое движеніе, и въ то же время вѣтеръ поднялъ косыночку съ ея бѣленькой шейки. Плечико во время этого движенія было на два пальца отъ моихъ губъ. Я смотрѣлъ уже не на червяка, смотрѣлъ-смотрѣлъ и изъ всѣхъ силъ поцѣловалъ плечо Катеньки. Она не обернулась, но я замѣтилъ, что шейка ея и уши покраснѣли. Володя, не поднимая головы, презрительно сказалъ:

— Что за нѣжности?

У меня же были слезы на глазахъ.

Я не спускалъ глазъ съ Катеньки. Я давно уже привыкъ къ ея свѣженькому, бѣлокуренькому личику и всегда любилъ его; но теперь я внимательнѣе сталъ всматриваться въ него и полюбилъ еще больше. Когда мы подошли къ большимъ, папа, къ великой нашей радости, объявилъ, что по просьбѣ матушки поѣздка отложена до завтрашняго утра.

Мы поѣхали назадъ вмѣстѣ съ линейкой. Володя и я, желая превзойти одинъ другого искусствомъ ѣздить верхомъ и молодечествомъ, гарцовали около нея. Тѣнь моя была длиннѣе, чѣмъ прежде, и, судя по ней, я предполагалъ, что имѣю видъ довольно красиваго всадника; но чувство самодовольства, которое я испытывалъ, было скоро разрушено слѣдующимъ обстоятельствомъ. Желая окончательно прельстить всѣхъ сидѣвшихъ на линейкѣ, я отсталъ немного, потомъ, съ помощью хлыста и ногъ, разогналъ свою лошадку, принялъ непринужденно-граціозное положеніе и хотѣлъ вихремъ пронестись мимо нихъ съ той стороны, съ которой сидѣла Катенька. Я не зналъ только, что лучше: молча ли проскакать, или крикнуть. Но несносная лошадка, поровнявшись съ упряжными, несмотря на всѣ мои усилія, остановилась такъ неожиданно, что я перескочилъ съ сѣдла на шею и чуть-чуть не полетѣлъ.

X.

ЧТО ЗА ЧЕЛОВѢКЪ БЫЛЪ МОЙ ОТЕЦЪ.

Онъ былъ человѣкъ прошлаго вѣка и имѣлъ общій молодежи того вѣка неуловимый характеръ рыцарства, предпріимчивости, самоувѣренности, любезности и разгула. На людей нынѣшняго вѣка онъ смотрѣлъ презрительно, и взглядъ этотъ происходилъ столько же отъ врожденной гордости, сколько отъ тайной досады за то, что въ нашъ вѣкъ онъ не могъ имѣть ни того вліянія, ни тѣхъ успѣховъ, которые имѣлъ въ свой. Двѣ главныя страсти его въ жизни были карты и женщины; онъ выигралъ въ продолженіе своей

жизни нѣсколько милліоновъ и имѣлъ связи съ безчисленнымъ числомъ женщинъ всѣхъ сословій.

Большой, статный ростъ, странная, маленькими шажками походка, привычка подергивать плечомъ, маленькіе, всегда улыбающіеся глазки, большой орлиный носъ, неправильныя губы, которыя какъ-то неловко, но пріятно складывались, недостатокъ въ произношеніи—пришепетываніе—и большая, во всю голову, лысина: вотъ наружность моего отца, съ тѣхъ поръ, какъ я его запомню,—наружность, съ которою онъ умѣлъ не только прослыть и быть человѣкомъ à bonnes fortunes, но нравиться всѣмъ безъ исключенія—людямъ всѣхъ сословій и состояній, въ особенности же тѣмъ, которымъ онъ хотѣлъ нравиться.

Онъ умѣлъ взять верхъ въ отношеніяхъ со всякимъ. Не бывъ никогда человѣкомъ *очень большого свѣта*, онъ всегда водился съ людьми этого круга, и такъ, что былъ уважаемъ. Онъ зналъ ту крайнюю мѣру гордости и самонадѣянности, которая, не оскорбляя другихъ, возвышала его въ мнѣніи свѣта. Онъ былъ оригиналенъ, но не всегда, а употреблялъ оригинальность какъ средство, замѣняющее въ иныхъ случаяхъ свѣтскость или богатство. Ничто на свѣтѣ не могло возбудить въ немъ чувства удивленія: въ какомъ бы онъ ни былъ блестящемъ положеніи, казалось, онъ для него былъ рожденъ. Онъ такъ хорошо умѣлъ скрывать отъ другихъ и удалять отъ себя извѣстную всѣмъ, темную, наполненную мелкими досадами и огорченіями, сторону жизни, что нельзя было не завидовать ему. Онъ былъ знатокъ всѣхъ вещей, доставляющихъ удобства и наслажденія, и умѣлъ пользоваться ими. Конекъ его былъ бле-

стящія связи, которыя онъ имѣлъ частью по родству моей матери, частью по своимъ товарищамъ молодости, на которыхъ онъ въ душѣ сердился за то, что они далеко ушли въ чинахъ, а онъ навсегда остался отставнымъ поручикомъ гвардіи. Онъ, какъ и всѣ бывшіе военные, не умѣлъ одѣваться по-модному; но зато онъ одѣвался оригинально и изящно: всегда очень широкое и легкое платье, прекрасное бѣлье, большіе отвороченные манжеты и воротнички... Впрочемъ, все шло къ его большому росту, сильному сложенію, лысой головѣ и спокойнымъ, самоувѣреннымъ движеніямъ. Онъ былъ чувствителенъ и даже слезливъ. Часто, читая вслухъ, когда онъ доходилъ до патетическаго мѣста, голосъ его начиналъ дрожать, слезы показывались, и онъ съ досадой оставлялъ книгу. Онъ любилъ музыку, пѣвалъ, аккомпанируя себѣ на фортепьяно, романсы пріятеля своего А..., цыганскія пѣсни и нѣкоторые мотивы изъ оперъ; но ученой музыки не любилъ и, не обращая вниманія на общее мнѣніе, откровенно говорилъ, что сонаты Бетховена нагоняютъ на него сонъ и скуку, и что онъ не знаетъ ничего лучше, какъ «Не будите меня молоду», какъ ее пѣвала Семенова, и «Не одна», какъ пѣвала цыганка Танюша. Его натура была одна изъ тѣхъ, которымъ для хорошаго дѣла необходима публика. И то только онъ считалъ хорошимъ, что называла хорошимъ публика. Богъ знаетъ, были ли у него какія-нибудь нравственныя убѣжденія? Жизнь его была такъ полна увлеченіями всякаго рода, что ему некогда было составлять себѣ ихъ, да онъ и былъ такъ счастливъ въ жизни, что не видѣлъ въ томъ необходимости.

Въ старости у него образовался постоянный взглядъ на вещи и неизмѣнныя правила, но единственно на основанiи практическомъ; тѣ поступки и образъ жизни, которые доставляли ему счастiе или удовольствiе, онъ считалъ хорошими и находилъ, что такъ всегда и всѣмъ поступать должно. Онъ говорилъ очень увлекательно, и эта способность, мнѣ кажется, усиливала гибкость его правилъ: онъ въ состоянiи былъ тотъ же поступокъ разсказать какъ самую милую шалость и какъ низкую подлость.

XI.

ЗАНЯТIЯ ВЪ КАБИНЕТѢ И ГОСТИНОЙ.

Уже смеркалось, когда мы прiѣхали домой. Maman сѣла за рояль, а мы, дѣти, принесли бумаги, карандаши, краски и расположились рисовать около круглаго стола. У меня была только синяя краска; но, несмотря на это, я затѣялъ нарисовать охоту. Очень живо изобразивъ синяго мальчика верхомъ на синей лошади и синихъ собакъ, я не зналъ навѣрное, можно ли нарисовать синяго зайца, и побѣжалъ къ папа въ кабинетъ посовѣтоваться объ этомъ. Папа читалъ что-то и на вопросъ мой: «бываютъ ли синiе зайцы?» не поднимая головы, отвѣтилъ: «бываютъ, мой другъ, бываютъ». Возвратившись къ круглому столу, я изобразилъ синяго зайца, потомъ нашелъ нужнымъ передѣлать изъ синяго зайца кустъ. Кустъ тоже мнѣ не понравился; я сдѣлалъ изъ него дерево, изъ дерева—скирдъ, изъ скирда—облако и, наконецъ, такъ испачкалъ всю бумагу синею краской, что съ досады разорвалъ ее и пошелъ дремать въ вольтеровское кресло.

Maman играла второй концертъ Фильда — своего учителя. Я дремалъ, и въ моемъ воображеніи возникали какія-то легкія, свѣтлыя и прозрачныя воспоминанія. Она заиграла патетическую сонату Бетховена, и я вспомнилъ что-то грустное, тяжелое и мрачное. Maman часто играла эти двѣ пьесы; поэтому я очень хорошо помню чувство, которое онѣ во мнѣ возбуждали. Чувство это было похожее на воспоминанія; но воспоминанія чего? казалось, что вспоминаешь то, чего никогда не было.

Противъ меня была дверь въ кабинетъ, и я видѣлъ, какъ туда вошли Яковъ и еще какіе-то люди въ кафтанахъ и съ бородами. Дверь тотчасъ затворилась за ними. «Ну, начались занятія!» подумалъ я. Мнѣ казалось, что важнѣе тѣхъ дѣлъ, которыя дѣлались въ кабинетѣ, ничего въ мірѣ быть не могло; въ этой мысли подтверждало меня еще то, что къ дверямъ кабинета всѣ подходили обыкновенно перешептываясь и на цыпочкахъ; оттуда же былъ слышенъ громкій голосъ папа и запахъ сигары, который всегда, не знаю почему, меня очень привлекалъ. Впросонкахъ меня вдругъ поразилъ очень знакомый скрипъ сапогъ въ офиціантской. Карлъ Ивановичъ на цыпочкахъ, но съ лицомъ мрачнымъ и рѣшительнымъ, съ какими-то записками въ рукѣ, подошелъ къ двери и слегка постучался. Его впустили, и дверь опять захлопнулась.

«Какъ бы не случилось какого-нибудь несчастія, —подумалъ я:—Карлъ Ивановичъ разсерженъ: онъ на все готовъ...»

Я опять задремалъ.

Однако несчастія никакого не случилось; черезъ часъ времени меня разбудилъ тотъ же скрипъ сапогъ. Карлъ Ивановичъ, утирая платкомъ слезы, которыя я замѣтилъ на его щекахъ, вышелъ изъ двери и, бормоча что-то себѣ подъ носъ, пошелъ наверхъ. Вслѣдъ за нимъ вышелъ папа и вошелъ въ гостиную.

— Знаешь, что я сейчасъ рѣшилъ?—сказалъ онъ веселымъ голосомъ, положивъ руку на плечо maman.

— Что, мой другъ?

— Я беру Карла Ивановича съ дѣтьми. Мѣсто въ бричкѣ есть. Они къ нему привыкли, и онъ къ нимъ, кажется, точно, привязанъ; а 700 рублей въ годъ никакого счета не дѣлаютъ, et puis au fond c'est un bon diable.

Я никакъ не могъ постигнуть, зачѣмъ папа бранитъ Карла Ивановича.

— Я очень рада,—сказала maman,—за дѣтей и за него: онъ славный старикъ.

— Если бы ты видѣла, какъ онъ былъ тронутъ, когда я ему сказалъ, чтобъ онъ оставилъ эти 500 рублей въ видѣ подарка... Но что забавнѣе всего—это счетъ, который онъ принесъ мнѣ. Это стоитъ посмотрѣть,—прибавилъ онъ съ улыбкой, подавая ей записку, написанную рукой Карла Ивановича.—Прелесть!

Вотъ содержаніе этой записки:

«Для дѣтей два удочка — 70 копекъ.

«Цвѣтной бумага, золотой коемочка, клестиръ и болванъ для коробочка, въ подаркахъ—6 р. 55 копекъ.

«Книга и лукъ, подарка дѣтьямъ — 8 р. 16 к.

«Панталонъ Миколаю — 4 рубли.

«Обѣщаны Петромъ Александровичь изъ Москву 18... году золотые часы 140 рублей.

«Итого слѣдуетъ получить Карлу Мауеру кромѣ жалованію — 159 рублей 79 копекъ».

Прочтя эту записку, въ которой Карлъ Ивановичъ требуетъ, чтобъ ему заплатили всѣ деньги, издержанныя имъ на подарки, и даже заплатили бы за обѣщанный подарокъ, всякій подумаетъ, что Карлъ Ивановичъ больше ничего, какъ безчувственный и корыстолюбивый себялюбецъ, — и всякій ошибется.

Войдя въ кабинетъ съ записками въ рукѣ и съ приготовленною рѣчью въ головѣ, онъ намѣревался краснорѣчиво изложить передъ папа всѣ несправедливости, претерпѣнныя имъ въ нашемъ домѣ; но когда онъ началъ говорить тѣмъ же трогательнымъ голосомъ и съ тѣми же чувствительными интонаціями, съ которыми онъ обыкновенно диктовалъ намъ, его краснорѣчіе подѣйствовало сильнѣе всего на него самого; такъ что, дойдя до того мѣста, въ которомъ онъ говорилъ: «какъ ни грустно мнѣ будетъ разстаться съ дѣтьми», онъ совсѣмъ сбился, голосъ его задрожалъ, и онъ принужденъ былъ достать изъ кармана клѣтчатый платокъ.

— Да, Петръ Александрычъ,—сказалъ онъ сквозь слезы (этого мѣста совсѣмъ не было въ приготовленной рѣчи), — я такъ привыкъ къ дѣтямъ, что не знаю, что буду дѣлать безъ нихъ. Лучше я безъ жалованья буду служить вамъ,—прибавилъ онъ, одною рукою утирая слезы, а другою подавая счетъ.

Что Карлъ Ивановичъ въ эту минуту говорилъ искренно, это я утвердительно могу сказать, по-

тому что знаю его доброе сердце; но какимъ образомъ согласовался счетъ съ его словами, остается для меня тайной.

— Если вамъ грустно, то мнѣ было бы еще грустнѣе разстаться съ вами,—сказалъ папа, потрепавъ его по плечу:—я теперь раздумалъ.

Незадолго передъ ужиномъ въ комнату вошелъ Гриша. Онъ съ самаго того времени, какъ вошелъ въ нашъ домъ, не переставалъ вздыхать и плакать, что, по мнѣнію тѣхъ, которые вѣрили въ его способность предсказывать, предвѣщало какую-нибудь бѣду нашему дому. Онъ сталъ прощаться и сказалъ, что завтра утромъ пойдетъ дальше. Я подмигнулъ Володѣ и вышелъ въ дверь.

— Что?

— Если хотите посмотрѣть Гришины вериги, то пойдемте сейчасъ на мужской верхъ. Гриша спитъ во второй комнатѣ, въ чуланѣ прекрасно можно сидѣть, и мы все увидимъ.

— Отлично! Подожди здѣсь: я позову дѣвочекъ.

Дѣвочки выбѣжали, и мы отправились наверхъ. Не безъ спора рѣшивъ, кому первому войти въ темный чуланъ, мы усѣлись и стали ждать.

XII.

ГРИША.

Намъ всѣмъ было жутко въ темнотѣ; мы жались одинъ къ другому и ничего не говорили. Почти вслѣдъ за нами тихими шагами вошелъ Гриша. Въ одной рукѣ онъ держалъ свой посохъ, въ другой — сальную свѣчу въ мѣдномъ подсвѣчникѣ. Мы не переводили дыханія.

— Господи Іисусе Христе! Мати Пресвятая Богородица! Отцу и Сыну и Святому Духу... — вдыхая въ себя воздухъ, твердилъ онъ съ различными интонаціями и сокращеніями, свойственными только тѣмъ, которые часто повторяютъ эти слова.

Съ молитвой поставивъ свой посохъ въ уголъ и осмотрѣвъ постель, онъ сталъ раздѣваться. Распоясавъ свой старенькій черный кушакъ, онъ медленно снялъ изорванный нанковый зипунъ, тщательно сложилъ его и повѣсилъ на спинку стула. Лицо его теперь не выражало, какъ обыкновенно, торопливости и тупоумія; напротивъ, онъ былъ спокоенъ, задумчивъ и даже величавъ. Движенія его были медленны и обдуманны.

Оставшись въ одномъ бѣльѣ, онъ тихо опустился на кровать, окрестилъ ее со всѣхъ сторонъ, и, какъ видно было, съ усиліемъ (потому что онъ поморщился) поправилъ подъ рубашкой вериги. Посидѣвъ немного и заботливо осмотрѣвъ прорванное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бѣлье, онъ всталъ, съ молитвой поднялъ свѣчу въ уровень съ кивотомъ, въ которомъ стояло нѣсколько образовъ, перекрестился на нихъ и перевернулъ свѣчу огнемъ внизъ. Она съ трескомъ потухла.

Въ окна, обращенныя на лѣсъ, ударяла почти полная луна. Длинная, бѣлая фигура юродиваго съ одной стороны была освѣщена блѣдными, серебристыми лучами мѣсяца, съ другой — черною тѣнью, которая вмѣстѣ съ тѣнями отъ рамъ падала на полъ и стѣны и доставала до потолка. На дворѣ караульщикъ стучалъ въ мѣдную доску.

Сложивъ свои огромныя руки на груди, опустивъ голову и безпрестанно тяжело вздыхая,

Гриша молча стоялъ передъ иконами, потомъ съ трудомъ опустился на колѣни и сталъ молиться.

Сначала онъ тихо говорилъ извѣстныя молитвы, ударяя только на нѣкоторыя слова, потомъ повторилъ ихъ, но громче и съ бо́льшимъ одушевленіемъ. Онъ началъ говорить свои слова, съ замѣтнымъ усиліемъ стараясь выражаться по-славянски. Слова его были нескладны, но трогательны. Онъ молился о всѣхъ благодѣтеляхъ своихъ (такъ онъ называлъ тѣхъ, которые принимали его), въ томъ числѣ о матушкѣ, о насъ; молился о себѣ, просилъ, чтобы Богъ простилъ ему его тяжкіе грѣхи и твердилъ: «Боже, прости врагамъ моимъ!» Кряхтя, поднимался и, повторяя еще и еще тѣ же слова, припадалъ къ землѣ и опять поднимался, несмотря на тяжесть веригъ, которыя издавали сухой, рѣзкій звукъ, ударяясь о землю.

Володя ущипнулъ меня очень больно за ногу, но я даже не оглянулся: потеръ только рукой то мѣсто и продолжалъ съ чувствомъ дѣтскаго удивленія, жалости и благоговѣнія, слѣдить за всѣми движеніями и словами Гриши.

Вмѣсто веселья и смѣха, на которые я расчитывалъ, входя въ чуланъ, я чувствовалъ дрожь и замираніе сердца.

Долго еще находился Гриша въ этомъ положеніи религіознаго восторга и импровизировалъ молитвы. То твердилъ онъ нѣсколько разъ сряду: *Господи, помилуй*, но каждый разъ съ новою силою и выраженіемъ; то говорилъ онъ: *прости мя, Господи, научи мя, что творити... научи мя, что творити, Господи!* съ такимъ выраженіемъ, какъ будто ожидалъ сейчасъ же отвѣта на свои слова;

то слышны были одни жалобныя рыданія... Онъ приподнялся на колѣни, сложилъ руки на груди и замолкъ.

Я потихоньку высунулъ голову изъ двери и не переводилъ дыханія. Гриша не шевелился; изъ груди его вырывались тяжелые вздохи; въ мутномъ зрачкѣ его кривого глаза, освѣщеннаго луною, остановилась слеза.

— Да будетъ воля Твоя! вскричалъ онъ вдругъ съ неподражаемымъ выраженіемъ, упалъ лбомъ на землю и зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Много воды утекло съ тѣхъ поръ, много воспоминаній о быломъ потеряли для меня значеніе и стали смутными мечтами, даже и странникъ Гриша давно окончилъ свое послѣднее странствованіе, но впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня, и чувство, которое возбудилъ, никогда не умрутъ въ моей памяти.

О, великій христіанинъ Гриша! Твоя вѣра была такъ сильна, что ты чувствовалъ близость Бога; твоя любовь такъ велика, что слова сами собою лились изъ устъ твоихъ, — ты ихъ не повѣрялъ разсудкомъ... и какую высокую хвалу ты принесъ Его величію, когда, не находя словъ, въ слезахъ повалился на землю!...

Чувство умиленія, съ которымъ я слушалъ Гришу, не могло долго продолжаться, во-первыхъ, потому, что любопытство мое было насыщено, а во-вторыхъ, потому, что я отсидѣлъ себѣ ногу, сидя на одномъ мѣстѣ, и мнѣ хотѣлось присоединиться къ общему шептанью и вознѣ, которыя слышались сзади меня въ темномъ чуланѣ. Кто-то взялъ меня за руку и шепотомъ сказалъ: «чья эта рука?» Въ чуланѣ было совершенно темно,

но по одному прикосновенію и голосу, который шепталъ мнѣ надъ самымъ ухомъ, я тотчасъ узналъ Катеньку.

Совершенно безсознательно я схватилъ ея руку въ коротенькихъ рукавчикахъ за локоть и припалъ къ ней губами. Катенька, вѣрно, удивилась этому поступку, и отдернула руку: этимъ движеніемъ она толкнула сломанный стулъ, стоявшій въ чуланѣ: Гриша поднялъ голову, тихо оглянулся и, читая молитвы, сталъ крестить всѣ углы. Мы съ шумомъ и шепотомъ выбѣжали изъ чулана.

XIII.

НАТАЛЬЯ САВИШНА.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія по дворамъ села Хабаровки бѣгала въ затрапезномъ платьѣ босоногая, но веселая, толстая и краснощекая дѣвка *Наташка*. По заслугамъ и просьбѣ отца ея, кларнетиста Саввы, дѣдъ мой взялъ ее *вверхъ* — находиться въ числѣ женской прислуги бабушки. Горничная *Наташка* отличалась въ этой должности кротостью нрава и усердіемъ. Когда родилась матушка и понадобилась няня, эту обязанность возложили на *Наташку*. И на этомъ новомъ поприщѣ она заслужила похвалы и награды за свою дѣятельность, вѣрность и привязанность къ молодой госпожѣ. Но напудренная голова и чулки съ пряжками молодого, бойкаго официанта Фоки, имѣвшаго по службѣ частыя сношенія съ Натальей, плѣнили ея грубое, но любящее сердце. Она даже сама рѣшилась итти къ дѣдушкѣ просить позволенія выйти за Фоку замужъ. Дѣдушка принялъ ея желаніе за небла-

годарность, прогнѣвался и сослалъ бѣдную Наталью, въ наказанье, на скотный дворъ въ степную деревню. Черезъ шесть мѣсяцевъ однако, такъ какъ никто не могъ замѣнить Наталью, она была возвращена во дворъ и въ прежнюю должность. Возвратившись въ затрапезкѣ изъ изгнанія, она явилась къ дѣдушкѣ, упала ему въ ноги и просила возвратить ей милость, ласку, и забыть ту дурь, которая на нее нашла было и которая, она клялась, уже больше не возвратится. И дѣйствительно, она сдержала свое слово.

Съ тѣхъ поръ Наташка сдѣлалась Натальей Савишной и надѣла чепецъ: весъ запасъ любви, который въ ней хранился, она перенесла на барышню свою.

Когда подлѣ матушки замѣнила ее гувернантка, она получила ключи отъ кладовой, и ей на руки сданы были бѣлье и вся провизія. Новыя обязанности эти она исполняла съ тѣмъ же усердіемъ и любовью. Она вся жила въ барскомъ добрѣ, во всемъ видѣла трату, порчу, расхищеніе, и всѣми средствами старалась противодѣйствовать.

Когда maman вышла замужъ, желая чѣмъ-нибудь отблагодарить Наталью Савишну за ея двадцатилѣтніе труды и привязанность, она позвала ее къ себѣ и, выразивъ въ самыхъ лестныхъ словахъ всю свою къ ней признательность и любовь, вручила ей листъ гербовой бумаги, на которомъ была написана вольная Натальѣ Савишнѣ, и сказала, что, несмотря на то, будетъ ли она, или нѣтъ продолжать служить въ нашемъ домѣ, она всегда будетъ получать ежегодную пенсію въ 300 рублей. Наталья Савишна молча выслушала все это, потомъ, взявъ въ руки документъ, злобно взгля-

нула на него, пробормотала что-то сквозь зубы и выбѣжала изъ комнаты, хлопнувъ дверью. Не понимая причины такого страннаго поступка, maman, немного погодя, вошла въ комнату Натальи Савишны. Она сидѣла съ заплаканными глазами на сундукѣ, перебирая пальцами носовой платокъ, и пристально смотрѣла на валявшіеся на полу передъ ней клочки изорванной вольной.

— Что съ вами, голубушка Наталья Савишна? спросила maman, взявъ ее за руку.

— Ничего, матушка, — отвѣчала она: — должно быть, я вамъ чѣмъ-нибудь противна, что вы меня со двора гоните... Что жъ, я пойду.

Она вырвала свою руку и, едва удерживаясь отъ слезъ, хотѣла уйти изъ комнаты. Maman удержала ее, обняла, и онѣ обѣ расплакались.

Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, помню я и Наталью Савишну, ея любовь и ласку; но теперь только умѣю цѣнить ихъ,—тогда же мнѣ и въ голову не приходило, какое рѣдкое, чудесное созданіе была эта старушка. Она не только никогда не говорила, но и не думала, кажется, о себѣ: вся жизнь ея была любовь и самопожертвованіе. Я такъ привыкъ къ ея безкорыстной, нѣжной любви къ намъ, что и не воображалъ, чтобы это могло быть иначе, нисколько не былъ благодаренъ ей и никогда не задавалъ себѣ вопросовъ: а что, счастлива ли она? довольна ли?

Бывало, подъ предлогомъ необходимой надобности, прибѣжишь отъ урока въ ея комнатку, усядешься и начнешь мечтать вслухъ, нисколько не стѣсняясь ея присутствіемъ. Всегда она бывала чѣмъ-нибудь занята: или вязала чулокъ, или рылась въ сундукахъ, которыми была наполнена ея ком-

ната, или записывала бѣлье и, слушая всякій вздоръ, который я говорилъ, «какъ, когда я буду генераломъ, я женюсь на чудесной красавицѣ, куплю себѣ рыжую лошадь, построю стеклянный домъ и выпишу родныхъ Карла Ивановича изъ Саксоніи» и т. д., она приговаривала: «да, мой батюшка, да». Обыкновенно, когда я вставалъ и собирался уходить, она отворяла голубой сундукъ, на крышкѣ котораго снутри — какъ теперь помню — были наклеены: крашеное изображеніе какого-то гусара, картинка съ помадной баночки и рисунокъ Володи, — вынимала изъ этого сундука куренье, зажигала его и, помахивая, говорила:

— Это, батюшка, еще очаковское куренье. Когда вашъ покойникъ дѣдушка—царство небесное—подъ Турку ходили, такъ оттуда еще привезли. Вотъ ужъ послѣдній кусочекъ остался,—прибавляла она со вздохомъ.

Въ сундукахъ, которыми была наполнена ея комната, было рѣшительно все. Что бы ни понадобилось, обыкновенно говаривали: «надо спросить у Натальи Савишны», и дѣйствительно, порывшись немного, она находила требуемый предметъ и говаривала: «вотъ и хорошо, что припрятала». Въ сундукахъ этихъ были тысячи такихъ предметовъ, о которыхъ никто въ домѣ, кромѣ нея, не зналъ и не заботился.

Одинъ разъ я на нее разсердился. Вотъ какъ это было. За обѣдомъ, наливая себѣ квасу, я уронилъ графинъ и облилъ скатерть.

— Позовите-ка Наталью Савишну, чтобъ она порадовалась на своего любимчика! — сказала maman.

Наталья Савишна вошла и, увидавъ лужу, которую я сдѣлалъ, покачала головой; потомъ maman

сказала ей что-то на ухо, и она, погрозившись на меня, вышла.

Послѣ обѣда я въ самомъ веселомъ расположеніи духа, припрыгивая, отправился въ залу, какъ вдругъ изъ-за двери выскочила Наталья Савишна, со скатертью въ рукѣ, поймала меня и, несмотря на отчаянное сопротивленіе съ моей стороны, начала тереть меня мокрымъ по лицу, приговаривая: «не пачкай скатертей, не пачкай скатертей!» Меня такъ это обидѣло, что я разревѣлся отъ злости.

«Какъ!—говорилъ я самъ себѣ, прохаживаясь по залѣ и захлебываясь отъ слезъ: Наталья Савишна, просто *Наталья*, говоритъ *мнѣ ты*, и еще бьетъ меня по лицу мокрою скатертью, какъ двороваго мальчишку. Нѣтъ, это ужасно!»

Когда Наталья Савишна увидала, что я распустилъ слюни, она тотчасъ же убѣжала, а я, продолжая прохаживаться, разсуждалъ о томъ, какъ бы отплатитъ дерзкой *Натальѣ* за нанесенное мнѣ оскорбленіе.

Черезъ нѣсколько минутъ Наталья Савишна вернулась, робко подошла ко мнѣ и начала увѣщевать:

— Полноте, мой батюшка, не плачьте... простите меня, дуру... я виновата... ужъ вы меня простите, мой голубчикъ... вотъ вамъ...

Она вынула изъ подъ платка карнетъ, сдѣланный изъ красной бумаги, въ которомъ были двѣ карамельки и одна винная ягода, и дрожащею рукой подала его мнѣ. У меня не доставало силъ взглянуть въ лицо доброй старушкѣ; я, отвернувшись, принялъ подарокъ, и слезы потекли еще обильнѣе, но уже не отъ злости, а отъ любви и стыда.

XIV.

РАЗЛУКА.

На другой день послѣ описанныхъ мною происшествій, въ двѣнадцатомъ часу утра, коляска и бричка стояли у подъѣзда. Николай былъ одѣтъ по дорожному, то-есть штаны были всунуты въ сапоги и старый сюртукъ туго-на-туго подпоясанъ кушакомъ. Онъ стоялъ въ бричкѣ и укладывалъ шинели и подушки подъ сидѣнье; когда оно ему казалось высоко, онъ садился на подушки и, припрыгивая, обминалъ ихъ.

— Сдѣлайте Божескую милость, Николай Дмитричъ, нельзя ли къ вамъ будетъ баринову щикатулку положить? — сказалъ запыхавшійся камердинеръ папа, высовываясь изъ коляски —она маленькая...

— Вы бы прежде говорили, Михей Иванычъ, отвѣчалъ Николай скороговоркой и съ досадой, изо всѣхъ силъ бросая какой-то узелокъ на дно брички.—Ей Богу, голова и такъ кругомъ идетъ, а тутъ еще вы съ вашими щикатулками,—прибавилъ онъ, приподнявъ фуражку и утирая съ загорѣлаго лба крупныя капли пота.

Дворовые люди въ сюртукахъ, кафтанахъ, рубашкахъ, безъ шапокъ, женщины въ затрапезныхъ, полосатыхъ платкахъ, съ дѣтьми на рукахъ, и босоногіе ребятишки стояли около крыльца, посматривали на экипажи и разговаривали между собой. Одинъ изъ ямщиковъ—сгорбленный старикъ въ зимней шапкѣ и армякѣ—держалъ въ рукѣ дышло коляски, потрогивалъ его и глубокомысленно посматривалъ на ходъ; другой — видный молодой парень, въ одной бѣлой рубахѣ съ крас-

ными кумачевыми ластовицами, въ черной поярковой шляпѣ черепейникомъ, которую онъ, почесывая свои бѣлокурыя кудри, сбивалъ то на одно, то на другое ухо,—положилъ свой армякъ на козлы, закинулъ туда-же возжи и, постегивая плетенымъ кнутикомъ, посматривалъ то на свои сапоги, то на кучеровъ, которые мазали бричку. Одинъ изъ нихъ, натужившись, держалъ подъемъ; другой, нагнувшись надъ колесомъ, тщательно мазалъ ось и втулку,—даже, чтобы не пропадалъ остальной на помазкѣ деготь, мазнулъ имъ снизу по кругу. Почтовыя, разномастныя, разбитыя лошади стояли у рѣшетки и отмахивались отъ мухъ хвостами. Однѣ изъ нихъ, выставляя свои косматыя, оплывшія ноги, жмурили глаза и дремали; другія отъ скуки чесали другъ друга или щипали листья и стебли жесткаго темно-зеленаго папоротника, который росъ подлѣ крыльца. Нѣсколько борзыхъ собакъ—однѣ тяжело дышали, лежа на солнцѣ, другія въ тѣни ходили подъ коляской и бричкой и вылизывали сало около осей. Во всемъ воздухѣ была какая-то пыльная мгла, горизонтъ былъ сѣро-лиловаго цвѣта; но ни одной тучки не было на небѣ. Сильный западный вѣтеръ поднималъ столбами пыль съ дорогъ и полей, гнулъ макушки высокихъ липъ и березъ сада и далеко относилъ падавшіе желтые листья. Я сидѣлъ у окна и съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія всѣхъ приготовленій.

Когда всѣ собрались въ гостиной около круглаго стола, чтобы въ послѣдній разъ провести нѣсколько минутъ вмѣстѣ, мнѣ и въ голову не приходило, какая грустная минута предстоитъ намъ. Самыя пустыя мысли бродили въ моей го-

ловѣ. Я задавалъ себѣ вопросы: какой ямщикъ поѣдетъ въ бричкѣ и какой въ коляскѣ? кто поѣдетъ съ папа, кто съ Карломъ Ивановичемъ? и для чего непремѣнно хотятъ меня укутать въ шарфъ и ваточную чуйку?

«Что я за нѣженка? авось не замерзну. Хоть бы поскорѣй это все кончилось: сѣсть бы и ѣхать».

— Кому прикажете записку о дѣтскомъ бѣльѣ отдать?—сказала вошедшая съ заплаканными глазами и съ запиской въ рукѣ Наталья Савишна, обращаясь къ maman.

— Николаю отдайте, да приходите же послѣ съ дѣтьми проститься.

Старушка хотѣла что-то сказать, но вдругъ остановилась, закрыла лицо платкомъ и, махнувъ рукой, вышла изъ комнаты. У меня немного защемило въ сердцѣ, когда я увидалъ это движенie; но нетерпѣнie ѣхать было сильнѣе этого чувства, и я продолжалъ совершенно равнодушно слушать разговоръ отца съ матушкой. Они говорили о вещахъ, которыя замѣтно не интересовали ни того, ни другого: что нужно купить для дома? что сказать княжнѣ Sophie и madame Julie? и хороша ли будетъ дорога?

Вошелъ Фока и точно тѣмъ же голосомъ, которымъ онъ докладывалъ «кушать готово», остановившись у притолоки, сказалъ «лошади готовы». Я замѣтилъ, что maman вздрогнула и поблѣднѣла при этомъ извѣстiи, какъ будто оно было для нея неожиданно.

Фокѣ приказано было затворить всѣ двери въ комнатѣ. Меня это очень забавляло: «какъ будто всѣ спрятались отъ кого нибудь».

Когда всѣ сѣли, Фока тоже присѣлъ на кончикѣ стула, но только что онъ это сдѣлалъ, дверь скрипнула, и всѣ оглянулись. Въ комнату торопливо вошла Наталья Савишна и, не поднимая глазъ, пріютилась около двери на одномъ стулѣ съ Фокой. Какъ теперь вижу я плѣшивую голову, морщинистое, неподвижное лицо Фоки и сгорбленную, добрую фигурку въ чепцѣ, изъ-подъ котораго виднѣются сѣдые волосы. Они жмутся на одномъ стулѣ, и имъ обоимъ неловко.

Я продолжалъ быть беззаботенъ и нетерпѣливъ. Десять секундъ, которыя просидѣли съ закрытыми дверьми, показались мнѣ за цѣлый часъ. Наконецъ, всѣ встали, перекрестились и стали прощаться. Папа обнялъ maman и нѣсколько разъ поцѣловалъ ее.

— Полно, мой дружокъ!—сказалъ папа:—вѣдь не навѣкъ разстаемся.

— Все-таки грустно!—сказала maman дрожащимъ отъ слезъ голосомъ.

Когда я услыхалъ этотъ голосъ, увидалъ ея дрожащія губы и глаза, полные слезъ, я забылъ про все, и мнѣ такъ стало грустно, больно и страшно, что хотѣлось бы лучше убѣжать, чѣмъ прощаться съ нею. Я понялъ въ эту минуту, что, обнимая отца, она уже прощалась съ нами.

Она столько разъ принималась цѣловать и крестить Володю, что, полагая, что она теперь обратится ко мнѣ, я совался впередъ, но она еще и еще благословляла его и прижимала къ груди. Наконецъ, я обнялъ ее и, прильнувъ къ ней, плакалъ, — плакалъ, ни о чемъ не думая, кромѣ своего горя.

Когда мы пошли садиться, въ передней приступила прощаться докучная дворня. Ихъ «по-

жалуйте ручку-съ», звучные поцѣлуи въ плечико и запахъ сала отъ ихъ головъ возбудили во мнѣ чувство, самое близкое къ отвращенію у людей раздражительныхъ. Подъ вліяніемъ этого чувства я чрезвычайно холодно поцѣловалъ въ чепецъ Наталью Савишну, когда она, вся въ слезахъ, прощалась со мною.

Странно то, что я какъ теперь вижу всѣ лица дворовыхъ и могъ бы нарисовать ихъ со всѣми мельчайшими подробностями; но лицо и положеніе maman рѣшительно ускользаютъ изъ моего воображенія, можетъ-быть оттого, что во все это время я ни разу не могъ собраться съ духомъ взглянуть на нее. Мнѣ казалось, что, еслибъ я это сдѣлалъ, ея и моя горесть должны бы были дойти до невозможныхъ предѣловъ.

Я бросился прежде всѣхъ въ коляску и усѣлся на заднемъ мѣстѣ. За поднятымъ верхомъ я ничего не могъ видѣть, но какой-то инстинктъ говорилъ мнѣ, что maman еще здѣсь.

«Посмотрѣть ли на нее, или нѣтъ?... Ну, въ послѣдній разъ!» сказалъ я самъ себѣ и высунулся изъ коляски къ крыльцу. Въ это время maman съ тою же мыслью подошла съ противоположной стороны коляски и позвала меня по имени. Услыхавъ ея голосъ сзади себя, я повернулся къ ней, но такъ быстро, что мы столкнулись головами; она грустно улыбнулась и крѣпко-крѣпко поцѣловала меня въ послѣдній разъ.

Когда мы отъѣхали нѣсколько саженъ, я рѣшился взглянуть на нее. Вѣтеръ поднималъ голубенькую косыночку, которою была повязана ея голова; опустивъ голову и закрывъ лицо ру-

ками, она медленно всходила на крыльцо. Фока поддерживалъ ее.

Папа сидѣлъ со мной рядомъ и ничего не говорилъ; я же захлебывался отъ слезъ, и что-то такъ давило мнѣ въ горлѣ, что я боялся задохнуться... Выѣхавъ на большую дорогу, мы увидали бѣлый платокъ, которымъ кто-то махалъ съ балкона. Я сталъ махать своимъ, и это движенiе немного успокоило меня. Я продолжалъ плакать, и мысль, что слезы мои доказываютъ мою чувствительность, доставляла мнѣ удовольствiе и отраду.

Отъѣхавъ съ версту, я усѣлся покойнѣе и съ упорнымъ вниманiемъ сталъ смотрѣть на ближайшiй предметъ передъ глазами—заднюю часть пристяжной, которая бѣжала съ моей стороны. Смотрѣлъ я, какъ махала хвостомъ эта пѣгая пристяжная, какъ забивала она одну ногу о другую, какъ доставалъ по ней плетеный кнутъ ямщика и ноги начинали прыгать вмѣстѣ; смотрѣлъ, какъ прыгала на ней шлея и на шлеѣ кольца, и смотрѣлъ до тѣхъ поръ, покуда эта шлея покрылась около хвоста мыломъ. Я сталъ смотрѣть кругомъ: на волнующiяся поля спѣлой ржи, на темный паръ, на которомъ кое-гдѣ виднѣлись соха, мужикъ, лошадь съ жеребенкомъ, на верстовые столбы, заглянулъ даже на козлы, чтобъ узнать, какой ямщикъ съ нами ѣдетъ; и еще лицо мое не просохло отъ слезъ, какъ мысли мои были далеко отъ матери, съ которою я разстался, можетъ-быть, навсегда. Но всякое воспоминанiе наводило меня на мысль о ней. Я вспомнилъ о грибѣ, который нашелъ наканунѣ въ березовой аллеѣ, вспомнилъ о

томъ, какъ Любочка съ Катенькой поспорили, кому сорвать его, вспомнилъ и о томъ, какъ онѣ плакали, прощаясь съ нами.

«Жалко ихъ! и Наталью Савишну жалко, и березовую аллею, и Фоку жалко! Даже злую Мими—и ту жалко. Все, все жалко. А бѣдная maman?» И слезы опять навертывались на глаза, но не надолго.

XV.

ДѢТСТВО.

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора дѣтства! Какъ не любить, не лелѣять воспоминаній о ней? Воспоминанія эти освѣжаютъ, возвышаютъ мою душу и служатъ для меня источникомъ лучшихъ наслажденій.

Набѣгавшись досыта, сидишь, бывало, за чайнымъ столомъ на своемъ высокомъ креслицѣ; уже поздно, давно выпилъ свою чашку молока съ сахаромъ, сонъ смыкаетъ глаза, но не трогаешься съ мѣста, сидишь и слушаешь. И какъ не слушать? Maman говоритъ съ кѣмъ-нибудь, и звуки голоса ея такъ сладки, такъ привѣтливы. Одни звуки эти такъ много говорятъ моему сердцу! Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на ея лицо, и вдругъ она сдѣлалась вся маленькая-маленькая, лицо ея не больше пуговки; но оно мнѣ все такъ же ясно видно; вижу, какъ она взглянула на меня и какъ улыбнулась. Мнѣ нравится видѣть ее такою крошечной. Я прищуриваю глаза еще больше, и она дѣлается не больше тѣхъ мальчиковъ, которые бываютъ въ зрачкахъ; но я пошевелился —

и очарованіе разрушилось; я суживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно.

Я встаю, съ ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.

— Ты опять заснешь, Николенька! — говоритъ мнѣ maman: — ты бы лучше шелъ наверхъ.

— Я не хочу спать, мамаша, — отвѣтишь ей, и неясныя, но сладкія грезы наполняютъ воображеніе, здоровый дѣтскій сонъ смыкаетъ вѣки, и черезъ минуту забудешься и спишь до тѣхъ поръ, пока не разбудятъ. Чувствуешь, бывало, впросонкахъ, что чья-то нѣжная рука трогаетъ тебя; по одному прикосновенію узнаешь ее и еще во снѣ невольно схватишь эту руку и крѣпко-крѣпко прижмешь ее къ губамъ.

Всѣ уже разошлись; одна свѣча горитъ въ гостиной; maman сказала, что она сама разбудитъ меня; это она присѣла на кресло, на которомъ я сплю, своею чудесною нѣжною ручкой провела по моимъ волосамъ, и надъ ухомъ моимъ звучитъ милый знакомый голосъ:

— Вставай, моя душечка: пора итти спать.

Ничьи равнодушные взоры не стѣсняютъ ея: она не боится излить на меня всю свою нѣжность и любовь. Я не шевелюсь, но еще крѣпче цѣлую ея руку.

— Вставай же, мой ангелъ.

Она другой рукой беретъ меня за шею, и пальчики ея быстро шевелятся и щекотятъ меня. Въ комнатѣ тихо, полутемно; нервы мои возбуждены щекоткой и пробужденіемъ; мамаша сидитъ подлѣ самого меня; она трогаетъ меня; я слышу ея запахъ и голосъ. Все это заставляетъ меня

вскочить, обвить руками ея шею, прижать голову къ ея груди и, задыхаясь, сказать:

— Ахъ, милая, милая мамаша, какъ я тебя люблю!

Она улыбается своею грустною, очаровательною улыбкой, беретъ обѣими руками мою голову, цѣлуетъ меня въ лобъ и кладетъ къ себѣ на колѣни.

— Такъ ты меня очень любишь? — Она молчитъ съ минуту, потомъ говоритъ: — Смотри, всегда люби меня, никогда не забывай. Если не будетъ твоей мамаши, ты не забудешь ея? не забудешь, Николенька?

Она еще нѣжнѣе цѣлуетъ меня.

— Полно! и не говори этого, голубчикъ мой, душечка моя! — вскрикиваю я, цѣлуя ея колѣни, и слезы ручьями льются изъ моихъ глазъ, — слезы любви и восторга.

Послѣ этого, какъ, бывало, придешь наверхъ и станешь передъ иконами въ своемъ ваточномъ халатцѣ, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: спаси, Господи, папеньку и маменьку! Въ эти минуты, когда я повторялъ молитвы, которыя въ первый разъ лепетали дѣтскія уста мои за любимою матерью, любовь къ ней и любовь къ Богу какъ-то странно сливались въ одно чувство.

Послѣ молитвы завернешься, бывало, въ одѣяльце, на душѣ легко, свѣтло и отрадно; однѣ мечты гонятъ другія, — но о чемъ онѣ? Онѣ неуловимы, но исполнены чистой любви и надеждъ на свѣтлое счастіе. Вспомнишь, бывало, о Карлѣ Ивановичѣ и его горькой участи, единственномъ человѣкѣ, котораго я зналъ несчастнымъ, и такъ жалко станетъ, такъ полюбишь его, что слезы потекутъ изъ глазъ, и думаешь: «дай Богъ ему

счастія, дай мнѣ возможность помочь ему, облегчить его горе; я всѣмъ готовъ для него пожертвовать». Потомъ любимую фарфоровую игрушку — зайчика или собачку—уткнешь въ уголъ пуховой подушки и любуешься, какъ хорошо, тепло и уютно ей тамъ лежать. Еще помолишься о томъ, чтобы Богъ далъ счастія всѣмъ, чтобы всѣ были довольны и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернешься на другой бокъ, мысли и мечты перепутаются, смѣшаются, и уснешь тихо, спокойно, еще съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ.

Вернутся ли когда-нибудь та свѣжесть, беззаботность, потребность любви и сила вѣры, которыми обладаешь въ дѣтствѣ? Какое время можетъ быть лучше того, когда двѣ лучшія добродѣтели— невинная веселость и безпредѣльная потребность любви — были единственными побужденіями въ жизни?

Гдѣ тѣ горячія молитвы? гдѣ лучшій даръ—тѣ чистыя слезы умиленія? Прилеталъ ангелъ-утѣшитель, съ улыбкой утиралъ слезы эти и навѣвалъ сладкія грезы неиспорченному дѣтскому воображенію.

Неужели жизнь оставила такіе тяжелые слѣды въ моемъ сердцѣ, что навѣки отошли отъ меня слезы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминанія?

XVI.

СТИХИ.

Почти мѣсяцъ послѣ того, какъ мы переѣхали въ Москву, я сидѣлъ наверху бабушкинаго дома за большимъ столомъ и писалъ; напротивъ меня сидѣлъ рисовальный учитель и окончательно по-

правлялъ нарисованную чернымъ карандашомъ головку какого-то турка въ чалмѣ. Володя, вытянувъ шею, стоялъ сзади учителя и смотрѣлъ ему черезъ плечо. Головка эта была первое произведеніе Володи чернымъ карандашомъ и нынче же, въ день ангела бабушки, должна была быть поднесена ей.

— А сюда вы не положите еще тѣни? — сказалъ Володя учителю, приподнимаясь на цыпочки и указывая на шею турка.

— Нѣтъ, не нужно, — сказалъ учитель, укладывая карандаши и рейсфедеръ въ задвижной ящичекъ:—теперь прекрасно, и вы больше не прикасайтесь. Ну, а вы, Николенька,—прибавилъ онъ, вставая и продолжая искоса смотрѣть на турка, — откройте, наконецъ, намъ вашъ секретъ: что вы поднесете бабушкѣ? Право, лучше было бы тоже головку. Прощайте, господа! — сказалъ онъ, взялъ шляпу, билетикъ и вышелъ.

Въ эту минуту я тоже думалъ, что лучше бы было головку, чѣмъ то, надъ чѣмъ я трудился. Когда намъ объявили, что скоро будутъ именины бабушки и что намъ должно приготовить къ этому дню подарки, мнѣ пришло въ голову написать ей стихи на этотъ случай, и я тотчасъ же прибралъ два стиха съ риѳмами, надѣясь такъ же скоро прибрать остальные. Я рѣшительно не помню, какимъ образомъ вошла мнѣ въ голову такая странная для ребенка мысль, но помню, что она мнѣ очень нравилась, и что на всѣ вопросы объ этомъ предметѣ я отвѣчалъ, что непремѣнно поднесу бабушкѣ подарокъ, но никому не скажу, въ чемъ онъ будетъ состоять.

Противъ моего ожиданія оказалось, что, кромѣ двухъ стиховъ, придуманныхъ мною сгоряча, я, несмотря на всѣ усилія, ничего дальше не могъ сочинить. Я сталъ читать стихи, которые были въ нашихъ книгахъ; но ни Дмитріевъ ни Державинъ не помогли мнѣ; напротивъ, они еще болѣе убѣдили меня въ моей неспособности. Зная, что Карлъ Ивановичъ любилъ списывать стишки, я сталъ потихоньку рыться въ его бумагахъ и въ числѣ нѣмецкихъ стихотвореній нашелъ одно русское, принадлежавшее, должно быть, собственно его перу.

Г-жѣ Л. . . . . . . Петровской, 1828, 3 іюні.
Помните близко,
Помните далеко,
Помните моего
Еще отнынѣ и до всегда
Помните еще до моего гроба
Какъ вѣренъ я любить умѣю.
Карлъ Мауеръ.

Стихотвореніе это, написанное красивымъ, круглымъ почеркомъ на тонкомъ почтовомъ листѣ, понравилось мнѣ по трогательному чувству, которымъ оно проникнуто; я тотчасъ же выучилъ его наизусть и рѣшился взять за образецъ. Дѣло пошло гораздо легче. Въ день именинъ поздравленіе изъ 12 стиховъ было готово, и, сидя за столомъ въ классной, я переписывалъ его на веленевую бумагу.

Уже два листа бумаги были испорчены... не потому, чтобъ я думалъ что-нибудь перемѣнить въ нихъ: стихи мнѣ казались превосходными, но съ третьей линейки концы ихъ начинали загибаться кверху все больше и больше, такъ что

даже издалека видно было, что это написано криво и никуда не годится.

Третій листъ былъ такъ же кривъ, какъ и прежніе; но я рѣшился не переписывать больше. Въ стихотвореніи своемъ я поздравлялъ бабушку, желалъ ей много лѣтъ здравствовать и заключилъ такъ:

Стараться будемъ утѣшать
И любимъ, какъ родную мать.

Кажется, было бы очень недурно, но послѣдній стихъ какъ-то странно оскорблялъ мой слухъ.

— И лю-бимъ, какъ родну-ю мать,—твердилъ я себѣ подъ носъ. — Какую бы риѳму вмѣсто *мать:* играть? кровать?... Э, сойдетъ! все лучше Карлъ Иванычевыхъ.

И я написалъ послѣдній стихъ. Потомъ въ спальнѣ я прочелъ вслухъ все свое сочиненіе съ чувствомъ и жестами. Были стихи совершенно безъ размѣра, но я не останавливался на нихъ; послѣдній же еще сильнѣе и непріятнѣе поразилъ меня. Я сѣлъ на кровать и задумался.

«Зачѣмъ я написалъ: *какъ родную мать?* Ея вѣдь здѣсь нѣтъ, такъ не нужно было и поминать ее; правда, я бабушку люблю, уважаю, но все не то... Зачѣмъ я написалъ это? зачѣмъ я солгалъ? Положимъ, это стихи, да все-таки не нужно было».

Въ это самое время вошелъ портной и принесъ новые полуфрачки.

— Ну, такъ и быть!—сказалъ я въ сильномъ нетерпѣніи, съ досадой сунулъ стихи подъ подушку и побѣжалъ примѣривать московское платье.

Московское платье оказалось превосходно: коричневые полуфрачки съ бронзовыми пуговками были сшиты въ обтяжку—не такъ, какъ въ де-

ревнѣ намъ шивали, на ростъ; черныя брючки, тоже узенькія, чудо какъ хорошо обозначали мускулы и лежали на сапогахъ.

«Наконецъ-то и у меня панталоны со штрипками, настоящіе!» мечталъ я, внѣ себя отъ радости осматривая со всѣхъ сторонъ свои ноги. Хотя мнѣ было очень узко и неловко въ новомъ платьѣ, я скрылъ это отъ всѣхъ, сказалъ, что, напротивъ, мнѣ очень покойно и что ежели есть недостатокъ въ этомъ платьѣ, такъ только тотъ, что оно немножко просторно. Послѣ этого я очень долго, стоя передъ зеркаломъ, причесывалъ свою обильно напомаженную голову; но сколько ни старался я, никакъ не могъ пригладить вихры на макушкѣ: какъ только я, желая испытать ихъ послушаніе, переставалъ прижимать ихъ щеткой, они поднимались и торчали въ разныя стороны, придавая моему лицу самое смѣшное выраженіе.

Карлъ Ивановичъ одѣвался въ другой комнатѣ, и черезъ классную пронесли къ нему синій фракъ и еще какія-то бѣлыя принадлежности. У двери, которая вела внизъ, послышался голосъ одной изъ горничныхъ бабушки; я вышелъ, чтобъ узнать, что ей нужно. Она держала на рукѣ туго накрахмаленную манишку и сказала мнѣ, что она принесла ее для Карла Ивановича и что ночь не спала, для того, чтобъ успѣть вымыть ее ко времени. Я взялся передать манишку и спросилъ: встала ли бабушка?

— Какъ же-съ! ужъ кофе откушали, и протопопъ пришелъ. Какимъ вы молодчикомъ! — прибавила она, съ улыбкой оглядывая мое новое платье.

Замѣчаніе это заставило меня покраснѣть; я перевернулся на одной ножкѣ, щелкнулъ пальцами и припрыгнулъ, желая этимъ дать почувствовать, что она еще не знаетъ хорошенько, какой я дѣйствительно молодчикъ.

Когда я принесъ манишку Карлу Ивановичу, она уже была не нужна ему: онъ надѣлъ другую и, перегнувшись передъ маленькимъ зеркальцемъ, которое стояло на столѣ, держался обѣими руками за пышный бантъ своего галстука и пробовалъ, свободно ли входитъ въ него и обратно его гладко выбритый подбородокъ. Обдернувъ со всѣхъ сторонъ наши платья и попросивъ Николая сдѣлать для него то же самое, онъ повелъ насъ къ бабушкѣ. Мнѣ смѣшно вспомнить, какъ сильно пахло отъ насъ троихъ помадой въ то время, какъ мы стали спускаться по лѣстницѣ.

У Карла Ивановича въ рукахъ была коробочка своего издѣлія, у Володи — рисунокъ, у меня — стихи; у каждаго на языкѣ было привѣтствіе, съ которымъ онъ поднесетъ свой подарокъ. Въ ту минуту, какъ Карлъ Ивановичъ отворилъ дверь залы, священникъ надѣвалъ ризу, и раздались первые звуки молебна.

Бабушка была уже въ залѣ; сгорбившись и опершись на спинку стула, она стояла у стѣны и набожно молилась; подлѣ нея стоялъ папа. Онъ обернулся къ намъ и улыбнулся, замѣтивъ, какъ мы, заторопившись, прятали за спины приготовленные подарки и, стараясь быть незамѣченными, остановились у самой двери. Весь эффектъ неожиданности, на который мы разсчитывали, былъ потерянъ.

Когда стали подходить къ кресту, я вдругъ почувствовалъ, что нахожусь подъ тяжелымъ вліяніемъ непреодолимой, одурѣвающей застѣнчивости, и, чувствуя, что у меня никогда недостанетъ духу поднести свой подарокъ, я спрятался за спину Карла Ивановича, который, въ самыхъ отборныхъ выраженіяхъ поздравивъ бабушку, переложилъ коробочку изъ правой руки въ лѣвую, вручилъ ее именинницѣ и отошелъ нѣсколько шаговъ, чтобы дать мѣсто Володѣ. Бабушка, казалось, была въ восхищеніи отъ коробочки, оклеенной золотыми каемками, и самою ласковою улыбкой выразила свою благодарность. Замѣтно, однако, было, что она не знала, куда поставить эту коробочку, и, должно быть, поэтому предложила папа посмотрѣть, какъ удивительно искусно она сдѣлана.

Удовлетворивъ своему любопытству, папа передалъ ее протопопу, которому вещица эта, казалось, чрезвычайно понравилась: онъ покачивалъ головой и съ любопытствомъ посматривалъ то на коробочку, то на мастера, который могъ сдѣлать такую прекрасную штуку. Володя поднесъ своего турку и тоже заслужилъ самыя лестныя похвалы со всѣхъ сторонъ. Насталъ и мой чередъ: бабушка съ одобрительною улыбкой обратилась ко мнѣ.

Тѣ, которые испытали застѣнчивость, знаютъ, что чувство это увеличивается въ прямомъ отношеніи времени, а рѣшительность уменьшается въ обратномъ отношеніи, то-есть чѣмъ больше продолжается это состояніе, тѣмъ дѣлается оно непреодолимѣе и тѣмъ менѣе остается рѣшительности.

Послѣдняя смѣлость и рѣшительность оставили меня въ то время, когда Карлъ Ивановичъ и Володя подносили свои подарки, и застѣнчивость моя дошла до послѣднихъ предѣловъ: я чувствовалъ, какъ кровь отъ сердца безпрестанно приливала мнѣ въ голову, какъ одна краска на лицѣ смѣнялась другою и какъ на лбу и на носу выступали крупныя капли пота. Уши горѣли, по всему тѣлу я чувствовалъ дрожь и испарину, переминался съ ноги на ногу и не трогался съ мѣста.

— Ну, покажи же, Николенька, что у тебя— коробочка или рисованіе? — сказалъ мнѣ папа. Дѣлать было нечего; дрожащею рукой подалъ я измятый роковой свертокъ: но голосъ совершенно отказался служить мнѣ, и я молча остановился передъ бабушкой. Я не могъ придти въ себя отъ мысли, что вмѣсто ожидаемаго рисунка при всѣхъ прочтутъ мои никуда негодные стихи и слова: *какъ родную мать*, которыя ясно докажутъ, что я никогда не любилъ и забылъ ее. Какъ передать мои страданія въ то время, когда бабушка начала читать вслухъ мое стихотвореніе и когда, не разбирая, она останавливалась на срединѣ стиха, чтобы съ улыбкой, которая тогда мнѣ казалась насмѣшливою, взглянуть на папа, когда она произносила не такъ, какъ мнѣ хотѣлось, и когда, по слабости зрѣнія не дочтя до конца, она передала бумагу папа и попросила его прочесть ей все сначала? Мнѣ казалось, что она это сдѣлала потому, что ей надоѣло читать такіе дурные и криво написанные стихи, и для того, чтобы папа могъ самъ прочесть послѣдній стихъ, столь явно доказывающій мою безчувственность. Я ожидалъ того, что онъ щелкнетъ меня по носу этими сти-

хами и скажетъ: «дрянной мальчишка, не забывай матери... вотъ тебѣ за это!» Но ничего такого не случилось; напротивъ, когда все было прочтено, бабушка сказала: charmant! и поцѣловала меня въ лобъ.

Коробочка, рисунокъ и стихи были положены рядомъ съ двумя батистовыми платками и табакеркой съ портретомъ maman на выдвижной столикъ вольтеровскаго кресла, въ которомъ всегда сиживала бабушка.

— Княгиня Варвара Ильинична, — доложилъ одинъ изъ двухъ огромныхъ лакеевъ, ѣздившихъ за каретой бабушки.

Бабушка, задумавшись, смотрѣла на портретъ, вдѣланный въ черепаховую табакерку, и ничего не отвѣчала.

— Прикажете просить, ваше сіятельство? — повторилъ лакей.

XVII.

КНЯГИНЯ КОРНАКОВА.

— Проси, — сказала бабушка, усаживаясь глубже въ кресло. Княгиня была женщина лѣтъ сорока пяти, маленькая, тщедушная, сухая и желчная, съ сѣро-зелеными, непріятными глазками, выраженіе которыхъ явно противорѣчило неестественно-умильно сложенному ротику. Изъ-подъ бархатной шляпки съ страусовымъ перомъ виднѣлись свѣтло-рыжеватые волосы; брови и рѣсницы казались еще свѣтлѣе и рыжеватѣе на нездоровомъ цвѣтѣ ея лица. Несмотря на это, благодаря ея непринужденнымъ движеніямъ, крошечнымъ рукамъ и особенной сухости во всѣхъ чертахъ, об-

щій видъ ея имѣлъ что-то благородное и энергическое.

Княгиня очень много говорила и по своей рѣчивости принадлежала къ тому разряду людей, которые всегда говорятъ такъ, какъ будто имъ противорѣчатъ, хотя бы никто не говорилъ ни слова: она то возвышала голосъ, то, постепенно понижая его, вдругъ съ новою живостью начинала говорить и оглядывалась на присутствующихъ, но не принимающихъ участія въ разговорѣ особъ, какъ будто стараясь подкрѣпить себя этимъ взглядомъ.

Несмотря на то, что княгиня поцѣловала руку бабушки, безпрестанно называла ее ma bonne tante, я замѣтилъ, что бабушка была ею недовольна: она какъ-то особенно поднимала брови, слушая ея разсказъ о томъ, почему князь Михайло никакъ не могъ самъ пріѣхать поздравить бабушку, несмотря на сильнѣйшее желаніе; и, отвѣчая по-русски на французскую рѣчь княгини, она сказала, особенно растягивая свои слова:

— Очень вамъ благодарна, моя милая, за вашу внимательность; а что князь Михайло не пріѣхалъ, такъ что-жъ про то и говорить... у него всегда дѣлъ пропасть; да и то сказать, что ему за удовольствіе со старухой сидѣть?

И, не давая княгинѣ времени опровергнуть ея слова, она продолжала:

— Что, какъ ваши дѣтки, моя милая?

— Да слава Богу, ma tante, растутъ, учатся, шалятъ... особенно Этьенъ, старшій, такой повѣса становится, что ладу никакого нѣтъ; зато и уменъ—un garçon qui promet. Можете себѣ представить, mon cousin,—продолжала она, обращаясь исключительно къ папа, потому что бабушка, ни-

сколько не интересуясь дѣтьми княгини, а желая похвастаться своими внуками, съ тщательностью достала мои стихи изъ-подъ коробочки и стала ихъ развертывать, — можете себѣ представить, mon cousin, что онъ сдѣлалъ на-дняхъ...

И княгиня, наклонившись къ папа, начала ему разказывать что-то съ большимъ одушевленіемъ. Окончивъ разсказъ, котораго я не слыхалъ, она тотчасъ засмѣялась и, вопросительно глядя въ лицо папа, сказала:

— Каковъ мальчикъ, mon cousin? Онъ стоилъ, чтобъ его высѣчь; но выдумка эта такъ умна и забавна, что я его простила, mon cousin.

И княгиня, устремивъ взоры на бабушку, ничего не говоря, продолжала улыбаться.

— Развѣ вы *бьете* своихъ дѣтей, моя милая? — спросила бабушка, значительно поднимая брови и дѣлая особенное удареніе на словѣ *бьете*.

— Ахъ, ma bonne tante, — кинувъ быстрый взглядъ на папа, добренькимъ голоскомъ отвѣчала княгиня, — я знаю, какого вы мнѣнія на этотъ счетъ; но позвольте мнѣ въ этомъ одномъ съ вами не согласиться: сколько я ни думала, сколько ни читала, ни совѣтовалась объ этомъ предметѣ, все-таки опытъ привелъ меня къ тому, что я убѣдилась въ необходимости дѣйствовать на дѣтей страхомъ. Чтобы что-нибудь сдѣлать изъ ребенка, нуженъ страхъ. . . . не такъ ли, mon cousin? чего, je vous demande un peu, дѣти боятся больше, чѣмъ розги?

При этомъ она вопросительно взглянула на насъ, и, признаюсь, мнѣ сдѣлалось какъ-то неловко въ эту минуту.

— Какъ ни говорите, а мальчикъ до 12-ти и даже до 14-ти лѣтъ все еще ребенокъ; вотъ дѣвочка—другое дѣло.

«Какое счастіе,—подумалъ я,—что я не ея сынъ».

— Да, это прекрасно, моя милая,—сказала бабушка, свертывая мои стихи и укладывая ихъ подъ коробочку, какъ будто не считая послѣ этого княгиню достойною слышать такое произведеніе, — это очень хорошо, только скажите мнѣ, пожалуйста, какихъ послѣ этого вы можете требовать деликатныхъ чувствъ отъ вашихъ дѣтей?

И, считая этотъ аргументъ неотразимымъ, бабушка прибавила, чтобы прекратить разговоръ:

— Впрочемъ, у каждаго на этотъ счетъ можетъ быть свое мнѣніе.

Княгиня не отвѣчала, но только снисходительно улыбалась, выражая этимъ, что она извиняетъ эти странные предразсудки въ особѣ, которую такъ много уважаетъ.

— Ахъ, да познакомьте же меня съ вашими молодыми людьми,—сказала она, глядя на насъ и привѣтливо улыбаясь.

Мы встали и, устремивъ глаза на лицо княгини, никакъ не знали, что же нужно сдѣлать, чтобы доказать, что мы познакомились.

— Поцѣлуйте же руку княгини,—сказалъ папа.

— Прошу любить старую тетку,—говорила она, цѣлуя Володю въ волосы,—хотя я вамъ и дальняя, но я считаю по дружескимъ связямъ, а не по степенямъ родства,—прибавила она, относясь преимущественно къ бабушкѣ; но бабушка продолжала быть недовольной ею и отвѣчала:

— Э! моя милая, развѣ нынче считается такое родство?

— Этотъ у меня будетъ свѣтскій молодой человѣкъ — сказалъ папа, указывая на Володю, — а этотъ — поэтъ, — прибавилъ онъ въ то время, какъ я, цѣлуя маленькую, сухую ручку княгини, съ чрезвычайною ясностью воображалъ въ этой рукѣ розгу, подъ розгой — скамейку и т. д. и т. д.

— Который?—спросила княгиня, удерживая меня за руку.

— А этотъ, маленькій, съ вихрами, — отвѣчалъ папа, весело улыбаясь.

«Что ему сдѣлали мои вихры... развѣ нѣтъ другого разговора?» подумалъ я и отошелъ въ уголъ.

Я имѣлъ самыя странныя понятія о красотѣ,— даже Карла Ивановича считалъ первымъ красавцемъ въ мірѣ; но очень хорошо зналъ, что я нехорошъ собой, и въ этомъ нисколько не ошибался; поэтому каждый намекъ на мою наружность больно оскорблялъ меня.

Я очень хорошо помню, какъ разъ за обѣдомъ — мнѣ было тогда шесть лѣтъ — говорили о моей наружности, какъ maman старалась найти что-нибудь хорошее въ моемъ лицѣ; говорила, что у меня умные глаза, пріятная улыбка, и, наконецъ, уступая доводамъ отца и очевидности, принуждена была сознаться, что я дуренъ; и потомъ, когда я благодарилъ ее за обѣдъ, потрепала меня по щекѣ и сказала:

— Ты это знай, Николенька, что за твое лицо тебя никто не будетъ любить; поэтому ты долженъ стараться быть умнымъ и добрымъ мальчикомъ.

Эти слова не только убѣдили меня въ томъ, ıто я не красавецъ, но еще и въ томъ, что я ıепремѣнно буду добрымъ и умнымъ мальчикомъ.

Несмотря на это, на меня часто находили ıинуты отчаянія: я воображалъ, что нѣтъ :частья на землѣ для человѣка съ такимъ широ- :имъ носомъ, толстыми губами и маленькими ѣрыми глазами, какъ я; я просилъ у Бога сдѣ- ıать чудо — превратить меня въ красавца, и все, ıто имѣлъ въ настоящемъ, все, что могъ имѣть ъ будущемъ, я все отдалъ бы за красивое лицо.

XVIII.

КНЯЗЬ ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Когда княгиня выслушала стихи и осыпала со- ınителя похвалами, бабушка смягчилась, стала оворить съ ней по-французски, перестала назы- ать ее *вы, моя милая*, и пригласила пріѣхать къ амъ вечеромъ со всѣми дѣтьми, на что кня- иня согласилась и, посидѣвъ еще немного, ѣхала.

Гостей съ поздравленіями пріѣзжало такъ ıного въ этотъ день, что на дворѣ, около подъ- ѣзда, цѣлое утро не переставало стоять по нѣ- кольку экипажей.

— Bonjour, chère cousine, — сказалъ одинъ изъ остей, войдя въ комнату и цѣлуя руку абушки.

Это былъ человѣкъ лѣтъ семидесяти, высо- аго роста, въ военномъ мундирѣ, съ большими полетами, изъ-подъ воротника котораго виденъ ылъ большой бѣлый крестъ, и съ спокойнымъ, ткрытымъ выраженіемъ лица. Свобода и про-

стота его движеній поразили меня. Несмотря на то, что только на затылкѣ его оставался полукругъ жидкихъ волосъ и что положеніе верхней губы ясно доказывало недостатокъ зубовъ, лицо его было еще замѣчательной красоты.

Князь Иванъ Ивановичъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, благодаря своему благородному характеру, красивой наружности, замѣчательной храбрости, знатной и сильной роднѣ и въ особенности счастію, сдѣлалъ еще въ очень молодыхъ лѣтахъ блестящую карьеру. Онъ продолжалъ служить, и очень скоро честолюбіе его было такъ удовлетворено, что ему больше нечего было желать въ этомъ отношеніи. Съ первой молодости онъ держалъ себя такъ, какъ будто готовился занять то блестящее мѣсто въ свѣтѣ, на которое впослѣдствіи поставила его судьба; поэтому, хотя въ его блестящей и нѣсколько тщеславной жизни, какъ и во всѣхъ другихъ, встрѣчались неудачи, разочарованія и огорченія, онъ ни разу не измѣнилъ ни своему всегда спокойному характеру, ни возвышенному образу мыслей, ни основнымъ правиламъ религіи и нравственности и пріобрѣлъ общее уваженіе не столько на основаніи своего блестящаго положенія, сколько на основаніи своей послѣдовательности и твердости. Онъ былъ небольшого ума, но, благодаря такому положенію, которое позволяло ему свысока смотрѣть на всѣ тщеславныя треволненія жизни, образъ мыслей его былъ возвышенный. Онъ былъ добръ и чувствителенъ, но холоденъ и нѣсколько надмененъ въ обращеніи. Это происходило оттого, что, бывъ поставленъ въ такое положеніе, въ которомъ онъ могъ быть полезенъ многимъ, своею

холодностью онъ старался оградить себя отъ безпрестанныхъ просьбъ и заискиванiй людей, которые желали только воспользоваться его влiянiемъ. Холодность эта смягчалась, однако, снисходительною вѣжливостью человѣка *очень большого свѣта.* Онъ былъ хорошо образованъ и начитанъ; но образованiе его остановилось на томъ, что́ онъ прiобрѣлъ въ молодости, то-есть въ концѣ прошлаго столѣтiя. Онъ прочелъ все, что было написано во Францiи замѣчательнаго по части философiи и краснорѣчiя въ XVIII вѣкѣ, основательно зналъ всѣ лучшiя произведенiя французской литературы, такъ что могъ и любилъ часто цитировать мѣста изъ Расина, Корнеля, Боало, Мольера, Монтеня, Фенелона; имѣлъ блестящiя познанiя въ миѳологiи и съ пользою изучалъ во французскихъ переводахъ древнiе памятники эпической поэзiи, имѣлъ достаточныя познанiя въ исторiи, почерпнутыя имъ изъ Сегюра; но не имѣлъ никакого понятiя ни о математикѣ дальше ариѳметики, ни о физикѣ, ни о современной литературѣ: онъ могъ въ разговорѣ прилично умолчать или сказать нѣсколько общихъ фразъ о Гете, Шиллерѣ и Байронѣ, но никогда не читалъ ихъ. Несмотря на это французско-классическое образованiе, котораго остается теперь уже такъ мало образчиковъ, разговоръ его былъ простъ, и простота эта одинаково скрывала его незнанiе нѣкоторыхъ вещей и выказывала прiятный тонъ и терпимость. Онъ былъ большой врагъ всякой оригинальности, говоря, что оригинальность есть уловка людей дурного тона. Общество было для него необходимо, гдѣ бы онъ ни жилъ: въ Москвѣ или за границей,

онъ всегда живалъ одинаково открыто и въ извѣстные дни принималъ у себя весь городъ. Онъ былъ на такой ногѣ въ городѣ, что пригласительный билетъ отъ него могъ служить паспортомъ во всѣ гостиныя, что многія молоденькія и хорошенькія дамы охотно подставляли ему свои розовенькія щечки, которыя онъ цѣловалъ какъ будто съ отеческимъ чувствомъ, и что иные, повидимому, очень важные и порядочные люди были въ неописанной радости, когда допускались къ партіи князя.

Уже мало оставалось для князя такихъ людей, какъ бабушка, которые были бы съ нимъ одного круга, одинаковаго воспитанія, взгляда на вещи и однихъ лѣтъ; поэтому онъ особенно дорожилъ своею старинною дружескою связью съ нею и оказывалъ ей всегда большое уваженіе.

Я не могъ наглядѣться на князя: уваженіе, которое ему всѣ оказывали, большія эполеты, особенная радость, которую изъявила бабушка, увидѣвъ его, и то, что онъ одинъ, повидимому, не боялся ея, обращался съ ней совершенно свободно и даже имѣлъ смѣлость называть ее ma cousine, внушили мнѣ къ нему уваженіе равное, если не большее, тому, которое я чувствовалъ къ бабушкѣ. Когда ему показали мои стихи, онъ подозвалъ меня къ себѣ и сказалъ:

— Почемъ знать, ma cousine, можетъ-быть, это будетъ другой Державинъ.

При этомъ онъ такъ больно ущипнулъ меня за щеку, что если я не вскрикнулъ, такъ только потому, что догадался принять это за ласку.

Гости разъѣхались, папа и Володя вышли; въ гостиной остались князь, бабушка и я.

— Отчего это наша милая Наталья Николаевна не пріѣхала? — спросилъ вдругъ князь Иванъ Ивановичъ послѣ минутнаго молчанія.

— Ah! mon cher,—отвѣчала бабушка, понизивъ голосъ и положивъ руку на рукавъ его мундира, — она вѣрно бы пріѣхала, если-бы была свободна дѣлать, что̀ хочетъ. Она пишетъ мнѣ, что будто Pierre предлагалъ ей ѣхать, но что она сама отказалась, потому что доходовъ у нихъ будто бы совсѣмъ не было нынѣшній годъ; и пишетъ: «притомъ мнѣ и не зачѣмъ переѣзжать нынѣшній годъ всѣмъ домомъ въ Москву. Любочка еще слишкомъ мала, а насчетъ мальчиковъ, которые будутъ жить у васъ, я еще покойнѣе, чѣмъ ежели бы они были со мною». Все это прекрасно!—продолжала бабушка такимъ тономъ, который ясно доказывалъ, что она вовсе не находила, чтобъ это было прекрасно. — Мальчиковъ давно пора было прислать сюда, чтобы они могли чему-нибудь учиться и привыкать къ свѣту; а то какое же имъ могли дать воспитаніе въ деревнѣ?... Вѣдь старшему скоро тринадцать лѣтъ, а другому одиннадцать. Вы замѣтили, mon cousin, они здѣсь совершенно какъ дикіе... въ комнату войти не умѣютъ.

— Я, однако, не понимаю,—отвѣчалъ князь,— отчего эти всегдашнія жалобы на разстройство обстоятельствъ? *У него* очень хорошее состояніе, а Наташину Хабаровку, въ которой мы съ вами во время оно игрывали на театрѣ, я знаю, какъ свои пять пальцевъ—чудесное имѣніе! и всегда должно приносить прекрасный доходъ...

— Я вамъ скажу, какъ истинному другу,— прервала его бабушка съ грустнымъ выра-

женіемъ: — мнѣ кажется, что все это отговорки для того только, чтобъ *ему* жить здѣсь одному, шляться по клубамъ, по обѣдамъ и Богъ знаетъ, что дѣлать; а она ничего не подозрѣваетъ. Вы знаете, какая это ангельская доброта,—она *ему* во всемъ вѣритъ. Онъ увѣрилъ ее, что дѣтей нужно везти въ Москву, а ей одной, съ глупой гувернанткой, оставаться въ деревнѣ—она повѣрила; скажи онъ ей, что дѣтей нужно сѣчь такъ же, какъ сѣчетъ своихъ княгиня Варвара Ильинична, она бы и тутъ, кажется, согласилась, — сказала бабушка, поворачиваясь въ своемъ креслѣ съ видомъ совершеннаго презрѣнія. — Да, мой другъ, — продолжала бабушка послѣ минутнаго молчанія, взявъ въ руки одинъ изъ двухъ платковъ, чтобы утереть показавшуюся слезу, — я часто думаю, что *онъ* не можетъ ни цѣнить ни понимать ее и что, несмотря на всю ея доброту, любовь къ нему и стараніе скрыть свое горе — я очень хорошо знаю это — она не можетъ быть съ нимъ счастлива; и помяните мое слово, если онъ не...

Бабушка закрыла лицо платкомъ.

— Eh! ma bonne amie,—сказалъ князь съ упрекомъ, — я вижу, вы нисколько не стали благоразумнѣе — вѣчно сокрушаетесь и плачете о воображаемомъ горѣ. Ну, какъ вамъ не совѣстно? Я *его* давно знаю и знаю за внимательнаго, добраго и прекраснаго мужа и главное — за благороднѣйшаго человѣка, un parfait honnête homme.

Невольно подслушавъ разговоръ, котораго мнѣ не должно было слушать, я на цыпочкахъ и въ сильномъ волненіи выбрался изъ комнаты.

XIX.

ИВИНЫ.

— Володя! Володя! Ивины! — закричалъ я, увидѣвъ въ окно трехъ мальчиковъ въ синихъ бекешахъ съ бобровыми воротниками, которые, слѣдуя за молодымъ гувернеромъ-щеголемъ, переходили съ противоположнаго тротуара къ нашему дому.

Ивины приходились намъ родственниками и были почти однихъ съ нами лѣтъ; вскорѣ послѣ пріѣзда нашего въ Москву мы познакомились и сошлись съ ними.

Второй Ивинъ, Сережа, былъ смуглый, курчавый мальчикъ со вздернутымъ, твердымъ носикомъ, очень свѣжими, красными губами, которыя рѣдко совершенно закрывали немного выдавшійся верхній рядъ бѣлыхъ зубовъ, темно-голубыми прекрасными глазами и необыкновенно бойкимъ выраженіемъ лица. Онъ никогда не улыбался, но или смотрѣлъ совершенно серьезно, или отъ души смѣялся своимъ звонкимъ, отчетливымъ и чрезвычайно увлекательнымъ смѣхомъ. Его оригинальная красота поразила меня съ перваго взгляда. Я почувствовалъ къ нему непреодолимое влеченіе. Видѣть его было достаточно для моего счастья; и одно время всѣ силы моей души были сосредоточены въ этомъ желаніи: когда мнѣ случалось провести дня три или четыре не видавъ его, я начиналъ скучать, и мнѣ становилось грустно до слезъ. Всѣ мечты мои во снѣ и наяву были о немъ: ложась спать, я желалъ, чтобъ онъ мнѣ приснился; закрывая глаза, я видѣлъ его передъ собою и лелѣялъ этотъ призракъ, какъ лучшее

наслажденіе. Никому въ мірѣ я не рѣшился бы повѣрить этого чувства: такъ много я дорожилъ имъ. Можетъ-быть потому, что ему надоѣло чувствовать безпрестанно устремленные на него мои безпокойные глаза, или просто, не чувствуя ко мнѣ никакой симпатіи, онъ замѣтно больше любилъ играть и говорить съ Володей, чѣмъ со мною; но я все-таки былъ доволенъ, ничего не желалъ, ничего не требовалъ и всѣмъ готовъ былъ для него пожертвовать. Кромѣ страстнаго влеченія, которое онъ внушалъ мнѣ, присутствіе его возбуждало во мнѣ въ не менѣе сильной степени другое чувство—страхъ огорчить его, оскорбить чѣмъ-нибудь, не понравиться ему: можетъ-быть, потому, что лицо его имѣло надменное выраженіе, или потому, что, презирая свою наружность, я слишкомъ много цѣнилъ въ другихъ преимущества красоты, или, что вѣрнѣе всего, потому, что это есть непремѣнный признакъ любви, я чувствовалъ къ нему столько же страху, сколько и любви. Въ первый разъ, какъ Сережа заговорилъ со мной, я до того растерялся отъ такого неожиданнаго счастія, что поблѣднѣлъ, покраснѣлъ и ничего не могъ отвѣтить ему. У него была дурная привычка, когда онъ задумывался, останавливать глаза на одной точкѣ и безпрестанно мигать, подергивая при этомъ носомъ и бровями. Всѣ находили, что эта привычка очень портитъ его, но я находилъ ее до того милою, что невольно привыкъ дѣлать то же самое и черезъ нѣсколько дней послѣ моего съ нимъ знакомства бабушка спросила: не болятъ ли у меня глаза, что я ими хлопаю, какъ филинъ. Между нами никогда не было сказано ни слова о любви;

но онъ чувствовалъ свою власть надо мною и безсознательно, но тиранически употреблялъ ее въ нашихъ дѣтскихъ отношеніяхъ; я же, какъ ни желалъ высказать ему все, что было у меня на душѣ, слишкомъ боялся его, чтобы рѣшиться на откровенность, старался казаться равнодушнымъ и безропотно подчинялся ему. Иногда вліяніе его казалось мнѣ тяжелымъ, несноснымъ; но выйти изъ-подъ него было не въ моей власти.

Мнѣ грустно вспомнить объ этомъ свѣжемъ, прекрасномъ чувствѣ безкорыстной и безпредѣльной любви, которое такъ и умерло, не излившись и не найдя сочувствія.

Странно, отчего, когда я былъ ребенкомъ, я старался быть похожимъ на большого, а съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ быть имъ, часто желалъ быть похожимъ на него. Сколько разъ это желаніе—не быть похожимъ на маленькаго въ моихъ отношеніяхъ съ Сережей — останавливало чувство, готовое излиться, и заставляло лицемѣрить. Я не только не смѣлъ поцѣловать его, чего мнѣ иногда очень хотѣлось, взять его за руку, сказать, какъ я радъ его видѣть, но не смѣлъ даже называть его Сережа,—непремѣнно Сергѣй: такъ ужъ было заведено у насъ. Каждое выраженіе чувствительности доказывало ребячество и то, что тотъ, кто позволялъ себѣ его, былъ еще *мальчишка*. Не пройдя еще черезъ тѣ горькія испытанія, которыя доводятъ взрослыхъ до осторожности и холодности въ отношеніяхъ, мы лишали себя чистыхъ наслажденій нѣжной дѣтской привязанности по одному только странному желанію подражать *большимъ*.

Еще въ лакейской встрѣтилъ я Ивиныхъ, поздоровался съ ними и опрометью пустился къ бабушкѣ: я объявилъ ей о томъ, что пріѣхали Ивины, съ такимъ выраженіемъ, какъ будто это извѣстіе должно было вполнѣ осчастливить ее. Потомъ, не спуская глазъ съ Сережи, я послѣдовалъ за нимъ въ гостиную и слѣдилъ за всѣми его движеніями. Въ то время, какъ бабушка сказала, что онъ очень выросъ, и устремила на него свои проницательные глаза, я испытывалъ то чувство страха и надежды, которое долженъ испытывать художникъ, ожидая приговора надъ своимъ произведеніемъ отъ уважаемаго судьи.

Молодой гувернеръ Ивиныхъ Herr Frost, съ позволенія бабушки, сошелъ съ нами въ палисадникъ, сѣлъ на зеленую скамью, живописно сложилъ ноги, поставивъ между ними палку съ бронзовымъ набалдашникомъ, и съ видомъ человѣка, очень довольнаго своими поступками, закурилъ сигару.

Herr Frost былъ нѣмецъ, но нѣмецъ совершенно не того покроя, какъ нашъ добрый Карлъ Ивановичъ: во-первыхъ, онъ правильно говорилъ по-русски, съ дурнымъ выговоромъ—по-французски и пользовался вообще, въ особенности между дамами, репутаціей очень ученаго человѣка; во-вторыхъ, онъ носилъ рыжіе усы, большую рубиновую булавку въ черномъ атласномъ шарфѣ, концы котораго были просунуты подъ помочи, и свѣтло-голубые панталоны съ отливомъ и со штрипками; въ-третьихъ, онъ былъ молодъ, имѣлъ красивую, самодовольную наружность и необыкновенно видныя мускулистыя ноги. Замѣтно было, что онъ особенно дорожилъ этимъ послѣднимъ преимуществомъ: считалъ его дѣйствіе неотрази-

мымъ въ отношенiи особъ женскаго пола и, должно быть, съ этою цѣлью старался выставлять свои ноги на самое видное мѣсто и, стоя или сидя на мѣстѣ, всегда приводилъ въ движенiе свои икры. Это былъ типъ молодого русскаго нѣмца, который хочетъ быть молодцомъ и волокитой.

Въ палисадникѣ было очень весело. Игра въ разбойники шла какъ нельзя лучше; но одно обстоятельство чуть-чуть не разстроило всего. Сережа былъ разбойникъ: погнавшись за проѣзжающими, онъ споткнулся и на всемъ бѣгу ударился колѣномъ о дерево такъ сильно, что я думалъ, онъ расшибется въ дребезги. Несмотря на то, что я былъ жандармомъ и моя обязанность состояла въ томъ, чтобы ловить его, я подошелъ и съ участiемъ сталъ спрашивать, больно ли ему. Сережа разсердился на меня: сжалъ кулаки, топнулъ ногой и голосомъ, который ясно доказывалъ, что онъ очень больно ушибся, закричалъ мнѣ:

— Ну, что это? Послѣ этого игры никакой нѣтъ! Ну, что жъ ты меня не ловишь? Что жъ ты меня не ловишь? — повторялъ онъ нѣсколько разъ, искоса поглядывая на Володю и старшаго Ивина, которые, представляя проѣзжающихъ, припрыгивая, бѣжали по дорожкѣ, и вдругъ взвизгнулъ и съ громкимъ смѣхомъ бросился ловить ихъ.

Не могу передать, какъ поразилъ и плѣнилъ меня этотъ геройскiй поступокъ; несмотря на страшную боль, онъ не только не заплакалъ, но не показалъ и виду, что ему больно, и ни на минуту не забылъ игры.

Вскорѣ послѣ этого, когда къ нашей компанiи присоединился еще Илинька Грапъ и мы до обѣда отправились наверхъ, Сережа имѣлъ случай еще

болѣе плѣнить и поразить меня своимъ удивительнымъ мужествомъ и твердостью характера.

Илинька Грапъ былъ сынъ бѣднаго иностранца, который когда-то жилъ у моего дѣда, былъ чѣмъ-то ему обязанъ и почиталъ теперь своимъ непремѣннымъ долгомъ присылать очень часто къ намъ своего сына. Если онъ полагалъ, что знакомство съ нами можетъ доставить его сыну какую-нибудь честь или удовольствіе, то онъ совершенно ошибался въ этомъ отношеніи, потому что мы не только не были дружны съ Илинькой, но обращали на него вниманіе только тогда, когда хотѣли посмѣяться надъ нимъ. Илинька Грапъ былъ мальчикъ лѣтъ тринадцати, худой, высокій, блѣдный, съ птичьею рожицей и добродушно-покорнымъ выраженіемъ. Онъ былъ очень бѣдно одѣтъ, но зато всегда напомаженъ такъ обильно, что мы увѣряли, будто у Грапа въ солнечный день помада таетъ на головѣ и течетъ подъ курточку. Когда я теперь вспоминаю его, я нахожу, что онъ былъ очень услужливый, тихій и добрый мальчикъ; тогда же онъ мнѣ казался такимъ презрѣннымъ существомъ, о которомъ не стоило ни жалѣть, ни даже думать.

Когда игра въ разбойники прекратилась, мы пошли наверхъ, начали *возиться* и щеголять другъ передъ другомъ разными гимнастическими штуками. Илинька съ робкой улыбкой удивленія поглядывалъ на насъ и, когда ему предлагали попробовать то же, отказывался, говоря, что у него совсѣмъ нѣтъ силы. Сережа былъ удивительно милъ; онъ снялъ курточку, лицо и глаза его разгорѣлись, онъ безпрестанно хохоталъ и затѣвалъ новыя шалости: перепрыгивалъ черезъ три стула,

поставленные рядомъ, черезъ всю комнату перекатывался колесомъ, становился кверху ногами на лексиконы Татищева, положенные имъ въ видѣ пьедестала на средину комнаты, и при этомъ выдѣлывалъ ногами такія уморительныя штуки, что невозможно было удержаться отъ смѣха. Послѣ этой послѣдней штуки онъ задумался, помигалъ глазами и вдругъ съ совершенно серьезнымъ лицомъ подошелъ къ Илинькѣ: «Попробуйте сдѣлать это, право, это не трудно». Грапъ, замѣтивъ, что общее вниманіе обращено на него, покраснѣлъ и чуть слышнымъ голосомъ увѣрялъ, что онъ никакъ не можетъ этого сдѣлать.

— Да что жъ, въ самомъ дѣлѣ, отчего онъ ничего не хочетъ показать? Что онъ за дѣвочка... непремѣнно надо, чтобъ онъ сталъ на голову!

И Сережа взялъ его за руку.

— Непремѣнно, непремѣнно на голову! — закричали мы всѣ, обступивъ Илиньку, который въ эту минуту замѣтно испугался и поблѣднѣлъ, схватили его за руки и повлекли къ лексиконамъ.

— Пустите меня, я самъ! курточку разорвете! — кричала несчастная жертва. Но эти крики отчаянія еще болѣе воодушевляли насъ; мы помирали со смѣху; зеленая курточка трещала на всѣхъ швахъ.

Володя и старшій Ивинъ нагнули ему голову и поставили ее на лексиконы; я и Сережа схватили бѣднаго мальчика за тоненькія ноги, которыми онъ махалъ въ разныя стороны, засучили ему панталоны до колѣнъ и съ громкимъ смѣхомъ вскинули ихъ кверху; младшій Ивинъ поддерживалъ равновѣсіе всего туловища.

Случилось такъ, что послѣ шумнаго смѣха мы вдругъ всѣ замолчали, и въ комнатѣ стало такъ тихо, что слышно было только тяжелое дыханіе несчастнаго Грапа. Въ эту минуту я не совсѣмъ былъ убѣжденъ, что все это очень смѣшно и весело.

— Вотъ теперь молодецъ! — сказалъ Сережа, хлопнувъ его рукой.

Илинька молчалъ и, стараясь вырваться, кидалъ ногами въ разныя стороны. Однимъ изъ такихъ отчаянныхъ движеній онъ ударилъ каблукомъ по глазу Сережу такъ больно, что Сережа тотчасъ же оставилъ его ноги, схватился за глазъ, изъ котораго потекли невольныя слезы, и изъ всѣхъ силъ толкнулъ Илиньку. Илинька, не будучи болѣе поддерживаемъ нами, какъ что-то безжизненное, грохнулся на землю и отъ слезъ могъ только выговорить:

— За что вы меня тираните!

Плачевная фигура бѣднаго Илиньки, съ заплаканнымъ лицомъ, взъерошенными волосами и засученными пантолонами, изъ-подъ которыхъ видны были нечищенныя голенища, поразила насъ; мы всѣ молчали и старались принужденно улыбаться.

Первый опомнился Сережа.

— Вотъ баба, нюня,—сказалъ онъ, слегка трогая его ногою:—съ нимъ шутить нельзя... Ну, полно, вставайте.

— Я вамъ сказалъ, что ты негодный мальчишка, —злобно выговорилъ Илинька и, отвернувшись прочь, громко зарыдалъ.

— А-а! каблуками бить да еще браниться!— закричалъ Сережа, схвативъ въ руки лексиконъ, и взмахнулъ надъ головою несчастнаго, который

и не думалъ защищаться, а только закрывалъ руками голову.

— Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ!... Бросимъ его, коли онъ шутокъ не понимаетъ... Пойдемте внизъ,— сказалъ Сережа, неестественно засмѣявшись.

Я съ участіемъ посмотрѣлъ на бѣдняжку, который, лежа на полу и спрятавъ лицо въ лексиконахъ, плакалъ такъ, что, казалось, еще немного, и онъ умретъ отъ конвульсій, которыя дергали все его тѣло.

— Э, Сергѣй, — сказалъ я ему, — зачѣмъ ты это сдѣлалъ?

— Вотъ хорошо!... Я не заплакалъ, надѣюсь, сегодня, какъ разбилъ себѣ ногу почти до кости.

«Да, это правда,—подумалъ я.—Илинька больше ничего какъ плакса, а вотъ Сережа—такъ это молодецъ... что это за молодецъ!...»

Я не сообразилъ того, что бѣдняжка плакалъ вѣрно не столько отъ физической боли, сколько отъ той мысли, что пять мальчиковъ, которые, можетъ-быть, нравились ему, безъ всякой причины всѣ согласились ненавидѣть и гнать его.

Я рѣшительно не могу объяснить себѣ жестокости своего поступка. Какъ я не подошелъ къ нему, не защитилъ и не утѣшилъ его? Куда дѣвалось чувство состраданія, заставлявшее меня, бывало, плакать навзрыдъ при видѣ выброшеннаго изъ гнѣзда галчонка или щенка, котораго несутъ, чтобы кинуть за заборъ, или курицы, которую несетъ поваренокъ для супа?

Неужели это прекрасное чувство было заглушено во мнѣ любовью къ Сережѣ и желаніемъ казаться передъ нимъ такимъ же молодцомъ, какъ и онъ самъ? Незавидныя же были эти любовь

и желаніе казаться молодцомъ! Они произвели единственныя темныя пятна на страницахъ моихъ дѣтскихъ воспоминаній.

XX.

СОБИРАЮТСЯ ГОСТИ.

Судя по особенной хлопотливости, замѣтной въ буфетѣ, по яркому освѣщенію, придававшему какой-то новый, праздничный видъ всѣмъ, уже мнѣ давно знакомымъ предметамъ въ гостиной и залѣ, и въ особенности судя по тому, что не даромъ же прислалъ князь Иванъ Ивановичъ свою музыку, ожидалось не малое количество гостей къ вечеру.

При шумѣ каждаго мимо ѣхавшаго экипажа я подбѣгалъ къ окну, приставлялъ ладони къ вискамъ и къ стеклу и съ нетерпѣливымъ любопытствомъ смотрѣлъ на улицу. Изъ мрака, который сперва скрывалъ всѣ предметы въ окнѣ, показывались понемногу: напротивъ — давно знакомая лавочка съ фонаремъ, наискось—большой домъ съ двумя внизу освѣщенными окнами, посрединѣ улицы—какой-нибудь *Ванька* съ двумя сѣдоками или пустая коляска, шагомъ возвращающаяся домой; но вотъ къ крыльцу подъѣхала карета, и я въ полной увѣренности, что это Ивины, которые обѣщались пріѣхать рано, бѣгу встрѣчать ихъ въ переднюю. Вмѣсто Ивиныхъ, за ливрейною рукой, отворившею дверь, показались двѣ особы женскаго пола: одна—большая въ синемъ салопѣ съ собольимъ воротникомъ, другая — маленькая, вся закутанная въ зеленую шаль, изъ-подъ которой виднѣлись только маленькія ножки

въ мѣховыхъ ботинкахъ. Не обращая на мое присутствіе въ передней никакого вниманія, хотя я счелъ долгомъ при появленіи этихъ особъ поклониться имъ, маленькая молча подошла къ большой и остановилась передъ нею. Большая размотала платокъ, закрывавшій всю голову маленькой, разстегнула на ней салопъ, и когда ливрейный лакей получилъ эти вещи подъ сохраненіе и снядъ съ нея мѣховыя ботинки, изъ закутанной особы вышла чудесная двѣнадцатилѣтняя дѣвочка въ коротенькомъ, открытомъ кисейномъ платьицѣ, бѣлыхъ панталончикахъ и крошечныхъ черныхъ башмачкахъ. На бѣленькой шейкѣ была черная бархатная ленточка; головка вся была въ темнорусыхъ кудряхъ, которыя спереди такъ хорошо шли къ ея прекрасному личику, а сзади—къ голымъ плечикамъ, что никому, даже самому Карлу Иванычу, я не повѣрилъ бы, что они вьются такъ оттого, что съ утра были завернуты въ кусочки *Московскихъ Вѣдомостей* и что ихъ прижигали горячими желѣзными щипцами. Казалось, она такъ и родилась съ этой курчавою головкой.

Поразительною чертой въ ея лицѣ была необыкновенная величина выпуклыхъ, полузакрытыхъ глазъ, которые составляли странный, но пріятный контрастъ съ крошечнымъ ротикомъ. Губки были сложены, а глаза смотрѣли такъ серьезно, что общее выраженіе ея лица было такое, отъ котораго не ожидаешь улыбки и улыбка котораго бываетъ тѣмъ обворожительнѣе.

Стараясь быть незамѣченнымъ, я шмыгнулъ въ дверь залы и почелъ нужнымъ прохаживаться взадъ и впередъ, притворившись, что нахожусь въ задумчивости и совсѣмъ не знаю о томъ, что

пріѣхали гости. Когда гости вышли на половину залы, я какъ будто опомнился, расшаркался и объявилъ имъ, что бабушка въ гостиной. Г-жа Валахина, лицо которой мнѣ очень понравилось, въ особенности потому, что я нашелъ въ немъ большое сходство съ лицомъ ея дочери, Сонечки, благосклонно кивнула мнѣ головой.

Бабушка, казалось, была очень рада видѣть Сонечку, подозвала ее ближе къ себѣ, поправила на головѣ ея одну буклю, которая спадала на лобъ, и, пристально всматриваясь въ ея лицо, сказала: „quelle charmante enfant!" Сонечка улыбнулась, покраснѣла и сдѣлалась такъ мила, что я тоже покраснѣлъ, глядя на нее.

— Надѣюсь, ты не будешь скучать у меня, мой дружокъ, — сказала бабушка, приподнявъ ея личико за подбородокъ,—прошу же веселиться и танцовать какъ можно больше. Вотъ ужъ и есть одна дама и два кавалера, — прибавила она, обращаясь къ г-жѣ Валахиной и дотрогиваясь до меня рукою.

Это сближеніе было мнѣ такъ пріятно, что заставило покраснѣть еще разъ.

Чувствуя, что застѣнчивость моя увеличивается, и услыхавъ шумъ еще подъѣхавшаго экипажа, я почелъ нужнымъ удалиться. Въ передней нашелъ я княгиню Корнакову съ сыномъ и невѣроятнымъ количествомъ дочерей. Дочери всѣ были на одно лицо—похожи на княгиню и дурны; поэтому ни одна не останавливала вниманія. Снимая салопы и хвосты, онѣ всѣ вдругъ говорили тоненькими голосками, суетились и смѣялись чему-то,—должно быть, тому, что ихъ было такъ много. Этьенъ былъ мальчикъ лѣтъ пятнадцати, высокій, мясистый, съ испитою физіономіей, впалыми, посинѣ-

лыми внизу глазами и съ огромыми не по лѣтамъ руками и ногами; онъ былъ неуклюжъ, имѣлъ голосъ непріятный и неровный, но казался очень довольнымъ собою и былъ точно такимъ, какимъ могъ быть, по моимъ понятіямъ, мальчикъ, котораго сѣкутъ розгами.

Мы довольно долго стояли другъ противъ друга, и, не говоря ни слова, внимательно всматривались; потомъ, подвинувшись поближе, кажется, хотѣли поцѣловаться, но, посмотрѣвъ еще въ глаза другъ другу, почему-то раздумали. Когда платья всѣхъ сестеръ его прошумѣли мимо насъ, чтобы чѣмъ-нибудь начать разговоръ, я спросилъ, не тѣсно ли имъ было въ каретѣ.

— Не знаю, — отвѣтилъ онъ мнѣ небрежно, — я вѣдь никогда не ѣзжу въ каретѣ, потому что, какъ только я сяду, меня сейчасъ начинаетъ тошнить, и маменька это знаетъ. Когда мы ѣдемъ куда-нибудь вечеромъ, я всегда сажусь на козлы — гораздо веселѣе: все видно, Филиппъ даетъ мнѣ править, иногда и кнутъ я беру. Этакъ проѣзжающихъ, знаете, иногда... — прибавилъ онъ съ выразительнымъ жестомъ: — прекрасно!

— Ваше сіятельство, — сказалъ лакей, входя въ переднюю, — Филиппъ спрашиваетъ, куда вы кнутъ изволили дѣть.

— Какъ куда дѣлъ? да я ему отдалъ.

— Онъ говоритъ, что не отдавали.

— Ну, такъ на фонарь повѣсилъ.

— Филиппъ говоритъ, что и на фонарѣ нѣтъ, а вы скажите лучше, что взяли да потеряли, а Филиппъ будетъ изъ своихъ денежекъ отвѣчать за ваше баловство, — продолжалъ, все болѣе и болѣе воодушевляясь, раздосадованный лакей.

Лакей, который съ виду былъ человѣкъ почтенный и угрюмый, казалось, горячо принималъ сторону Филиппа и былъ намѣренъ во что бы то ни стало разъяснить это дѣло. По невольному чувству деликатности, какъ будто ничего не замѣчая, я отошелъ въ сторону; но присутствующіе лакеи поступили совсѣмъ иначе: они подступили ближе, съ одобреніемъ посматривая на стараго слугу.

— Ну, потерялъ, такъ потерялъ, — сказалъ Этьенъ, уклоняясь отъ дальнѣйшихъ объясненій, — что стоитъ ему кнутъ, такъ я и заплачу. Вотъ уморительно! — прибавилъ онъ, подходя ко мнѣ и увлекая меня въ гостиную.

— Нѣтъ, позвольте, баринъ, чѣмъ-то вы заплатите? Знаю я, какъ вы платите: Марьѣ Васильевнѣ вотъ ужъ вы восьмой мѣсяцъ двугривенный все платите, мнѣ тоже ужъ, кажется, второй годъ, Петрушкѣ...

— Замолчишь ли ты! — крикнулъ молодой князь, поблѣднѣвъ отъ злости. — Вотъ я все это скажу.

— Все скажу, все скажу! — проговорилъ лакей. — Нехорошо, ваше сіятельство! — прибавилъ онъ особенно выразительно въ то время, какъ мы входили въ залу, и пошелъ съ салопами къ ларю.

— Вотъ такъ, такъ! — послышался за нами чей-то одобрительный голосъ въ передней.

Бабушка имѣла особенный даръ, прилагая съ извѣстнымъ тономъ и въ извѣстныхъ случаяхъ множественныя и единственныя мѣстоименія второго лица, высказывать свое мнѣніе о людяхъ. Хотя она употребляла *вы* и *ты* наоборотъ об-

щепринятому обычаю, въ ея устахъ эти оттѣнки принимали совсѣмъ другое значеніе. Когда молодой князь подошелъ къ ней, она сказала ему нѣсколько словъ, называя его *вы*, и взглянула на него съ выраженіемъ такого пренебреженія, что, если бы я былъ на его мѣстѣ, я растерялся бы совершенно; но Этьенъ былъ, какъ видно, мальчикъ не такого *сложенія:* онъ не только не обратилъ никакого вниманія на пріемъ бабушки, но даже и на всю ея особу, а раскланялся всему обществу если не ловко, то совершенно развязно. Сонечка занимала все мое вниманіе: я помню, что когда Володя, Этьенъ и я разговаривали въ залѣ на такомъ мѣстѣ, съ котораго видна была Сонечка и она могла видѣть и слышать насъ, я говорилъ съ удовольствіемъ: когда мнѣ случалось сказать, по моимъ понятіямъ, смѣшное или молодецкое словцо, я произносилъ его громче и оглядывался на дверь въ гостиную; когда же мы перешли на другое мѣсто, съ котораго насъ нельзя было ни слышать, ни видѣть изъ гостиной, я молчалъ и не находилъ больше никакого удовольствія въ разговорѣ.

Гостиная и зала понемногу наполнялись гостями; въ числѣ ихъ, какъ и всегда бываетъ на дѣтскихъ вечерахъ, было нѣсколько большихъ дѣтей, которыя не хотѣли пропустить случая повеселиться и потанцовать, какъ будто для того только, чтобы сдѣлать удовольствіе хозяйкѣ дома.

Когда пріѣхали Ивины, вмѣсто удовольствія, которое я обыкновенно испытывалъ при встрѣчѣ съ Сережей, я почувствовалъ какую-то странную досаду на него за то, что онъ увидитъ Сонечку и покажется ей.

XXI.

ДО МАЗУРКИ.

— Э! да у васъ, видно, будутъ танцы,—сказалъ Сережа, выходя изъ гостиной и доставая изъ кармана новую пару лайковыхъ перчатокъ: — надо перчатки надѣвать.

«Какъ же быть? А у насъ перчатокъ-то нѣтъ, — подумалъ я. — Надо пойти наверхъ поискать».

Но хотя я перерылъ всѣ комоды, я нашелъ только въ одномъ наши дорожныя зеленыя рукавицы, а въ другомъ - одну лайковую перчатку, которая никакъ не могла годиться мнѣ: во-первыхъ, потому, что была чрезвычайно стара и грязна, во-вторыхъ, потому, что была для меня слишкомъ велика, а главное потому, что на ней недоставало средняго пальца, отрѣзаннаго, должно быть, еще очень давно Карломъ Ивановичемъ для больной руки. Я надѣлъ, однако, на руку этотъ остатокъ перчатки и пристально разсматривалъ то мѣсто средняго пальца, которое всегда было замарано чернилами.

— Вотъ если бы здѣсь была Наталья Савишна, у нея вѣрно бы нашлись и перчатки. Внизъ итти нельзя въ такомъ видѣ, потому что, если меня спросятъ, отчего я не танцую, что мнѣ сказать? И здѣсь оставаться тоже нельзя, потому что меня непремѣнно хватятся. Что мнѣ дѣлать?—говорилъ я, размахивая руками.

— Что ты здѣсь дѣлаешь?—сказалъ вбѣжавшій Володя.—Иди, ангажируй даму... сейчась начнется.

— Володя,—сказалъ я ему, показывая руку съ двумя просунутыми въ грязную перчатку паль-

цами, голосомъ, выражавшимъ положеніе, близкое къ отчаянію,—Володя, ты и не подумалъ объ этомъ!

— О чемъ? — сказалъ онъ съ нетерпѣніемъ. — А! о перчаткахъ,—прибавилъ онъ совершенно равнодушно, замѣтивъ мою руку,—и точно нѣтъ; надо спросить у бабушки... что она скажетъ?—и, нимало не задумавшись, побѣжалъ внизъ.

Хланокровіе, съ которымъ онъ отзывался объ обстоятельствѣ, казавшемся мнѣ столь важнымъ, успокоило меня, и я поспѣшилъ въ гостиную, совершенно позабывъ объ уродливой перчаткѣ, которая была надѣта на моей лѣвой рукѣ.

Осторожно подойдя къ креслу бабушки и слегка дотрогиваясь до ея мантилій, я шопотомъ сказалъ ей:

— Бабушка! что намъ дѣлать? У насъ перчатокъ нѣтъ!

— Что, мой другъ?

— У насъ перчатокъ нѣтъ,—повторилъ я, подвигаясь ближе и ближе и положивъ обѣ руки на ручку креселъ.

— А это что?—сказала она, вдругъ схвативъ меня за лѣвую руку.— Voyez, ma chère, — продолжала она, обращаясь къ г-жѣ Валахиной,— voyez comme ce jeune homme s'est fait élégant pour danser avec votre fille.

Бабушка крѣпко держала меня за руку и серьезно, но вопросительно посматривала на присутствующихъ до тѣхъ поръ, пока любопытство всѣхъ гостей было удовлетворено и смѣхъ сдѣлался общимъ.

Я былъ бы очень огорченъ, если бы Сережа видѣлъ меня въ то время, какъ я, сморщившись

отъ стыда, напрасно пытался вырвать свою руку, но передъ Сонечкой, которая до того расхохоталась, что слезы навернулись ей на глаза и всѣ кудряшки распрыгались около ея раскраснѣвшагося личика, мнѣ нисколько не было совѣстно. Я понялъ, что смѣхъ ея былъ слишкомъ громокъ и естественъ, чтобы быть насмѣшливымъ; напротивъ, то, что мы посмѣялись вмѣстѣ и глядя другъ на друга, какъ будто сблизило меня съ нею. Эпизодъ съ перчаткой, хотя и могъ кончиться дурно, принесъ мнѣ ту пользу, что поставилъ меня на свободную ногу въ кругу, который казался мнѣ всегда самымъ страшнымъ, въ кругу гостиной; я не чувствовалъ уже ни малѣйшей застѣнчивости въ залѣ.

Страданіе людей застѣнчивыхъ происходитъ отъ неизвѣстности о мнѣніи, которое о нихъ составили; какъ только мнѣніе это ясно выражено —какое бы оно ни было—страданіе прекращается.

Что это какъ мила была Сонечка Валахина, когда она противъ меня танцовала французскую кадриль съ неуклюжимъ молодымъ княземъ! Какъ мило она улыбалась, когда въ „chaîne“ подавала мнѣ ручку! Какъ мило, въ тактъ, прыгали на головѣ ея русыя кудри и какъ наивно дѣлала она „jetéassemblé“ своими крошечными ножками! Въ пятой фигурѣ, когда моя дама перебѣжала отъ меня на другую сторону, и когда я, выжидая тактъ, приготовлялся дѣлать соло, Сонечка серьезно сложила губки и стала смотрѣть въ сторону. Но напрасно она за меня боялась: я смѣло сдѣлалъ chassé en avant, chassé en arriére, glissade и въ то время какъ подходилъ къ ней, игривымъ движеніемъ показалъ ей перчатку съ двумя тор-

чавшими пальцами. Она расхохоталась ужасно и еще милѣе засѣменила ножками по паркету. Еще помню я, какъ, когда мы дѣлали кругъ и всѣ взялись за руки, она нагнула головку и, не вынимая своей руки изъ моей, почесала носикъ о свою перчатку. Все это какъ теперь передъ моими глазами, и еще слышится мнѣ кадриль изъ «Дѣвы Дуная», подъ звуки которой все это происходило.

Наступила и вторая кадриль, которую я танцовалъ съ Сонечкой. Усѣвшись рядомъ съ нею, я почувствовалъ чрезвычайную неловкость и рѣшительно не зналъ, о чемъ съ ней говорить. Когда молчаніе мое сдѣлалось слишкомъ продолжительно, я сталъ бояться, чтобы она не приняла меня за дурака, и рѣшился во что бы то ни стало вывести ее изъ такого заблужденія на мой счетъ. „Vous êtes une habitante de Moscou? —сказалъ я ей и послѣ утвердительнаго отвѣта продолжалъ: — et moi, je n'ai encore jamais fréquenté la capitale", разсчитывая въ особенности на эффектъ слова „fréquenter". Я чувствовалъ однако, что, хотя это начало было очень блестяще и вполнѣ доказывало мое высокое знаніе французскаго языка, продолжать разговоръ въ такомъ духѣ я не въ состояніи. Еще не скоро долженъ былъ придти нашъ чередъ танцовать, а молчаніе возобновилось: я съ безпокойствомъ посматривалъ на нее, желая знать, какое произвелъ впечатлѣніе, и ожидая отъ нея помощи. «Гдѣ вы нашли такую уморительную перчатку?» спросила она меня вдругъ; и этотъ вопросъ доставилъ мнѣ большое удовольствіе и облегченіе. Я объяснилъ, что перчатка принадлежала Карлу Иванычу, распространился даже нѣсколько ирони-

чески о самой особѣ Карла Иваныча, о томъ, какой онъ бываетъ смѣшной, когда снимаетъ красную шапочку, и о томъ, какъ онъ разъ въ зеленой бекешѣ упалъ съ лошади прямо въ лужу, и т. п. Кадриль прошла незамѣтно. Все это было хорошо; но зачѣмъ я съ насмѣшкой отзывался о Карлѣ Иванычѣ? Неужели я потерялъ бы доброе мнѣніе Сонечки, если бъ я описалъ ей его съ тѣми любовью и уваженіемъ, которыя я къ нему чувствовалъ?

Когда кадриль кончилась, Сонечка сказала мнѣ „merci" съ такимъ милымъ выраженіемъ, какъ будто я дѣйствительно заслужилъ ея благодарность. Я былъ въ восторгѣ, не помнилъ себя отъ радости и самъ не могъ узнать себя: откуда взялись у меня смѣлость, увѣренность и даже дерзость? «Нѣтъ вещи, которая бы могла меня сконфузить!—думалъ я, беззаботно разгуливая по залѣ. —Я готовъ на все!»

Сережа предложилъ мнѣ быть съ нимъ vis-á-vis. «Хорошо, — сказалъ я, — хотя у меня нѣтъ дамы, я найду». Окинувъ залу рѣшительнымъ взглядомъ, я замѣтилъ, что всѣ дамы были взяты, исключая одной большой дѣвицы, стоявшей у двери гостиной. Къ ней подходилъ высокій молодой человѣкъ, какъ я заключилъ, съ цѣлью пригласить ее; онъ былъ отъ нея въ двухъ шагахъ, я же — на противоположномъ концѣ залы. Во мгновеніе ока, граціозно скользя по паркету, пролетѣлъ я все раздѣляющее меня отъ нея пространство, и, шаркнувъ ногой, твердымъ голосомъ пригласилъ ее на контрдансъ. Большая дѣвица, покровительственно улыбаясь, подала мнѣ руку, а молодой человѣкъ остался безъ дамы.

Я имѣлъ такое сознаніе своей силы, что даже не обратилъ вниманія на досаду молодого человѣка; но послѣ узналъ, что молодой человѣкъ этотъ спрашивалъ, кто тотъ взъерошенный мальчикъ, который проскочилъ мимо его и передъ носомъ отнялъ даму.

XXII.

МАЗУРКА.

Молодой человѣкъ, у котораго я отбилъ даму, танцовалъ мазурку въ первой парѣ. Онъ вскочилъ съ своего мѣста, держа даму за руку, и вмѣсто того, чтобы дѣлать „pas de Basques", которымъ насъ учила Мими, просто побѣжалъ впередъ; добѣжавъ до угла, пріостановился, раздвинулъ ноги, стукнулъ каблукомъ, повернулся и, припрыгивая, побѣжалъ дальше.

Такъ какъ дамы на мазурку у меня не было, я сидѣлъ за высокимъ кресломъ бабушки и наблюдалъ.

«Что жъ онъ это дѣлаетъ?—разсуждалъ я самъ съ собой.—Вѣдь это вовсе не то, чему учила насъ Мими; она увѣряла, что мазурку всѣ танцуютъ на цыпочкахъ, плавно и кругообразно разводя ногами; а выходитъ, что танцуютъ совсѣмъ не такъ. Вонъ и Ивины, и Этьенъ, и всѣ танцуютъ, а „pas de Basques" не дѣлаютъ; и Володя нашъ перенялъ новую манеру. Недурно!... А Сонечка-то какая милочка! вонъ она пошла»... Мнѣ было чрезвычайно весело.

Мазурка клонилась къ концу; нѣсколько пожилыхъ мужчинъ и дамъ подходили прощаться съ бабушкой и уѣзжали; лакеи, избѣгая танцующихъ,

осторожно проносили приборы въ заднія комнаты; бабушка замѣтно устала, говорила какъ бы нехотя и очень протяжно; музыканты въ тридцатый разъ лѣниво начинали тотъ же мотивъ. Большая дѣвица, съ которой я танцовалъ, дѣлая фигуру, замѣтила меня и, предательски улыбнувшись—должно быть, желая тѣмъ угодить бабушкѣ,—подвела ко мнѣ Сонечку и одну изъ безчисленныхъ княженъ. „Rose ou hortie?“ сказала она мнѣ.

— Ахъ, ты здѣсь! — сказала, поворачиваясь въ своемъ креслѣ, бабушка.—Иди же, мой дружокъ, иди.

Хотя мнѣ въ эту минуту больше хотѣлось спрятаться съ головой подъ кресло бабушки, чѣмъ выходить изъ-за него, какъ было отказаться? Я всталъ, сказалъ „rose“ и робко взглянулъ на Сонечку. Не успѣлъ я опомниться, какъ чья-то рука въ бѣлой перчаткѣ очутилась въ моей, и княжна съ пріятнѣйшею улыбкой пустилась впередъ, нисколько не подозрѣвая того, что я рѣшительно не зналъ, что дѣлать съ своими ногами.

Я зналъ, что „pas de Basques“ неумѣстны, неприличны и даже могутъ совершенно осрамить меня; но знакомые звуки мазурки, дѣйствуя на мой слухъ, сообщили извѣстное направленіе акустическимъ нервамъ, которые, въ свою очередь, передали это движеніе ногамъ; и эти послѣднія, совершенно невольно и къ удивленію всѣхъ зрителей, стали выдѣлывать фатальныя, круглыя и плавныя па на цыпочкахъ. Покуда мы шли прямо, дѣло еще шло кое-какъ, но на поворотѣ я замѣтилъ, что, если не приму своихъ мѣръ, непремѣнно уйду впередъ. Во избѣжаніе такой непріятности, я пріостановился, съ намѣреніемъ сдѣлать то самое

кольцо, которое такъ красиво дѣлалъ молодой человѣкъ въ первой парѣ. Но въ ту самую минуту, какъ я раздвинулъ ноги и хотѣлъ уже припрыгнуть, княжна, торопливо обѣгая вокругъ меня, съ выраженіемъ тупого любопытства и удивленія посмотрѣла на мои ноги. Этотъ взглядъ убилъ меня. Я до того растерялся, что вмѣсто того, чтобы танцовать, затопоталъ ногами на мѣстѣ самымъ страннымъ, ни съ тактомъ, ни съ чѣмъ несообразнымъ образомъ и, наконецъ, совершенно остановился. Всѣ посмотрѣли на меня: кто съ удивленіемъ, кто съ любопытствомъ, кто съ насмѣшкой, кто съ состраданіемъ; одна бабушка смотрѣла совершенно равнодушно.

— Il ne fallait pas danser, si vous ne savez pas! —сказалъ сердитый голосъ папа надъ моимъ ухомъ, и, слегка оттолкнувъ меня, онъ взялъ руку моей дамы, прошелъ съ нею туръ по-старинному, при громкомъ одобреніи зрителей, и привелъ ее на мѣсто. Мазурка тотчасъ же кончилась.

«Господи! за что Ты наказываешь меня такъ ужасно! . . . .

Всѣ презираютъ меня и всегда будутъ презирать... Мнѣ закрыта дорога ко всему: къ дружбѣ, любви, почестямъ... все пропало!! Зачѣмъ Володя дѣлалъ мнѣ знаки, которые всѣ видѣли и которые не могли помочь мнѣ? зачѣмъ эта противная княжна такъ посмотрѣла на мои ноги? зачѣмъ Сонечка... она милочка, но зачѣмъ она улыбалась въ это время? зачѣмъ папа покраснѣлъ и схватилъ меня за руку? Неужели даже ему было стыдно за меня? О, это ужасно! Вотъ будь тутъ мамаша, она не покраснѣла бы за своего Николеньку»... И мое вооб-

раженіе унеслось далеко за этимъ милымъ образомъ. Я вспомнилъ лугъ передъ домомъ, высокія липы сада, чистый прудъ, надъ которымъ вьются ласточки, синее небо, на которомъ остановились бѣлыя, прозрачныя тучи, пахучія копны свѣжаго сѣна, и еще много спокойныхъ, радужныхъ воспоминаній носились въ моемъ разстроенномъ воображеніи.

XXIII.

ПОСЛѢ МАЗУРКИ.

За ужиномъ молодой человѣкъ, танцовавшій въ первой парѣ, сѣлъ за нашъ дѣтскій столъ и обращалъ на меня особенное вниманіе, что не мало польстило бы моему самолюбію, если бы я могъ послѣ случившагося со мной несчастія чувствовать что-нибудь. Но молодой человѣкъ, какъ кажется, хотѣлъ во что бы то ни стало развеселить меня: онъ заигрывалъ со мной, называлъ меня молодцомъ и, какъ только никто изъ большихъ не смотрѣлъ на насъ, подливалъ мнѣ въ рюмку вина изъ разныхъ бутылокъ и непремѣнно заставлялъ выпивать. Къ концу ужина, когда дворецкій налилъ мнѣ только четверть бокальчика шампанскаго изъ завернутой въ салфетку бутылки и когда молодой человѣкъ настоялъ на томъ, чтобъ онъ налилъ мнѣ полный, и заставилъ меня его выпить залпомъ, я почувствовалъ пріятную теплоту по всему тѣлу, особенную пріязнь къ моему веселому покровителю и чему-то очень расхохотался.

Вдругъ раздались изъ залы звуки гросфатера, и стали вставать изъ-за стола. Дружба наша съ

молодымъ человѣкомъ тотчасъ же и кончилась: онъ ушелъ къ большимъ, а я, не смѣя слѣдовать за нимъ, подошелъ съ любопытствомъ прислушиваться къ тому, что говорила Валахина съ дочерью.

— Еще полчасика, — убѣдительно говорила Сонечка.

— Право, нельзя, мой ангелъ.

— Ну, для меня, пожалуйста,—говорила она, ласкаясь.

— Ну, развѣ тебѣ весело будетъ, если я завтра буду больна?—сказала г-жа Валахина и имѣла неосторожность улыбнуться.

— А, позволила! останемся?—заговорила Сонечка, прыгая отъ радости.

— Что съ тобой дѣлать? Иди же, танцуй... Вотъ тебѣ и кавалеръ,—сказала она, указывая на меня.

Сонечка подала мнѣ руку, и мы побѣжали въ залу.

Выпитое вино, присутствіе и веселость Сонечки заставили меня совершенно забыть несчастное приключеніе мазурки. Я выдѣлывалъ ногами самыя забавныя штуки; то, подражая лошади, бѣжалъ маленькою рысцой, гордо поднимая ноги, то топоталъ ими на мѣстѣ, какъ баранъ, который сердится на собаку, при этомъ хохоталъ отъ души и нисколько не заботился о томъ, какое впечатлѣніе произвожу на зрителей. Сонечка тоже не переставала смѣяться: она смѣялась тому, что мы кружились, взявшись рука за руку, хохотала, глядя на какого-то стараго барина, который, медленно поднимая ноги, перешагнулъ черезъ платокъ, показывая видъ, что

ему было очень трудно это сдѣлать, и помирала со смѣху, когда я вспрыгивалъ чуть не до потолка, чтобы показать свою ловкость.

Проходя черезъ бабушкинъ кабинетъ, я взглянулъ на себя въ зеркало: лицо было въ поту, волосы растрепаны, вихры торчали больше, чѣмъ когда-нибудь; но общее выраженіе лица было такое веселое, доброе и здоровое, что я самъ себѣ понравился.

«Если бъ я былъ всегда такой, какъ теперь, —подумалъ я,—я бы еще могъ понравиться».

Но когда я опять взглянулъ на прекрасное личико моей дамы, въ немъ было, кромѣ того выраженія веселости, здоровья и беззаботности, которое понравилось мнѣ въ моемъ, столько изящной и нѣжной красоты, что мнѣ сдѣлалось досадно на самого себя: я понялъ, какъ глупо мнѣ надѣяться обратить на себя вниманіе такого чудеснаго созданія.

Я не могъ надѣяться на взаимность, да и не думалъ о ней: душа моя и безъ того была преисполнена счастіемъ. Я не понималъ, чтобы за чувство любви, наполнявшее мою душу отрадой, можно было требовать еще большаго счастія и желать чего-нибудь, кромѣ того, чтобы чувство это никогда не прекращалось. Мнѣ и такъ было хорошо. Сердце билось, какъ голубь, кровь безпрестанно приливала къ нему и хотѣлось плакать.

Когда мы проходили по коридору, мимо темнаго чулана подъ лѣстницей, я взглянулъ на него и подумалъ: «что бы это было за счастіе, если бы можно было весь вѣкъ прожить съ ней въ этомъ темномъ чуланѣ, и чтобы никто не зналъ, что мы тамъ живемъ!»

— Не правда ли, что нынче очень весело?—сказалъ я тихимъ дрожащимъ голосомъ и прибавилъ шагу, испугавшись не столько того, что сказалъ, сколько того, что намѣренъ былъ сказать.

— Да... очень!—отвѣчала она, обративъ ко мнѣ головку съ такимъ откровенно-добрымъ выраженіемъ, что я пересталъ бояться.

— Особенно послѣ ужина... Но если бы вы знали, какъ мнѣ жалко (я хотѣлъ сказать грустно, но не посмѣлъ), что вы скоро уѣзжаете и мы больше не увидимся!

— Отчего же не увидимся?—сказала она, пристально всматриваясь въ кончики своихъ башмачковъ и проводя пальчикомъ по рѣшетчатымъ ширмамъ, мимо которыхъ мы проходили.—Каждый вторникъ и пятницу мы съ мамашей ѣздимъ на Тверской бульваръ. Вы развѣ не ходите гулять?

— Непремѣнно будемъ проситься во вторникъ, и если меня не пустятъ, я одинъ убѣгу—безъ шапки. Я дорогу знаю.

— Знаете что?—сказала вдругъ Сонечка.—Я съ одними мальчиками, которые къ намъ ѣздятъ, всегда говорю *ты;* давайте и съ вами говорить *ты*. Хочешь?—прибавила она, встряхнувъ головкой и взглянувъ мнѣ прямо въ глаза.

Въ это время мы входили въ залу, и начиналась другая, живая часть гросфатера.

— Давай... те,—сказалъ я въ то время, когда музыка и шумъ могли заглушить мои слова.

— Давай, *ты*, а не давайте, — поправила Сонечка и засмѣялась.

Гросфатеръ кончился, а я не успѣлъ сказать ни одной фразы съ *ты*, хотя не переставалъ при-

думывать такія, въ которыхъ мѣстоименіе это повторялось бы нѣсколько разъ. У меня недоставало на это смѣлости. «Хочешь?», «давай ты», звучало въ моихъ ушахъ и производило какое-то опьянѣніе: я ничего и никого не видалъ, кромѣ Сонечки. Видѣлъ я, какъ подобрали ея локоны, заложили ихъ за уши и открыли части лба и висковъ, которыхъ я не видалъ еще; видѣлъ я, какъ укутали ее въ зеленую шаль такъ плотно, что виднѣлся только кончикъ ея носика; замѣтилъ, что если бъ она не сдѣлала своими розовенькими пальчиками маленькаго отверстія около рта, то непремѣнно бы задохнулась, и видѣлъ, какъ она, спускаясь съ лѣстницы за своею матерью, быстро повернулась къ намъ, кивнула головкой и исчезла за дверью.

Володя, Ивины, молодой князь, я,—мы всѣ были влюблены въ Сонечку и, стоя на лѣстницѣ, провожали ее глазами. Кому въ особенности кивнула она головкой, я не знаю; но въ ту минуту я твердо былъ убѣжденъ, что это сдѣлано было для меня.

Прощаясь съ Ивиными, я очень свободно, даже нѣсколько холодно поговорилъ съ Сережей и пожалъ ему руку. Если онъ понялъ, что съ нынѣшняго дня потерялъ мою любовь и свою власть надо мной, онъ, вѣрно, пожалѣлъ объ этомъ, хотя и старался казаться совершенно равнодушнымъ.

Я въ первый разъ въ жизни измѣнилъ въ любви и въ первый разъ испыталъ сладость этого чувства. Мнѣ было отрадно перемѣнить изношенное чувство привычной преданности на свѣжее чувство любви, исполненной таинствен-

ности и неизвѣстности. Сверхъ того, въ одно и то же время разлюбить и полюбить—значитъ полюбить вдвое сильнѣе, чѣмъ прежде.

XXIV.

ВЪ ПОСТЕЛИ.

«Какъ могъ я такъ страстно и такъ долго любить Сережу?—разсуждалъ я, лежа въ постели. Нѣтъ, онъ никогда не понималъ, не умѣлъ цѣнить и не стоилъ моей любви... А Сонечка? что это за прелесть! «Хочешь?», «тебѣ начинать».

Я вскочилъ на четвереньки, живо представляя себѣ ея личико, закрылъ голову одѣяломъ, подвернулъ его подъ себя со всѣхъ сторонъ и, когда нигдѣ не оставалось отверстій, улегся и, ощущая пріятную теплоту, погрузился въ сладкія мечты и воспоминанія. Устремивъ неподвижные взоры въ подкладку стеганаго одѣяла, я видѣлъ ее такъ же ясно, какъ часъ тому назадъ; я мысленно разговаривалъ съ нею, и разговоръ этотъ, хотя не имѣлъ ровно никакого смысла, доставлялъ мнѣ неописанное наслажденіе, потому что *ты*, *тебѣ*, съ *тобой*, *твои* встрѣчались въ немъ безпрестанно.

Мечты эти были такъ ясны, что я не могъ заснуть отъ сладостнаго волненія, и мнѣ хотѣлось подѣлиться съ кѣмъ-нибудь избыткомъ своего счастія.

— Милочка!—сказалъ я почти вслухъ, круто поворачиваясь на другой бокъ.—Володя, ты спишь!?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ мнѣ соннымъ голосомъ. —А что?

— Я влюбленъ, Володя, рѣшительно влюбленъ въ Сонечку.

— Ну, такъ что-жъ? — отвѣчалъ онъ мнѣ, потягиваясь.

— Ахъ, Володя, ты не можешь себѣ представить, что со мной дѣлается... Вотъ я сейчасъ лежалъ, увернувшись подъ одѣяломъ, и такъ ясно видѣлъ ее, разговаривалъ съ ней, что это просто удивительно. И еще знаешь ли что: когда я лежу и думаю о ней, Богъ знаетъ отчего, дѣлается грустно и ужасно хочется плакать.

Володя пошевелился.

— Только одного я бы желалъ, — продолжалъ я: — это — чтобы всегда съ нею быть, всегда ее видѣть, и больше ничего. А ты влюбленъ? признайся по правдѣ, Володя.

Странно, что мнѣ хотѣлось, чтобы всѣ были влюблены въ Сонечку и чтобы всѣ разсказывали это.

— Тебѣ какое дѣло? — сказалъ Володя, поворачиваясь ко мнѣ лицомъ. — Можетъ-быть.

— Ты не хочешь спать, ты притворялся! — закричалъ я, замѣтивъ по его блестящимъ глазамъ, что онъ нисколько не думалъ о снѣ, и откинулъ одѣяло.—Давай лучше толковать о ней. Не правда ли, что прелесть?... Такая прелесть, что скажи она мнѣ: «Николенька, выпрыгни въ окно или бросься въ огонь», ну, вотъ, клянусь,—сказалъ я,—сейчасъ прыгну, и съ радостью. Ахъ, какая прелесть! — прибавилъ я, живо воображая ее передъ собой, и, чтобы вполнѣ наслаждаться этимъ образомъ, порывисто перевернулся на другой бокъ и засунулъ голову подъ подушки.—Ужасно хочется плакать, Володя.

— Вотъ дуракъ! — сказалъ онъ, улыбаясь и потомъ помолчавъ немного. — Я такъ совсѣмъ не такъ, какъ ты: я думаю, что, если бы можно было, я сначала хотѣлъ бы сидѣть съ ней рядомъ и разговаривать...

— А! такъ ты тоже влюбленъ?—перебилъ я его.

— Потомъ, — продолжалъ Володя, нѣжно улыбаясь, — потомъ расцѣловалъ бы ея пальчики, глазки, губки, носикъ, ножки—всю бы расцѣловалъ.

— Глупости!—закричалъ я изъ-подъ подушекъ.

— Ты ничего не понимаешь, — презрительно сказалъ Володя.

— Нѣтъ, я понимаю, а вотъ ты не понимаешь и говоришь глупости,—сказалъ я сквозь слезы.

— Только плакать-то ужъ не зачѣмъ. Настоящая дѣвочка!

XXV.

ПИСЬМО.

16 апрѣля, почти шесть мѣсяцевъ послѣ описаннаго мною дня, отецъ вошелъ къ намъ наверхъ во время классовъ и объявилъ, что нынче въ ночь мы ѣдемъ съ нимъ въ деревню. Что-то защемило у меня въ сердцѣ при этомъ извѣстіи, мысль моя тотчасъ же обратилась къ матушкѣ.

Причиною такого неожиданнаго отъѣзда было слѣдующее письмо:

Петровское, 12 апрѣля.

«Сейчасъ только, въ десять часовъ вечера, получила я твое доброе письмо отъ 3-го апрѣля и, по моей всегдашней привычкѣ, отвѣчаю тотчасъ же. Ѳедоръ привезъ его еще вчера изъ города, но такъ какъ было поздно, онъ подалъ его Мими

нынче утромъ. Мими же, подъ предлогомъ, что я была нездорова и разстроена, не давала мнѣ его цѣлый день. У меня точно былъ маленькій жаръ, и, признаться тебѣ по правдѣ, вотъ уже четвертый день, что я не такъ-то здорова и не встаю съ постели.

«Пожалуйста, не пугайся, милый другъ: я чувствую себя довольно хорошо и, если Иванъ Васильичъ позволитъ, завтра думаю встать.

«Въ пятницу на прошлой недѣлѣ я поѣхала съ дѣтьми кататься; но подлѣ самаго выѣзда на большую дорогу, около того мостика, который всегда наводилъ на меня ужасъ, лошади завязли въ грязи. День былъ прекрасный, и мнѣ вздумалось пройтись пѣшкомъ до большой дороги, покуда вытаскивали коляску. Дойдя до часовни, я очень устала и сѣла отдохнуть, а такъ какъ, покуда собирались люди, чтобы вытащить экипажъ, прошло около получаса, мнѣ стало холодно, особенно ногамъ, потому что на мнѣ были ботинки на тонкихъ подошвахъ, и я ихъ промочила. Послѣ обѣда я почувствовала ознобъ и жаръ, но по заведенному порядку продолжала ходить, а послѣ чая сѣла играть съ Любочкой въ четыре руки. (Ты не узнаешь ея: такіе сдѣлала она успѣхи!) Но представь себѣ мое удивленье, когда я замѣтила, что не могу счесть такта. Нѣсколько разъ я принималась считать, но все въ головѣ у меня рѣшительно путалось, и я чувствовала странный шумъ въ ушахъ. Я считала: разъ, два, три, потомъ вдругъ: восемь, пятнадцать, и главное—видѣла, что вру, и никакъ не могла поправиться. Наконецъ, Мими пришла мнѣ на помощь и почти насильно уложила въ постель. Вотъ тебѣ, мой

другъ, подробный отчетъ въ томъ, какъ я занемогла и какъ сама въ томъ виновата. На другой день у меня былъ жаръ довольно сильный, и пріѣхалъ нашъ добрый, старый Иванъ Васильичъ, который до сихъ поръ живетъ у насъ и обѣщается скоро выпустить меня на свѣтъ Божій. Чудесный старикъ этотъ Иванъ Васильичъ! Когда у меня былъ жаръ и бредъ, онъ цѣлую ночь, не смыкая глазъ, просидѣлъ около моей постели, теперь же, такъ какъ знаетъ, что я пишу, сидитъ съ дѣвочками въ диванной, и мнѣ слышно изъ спальни, какъ имъ разсказываетъ нѣмецкія сказки, и какъ онѣ, слушая его, помираютъ со смѣху.

«La belle Flamande, какъ ты называешь ее, гоститъ у меня уже вторую недѣлю, потому что мать ея уѣхала куда-то въ гости, и своими попеченіями доказываетъ самую искреннюю привязанность. Она повѣряетъ мнѣ всѣ свои сердечныя тайны. Съ ея прекраснымъ лицомъ, добрымъ сердцемъ и молодостью изъ нея могла бы выйти во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная дѣвушка, если бы она была въ хорошихъ рукахъ; но въ томъ обществѣ, въ которомъ она живетъ, судя по ея разсказамъ, она совершенно погибнетъ. Мнѣ приходило въ голову, что, если бы у меня не было такъ много своихъ дѣтей, я бы хорошее дѣло сдѣлала, взявъ ее.

«Любочка сама хотѣла писать тебѣ, но изорвала уже третій листъ бумаги и говоритъ: «я знаю, какой папа насмѣшникъ: если сдѣлать хотъ одну ошибочку, онъ всѣмъ покажетъ». Катенька все такъ же мила, Мими такъ же добра и скучна.

«Теперь поговоримъ о серьезномъ: ты мнѣ пишешь, что дѣла твои идутъ нехорошо эту зиму,

и что тебѣ необходимо будетъ взять хабаровскія деньги. Мнѣ даже странно, что ты спрашиваешь на это моего согласія. Развѣ то, что̀ принадлежитъ мнѣ, не принадлежитъ столько же и тебѣ?

«Ты такъ добръ, милый другъ, что изъ страха огорчить меня скрываешь настоящее положеніе своихъ дѣлъ; но я догадываюсь: вѣрно, ты проигралъ очень много, и нисколько, божусь тебѣ, не огорчаюсь этимъ; поэтому, если только дѣло это можно поправить, пожалуйста, много не думай о немъ и не мучь себя напрасно. Я привыкла не только не разсчитывать для дѣтей на твой выигрышъ, но, извини меня, даже и на все твое состояніе. Меня такъ же мало радуетъ твой выигрышъ, какъ огорчаетъ проигрышъ; меня огорчаетъ только твоя несчастная страсть къ игрѣ, которая отнимаетъ у меня часть твоей нѣжной привязанности и заставляетъ говорить тебѣ такія горькія истины, какъ теперь, а Богу извѣстно, какъ мнѣ это больно! Я не перестаю молить Его объ одномъ, чтобъ Онъ избавилъ насъ... не отъ бѣдности (что̀ бѣдность?), а отъ того ужаснаго положенія, когда интересы дѣтей, которые я должна буду защищать, придутъ въ столкновеніе съ нашими. До сихъ поръ Господь исполнялъ мою молитву: ты не переходилъ одной черты, послѣ которой мы должны будемъ или жертвовать состояніемъ, которое принадлежитъ уже не намъ, а нашимъ дѣтямъ, или... и подумать страшно, а ужасное несчастіе это всегда угрожаетъ намъ. Да, это тяжелый крестъ, который послалъ намъ обоимъ Господь!

«Ты пишешь мнѣ еще о дѣтяхъ и возвращаешься къ нашему давнишнему спору: просишь меня согласиться на то, чтобъ отдать ихъ въ учебное заведеніе. Ты знаешь мое предубѣжденіе противъ такого воспитанія...

«Не знаю, милый другъ, согласишься ли ты со мной, но во всякомъ случаѣ умоляю тебя, изъ любви ко мнѣ, дать мнѣ обѣщаніе, что покуда я жива и послѣ моей смерти, если Богу угодно будетъ разлучить насъ, этого никогда не будетъ.

«Ты мнѣ пишешь, что тебѣ необходимо будетъ съѣздить въ Петербургъ по нашимъ дѣламъ. Христосъ съ тобой, мой дружокъ, поѣзжай и возвращайся поскорѣе. Намъ всѣмъ безъ тебя такъ скучно! Весна чудо, какъ хороша: балконную дверь ужъ выставили, дорожка къ оранжереѣ четыре дня тому назадъ была совершенно суха, персики въ всемъ цвѣту, кое-гдѣ только остался снѣгъ, ласточки прилетѣли, и нынче Любочка принесла мнѣ первые весенніе цвѣты. Докторъ говоритъ, что дня черезъ три я буду совсѣмъ здорова и мнѣ можно будетъ подышать свѣжимъ воздухомъ и погрѣться на апрѣльскомъ солнышкѣ. Прощай же, милый другъ, не безпокойся, пожалуйста, ни о моей болѣзни, ни о своемъ проигрышѣ; кончай скорѣе дѣла и пріѣзжай къ намъ съ дѣтьми на цѣлое лѣто. Я дѣлаю чудные планы о томъ, какъ мы проведемъ его, и недостаетъ только тебя, чтобы имъ осуществиться».

Слѣдующая часть письма была написана по-французски связнымъ и неровнымъ почеркомъ на другомъ клочкѣ бумаги. Я перевожу его слово въ слово:

«Не вѣрь тому, что я написала тебѣ о моей болѣзни: никто не подозрѣваетъ, до какой степени она серьезна. Я одна знаю, что мнѣ больше не вставать съ постели. Не теряй ни одной минуты, пріѣзжай сейчасъ же и привози дѣтей. Можетъ-быть, я успѣю еще разъ обнять и благословить ихъ: это мое одно послѣднее желаніе. Я знаю, какой ужасный ударъ наношу тебѣ, но все равно, рано или поздно, отъ меня или отъ другихъ, ты получилъ бы его; постараемся же съ твердостью и надеждою на милосердіе Божіе перенести это несчастіе. Покоримся волѣ Его.

«Не думай, чтобы то, что я пишу, было бредомъ больного воображенія; напротивъ, мысли мои чрезвычайно ясны въ эту минуту, и я совершенно спокойна. Не утѣшай же себя напрасно надеждой, чтобы это были ложныя, неясныя предчувствія боязливой души. Нѣтъ, я чувствую, я знаю — и знаю потому, что Богу было угодно открыть мнѣ это — мнѣ осталось жить очень недолго.

«Кончится ли вмѣстѣ съ жизнью моя любовь къ тебѣ и дѣтямъ? Я поняла, что это невозможно. Я слишкомъ сильно чувствую въ эту минуту, чтобы думать, что то чувство, безъ котораго я не могу понять существованія, могло бы когда-нибудь уничтожиться. Душа моя не можетъ существовать безъ любви къ вамъ, а я знаю, что она будетъ существоватъ вѣчно, уже по одному тому, что такое чувство, какъ моя любовь, не могло бы возникнуть, если бы оно должно было когда-нибудь прекратиться.

«Меня не будетъ съ вами; но я твердо увѣрена, что любовь моя никогда не оставитъ васъ, и эта мысль такъ отрадна для моего сердца, что я спо-

койно и безъ страха ожидаю приближающейся смерти.

«Я спокойна, и Богу извѣстно, что всегда смотрѣла и смотрю на смерть, какъ на переходъ къ жизни лучшей; но отчего-жъ слезы давятъ меня? Зачѣмъ лишать дѣтей любимой матери? Зачѣмъ наносить тебѣ такой тяжелый неожиданный ударъ? Зачѣмъ мнѣ умирать, когда ваша любовь дѣлала для меня жизнь безпредѣльно счастливою?

«Да будетъ Его святая воля.

«Я не могу писать больше отъ слезъ. Можетъ-быть, я не увижу тебя. Благодарю же тебя, мой безцѣнный другъ, за все счастіе, которымъ ты окружилъ меня въ этой жизни; я тамъ буду просить Бога, чтобы Онъ наградилъ тебя. Прощай, милый другъ; помни, что меня не будетъ, но любовь моя никогда и нигдѣ не оставитъ тебя. Прощай, Володя, прощай, мой ангелъ, прощай, Веніаминъ мой, Николенька!

«Неужели они когда-нибудь забудутъ меня?!..»

Въ этомъ письмѣ была вложена французская записочка Мими слѣдующаго содержанія:

«Печальныя предчувствія, о которыхъ она говоритъ вамъ, слишкомъ подтвердились словами доктора. Вчера ночью она велѣла отправить это письмо тотчасъ на почту. Думая, что она сказала это въ бреду, я ждала до сегодняшняго утра и рѣшилась его распечатать. Только что я распечатала, какъ Наталья Николаевна спросила меня, что я сдѣлала съ письмомъ, и приказала мнѣ сжечь его, если оно не отправлено. Она все говоритъ о немъ и увѣряетъ, что оно должно убить васъ. Не откладывайте вашей поѣздки, если вы

хотите видѣть этого ангела, покуда еще онъ не оставилъ насъ. Извините это маранье. Я не спала три ночи. Вы знаете, какъ я люблю ее!»

Наталья Савишна, которая всю ночь 11 апрѣля провела въ спальнѣ матушки, разсказывала мнѣ, что, написавъ первую часть письма, maman положила его подлѣ себя на столикъ и започивала.

«Я сама, — говорила Наталья Савишна, — признаюсь, задремала на креслѣ, и чулокъ вывалился у меня изъ рукъ. Только слышу я сквозь сонъ —часу этакъ въ первомъ,—что она какъ будто разговариваетъ; я открыла глаза, смотрю: она, моя голубушка, сидитъ на постели, сложила вотъ этакъ ручки, а слезы въ три ручья такъ и текутъ. «Такъ все кончено?» только она и сказала и закрыла лицо руками.

«Я вскочила, стала спрашивать: что съ вами?

«— Ахъ, Наталья Савишна, если бы вы знали, кого я сейчасъ видѣла!

«Сколько я ни спрашивала, больше она мнѣ ничего не сказала, только приказала подать столикъ, пописала еще что-то, при себѣ приказала запечатать письмо и сейчасъ же отправить. Послѣ ужъ все пошло хуже да хуже».

XXVI.

ЧТО ОЖИДАЛО НАСЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

25 апрѣля мы выходили изъ дорожной коляски у крыльца петровскаго дома. Выѣзжая изъ Москвы, папа былъ задумчивъ, и когда Володя спросилъ у него, не больна ли maman, онъ съ грустью посмотрѣлъ на него и молча кивнулъ головой. Во время путешествія онъ замѣтно успокоился; но

по мѣрѣ приближенія къ дому лицо его все болѣе и болѣе принимало печальное выраженіе, и когда, выходя изъ коляски, онъ спросилъ у выбѣжавшаго запыхавшагося Фоки: «гдѣ Наталья Николаевна?» голосъ его былъ нетвердъ и въ глазахъ были слезы. Добрый старикъ Фока, украдкой взглянувъ на насъ, опустилъ глаза и, отворяя дверь въ переднюю, отвернувшись, отвѣчалъ:

— Шестой день ужъ не изволили выходить изъ спальни.

Милка, которая, какъ я послѣ узналъ, съ самаго того дня, въ который занемогла maman, не переставала жалобно выть, весело бросилась къ отцу — прыгала на него, взвизгивала, лизала его руки; но онъ оттолкнулъ ее и прошелъ въ гостиную, оттуда въ диванную, изъ которой дверь вела прямо въ спальню. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ этой комнатѣ, тѣмъ болѣе по всѣмъ тѣлодвиженіямъ было замѣтно его безпокойство: войдя въ диванную, онъ шелъ на цыпочкахъ, едва переводилъ дыханіе и перекрестился, прежде чѣмъ рѣшился взяться за замокъ затворенной двери. Въ это время изъ коридора выбѣжала нечесаная, заплаканная Мими. «Ахъ, Петръ Александрычъ!— сказала она шопотомъ, съ выраженіемъ истиннаго отчаянія, и потомъ, замѣтивъ, что папа поворачиваетъ ручку замка, она прибавила чуть слышно: —Здѣсь нельзя пройти—ходъ изъ тѣхъ дверей».

О, какъ тяжело все это дѣйствовало на мое, настроенное къ горю страшнымъ предчувствіемъ, дѣтское воображеніе!

Мы пошли въ дѣвичью. Въ коридорѣ попался намъ на дорогѣ дурачокъ Акимъ, который всегда забавлялъ насъ своими гримасами; но въ эту ми-

нуту не только онъ мнѣ не казался смѣшнымъ, но ничто такъ больно не поразило меня, какъ видъ его безсмысленно-равнодушнаго лица. Въ дѣвичьей двѣ дѣвушки, которыя сидѣли за какою-то работой, привстали, чтобы поклониться намъ, съ такимъ печальнымъ выраженіемъ, что мнѣ сдѣлалось страшно. Пройдя еще комнату Мими, папа отворилъ дверь спальни, и мы вошли. Направо отъ двери были два окна, завѣшенныя платками; у одного изъ нихъ сидѣла Наталья Савишна съ очками на носу и вязала чулокъ. Она не стала цѣловать насъ, какъ то обыкновенно дѣлывала, а только привстала, посмотрѣла на насъ черезъ очки, и слезы потекли у нея градомъ. Мнѣ очень не понравилось, что всѣ при первомъ взглядѣ на насъ начинаютъ плакать, тогда какъ прежде были совершенно спокойны.

Налѣво отъ двери стояли ширмы, за ширмами —кровать, столикъ, шкапчикъ, уставленный лѣкарствами, и большое кресло, на которомъ дремалъ докторъ; подлѣ кровати стояла молодая, очень бѣлокурая, замѣчательной красоты дѣвушка въ бѣломъ утреннемъ капотѣ и, немного засучивъ рукава, прикладывала ледъ къ головѣ maman, которую мнѣ не было видно въ эту минуту. Дѣвушка эта была la belle Flamande, про которую писала maman и которая впослѣдствіи играла такую важную роль въ жизни всего нашего семейства. Какъ только мы вошли, она отняла одну руку отъ головы maman и поправила на груди складки своего капота, потомъ шопотомъ сказала: «въ забытьи».

Я былъ въ сильномъ горѣ въ эту минуту, но невольно замѣчалъ всѣ мелочи. Въ комнатѣ было

почти темно, жарко и пахло вмѣстѣ мятой, одеколономъ, ромашкой и гофманскими каплями. Запахъ этотъ такъ поразилъ меня, что не только когда я слышу его, но когда лишь вспоминаю о немъ, воображенiе мгновенно переноситъ меня въ эту мрачную, душную комнату и воспроизводитъ всѣ мельчайшiя подробности ужасной минуты.

Глаза maman были открыты, но она ничего не видѣла... О, никогда не забуду я этого страшнаго взгляда! Въ немъ выражалось столько страданiя!

Насъ увели.

Когда я потомъ спрашивалъ у Натальи Савишны о послѣднихъ минутахъ матушки, вотъ что она мнѣ сказала:

«Когда васъ увели, она еще долго металась, моя голубушка, точно вотъ здѣсь ее давило что-то; потомъ спустила головку съ подушекъ и задремала такъ тихо, спокойно, точно ангелъ небесный. Только я вышла посмотрѣть, что питье не несутъ,—прихожу, а ужъ она, моя сердечная, все вокругъ себя раскидала и все манитъ къ себѣ вашего папеньку; тотъ нагнется къ ней, а ужъ силъ, видно, недостаетъ сказать, что хотѣлось: только откроетъ губки и опять начнетъ охать: «Боже мой! Господи!.. Дѣтей! дѣтей!» Я хотѣла было за вами бѣжать, да Иванъ Васильичъ остановилъ, говоритъ: это хуже встревожитъ ее, лучше не надо. Послѣ ужъ только подниметъ ручку и опять опуститъ. И что она этимъ хотѣла, Богъ ее знаетъ! Я такъ думаю, что это она васъ заочно благословляла, да, видно, не привелъ ее Господь предъ послѣднимъ концомъ взгля-

нуть на своихъ дѣточекъ. Потомъ она приподнялась, моя голубушка, сдѣлала вотъ такъ ручки и вдругъ заговорила, да такимъ голосомъ, что я и вспомнить не могу: «Матерь Божія, не оставь ихъ!..» Тутъ ужъ боль подступила ей подъ самое сердце; по глазамъ видно было, что ужасно мучилась бѣдняжка; упала на подушки, ухватилась зубами за простыню, а слезы-то, мой батюшка, такъ и текутъ».

— Ну, а потомъ?—спросилъ я.

Наталья Савишна не могла больше говорить: она отвернулась и горько заплакала.

Maman скончалась въ ужасныхъ страданіяхъ.

XXVII.

ГОРЕ.

На другой день, поздно вечеромъ, мнѣ захотѣлось еще разъ взглянуть на нее. Преодолѣвъ невольное чувство страха, я тихо отворилъ дверь и на цыпочкахъ вошелъ въ залу.

Посрединѣ комнаты на столѣ стоялъ гробъ, вокругъ него нагорѣвшія свѣчи въ высокихъ серебряныхъ подсвѣчникахъ; въ дальнемъ углу сидѣлъ дьячокъ и тихимъ, однообразнымъ голосомъ читалъ псалтирь.

Я остановился у двери и сталъ смотрѣть, но глаза мои были такъ заплаканы и нервы такъ разстроены, что я ничего не могъ разобрать; все какъ-то странно сливалось вмѣстѣ: свѣтъ, парча, бархатъ, большіе подсвѣчники, розовая, обшитая кружевами подушка, вѣнчикъ, чепчикъ съ лентами и еще что-то прозрачное воскового цвѣта. Я сталъ на стулъ, чтобы разсмотрѣть ея лицо;

но на томъ мѣстѣ, гдѣ оно находилось, мнѣ опять представился тотъ же блѣдно-желтоватый, прозрачный предметъ. Я не могъ вѣрить, чтобъ это было ея лицо. Я сталъ вглядываться въ него пристальнѣе и мало-по-малу сталъ узнавать въ немъ знакомыя милыя черты. Я вздрогнулъ отъ ужаса, когда убѣдился, что это была она; но отчего закрытые глаза такъ впали? отчего эта страшная блѣдность и на одной щекѣ черноватое пятно подъ прозрачною кожей? отчего выраженіе всего лица такъ строго и холодно? отчего губы такъ блѣдны и складъ ихъ такъ прекрасенъ, такъ величественъ и выражаетъ такое неземное спокойствіе, что холодная дрожь пробѣгаетъ по моей спинѣ и волосамъ, когда я вглядываюсь въ него?..

Я смотрѣлъ и чувствовалъ, что какая-то непонятная, непреодолимая сила притягиваетъ мои глаза къ этому безжизненному лицу. Я не спускалъ съ него глазъ, а воображеніе рисовало мнѣ картины, цвѣтущія жизнью и счастіемъ. Я забывалъ, что мертвое тѣло, которое лежало передо мной и на которое я безсмысленно смотрѣлъ, какъ на предметъ, не имѣющій ничего общаго съ моими воспоминаніями, была *она*. Я воображалъ ее то въ томъ, то въ другомъ положеніи: живою, веселою, улыбающеюся; потомъ вдругъ меня поражала какая-нибудь черта въ блѣдномъ лицѣ, на которомъ остановились мои глаза: я вспоминалъ ужасную дѣйствительность, содрогался, но не переставалъ смотрѣть. И снова мечты замѣняли дѣйствительность, и снова сознаніе дѣйствительности разрушало мечты. Наконецъ, воображеніе устало, оно перестало обманывать меня; сознаніе дѣйствительности тоже исчезло, и я со-

вершенно забылся. Не знаю, сколько времени пробылъ я въ этомъ положенiи, не знаю, въ чемъ состояло оно; знаю только то, что на время я потерялъ сознанiе своего существованiя и испытывалъ какое-то высокое, неизъяснимо-прiятное и грустное наслажденiе.

Можетъ-быть, отлетая къ мiру лучшему, ея прекрасная душа съ грустью оглянулась на тотъ, въ которомъ она оставляла насъ; она увидѣла мою печаль, сжалилась надъ нею и на крыльяхъ любви съ небесною улыбкой сожалѣнiя спустилась на землю, чтобъ утѣшить и благословить меня.

Дверь скрипнула, и въ комнату вошелъ дьячокъ на смѣну. Этотъ шумъ разбудилъ меня, и первая мысль, которая пришла мнѣ, была та, что, такъ какъ я не плачу и стою на стулѣ въ позѣ, не имѣющей ничего трогательнаго, дьячокъ можетъ принять меня за безчувственнаго мальчика, который изъ жалости или любопытства забрался на стулъ: я перекрестился, поклонился и заплакалъ.

Вспоминая теперь свои впечатлѣнiя, я нахожу, что только одна эта минута самозабвенiя была настоящимъ горемъ. Прежде и послѣ погребенiя я не переставалъ плакать и былъ грустенъ, но мнѣ совѣстно вспомнить эту грусть, потому что къ ней всегда примѣшивалось какое-нибудь самолюбивое чувство: то желанiе показать, что я огорченъ больше всѣхъ, то заботы о дѣйствiи, которое я произвожу на другихъ, то безцѣльное любопытство, которое заставляло дѣлать наблюденiя надъ чепцомъ Мими и лицами присутствующихъ. Я презиралъ себя за то, что не испытываю исключительно одного чувства горести, и старался

скрывать всѣ другія: отъ этого печаль моя была неискренна и неестественна. Сверхъ того, я испытывалъ какое-то наслажденіе, зная, что я несчастливъ, старался возбуждать сознаніе несчастія, и это эгоистическое чувство больше другихъ заглушало во мнѣ истинную печаль.

Проспавъ эту ночь крѣпко и спокойно, какъ всегда бываетъ послѣ сильнаго огорченія, я проснулся съ высохнувшими слезами и успокоившимися нервами. Въ десять часовъ насъ позвали къ панихидѣ, которую служили передъ выносомъ. Комната была наполнена дворовыми и крестьянами, которые, всѣ въ слезахъ, пришли проститься съ своей барыней. Во время службы я прилично плакалъ, крестился и кланялся въ землю, но не молился въ душѣ и былъ довольно хладнокровенъ; заботился о томъ, что новый полуфрачокъ, который на меня надѣли, очень жалъ мнѣ подъ мышками; думалъ о томъ, какъ бы не запачкать слишкомъ панталонъ на колѣняхъ, и украдкою дѣлалъ наблюденія надъ всѣми присутствовавшими. Отецъ стоялъ у изголовья гроба, былъ блѣденъ, какъ платокъ и съ замѣтнымъ трудомъ удерживалъ слезы. Его высокая фигура въ черномъ фракѣ, блѣдное, выразительное лицо и, какъ всегда, граціозныя и увѣренныя движенія, когда онъ крестился, кланялся, доставая рукою землю, бралъ свѣчу изъ рукъ священника или подходилъ ко гробу, были чрезвычайно эффектны; но, не знаю почему, мнѣ не нравилось въ немъ именно то, что онъ могъ казаться такимъ эффектнымъ въ эту минуту. Мими стояла, прислонившись къ стѣнѣ, и, казалось, едва держалась на ногахъ; платье на ней было измято и въ

пуху, чепецъ сбитъ на сторону; опухшіе глаза были красны, голова ея тряслась; она не переставала рыдать раздирающимъ душу голосомъ и безпрестанно закрывала лицо платкомъ и руками. Мнѣ казалось, что она это дѣлала для того, чтобы, закрывъ лицо отъ зрителей, на минуту отдохнуть отъ притворныхъ рыданій. Я вспомнилъ, какъ наканунѣ она говорила отцу, что смерть maman для нея такой ужасный ударъ, котораго она никакъ не надѣется перенести, что она лишила ее всего, что этотъ ангелъ (такъ называла она maman) передъ самою смертью не забылъ ея и изъявилъ желаніе обезпечить навсегда будущность ея и Катеньки. Она проливала горькія слезы, разсказывая это, и, можетъ-быть, чувство горести ея было истинно, но оно не было чисто и исключительно. Любочка, въ черномъ платьицѣ, обшитомъ плерезами, вся мокрая отъ слезъ, опустила головку, изрѣдка взглядывала на гробъ, и лицо ея выражало при этомъ только дѣтскій страхъ. Катенька стояла подлѣ матери и, несмотря на ея вытянутое личико, была такая же розовенькая, какъ и всегда. Откровенная натура Володи была откровенна и въ горести: онъ то стоялъ задумавшись, уставивъ неподвижные взоры на какой-нибудь предметъ, то ротъ его вдругъ начиналъ кривиться, и онъ поспѣшно крестился и кланялся. Всѣ посторонніе, бывшіе на похоронахъ, были мнѣ несносны. Утѣшительныя фразы, которыя они говорили отцу—что ей тамъ будетъ лучше, что она была не для этого міра, возбуждали во мнѣ какую-то досаду.

Какое они имѣли право говорить и плакать о ней? Нѣкоторые изъ нихъ, говоря про насъ, назы-

вали насъ *сиротами*. Точно безъ нихъ не знали, что дѣтей, у которыхъ нѣтъ матери, называютъ этимъ именемъ! Имъ, вѣрно, нравилось, что они первые даютъ намъ его, точно такъ же, какъ обыкновенно торопятся только что вышедшую замужъ дѣвушку въ первый разъ назвать madame.

Въ дальнемъ углу залы, почти спрятавшись за отворенною дверью буфета, стояла на колѣняхъ сгорбленная, сѣдая старушка. Соединивъ руки и поднявъ глаза къ небу, она не плакала, но молилась. Душа ея стремилась къ Богу, она просила Его соединить ее съ тою, кого она любила больше всего на свѣтѣ, и твердо надѣялась, что это будетъ скоро.

«Вотъ кто истинно любилъ ее!» подумалъ я, и мнѣ стало стыдно за самого себя.

Панихида кончилась; лицо покойницы было открыто, и всѣ присутствующіе, исключая насъ, одинъ за другимъ стали подходить къ гробу и прикладываться.

Одна изъ послѣднихъ подошла проститься съ покойницей какая-то крестьянка, съ хорошенькою пятилѣтнею дѣвочкой на рукахъ, которую, Богъ знаетъ зачѣмъ, она принесла сюда. Въ это время я нечаянно уронилъ свой мокрый платокъ и хотѣлъ поднять его; но только что я нагнулся, меня поразилъ страшный, пронзительный крикъ, исполненный такого ужаса, что, проживи я сто лѣтъ, я никогда его не забуду, и когда вспомню, всегда пробѣжитъ холодная дрожь по моему тѣлу. Я поднялъ голову —на табуретѣ подлѣ гроба стояла та же крестьянка и съ трудомъ удерживала въ рукахъ дѣвочку, которая, отмахиваясь ручонками, откинувъ назадъ испуганное личико и уставивъ выпученные

глаза на лицо покойной, кричала страшнымъ, неистовымъ голосомъ. Я вскрикнулъ голосомъ, который, я думаю, былъ еще ужаснѣе того, который поразилъ меня, и выбѣжалъ изъ комнаты.

Только въ эту минуту я понялъ, отъ чего происходилъ тотъ сильный, тяжелый запахъ, который, смѣшиваясь съ запахомъ ладана, наполнялъ комнату; и мысль, что то лицо, которое за нѣсколько дней было исполнено красоты и нѣжности, лицо той, которую я любилъ больше всего на свѣтѣ, могло возбуждать ужасъ, какъ будто въ первый разъ открыла мнѣ горькую истину и наполнила душу отчаяніемъ.

XXVIII.

ПОСЛѢДНІЯ ГРУСТНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

Maman уже не было, а жизнь наша шла все тѣмъ же чередомъ: мы ложились и вставали въ тѣ же часы и въ тѣхъ же комнатахъ; утренній, вечерній чай, обѣдъ, ужинъ — все было въ обыкновенное время; столы, стулья стояли на тѣхъ же мѣстахъ; ничего въ домѣ и въ нашемъ образѣ жизни не перемѣнилось; только ея не было.

Мнѣ казалось, что послѣ такого несчастія все должно бы было измѣниться; нашъ обыкновенный образъ жизни казался мнѣ оскорбленіемъ ея памяти и слишкомъ живо напоминалъ ея отсутствіе.

Наканунѣ погребенія, послѣ обѣда, мнѣ захотѣлось спать, и я пошелъ въ комнату Натальи Савишны, разсчитывая помѣститься на ея постели, на мягкомъ пуховикѣ, подъ теплымъ стеганымъ одѣяломъ. Когда я вошелъ, Наталья Савишна

лежала на своей постели и, должно-быть, спала; услыхавъ шумъ моихъ шаговъ, она приподнялась, откинула шерстяной платокъ, которымъ отъ мухъ была покрыта ея голова, и, поправляя чепецъ, усѣлась на край кровати.

Такъ какъ еще прежде довольно часто случалось, что послѣ обѣда я приходилъ спать въ ея комнату, она догадалась, зачѣмъ я пришелъ, и сказала мнѣ, приподнимаясь съ постели:

— Что? вѣрно, отдохнуть пришли, мой голубчикъ? Ложитесь.

— Что вы, Наталья Савишна! — сказалъ я, удерживая ее за руку. — Я совсѣмъ не за этимъ... Я такъ пришелъ... да вы и сами устали: лучше ложитесь вы.

— Нѣтъ, батюшка, я ужъ выспалась, — сказала она мнѣ (я зналъ, что она не спала трое сутокъ). — Да и не до сна теперь, — прибавила она съ глубокимъ вздохомъ.

Мнѣ хотѣлось поговорить съ Натальей Савишной о нашемъ несчастіи; я зналъ ея искренность и любовь, и потому поплакать съ нею было бы для меня отрадой.

— Наталья Савишна, — сказалъ я, помолчавъ немного и усаживаясь на постель, — ожидали ли вы этого?

Старушка посмотрѣла на меня съ недоумѣніемъ и любопытствомъ, должно-быть, не понимая, для чего я спрашиваю у нея это.

— Кто могъ ожидать этого? — повторилъ я.

— Ахъ, мой батюшка, — сказала она, кинувъ на меня взглядъ самаго нѣжнаго состраданія, — не то, чтобъ ожидать, а я и теперь подумать-то не могу.

Ну, ужъ мнѣ, старухѣ, давно бы пора сложить старыя кости на покой; а то вотъ до чего довелось дожить: стараго барина, вашего дѣдушку — вѣчная память! — князя Николая Михайловича, двухъ братьевъ, сестру Аннушку, всѣхъ схоронила, и всѣ моложе меня были, мой батюшка, а вотъ теперь — видно, за грѣхи мои — и ее пришлось пережить. Его святая воля! Онъ затѣмъ и взялъ ее, что она достойна была, а Ему добрыхъ и тамъ нужно.

Эта простая мысль отрадно поразила меня, и я ближе придвинулся къ Натальѣ Савишнѣ. Она сложила руки на груди и взглянула кверху; впалые влажные глаза ея выражали великую, но спокойную печаль. Она твердо надѣялась, что Богъ не надолго разлучилъ ее съ тою, на которой столько лѣтъ была сосредоточена вся сила ея любви.

— Да, мой батюшка, давно ли, кажется, я ее еще няньчила, пеленала, и она меня Нашей называла. Бывало, прибѣжитъ ко мнѣ, обхватитъ ручонками и начнетъ цѣловать и приговаривать: «Нашикъ мой, красавчикъ мой, индюшечка ты моя». А я, бывало, пошучу—говорю: «Неправда, матушка, вы меня не любите; вотъ дай только выростете большія, выйдете замужъ и Нашу свою забудете». Она, бывало, задумается. Нѣтъ, говоритъ, я лучше замужъ не пойду, если нельзя Нашу съ собой взять; я Нашу никогда не покину. А вотъ, покинула же и не дождалась. И любила же она меня, покойница! Да кого она и не любила, правду сказать! Да, батюшка, вашу маменьку вамъ забывать нельзя; это не человѣкъ былъ, а ангелъ небесный. Когда ея душа будетъ

въ царствіи небесномъ, она и тамъ будетъ васъ любить и тамъ будетъ на васъ радоваться.

— Отчего же вы говорите, Наталья Савишна: когда будетъ въ царствіи небесномъ?—спросилъ я — вѣдь она, я думаю, и теперь ужъ тамъ.

— Нѣтъ, батюшка, — сказала Наталья Савишна, понизивъ голосъ и усаживаясь ближе ко мнѣ на постели,—теперь ея душа здѣсь.

И она указывала вверхъ. Она говорила почти шопотомъ и съ такимъ чувствомъ и убѣжденіемъ, что я невольно поднялъ глаза кверху, смотрѣлъ на карнизы и искалъ чего-то.

— Прежде чѣмъ душа праведника въ рай идетъ, она еще сорокъ мытарствъ проходитъ, мой батюшка, сорокъ дней, и можетъ еще въ своемъ домѣ быть...

Долго еще говорила она въ томъ же родѣ и говорила съ такою простотой и увѣренностью, какъ будто разсказывала вещи самыя обыкновенныя, которыя сама видала и насчетъ которыхъ никому и въ голову не могло придти ни малѣйшаго сомнѣнія. Я слушалъ ее, притаивъ дыханіе, и, хотя не понималъ хорошенько того, что она говорила, вѣрилъ ей совершенно.

— Да, батюшка, теперь она здѣсь, смотритъ на насъ, слушаетъ, можетъ-быть, что мы говоримъ,— заключила Наталья Савишна.

И, опустивъ голову, замолчала. Ей понадобился платокъ, чтобъ отереть падавшія слезы; она встала, взглянула мнѣ прямо въ лицо и сказала дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— На много ступеней подвинулъ меня этимъ къ себѣ Господь. Что мнѣ теперь здѣсь осталось? для кого мнѣ жить? кого любить?

— А насъ развѣ вы не любите? — сказалъ я съ упрекомъ и едва удерживаясь отъ слезъ.

— Богу извѣстно, какъ я васъ люблю, моихъ голубчиковъ, но ужъ такъ любить, какъ я ее любила, никого не любила, да и не могу любить.

Она не могла больше говорить, отвернулась отъ меня и громко зарыдала.

Я не думалъ уже спать; мы молча сидѣли другъ противъ друга и плакали.

Въ комнату вошелъ Фока; замѣтивъ наше положеніе и, должно быть, не желая тревожить насъ, онъ, молча и робко поглядывая, остановился у дверей.

— Зачѣмъ ты, Фокаша? — спросила Наталья Савишна, утираясь платкомъ.

— Изюму полтора, сахару четыре фунта и сарачинскаго пшена три фунта для кутьи-съ.

— Сейчасъ, сейчасъ, батюшка, — сказала Наталья Савишна, торопливо понюхала табаку и скорыми шажками пошла къ сундуку. Послѣдніе слѣды печали, произведенной нашимъ разговоромъ, исчезли, когда она принялась за свою обязанность, которую считала весьма важной.

— На что четыре фунта? — говорила она ворчливо, доставая и отвѣшивая сахаръ на безменѣ, — и три съ половиной довольно будетъ.

И она сняла съ вѣсовъ нѣсколько кусочковъ.

— А это на что похоже, что вчера только восемь фунтовъ пшена отпустила, опять спрашиваютъ! Ты какъ хочешь, Фока Демидычъ, а я пшена не отпущу. Этотъ Ванька радъ, что теперь суматоха въ домѣ: онъ думаетъ, авось, не замѣтятъ. Нѣтъ, я потачки за барское добро не

дамъ. Ну, виданное ли это дѣло — восемь фунтовъ?

— Какъ же быть-съ? Онъ говоритъ, все вышло.

— Ну, на, возьми, на! пусть возьметъ!

Меня поразилъ тогда этотъ переходъ отъ трогательнаго чувства, съ которымъ она со мной говорила, къ ворчливости и мелочнымъ расчетамъ. Разсуждая объ этомъ впослѣдствіи, я понялъ, что, несмотря на то, что̀ у нея дѣлалось въ душѣ, у нея доставало довольно присутствія духа, чтобы заниматься своимъ дѣломъ, а сила привычки тянула ее къ обыкновеннымъ занятіямъ. Горе такъ сильно подѣйствовало на нее, что она не находила нужнымъ скрывать, что можетъ заниматься посторонними предметами; она даже и не поняла бы, какъ можетъ прійти такая мысль.

Тщеславіе есть чувство самое несообразное съ истинною горестью, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувство это такъ крѣпко привито къ натурѣ человѣка, что очень рѣдко даже самое сильное горе изгоняетъ его. Тщеславіе въ горести выражается желаніемъ казаться или огорченнымъ, или несчастнымъ, или твердымъ, и эти низкія желанія, въ которыхъ мы не признаемся, но которыя почти никогда—даже въ самой сильной печали—не оставляютъ насъ, лишаютъ ее силы, достоинства и искренности. Наталья же Савишна была такъ глубоко поражена своимъ несчастіемъ, что въ душѣ ея не оставалось ни одного желанія, и она жила только по привычкѣ.

Выдавъ Фокѣ требуемую провизію и напомнивъ ему о пирогѣ, который надо бы приготовить для угощенія причта, она отпустила его, взяла чулокъ и опять сѣла подлѣ меня.

Разговоръ начался про то же, и мы еще разъ поплакали и еще разъ утерли слезы.

Бесѣды съ Натальей Савишной повторялись каждый день; ея тихія слезы и спокойныя набожныя рѣчи доставляли мнѣ отраду и облегченіе.

Но скоро насъ разлучили: черезъ три дня послѣ похоронъ мы всѣмъ домомъ пріѣхали въ Москву, и мнѣ суждено было никогда больше не видать ея.

Бабушка получила ужасную вѣсть только съ нашимъ пріѣздомъ, и горесть ея была необыкновенна. Насъ не пускали къ ней, потому что она цѣлую недѣлю была въ безпамятствѣ, доктора боялись за ея жизнь, тѣмъ болѣе, что она не только не хотѣла принимать никакого лѣкарства, но ни съ кѣмъ не говорила, не спала и не принимала никакой пищи. Иногда, сидя одна въ комнатѣ на своемъ креслѣ, она вдругъ начинала смѣяться, потомъ рыдать безъ слезъ, съ ней дѣлались конвульсіи и она кричала неистовымъ голосомъ безсмысленныя или ужасныя слова. Это было первое сильное горе, которое поразило ее, и это горе привело ее въ отчаяніе. Ей нужно было обвинять кого-нибудь въ своемъ несчастіи, и она говорила страшныя слова, грозила кому-то, съ необыкновенною силой вскакивала съ креселъ, скорыми, большими шагами ходила по комнатѣ и потомъ падала безъ чувствъ.

Одинъ разъ я вошелъ въ ея комнату; она сидѣла, по обыкновенію, на своемъ креслѣ и, казалось, была спокойна; но меня поразилъ ея взглядъ. Глаза ея были очень открыты, но взоръ неопредѣлененъ и тупъ: она смотрѣла прямо на меня, но, должно быть, не видала. Губы ея на-

чали медленно улыбаться, и она заговорила трогательнымъ, нѣжнымъ голосомъ: «поди сюда, мой дружокъ, подойди, мой ангелъ». Я думалъ, что она обращается ко мнѣ, и подошелъ ближе, но она смотрѣла не на меня. «Ахъ, коли бы ты знала, душа моя, какъ я мучилась и какъ теперь рада, что ты пріѣхала...» Я понялъ, что она воображала видѣть maman, и остановился. «А мнѣ сказали, что тебя нѣтъ,—продолжала она нахмурившись. — Вотъ вздоръ! Развѣ ты можешь умереть прежде меня?» И она захохотала страшнымъ истерическимъ хохотомъ.

Только люди, способные сильно любить, могутъ испытывать и сильныя огорченія; но та же потребность любить служитъ для нихъ противодѣйствіемъ горести и исцѣляетъ ихъ. Отъ этого моральная природа человѣка еще живучѣе природы физической. Горе никогда не убиваетъ.

Черезъ недѣлю бабушка могла плакать, и ей стало лучше. Первою мыслью ея, когда она пришла въ себя, были мы, и любовь ея къ намъ увеличилась. Мы не отходили отъ ея кресла; она тихо плакала, говорила про maman и нѣжно ласкала насъ.

Въ голову никому не могло придти, глядя на печаль бабушки, чтобъ она преувеличивала ее, и выраженія этой печали были сильны и трогательны; но, не знаю почему, я больше сочувствовалъ Натальѣ Савишнѣ, и до сихъ поръ убѣжденъ, что никто такъ искренно и чисто не любилъ и не сожалѣлъ о maman, какъ это простодушное и любящее созданіе.

Со смертью матери окончилась для меня счастливая пора дѣтства и началась новая эпоха — эпоха

отрочества; но такъ какъ воспоминанія о Натальѣ Савишнѣ, которой я больше не видалъ и которая имѣла такое сильное и благое вліяніе на мое направленіе и развитіе чувствительности, принадлежатъ къ первой эпохѣ, скажу еще нѣсколько словъ о ней и ея смерти.

Послѣ нашего отъѣзда, какъ мнѣ потомъ разсказывали люди, оставшіеся въ деревнѣ, она очень скучала отъ бездѣлья. Хотя всѣ сундуки были еще на ея рукахъ и она не переставала рыться въ нихъ, перекладывать, развѣшивать, раскладывать, но ей недоставало шуму и суетливости барскаго, обитаемаго господами, деревенскаго дома, къ которому она съ дѣтства привыкла. Горе, перемѣна образа жизни и отсутствіе хлопотъ скоро развили въ ней старческую болѣзнь, къ которой она имѣла склонность. Ровно черезъ годъ послѣ смерти матушки у нея открылась водяная и она слегла въ постель.

Тяжело, я думаю, было Натальѣ Савишнѣ жить и еще тяжеле умирать одной въ большомъ пустомъ петровскомъ домѣ, безъ родныхъ, безъ друзей. Всѣ въ домѣ любили и уважали Наталью Савишну; но она ни съ кѣмъ не имѣла дружбы и гордилась этимъ. Она полагала, что въ ея положеніи—экономки, пользующейся довѣренностью своихъ господъ и имѣющей на рукахъ столько сундуковъ со всякимъ добромъ,—дружба съ кѣмъ-нибудь непремѣнно повела бы ее къ лицепріятію и преступной снисходительности; поэтому или, можетъ-быть, потому, что не имѣла ничего общаго съ другими слугами, она удалялась всѣхъ и говорила, что у нея въ домѣ нѣтъ ни кумовьевъ,

ни сватовъ и что за барское добро она никому потачки не дастъ.

Повѣряя Богу въ теплой молитвѣ свои чувства, она искала и находила утѣшеніе; но иногда, въ минуты слабости, которымъ мы всѣ подвержены, когда лучшее утѣшеніе для человѣка доставляютъ слезы и участіе живого существа, она клала себѣ на постель свою собачонку моську (которая лизала ея руки, уставивъ на нее свои желтые глаза), говорила съ ней и тихо плакала, лаская ее. Когда моська начинала жалобно выть, она старалась успокоить ее и говорила: «полно, я и безъ тебя знаю, что скоро умру».

За мѣсяцъ до своей смерти она достала изъ своего сундука бѣлаго коленкору, бѣлой кисеи и розовыхъ лентъ; съ помощью своей дѣвушки сшила себѣ бѣлое платье, чепчикъ и до малѣйшихъ подробностей распорядилась всѣмъ, что̀ нужно было для ея похоронъ. Она тоже разобрала барскіе сундуки и съ величайшею отчетливостью, по описи, передала ихъ приказчицѣ; потомъ достала два шелковыхъ платья, старинную шаль, подаренныя ей когда-то бабушкой, дѣдушкинъ военный мундиръ, шитый золотомъ, тоже отданный въ ея полную собственность. Благодаря ея заботливости, шитье и галуны на мундирѣ были совершенно свѣжи и сукно не тронуто молью. Передъ кончиной она изъявила желаніе, чтобъ одно изъ этихъ платьевъ—розовое—было отдано Володѣ на халатъ или бешметъ, другое—пюсовое, въ клѣткахъ — мнѣ, для того же употребленія, а шаль — Любочкѣ. Мундиръ она завѣщала тому изъ насъ, кто прежде будетъ офицеромъ. Все остальное свое имущество и деньги,

исключая сорока рублей, которые она отложила на погребеніе и поминаніе, она предоставила получить своему брату. Братъ ея, еще давно отпущенный на волю, проживалъ въ какой-то дальней губерніи и велъ жизнь самую распутную, поэтому при жизни своей она не имѣла съ нимъ никакихъ сношеній.

Когда братъ Натальи Савишны явился для полученія наслѣдства, и всего имущества покойной оказалось на двадцать пять рублей ассигнаціями, онъ не хотѣлъ вѣрить этому и говорилъ, что не можетъ быть, чтобы старуха, которая шестьдесятъ лѣтъ жила въ богатомъ домѣ, все на рукахъ имѣла, весь свой вѣкъ жила скупо и надъ всякою тряпкой тряслась, — чтобъ она ничего не оставила. Но это дѣйствительно было такъ.

Наталья Савишна два мѣсяца страдала отъ своей болѣзни и переносила страданія съ истинно-христіанскимъ терпѣніемъ: не ворчала, не жаловалась, а только, по своей привычкѣ, безпрестанно поминала Бога. За часъ передъ смертью она съ тихою радостью исповѣдалась, причастилась и соборовалась масломъ.

У всѣхъ домашнихъ она просила прощенія за обиды, которыя могла причинить имъ, и просила духовника своего, отца Василія, передать всѣмъ намъ, что не знаетъ, какъ благодарить насъ за наши милости, и проситъ насъ простить ее, если по глупости своей огорчила кого-нибудь, «но воровкой никогда не была и могу сказать, что барскою ниткой не поживилась». Это было одно качество, которое она цѣнила въ себѣ.

Надѣвъ приготовленный капотъ и чепчикъ и облокотившись на подушки, она до самаго конца

не переставала разговаривать съ священникомъ, вспоминала, что ничего не оставила бѣднымъ, достала десять рублей и просила его раздать ихъ въ приходѣ; потомъ перекрестилась, легла и въ послѣднiй разъ вздохнула, съ радостною улыбкой произнося имя Божiе.

Она оставляла жизнь безъ сожалѣнiя, не боялась смерти и приняла ее, какъ благо. Часто это говорятъ, но какъ рѣдко дѣйствительно бываетъ! Наталья Савишна могла не бояться смерти потому, что она умирала съ непоколебимою вѣрой и исполнивъ законъ Евангелiя. Вся жизнь ея была чистая, безкорыстная любовь и самоотверженiе.

Что-жъ! ежели ея вѣрованiя могли бы быть возвышеннѣе, ея жизнь направлена къ болѣе высокой цѣли,—развѣ эта чистая душа отъ этого меньше достойна любви и удивленiя?

Она совершила лучшее и величайшее дѣло въ этой жизни — умерла безъ сожалѣнiя и страха.

Ее похоронили, по ея желанiю, недалеко отъ часовни, которая стоитъ на могилѣ матушки. Заросшiй крапивой и репейникомъ бугорокъ, подъ которымъ она лежитъ, огороженъ черною рѣшеткой, и я никогда не забываю изъ часовни подойти къ этой рѣшеткѣ и положить земной поклонъ.

Иногда я молча останавливаюсь между часовней и черною рѣшеткой. Въ душѣ моей вдругъ пробуждаются тяжелыя воспоминанiя. Мнѣ приходитъ мысль: неужели Провидѣнiе для того только соединило меня съ этими двумя существами, чтобы вѣчно заставить сожалѣть о нихъ?..

ОТРОЧЕСТВО.

Повѣсть (1854 года).

I.

ПОѢЗДКА НА ДОЛГИХЪ.

Снова поданы два экипажа къ крыльцу петровскаго дома, одинъ—карета, въ которую садятся Мими, Катенька, Любочка, горничная и *самъ* приказчикъ Яковъ на козлахъ; другой—бричка, въ которой ѣдемъ мы съ Володей, и недавно взятый съ оброка лакей Василій.

Папа, который нѣсколько дней послѣ насъ долженъ тоже пріѣхать въ Москву, безъ шапки стоитъ на крыльцѣ и креститъ окно кареты и бричку.

«Ну, Христосъ съ вами! трогай!» Яковъ и кучера (мы ѣдемъ на своихъ) снимаютъ шапки и крестятся. «Но, но! съ Богомъ!» Кузовъ кареты и бричка начинаютъ подпрыгивать по неровной дорогѣ, и березы большой аллеи одна за другой бѣгутъ мимо насъ. Мнѣ нисколько не грустно: умственный взоръ мой обращенъ не на то, что я оставляю, а на то, что ожидаетъ меня. По мѣрѣ удаленія отъ предметовъ, связанныхъ съ тяжелыми воспоминаніями, наполнявшими до сей поры мое воображеніе, воспоминанія эти теряютъ свою силу и быстро замѣняются отраднымъ чувствомъ со-

знанія жизни, полной силы, свѣжести и надежды.

Рѣдко проводилъ я нѣсколько дней—не скажу весело: мнѣ еще какъ-то совѣстно было предаваться веселью,—но такъ пріятно, хорошо, какъ четыре дня нашего путешествія. У меня передъ глазами не было ни затворенной двери комнаты матушки, мимо которой я не могъ проходить безъ содроганія, ни закрытаго рояля, къ которому не только не подходили, но на который и смотрѣли съ какою-то боязнью, ни траурныхъ одеждъ (на всѣхъ насъ были простыя дорожныя платья), ни всѣхъ тѣхъ вещей, которыя, живо напоминая мнѣ невозвратимую потерю, заставляли меня остерегаться каждаго проявленія жизни изъ страха оскорбить какъ-нибудь *ея* память. Здѣсь, напротивъ, безпрестанно новыя живописныя мѣста и предметы останавливаютъ и развлекаютъ мое вниманіе, а весенняя природа вселяетъ въ душу отрадныя чувства довольства настоящимъ и свѣтлой надежды на будущее.

Рано, рано утромъ безжалостный и, какъ всегда бываютъ люди въ новой должности, слишкомъ усердный Василій сдергиваетъ одѣяло и увѣряетъ, что пора ѣхать и все уже готово. Какъ ни жмешься, ни хитришь, ни сердишься, чтобы хоть еще на четверть часа продлить сладкій утренній сонъ, по рѣшительному лицу Василія видишь, что онъ неумолимъ и готовъ еще двадцать разъ сдернуть одѣяло, вскакиваешь и бѣжишь на дворъ умываться.

Въ сѣняхъ уже кипитъ самоваръ, который, раскраснѣвшись какъ ракъ, раздуваетъ Митька-форейторъ; на дворѣ сыро и туманно, какъ будто

паръ поднимается отъ пахучаго навоза; солнышко веселымъ, яркимъ свѣтомъ освѣщаетъ восточную часть неба и соломенныя крыши просторныхъ навѣсовъ, окружающихъ дворъ, глянцевитыя отъ росы, покрывающей ихъ. Подъ ними виднѣются наши лошади, привязанныя около кормягъ, и слышно ихъ мѣрное жеваніе. Какая-нибудь мохнатая Жучка, прикорнувшая передъ зарей на сухой кучѣ навоза, лѣниво потягивается и, помахивая хвостомъ, мелкою рысцой отправляется въ другую сторону двора. Хлопотунья-хозяйка отворяетъ скрипящія ворота, выгоняетъ задумчивыхъ коровъ на улицу, по которой уже слышны топотъ, мычаніе и блеяніе стада, и перекидывается словечкомъ съ сонной сосѣдкой. Филиппъ, съ засученными рукавами рубашки, вытягиваетъ колесомъ бадью изъ глубокаго колодца, плеская свѣтлую воду, выливаетъ ее въ дубовую колоду, около которой въ лужѣ уже полощутся проснувшіяся утки; и я съ удовольствіемъ смотрю на значительное съ окладистою бородой лицо Филиппа и на толстые жилы и мускулы, которые рѣзко обозначаются на его голыхъ мощныхъ рукахъ, когда онъ дѣлаетъ какое-нибудь усиліе.

За перегородкой, гдѣ спала Мими съ дѣвочками и изъ-за которой мы переговаривались вечеромъ, слышно движеніе. Маша съ различными предметами, которые она платьемъ старается скрыть отъ нашего любопытства, чаще и чаще перебѣгаетъ мимо насъ; наконецъ, отворяется дверь, и насъ зовутъ пить чай.

Василій, въ припадкѣ излишняго усердія, безпрестанно вбѣгаетъ въ комнату, выноситъ то то,

то другое, подмигиваетъ намъ и всячески упрашиваетъ Марью Ивановну выѣзжать ранѣе. Лошади заложены и выражаютъ свое нетерпѣніе, изрѣдка побрякивая бубенчиками; чемоданы, сундуки, шкатулки и шкатулочки снова укладываются, и мы садимся по мѣстамъ. Но каждый разъ въ бричкѣ мы находимъ гору вмѣсто сидѣнія, такъ что никакъ не можемъ понять, какъ все это было уложено наканунѣ и какъ теперь мы будемъ сидѣть; особенно одинъ орѣховый чайный ящикъ съ треугольною крышкой, который отдаютъ намъ въ бричку и ставятъ подъ меня, приводитъ меня въ сильнѣйшее негодованіе. Но Василій говоритъ, что это обомнется, и я принужденъ вѣрить ему.

Солнце только что поднялось надъ сплошнымъ бѣлымъ облакомъ, покрывающимъ востокъ, и вся окрестность озарилась спокойно-радостнымъ свѣтомъ. Все такъ прекрасно вокругъ меня, а на душѣ такъ легко и спокойно... Дорога широкою и дикою лентой вьется впереди, между полями засохшаго жнивья и блестящей росою зелени; коегдѣ при дорогѣ попадается угрюмая ракита или молодая березка съ мелкими клейкими листьями, бросая длинную неподвижную тѣнь на засохшія, глинистыя колеи и мелкую зеленую траву дороги... Однообразный шумъ колесъ и бубенчиковъ не заглушаетъ пѣсенъ жаворонковъ, которые вьются около самой дороги. Запахъ съѣденнаго молью сукна, пыли и какой-то кислоты, которымъ отличается наша бричка, покрывается запахомъ утра, и я чувствую въ душѣ отрадное безпокойство, желаніе что-то сдѣлать — признакъ истиннаго наслажденія.

Я не успѣлъ помолиться на постояломъ дворѣ; но такъ какъ уже не разъ замѣчено мною, что въ тотъ день, въ который я по какимъ-нибудь обстоятельствамъ забываю исполнить этотъ обрядъ, со мной случается какое-нибудь несчастіе, я стараюсь исправить свою ошибку: снимаю фуражку, поворачиваюсь въ уголъ брички, читаю молитвы, крещусь подъ курточкой такъ, чтобы никто не видалъ этого. Но тысячи различныхъ предметовъ отвлекаютъ мое вниманіе, и я нѣсколько разъ сряду, въ разсѣянности, повторяю одни и тѣ же слова молитвы.

Вотъ на пѣшеходной тропинкѣ, вьющейся около дороги, виднѣются какія-то медленно движущіяся фигуры: это богомолки. Головы ихъ закутаны грязными платками, за спинами берестовыя котомки, ноги обмотаны грязными оборванными онучами и обуты въ тяжелые лапти. Равномѣрно размахивая палками и едва оглядываясь на насъ, онѣ медленнымъ, тяжелымъ шагомъ подвигаются впередъ одна за другой, и меня занимаютъ вопросы: куда, зачѣмъ онѣ идутъ? долго ли продолжится ихъ путешествіе, и скоро ли длинныя тѣни, которыя онѣ бросаютъ на дорогу, соединятся съ тѣнью ракиты, мимо которой онѣ должны пройти? Вотъ коляска четверкой на почтовыхъ быстро несется навстрѣчу. Двѣ секунды —и лица, на разстояніи двухъ аршинъ привѣтливо, любопытно смотрѣвшія на насъ, уже промелькнули, и какъ-то странно кажется, что эти лица не имѣютъ со мной ничего общаго и что ихъ никогда, можетъ-быть, и не увидишь больше.

Вотъ стороной дороги бѣгутъ двѣ потныя косматыя лошади въ хомутахъ съ захлестнутыми

за шлеи постромками, и сзади, свѣсивъ длинныя ноги въ большихъ сапогахъ по обѣимъ сторонамъ лошади, у которой на холкѣ виситъ дуга и изрѣдка чуть слышно побрякиваетъ колокольчикомъ, ѣдетъ молодой парень-ямщикъ и, сбивъ на одно ухо поярковую шляпу, тянетъ какую-то протяжную пѣсню. Лицо и поза его выражаютъ такъ много лѣниваго, безпечнаго довольства, что мнѣ кажется верхомъ счастія быть ямщикомъ, ѣздить обратнымъ путемъ и пѣть грустныя пѣсни. Вонъ, далеко за оврагомъ, виднѣется на свѣтло-голубомъ небѣ деревенская церковь съ зеленою крышей; вонъ село, красная крыша барскаго дома и зеленый садъ. Кто живетъ въ этомъ домѣ? есть ли въ немъ дѣти, отецъ, мать, учитель? Отчего бы намъ не поѣхать въ этотъ домъ и не познакомиться съ хозяевами? Вотъ длинный обозъ огромныхъ возовъ, запряженныхъ тройками сытыхъ, толстоногихъ лошадей, который мы принуждены объѣзжать стороной. «Что везете?» спрашиваетъ Василій у перваго извозчика, который, спустивъ огромныя ноги съ грядокъ и помахивая кнутикомъ, долго пристально-безсмысленнымъ взоромъ слѣдитъ за нами и отвѣчаетъ что-то только тогда, когда его невозможно слышать. «Съ какимъ товаромъ?» обращается Василій къ другому возу, на огороженномъ передкѣ котораго подъ новою рогожей лежитъ другой извозчикъ. Русая голова съ краснымъ лицомъ и рыжеватою бородкой на минуту высовывается изъ-подъ рогожи, равнодушно-презрительнымъ взглядомъ окидываетъ нашу бричку и снова скрывается—и мнѣ приходятъ мысли, что, вѣрно, эти извозчики не знаютъ, кто мы такіе и откуда и куда ѣдемъ...

Часа полтора углубленный въ разнообразныя наблюденія, я не обращаю вниманія на кривыя цифры, выставленныя на верстахъ. Но вотъ солнце начинаетъ жарче печь мнѣ голову и спину, дорога становится пыльнѣе, треугольная крышка чайницы начинаетъ сильно безпокоить меня, я нѣсколько разъ перемѣняю положеніе; мнѣ становится жарко, неловко и скучно. Все мое вниманіе обращается на верстовые столбы и цифры, выставленныя на нихъ; я дѣлаю различныя математическія вычисленія насчетъ времени, въ которое мы можемъ пріѣхать на станцію. «Двѣнадцать верстъ составляютъ треть тридцати шести, а до Липецъ сорокъ одна, слѣдовательно, мы проѣхали одну треть и сколько?» и т. д.

— Василій,—говорю я, когда замѣчаю, что онъ начинаетъ *удить рыбу* на козлахъ,—пусти меня на козлы, голубчикъ.—Василій соглашается. Мы перемѣняемся мѣстами; онъ тотчасъ же начинаетъ храпѣть и разваливается такъ, что въ бричкѣ уже не остается больше ни для кого мѣста; а передо мной открывается съ высоты, которую я занимаю, самая пріятная картина: наши четыре лошади—Неручинская, Дьячокъ, Лѣвая коренная и Аптекарь, всѣ изученныя мною до малѣйшихъ подробностей и оттѣнковъ свойствъ каждой.

— Отчего это нынче Дьячокъ на правой пристяжкѣ, а не на лѣвой, Филиппъ?—нѣсколько робко спрашиваю я.

— Дьячокъ?

— А Неручинская ничего не везетъ,—говорю я.

— Дьячка нельзя налѣво впрягать,—говоритъ Филиппъ, не обращая вниманія на мое послѣднее замѣчаніе:—не такая лошадь, чтобъ его на лѣвую

пристяжку запрягать. Налѣво ужъ нужно такую лошадь, чтобъ, одно слово, была лошадь, а это не такая лошадь.

И Филиппъ съ этими словами нагибается на правую сторону и, подергивая вожжой изъ всѣхъ силъ, принимается стегать бѣднаго Дьячка по хвосту и по ногамъ какъ-то особеннымъ манеромъ, снизу, и, несмотря на то, что Дьячокъ старается изъ всѣхъ силъ и воротитъ всю бричку, Филиппъ прекращаетъ этотъ маневръ только тогда, когда чувствуетъ необходимость отдохнуть и сдвинуть неизвѣстно для чего свою шляпу на одинъ бокъ, хоть она до этого очень хорошо и плотно сидѣла на его головѣ. Я пользуюсь такою счастливою минутой и прошу Филиппа дать мнѣ *поправить*. Филиппъ даетъ мнѣ сначала одну вожжу, потомъ другую; наконецъ, всѣ шесть вожжей и кнутъ переходятъ въ мои руки, и я совершенно счастливъ. Я стараюсь всячески подражать Филиппу, спрашиваю у него, хорошо ли, но обыкновенно кончается тѣмъ, что онъ остается мною недоволенъ: говоритъ, что та много везетъ, а та ничего не везетъ, высовываетъ локоть изъ-за моей груди и отнимаетъ у меня вожжи. Жаръ все усиливается, барашки начинаютъ вздуваться, какъ мыльные пузыри, выше и выше, сходиться и принимаютъ темно-сѣрыя тѣни. Въ окно кареты высовывается рука съ бутылкой и узелкомъ; Василій съ удивительною ловкостью на ходу соскакиваетъ съ козелъ и приноситъ намъ вотрушекъ и квасу.

На крутомъ спускѣ мы всѣ выходимъ изъ экипажей и иногда въ перегонки бѣжимъ до моста, между тѣмъ, какъ Василій и Яковъ, подтормозивъ

колеса, съ обѣихъ сторонъ руками поддерживаютъ карету, какъ будто они въ состояніи удержать ее, ежели бы она упала. Потомъ, съ позволенія Мими, я или Володя отправляемся въ карету, а Любочка или Катенька садятся въ бричку. Перемѣщенія эти доставляютъ большое удовольствіе дѣвочкамъ, потому что онѣ справедливо находятъ, что въ бричкѣ гораздо веселѣе. Иногда во время жары, проѣзжая черезъ рощу, мы отстаемъ отъ кареты, нарываемъ зеленыхъ вѣтокъ и устраиваемъ въ бричкѣ бесѣдку. Движущаяся бесѣдка во весь духъ догоняетъ карету, и Любочка пищитъ при этомъ самымъ пронзительнымъ голосомъ, чего она никогда не забываетъ дѣлать при каждомъ случаѣ, доставляющемъ ей большое удовольствіе.

Но вотъ и деревня, въ которой мы будемъ обѣдать и отдыхать. Вотъ ужъ запахло деревней — дымомъ, дегтемъ, баранками, послышались звуки говора, шаговъ и колесъ; бубенчики уже звенятъ не такъ, какъ въ чистомъ полѣ, и съ обѣихъ сторонъ мелькаютъ избы съ соломенными кровлями, рѣзными тесовыми крылечками и маленькими окнами съ красными и зелеными ставнями, въ которыя кое-гдѣ просовывается лицо любопытной бабы. Вотъ крестьянскіе мальчики и дѣвочки въ однѣхъ рубашонкахъ: широко раскрывъ глаза и растопыривъ руки, неподвижно стоятъ они на одномъ мѣстѣ или, быстро сѣменя въ пыли босыми ножонками, несмотря на угрожающіе жесты Филиппа, бѣгутъ за экипажами и стараются взобраться на чемоданы, привязанные сзади. Вотъ и рыжеватые дворники съ обѣихъ сторонъ подбѣгаютъ къ экипажамъ и привлекательными словами

и жестами одинъ передъ другимъ стараются заманить проѣзжающихъ. Тпрру! ворота скрипятъ, вальки цѣпляются за воротища, и мы въѣзжаемъ на дворъ. Четыре часа отдыха и свободы!

II.

ГРОЗА.

Солнце склонялось къ западу и косыми жаркими лучами невыносимо жгло мнѣ шею и щеки; невозможно было дотронуться до раскаленныхъ краевъ брички; густая пыль поднималась по дорогѣ и наполняла воздухъ. Не было ни малѣйшаго вѣтерка, который бы относилъ ее. Впереди насъ, на одинаковомъ разстояніи, мѣрно покачивался высокій запыленный кузовъ кареты съ важами, изъ-за котораго виднѣлись изрѣдка кнутъ, которымъ помахивалъ кучеръ, его шляпа и фуражка Якова. Я не зналъ, куда дѣваться: ни черное отъ пыли лицо Володи, дремавшаго возлѣ меня, ни движенія спины Филиппа, ни длинная тѣнь нашей брички, подъ косымъ угломъ бѣжавшая за нами, не доставляли мнѣ развлеченія. Все мое вниманіе было обращено на верстовые столбы, которые я замѣчалъ издалека, и на облака, прежде разсыпанныя по небосклону, которыя, принявъ зловѣщія черныя тѣни, теперь собирались въ одну большую мрачную тучу. Изрѣдка погромыхивалъ дальній громъ. Это послѣднее обстоятельство болѣе всего усиливало мое нетерпѣніе скорѣе пріѣхать на постоялый дворъ. Гроза наводила на меня невыразимо тяжелое чувство тоски и страха.

До ближайшей деревни осталось еще верстъ десять, а большая темно-лиловая туча, взявшаяся

Богъ знаетъ откуда, безъ малѣйшаго вѣтра, но быстро подвигалась къ намъ. Солнце, еще не скрытое облаками, ярко освѣщаетъ ея мрачную фигуру и сѣрыя полосы, которыя отъ нея идутъ до самаго горизонта. Изрѣдка вдалекѣ вспыхиваетъ молнія и слышится слабый гулъ, постепенно усиливающійся, приближающійся и переходящій въ прерывистые раскаты, обнимающіе весь небосклонъ. Василій приподнимается съ козелъ и поднимаетъ верхъ брички; кучера надѣваютъ армяки и при каждомъ ударѣ грома снимаютъ шапки и крестятся; лошади настораживаютъ уши, раздуваютъ ноздри, какъ будто принюхиваясь къ свѣжему воздуху, которымъ пахнетъ отъ приближающейся тучи, и бричка скорѣе катитъ по пыльной дорогѣ. Мнѣ становится жутко, и я чувствую, какъ кровь быстрѣе обращается въ моихъ жилахъ. Но вотъ передовыя облака уже начинаютъ закрывать солнце; вотъ оно выглянуло въ послѣдній разъ, освѣтило страшно-мрачную сторону горизонта и скрылось. Вся окрестность вдругъ измѣняется и принимаетъ мрачный характеръ. Вотъ задрожала осиновая роща; листья становятся какого-то бѣломутнаго цвѣта, ярко выдающагося на лиловомъ фонѣ тучи, шумятъ и вертятся; макушки большихъ березъ начинаютъ раскачиваться, и пучки сухой травы летятъ черезъ дорогу. Стрижи и бѣлогрудыя ласточки, какъ будто съ намѣреніемъ остановить насъ, рѣютъ вокругъ брички и пролетаютъ подъ самою грудью лошадей; галки съ растрепанными крыльями какъ-то бокомъ летаютъ по вѣтру; края кожанаго фартука, которымъ мы застегнулись, начинаютъ подниматься, пропуская къ намъ порывы влажнаго вѣтра, и, размахиваясь,

биться о кузовъ брички. Молнія вспыхиваетъ какъ будто въ самой бричкѣ, ослѣпляетъ зрѣніе и на одно мгновенье освѣщаетъ сѣрое сукно, басонъ и прижавшуюся къ углу фигуру Володи. Въ ту же секунду надъ самой головой раздается величественный гулъ, который, какъ будто поднимаясь все выше и выше, шире и шире, по огромной спиральной линіи, постепенно усиливается и переходитъ въ оглушительный трескъ, невольно заставляющій трепетать и сдерживать дыханіе. Гнѣвъ Божій! какъ много поэзіи въ этой простонародной мысли!

Колеса вертятся скорѣе и скорѣе; по спинамъ Василія и Филиппа, который нетерпѣливо помахиваетъ вожжами, я замѣчаю, что они боятся. Бричка шибко катится подъ гору и стучитъ по дощатому мосту; я боюсь пошевелиться и съ минуты на минуту ожидаю нашей общей погибели.

Тпру! оторвался валекъ, и на мосту, несмотря на безпрерывные оглушительные удары, мы принуждены остановиться.

Прислонивъ голову къ краю брички, я съ захватывающимъ дыханіе замираніемъ сердца безнадежно слѣжу за движеніями толстыхъ черныхъ пальцевъ Филиппа, который медлительно захлестываетъ петлю и выравниваетъ постромки, толкая пристяжную и ладонью и кнутовищемъ.

Тревожныя чувства тоски и страха увеличивались во мнѣ вмѣстѣ съ усиленіемъ грозы, но когда пришла величественная минута безмолвія, обыкновенно предшествующая разраженію грозы, чувства эти дошли до такой степени, что, продолжись это состояніе еще четверть часа, я увѣренъ, что умеръ бы отъ волненія. Въ это

самое время изъ-подъ моста вдругъ появляется въ одной грязной дырявой рубахѣ какое-то человѣческое существо съ опухшимъ, безсмысленнымъ лицомъ, качающеюся, ничѣмъ непокрытою, обстриженною головой, кривыми безмускульными ногами и съ какою-то красною, глянцевитою культяпкой вмѣсто руки, которую онъ суетъ прямо въ бричку.

«Ба-а-шка! убо-го-му Хри-ста ра-ди», звучитъ болѣзненный голосъ, и нищій съ каждымъ словомъ крестится и кланяется въ поясъ.

Не могу выразить чувства холоднаго ужаса, охватившаго мою душу въ эту минуту. Дрожь пробѣгала по моимъ волосамъ, а глаза съ безсмысліемъ страха были устремлены на нищаго.

Василій, въ дорогѣ подающій милостыню, даетъ наставленія Филиппу насчетъ укрѣпленія валька и, только когда уже готово и Филиппъ, собирая вожжи, лѣзетъ на козлы, начинаетъ что-то доставать изъ бокового кармана. Но только что мы трогаемся, ослѣпительная молнія, мгновенно наполняя огненнымъ свѣтомъ всю лощину, заставляетъ лошадей остановиться и безъ малѣйшаго промежутка сопровождается такимъ оглушительнымъ трескомъ грома, что, кажется, весь сводъ небесъ рушится надъ нами. Вѣтеръ еще усиливается; гривы и хвосты лошадей, шинель Василія и края фартука принимаютъ одно направленіе и отчаянно развѣваются отъ порывовъ неистоваго вѣтра. На кожаный верхъ брички тяжело упала крупная капля дождя... другая, третья, четвертая, и вдругъ какъ будто кто-то забарабанилъ надъ нами, и вся окрестность огласилась равномѣрнымъ шумомъ падающаго дождя. По движеніямъ локтей

Василія я замѣчаю, что онъ развязываетъ кошелекъ; нищій, продолжая креститься и кланяться, бѣжитъ подлѣ самыхъ колесъ, такъ что, того и гляди, раздавятъ его. «Подай Хри-ста ради». Наконецъ, мѣдный грошъ летитъ мимо насъ, и жалкое созданіе въ обтянувшемъ его худые члены, промокшемъ до нитки рубищѣ, качаясь отъ вѣтра, въ недоумѣніи останавливается посреди дороги и исчезаетъ изъ моихъ глазъ.

Косой дождь, гонимый сильнымъ вѣтромъ, лилъ какъ изъ ведра; съ фризовой спины Василія текли потоки въ лужу мутной воды, образовавшуюся на фартукѣ. Сначала сбитая катышками пыль превратилась въ жидкую грязь, которую мѣсили колеса; толчки стали меньше, и по глинистымъ колеямъ потекли мутные ручьи. Молнія свѣтила шире и блѣднѣе, и раскаты грома уже были не такъ поразительны за равномѣрнымъ шумомъ дождя.

Но вотъ дождь становится мельче; туча начинаетъ раздѣляться на волнистыя облака, свѣтлѣть въ томъ мѣстѣ, въ которомъ должно быть солнце, и сквозь сѣровато-бѣлые края тучи чуть виднѣется клочокъ ясной лазури. Черезъ минуту робкій лучъ солнца уже блеститъ въ лужахъ дороги, на полосахъ падающаго, какъ сквозь сито, мелкаго, прямого дождя и на обмытой, блестящей зелени дорожной травы. Черная туча такъ же грозно застилаетъ противоположную сторону небосклона, но я уже не боюсь ея. Я испытываю невыразимо отрадное чувство надежды жизни, быстро замѣняющее во мнѣ тяжелое чувство страха. Душа моя улыбается такъ же, какъ и освѣженная, повеселѣвшая природа. Василій откидываетъ воротникъ шинели, снимаетъ фуражку и отряхиваетъ

ее; Володя откидываетъ фартукъ; я высовываюсь изъ брички и жадно впиваю въ себя освѣженный, душистый воздухъ. Блестящій, обмытый кузовъ кареты съ важами и чемоданами покачивается передъ нами, спины лошадей, шлеи, вожжи, шины колесъ, — все мокро и блеститъ на солнцѣ, какъ покрытое лакомъ. Съ одной стороны дороги необозримое озимое поле, кое-гдѣ перерѣзанное неглубокими овражками, блеститъ мокрою землею и зеленью и разстилается тѣнистымъ ковромъ до самаго горизонта; съ другой стороны осиновая роща, поросшая орѣховымъ и черемушнымъ подсѣдомъ, какъ бы въ избыткѣ счастія стоитъ, не шелохнется и медленно роняетъ съ своихъ обмытыхъ вѣтвей свѣтлыя капли дождя на сухіе прошлогодніе листья. Со всѣхъ сторонъ вьются съ веселою пѣсnью и быстро падаютъ хохлатые жаворонки; въ мокрыхъ кустахъ слышно хлопотливое движеніе маленькихъ птичекъ, и изъ средины рощи ясно долетаютъ звуки кукушки. Такъ обаятеленъ этотъ чудный запахъ лѣса послѣ весенней грозы, запахъ березы, фіалки, прѣлаго листа, сморчковъ, черемухи, что я не могу усидѣть въ бричкѣ, соскакиваю съ подножки, бѣгу къ кустамъ и, несмотря на то, что меня осыпаетъ дождевыми каплями, рву мокрыя вѣтки распустившейся черемухи, бью себя ими по лицу и упиваюсь ихъ чуднымъ запахомъ. Не обращая даже вниманія на то, что къ сапогамъ моимъ липнутъ огромные комки грязи и чулки мои давно уже мокры, я, шлепая по грязи, бѣгу къ окну кареты.

— Любочка! Катенька! — кричу я, подавая туда нѣсколько вѣтокъ черемухи. — Посмотрите, какъ хорошо!

Дѣвочки пищатъ, ахаютъ; Мими кричитъ, чтобъ я ушелъ, а то меня непремѣнно раздавятъ.

— Да ты понюхай, какъ пахнетъ! — кричу я.

III.

НОВЫЙ ВЗГЛЯДЪ.

Катенька сидѣла подлѣ меня въ бричкѣ и, склонивъ свою хорошенькую головку, задумчиво слѣдила за убѣгающею подъ колесами пыльною дорогой. Я молча смотрѣлъ на нее и удивлялся тому не-дѣтски грустному выраженію, которое въ первый разъ встрѣчалъ на ея розовенькомъ личикѣ.

— А вотъ скоро мы и пріѣдемъ въ Москву, — сказалъ я. — Какъ ты думаешь, какая она?

— Не знаю, — отвѣчала она нехотя.

— Ну, все-таки какъ ты думаешь: больше Серпухова или нѣтъ?...

— Что?

— Я ничего.

Но по тому инстинктивному чувству, которымъ одинъ человѣкъ угадываетъ мысли другого и которое служитъ путеводною нитью разговора, Катенька поняла, что мнѣ больно ея равнодушіе; она подняла голову и обратилась ко мнѣ:

— Папа говорилъ вамъ, что мы будемъ жить у бабушки?

— Говорилъ, бабушка хочетъ совсѣмъ съ нами жить.

— И всѣ будемъ жить?

— Разумѣется; мы будемъ жить наверху въ одной половинѣ, вы — въ другой половинѣ, а папа — во флигелѣ, а обѣдать будемъ всѣ вмѣстѣ внизу у бабушки.

— Maman говоритъ, что бабушка такая важная, сердитая?

— Нѣ-ѣтъ! Это только такъ кажется сначала. Она важная, но совсѣмъ не сердитая; напротивъ, очень добрая, веселая. Коли бы ты видѣла, какой балъ былъ въ ея именины!

— Все-таки я боюсь ея; да, впрочемъ, Богъ знаетъ, будемъ ли мы...

Катенька вдругъ замолчала и опять задумалась.

— Что-о? — спросилъ я съ безпокойствомъ.

— Ничего, я такъ.

— Нѣтъ, ты что-то сказала: «Богъ знаетъ»...

— Такъ ты говорилъ, какой былъ балъ у бабушки?

— Да, вотъ жалко, что васъ не было; гостей было пропасть, человѣкъ тысяча, музыка, генералы, и я танцовалъ... Катенька! — сказалъ я вдругъ, останавливаясь на серединѣ своего описанія, — ты не слушаешь?

— Нѣтъ, слышу; ты говорилъ, что ты танцовалъ.

— Отчего ты такая скучная?

— Не всегда же веселою быть.

— Нѣтъ, ты очень перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ мы пріѣхали изъ Москвы. Скажи, по правдѣ, — прибавилъ я съ рѣшительнымъ видомъ, поворачиваясь къ ней, — отчего ты стала какая-то странная?

— Будто я странная? — отвѣчала Катенька съ одушевленіемъ, которое доказывало, что мое замѣчаніе интересовало ее; — я совсѣмъ не странная.

— Нѣтъ, ты ужъ не такая, какъ прежде, — продолжалъ я: — прежде видно было, что ты во всемъ съ нами заодно, что ты насъ считаешь какъ род-

ными и любишь такъ же, какъ и мы тебя, а теперь ты стала такая серьезная, удаляешься отъ насъ...

— Совсѣмъ нѣтъ...

— Нѣтъ, дай мнѣ договорить, — перебилъ я, уже начиная ощущать легкое щекотанье въ носу, предшествующее слезамъ, которыя всегда навертывались мнѣ на глаза, когда я высказывалъ давно сдержанную задушевную мысль: — ты удаляешься отъ насъ, разговариваешь только съ Мими, какъ будто не хочешь насъ знать.

— Да вѣдь нельзя же всегда оставаться одинаковыми: надобно когда-нибудь и перемѣниться, — отвѣчала Катенька, которая имѣла привычку объясняетъ все какою-то фаталистическою необходимостью, когда не знала, что говорить.

Я помню, что разъ, поссорившись съ Любочкой, которая назвала ее *глупой дѣвочкой*, она отвѣчала: «не всѣмъ же умнымъ быть, надо и глупымъ быть»; но меня не удовлетворилъ отвѣтъ, что надо же и перемѣниться когда-нибудь, и я продолжалъ допрашивать:

— Для чего же это надо?

— Вѣдь не всегда же мы будемъ жить вмѣстѣ, — отвѣчала Катенька, слегка краснѣя и пристально вглядываясь въ спину Филиппа. — Маменька могла жить у покойницы вашей маменьки, которая была ея другомъ; а съ графиней, которая, говорятъ, такая сердитая, еще, Богъ знаетъ, сойдутся ли онѣ? Кромѣ того, все-таки когда-нибудь да мы разойдемся: вы богаты — у васъ есть Петровское, а мы бѣдныя — у маменьки ничего нѣтъ.

«Вы богаты — мы бѣдны»... Эти слова и понятія, связанныя съ ними, показались мнѣ необыкновенно странны. Бѣдными по моимъ тог-

дашнимъ понятіямъ могли быть только нищіе и мужики, и это понятіе бѣдности я никакъ не могъ соединить въ своемъ воображеніи съ граціозною, хорошенькою Катенькой. Мнѣ казалось, что Мими и Катенька ежели всегда жили, то всегда и будутъ жить съ нами и дѣлить все поровну. Иначе и быть не могло. Теперь же тысячи новыхъ, неясныхъ мыслей касательно одинокаго положенія ихъ зароились въ моей головѣ, и мнѣ стало такъ совѣстно, что мы богаты, а онѣ бѣдны, что я покраснѣлъ и не могъ рѣшиться взглянуть на Катеньку.

«Что жъ такое, что мы богаты, а онѣ бѣдны? — думалъ я. — И какимъ образомъ изъ этого вытекаетъ необходимость разлуки? Отчего же намъ не раздѣлить поровну того, что мы имѣемъ?» Но я понималъ, что съ Катенькой не годится говорить объ этомъ, и какой-то практическій инстинктъ въ противность этимъ логическимъ размышленіямъ уже говорилъ мнѣ, что она права и что неумѣстно бы было объяснять ей свою мысль.

— Неужели точно ты уѣдешь отъ насъ? — сказалъ я. — Какъ же это мы будемъ жить врозь?

— Что же дѣлать, мнѣ самой больно; только ежели это случится, я знаю, что я сдѣлаю...

— Въ актрисы пойдешь... вотъ глупости! — подхватилъ я, зная, что быть актрисой было всегда любимою мечтой ея.

— Нѣтъ, это я говорила, когда была маленькою...

— Такъ что же ты сдѣлаешь?

— Пойду въ монастырь и буду тамъ жить, буду ходить въ черненькомъ платьицѣ, въ бархатной шапочкѣ.

Катенька заплакала.

Случалось ли вамъ, читатель, въ извѣстную пору жизни вдругъ замѣчать, что вашъ взглядъ на вещи совершенно измѣняется, какъ будто всѣ предметы, которые вы видѣли до тѣхъ поръ, вдругъ повернулись къ вамъ другою, неизвѣстною еще стороной? Такого рода моральная перемѣна произошла во мнѣ въ первый разъ во время нашего путешествія, съ котораго я и считаю начало моего отрочества.

Мнѣ въ первый разъ пришла въ голову ясная мысль о томъ, что не мы одни, т.-е. наше семейство, живемъ на свѣтѣ, что не всѣ интересы вертятся около насъ, а что существуетъ другая жизнь —людей, ничего не имѣющихъ общаго съ нами, не заботящихся о насъ и даже не имѣющихъ понятія о нашемъ существованіи. Безъ сомнѣнія, я и прежде зналъ все это; но зналъ не такъ, какъ я это узналъ теперь, не сознавалъ, не чувствовалъ.

Мысль переходитъ въ убѣжденіе только однимъ извѣстнымъ путемъ, часто совершенно неожиданнымъ и особеннымъ отъ путей, которые, чтобы пріобрѣсти то же убѣжденіе, проходятъ другіе умы. Разговоръ съ Катенькой, сильно тронувшій меня и заставившій задуматься надъ ея будущимъ положеніемъ, былъ для меня этимъ путемъ. Когда я глядѣлъ на деревни и города, которые мы проѣзжали, въ которыхъ въ каждомъ домѣ жило, по крайней мѣрѣ, такое же семейство, какъ наше, на женщинъ, дѣтей, которыя съ минутнымъ любопытствомъ смотрѣли на экипажъ и навсегда исчезали изъ глазъ, на лавочниковъ, мужиковъ, которые не только не кланялись намъ, какъ я привыкъ видѣть это въ Петровскомъ, но не удостои-

вали насъ даже взглядомъ,—мнѣ въ первый разъ пришелъ въ голову вопросъ: что же ихъ можетъ занимать, ежели они нисколько не заботятся о насъ? И изъ этого вопроса возникли другіе: какъ и чѣмъ они живутъ? какъ воспитываютъ своихъ дѣтей? учатъ ли ихъ? пускаютъ ли играть? какъ наказываютъ? и т. д.

IV.

ВЪ МОСКВѢ.

Съ пріѣздомъ въ Москву перемѣна моего взгляда на предметы, лица и свое отношеніе къ нимъ стала еще ощутительнѣе.

При первомъ свиданіи съ бабушкой, когда я увидалъ ея худое морщинистое лицо и потухшіе глаза, чувство подобострастнаго уваженія и страха, которые я къ ней испытывалъ, замѣнилось состраданіемъ; а когда она, припавъ лицомъ къ головѣ Любочки, зарыдала такъ, какъ будто передъ ея глазами былъ трупъ ея любимой дочери, даже чувствомъ любви замѣнилось во мнѣ состраданіе. Мнѣ было неловко видѣть ея печаль при свиданіи съ нами; я сознавалъ, что мы сами по себѣ ничто въ ея глазахъ, что мы ей дороги только какъ воспоминаніе; я чувствовалъ, что въ каждомъ поцѣлуѣ, которымъ она покрывала мои щеки, выражалась одна мысль: ея нѣтъ, она умерла, я не увижу ея больше!

Папа, который въ Москвѣ почти совсѣмъ не занимался нами и съ вѣчно озабоченнымъ лицомъ только къ обѣду приходилъ къ намъ въ черномъ сюртукѣ или фракѣ, вмѣстѣ съ своими большими выпущенными воротничками рубашки, халатомъ,

старостами, приказчиками, прогулками на гумно и охотой, много потерялъ въ моихъ глазахъ. Карлъ Ивановичъ, котораго бабушка называла *дядькой* и который вдругъ, Богъ знаетъ зачѣмъ, вздумалъ замѣнить свою почтенную, знакомую мнѣ лысину рыжимъ парикомъ съ нитянымъ проборомъ почти посрединѣ головы, показался мнѣ такъ страненъ и смѣшонъ, что я удивлялся, какъ могъ я прежде не замѣчать этого.

Между дѣвочками и нами тоже появилась какая-то невидимая преграда; у нихъ и у насъ были уже свои секреты; какъ будто онѣ гордились передъ нами своими юбками, которыя становились длиннѣе, а мы — своими панталонами со штрипками. Мими же въ первое воскресенье вышла къ обѣду въ такомъ пышномъ платьѣ и съ такими лентами на головѣ, что ужъ сейчасъ видно было, что мы не въ деревнѣ и теперь все пойдетъ иначе.

V.

СТАРШІЙ БРАТЪ.

Я былъ только годомъ и нѣсколькими мѣсяцами моложе Володи; мы росли, учились и играли всегда вмѣстѣ. Между нами не дѣлали различія старшаго и младшаго; но именно около того времени, о которомъ я говорю, я началъ понимать, что Володя не товарищъ мнѣ по годамъ, наклонностямъ и способностямъ. Мнѣ даже казалось, что Володя самъ сознаетъ свое первенство и гордится имъ. Такое убѣжденіе, можетъ-быть, и ложное, внушало мнѣ самолюбіе, страдавшее при каждомъ столкновеніи съ нимъ. Онъ во всемъ стоялъ выше меня: въ забавахъ, въ ученіи, въ ссорахъ,

въ умѣніи держать себя, и все это отдаляло меня отъ него и заставляло испытывать непонятныя для меня моральныя страданія. Ежели бы, когда Володѣ въ первый разъ сдѣлали голландскія рубашки со складками, я сказалъ прямо, что мнѣ весьма досадно не имѣть такихъ, я увѣренъ, что мнѣ стало бы легче и не казалось бы всякій разъ, когда онъ оправлялъ воротнички, что онъ дѣлаетъ это для того только, чтобы оскорбить меня.

Меня мучило больше всего то, что Володя, какъ мнѣ иногда казалось, понималъ меня, но старался скрывать это.

Кто не замѣчалъ тѣхъ таинственныхъ безсловесныхъ отношеній, проявляющихся въ незамѣтной улыбкѣ, движеніи или взглядѣ между людьми, живущими постоянно вмѣстѣ: братьями, друзьями, мужемъ и женой, господиномъ и слугой, въ особенности, когда люди эти не во всемъ откровенны между собой. Сколько недосказанныхъ желаній, мыслей и страха быть понятымъ выражается въ одномъ случайномъ взглядѣ, когда робко и нерѣшительно встрѣчаются ваши глаза!

Но, можетъ-быть, меня обманывала въ этомъ отношеніи моя излишняя воспріимчивость и склонность къ анализу; можетъ-быть, Володя совсѣмъ и не чувствовалъ того же, что я. Онъ былъ пылокъ, откровененъ и непостояненъ въ своихъ увлеченіяхъ. Увлекаясь самыми разнородными предметами, онъ предавался имъ всею душой.

То вдругъ на него находила страсть къ картинкамъ: онъ самъ принимался рисовать, покупалъ на всѣ свои деньги, выпрашивалъ у рисовальнаго учителя, у папы, у бабушки; то страсть къ вещамъ, которыми онъ украшалъ свой столикъ, со-

бирая ихъ по всему дому; то страсть къ романамъ, которые онъ доставалъ потихоньку и читалъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ... Я невольно увлекался его страстями, но былъ слишкомъ гордъ, чтобы итти по его слѣдамъ, и слишкомъ молодъ и не самостоятеленъ, чтобъ избрать новую дорогу. Но ничему я не завидовалъ столько, какъ счастливому, благородно-откровенному характеру Володи, особенно рѣзко выражавшемуся въ ссорахъ, случавшихся между нами. Я чувствовалъ, что онъ поступаетъ хорошо, но не могъ подражать ему.

Однажды, во время сильнѣйшаго пыла его страсти къ вещамъ, я подошелъ къ его столу и разбилъ нечаянно пустой разноцвѣтный флакончикъ.

— Кто тебя просилъ трогать мои вещи? — сказалъ вошедшій въ комнату Володя, замѣтивъ разстройство, произведенное мною въ симметріи разнообразныхъ украшеній его столика. — А гдѣ флакончикъ? непремѣнно ты....

— Нечаянно уронилъ, онъ и разбился... Что— жъ за бѣда?

— Сдѣлай милость, никогда *не смѣй* прикасаться къ моимъ вещамъ,—сказалъ онъ, составляя куски разбитаго флакончика и съ сокрушеніемъ глядя на нихъ.

— Пожалуйста, *не командуй*, — отвѣчалъ я. — Разбилъ, такъ разбилъ; что-жъ тутъ говорить!

И я улыбнулся, хотя мнѣ совсѣмъ не хотѣлось улыбаться.

— Да, тебѣ ничего, а мнѣ *чего*, — продолжалъ Володя, дѣлая жестъ подергиванія плечомъ, который онъ наслѣдовалъ отъ папа. — Разбилъ, да еще и смѣется! Этакій несносный *мальчишка*.

— Я мальчишка, а ты большой, да глупый.

— Не намѣренъ съ тобой браниться, — сказалъ Володя, слегка отталкивая меня, — убирайся!

— Не толкайся!

— Убирайся!

— Я тебѣ говорю: не толкайся!

Володя взялъ меня за руку и хотѣлъ оттащить отъ стола, но я уже былъ раздраженъ до послѣдней степени: схватилъ столъ за ножку и опрокинулъ его. «Такъ вотъ же тебѣ!» и всѣ фарфоровыя и хрустальныя украшенія съ дребезгомъ полетѣли на полъ.

— Отвратительный мальчишка! — закричалъ Володя, стараясь поддержать падающія вещи.

«Ну, теперь все кончено между нами, — думалъ я, выходя изъ комнаты; — мы навѣкъ поссорились».

До вечера мы не говорили другъ съ другомъ, — я чувствовалъ себя виноватымъ, боялся взглянуть на него и цѣлый день не могъ ничѣмъ заняться; Володя, напротивъ, учился хорошо и, какъ всегда, послѣ обѣда разговаривалъ и смѣялся съ дѣвочками.

Какъ только учитель кончалъ классъ, я выходилъ изъ комнаты: мнѣ страшно, неловко и совѣстно было оставаться одному съ братомъ. Послѣ вечерняго класса исторіи я взялъ тетради и направился къ двери. Проходя мимо Володи, несмотря на то, что мнѣ хотѣлось подойти и помириться съ нимъ, я надулся и старался сдѣлать сердитое лицо. Володя въ это самое время поднялъ голову и съ чуть замѣтною, добродушно-насмѣшливою улыбкой смѣло посмотрѣлъ на меня. Глаза наши встрѣтились, и я понялъ, что онъ понимаетъ меня, и то, что я понимаю, что онъ пони-

маетъ меня; но какое-то непреодолимое чувство заставило меня отвернуться.

— Николенька! — сказалъ онъ мнѣ самымъ простымъ, нисколько не патетическимъ голосомъ, — полно сердиться. Извини меня, ежели я тебя обидѣлъ.

И онъ подалъ мнѣ руку.

Какъ будто, поднимаясь все выше и выше, что-то вдругъ стало давить меня въ груди и захватывать дыханіе; но это продолжалось только одну секунду: на глазахъ показались слезы, и мнѣ стало легче.

— Прости... ме...ня, Воло...дя, — сказалъ я, пожимая его руку.

Володя смотрѣлъ на меня, однако, такъ, какъ будто никакъ не понималъ, отчего у меня слезы на глазахъ...

VI.

МАША.

Но ни одна изъ перемѣнъ, происшедшихъ въ моемъ взглядѣ на вещи, не была такъ поразительна для самого меня, какъ та, вслѣдствіе которой въ одной изъ нашихъ горничныхъ я пересталъ видѣть слугу женскаго пола, а сталъ видѣть *женщину*, отъ которой могли зависѣть въ нѣкоторой степени мое спокойствіе и счастіе.

Съ тѣхъ поръ, какъ помню себя, помню я и Машу въ нашемъ домѣ, и никогда, до случая, перемѣнившаго совершенно мой взглядъ на нее и про который я разскажу сейчасъ, я не обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія. Машѣ было лѣтъ двадцать пять, когда мнѣ было четырнадцать; она была очень хороша; но я боюсь описывать ее,

боюсь, чтобы воображеніе снова не представило мнѣ обворожительный и обманчивый образъ, составившійся въ немъ во время моей страсти. Чтобы не ошибиться, скажу только, что она была необыкновенно бѣла, роскошно развита и была женщина; а мнѣ было четырнадцать лѣтъ.

Въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда съ урокомъ въ рукѣ занимаешься прогулкой по комнатѣ, стараясь ступать только по однѣмъ щелямъ половицъ, или пѣніемъ какого-нибудь несообразнаго мотива, или размазываніемъ чернилъ по краю стола, или повтореніемъ безъ всякой мысли какого-нибудь изреченія, — однимъ словомъ, въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда умъ отказывается отъ работы и воображеніе, взявъ верхъ, ищетъ впечатлѣній, я вышелъ изъ классной и безъ всякой цѣли спустился къ площадкѣ.

Кто-то въ башмакахъ шелъ вверхъ по другому повороту лѣстницы. Разумѣется, мнѣ захотѣлось знать, кто это, но вдругъ шумъ шаговъ замолкъ, и я услыхалъ голосъ Маши: «Ну васъ, что вы балуетесь, а какъ Марья Ивановна придетъ, развѣ хорошо будетъ?..»

— Не придетъ, — шопотомъ сказалъ голосъ Володи, и вслѣдъ за этимъ что-то зашевелилось, какъ будто Володя хотѣлъ удержать ее.

— Ну, куда руки суете? Безстыдникъ! — и Маша со сдернутой на бокъ косынкой, изъ-подъ которой виднѣлась бѣлая полная шея, пробѣжала мимо меня.

Не могу выразить, до какой степени меня изумило это открытіе; однако чувство изумленія скоро уступило мѣсто сочувствію поступку Володи, — меня уже не удивлялъ самый его поступокъ, но

то, какимъ образомъ онъ постигъ, что пріятно такъ поступать. И мнѣ невольно захотѣлось подражать ему.

Я по цѣлымъ часамъ проводилъ иногда на площадкѣ безъ всякой мысли, съ напряженнымъ вниманіемъ прислушиваясь къ малѣйшимъ движеніямъ, происходившимъ наверху; но никогда не могъ принудить себя подражать Володѣ, несмотря на то, что мнѣ этого хотѣлось больше всего на свѣтѣ. Иногда, притаившись за дверью, я съ тяжелымъ чувствомъ зависти и ревности слушалъ возню, которая поднималась въ дѣвичьей, и мнѣ приходило въ голову: каково бы было мое положеніе, ежели бы я пришелъ наверхъ и, такъ же какъ Володя, захотѣлъ бы поцѣловать Машу? Что бы я сказалъ съ своимъ широкимъ носомъ и торчавшими вихрами, когда бы она спросила у меня, чего мнѣ нужно? Иногда я слышалъ, какъ Маша говорила Володѣ: «Вотъ наказанье, что же вы въ самомъ дѣлѣ пристали ко мнѣ, идите отсюда, шалунъ этакій... Отчего Николай Петровичъ никогда не ходитъ сюда и не дурачится»... Она не знала, что Николай Петровичъ сидитъ въ эту минуту подъ лѣстницей и все на свѣтѣ готовъ отдать, чтобы только быть на мѣстѣ шалуна Володи.

Я былъ стыдливъ отъ природы, но стыдливость моя еще увеличивалась убѣжденіемъ въ моей уродливости. А я убѣжденъ, что ничто не имѣетъ такого разительнаго вліянія на направленіе человѣка, какъ наружность его, и не столько самая наружность, сколько убѣжденіе въ привлекательности или непривлекательности ея.

Я былъ слишкомъ самолюбивъ, чтобы привыкнуть къ своему положенію, утѣшался, какъ ли-

сица, увѣряя себя, что виноградъ еще зеленъ, т.-е. старался презирать всѣ удовольствія, доставляемыя пріятною наружностью, которыми на моихъ глазахъ пользовался Володя и которымъ я отъ души завидовалъ, и напрягалъ всѣ силы своего ума и воображенія, чтобы находить наслажденіе въ гордомъ одиночествѣ.

VII.

ДРОБЬ.

— Боже мой, порохъ!..—воскликнула Мими задыхающимся отъ волненія голосомъ.—Что вы дѣлаете? Вы хотите сжечь домъ, погубить всѣхъ насъ...

И съ неописаннымъ выраженіемъ твердости духа Мими приказала всѣмъ посторониться, большими, рѣшительными шагами подошла къ разсыпанной дроби и, презирая опасность, могущую произойти отъ неожиданнаго взрыва, начала топтать ее ногами. Когда, по ея мнѣнію, опасность уже миновала, она позвала Михея и приказала ему выбросить весь этотъ *порохъ* куда-нибудь подальше или всего лучше въ воду и, гордо встряхивая чепцомъ, направилась къ гостиной. «Очень хорошо за ними смотрятъ, нечего сказать», проворчала она.

Когда папа пришелъ изъ флигеля и мы вмѣстѣ съ нимъ пошли къ бабушкѣ, въ комнатѣ ея уже сидѣла Мими около окна и съ какимъ-то таинственно-офиціальнымъ выраженіемъ грозно смотрѣла мимо двери. Въ рукѣ ея находилось что-то завернутое въ нѣсколько бумажекъ. Я догадался, что это была дробь и что бабушкѣ уже все извѣстно.

Кромѣ Мими, въ комнатѣ бабушки находились еще горничная Гаша, которая, какъ замѣтно было по ея гнѣвному раскраснѣвшемуся лицу, была сильно разстроена, и докторъ Блюменталь, маленькій, рябоватый человѣкъ, который тщетно старался успокоить Гашу, дѣлая ей глазами и головой таинственные миротворные знаки.

Сама бабушка сидѣла нѣсколько бокомъ и раскладывала пасьянсъ — *Путешественникъ*, что всегда означало весьма неблагопріятное расположеніе духа.

— Какъ себя чувствуетъ нынче maman? Хорошо почивали? — сказалъ папа, почтительно цѣлуя ея руку.

— Прекрасно, мой милый; кажется, знаете, что я всегда совершенно здорова, — отвѣчала бабушка такимъ тономъ, какъ будто вопросъ папа былъ самый неумѣстный и оскорбительный вопросъ. — Что-жъ, хотите вы мнѣ дать чистый платокъ? — продолжала она, обращаясь къ Гашѣ.

— Я вамъ подала, — отвѣчала Гаша, указывая на бѣлый, какъ снѣгъ, батистовый платокъ, лежавшій на ручкѣ кресла.

— Возьмите эту грязную ветошку и дайте мнѣ чистый, моя милая.

Гаша подошла къ шифоньеркѣ, выдвинула ящикъ и такъ сильно хлопнула имъ, что стекла задрожали въ комнатѣ. Бабушка грозно оглянулась на всѣхъ насъ и продолжала пристально слѣдить за всѣми движеніями горничной. Когда она подала ей, какъ мнѣ показалось, тотъ же самый платокъ, бабушка сказала:

— Когда же вы мнѣ натрете табакъ, моя милая?

— Время будетъ, такъ натру.

— Что вы говорите?

— Натру нынче.

— Ежели вы не хотите мнѣ служить, моя милая, вы бы такъ и сказали: я бы давно васъ отпустила.

— И отпустите, не заплачутъ, — проворчала вполголоса горничная.

Въ это время докторъ началъ было мигать ей, но она такъ гнѣвно и рѣшительно посмотрѣла на него, что онъ тотчасъ же потупился и занялся ключикомъ своихъ часовъ.

— Видите, мой милый, — сказала бабушка, обращаясь къ папа, когда Гаша, продолжая ворчать, вышла изъ комнаты, — какъ со мной говорятъ въ моемъ домѣ!

— Позвольте, maman, я самъ натру вамъ табакъ, — сказалъ папа, приведенный, повидимому, въ большое затрудненіе этимъ неожиданнымъ обращеніемъ.

— Нѣтъ, ужъ благодарю васъ: она вѣдь оттого такъ и груба, что знаетъ, никто кромѣ нея не умѣетъ стереть табакъ, какъ я люблю. Вы знаете, мой милый, — продолжала бабушка послѣ минутнаго молчанія, — что ваши дѣти нынче чуть было домъ не сожгли?

Папа съ почтительнымъ любопытствомъ смотрѣлъ на бабушку.

— Да, они вотъ чѣмъ играютъ. Покажите имъ, — сказала она, обращаясь къ Мими.

Папа взялъ въ руки дробь и не могъ не улыбнуться.

— Да это дробь, maman, — сказалъ онъ: — это совсѣмъ не опасно.

— Очень вамъ благодарна, мой милый, что вы меня учите, только ужъ я стара слишкомъ...

— Нервы, нервы!—прошепталъ докторъ.

И папа тотчасъ обратился къ намъ:

— Гдѣ вы это взяли? и какъ смѣете шалить такими вещами?

— Нечего ихъ спрашивать, а надо спросить ихъ *дядьку*, сказала бабушка, особенно презрительно выговаривая слово *дядька*, — чего онъ смотритъ.

— Вольдемаръ сказалъ, что самъ Карлъ Ивановичъ далъ ему этотъ *порохъ*, — подхватила Мими.

— Ну, вотъ видите, какой онъ хорошій,—продолжала бабушка, — и гдѣ онъ, этотъ *дядька*, какъ бишь его?.. пошлите его сюда.

— Я его отпустилъ въ гости,—сказалъ папа.

— Это не резонъ: онъ всегда долженъ быть здѣсь. Дѣти не мои, а ваши, и я не имѣю права совѣтовать вамъ, потому что вы умнѣе меня, — продолжала бабушка,—но, кажется, пора бы нанять для нихъ гувернера, а не *дядьку*, нѣмецкаго мужика. Да, глупаго мужика, который ихъ ничему научить не можетъ, кромѣ дурнымъ манерамъ и тирольскимъ пѣснямъ. Очень нужно, я васъ спрашиваю, дѣтямъ умѣть пѣть тирольскія пѣсни? Впрочемъ, *теперь* некому объ этомъ подумать, и вы можете дѣлать, какъ хотите.

Слово «теперь» значило, когда у нихъ нѣтъ матери, и вызвало грустныя воспоминанія въ сердцѣ бабушки; она опустила глаза на табакерку съ портретомъ и задумалась.

— Я давно уже думалъ объ этомъ,—поспѣшилъ сказать папа, — и хотѣлъ посовѣтоваться съ вами,

maman: не пригласить ли намъ St.-Jérôm'a, который теперь по билетамъ даетъ имъ уроки?

— И прекрасно сдѣлаешь, мой другъ, — сказала бабушка уже не тѣмъ недовольнымъ голосомъ, которымъ говорила прежде: — St.-Jérôme, по крайней мѣрѣ, gouverneur, который пойметъ, какъ нужно вести des enfants de bonne maison, а не простой menin, *дядька*, который годенъ только на то, чтобы водить ихъ гулять.

— Я завтра же поговорю съ нимъ,—сказалъ папа.

И дѣйствительно, черезъ два дня послѣ этого разговора Карлъ Ивановичъ уступилъ свое мѣсто молодому щеголю-французу.

VIII.

ИСТОРІЯ КАРЛА ИВАНОВИЧА.

Поздно вечеромъ наканунѣ того дня, въ который Карлъ Ивановичъ долженъ былъ навсегда уѣхать отъ насъ, онъ стоялъ въ своемъ ваточномъ халатѣ и красной шапочкѣ подлѣ кровати—и, нагнувшись надъ чемоданомъ, тщательно укладывалъ въ него свои вещи.

Обращеніе съ нами Карла Ивановича въ послѣднее время было какъ-то особенно сухо: онъ какъ будто избѣгалъ всякихъ съ нами сношеній. Вотъ и теперь, когда я вошелъ въ комнату, онъ взглянулъ на меня исподлобья и снова принялся за дѣло. Я прилегъ на свою постель, но Карлъ Ивановичъ, прежде строго запрещавшій дѣлать это, ничего не сказалъ мнѣ, и мысль, что онъ больше не будетъ ни бранить ни останавливать насъ, что ему нѣтъ теперь до насъ никакого

дѣла, живо припоминала мнѣ предстоящую разлуку. Мнѣ стало грустно, что онъ разлюбилъ насъ, и хотѣлось выразить ему это чувство.

— Позвольте, я помогу вамъ, Карлъ Ивановичъ, — сказалъ я, подходя къ нему.

Карлъ Ивановичъ взглянулъ на меня и снова отвернулся, но въ бѣгломъ взглядѣ, который онъ бросилъ на меня, я прочелъ не равнодушіе, которымъ объяснялъ его холодность, но искреннюю, сосредоточенную печаль.

— Богъ все видитъ и все знаетъ, и на все Его святая воля, — сказалъ онъ, выпрямляясь во весь ростъ и тяжело вздыхая. — Да, Николенька, — продолжалъ онъ, замѣтивъ выраженіе непритворнаго участія, съ которымъ я смотрѣлъ на него, — моя судьба быть несчастливымъ съ самаго моего дѣтства и по гробовую доску. Мнѣ всегда платили зломъ за добро, которое я дѣлалъ людямъ, и моя награда не здѣсь, а оттуда, — сказалъ онъ, указывая на небо. — Когда бы вы знали мою исторію и все, что я перенесъ въ этой жизни!.. Я былъ сапожникъ, я былъ солдатъ, я былъ *дезертиръ*, я былъ фабрикантъ, я былъ учитель, и теперь нуль! и мнѣ, какъ Сыну Божію, некуда преклонить свою голову, — заключилъ онъ и, закрывъ глаза, опустился въ свое кресло.

Замѣтивъ, что Карлъ Ивановичъ находится въ такомъ чувствительномъ расположеніи духа, въ которомъ онъ, не обращая вниманія на слушателей, высказывалъ для самого себя свои задушевныя мысли, я, молча и не спуская глазъ съ его добраго лица, сѣлъ на кровать.

— Вы не дитя, вы можете понимать. Я вамъ скажу свою исторію и все, что я перенесъ въ этой

жизни. Когда-нибудь вы вспомните стараго друга, который васъ очень любилъ, дѣти!..

Карлъ Ивановичъ облокотился рукой о столикъ, стоявшій подлѣ него, понюхалъ табаку и, закативъ глаза къ небу, тѣмъ особеннымъ, мѣрнымъ горловымъ голосомъ, которымъ онъ обыкновенно диктовалъ намъ, началъ такъ свое повѣствованіе:

«*Я былъ нешасливъ ишо во чрева моей матери!* Das Unglück verfolgte mich schon im Schlosse meiner Mutter!» повторилъ онъ еще съ бо̀льшимъ чувствомъ.

Такъ какъ Карлъ Ивановичъ не одинъ разъ, въ одинаковомъ порядкѣ, однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ и съ постоянно неизмѣняемыми интонаціями разсказывалъ мнѣ впослѣдствіи свою исторію, то я надѣюсь передать ее почти слово въ слово; разумѣется, исключая неправильности языка, о которой читатель можетъ судить по первой фразѣ. Была ли это дѣйствительно его исторія или произведеніе фантазіи, родившееся во время его одинокой жизни въ нашемъ домѣ, которому онъ и самъ началъ вѣрить отъ частаго повторенія, или онъ только украсилъ фантастическими фактами дѣйствительныя событія своей жизни, — я не рѣшилъ еще до сихъ поръ. Съ одной стороны, онъ съ слишкомъ живымъ чувствомъ и методическою послѣдовательностью, составляющими главные признаки правдоподобности, разсказывалъ свою исторію, чтобы можно было не вѣрить ей; съ другой стороны, слишкомъ много было поэтическихъ красотъ въ его исторіи, такъ что именно красоты эти вызывали сомнѣнія.

«Въ жилахъ моихъ течетъ благородная кровь графовъ фонъ-Зоммерблаттъ! In meinen Adern fliesst das edle Blut der Grafen von Sommerblatt! Я родился шесть недѣль послѣ свадьбы. Мужъ моей матери (я звалъ его папенька), былъ арендаторъ у графа Зоммерблаттъ. Онъ не могъ позабыть стыда моей матери и не любилъ меня. У меня былъ маленькій братъ Johann и двѣ сестры; но я былъ чужой въ своемъ собственномъ семействѣ. Ich war ein Fremder in meiner eigenen Familie! Когда Johann дѣлалъ глупости, папенька говорилъ: «съ этимъ ребенкомъ Карломъ мнѣ не будетъ минуты покоя!» и меня бранили и наказывали. Когда сестры сердились между собой, папенька говорилъ: «Карлъ никогда не будетъ послушный мальчикъ!» и меня бранили и наказывали. Одна моя добрая маменька любила и ласкала меня. Часто она говорила мнѣ: «Карлъ, поди сюда, въ мою комнату», и она потихоньку цѣловала меня. «Бѣдный, бѣдный Карлъ,—сказала она,—никто тебя не любитъ, но я ни на кого тебя не промѣняю. Объ одномъ тебя проситъ твоя маменька, — говорила она мнѣ: — учись хорошенько и будь всегда честнымъ человѣкомъ, Богъ не оставитъ тебя! Trachte nur ein ehrlicher Deutscher zu werden, — sagte sie, — und der liebe Gott wird dich nicht verlassen!» И я старался. Когда мнѣ минуло четырнадцать лѣтъ и я могъ итти къ причастію, моя маменька сказала моему папенькѣ: «Карлъ сталъ большой мальчикъ, Густавъ; что мы будемъ съ нимъ дѣлать?» И папенька сказалъ: «я не знаю». Тогда маменька сказала: «отдадимъ его въ городъ къ г. Шульцъ, пускай онъ будетъ сапожникъ!» И папенька ска-

залъ: «хорошо». Und mein Vater sagte: «gut». Шесть лѣтъ и семъ мѣсяцевъ я жилъ въ городѣ у сапожнаго мастера, и хозяинъ любилъ меня. Онъ сказалъ: «Карлъ хорошій работникъ и скоро онъ будетъ моимъ Geselle!» Но... человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ... Въ 1796 году была назначена Conscription, и всѣ, кто могъ служить, отъ восемнадцати до двадцать перваго года, должны были собраться въ городъ.

«Папенька и братъ Johann пріѣхали въ городъ, и мы вмѣстѣ пошли бросить Loos, кому быть Soldat и кому не быть Soldat. Johann вытащилъ дурной нумеро — онъ долженъ быть Soldat; я вытащилъ хорошій нумеро — я не долженъ быть Soldat. И папенька сказалъ: «у меня былъ одинъ сынъ, и съ тѣмъ я долженъ разстаться! Ich hatte einen einzigen Sohn und von diesem musste ich mich trennen!»

«Я взялъ его за руку и сказалъ: «зачѣмъ вы сказали такъ, папенька? Пойдемте со мной, я вамъ скажу что-нибудь». И папенька пошелъ. Папенька пошелъ, и мы сѣли въ трактиръ за маленькій столикъ. «Дайте намъ пару Bierkrug», я сказалъ, и намъ принесли. Мы выпили по стаканчикъ, и братъ Johann тоже выпилъ.

«— Папенька! — я сказалъ, — не говорите такъ, что у васъ былъ одинъ сынъ, и вы съ тѣмъ должны разстаться». У меня сердце хочетъ *выпригнуть*, когда я *этого* слышу. Братъ Johann не будетъ служить — я буду Soldat!... Карлъ здѣсь никому не нуженъ и Карлъ будетъ Soldat.

«— Вы — честный человѣкъ, Карлъ Ивановичъ! — сказалъ мнѣ папенька и поцѣловалъ меня. —

Du bist ein braver Bursche! — sagte mein Vater und er küsste mich.

«И я былъ солдатъ».

IX.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПРЕДЫДУЩЕЙ.

«Тогда было страшное время, Николенька, — продолжалъ Карлъ Ивановичъ, — тогда былъ Наполеонъ. Онъ хотѣлъ завоевать Германію, мы защищали свое отечество до послѣдней капли крови! Und wir verteidigten unser Vaterland bis auf den letzten Tropfen Blut!

«Я былъ подъ Ульмъ, я былъ подъ Аустерлицъ, я былъ подъ Ваграмъ! ich war bei Wagram!»

— Неужели вы тоже воевали? — спросилъ я, съ удивленіемъ глядя на него. — Неужели вы тоже убивали людей?

Карлъ Ивановичъ тотчасъ же успокоилъ меня на этотъ счетъ.

«Одинъ разъ французскій Grenadier отставалъ отъ своихъ и упалъ на дорогѣ. Я прибѣжалъ съ ружьемъ и хотѣлъ проколоть его, aber der Franzose warf sein Gewehr und rief pardon, и я пустилъ его!

«Подъ Ваграмъ Наполеонъ загналъ насъ на островъ и окружилъ такъ, что никуда не было спасенія. Трое сутокъ у насъ не было провіанта, и мы стояли въ водѣ по колѣнки. Злодѣй Наполеонъ не бралъ и не пускалъ насъ! Und der Bösewicht Napoleon wollte uns nicht gefangen nehmen und auch nicht freilassen.

«На четвертыя сутки насъ, слава Богу, взяли въ плѣнъ и отвели въ крѣпость. На мнѣ былъ

синій панталонъ, мундиръ изъ хорошаго сукна, пятнадцать талеровъ денегъ и серебряные часы — подарокъ моего папеньки. Французскій Soldat все взялъ у меня. На мое счастье у меня были три червонца, которые маменька зашила мнѣ подъ фуфайку. Ихъ никто не нашелъ!

«Въ крѣпости я не хотѣлъ долго оставаться и рѣшился бѣжать. Одинъ разъ въ большой праздникъ я сказалъ сержанту, который смотрѣлъ за нами: «г. сержантъ, нынче большой праздникъ, я хочу вспомнить его. Принесите, пожалуйста, двѣ бутылочки мадеръ, и мы вмѣстѣ выпьемъ ее». И сержантъ сказалъ: «хорошо». Когда сержантъ принесъ мадеръ и мы выпили по рюмочкѣ, я взялъ его за руку и сказалъ: «г. сержантъ, можетъ-быть, и у васъ есть отецъ и мать!..» Онъ сказалъ: «есть, г. Мауеръ». «Мой отецъ и мать, — я сказалъ, — восемь лѣтъ не видали меня и не знаютъ, живъ ли я, или кости мои давно лежатъ въ сырой землѣ. О, г. сержантъ! У меня есть два червонца, которые были подъ моей фуфайкой, возьмите ихъ и пустите меня. Будьте моимъ благодѣтелемъ, и моя маменька всю жизнь будетъ молить за васъ всемогущаго Бога».

«Сержантъ выпилъ рюмочку мадеръ и сказалъ: «г. Мауеръ, я очень люблю и жалѣю васъ, но вы плѣнный, а я Soldat!» Я пожалъ его руку и сказалъ: «г. сержантъ!» Ich drückte ihm die Hand und sagte: «Herr Sergeant!»

«И сержантъ сказалъ: «вы бѣдный человѣкъ, и я не возьму ваши деньги, но помогу вамъ. Когда я пойду спать, купите ведро водки солдатамъ, и они будутъ спать. Я не буду смотрѣть на васъ».

«Онъ былъ добрый человѣкъ. Я купилъ ведро водки, и когда Soldat были пьяны, я надѣлъ сапоги, старый шинель и потихоньку вышелъ за дверь. Я пошелъ на валъ и хотѣлъ прыгнуть, но тамъ была вода, и я не хотѣлъ испортить послѣднее платье: я пошелъ въ ворота.

«Часовой ходилъ съ ружьемъ auf und ab и смотрѣлъ на меня. «Qui vive?» sagte er auf einmal, и я молчалъ. «Qui vive?» sagte er zum zweiten Mal, и я молчалъ. «Qui vive?» sagte er zum dritten Mal, и *я бѣгалъ. Я пригнулъ въ вода, влѣзалъ на другую сторона и пустилъ.* Ich sprang in's Wasser, kletterte auf die andere Seite und machte mich aus dem Staube.

«Цѣлую ночь я бѣжалъ по дорогѣ, но когда разсвѣло, я боялся, чтобы меня не узнали, и спрятался въ высокую рожь. Тамъ я сталъ на колѣнки, сложилъ руки, поблагодарилъ Отца Небеснаго за свое спасеніе и съ спокойнымъ чувствомъ заснулъ. Ich dankte dem Allmächtigen Gott für Seine Barmherzigkeit, und mit beruhigtem Gefühl schlief ich ein.

«Я проснулся вечеромъ и пошелъ дальше. Вдругъ большая нѣмецкая фура въ двѣ вороныя лошади догнала меня. Въ фурѣ сидѣлъ хорошо одѣтый человѣкъ, курилъ трубку и смотрѣлъ на меня. Я пошелъ потихоньку, чтобы фура обогнала меня; но я шелъ потихоньку, и фура ѣхала потихоньку, и человѣкъ смотрѣлъ на меня; я шелъ поскорѣй, и фура ѣхала поскорѣй, и человѣкъ смотрѣлъ на меня. Я сѣлъ на дорогѣ; человѣкъ остановилъ своихъ лошадей и смотрѣлъ на меня «Молодой человѣкъ,—онъ сказалъ,—куда вы идете такъ поздно?» Я сказалъ: «я иду въ Франкфуртъ»

—«Садитесь въ мою фуру: мѣсто есть, и я довезу васъ... Отчего у васъ ничего нѣтъ съ собой, борода ваша не брита и платье ваше въ грязи?» сказалъ онъ мнѣ, когда я сѣлъ съ нимъ. «Я бѣдный человѣкъ,—я сказалъ,—хочу наняться гдѣ-нибудь на *фабрикъ;* а платье мое въ грязи оттого, что я упалъ на дорогѣ».—«Вы говорите неправду, молодой человѣкъ,—сказалъ онъ,—по дорогѣ теперь сухо».

«И я молчалъ».

— «Скажите мнѣ всю правду,—сказалъ мнѣ добрый человѣкъ: — кто вы и откуда идете? Лицо ваше мнѣ понравилось, и, ежели вы честный человѣкъ, я помогу вамъ».

«И я все сказалъ ему. Онъ сказалъ: «хорошо, молодой человѣкъ, поѣдемте на мою канатную фабрику. Я дамъ вамъ работу, платье, деньги, и вы будете жить у меня».

«И я сказалъ: «хорошо».

«Мы прiѣхали на канатную фабрику, и добрый человѣкъ сказалъ своей женѣ: «вотъ молодой человѣкъ, который сражался за свое отечество и бѣжалъ изъ плѣна; у него нѣтъ ни дома, ни платья, ни хлѣба. Онъ будетъ жить у меня. Дайте ему чистое бѣлье и покормите его».

«Я полтора года жилъ на канатной фабрикѣ, и мой хозяинъ такъ полюбилъ меня, что не хотѣлъ пустить. И мнѣ было хорошо. Я былъ тогда красивый мужчина, я былъ молодой, высокiй ростъ, голубые глаза, римскiй носъ... и madame L... (я не могу сказать ея имени), жена моего хозяина, была молоденькая, хорошенькая дама. И она полюбила меня.

«Когда она *видѣла* меня, она сказала: «Г. Мауеръ, какъ васъ зоветъ ваша маменька?» Я сказалъ: «Karlchen».

«И она сказала: «Karlchen, сядьте подлѣ меня!»

«Я сѣлъ подлѣ ней, и она сказала: «Karlchen, поцѣлуйте меня!»

«Я *его* поцѣловалъ, и онъ сказалъ: «Karlchen, я такъ люблю васъ, что не могу больше терпѣть», и онъ весь задрожалъ».

Тутъ Карлъ Ивановичъ сдѣлалъ продолжительную паузу и, закативъ свои добрые голубые глаза, слегка покачивая головой, принялся улыбаться такъ, какъ улыбаются люди подъ вліяніемъ пріятныхъ воспоминаній.

«Да,—началъ онъ опять, поправляясь въ креслѣ и запахивая свой халатъ, — много я испыталъ и хорошаго и дурного въ своей жизни; но вотъ мой свидѣтель,—сказалъ онъ, указывая на шитый по канвѣ образокъ Спасителя, висѣвшій надъ его кроватью,—никто не можетъ сказать, чтобы Карлъ Ивановичъ былъ не честный человѣкъ! Я не хотѣлъ черною неблагодарностью платить за добро, которое мнѣ сдѣлалъ г. L...., и рѣшился бѣжать отъ него. Вечеркомъ, когда всѣ шли спать, я написалъ письмо своему хозяину и положилъ его на столѣ въ своей комнатѣ, взялъ свое платье, три талеръ денегъ и потихоньку вышелъ на улицу. Никто не видалъ меня, и я пошелъ по дорогѣ».

X.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

«Я девять лѣтъ не видалъ своей маменьки и не зналъ, жива ли она, или кости ея лежатъ уже въ сырой землѣ. Я пошелъ въ свое оте-

чество. Когда я пришелъ въ городъ, я спрашивалъ, гдѣ живетъ Густавъ Мауеръ, который былъ арендаторомъ у графа Зоммерблаттъ. И мнѣ сказали: «графъ Зоммерблаттъ умеръ, и Густавъ Мауеръ живетъ теперь въ большой улицѣ и держитъ *лавку ликеръ*». Я надѣлъ свой новый жилетъ, хорошій сюртукъ — подарокъ фабриканта, хорошенько причесалъ волосы и пошелъ въ ликерную лавку моего папеньки. Сестра Mariechen сидѣла въ лавкѣ и спросила, что мнѣ нужно. Я сказалъ: «можно выпить рюмочку ликеръ?» И она сказала: «Vater! молодой человѣкъ проситъ рюмочку ликеръ». И папенька сказалъ: «подай молодому человѣку рюмочку ликеръ». Я сѣлъ подлѣ столика, пилъ свою рюмочку ликеръ, курилъ трубочку и смотрѣлъ на папеньку, Mariechen и Johann, который тоже вошелъ въ лавку. Между разговоромъ папенька сказалъ мнѣ: «вы, вѣрно, знаете, молодой человѣкъ, гдѣ стоитъ теперь наша *арме*». Я сказалъ: «я самъ иду изъ *арме*, и она стоитъ подлѣ Wien». — «Нашъ сынъ, — сказалъ папенька, — былъ Soldat, и вотъ девять лѣтъ онъ не писалъ намъ, и мы не знаемъ, живъ онъ или умеръ. Моя жена всегда плачетъ о немъ»... Я курилъ свою трубочку и сказалъ: «какъ звали вашего сына и гдѣ онъ служилъ? можетъ-быть, я знаю его»... — «Его звали Карлъ Мауеръ, и онъ служилъ въ австрійскихъ егеряхъ», сказалъ мой папенька. «Онъ высокій ростомъ и красивый мужчина, какъ вы», сказала сестра Mariechen. Я сказалъ: «я знаю вашего Karl». — «Amalia! — sagte auf einmal mein Vater, — подите сюда, здѣсь есть молодой человѣкъ, онъ знаетъ нашего Karl». *И моя милы маменька выходитъ изъ задня дверью. Я сейчасъ*

узналъ его. «Вы знаете наша Karl!» *онъ сказалъ, посмотрилъ на мене и весь блѣдны за... дро...жалъ...* «Да, я видѣлъ его», я сказалъ и не смѣлъ поднять глаза на нее; сердце у меня *пригнуть* хотѣло. «Karl мой живъ! — сказала маменька, — слава Богу. Гдѣ онъ, мой милый Karl? Я бы умерла спокойно, ежели бы еще разъ посмотрѣть на него, на моего любимаго сына; но Богъ не хочетъ этого». И *онъ* заплакалъ... *Я не могъ терпѣть...* «Маменька! — я сказалъ, — я вашъ Карлъ!» *И онъ упалъ мнѣ на рука»...*

Карлъ Ивановичъ закрылъ глаза, и губы его задрожали.

«Mutter! — sagte ich, — ich bin Ihr Sohn, ich bin Ihr Karl! Und sie stürzte mir in die Arme», повторилъ онъ, успокоившись немного и утирая крупныя слезы, катившіяся по его щекамъ.

«Но Богу не угодно было, чтобы я кончилъ дни на своей родинѣ. Мнѣ суждено было несчастіе! Das Unglück verfolgte mich überall!.. Я жилъ на своей родинѣ только три мѣсяца. Въ одно воскресенье я былъ въ кофейномъ домѣ, купилъ кружку пива, курилъ свою трубочку и разговаривалъ съ своими знакомыми про Politik, про император Францъ, про Napoleon, про войну, и каждый г рилъ свое мнѣніе. Подлѣ насъ сидѣлъ комый господинъ въ сѣромъ Ueberrock, п ре, курилъ трубочку и ничего не говорил ами. Er rauchte sein Pfeifchen und schwie Когда Nachtwächter прокричалъ десять я взялъ свою шляпу, заплатилъ деньги елъ домой. Въ половинѣ ночи кто-то засту въ двери. Я проснулся и сказалъ: «Кто тамъ? — «Macht auf!»

Я сказалъ: «скажите, кто тамъ, и я отворю». Ich sagte: «Sagt wer ihr seid und ich werde aufmachen». — «Macht auf im Namen des Gesetzes!» сказали за дверью. И я отворилъ. Два Soldat съ ружьями стояли за дверью, и въ комнату вошелъ незнакомый человѣкъ въ сѣромъ Ueberrock, который сидѣлъ подлѣ насъ въ кофейномъ домѣ. Онъ былъ шпіонъ. Es war ein Spion!.. «Пойдемте со мной!» сказалъ шпіонъ! «Хорошо», я сказалъ. Я надѣлъ сапоги und Pantalon, надѣвалъ подтяжки и ходилъ по комнатѣ. Въ сердцѣ у меня кипѣло: я сказалъ — онъ подлецъ! Когда я подошелъ къ стѣнкѣ, гдѣ висѣла моя шпага, я вдругъ схватилъ ее и сказалъ: *ты шпіонъ: защищайся!* Du bist ein Spion: verteidige dich!» Ich gab ihm einen Hieb направо, einen Hieb налѣво *и одинъ на галава. Шпіонъ упалъ!* Я схватилъ чемоданъ и деньги и прыгнулъ за окошко. Ich nahm meinen Mantelsack und Beutel und sprang zum Fenster hinaus. Ich kam nach Ems, тамъ я познакомился съ *енералъ Сазинъ.* Онъ полюбилъ меня, досталъ у посланника паспортъ и взялъ меня съ собою въ Россію учить дѣтей. Когда *енералъ Сазинъ* умеръ, ваша маменька позвала меня къ себѣ. Она сказала: «Карлъ Ивановичъ! отдаю вамъ своихъ дѣтей, любите ихъ, и я никогда не оставлю васъ, я успокою вашу старость». Теперь ея не стало, и все забыто. За мою двадцатилѣтнюю службу я долженъ теперь на старости лѣтъ итти на улицу искать свой черствый кусокъ хлѣба. *Богъ сей видитъ и сей знаетъ и на сей Его святая воля, только васъ жалко мнѣ, дѣтьи!*» заключилъ Карлъ Ивановичъ, притягивая меня къ себѣ за руку и цѣлуя въ голову.

XI.

ЕДИНИЦА.

По окончаніи годичнаго траура бабушка оправилась нѣсколько отъ печали, поразившей ее, и стала изрѣдка принимать гостей, въ особенности дѣтей — нашихъ сверстниковъ и сверстницъ.

Въ день рожденія Любочки, 13 декабря, еще передъ обѣдомъ пріѣхали къ намъ княгиня Корнакова съ дочерьми, Валахина съ Сонечкой, Илинька Грапъ и два меньшихъ брата Ивиныхъ.

Уже звуки говора, смѣха и бѣготни долетали къ намъ снизу, гдѣ собралось все это общество, но мы не могли присоединиться къ нему прежде окончанія утреннихъ классовъ. На таблицѣ, висѣвшей въ классной, значилось: Lundi, de 2 à 3 maître d'histoire et de géographie; и вотъ этого-то maître d'histoire мы должны были дождаться, выслушать и проводить, прежде чѣмъ быть свободными. Было уже двадцать минутъ третьяго, а учителя исторіи не было еще ни слышно, ни видно даже на улицѣ, по которой онъ долженъ былъ придти и на которую я смотрѣлъ съ сильнымъ желаніемъ никогда не видать его.

— Кажется, Лебедевъ нынче не придетъ, — сказалъ Володя, отрываясь на минуту отъ книги Смарагдова, по которой онъ готовилъ урокъ.

— Дай Богъ, дай Богъ... а то я ровно ничего не знаю... однако, кажется, вонъ онъ идетъ, — прибавилъ я печальнымъ голосомъ.

Володя всталъ и подошелъ къ окну.

— Нѣтъ, это не онъ, это какой-то баринъ, — сказалъ онъ. — Подождемъ еще до половины третьяго, — прибавилъ онъ, потягиваясь и въ тоже время

почесывая маковку, какъ онъ это обыкновенно дѣлалъ, на минуту отдыхая отъ занятій. — Ежели не придетъ и въ половинѣ третьяго, тогда можно будетъ сказать St.-Jérôme'у, чтобъ убрать тетради.

— И охота ему хо-о-о-о-дить, — сказалъ я, тоже потягиваясь и потрясая надъ головой книгу Кайданова, которую держалъ въ обѣихъ рукахъ.

Отъ нечего дѣлать я раскрылъ книгу въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ заданъ урокъ, и сталъ прочитывать ее. Урокъ былъ большой и трудный, я ничего не зналъ и видѣлъ, что ужъ никакъ не успѣю хоть что-нибудь запомнить изъ него, тѣмъ болѣе, что находился въ томъ раздраженномъ состояніи, въ которомъ мысли отказываются остановиться на какомъ бы то ни было предметѣ.

За прошедшій урокъ исторіи, которая всегда казалась мнѣ самымъ скучнымъ, тяжелымъ предметомъ, Лебедевъ жаловался на меня St.-Jérôme'у и въ тетради балловъ поставилъ мнѣ два, что считалось очень дурнымъ. St.-Jérôme тогда еще сказалъ мнѣ, что ежели въ слѣдующій урокъ я получу меньше трехъ, то буду строго наказанъ. Теперь-то предстоялъ этотъ слѣдующій урокъ, и, признаюсь, я сильно трусилъ.

Я такъ увлекся перечитываніемъ незнакомаго мнѣ урока, что послышавшійся въ передней стукъ сниманія калошъ внезапно поразилъ меня. Едва успѣлъ я оглянуться, какъ въ дверяхъ показалось рябое, отвратительное для меня лицо и слишкомъ знакомая, неуклюжая фигура учителя въ синемъ заастегнутомъ фракѣ съ учеными пуговицами.

Учитель медленно положилъ шапку на окно, тетради на столъ, раздвинулъ обѣими руками фал-

ды своего фрака (какъ будто это было очень нужно) и, отдуваясь, сѣлъ на свое мѣсто.

— Ну-съ, господа,—сказалъ онъ, потирая одну о другую свои потныя руки,—пройдемте-съ сперва то, что было сказано въ прошедшій классъ, а потомъ я постараюсь познакомить васъ съ дальнѣйшими событіями среднихъ вѣковъ.

Это значило: сказывайте уроки.

Въ то время, какъ Володя отвѣчалъ ему съ свободой и увѣренностью, свойственною тѣмъ, кто хорошо знаетъ предметъ, я безъ всякой цѣли вышелъ на лѣстницу, и, такъ какъ внизъ нельзя было итти, весьма естественно, что я незамѣтно для самого себя очутился на площадкѣ. Но только что я хотѣлъ помѣститься на обыкновенномъ постѣ своихъ наблюденій—за дверью, какъ вдругъ Мими, всегда бывшая причиной моихъ несчастій, наткнулась на меня. «Вы здѣсь?» сказала она, грозно посмотрѣвъ на меня, потомъ на дверь дѣвичьей и потомъ опять на меня.

Я чувствовалъ себя кругомъ виноватымъ и за то, что былъ не въ классѣ, и за то, что находился въ такомъ неуказанномъ мѣстѣ, поэтому молчалъ и, опустивъ голову, являлъ въ своей особѣ самое трогательное выраженіе раскаянія.

— Нѣтъ, это ужъ ни на что не похоже!—сказала Мими.—Что вы здѣсь дѣлали?—Я помолчалъ. —Нѣтъ, это такъ не останется,—повторила она, постукивая щиколками пальцевъ о перила лѣстницы,—я все разскажу графинѣ.

Было уже безъ пяти минутъ три, когда я вернулся въ классъ. Учитель, какъ будто не замѣчая ни моего отсутствія, ни моего присутствія, объяснялъ Володѣ слѣдующій урокъ. Когда онъ,

окончивъ свои толкованія, началъ складывать тетради и Володя вышелъ въ другую комнату, чтобы принести билетикъ, мнѣ пришла отрадная мысль, что все кончено и про меня забудутъ.

Но вдругъ учитель съ злодѣйскою полуулыбкой обратился ко мнѣ:

— Надѣюсь, вы выучили свой урокъ-съ?—сказалъ онъ, потирая руки.

— Выучилъ-съ,—отвѣчалъ я.

— Потрудитесь мнѣ сказать что-нибудь о крестовомъ походѣ Людовика Святого,—сказалъ онъ, покачиваясь на стулѣ и задумчиво глядя себѣ подъ ноги.—Сначала вы мнѣ скажете о причинахъ, побудившихъ короля французскаго взять крестъ,—сказалъ онъ, поднимая брови и указывая пальцемъ на чернильницу, — потомъ объясните мнѣ общія характеристическія черты этого похода,—прибавилъ онъ, дѣлая всею кистью движеніе такое, какъ будто хотѣлъ поймать что-нибудь, — и, наконецъ, вліяніе этого похода на европейскія государства вообще,—сказалъ онъ, ударяя тетрадями по лѣвой сторонѣ стола,—на французское королевство въ особенности,—заключилъ онъ, ударяя по правой сторонѣ стола и склоняя голову направо.

Я проглотилъ нѣсколько разъ слюни, прокашлялся, склонилъ голову на бокъ и молчалъ. Потомъ, взявъ перо, лежавшее на столѣ, началъ обрывать его и все молчалъ.

— Позвольте перышко,—сказалъ мнѣ учитель, протягивая руку:—оно пригодится. Ну-съ.

— Людо... кар... Людовикъ Святой былъ... былъ... былъ... добрый и умный царь.

— Кто-съ?

— Царь. Онъ вздумалъ пойти въ Іерусалимъ и *передалъ бразды правленія* своей матери.

— Какъ ее звали-съ?

— Б...б...ланка.

— Какъ-съ? буланка?

Я усмѣхнулся какъ-то криво и неловко.

— Ну-съ, не знаете ли еще чего-нибудь?—сказалъ онъ съ усмѣшкой.

Мнѣ нечего было терять, я прокашлялся и началъ врать все, что только мнѣ приходило въ голову. Учитель молчалъ, сметая со стола пыль перышкомъ, которое онъ у меня отнялъ, пристально смотрѣлъ мимо моего уха и приговаривалъ: «хорошо-съ, очень хорошо-съ». Я чувствовалъ, что ничего не знаю, выражаюсь совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и мнѣ страшно больно было видѣть, что учитель не останавливаетъ и не поправляетъ меня.

— Зачѣмъ же онъ вздумалъ итти въ Іерусалимъ?—сказалъ онъ, повторая мои слова.

— Затѣмъ... потому... оттого... затѣмъ что...

Я рѣшительно замялся, не сказалъ ни слова больше и чувствовалъ, что, ежели этотъ злодѣй-учитель хоть годъ цѣлый будетъ молчать и вопросительно смотрѣть на меня, я все-таки не въ состояніи буду произнести болѣе ни одного звука. Учитель минуты три смотрѣлъ на меня, потомъ вдругъ проявилъ въ своемъ лицѣ выраженіе глубокой печали и чувствительнымъ голосомъ сказалъ Володѣ, который въ это время вошелъ въ комнату:

— Позвольте мнѣ тетрадку проставить баллы.

Володя подалъ ему тетрадь и осторожно положилъ билетикъ подлѣ нея.

Учитель развернулъ тетрадь и, бережно обмакнувъ перо, красивымъ почеркомъ написалъ Володѣ пять въ графѣ успѣховъ и поведенія. Потомъ, остановивъ перо надъ графой, въ которой означались мои баллы, онъ посмотрѣлъ на меня, стряхнулъ чернила и задумался.

Вдругъ рука его сдѣлала чуть замѣтное движеніе, и въ графѣ появилась красиво начерченная единица и точка; другое движеніе—и въ графѣ поведенія другая единица и точка.

Бережно сложивъ тетрадь балловъ, учитель всталъ и подошелъ къ двери, какъ будто не замѣчая моего взгляда, въ которомъ выражались отчаяніе, мольба и упрекъ.

— Михаилъ Ларіоновичъ!—сказалъ я.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ, понимая уже, что я хотѣлъ сказать ему,—такъ нельзя учиться. Я не хочу даромъ денегъ брать.

Учитель надѣлъ калоши, камлотовую шинель и съ большимъ тщаніемъ повязался шарфомъ. Какъ будто можно было о чемъ-нибудь заботиться послѣ того, что случилось со мной? Для него движеніе пера, а для меня величайшее несчастіе.

— Классъ конченъ? — спросилъ St.-Jérôme, входя въ комнату.

— Да.

— Учитель доволенъ вами?

— Да,—сказалъ Володя.

— Сколько вы получили?

— Пять.

— А Nicolas?

Я молчалъ.

— Кажется, четыре,—сказалъ Володя.

Онъ понималъ, что меня нужно было спасти хоть на нынѣшній день. Пускай накажутъ, только бы не нынче, когда у насъ гости.

— Voyons, messieurs (St.-Jérôme имѣлъ привычку ко всякому слову говорить: voyons!), faites votre toilette et des cendons.

XII.

КЛЮЧИКЪ.

Едва ўспѣли мы, сойдя внизъ, поздороваться со всѣми гостями, какъ насъ позвали къ столу. Папа былъ очень веселъ (онъ былъ въ выигрышѣ въ это время), подарилъ Любочкѣ дорогой серебряный сервизъ и за обѣдомъ вспомнилъ, что у него во флигелѣ осталась еще бонбоньерка, приготовленная для именинницы.

— Чѣмъ человѣка посылать, поди-ка лучше ты, Коко,—сказалъ онъ мнѣ.—Ключи лежатъ на большомъ столѣ въ раковинѣ, знаешь?.. Такъ возьми ихъ и самымъ большимъ ключомъ отопри второй ящикъ направо. Тамъ найдешь коробочку, конфеты въ бумагѣ и принесешь все сюда.

— А сигары принести тебѣ?—спросилъ я, зная, что онъ всегда послѣ обѣда посылалъ за ними.

— Принеси, да смотри у меня ничего не трогать!—сказалъ онъ мнѣ вслѣдъ.

Найдя ключи на указанномъ мѣстѣ, я хотѣлъ уже отпирать ящикъ, какъ меня остановило желаніе узнать, какую вещь отпиралъ крошечный ключикъ, висѣвшій на той же связкѣ.

На столѣ между тысячью разнообразныхъ вещей стоялъ около перилецъ шитый портфель съ висячимъ замочкомъ, и мнѣ захотѣлось попробовать, придется ли къ нему маленькій клю-

чикъ. Испытаніе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, портфель открылся, и я нашелъ въ немъ цѣлую кучу бумагъ. Чувство любопытства съ такимъ убѣжденіемъ совѣтовало мнѣ узнать, какія были это бумаги, что я не успѣлъ прислушаться къ голосу совѣсти и принялся разсматривать то, что находилось въ портфелѣ . . . .

. . . .

Дѣтское чувство безусловнаго уваженія ко всѣмъ старшимъ и въ особенности къ папа было такъ сильно во мнѣ, что умъ мой безсознательно отказывался выводить какія бы то ни было заключенія изъ того, что я видѣлъ. Я чувствовалъ, что папа долженъ жить въ сферѣ совершенно особенной, прекрасной, недоступной и непостижимой для меня, и что стараться проникнуть тайны его жизни было бы съ моей стороны чѣмъ-то въ родѣ святотатства.

Поэтому открытія, почти нечаянно сдѣланныя мною въ портфелѣ папа, не оставили во мнѣ никакого яснаго понятія, исключая темнаго сознанія, что я поступилъ нехорошо. Мнѣ было стыдно и неловко.

Подъ вліяніемъ этого чувства я какъ можно скорѣе хотѣлъ закрыть портфель, но мнѣ, видно, суждено было испытать всевозможныя несчастія въ этотъ достопамятный день: вложивъ ключикъ въ замочную скважину, я повернулъ его не въ ту сторону; воображая, что замокъ запертъ, я вынулъ ключъ, и—о ужасъ!—у меня въ рукахъ была только головка ключика. Тщетно я старался соединить ее съ оставшеюся въ замкѣ половиной и посредствомъ какого-то волшебства высвободить ее оттуда; надо было, наконецъ, привыкнуть къ

ужасной мысли, что я совершилъ новое преступленіе, которое нынче же по возвращеніи папа въ кабинетъ должно будетъ открыться.

Жалоба Мими, единица и ключикъ! Хуже ничего не могло со мной случиться. Бабушка—за жалобу Мими, St.-Jérôme—за единицу, папа—за ключикъ... и все это обрушится на меня не позже, какъ нынче вечеромъ.

— Что со мной будетъ?! А-а-ахъ, что я надѣлалъ?!—говорилъ я вслухъ, прохаживаясь по мягкому ковру кабинета.—Э,—сказалъ я самъ себѣ, доставая конфеты и сигары,—*чему быть, тому не миновать!*... — и побѣжалъ въ домъ.

Это фаталистическое изреченіе, въ дѣтствѣ подслушанное мною у Николая, во всѣ трудныя минуты моей жизни производило на меня благотворное, временно успокаивающее вліяніе. Входя въ залу, я находился въ нѣсколько раздраженномъ и неестественномъ, но чрезвычайно веселомъ состояніи духа.

XIII.

ИЗМѢННИЦА.

Послѣ обѣда начались petits jeux, и я принималъ въ нихъ живѣйшее участіе. Играя въ «кошку-мышку», какъ-то неловко разбѣжавшись на гувернантку Корнаковыхъ, которая играла съ нами, я нечаянно наступилъ ей на платье и оборвалъ его. Замѣтивъ, что всѣмъ дѣвочкамъ и въ особенности Сонечкѣ доставляло большое удовольствіе видѣть, какъ гувернантка съ разстроеннымъ лицомъ пошла въ дѣвичью зашивать свое платье, я рѣшился доставить имъ это удовольствіе еще разъ. Вслѣдствіе такого любезнаго намѣренія,

какъ только гувернантка вернулась въ комнату, я принялся галопировать вокругъ нея и продолжалъ эти эволюціи до тѣхъ поръ, пока не нашелъ удобной минуты снова зацѣпить каблукомъ за ея юбку и оборвать. Сонечка и княжны едва могли удержаться отъ смѣха, что весьма пріятно польстило моему самолюбію; но St.-Jérôme, замѣтивъ, должно-быть, мои продѣлки, подошелъ ко мнѣ и, нахмуривъ брови (чего я терпѣть не могъ), сказалъ, что я, кажется, не къ добру развеселился, и что ежели я не буду скромнѣе, то, несмотря на праздникъ, онъ заставитъ меня раскаяться.

Но я находился въ раздраженномъ состояніи человѣка, проигравшаго болѣе того, что у него есть въ карманѣ, который боится счесть свою запись и продолжаетъ ставить отчаянныя карты уже безъ надежды отыграться, и только для того, чтобы не давать самому себѣ времени опомниться. Я дерзко улыбнулся и ушелъ отъ него.

Послѣ «кошки-мышки» кто-то затѣялъ игру, которая называлась у насъ, кажется, *Lange Nase*. Сущность игры состояла въ томъ, что ставили два ряда стульевъ, одинъ противъ другого, и дамы и кавалеры раздѣлялись на двѣ партіи и по перемѣнкамъ выбирали одна другую.

Младшая княжна каждый разъ выбирала меньшого Ивина, Катенька выбирала или Володю, или Илиньку, а Сонечка каждый разъ Сережу и нисколько не стыдилась, къ моему крайнему удивленію, когда Сережа прямо шелъ и садился противъ нея. Она смѣялась своимъ милымъ звонкимъ смѣхомъ и дѣлала ему головкой знакъ, что онъ угадалъ. Меня же никто не выбиралъ. Къ крайнему оскорбленію моего самолюбія, я понималъ, что я

лишній, *остающійся*, что про меня всякій разъ должны были говорить: *кто еще остается?* «*Да Николенька; ну, вотъ ты его и возьми*». Поэтому, когда мнѣ приходилось выходить, я прямо подходилъ или къ сестрѣ, или къ одной изъ некрасивыхъ княженъ и, къ несчастію, никогда не ошибался. Сонечка же, казалось, такъ была занята Сережей Ивинымъ, что я не существовалъ для нея вовсе. Не знаю, на какомъ основаніи называлъ я ее мысленно *измѣнницей*, такъ какъ она никогда не давала мнѣ обѣщанія выбирать меня, а не Сережу; но я твердо былъ убѣжденъ, что она самымъ гнуснымъ образомъ поступила со мной.

Послѣ игры я замѣтилъ, что *измѣнница*, которую я презиралъ, но съ которой, однако, не могъ спустить глазъ, вмѣстѣ съ Сережей и Катенькой отошли въ уголъ и о чемъ-то таинственно разговаривали. Подкравшись изъ-за фортепіанъ, чтобъ открыть ихъ секреты, я увидалъ слѣдующее: Катенька держала за два конца батистовый платочекъ въ видѣ ширмъ, заслоняя имъ головы Сережи и Сонечки. «Нѣтъ, проиграли, теперь расплачивайтесь!» говорилъ Сережа. Сонечка, опустивъ руки, стояла передъ нимъ точно виноватая и, краснѣя, говорила: «Нѣтъ, я не проиграла, не правда ли, m-lle Catherine?» — «Я люблю правду, —отвѣчала Катенька:—проиграла пари, ma chère».

Едва успѣла Катенька произнести эти слова, какъ Сережа нагнулся и поцѣловалъ Сонечку. Такъ прямо и поцѣловалъ въ ея розовыя губки. И Сонечка засмѣялась, какъ будто это ничего, какъ будто это очень весело. Ужасно!!! О, *коварная измѣнница!*

XIV.

ЗАТМЕНІЕ.

Я вдругъ почувствовалъ презрѣніе ко всему женскому полу вообще и къ Сонечкѣ въ особенности; началъ увѣрять себя, что ничего веселаго нѣтъ въ этихъ играхъ, что онѣ приличны только *дѣвчонкамъ*, и мнѣ чрезвычайно хотѣлось буянить и сдѣлать какую-нибудь такую молодецкую штуку, которая бы всѣхъ удивила. Случай не замедлилъ представиться.

St.-Jérôme, поговоривъ о чемъ-то съ Мими, вышелъ изъ комнаты; звуки его шаговъ послышались сначала на лѣстницѣ, а потомъ надъ нами, по направленію классной. Мнѣ пришла мысль, что Мими сказала ему, гдѣ она видѣла меня во время класса, и что онъ пошелъ посмотрѣть журналъ. Я не предполагалъ въ это время у St.-Jérôme'а другой цѣли въ жизни, какъ желанія наказать меня. Я читалъ гдѣ-то, что дѣти отъ 12 до 14 лѣтъ, то-есть находящіяся въ переходномъ возрастѣ отрочества, бываютъ особенно склонны къ поджигательству и даже убійству. Вспоминая свое отрочество и особенно то состояніе духа, въ которомъ я находился въ этотъ несчастный для меня день, я весьма ясно понимаю возможность самаго ужаснаго преступленія, безъ цѣли, безъ желанія вредить, но *такъ* — изъ любопытства, изъ безсознательной потребности дѣятельности. Бываютъ минуты, когда будущее представляется человѣку въ столь мрачномъ свѣтѣ, что онъ боится останавливать на немъ свои умственные взоры, прекращаетъ въ себѣ совершенно дѣятельность ума и старается убѣдить себя, что будущаго не будетъ

и прошедшаго не было. Въ такія минуты, когда мысль не обсуживаетъ впередъ каждаго опредѣленія воли, а единственными пружинами жизни остаются плотскіе инстинкты, я понимаю, что ребенокъ, по неопытности, особенно склонный къ такому состоянію, безъ малѣйшаго колебанія и страха, съ улыбкой любопытства, раскладываетъ и раздуваетъ огонь подъ собственнымъ домомъ, въ которомъ спятъ его братья, отецъ, мать, которыхъ онъ нѣжно любитъ. Подъ вліяніемъ этого же временнаго отсутствія мысли, разсѣянности почти, крестьянскій парень лѣтъ семнадцати, осматривая лезвее только что отточеннаго топора подлѣ лавки, на которой лицомъ внизъ спитъ его старикъ-отецъ, вдругъ размахивается топоромъ и съ тупымъ любопытствомъ смотритъ, какъ сочится подъ лавку кровь изъ разрубленной шеи; подъ вліяніемъ этого-же отсутствія мысли и инстинктивнаго любопытства человѣкъ находитъ какое-то наслажденіе остановиться на самомъ краю обрыва и думать: а что если туда броситься? или приставить ко лбу заряженный пистолетъ и думать: а что ежели пожать гашетку? или смотрѣть на какое-нибудь важное лицо, къ которому все общество чувствуетъ подобострастное уваженіе, и думать: а что ежели подойти къ нему, взять его за носъ и сказать: «а ну-ка, любезный, пойдемъ?»

Подъ вліяніемъ такого же внутренняго волненія и отсутствія размышленія, когда St.-Jérôme сошелъ внизъ и сказалъ мнѣ, что я не имѣю права здѣсь быть нынче за то, что такъ дурно велъ себя и учился, чтобъ я сейчасъ же шелъ наверхъ, я показалъ ему языкъ и сказалъ, что не пойду отсюда.

Въ первую минуту St.-Jérôme не могъ слова произнести отъ удивленія и злости.

— C'est bien, — сказалъ онъ, догоняя меня, — я уже нѣсколько разъ обѣщалъ вамъ наказаніе, отъ котораго васъ хотѣла избавить ваша бабушка; но теперь я вижу, что кромѣ розогъ васъ ничѣмъ не заставишь повиноваться, и нынче вы ихъ заслужили.

Онъ сказалъ это такъ громко, что всѣ слышали его слова. Кровь съ необыкновенною силой прилила къ моему сердцу; я почувствовалъ, какъ крѣпко оно билось, какъ краска сходила съ моего лица и какъ совершенно невольно затряслись мои губы. Я долженъ былъ быть страшенъ въ эту минуту, потому что St.-Jérôme, избѣгая моего взгляда, быстро подошелъ ко мнѣ и схватилъ за руку; но только что я почувствовалъ прикосновеніе его руки, мнѣ сдѣлалось такъ дурно, что я, не помня себя отъ злобы, вырвалъ руку и изъ всѣхъ моихъ дѣтскихъ силъ ударилъ его.

— Что съ тобой дѣлается? — сказалъ, подходя ко мнѣ, Володя, съ ужасомъ и удивленіемъ видѣвшій мой поступокъ.

— Оставь меня! — закричалъ я на него сквозь слезы. — Никто вы не любите меня, не понимаете, какъ я несчастливъ! Всѣ вы гадки, отвратительны, — прибавилъ я съ какимъ-то изступленіемъ, обращаясь ко всему обществу.

Но въ это время St.-Jérôme съ рѣшительнымъ и блѣднымъ лицомъ снова подошелъ ко мнѣ, и не успѣлъ я приготовиться къ защитѣ, какъ онъ уже сильнымъ движеніемъ, какъ тисками, сжалъ мои обѣ руки и потащилъ куда-то. Голова моя закружилась отъ волненія; помню только, что я

отчаянно бился головой и колѣнками до тѣхъ поръ, пока во мнѣ были еще силы; помню, что носъ мой нѣсколько разъ натыкался на чьи-то ляжки, что въ ротъ мнѣ попадалъ чей-то сюртукъ, что вокругъ себя со всѣхъ сторонъ я слышалъ присутствіе чьихъ-то ногъ, запахъ пыли и violette, которою душился St.-Jérôme.

Черезъ пять минутъ за мной затворилась дверь чулана.

— Василь! — сказалъ *онъ* отвратительнымъ, торжествующимъ голосомъ, — принеси розогъ. . .

. . . .

XV.

МЕЧТЫ.

Неужели въ то время я могъ бы думать, что останусь живъ послѣ всѣхъ несчастій, постигшихъ меня, и что придетъ время, когда я спокойно буду вспоминать о нихъ?..

Припоминая то, что я сдѣлалъ, я не могъ вообразить себѣ, что со мной будетъ, но смутно предчувствовалъ, что пропалъ безвозвратно.

Сначала внизу и вокругъ меня царствовала совершенная тишина, или, по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось отъ слишкомъ сильнаго внутренняго волненія, но мало-по-малу я сталъ разбирать различные звуки. Василій пришелъ снизу и, бросивъ на окно какую-то вещь, похожую на метлу, зѣвая, улегся на ларь. Внизу послышался громкій голосъ Августа Антоновича (должно-быть, онъ говорилъ про меня), потомъ дѣтскіе голоса, потомъ смѣхъ, бѣготня, а черезъ нѣсколько минутъ въ домѣ все пришло въ прежнее движеніе, какъ будто

никто не зналъ и не думалъ о томъ, что я сижу въ темномъ чуланѣ.

Я не плакалъ, но что-то тяжелое, какъ камень, лежало у меня на сердцѣ. Мысли и представленія съ усиленною быстротой проходили въ моемъ разстроенномъ воображеніи; но воспоминанія о несчастіи, постигшемъ меня, безпрестанно прерывали ихъ причудливую цѣпь, и я снова входилъ въ безвыходный лабиринтъ неизвѣстности о предстоящей мнѣ участи, отчаянія и страха.

То мнѣ приходитъ въ голову, что должна существовать какая-нибудь неизвѣстная причина общей ко мнѣ нелюбви и даже ненависти. (Въ то время я былъ твердо убѣжденъ, что всѣ, начиная отъ бабушки и до Филиппа кучера, ненавидятъ меня и находятъ наслажденіе въ моихъ страданіяхъ). Я, должно быть, не сынъ моей матери и моего отца, не братъ Володи, а несчастный сирота, подкидышъ, взятый изъ милости, говорю я самъ себѣ; и нелѣпая мысль эта не только доставляетъ мнѣ какое-то грустное утѣшеніе, но даже кажется совершенно правдоподобной. Мнѣ отрадно думать, что я несчастенъ, не потому, что виноватъ, но потому, что такова моя судьба съ самаго моего рожденія и что участь моя похожа на участь несчастнаго Карла Ивановича.

«Но зачѣмъ дальше скрывать эту тайну, когда я самъ уже успѣлъ проникнуть ее? — говорю я самъ себѣ. — Завтра же пойду къ папа и скажу ему: «папа, напрасно ты отъ меня скрываешь тайну моего рожденія: я знаю ее». Онъ скажетъ: «что-жъ дѣлать, мой другъ, рано или поздно ты узналъ бы это, — ты не мой сынъ, но я усыновилъ тебя, и ежели ты будешь достоинъ моей любви, то я

никогда не оставлю тебя». И я скажу ему: «папа, хотя я не имѣю права называть тебя этимъ именемъ, но я теперь произношу его въ послѣдній разъ; я всегда любилъ тебя и буду любить, никогда не забуду, что ты мой благодѣтель, но не могу больше оставаться въ твоемъ домѣ. Здѣсь никто не любитъ меня, а St.-Jérôme поклялся въ моей погибели. Онъ или я должны оставить твой домъ, потому что я не отвѣчаю за себя, я до такой степени ненавижу этого человѣка, что готовъ на все. Я убью его». Такъ и сказать: «папа, я убью его». Папа станетъ просить меня, но я махну рукой, скажу ему: «Нѣтъ, мой другъ, мой благодѣтель, мы не можемъ жить вмѣстѣ, а отпусти меня». И я обниму его и скажу ему почему-то по-французски: «Oh, mon père, oh, mon bienfaiteur, donne moi pour la dernière fois ta bénédiction et que la volonté de Dieu soit faite!» И я, сидя на сундукѣ въ темномъ чуланѣ, плачу навзрыдъ при этой мысли. Но вдругъ я вспоминаю постыдное наказаніе, ожидающее меня, дѣйствительность представляется мнѣ въ настоящемъ свѣтѣ, и мечты мгновенно разлетаются.

То я воображаю себя уже на свободѣ, внѣ нашего дома. Я поступаю въ гусары и иду на войну. Со всѣхъ сторонъ на меня несутся враги, я размахиваюсь саблей и убиваю одного, другой взмахъ — убиваю другого, третьяго. Наконецъ, въ изнуреніи отъ ранъ и усталости, я падаю на землю и кричу: «побѣда!» Генералъ подъѣзжаетъ ко мнѣ и спрашиваетъ: «гдѣ онъ — нашъ спаситель?» Ему указываютъ на меня, онъ бросается мнѣ на шею и съ радостными слезами кричитъ: «побѣда!» Я выздоравливаю и съ подвязанною чернымъ плат-

комъ рукою гуляю по Тверскому бульвару. Я генералъ! Но вотъ *государь* встрѣчаетъ меня и спрашиваетъ: «кто этотъ израненный молодой человѣкъ?» Ему говорятъ, что это извѣстный герой Николай. Государь подходитъ ко мнѣ и говоритъ: «благодарю тебя. Я все сдѣлаю, чего бы ты ни просилъ у меня». Я почтительно кланяюсь и, опираясь на саблю, говорю: «я счастливъ, великій государь, что могъ пролить кровь за свое отечество, и желалъ бы умереть за него; но ежели ты такъ милостивъ, что позволяешь мнѣ просить тебя, прошу объ одномъ — позволь мнѣ уничтожить врага моего, иностранца St.-Jérôme'а. Мнѣ хочется уничтожить врага моего St.-Jérôme'а». Я грозно останавливаюсь передъ St.-Jérôme'омъ и говорю ему: «Ты сдѣлалъ мое несчастье, à genoux!» Но вдругъ мнѣ приходитъ мысль, что съ минуты на минуту можетъ войти настоящій St.-Jérôme съ розгами, и я снова вижу себя не генераломъ, спасающимъ отечество, а самымъ жалкимъ, плачевнымъ созданіемъ.

То мнѣ приходитъ мысль о Богѣ, и я дерзко спрашиваю Его, за что Онъ наказываетъ меня. «Я, кажется, не забывалъ молиться утромъ и вечеромъ, такъ за что-жъ я страдаю?» Положительно могу сказать, что первый шагъ къ религіознымъ сомнѣніямъ, тревожившимъ меня во время отрочества, былъ сдѣлалъ мною теперь, не потому, чтобы несчастіе побудило меня къ ропоту и невѣрію, но потому, что мысль о несправедливости Провидѣнія, пришедшая мнѣ въ голову въ эту пору совершеннаго душевнаго разстройства и суточнаго уединенія, какъ дурное зерно, послѣ дождя упавшее на рыхлую землю, съ быстротой стала разрастаться и пускать корни. То я воображалъ,

что я непремѣнно умру, и живо представлялъ себѣ удивленіе St.-Jérôme'а, находящаго въ чуланѣ вмѣсто меня безжизненное тѣло. Вспоминая разсказы Натальи Савишны о томъ, что душа усопшаго до сорока дней не оставляетъ дома, я мысленно послѣ смерти ношусь невидимкой по всѣмъ комнатамъ бабушкина дома и подслушиваю искреннія слезы Любочки, соожалѣнія бабушки и разговоръ папа съ Августомъ Антоновичемъ. «Онъ славный былъ мальчикъ»,—скажетъ папа со слезами на глазахъ. «Да, скажетъ St.-Jérôme, — но большой повѣса». — «Вы бы должны уважать мертвыхъ, — скажетъ папа, — вы были причиной его смерти, вы запугали его, онъ не могъ перенести униженія, которое вы готовили ему... Вонъ отсюда, злодѣй!»

И St.-Jérôme упадетъ на колѣни, будетъ плакать и просить прощенія. Послѣ сорока дней душа моя улетаетъ на небо; я вижу тамъ что-то удивительно-прекрасное, бѣлое, прозрачное, длинное и чувствую, что это моя мать. Это что-то бѣлое окружаетъ, ласкаетъ меня; но я чувствую безпокойство и какъ будто не узнаю ея. «Ежели это точно ты,—говорю я,—то покажись мнѣ лучше, чтобъ я могъ обнять тебя». И мнѣ отвѣчаетъ ея голосъ: «Здѣсь мы всѣ такіе, я не могу лучше обнять тебя. Развѣ тебѣ не хорошо такъ?»—«Нѣтъ, мнѣ очень хорошо, но ты не можешь щекотать меня, и я не могу цѣловать твоихъ рукъ...» — «Не надо этого, здѣсь и такъ прекрасно», говоритъ она, и я чувствую, что точно прекрасно, и мы вмѣстѣ съ ней летимъ все выше и выше. Тутъ я какъ будто просыпаюсь и нахожу себя опять на сундукѣ въ темномъ чуланѣ, съ мокрыми отъ слезъ щеками, безъ всякой мысли твердящаго слова: *и мы все*

летимъ выше и выше. Я долго употребляю всевозможныя усилія, чтобъ уяснить свое положеніе, но умственному взору моему представляется въ настоящемъ только одна страшно марчная, непроницаемая даль. Я стараюсь снова возвратиться къ тѣмъ отраднымъ, счастливымъ мечтамъ, которыя прервало сознаніе дѣйствительности; но, къ удивленію моему, какъ скоро вхожу въ колею прежнихъ мечтаній, я вижу, что продолженіе ихъ невозможно и — что всего удивительнѣе — не доставляетъ уже мнѣ никакого удовольствія.

XVI.

ПЕРЕМЕЛЕТСЯ—МУКА БУДЕТЪ.

Я ночевалъ въ чуланѣ, и никто не приходилъ ко мнѣ; только на другой день, то-есть въ воскресенье, меня перевели въ маленькую комнату подлѣ классной и опять заперли. Я начиналъ надѣяться, что наказаніе мое ограничится заточеніемъ, и мысли мои, подъ вліяніемъ сладкаго, крѣпительнаго сна, яркаго солнца, игравшаго на морозныхъ узорахъ оконъ, и дневного обыкновеннаго шума на улицахъ начинали успокаиваться. Но уединеніе все-таки было очень тяжело: мнѣ хотѣлось двигаться, разсказать кому-нибудь все, что накопилось у меня на душѣ, и не было вокругъ меня живого созданія. Положеніе это было еще болѣе непріятно потому, что, какъ мнѣ ни противно было, я не могъ не слышать, какъ St.-Jérôme, прогуливаясь по своей комнатѣ, насвистывалъ совершенно спокойно какіе-то веселые мотивы. Я былъ вполнѣ

убѣжденъ, что ему вовсе не хотѣлось свистать, но что онъ дѣлалъ это единственно для того, чтобы мучить меня.

Въ два часа St.-Jérôme и Володя сошли внизъ, а Николай принесъ мнѣ обѣдъ, и когда я разговорился съ нимъ о томъ, что я надѣлалъ и что ожидаетъ меня, онъ сказалъ:

— Эхъ, сударь! не тужите: перемелется—мука будетъ.

Хотя это изреченіе, не разъ и впослѣдствіи поддерживавшее твердость моего духа, нѣсколько утѣшило меня, но именно то обстоятельство, что мнѣ прислали не одинъ хлѣбъ и воду, а весь обѣдъ, даже и пирожное — розанчики, заставило меня сильно призадуматься. Ежели бы мнѣ не прислали розанчиковъ, то значило бы, что меня наказываютъ заточеніемъ, но теперь выходило, что я еще не наказанъ, что я только удаленъ отъ другихъ, какъ вредный человѣкъ, а что наказаніе впереди. Въ то время, какъ я былъ углубленъ въ разрѣшеніе этого вопроса, въ замкѣ моей темницы повернулся ключъ, и St.-Jérôme съ суровымъ и официальнымъ лицомъ вошелъ въ комнату.

— Пойдемте къ бабушкѣ, — сказалъ онъ, не глядя на меня.

Я хотѣлъ было почистить рукава курточки, запачкавшіеся мѣломъ, прежде чѣмъ выйти изъ комнаты, но St.-Jérôme сказалъ мнѣ, что это совершенно безполезно, какъ будто я находился уже въ такомъ жалкомъ нравственномъ положеніи, что о наружномъ своемъ видѣ не стоило и заботиться.

Катенька, Любочка и Володя посмотрѣли на меня въ то время, какъ St.-Jérôme за руку проводилъ меня черезъ залу, точно съ тѣмъ же выра-

женіемъ, съ которымъ мы обыкновенно смотрѣли на колодниковъ, проводимыхъ по понедѣльникамъ мимо нашихъ оконъ. Когда же я подошелъ къ креслу бабушки, съ намѣреніемъ поцѣловать ея руку, она отвернулась отъ меня и спрятала руку подъ мантилью.

— Да, мой милый, — сказала она послѣ довольно продолжительнаго молчанія, во время котораго она осмотрѣла меня съ ногъ до головы такимъ взглядомъ, что я не зналъ, куда дѣвать свои глаза и руки,—могу сказать, что вы очень цѣните мою любовь и составляете для меня истинное утѣшеніе. Mr. St.-Jérôme, который по моей просьбѣ, — прибавила она, растягивая каждое слово, — взялся за ваше воспитаніе, не хочетъ теперь оставаться въ моемъ домѣ. Отчего? Отъ васъ, мой милый. Я надѣялась, что вы будете благодарны, — продолжала она, помолчавъ немного и тономъ, который доказывалъ, что рѣчь ея была приготовлена заблаговременно, — за попеченіе и труды его, что вы будете умѣть цѣнить его заслуги, а вы, молокососъ, мальчишка, рѣшились поднять на него руку. Очень хорошо! Прекрасно!! Я тоже начинаю думать, что вы неспособны понимать благороднаго обращенія, что на васъ нужны другія, низкія средства... Проси сейчасъ прощенія, — прибавила она строго-повелительнымъ тономъ, указывая на St.-Jérôme'a, — слышишь?

Я посмотрѣлъ по направленію руки бабушки и, увидѣвъ сюртукъ St.-Jérôme'a, отвернулся и не трогался съ мѣста, снова начиная ощущать замираніе сердца.

— Что же? Вы не слышите развѣ, что я вамъ говорю?

Я дрожалъ всѣмъ тѣломъ, но не трогался съ мѣста.

— Коко! — сказала бабушка, должно-быть замѣтивъ внутреннія страданія, которыя я испытывалъ. — Коко, — сказала она уже не столько повелительнымъ, сколько нѣжнымъ голосомъ, — ты ли это?

— Бабушка! Я не буду просить у него прощенія ни за что... — сказалъ я, вдругъ останавливаясь, чувствуя, что не въ состояніи буду удержать слезъ, давившихъ меня, ежели скажу еще одно слово.

— Я приказываю тебѣ, я прошу тебя. Что же ты?

— Я... я... не... хочу... я не могу, — проговорилъ я, и сдержанныя рыданія, накопившіяся въ моей груди, вдругъ опрокинули преграду, удерживавшую ихъ, и разразились отчаяннымъ потокомъ.

— C'est ainsi que vous obéissez à votre seconde mère, c'est ainsi que vous reconnaissez ses bontés! — сказалъ St.-Jérôme трагическимъ голосомъ. — A genoux!

— Боже мой, ежели бы она видѣла это! — сказала бабушка, отворачиваясь отъ меня и отирая показавшіяся слезы. — Ежели бы она видѣла... все къ лучшему. Да, она не перенесла бы этого горя, не перенесла бы...

И бабушка плакала все сильнѣй и сильнѣй. Я плакалъ тоже, но и не думалъ просить прощенія.

— Tranquillisez-vous au nom du ciel, m-me la comtesse, — говорилъ St.-Jérôme.

Но бабушка уже не слушала его, она закрыла лицо руками, и рыданія ея скоро перешли въ икоту и истерику. Въ комнату съ испуганными лицами вбѣжали Мими и Гаша, запахло какими-

то спиртами, и по всему дому вдругъ поднялись бѣготня и шептанье.

— Любуйтесь на ваше дѣло,— сказалъ St.-Jérôme, уводя меня наверхъ.

«Боже мой, что я надѣлалъ! Какой я ужасный преступникъ!»

Только что St.-Jérôme, сказавъ мнѣ, чтобъ я шелъ въ свою комнату, спустился внизъ, я, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что я дѣлаю, побѣжалъ по большой лѣстницѣ, ведущей на улицу.

Хотѣлъ ли я убѣжать совсѣмъ изъ дома или утопиться, не помню; знаю только, что, закрывъ лицо руками, чтобы не видать никого, я бѣжалъ все дальше и дальше по лѣстницѣ.

— Ты куда?—спросилъ меня вдругъ знакомый голосъ.—Тебя-то мнѣ и нужно, голубчикъ.

Я хотѣлъ было пробѣжать мимо, но папа схватилъ меня за руку и строго сказалъ:

— Пойдемъ-ка со мной, любезный! Какъ ты смѣлъ трогать портфель въ моемъ кабинетѣ?— сказалъ онъ, вводя меня за собой въ маленькую диванную.—А? Что жъ ты молчишь? А?—прибавилъ онъ, взявъ меня за ухо.

— Виноватъ,—сказалъ я:—самъ не знаю, что на меня нашло.

— А, не знаешь, что на тебя нашло, не знаешь, не знаешь, не знаешь, не знаешь...—повторялъ онъ, съ каждымъ словомъ потрясая мое ухо.— Будешь впередъ совать носъ, куда не слѣдуетъ? будешь? будешь?

Несмотря на то, что я ощущалъ сильнѣйшую боль въ ухѣ, я не плакалъ, а испытывалъ пріятное моральное чувство. Только что папа выпу-

стилъ мое ухо, я схватилъ его руку и со слезами принялся покрывать ее поцѣлуями.

— Бей меня еще, — говорилъ я сквозь слезы, — крѣпче, больнѣе, я негодный, я гадкій, я несчастный человѣкъ.

— Что съ тобой? — сказалъ онъ, слегка отталкивая меня.

— Нѣтъ, ни за что не пойду, — сказалъ я, цѣпляясь за его сюртукъ. — Всѣ ненавидятъ меня, я это знаю, но ради Бога ты выслушай меня, защити меня или выгони изъ дома. Я не могу съ нимъ жить, *онъ* всячески старается унизить меня, велитъ становиться на колѣни передъ собой, хочетъ высѣчь меня. Я не могу этого, я не маленькій, я не перенесу этого, я умру, убью себя. *Онъ* сказалъ бабушкѣ, что я негодный, она теперь больна, она умретъ отъ меня. Я... съ... нимъ.. ради Бога... высѣки... за...что...му...чатъ...

Слезы душили меня, я сѣлъ на диванъ и, не въ силахъ говорить болѣе, упалъ головой ему на колѣни, рыдая такъ, что мнѣ казалось, я долженъ былъ умереть въ ту же минуту.

— О чемъ ты, пузырь? — сказалъ папа съ участіемъ, наклоняясь ко мнѣ.

— *Онъ* мой тиранъ, мучитель... умру... никто меня не любитъ! — едва могъ проговорить я, и со мной сдѣлались конвульсіи.

Папа взялъ меня на руки и отнесъ въ спальню. Я заснулъ.

Когда я проснулся, было уже очень поздно, одна свѣчка горѣла около моей кровати, и въ комнатѣ сидѣли нашъ домашній докторъ, Мими и Любочка. По лицамъ ихъ замѣтно было, что боялись за мое здоровье. Я же чувствовалъ себя

такъ хорошо и легко послѣ двѣнадцатичасового сна, что сейчасъ бы вскочилъ съ постели, если бы мнѣ не непріятно было разстроить ихъ увѣренность въ томъ, что я очень боленъ.

XVII.

НЕНАВИСТЬ.

Да, это было настоящее чувство ненависти, не той ненависти, про которую только пишутъ въ романахъ и въ которую я не вѣрю, ненависти, которая будто находитъ наслажденіе въ дѣланіи зла человѣку, но той ненависти, которая внушаетъ вамъ непреодолимое отвращеніе къ человѣку, заслуживающему, однако, ваше уваженіе, дѣлаетъ для васъ противными его волосы, шею, походку, звукъ голоса, всѣ его члены, всѣ его движенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какою-то непонятною силой притягиваетъ васъ къ нему и съ безпокойнымъ вниманіемъ заставляетъ слѣдить за малѣйшими его поступками. Я испытывалъ это чувство къ St.-Jérôme'у.

St.-Jérôme жилъ у насъ уже полтора года. Обсуждая теперь хладнокровно этого человѣка, я нахожу, что онъ былъ хорошій французъ, но французъ въ высшей степни. Онъ былъ не глупъ, довольно хорошо ученъ и добросовѣстно исполнялъ въ отношеніи насъ свою обязанность, но онъ имѣлъ общія всѣмъ его землякамъ и столь противоположныя русскому характеру отличительныя черты легкомысленнаго эгоизма, тщеславія, дерзости и невѣжественной самоувѣренности. Все это мнѣ очень не нравилось. Само собой разумѣется, что бабушка объяснила ему свое мнѣніе на-

счетъ тѣлеснаго наказанія, и онъ не смѣлъ бить насъ; но, несмотря на это, онъ часто угрожалъ, въ особенности мнѣ, розгами и выговаривалъ слово fouetter (какъ-то foùatter) такъ отвратительно и съ такой интонаціей, какъ будто высѣчь меня доставило бы ему величайшее удовольствіе.

Я нисколько не боялся боли наказанія, никогда не испытывалъ ея, но одна мысль, что St.-Jérôme можетъ ударить меня, приводила меня въ тяжелое состояніе подавленнаго отчаянія и злобы.

Случалось, что Карлъ Ивановичъ въ минуту досады лично расправлялся съ нами линейкой или помочами, но я безъ малѣйшей досады вспоминаю объ этомъ. Даже въ то время, о которомъ я говорю (когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ), ежели бы Карлу Ивановичу случилось приколотить меня, я хладнокровно перенесъ бы его побои. Карла Ивановича я любилъ, помнилъ его съ тѣхъ поръ, какъ самого себя, и привыкъ считать членомъ своего семейства; но St.-Jérôme былъ человѣкъ гордый, самодовольный, къ которому я ничего не чувствовалъ, кромѣ того невольнаго уваженія, которое внушали мнѣ всѣ *большіе.* Карлъ Ивановичъ былъ смѣшной старикъ, *дядька*, котораго я любилъ отъ души, но ставилъ все-таки ниже себя въ моемъ дѣтскомъ пониманіи общественнаго положенія. St.-Jérôme, напротивъ, былъ образованный, красивый молодой щеголь, старавшійся стать наравнѣ со всѣми.

Карлъ Ивановичъ бранилъ и наказывалъ насъ всегда хладнокровно; видно было, что онъ считалъ это хотя необходимою, но непріятною обязанностью. St.-Jérôme, напротивъ, любилъ драпироваться въ роль наставника; видно было, когда

онъ наказывалъ насъ, что онъ дѣлалъ это болѣе для собственнаго удовольствія, чѣмъ для нашей пользы. Онъ увлекался своимъ величіемъ. Его пышныя французскія фразы, которыя онъ говорилъ съ сильными удареніями на послѣднемъ слогѣ, accent circonflex'ами, были для меня невыразимо противны. Карлъ Ивановичъ, разсердившись, говорилъ: «Кукольная комедія, шалунья мальшикъ, шампанская мушка». St.-Jérôme называлъ насъ mauvais sujet, vilain garnement и т. п. названіями, которыя оскорбляли мое самолюбіе.

Карлъ Ивановичъ ставилъ насъ на колѣни лицомъ въ уголъ, и наказаніе состояло въ физической боли, происходившей отъ такого положенія. St.-Jérôme, выпрямляя грудь и дѣлая величественный жестъ рукой, трагическимъ голосомъ кричалъ: «à genoux, mauvais sujet!» приказывалъ становиться на колѣни лицомъ къ себѣ и просить прощенія. Наказаніе состояло въ униженіи.

Меня не наказывали, и никто даже не напоминалъ мнѣ о томъ, что со мной случилось; но я не могъ забыть всего, что испыталъ: отчаянія, стыда, страха и ненависти въ эти два дня. Несмотря на то, что съ того времени St.-Jérôme, какъ казалось, махнулъ на меня рукой, почти не занимался мною, я не могъ привыкнуть смотрѣть на него равнодушно. Всякій разъ, когда случайно встрѣчались наши глаза, мнѣ казалось, что во взглядѣ моемъ выражается слишкомъ явная непріязнь и я спѣшилъ принять выраженіе равнодушія; но когда мнѣ казалось, что онъ понимаетъ мое притворство, я краснѣлъ и отворачивался.

Однимъ словомъ, мнѣ невыразимо тяжело было имѣть съ нимъ какія бы то ни было отношенія.

XVIII.

ДѢВИЧЬЯ.

Я чувствовалъ себя все болѣе и болѣе одинокимъ, и главными моими удовольствіями были уединенныя размышленія и наблюденія. О предметѣ моихъ размышленій разскажу въ слѣдующей главѣ; театромъ же моихъ наблюденій преимущественно была дѣвичья, въ которой происходилъ весьма для меня занимательный и трогательный романъ. Героиней этого романа, само собой разумѣется, была Маша. Она была влюблена въ Василія, знавшаго ее еще тогда, когда она жила на волѣ, обѣщавшаго еще тогда на ней жениться. Судьба, разлучившая ихъ пять лѣтъ тому назадъ, снова соединила ихъ въ бабушкиномъ домѣ, но положила преграду ихъ взаимной любви въ лицѣ Николая (родного дяди Маши), не хотѣвшаго и слышать о замужествѣ своей племянницы съ Василіемъ, котораго онъ называлъ человѣкомъ *несообразнымъ* и *необузданнымъ*.

Преграда эта сдѣлала то, что прежде довольно хладнокровный и небрежный въ обращеніи, Василій вдругъ влюбился въ Машу, влюбился такъ, какъ только способенъ на такое чувство дворовый человѣкъ изъ портныхъ, въ розовой рубашкѣ и съ напомаженными волосами.

Несмотря на то, что проявленія его любви были весьма странны и несообразны (напримѣръ, встрѣчая Машу, онъ всегда старался причинить ей боль: или щипалъ ее, или билъ ладонью, или сжималъ ее съ такой силой, что она едва могла переводить дыханіе), но самая любовь его была искренняя, что доказывается уже тѣмъ, что съ

той поры, какъ Николай рѣшительно отказалъ ему въ рукѣ своей племянницы, Василій *запилъ* съ горя, сталъ шляться по кабакамъ, буянить, — однимъ словомъ, вести себя такъ дурно, что не разъ подвергался постыдному наказанію на съѣзжей. Но поступки эти и ихъ послѣдствія, казалось, были заслугой въ глазахъ Маши и увеличивали еще ея любовь къ нему. Когда Василій *содержался въ части*, Маша по цѣлымъ днямъ, не осушая глазъ, плакала, жаловалась на свою горькую судьбу Гашѣ (принимавшей живое участіе въ дѣлахъ несчастныхъ любовниковъ) и, презирая брань и побои своего дяди, потихоньку бѣгала въ полицію навѣщать и утѣшать своего друга.

Не гнушайтесь, читатель, обществомъ, въ которое я ввожу васъ. Ежели въ душѣ вашей не ослабли струны любви и участія, то и въ дѣвичьей найдутся звуки, на которые онѣ отзовутся. Угодно ли вамъ, или не угодно будетъ слѣдовать за мной, я отправляюсь на площадку лѣстницы, съ которой мнѣ видно все, что происходитъ въ дѣвичьей. Вотъ лежанка, на которой стоятъ: утюгъ, картонная кукла съ разбитымъ носомъ, лоханка, рукомойникъ; вотъ окно, на которомъ въ безпорядкѣ валяются: кусочекъ чернаго воска, мотокъ шелку, откушенный зеленый огурецъ и конфетная коробочка; вотъ и большой красный столъ, на которомъ на начатомъ шитьѣ лежитъ кирпичъ, обшитый ситцемъ, и за которымъ сидитъ *она* въ моемъ любимомъ розовомъ холстинковомъ платьѣ и голубой косынкѣ, особенно привлекающей мое вниманіе. *Она* шьетъ, изрѣдка останавливаясь, чтобы почесать иголкой голову или поправить

свѣчку, а я смотрю и думаю: «отчего она не родилась барышней съ этими свѣтлыми голубыми глазами, огромною русою косой и высокою грудью? Какъ бы ей пристало сидѣть въ гостиной въ чепчикѣ съ розовыми лентами и въ малиновомъ шелковомъ капотѣ, не въ такомъ, какой у Мими, а какой я видѣлъ на Тверскомъ бульварѣ. Она бы шила въ пяльцахъ, а я бы въ зеркало смотрѣлъ на нее, и чего бы ни захотѣла она, я все бы для нея дѣлалъ: подавалъ бы ей салопъ, кушанье самъ бы подавалъ...

И что за пьяное лицо и отвратительная фигура у этого Василія въ узкомъ сюртукѣ, надѣтомъ сверхъ грязной розовой рубашки на выпускъ! Въ каждомъ его тѣлодвиженіи, въ каждомъ изгибѣ его спины, мнѣ кажется, что я вижу несомнѣнные признаки отвратительнаго наказанія, постигнувшаго его...»

— Что, Вася, опять?—сказала Маша, втыкая иголку въ подушку и не поднимая голову навстрѣчу входящему Василію.

— А что жъ? развѣ отъ *него* добро будетъ,— отвѣчалъ Василій, — хоть бы рѣшилъ однимъ чѣмъ-нибудь, а то пропадаю такъ ни за что, и все чрезъ *него*.

— Чай будете пить?—сказала Надежа, другая горничная.

— Благодарю покорно... И вѣдь за что ненавидитъ воръ этотъ, дядя-то твой, за что? за то, что платье себѣ настоящее имѣю, за форцъ за мой, за походку мою, одно слово. Эхъ-ма!—заключилъ Василій, махнувъ рукой.

— Надо покорнымъ быть,—сказала Маша, скусывая нитку,—а вы такъ все...

— Мочи моей не стало, вотъ что!

Въ это время въ комнатѣ бабушки послышался стукъ дверью и ворчливый голосъ Гаши, приближавшейся по лѣстницѣ.

— Поди тутъ угоди, когда сама не знаетъ, чего хочетъ... проклятая *жисть*, каторжная! Хоть бы одно что, прости, Господи, мое согрѣшеніе,— бормотала она, размахивая руками.

— Мое почтеніе Агаѳьѣ Михайловнѣ!—сказалъ Василій, приподнимаясь ей навстрѣчу.

— Ну васъ тутъ! Не до твоего почтенія,—отвѣчала она, грозно глядя на него.—И зачѣмъ ходишь сюда? развѣ мѣсто къ дѣвкамъ мужчинѣ ходить...

— Хотѣлъ о вашемъ здоровьи узнать,—робко сказалъ Василій.

— Издохну скоро, вотъ какое мое здоровье! —еще съ бо̀льшимъ гнѣвомъ, во весь ротъ прокричала Агаѳья Михайловна.

Василій засмѣялся.

— Тутъ смѣяться нечего, а коли говорю, что убирайся, такъ маршъ! Вишь, поганецъ, тоже жениться хочетъ, подлецъ! Ну, маршъ, отправляйся!

И Агаѳья Михайловна, топая ногами, прошла въ свою комнату, такъ сильно стукнувъ дверью, что стекла задрожали въ окнахъ.

За перегородкой долго еще слышалось, какъ, продолжая бранить все и всѣхъ и проклиная свое житье, она швыряла свои вещи и драла за уши свою любимую кошку; наконецъ, дверь пріотворилась, и въ нее вылетѣла брошенная за хвостъ жалобно мяукавшая кошка.

— Видно, въ другой разъ придти чайку напиться,—сказалъ Василій шопотомъ.—До пріятнаго свиданія.

— Ничего, — сказала подмигивая Надежа, — я вотъ пойду самоваръ посмотрю.

— Да и сдѣлаю-жъ я одинъ конецъ,—продолжалъ Василій, ближе подсаживаясь къ Машѣ, какъ только Надежа вышла изъ комнаты: — либо пойду прямо къ графинѣ, скажу: «такъ и такъ», либо ужъ... брошу все, убѣгу на край свѣта, ей-Богу.

— А я какъ останусь...

— Одну тебя жалѣю, а то бы ужъ даа...вно моя головушка на волѣ была, ей-Богу, ей-Богу.

— Что это ты, Вася, мнѣ свои рубашки не принесешь постирать,—сказала Маша послѣ минутнаго молчанія,—а то, вишь какая черная,—прибавила она, взявъ его за воротъ рубашки.

Въ это время снизу послышался колокольчикъ бабушки, и Гаша вышла изъ своей комнаты.

— Ну чего, подлый человѣкъ, отъ нея добиваешься?—сказала она, толкая въ дверь Василія, который торопливо всталъ, увидавъ ее.—Довелъ дѣвку до эфтаго, да еще пристаешь... видно, весело тебѣ, оголтѣлый, на ея слезы смотрѣть. Вонъ пошелъ! Чтобы духу твоего не было. И чего хорошаго въ немъ нашла?—продолжала она, обращаясь къ Машѣ.—Мало тебя колотилъ нынче дядя за него? Нѣтъ, все свое: ни за кого не пойду, какъ за Василія Грускова. Дура!

— Да и не пойду ни за кого, не люблю никого, хоть убей меня до смерти за него,—проговорила Маша, вдругъ разливаясь слезами.

Долго я смотрѣлъ на Машу, которая, лежа на сундукѣ, утирала слезы своею косынкою, и, всячески стараясь измѣнять свой взглядъ на Василія, я хотѣлъ найти ту точку зрѣнія, съ которой онъ могъ казаться ей столь привлекательнымъ. Но, несмотря на то, что я искренно сочувствовалъ ея печали, я никакъ не могъ постигнуть, какимъ образомъ такое очаровательное созданіе, какимъ казалась Маша въ моихъ глазахъ, могло любить Василія.

«Когда я буду большой,—разсуждалъ я самъ съ собой, вернувшись къ себѣ наверхъ,—Петровское достанется мнѣ, и Василій и Маша будутъ мои крѣпостные. Я буду сидѣть въ кабинетѣ и курить трубку, Маша съ утюгомъ пройдетъ въ кухню. Я скажу: «Позовите ко мнѣ Машу». Она придетъ, и никого не будетъ въ комнатѣ... Вдругъ войдетъ Василій и, когда увидитъ Машу, скажетъ: «Пропала моя головушка!» и Маша тоже заплачетъ; а я скажу: «Василій, я знаю, что ты любишь ее, и она тебя любитъ, на вотъ тебѣ тысячу рублей, женись на ней и дай Богъ тебѣ счастья», а самъ уйду въ диванную». Между безчисленнымъ количествомъ мыслей и мечтаній, безъ всякаго слѣда проходящихъ въ умѣ и воображеніи, есть такія, которыя оставляютъ въ нихъ глубокую чувствительную борозду, такъ что, часто не помня уже сущности мысли, помнишь, что было что-то хорошее въ головѣ, чувствуешь слѣдъ мысли и стараешься снова воспроизвести ее. Такого рода глубокій слѣдъ оставила въ моей душѣ мысль о пожертвованіи своего чувства въ пользу счастья Маши, которое она могла найти только въ супружествѣ съ Василіемъ.

XIX.

ОТРОЧЕСТВО.

Едва ли мнѣ повѣрятъ, какіе были любимѣйшіе и постояннѣйшіе предметы моихъ размышленій во время моего отрочества,—такъ они были несообразны съ моимъ возрастомъ и положеніемъ. Но, по моему мнѣнію, несообразность между положеніемъ человѣка и его моральною дѣятельностью есть вѣрнѣйшій признакъ истины.

Въ продолженіе года, во время котораго я велъ уединенную, сосредоточенную въ самомъ себѣ, моральную жизнь, всѣ отвлеченные вопросы о назначеніи человѣка, о будущей жизни, о безсмертіи души уже представлялись мнѣ; и дѣтскій слабый умъ мой со всѣмъ жаромъ неопытности старался уяснить тѣ вопросы, предложеніе которыхъ составляетъ высшую ступень, до которой можетъ достигнуть умъ человѣка, но разрѣшеніе которыхъ не дано ему.

Мнѣ кажется, что умъ человѣческій въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ проходитъ въ своемъ развитіи по тому же пути, по которому онъ развивается и въ цѣлыхъ поколѣніяхъ, что мысли, служившія основаніемъ различныхъ философскихъ теорій, составляютъ нераздѣльныя части ума, но что каждый человѣкъ болѣе или менѣе ясно сознавалъ ихъ еще прежде, чѣмъ зналъ о существованіи философскихъ теорій.

Мысли эти представлялись моему уму съ такою ясностью и поразительностью, что я даже старался примѣнять ихъ къ жизни, воображая, что я *первый* открываю такія великія и полезныя истины.

Разъ мнѣ пришла мысль, что счастіе не зависитъ отъ внѣшнихъ причинъ, а отъ нашего отношенія къ нимъ, что человѣкъ, привыкшій переносить страданія, не можетъ быть несчастливъ,— я, чтобы пріучить себя къ труду, я, несмотря на страшную боль, держалъ по пяти минутъ въ вытянутыхъ рукахъ лексиконы Татищева или уходилъ въ чуланъ и веревкой стегалъ себя по голой спинѣ такъ больно, что слезы невольно выступали на глазахъ.

Другой разъ, вспомнивъ вдругъ, что смерть ожидаетъ меня каждый часъ, каждую минуту, я рѣшилъ, не понимая, какъ не поняли того до сихъ поръ люди, что человѣкъ не можетъ быть иначе счастливъ, какъ пользуясь настоящимъ и не помышляя о будущемъ,—и я дня три, подъ вліяніемъ этой мысли, бросилъ уроки и занимался только тѣмъ, что, лежа на постели, наслаждался чтеніемъ какого-нибудь романа и ѣдою пряниковъ съ кроновскимъ медомъ, которые я покупалъ на послѣднія деньги.

То разъ, стоя передъ черною доской и рисуя на ней мѣломъ разныя фигуры, я вдругъ былъ пораженъ мыслью: почему симметрія пріятна для глазъ? что такое симметрія? Это—врожденное чувство, отвѣчалъ я самъ себѣ. На чемъ же оно основано? Развѣ во всемъ, въ жизни симметрія? Напротивъ, вотъ жизнь—и я нарисовалъ на доскѣ овальную фигуру. Послѣ жизни душа переходитъ въ вѣчность; вотъ вѣчность—и я провелъ съ одной стороны овальной фигуры черту до самаго края доски. Отчего же съ другой стороны нѣтъ такой же черты? Да и въ самомъ дѣлѣ, какая же можетъ быть вѣчность съ одной сто-

роны! Мы, вѣрно, существовали прежде этой жизни, хотя и потеряли о томъ воспоминаніе.

Это разсужденіе, казавшееся мнѣ чрезвычайно новымъ и яснымъ и котораго связь я съ трудомъ могу уловить теперь, понравилось мнѣ чрезвычайно, и я, взявъ листъ бумаги, вздумалъ письменно изложить его; но при этомъ въ голову мою набралась вдругъ такая бездна мыслей, что я принужденъ былъ встать и пройтись по комнатѣ. Когда я подошелъ къ окну, вниманіе мое обратила водовозка, которую запрягалъ въ это время кучеръ, и всѣ мысли мои сосредоточились на рѣшеніи вопроса: въ какое животное или человѣка перейдетъ душа этой водовозки, когда она околѣетъ? Въ это время Володя, проходя черезъ комнату, улыбнулся, замѣтивъ, что я размышлялъ о чемъ-то, и этой улыбки мнѣ достаточно было, чтобы понять, что все то, о чемъ я думалъ, была ужаснѣйшая гиль.

Я разсказалъ этотъ почему-то мнѣ памятный случай только затѣмъ, чтобы дать понять читателю — о томъ, въ какомъ родѣ были мои умствованія.

Но ни однимъ изъ всѣхъ философскихъ направленій я не увлекался такъ, какъ скептицизмомъ, который одно время довелъ меня до состоянія, близкаго къ сумасшествію. Я воображалъ, что кромѣ меня никого и ничего не существуетъ во всемъ мірѣ, что предметы не предметы, а образы, являющіеся только тогда, когда я на нихъ обращаю вниманіе, и что, какъ скоро я перестаю думать о нихъ, образы эти тотчасъ же исчезаютъ. Однимъ словомъ, я сошелся съ Шеллингомъ въ убѣжденіи, что существуютъ не предметы, а

мое отношеніе къ нимъ. Были минуты, что я подъ вліяніемъ этой *постоянной идеи* доходилъ до такой степени сумасбродства, что иногда быстро оглядывался въ противоположную сторону, надѣясь врасплохъ застать пустоту (néant) тамъ, гдѣ меня не было.

Жалкая, ничтожная пружина моральной дѣятельности — умъ человѣка!

Слабый умъ мой не могъ проникнуть непроницаемаго, а въ непосильномъ трудѣ терялъ одно за другимъ убѣжденія, которыя для счастія моей жизни я никогда бы не долженъ былъ смѣть затрогивать.

Изъ всего этого тяжелаго моральнаго труда я не вынесъ ничего, кромѣ изворотливости ума, ослабившей во мнѣ силу воли, и привычки къ постоянному моральному анализу, уничтожившей свѣжесть чувства и ясность разсудка.

Отвлеченныя мысли образуются вслѣдствіе способности человѣка уловить сознаніемъ въ извѣстный моментъ состояніе души и перенести его въ воспоминаніе. Склонность моя къ отвлеченнымъ размышленіямъ до такой степени неестественно развила во мнѣ сознаніе, что часто, начиная думать о самой простой вещи, я впадалъ въ безвыходный кругъ анализа своихъ мыслей, я не думалъ уже о вопросѣ, занимавшемъ меня, а думалъ о томъ, о чемъ я думалъ. Спрашивая себя: о чемъ я думаю? я отвѣчалъ: я думаю, о чемъ я думаю. А теперь о чемъ я думаю? Я думаю, что я думаю, о чемъ я думаю, и такъ далѣе. Умъ за разумъ заходилъ...

Однако философскія открытія, которыя я дѣлалъ, чрезвычайно льстили моему самолюбію: я

часто воображалъ себя великимъ человѣкомъ, открывающимъ для блага всего человѣчества новыя истины, и съ гордымъ сознаніемъ своего достоинства смотрѣлъ на остальныхъ смертныхъ; но странно: приходя въ столкновеніе съ этими смертными, я робѣлъ передъ каждымъ, и чѣмъ выше ставилъ себя въ собственномъ мнѣніи, тѣмъ менѣе былъ способенъ съ другими не только выказывать сознаніе собственнаго достоинства, но не могъ даже привыкнуть не стыдиться за каждое свое самое простое слово и движеніе.

XX.

ВОЛОДЯ.

Да, чѣмъ дальше подвигаюсь я въ описаніи этой поры моей жизни, тѣмъ тяжелѣе и труднѣе становится оно для меня. Рѣдко-рѣдко между воспоминаніями за это время нахожу я минуты истиннаго теплаго чувства, такъ ярко и постоянно освѣщавшаго начало моей жизни. Мнѣ невольно хочется пробѣжать скорѣе пустыню отрочества и достигнуть той счастливой поры, когда снова истинно нѣжное, благородное чувство дружбы яркимъ свѣтомъ озарило конецъ этого возраста и положило начало новой, исполненной прелести и поэзіи, порѣ юности.

Не стану часъ за часомъ слѣдить за своими воспоминаніями, но брошу быстрый взглядъ на главнѣйшія изъ нихъ съ того времени, до котораго я довелъ свое повѣствованіе, и до сближенія моего съ необыкновеннымъ человѣкомъ, имѣвшимъ рѣшительное и благотворное вліяніе на мой характеръ и направленіе.

Володя на-дняхъ поступаетъ въ университетъ, учителя уже ходятъ къ нему отдѣльно, и я съ завистью и невольнымъ уваженіемъ слушаю, какъ онъ, бойко постукивая мѣломъ о черную доску, толкуетъ о функціяхъ, синусахъ, координатахъ и т. п., которые кажутся мнѣ выраженіями недосягаемой премудрости. Но вотъ въ одно воскресенье, послѣ обѣда, въ комнатѣ бабушки собираются всѣ учителя, два профессора, и въ присутствіи папа и нѣкоторыхъ гостей дѣлаютъ репетицію университетскаго экзамена, въ которомъ Володя, къ великой радости бабушки, высказываетъ необыкновенныя познанія. Мнѣ тоже дѣлаютъ вопросы изъ нѣкоторыхъ предметовъ, но я оказываюсь весьма плохъ, и профессора видимо стараются передъ бабушкой скрыть мое незнаніе, что еще болѣе конфузитъ меня. Впрочемъ, на меня мало и обращаютъ вниманія: мнѣ только пятнадцать лѣтъ, слѣдовательно, остается еще годъ до экзамена. Володя только къ обѣду сходитъ внизъ, а цѣлые дни и даже вечера проводитъ наверху за занятіями — не по принужденію, а по собственному желанію. Онъ чрезвычайно самолюбивъ и не хочетъ выдержать экзаменъ посредственно, а отлично.

Но вотъ наступилъ день перваго экзамена. Володя надѣваетъ синій фракъ съ бронзовыми пуговицами, золотые часы и лакированные сапоги; къ крыльцу подаютъ фаэтонъ папа; Николай откидываетъ фартукъ, и Володя съ St.-Jérôme'омъ ѣдутъ въ университетъ. Дѣвочки, въ особенности Катенька, съ радостными, восторженными лицами смотрятъ въ окно на стройную фигуру садящагося въ экипажъ Володи, папа говоритъ: «Дай

Богъ, дай Богъ», а бабушка, тоже притащившаяся къ окну, со слезами на глазахъ креститъ Володю до тѣхъ поръ, пока фаэтонъ не скрывается за угломъ переулка, и шепчетъ что-то.

Володя возвращается. Всѣ съ нетерпѣніемъ спрашиваютъ его: «Что? хорошо? сколько?», но уже по веселому лицу его видно, что хорошо. Володя получилъ пять. На другой день съ тѣми же желаніями успѣха и страхомъ провожаютъ его и встрѣчаютъ съ тѣмъ же нетерпѣніемъ и радостью. Такъ проходитъ девять дней. На десятый день предстоитъ послѣдній, самый трудный экзаменъ — закона Божьяго; всѣ стоятъ у окна и еще съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ его. Уже два часа, а Володи нѣтъ.

— Боже мой! Батюшки!!! они!! они!! — кричитъ Любочка, прильнувъ къ стеклу.

И дѣйствительно, въ фаэтонѣ рядомъ съ St.-Jérôme'омъ сидитъ Володя, но ужъ не въ синемъ фракѣ и сѣрой фуражкѣ, а въ студенческомъ мундирѣ съ шитымъ голубымъ воротникомъ, въ треугольной шляпѣ и съ позолоченной шпагой на боку.

— Что, ежели бы ты была жива!—вскрикиваетъ бабушка, увидавъ Володю въ мундирѣ, и падаетъ въ обморокъ.

Володя съ сіяющимъ лицомъ вбѣгаетъ въ переднюю, цѣлуетъ и обнимаетъ меня, Любочку, Мими и Катеньку, которая при этомъ краснѣетъ до самыхъ ушей. Володя не помнитъ себя отъ радости. И какъ онъ хорошъ въ этомъ мундирѣ! Какъ идетъ голубой воротникъ къ его чуть пробивающимся чернымъ усикамъ! Какая у него тон-

кая, длинная талія и благородная походка! Въ этотъ достопамятный день всѣ обѣдаютъ въ комнатѣ бабушки, на всѣхъ лицахъ сіяетъ радость, и за обѣдомъ, во время пирожнаго, дворецкій, съ прилично-величавой и вмѣстѣ веселою физіономіей, приноситъ завернутую въ салфетку бутылку шампанскаго. Бабушка въ первый разъ послѣ кончины maman пьетъ шампанское, выпиваетъ цѣлый бокалъ, поздравляя Володю, и снова плачетъ отъ радости, глядя на него. Володя уже одинъ въ собственномъ экипажѣ выѣзжаетъ со двора, принимаетъ *къ себѣ своихъ* знакомыхъ, куритъ табакъ, ѣздитъ на балы, и даже я самъ видѣлъ, какъ разъ онъ въ своей комнатѣ выпилъ двѣ бутылки шампанскаго съ своими знакомыми и какъ они при каждомъ бокалѣ называли здоровье какихъ-то таинственныхъ особъ и спорили о томъ, кому достанется le fond de la bouteille. Онъ обѣдаетъ однако регулярно дома, и послѣ обѣда попрежнему усаживается въ диванной и о чемъ-то вѣчно таинственно бесѣдуетъ съ Катенькой; но сколько я могу слышать, какъ не принимающій участія въ ихъ разговорахъ, они толкуютъ только о герояхъ и героиняхъ прочитанныхъ романовъ, о ревности, о любви, и я никакъ не могу понять, что они могутъ находить занимательнаго въ такихъ разговорахъ и почему они такъ тонко улыбаются и горячо спорятъ.

Вообще я замѣчаю, что между Катенькой и Володей, кромѣ понятной дружбы между товарищами дѣтства, существуютъ какія-то странныя отношенія, отдаляющія ихъ отъ насъ и таинственно связывающія ихъ между собой.

XXI.

КАТЕНЬКА И ЛЮБОЧКА.

Катенькѣ шестнадцать лѣтъ; она выросла; угловатость формъ, застѣнчивость и неловкость движеній, свойственныя дѣвочкѣ въ переходномъ возрастѣ, уступили мѣсто гармонической свѣжести и граціозности только что распустившагося цвѣтка; но она не перемѣнилась. Тѣ же свѣтло-голубые глаза и улыбающійся взглядъ, тотъ же, составляющій почти одну линію со лбомъ, прямой носикъ съ крѣпкими ноздрями и ротикъ съ свѣтлой улыбкой, тѣ же крошечныя ямочки на розовыхъ прозрачныхъ щечкахъ, тѣ же бѣленькія ручки... и къ ней попрежнему почему-то чрезвычайно идетъ названіе *чистенькой* дѣвочки. Новаго въ ней только густая русая коса, которую она носитъ какъ большія, и молодая грудь, появленіе которой замѣтно радуетъ и стыдитъ ее.

Несмотря на то, что Любочка всегда росла и воспитывалась съ нею вмѣстѣ, она во всѣхъ отношеніяхъ совсѣмъ другая дѣвочка. Любочка невысока ростомъ и вслѣдствіе англійской болѣзни у нея ноги до сихъ поръ все еще гусемъ и прегадкая талія. Хорошаго во всей ея фигурѣ только глаза, и глаза эти дѣйствительно прекрасны — большіе, черные и съ такимъ непреодолимо-пріятнымъ выраженіемъ важности и наивности, что они не могутъ не остановить вниманія. Любочка во всемъ проста и натуральна; Катенька же какъ будто хочетъ быть похожею на кого-то. Любочка смотритъ всегда прямо и иногда, остановивъ на комъ-нибудь свои огромные черные глаза, не спускаетъ ихъ такъ долго, что ее бранятъ за это, говоря,

что это неучтиво; Катенька, напротивъ, опускаетъ рѣсницы, щурится и увѣряетъ, что она близорука, тогда какъ я очень хорошо знаю, что она прекрасно видитъ. Любочка не любитъ ломаться при постороннихъ, и, когда кто-нибудь при гостяхъ начинаетъ цѣловать ее, она дуется и говоритъ, что терпѣть не можетъ *нѣжностей;* Катенька, напротивъ, при гостяхъ дѣлается особенно нѣжна къ Мими и любитъ, обнявшись съ какою-нибудь дѣвочкой, ходить по залѣ. Любочка страшная хохотунья и иногда, въ припадкѣ смѣха, машетъ руками и бѣгаетъ по комнатѣ; Катенька, напротивъ, закрываетъ ротъ платкомъ или руками, когда начинаетъ смѣяться. Любочка всегда сидитъ прямо и ходитъ, опустивъ руки; Катенька держитъ голову нѣсколько на бокъ и ходитъ, сложивъ руки. Любочка всегда ужасно рада, когда ей удается поговорить съ большимъ мужчиной, и говоритъ, что она непремѣнно выйдетъ замужъ за гусара; Катенька же говоритъ, что всѣ мужчины ей гадки, что она никогда не выйдетъ замужъ, и дѣлается совсѣмъ другая, какъ будто она боится чего-то, когда мужчина говоритъ съ ней. Любочка вѣчно негодуетъ на Мими за то, что ее такъ стягиваютъ корсетами, что «дышать нельзя», и любитъ покушать; Катенька, напротивъ, часто, поддѣвая палецъ подъ мысъ своего платья, показываетъ намъ, какъ оно ей широко, и ѣстъ чрезвычайно мало. Любочка любитъ рисовать головки; Катенька же рисуетъ только цвѣты и бабочекъ. Любочка играетъ очень отчетливо фильдовскіе концерты, нѣкоторыя сонаты Бетховена; Катенька играетъ варіаціи и вальсы, задерживаетъ темпъ, стучитъ, безпрестанно беретъ педаль и, прежде чѣмъ на-

чинать играть что-нибудь, съ чувствомъ беретъ три аккорда arpeggio.

Но Катенька, по моему тогдашнему мнѣнію, больше похожа на большую и потому гораздо больше мнѣ нравится.

XXII.

ПАПА.

Папа особенно веселъ съ тѣхъ поръ, какъ Володя поступилъ въ университетъ, и чаще обыкновеннаго приходитъ обѣдать къ бабушкѣ. Впрочемъ, причина его веселья, какъ я узналъ отъ Николая, состоитъ въ томъ, что онъ въ послѣднее время выигралъ чрезвычайно много. Случается даже, что онъ вечеромъ, передъ клубомъ, заходитъ къ намъ, садится за фортепіано, собираетъ насъ вокругъ себя и, притопывая своими мягкими сапогами (онъ терпѣть не можетъ каблуковъ и никогда не носитъ ихъ), поетъ цыганскія пѣсни. И надобно тогда видѣть смѣшной восторгъ его любимицы Любочки, которая съ своей стороны обожаетъ его. Иногда онъ приходитъ въ классы и съ строгимъ лицомъ слушаетъ, какъ я сказываю уроки, но по нѣкоторымъ словамъ, которыми онъ хочетъ поправить меня, я замѣчаю, что онъ плохо знаетъ то, чему меня учатъ. Иногда онъ потихоньку мигаетъ и дѣлаетъ намъ знаки, когда бабушка начинаетъ ворчать и сердиться на всѣхъ безъ причины. «Ну, досталось же *намъ*, дѣти», говоритъ онъ потомъ. Вообще онъ понемногу спускается въ моихъ глазахъ съ той недосягаемой высоты, на которую его ставило дѣтское воображеніе. Я съ тѣмъ же искреннимъ чувствомъ любви и

уваженія цѣлую его большую бѣлую руку, но уже позволяю себѣ думать о немъ, обсуживать его поступки, и мнѣ невольно приходятъ о немъ такія мысли, присутствіе которыхъ пугаетъ меня. Никогда не забуду я случая, внушившаго мнѣ много такихъ мыслей и доставившаго мнѣ много моральныхъ страданій.

Одинъ разъ, поздно вечеромъ, онъ въ черномъ фракѣ и бѣломъ жилетѣ вошелъ въ гостиную съ тѣмъ, чтобы взять съ собой на балъ Володю, который въ это время одѣвался въ своей комнатѣ. Бабушка въ спальнѣ дожидалась, чтобы Володя пришелъ показаться ей (она имѣла привычку передъ каждымъ баломъ призывать его къ себѣ, благословлять, осматривать и давать наставленія). Въ залѣ, освѣщенной только одною лампою, Мими съ Катенькой ходили взадъ и впередъ, а Любочка сидѣла за роялемъ и твердила второй концертъ Фильда, любимую пьесу maman.

Никогда ни въ комъ не встрѣчалъ я такого фамильнаго сходства, какъ между сестрой и матушкой. Сходство это заключалось не въ лицѣ, не въ сложеніи, но въ чемъ-то неуловимомъ: въ рукахъ, въ манерѣ ходить, въ особенности въ голосѣ и въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ. Когда Любочка сердилась и говорила: «цѣлый вѣкъ не пускаютъ», это слово *цѣлый вѣкъ*, которое имѣла тоже привычку говорить maman, она выговаривала такъ, что, казалось, слышишь maman,—какъ-то протяжно: цѣ-ѣ-лый вѣкъ; но необыкновеннѣе всего было это сходство въ игрѣ ея на фортепіано и во всѣхъ пріемахъ при этомъ: она такъ же оправляла платье, такъ же поворачивала листы лѣвою рукой сверху, такъ же съ досады кулакомъ

била по клавишамъ, когда долго не удавался трудный пассажъ, и говорила: «ахъ, Богъ мой!» и та же неуловимая нѣжность и отчетливость игры, той прекрасной фильдовской игры, такъ хорошо названной jeu perlé, прелести которой не могли заставить забыть всѣ фокусъ-покусы новѣйшихъ піанистовъ.

Папа вошелъ въ комнату скорыми маленькими шажками и подошелъ къ Любочкѣ, которая перестала играть, увидѣвъ его.

— Нѣтъ, играй, Люба, играй, — сказалъ онъ, усаживая ее:—ты знаешь, какъ я люблю тебя слушать...

Любочка продолжала играть, а папа долго, облокотившись на руку, сидѣлъ противъ нея; потомъ, быстро подернувъ плечомъ, онъ всталъ и сталъ ходить по комнатѣ. Подходя къ роялю, онъ всякій разъ останавливался и долго пристально смотрѣлъ на Любочку. По движеніямъ и походкѣ его я замѣчалъ, что онъ былъ въ волненіи. Пройдя нѣсколько разъ по залѣ, онъ, остановившись за стуломъ Любочки, поцѣловалъ ее въ черную голову и потомъ, быстро поворотившись, опять продолжалъ свою прогулку. Когда, окончивъ пьесу, Любочка подошла къ нему съ вопросомъ: «хорошо ли?» онъ молча взялъ ее за голову и сталъ цѣловать въ лобъ и глаза съ такою нѣжностью, какъ я никогда не видывалъ отъ него.

— Ахъ, Богъ мой! ты плачешь!—вдругъ сказала Любочка, выпуская изъ рукъ цѣпочку его часовъ и уставляя на его лицо свои большіе удивленные глаза.—Прости меня, голубчикъ папа, я совсѣмъ забыла, что это *мамашина пьеса*.

— Нѣтъ, другъ мой, играй почаще,—сказалъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ: — коли бы ты знала, какъ мнѣ хорошо поплакать съ тобой.

Онъ еще разъ поцѣловалъ ее и, стараясь пересилить внутреннее волненіе, подергивая плечомъ, вышелъ въ дверь, ведущую черезъ коридоръ въ комнату Володи.

— Вольдемаръ! скоро ли ты?—крикнулъ онъ, останавливаясь посреди коридора. Въ это самое время мимо него проходила горничная Маша, которая, увидавъ барина, потупилась и хотѣла обойти его. Онъ остановилъ ее.

— А ты все хорошѣешь,—сказалъ онъ, наклоняясь къ ней.

Маша покраснѣла и еще болѣе опустила голову.

— Позвольте,—прошептала она.

— Вольдемаръ, что-жъ, скоро ли?—повторилъ папа, подергиваясь и покашливая, когда Маша прошла мимо, и онъ увидалъ меня...

Я люблю отца, но умъ человѣка живетъ независимо отъ сердца и часто вмѣщаетъ въ себя мысли, оскорбляющія чувство, непонятныя и жестокія для него. И такія мысли, несмотря на то, что я стараюсь удалить ихъ, приходятъ мнѣ...

XXIII.

БАБУШКА.

Бабушка со дня на день становится слабѣе: ея колокольчикъ, голосъ ворчливой Гаши и хлопанье дверями чаще слышатся въ ея комнатѣ, и она принимаетъ насъ уже не въ кабинетѣ, въ вольтеровскомъ креслѣ, а въ спальнѣ, въ высо-

кой постели съ подушками, обшитыми кружевами. Здороваясь съ нею, я замѣчаю на ея рукѣ блѣдно-желтоватую глянцевую опухоль, а въ комнатѣ тяжелый запахъ, который пять лѣтъ тому назадъ слышалъ въ комнатѣ матушки. Докторъ три раза въ день бываетъ у нея, и было уже нѣсколько консультацій. Но характеръ, гордое и церемонное обращеніе ея со всѣми домашними, а въ особенности съ папа, нисколько не измѣнились; она точно такъ же растягиваетъ слова, поднимаетъ брови и говоритъ: «мой милый».

Но вотъ нѣсколько дней насъ уже не пускаютъ къ ней, и разъ утромъ St.-Jérôme во время классовъ предлагаетъ мнѣ ѣхать кататься съ Любочкой и Катенькой. Несмотря на то, что, садясь въ сани, я замѣчаю, что передъ бабушкиными окнами улица устлана соломой и что какіе-то люди въ синихъ чуйкахъ стоятъ около нашихъ воротъ, я никакъ не могу понять, для чего насъ посылаютъ кататься въ такой неурочный часъ. Въ этотъ день, во все время катанья, мы съ Любочкой находимся почему-то въ томъ особенно веселомъ расположеніи духа, въ которомъ каждый простой случай, каждое слово, каждое движеніе заставляютъ смѣяться.

Разносчикъ, схватившись за лотокъ, рысью перебѣгаетъ черезъ дорогу,—и мы смѣемся. Оборванный Ванька галопомъ, помахивая концами вожжей, догоняетъ наши сани,—и мы хохочемъ. У Филиппа зацѣпился кнутъ за полозъ саней; онъ, оборачиваясь, говоритъ: «эхъ-ма»,—и мы помираемъ со смѣху. Мими съ недовольнымъ видомъ говоритъ, что только *глупые* смѣются безъ причины, — и Любочка, вся красная отъ напряженія

сдержаннаго смѣха, исподлобья смотритъ на меня. Глаза наши встрѣчаются—и мы заливаемся такимъ гомерическимъ хохотомъ, что у насъ на глазахъ слезы и мы не въ состояніи удержать порывовъ смѣха, который душитъ насъ. Только что мы немного успокаиваемся, я взглядываю на Любочку и говорю завѣтное словечко, которое у насъ въ модѣ съ нѣкотораго времени и которое уже всегда производитъ смѣхъ, — и снова мы заливаемся.

Подъѣзжая назадъ къ дому, я только открываю ротъ, чтобы сдѣлать Любочкѣ одну прекрасную гримасу, какъ глаза мои поражаетъ крышка гроба, прислоненная къ половинкѣ двери нашего подъѣзда, и ротъ мой остается въ томъ же искривленномъ положеніи.

— Votre grand'mére est morte!—говоритъ St.-Jérôme съ блѣднымъ лицомъ, выходя намъ навстрѣчу.

Все время, покуда тѣло бабушки стоитъ въ въ домѣ, я испытываю тяжелое чувство страха смерти, то-есть мертвое тѣло живо и непріятно напоминаетъ мнѣ то, что и я долженъ умереть когда-нибудь,—чувство, которое почему-то привыкли смѣшивать съ печалью. Я не жалѣю о бабушкѣ, да едва ли кто-нибудь искренно жалѣетъ о ней. Несмотря на то, что домъ полонъ траурныхъ посѣтителей, никто не жалѣетъ о ея смерти, исключая одного лица, котораго неистовая горесть невыразимо поражаетъ меня. И лицо это — горничная Гаша. Она уходитъ на чердакъ, запирается тамъ, не переставая плачетъ, проклинаетъ самое себя, рветъ на себѣ волосы, не хочетъ слышать никакихъ совѣтовъ и говоритъ, что смерть

для нея остается единственнымъ утѣшеніемъ послѣ потери любимой госпожи.

Опять повторяю, что неправдоподобность въ дѣлѣ чувства есть вѣрнѣйшій признакъ истины.

Бабушки ужъ нѣтъ, но еще въ нашемъ домѣ живутъ воспоминанія и различные толки о ней. Толки эти преимущественно относятся до завѣщанія, которое она сдѣлала передъ кончиной и котораго никто не знаетъ, исключая ея душеприказчика, князя Ивана Ивановича. Между бабушкиными людьми я замѣчаю нѣкоторое волненіе, часто слышу толки о томъ, кто кому достанется, и, признаюсь, невольно и съ радостью думаю о томъ, что мы получаемъ наслѣдство.

Послѣ шести недѣль Николай, всегдашняя газета новостей нашего дома, разсказываетъ мнѣ, что бабушка оставила все имѣніе Любочкѣ, поручивъ до ея замужества опеку не папа, а князю Ивану Ивановичу.

XXIV.

Я.

До поступленія въ университетъ мнѣ остается уже только нѣсколько мѣсяцевъ. Я учусь хорошо. Не только безъ страха ожидаю учителей, но даже чувствую нѣкоторое удовольствіе въ классѣ.

Мнѣ весело — ясно и отчетливо сказать выученный урокъ. Я готовлюсь на математическій факультетъ, и выборъ этотъ, по правдѣ сказать, сдѣланъ мною единственно потому, что слова: синусы, тангенсы, диференціалы, интегралы и т. д., чрезвычайно нравятся мнѣ.

Я гораздо ниже ростомъ Володи, широкоплечъ и мясистъ, попрежнему дуренъ и попрежнему мучусь

этимъ. Я стараюсь казаться оригиналомъ. Одно утѣшаетъ меня — это то, что про меня папа сказалъ какъ-то, что у меня *умная рожа*, и я вполнѣ вѣрю въ это.

St.-Jérôme доволенъ мною, хвалитъ меня, и я не только не ненавижу его, но, когда онъ иногда говоритъ, что *съ моими способностями*, *съ моимъ умомъ* стыдно не сдѣлать того-то и того-то, мнѣ кажется даже, что я люблю его.

Наблюденія мои въ дѣвичьей давно уже прекратились, мнѣ совѣстно прятаться за двери, да притомъ и убѣжденіе въ любви Маши къ Василію, признаюсь, нѣсколько охладило меня. Окончательно же исцѣляетъ меня отъ этой несчастной страсти женитьба Василія, для которой я самъ, по просьбѣ его, испрашиваю у папа позволеніе.

Когда *молодые* съ конфетами на подносѣ подходятъ къ папа благодарить его, и Маша въ чепчикѣ съ голубыми лентами тоже за что-то благодаритъ всѣхъ насъ, цѣлуя каждаго въ плечико, я чувствую только запахъ розовой помады отъ ея волосъ, но ни малѣйшаго волненія.

Вообще я начинаю понемногу исцѣляться отъ моихъ отроческихъ недостатковъ, исключая, впрочемъ, главнаго, которому суждено надѣлать мнѣ еще много вреда въ жизни, — склонности къ умствованію.

XXV.

ПРІЯТЕЛИ ВОЛОДИ.

Хотя въ обществѣ знакомыхъ Володи я игралъ роль, оскорблявшую мое самолюбіе, я любилъ сидѣть въ его комнатѣ, когда у него бывали гости, и молча наблюдать все, что тамъ дѣлалось. Чаще

другихъ приходили къ Володѣ адъютантъ Дубковъ и студентъ князь Нехлюдовъ. Дубковъ былъ маленькій, жилистый брюнетъ, уже не первой молодости и немного коротконожка, но недуренъ собой и всегда веселъ. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ ограниченныхъ людей, которые особенно пріятны именно своею ограниченностью, которые не въ состояніи видѣть предметы съ различныхъ сторонъ и которые вѣчно увлекаются. Сужденія этихъ людей бываютъ односторонни и ошибочны, но всегда чистосердечны и увлекательны. Даже узкій эгоизмъ ихъ кажется почему-то простительнымъ и милымъ. Кромѣ того, для Володи и меня Дубковъ имѣлъ двоякую прелесть — воинственной наружности и, главное, возраста, съ которымъ молодые люди почему-то имѣютъ привычку смѣшивать почятіе порядочности (comme il faut), очень высоко цѣнимой въ эти годы. Впрочемъ, Дубковъ и въ самомъ дѣлѣ былъ тѣмъ, что называютъ «un homme comme il faut». Одно, что было мнѣ непріятно,— это то, что Володя какъ будто стыдился иногда передъ нимъ за мои самые невинные поступки, а всего болѣе за мою молодость.

Нехлюдовъ былъ нехорошъ собой: маленькіе сѣрые глаза, невысокій крутой лобъ, непропорціональная длина рукъ и ногъ не могли быть названы красивыми чертами. Хорошаго было въ немъ только необыкновенно высокій ростъ, нѣжный цвѣтъ лица и прекрасные зубы. Но лицо это получало такой оригинальный и энергичный характеръ отъ узкихъ блестящихъ глазъ и перемѣнчиваго — то строгаго, то дѣтски-неопредѣленнаго — выраженія улыбки, что нельзя было не замѣтить его.

Онъ, казалось, былъ очень стыдливъ, потому что каждая малость заставляла его краснѣть до самыхъ ушей; но застѣнчивость его не походила на мою. Чѣмъ больше онъ краснѣлъ, тѣмъ больше лицо его выражало рѣшимости. Какъ будто онъ сердился на самого себя за свою слабость.

Несмотря на то, что онъ казался очень дружнымъ съ Дубковымъ и Володей, замѣтно было, что только случай соединилъ его съ ними. Направленія ихъ были совершенно различны: Володя и Дубковъ какъ будто боялись всего, что было похоже на серьезныя разсужденія и чувствительность; Нехлюдовъ, напротивъ, былъ энтузіастъ въ высшей степени и часто, несмотря на насмѣшки, пускался въ разсужденія о философскихъ вопросахъ и чувствахъ. Володя и Дубковъ любили говорить о предметахъ своей любви (и бывали влюблены вдругъ въ нѣсколькихъ и оба въ однѣхъ и тѣхъ же); Нехлюдовъ, напротивъ, всегда серьезно сердился, когда ему намекали на его любовь къ какой-то *рыженькой*.

Володя и Дубковъ часто позволяли себѣ любя подтрунивать надъ своими родными; Нехлюдова, напротивъ, можно было вывести изъ себя, съ невыгодной стороны намекнувъ на его тетку, къ которой онъ чувствовалъ какое-то восторженное обожаніе. Володя и Дубковъ послѣ ужина ѣздили куда-то безъ Нехлюдова и называли его *красною дѣвушкой*.

Князь Нехлюдовъ поразилъ меня съ перваго раза какъ своимъ разговоромъ, такъ и наружностью. Но, несмотря на то, что въ его направленіи я находилъ много общаго со своимъ — или, можетъ-быть, именно поэтому, — чувство,

которое онъ внушилъ мнѣ, когда я въ первый разъ увидалъ его, было далеко не пріязненное.

Мнѣ не нравились его быстрый взглядъ, твердый голосъ, гордый видъ, но болѣе всего совершенное равнодушіе, которое онъ мнѣ оказывалъ. Часто во время разговора мнѣ ужасно хотѣлось противорѣчить ему; въ наказаніе за его гордость хотѣлось переспорить его, доказать ему, что я уменъ, несмотря на то, что онъ не хочетъ обращать на меня никакого вниманія. Стыдливость удерживала меня.

XXVI.

РАЗСУЖДЕНІЯ.

Володя лежалъ съ ногами на диванѣ и, облокотившись на руку, читалъ какой-то французскій романъ, когда я, послѣ вечернихъ классовъ, по своему обыкновенію, вошелъ къ нему въ комнату. Онъ на секунду приподнялъ голову, чтобы взглянуть на меня, и снова принялся за чтеніе — движеніе самое простое и естественное, но которое заставило меня покраснѣть. Мнѣ показалось, что во взглядѣ его выражался вопросъ: зачѣмъ я пришелъ сюда? а въ быстромъ наклоненіи головы — желаніе скрыть отъ меня значеніе взгляда. Эта склонность придавать значеніе самому простому движенію составляла во мнѣ характеристическую черту того возраста. Я подошелъ къ столу и тоже взялъ книгу; но, прежде чѣмъ началъ читать ее, мнѣ пришло въ голову, что какъ-то смѣшно, что мы, не видѣвшись цѣлый день, ничего не говоримъ другъ другу.

—Что, ты дома будешь нынче вечеромъ?

— Не знаю, а что?

— Такъ, — сказалъ я и, замѣчая, что разговоръ не клеится, взялъ книгу и началъ читать.

Странно, что съ глазу на глазъ мы по цѣлымъ часамъ проводили молча съ Володей, но достаточно было только присутствія даже молчаливаго третьяго лица, чтобы между нами завязывались самые интересные и разнообразные разговоры. Мы чувствовали, что слишкомъ хорошо знаемъ другъ друга. А слишкомъ много или слишкомъ мало знать другъ друга одинаково мѣшаетъ сближенію.

— Володя дома? — послышался въ передней голосъ Дубкова.

— Дома, — сказалъ Володя, спуская ноги и кладя книгу на столъ.

Дубковъ и Нехлюдовъ въ шинеляхъ и шляпахъ вошли въ комнату.

— Что-жъ, ѣдемъ въ театръ, Володя?

— Нѣтъ, мнѣ некогда, — отвѣчалъ Володя, краснѣя.

— Ну, вотъ еще! поѣдемъ, пожалуйста.

— Да у меня и билета нѣтъ.

— Билетовъ сколько хочешь у входа.

— Погоди, я сейчасъ приду, — уклончиво отвѣчалъ Володя и, подергивая плечомъ, вышелъ изъ комнаты.

Я зналъ, что Володѣ очень хотѣлось ѣхать въ театръ, куда его звалъ Дубковъ, что онъ отказывался потому только, что у него не было денегъ, и что онъ вышелъ за тѣмъ, чтобы у дворецкаго достать взаймы пять рублей до будущаго жалованья.

— Здравствуйте, *дипломатъ!* — сказалъ Дубковъ, подавая мнѣ руку.

Пріятели Володи называли меня *дипломатомъ*, потому что разъ послѣ обѣда у покойницы бабушки она какъ-то при нихъ, разговорившись о нашей будущности, сказала, что Володя будетъ военный, а что меня она надѣется видѣть *дипломатомъ* въ черномъ фракѣ и съ прической à la coq, составлявшею, по ея мнѣнію, необходимое условіе дипломатическаго званія.

— Куда это ушелъ Володя? — спросилъ меня Нехлюдовъ.

— Не знаю, — отвѣчалъ я, краснѣя при мысли, что они вѣрно догадываются, зачѣмъ вышелъ Володя.

— Вѣрно у него денегъ нѣтъ! правда? О, *дипломатъ!* — прибавилъ онъ утвердительно, объясняя мою улыбку. — У меня тоже нѣтъ денегъ, а у тебя есть, Дубковъ?

— Посмотримъ, — сказалъ Дубковъ, доставая кошелекъ и ощупывая въ немъ весьма тщательно нѣсколько мелкихъ монетъ своими коротенькими пальцами. — Вотъ пятацокъ, вотъ двугривенницикъ, а то фффю! — сказалъ онъ, дѣлая комическій жестъ рукой.

Въ это время Володя вошелъ въ комнату.

— Ну, что, ѣдемъ?

— Нѣтъ.

— Какъ ты смѣшонъ! — сказалъ Нехлюдовъ: — отчего ты не скажешь, что у тебя нѣтъ денегъ? Возьми мой билетъ, коли хочешь.

— А ты какъ же?

— Онъ поѣдетъ къ кузинамъ въ ложу, — сказалъ Дубковъ.

— Нѣтъ, я совсѣмъ не поѣду.

— Отчего?

— Оттого, что ты знаешь, я не люблю сидѣть въ ложѣ.

— Отчего?

— Не люблю, мнѣ неловко.

— Опять старое! Не понимаю, отчего тебѣ можетъ быть неловко тамъ, гдѣ всѣ тебѣ очень рады. Это смѣшно, mon cher.

— Что-жъ дѣлать, si je suis timide! Я увѣренъ, ты въ жизни своей никогда не краснѣлъ, а я всякую минуту отъ малѣйшихъ пустяковъ!—сказалъ онъ, краснѣя въ это же время.

— Savez-vous, d'oú vient votre timidité?.. d'un excès d'amour propre, mon cher, — сказалъ Дубковъ покровительственнымъ тономъ.

— Какой тутъ excès d'amour propre! — отвѣчалъ Нехлюдовъ, задѣтый за живое. — Напротивъ, я стыдливъ оттого, что у меня слишкомъ мало amour propre; мнѣ все кажется, напротивъ, что со мной непріятно, скучно... отъ этого...

— Одѣвайся же, Володя! — сказалъ Дубковъ, схватывая его за плечи и снимая съ него сюртукъ. — Игнатъ, одѣваться барину.

— Отъ этого со мной часто бываетъ... — продолжалъ Нехлюдовъ.

Но Дубковъ уже не слушалъ его. «Трала-тара-ра-ла-ла», запѣлъ онъ какой-то мотивъ.

— Ты не отдѣлался, — сказалъ Нехлюдовъ: — я тебѣ докажу, что стыдливость происходитъ совсѣмъ не отъ самолюбія.

— Докажешь, ежели поѣдешь съ нами.

— Я сказалъ, что не поѣду.

— Ну, такъ оставайся тутъ и доказывай *дипломату;* а мы пріѣдемъ, онъ намъ разскажетъ.

— И докажу, — возразилъ Нехлюдовъ съ дѣтскимъ своенравіемъ, — только пріѣзжайте скорѣй... Какъ вы думаете, я самолюбивъ? — сказалъ онъ, подсаживаясь ко мнѣ.

Несмотря на то, что у меня на этотъ счетъ было составленное мнѣніе, я такъ оробѣлъ отъ этого неожиданнаго обращенія, что нескоро могъ отвѣтить ему.

— Я думаю, что да, — сказалъ я, чувствуя, какъ голосъ мой дрожитъ и краска покрываетъ лицо при мысли, что пришло время доказать ему, что я *умный:* — я думаю, что всякій человѣкъ самолюбивъ, и все то, что ни дѣлаетъ человѣкъ, — все изъ самолюбія.

— Такъ что же по-вашему самолюбіе? — сказалъ Нехлюдовъ, улыбаясь нѣсколько презрительно, какъ мнѣ показалось.

— Самолюбіе, сказалъ я, — есть убѣжденіе въ томъ, что я лучше и умнѣе всѣхъ людей.

— Да какъ же могутъ быть всѣ въ этомъ убѣждены?

— Ужъ я не знаю, справедливо или нѣтъ, только никто, кромѣ меня, не признается; я убѣжденъ, что я умнѣе всѣхъ на свѣтѣ, я увѣренъ, что вы тоже увѣрены въ этомъ.

— Нѣтъ, я про себя перваго скажу, что я встрѣчалъ людей, которыхъ признавалъ умнѣе себя,—сказалъ Нехлюдовъ.

— Не можетъ быть, — отвѣчалъ я съ убѣжденіемъ.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ такъ думаете? —сказалъ Нехлюдовъ, пристально вглядываясь въ меня.

— Серьезно,—отвѣчалъ я.

И тутъ мнѣ вдругъ пришла мысль, которую я тотчасъ же высказалъ.

— Я вамъ это докажу. Отчего мы самихъ себя любимъ больше другихъ? Оттого, что мы считаемъ себя лучше другихъ, болѣе достойными любви. Ежели бы мы находили другихъ лучше себя, то мы бы и любили ихъ больше себя, а этого никогда не бываетъ. Ежели и бываетъ, то все-таки я правъ, прибавилъ я съ невольной улыбкой самодовольствія.

Нехлюдовъ помолчалъ съ минуту.

— Вотъ я никакъ не думалъ, чтобы вы были такъ умны!—сказалъ онъ мнѣ съ такою добродушною, милой улыбкой, что вдругъ мнѣ показалось, что я чрезвычайно счастливъ.

Похвала такъ могущественно дѣйствуетъ не только на чувство, но и на умъ человѣка, что подъ ея пріятнымъ вліяніемъ мнѣ показалось, что я сталъ гораздо умнѣе, и мысли одна за другой съ необыкновенною быстротой набирались мнѣ въ голову. Съ самолюбія мы незамѣтно перешли къ любви, и на эту тему разговоръ казался неистощимымъ. Несмотря на то, что наши разсужденія для посторонняго слушателя могли показаться совершенною безсмыслицей: такъ они были неясны и односторонни, для насъ они имѣли высокое значеніе. Души наши такъ хорошо были настроены на одинъ ладъ, что малѣйшее прикосновеніе къ какой-нибудь струнѣ одного находило оттолосокъ въ другомъ. Мы находили удовольствіе именно въ этомъ соотвѣтственномъ звучаніи различныхъ струнъ, которыя мы затрогивали въ разговорѣ. Намъ казалось, что недостаетъ словъ и времени, чтобы выразить другъ другу всѣ тѣ мысли, которыя просились наружу.

XXVII.

НАЧАЛО ДРУЖБЫ.

Съ той поры между мной и Дмитріемъ Нехлюдовымъ установились довольно странныя, но чрезвычайно пріятныя отношенія, При посторонникъ онъ не обращалъ на меня почти никакого вниманія; но какъ только случалось намъ быть однимъ, мы усаживались въ уютный уголокъ и начинали разсуждать, забывая все и не замѣчая, какъ летитъ время.

Мы толковали и о будущей жизни, и объ искусствахъ, и о службѣ и о женитьбѣ, и о воспитаніи дѣтей, и никогда намъ въ голову не приходило, что все то, что мы говорили, былъ ужаснѣйшій вздоръ. Это не приходило намъ въ голову потому, что вздоръ, который мы говорили, былъ умный и милый вздоръ; а въ молодости еще цѣнишь умъ, вѣришь въ него. Въ молодости всѣ силы души направлены на будущее, и будущее это принимаетъ такія разнообразныя, живыя и обворожительныя формы подъ вліяніемъ надежды, основанной не на опытности прошедшаго, а на воображаемой возможности счастія, что однѣ понятыя и раздѣленныя мечты о будущемъ счастіи составляютъ уже истинное счастіе этого возраста. Въ метафизическихъ разсужденіяхъ, которыя бывали однимъ изъ главныхъ предметовъ нашихъ разговоровъ, я любилъ ту минуту, когда мысли быстрѣе и быстрѣе слѣдуютъ одна за другой и, становясь все болѣе и болѣе отвлеченными, доходятъ, наконецъ, до такой степени туманности, что не видишь возможности выразить ихъ и, полагая сказать то, что думаешь, говоришь совсѣмъ другое.

Я любилъ эту минуту, когда, возносясь все выше и выше въ области мысли, вдругъ постигаешь всю необъятность ея и сознаешь невозможность итти далѣе.

Какъ-то разъ, во время масленицы, Нехлюдовъ былъ такъ занятъ разными удовольствіями, что, хотя нѣсколько разъ на день заѣзжалъ къ намъ, но ни разу не поговорилъ со мной, и меня это такъ оскорбило, что снова онъ мнѣ показался гордымъ и непріятнымъ человѣкомъ. Я ждалъ только случая, чтобы показать ему, что нисколько не дорожу его обществомъ и не имѣю къ нему никакой особенной привязанности.

Въ первый разъ, какъ онъ послѣ масленицы снова хотѣлъ разговориться со мной, я сказалъ, что мнѣ нужно готовить уроки, и ушелъ навѐрхъ; но черезъ четверть часа кто-то отворилъ дверь въ классную, и Нехлюдовъ подошелъ ко мнѣ.

— Я вамъ мѣшаю?—сказалъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я, несмотря на то, что хотѣлъ сказать, что у меня дѣйствительно есть дѣло.

— Такъ отчего же вы ушли отъ Володи? Вѣдь мы давно съ вами не разсуждали. А ужъ я такъ привыкъ, что мнѣ какъ будто чего-то недостаетъ.

Досада моя прошла въ одну минуту, и Дмитрій снова сталъ въ моихъ глазахъ тѣмъ же добрымъ и милымъ человѣкомъ.

— Вы, вѣрно, знаете, отчего я ушелъ? — сказалъ я.

— Можетъ-быть, — отвѣчалъ онъ, усаживаясь подлѣ меня, — но ежели я и догадываюсь, то не могу сказать отчего, а вы такъ можете, — сказалъ онъ.

— Я и скажу: я ушелъ потому, что былъ сердитъ на васъ... не сердитъ, а мнѣ досадно было.

Просто: я всегда боюсь, что вы презираете меня за то, что я еще очень молодъ.

— Знаете, отчего мы такъ сошлись съ вами?— —сказалъ онъ, добродушнымъ и умнымъ взглядомъ отвѣчая на мое признаніе, — отчего я васъ люблю больше, чѣмъ людей, съ которыми больше знакомъ и съ которыми у меня больше общаго? Я сейчасъ рѣшилъ это. У васъ есть удивительное, рѣдкое качество—откровенность..

— Да, я всегда говорю именно тѣ вещи, въ которыхъ мнѣ стыдно признаться,—подтвердилъ я,—но только тѣмъ, въ комъ я увѣренъ.

— Да, но чтобы быть увѣреннымъ въ человѣкѣ, надо быть съ нимъ совершенно дружнымъ, а мы съ вами не дружны еще, Nicolas; помните, мы говорили о дружбѣ: чтобы быть истинными друзьями, нужно быть увѣреннымъ другъ въ другѣ.

— Быть увѣреннымъ въ томъ, что ту вещь, которую я скажу вамъ, уже вы никому не скажете,—сказалъ я.—А вѣдь самыя важныя, интересныя мысли именно тѣ, которыя мы ни за что не скажемъ другъ другу.

— И какія гадкія мысли! такія подлыя мысли, что ежели бы мы знали, что должны признаваться въ нихъ, онѣ никогда не смѣли бы заходить къ намъ въ голову... Знаете, какая пришла мнѣ мысль, Nicolas?—прибавилъ онъ, вставая со стула и съ улыбкой потирая руки. — *Сдѣлаемте* это, и вы увидите, какъ это будетъ полезно для насъ обоихъ; дадимъ себѣ слово признаваться во всемъ другъ другу. Мы будемъ знать другъ друга, и намъ не будетъ совѣстно; а для того, чтобы не бояться постороннихъ, дадимъ себѣ слово *ни-*

когда ни съ кѣмъ и ничего не говорить другъ о другѣ. Сдѣлаемъ это.

И мы дѣйствительно *сдѣлали это*. Что вышло изъ этого, я разскажу послѣ.

Карръ сказалъ, что во всякой привязанности есть двѣ стороны: одна любитъ, другая позволяетъ любить себя; одна цѣлуетъ, другая подставляетъ щеку. Это совершенно справедливо; и въ нашей дружбѣ я цѣловалъ, а Дмитрій подставлялъ щеку; но и онъ готовъ былъ цѣловать меня. Мы любили равно, потому что взаимно знали и цѣнили другъ друга; но это не мѣшало ему оказывать вліяніе на меня, а мнѣ подчиняться ему.

Само собой разумѣется, что подъ вліяніемъ Нехлюдова я невольно усвоилъ и его направленіе, сущность котораго составляли восторженное обожаніе идеала добродѣтели, и убѣжденіе въ назначеніи человѣка постоянно совершенствоваться. Тогда исправить все человѣчество, уничтожить всѣ пороки и несчастія людскія казалось удобоисполнимою вещью; очень легко и просто казалось исправить самого себя, усвоить всѣ добродѣтели и быть счастливымъ...

А впрочемъ, Богъ одинъ знаетъ, точно ли смѣшны были эти благородныя мечты юности, и кто виноватъ въ томъ, что онѣ не осуществились...

ЮНОСТЬ.

Повѣсть.

I.

ЧТО Я СЧИТАЮ НАЧАЛОМЪ ЮНОСТИ.

Я сказалъ, что дружба моя съ Дмитріемъ открыла мнѣ новый взглядъ на жизнь, ея цѣль и отношенія. Сущность этого взгляда состояла въ убѣжденіи, что назначеніе человѣка есть стремленіе къ нравственному усовершествованію и что усовершенствованіе это легко, возможно и вѣчно. Но до сихъ поръ я наслаждался только открытіемъ новыхъ мыслей, вытекающихъ изъ этого убѣжденія, и составленіемъ блестящихъ плановъ нравственной, дѣятельной будущности; но жизнь моя шла все тѣмъ же мелочнымъ, запутаннымъ и празднымъ порядкомъ.

Тѣ добродѣтельныя мысли, которыя мы въ бесѣдахъ перебирали съ обожаемымъ другомъ моимъ Дмитріемъ, *чудеснымъ Митей*, какъ я самъ съ собою шопотомъ иногда называлъ его, еще нравились только моему уму, а не чувству. Но пришло время, когда эти мысли съ такою свѣжею силой моральнаго открытія пришли мнѣ въ голову, что я испугался, подумавъ о томъ, сколько времени я потерялъ даромъ, и тотчасъ же, ту

же секунду захотѣлъ прилагать эти мысли къ жизни, съ твердымъ намѣреніемъ никогда уже не измѣнять имъ.

И съ этого времени я считаю начало *юности*.

Мнѣ былъ въ то время шестнадцатый годъ въ исходѣ. Учителя продолжали ходить ко мнѣ, St.-Jérôme присматривалъ за моимъ ученіемъ, и я поневолѣ и неохотно готовился къ университету. Внѣ ученія занятія мои состояли: въ уединенныхъ, безсвязныхъ мечтахъ и размышленіяхъ, въ дѣланіи гимнастики, съ тѣмъ, чтобы сдѣлаться первымъ силачомъ въ мірѣ, въ шляніи безъ всякой опредѣленной цѣли и мысли по всѣмъ комнатамъ и особенно по коридору дѣвичьей и въ разглядываніи себя въ зеркало, отъ котораго, впрочемъ, я всегда отходилъ съ тяжелымъ чувствомъ унынія и даже отвращенія. Наружность моя, я убѣждался, не только была некрасива, но я не могъ даже утѣшать себя обыкновенными утѣшеніями въ подобныхъ случаяхъ. Я не могъ сказать, что у меня выразительное, умное или благородное лицо... Выразительнаго ничего не было,—самыя обыкновенныя, грубыя и дурныя черты; глаза маленькіе, сѣрые, особенно въ то время, когда я смотрѣлся въ зеркало, были скорѣе глупые, чѣмъ умные. Мужественнаго было еще меньше; несмотря на то, что я былъ не малъ ростомъ и очень силенъ по лѣтамъ, всѣ черты лица были мягкія, вялыя, неопредѣленныя. Даже и благороднаго ничего не было; напротивъ, лицо мое было такое, какъ у простого мужика, и такія же большія ноги и руки; а это въ то время мнѣ казалось очень стыдно.

II.

ВЕСНА.

Въ тотъ годъ, какъ я вступилъ въ университетъ, Святая была какъ-то поздно въ апрѣлѣ, такъ что экзамены были назначены на Ѳоминой, а на Страстной я долженъ былъ и говѣть, и уже окончательно приготовляться.

Погода послѣ мокраго снѣга, который бывало Карлъ Ивановичъ называлъ *сынъ за отцомъ пришелъ*, уже три дня стояла тихая, теплая и ясная. На улицахъ не видно было клочка снѣга, грязное тѣсто замѣнилось мокрою блестящею мостовой и быстрыми ручьями. Съ крышъ уже на солнцѣ стаивали послѣднія капли, въ палисадникѣ на деревьяхъ надувались почки, на дворѣ была сухая дорожка къ конюшнѣ, мимо замерзлой кучи навоза, и около крыльца между камнями зеленѣлась мшистая травка. Былъ тотъ особенный періодъ весны, который сильнѣе всего дѣйствуетъ на душу человѣка: яркое, на всемъ блестящее, но не жаркое солнце, ручьи и проталинки, пахучая свѣжесть въ воздухѣ и нѣжно голубое небо съ длинными прозрачными тучками. Не знаю почему, но мнѣ кажется, что въ большомъ городѣ еще ощутительнѣе и сильнѣе на душу вліяніе этого перваго періода рожденія весны, — меньше видишь, но больше перечувствуешь. Я стоялъ около окна, въ которое утреннее солнце сквозь двойныя рамы бросало пыльные лучи на полъ моей невыносимо надоѣвшей мнѣ классной комнаты, и рѣшалъ на черной доскѣ какое-то длинное алгебраическое уравненіе. Въ одной рукѣ я держалъ изорванную

мягкую «алгебру» Франкера, въ другой — маленькій кусокъ мѣла, которымъ испачкалъ уже обѣ руки, лицо и локти полуфрачка. Николай въ фартукѣ, съ засученными рукавами отбивалъ клещами замазку и отгибалъ гвозди окна, которое отворялось въ палисадникъ. Его занятіе и стукъ, который онъ производилъ, развлекали мое вниманіе. Притомъ я былъ въ весьма дурномъ, недовольномъ расположеніи духа. Все какъ-то мнѣ не удавалось: я сдѣлалъ ошибку въ началѣ вычисленія, такъ что надо было все начинать съ начала, мѣлъ я два раза уронилъ, чувствовалъ, что лицо и руки мои испачканы, губка гдѣ-то пропала, стукъ, который производилъ Николай, какъ-то больно потрясалъ мои нервы. Мнѣ хотѣлось разсердиться и поворчать, я бросилъ мѣлъ, алгебру и сталъ ходить по комнатѣ. Но мнѣ вспомнилось, что нынче мы должны исповѣдываться и что надо удерживаться отъ всего дурного; и вдругъ я пришелъ въ какое-то особенное, кроткое состояніе духа и подошелъ къ Николаю.

— Позволь, я тебѣ помогу, Николай, — сказалъ я, стараясь дать своему голосу самое кроткое выраженіе; мысль, что я поступаю хорошо, подавивъ свою досаду и помогая ему, еще болѣе усилила во мнѣ это кроткое настроеніе духа.

Замазка была отбита, гвозди отогнуты; но, несмотря на то, что Николай изъ всѣхъ силъ дергалъ за перекладины, рама не подавалась.

«Если рама выйдетъ теперь сразу, когда я потяну съ нимъ, — подумалъ я, — значитъ грѣхъ и не надо нынче больше заниматься». Рама подалась на бокъ и вышла.

— Куда отнести ее? — сказалъ я.

— Позвольте, я самъ управлюсь, — отвѣчалъ Николай, видимо удивленный и, кажется, недовольный моимъ усердіемъ: — надо не спутать, а то тамъ, въ чуланѣ, онѣ у меня по номерамъ.

— Я замѣчу ее, — сказалъ я, поднимая раму.

Мнѣ кажется, что если бы чуланъ былъ версты за двѣ и рама вѣсила вдвое больше, я былъ бы очень доволенъ. Мнѣ хотѣлось измучиться, оказывая эту услугу Николаю. Когда я вернулся въ комнату, кирпичики и соляныя пирамидки были уже переложены на подоконникъ и Николай крылышкомъ сметалъ песокъ и сонныхъ мухъ въ растворенное окно. Свѣжій пахучій воздухъ уже проникъ въ комнату и наполнялъ ее. Изъ окна слышался городской шумъ и чиликанье воробьевъ въ палисадникѣ.

Всѣ предметы были освѣщены ярко, комната повеселѣла, легкій весенній вѣтерокъ шевелилъ листы моей алгебры и волоса на головѣ Николая. Я подошелъ къ окну, сѣлъ на него, перегнулся въ палисадникъ и задумался.

Какое-то новое для меня, чрезвычайно сильное и непріятное чувство вдругъ проникло мнѣ въ душу. Мокрая земля, по которой кое-гдѣ выбивали ярко-зеленыя иглы травы съ желтыми стебельками, блестящіе на солнцѣ ручьи, по которымъ вились кусочки земли и щепки, закраснѣвшіеся прутья сирени съ вспухлыми почками, качавшимися подъ самымъ окошкомъ, хлопотливое чиликанье птичекъ, копошившихся въ этомъ кустѣ, мокрый отъ таявшаго на немъ снѣга черноватый заборъ, а главное — этотъ пахучій сырой воздухъ

и радостное солнце — говорили мнѣ внятно, ясно о чемъ-то новомъ и прекрасномъ, которое, хотя я не могу передать такъ, какъ оно сказывалось мнѣ, я постараюсь передать такъ, какъ я воспринималъ его, — все мнѣ говорило про красоту, счастіе и добродѣтель, говорило, что какъ то, такъ и другое легко и возможно для меня, что одно не можетъ быть безъ другого, и даже что красота, счастіе и добродѣтель — одно и то же. «Какъ могъ я не понимать этого, какъ дуренъ я былъ прежде, какъ я могъ бы и могу быть хорошъ и счастливъ въ будущемъ! — говорилъ я самъ себѣ. — Надо скорѣй, скорѣй, сію же минуту сдѣлаться другимъ человѣкомъ и начать жить иначе». Несмотря на это, я однако долго еще сидѣлъ на окнѣ, мечтая и ничего не дѣлая. Случалось ли вамъ лѣтомъ лечь спать днемъ въ пасмурную дождливую погоду и, проснувшись на закатѣ солнца, открыть глаза и въ расширяющемся четырехугольникѣ окна изъ-подъ полотняной сторы, которая, надувшись, бьется прутомъ о подоконникъ, увидать мокрую отъ дождя, тѣнистую лиловатую сторону липовой аллеи и сырую садовую дорожку, освѣщенную яркими косыми лучами, услыхать вдругъ веселую жизнь птицъ въ саду и увидать насѣкомыхъ, которыя вьются въ отверстіе окна, просвѣчивая на солнцѣ, почувствовать запахъ послѣдождевого воздуха и подумать: «какъ мнѣ не стыдно было проспать такой вечеръ», и торопливо вскочить, чтобы итти въ садъ порадоваться жизнью? Если случалось, то вотъ образчикъ того сильнаго чувства, которое я испытывалъ въ это время.

III.

МЕЧТЫ.

«Нынче я исповѣдываюсь, очищаюсь отъ всѣхъ грѣховъ, — думалъ я, — и больше ужъ никогда не буду...» (Тутъ я припомнилъ всѣ грѣхи, которые больше всего мучили меня). «Буду каждое воскресенье ходить непремѣнно въ церковь и еще послѣ цѣлый часъ читать Евангеліе, потомъ изъ *бѣленькой*, которую я буду получать каждый мѣсяцъ, когда поступлю въ университетъ, непремѣнно два съ полтиной (одну десятую) я буду отдавать бѣднымъ, такъ, чтобы никто не зналъ, и не нищимъ, а стану отыскивать такихъ бѣдныхъ сироту или старушку, про которыхъ никто не знаетъ.

«У меня будетъ особенная комната (вѣрно St.-Jérôme'ова) и я буду самъ убирать ее и держать въ удивительной чистотѣ; человѣка же ничего для себя не буду заставлять дѣлать: вѣдь онъ такой же, какъ и я. Потомъ буду ходить каждый день въ университетъ пѣшкомъ (а ежели мнѣ дадутъ дрожки, то продамъ ихъ и деньги эти отложу тоже на бѣдныхъ) и въ точности буду исполнять все (что было это «все», я никакъ бы не могъ сказать тогда, но я живо понималъ и чувствовалъ это «все» разумной, нравственной, безупречной жизни). Буду составлять лекціи и даже впередъ проходить предметы, такъ что на первомъ курсѣ буду первымъ и напишу диссертацію; на второмъ курсѣ уже впередъ буду знать все, и меня могутъ перевести прямо въ третій курсъ, такъ что я восемнадцати лѣтъ кончу курсъ первымъ кандидатомъ съ двумя золотыми медалями, потомъ выдержу на магистра, на доктора и сдѣлаюсь пер-

вымъ ученымъ въ Россіи... даже въ Европѣ я могу быть первымъ ученымъ... Ну, а потомъ?..» спрашивалъ я самъ себя. Но тутъ я припомнилъ, что эти мечты — гордость, грѣхъ, про который нынче же вечеромъ надо будетъ сказать духовнику, и возвратился къ началу разсужденій. «Для приготовленія къ лекціямъ я буду ходить пѣшкомъ на Воробьевы горы; выберу себѣ тамъ мѣстечко подъ деревомъ и буду читать лекціи; иногда возьму съ собой что-нибудь закусить: сыру или пирожковъ отъ Педотти, или что-нибудь. Отдохну и потомъ стану читать какую-нибудь хорошую книгу или буду рисовать виды, или играть на какомъ-нибудь инструментѣ (непремѣнно выучусь играть на флейтѣ). Потомъ *она* тоже будетъ ходить гулять на Воробьевы горы и когда-нибудь подойдетъ ко мнѣ и спроситъ: кто я такой? Я посмотрю на нее этакъ печально и скажу, что я сынъ священника одного и что я счастливъ только здѣсь, когда одинъ, совершенно одинъ-одинешенекъ. Она подастъ мнѣ руку, скажетъ что-нибудь и сядетъ подлѣ меня. Такъ каждый день мы будемъ приходить сюда, будемъ друзьями, и я буду цѣловать ее... Нѣтъ, это нехорошо. Напротивъ, съ нынѣшняго дня я уже больше не буду смотрѣть на женщинъ. Никогда, никогда не буду ходить въ дѣвичью, даже буду стараться не проходить мимо, а черезъ три года выйду изъ подъ опеки и женюсь непремѣнно. Буду дѣлать нарочно движенія какъ можно больше, гимнастику каждый день, такъ что, когда мнѣ будетъ двадцать пять лѣтъ, я буду сильнѣе Раппо. Первый день буду держать полпуда «вытянутою рукой» пять минутъ, на другой день — двадцать одинъ фунтъ, на третій день —

двадцать два фунта и такъ далѣе, такъ что, наконецъ, по четыре пуда въ каждой рукѣ, и такъ, что буду сильнѣе всѣхъ въ дворнѣ; и когда вдругъ кто-нибудь вздумаетъ оскорбить меня или станетъ отзываться непочтительно о *ней*, я возьму его такъ, просто, за грудь, подниму аршина на два отъ земли одною рукой и только подержу, чтобы почувствовалъ мою силу, и оставлю; но, впрочемъ, и это нехорошо, — нѣтъ ничего, вѣдь я ему зла не сдѣлаю, а только докажу, что я...»

Да не упрекнутъ меня въ томъ, что мечты моей юности такія же ребяческія, какъ мечты дѣтства и отрочества. Я убѣжденъ въ томъ, что, ежели мнѣ суждено прожить до глубокой старости и разсказъ мой догонитъ мой возрастъ, я старикомъ семидесяти лѣтъ буду точно такъ же невозможно-ребячески мечтать, какъ и теперь. Буду мечтать о какой-нибудь прелестной Маріи, которая полюбитъ меня, беззубаго старика, какъ она полюбила Мазепу, о томъ, какъ мой слабоумный сынъ вдругъ сдѣлается министромъ по какому-нибудь необыкновенному случаю, или о томъ, какъ вдругъ у меня будетъ пропасть милліоновъ денегъ. Я убѣжденъ, что нѣтъ человѣческаго существа и возраста, лишеннаго этой благодѣтельной утѣшительной способности мечтанія. Но, исключая общей черты невозможности, волшебности мечтаній, мечтанія каждаго человѣка и каждаго возраста имѣютъ свой отличительный характеръ. Въ тотъ періодъ времени, который я считаю предѣломъ отрочества и началомъ юности, основой моихъ мечтаній были четыре чувства: любовь къ ней, къ воображаемой женщинѣ, о которой я мечталъ всегда въ одномъ и томъ же смыслѣ и которую всякую минуту ожи-

далъ гдѣ-нибудь встрѣтить. Это *она* была немножко Сонечка, немножко Маша, жена Василія, въ то время какъ она моетъ бѣлье въ корытѣ, и немножко женщина съ жемчугами на бѣлой шеѣ, которую я видѣлъ очень давно въ театрѣ, въ ложѣ подлѣ насъ. Второе чувство было любовь любви. Мнѣ хотѣлось, чтобы всѣ меня знали и любили. Мнѣ хотѣлось сказать свое имя: Николай Иртеньевъ, и чтобы всѣ были поражены этимъ извѣстіемъ, обступили меня и благодарили бы за что-нибудь. Третье чувство было надежда на необыкновенное, тщеславное счастіе, — такая сильная и твердая, что она переходила въ сумасшествіе. Я такъ былъ увѣренъ, что очень скоро вслѣдствіе какого-нибудь необыкновеннаго случая вдругъ сдѣлаюсь самымъ богатымъ и самымъ знатнымъ человѣкомъ въ мірѣ, что безпрестанно находился въ тревожномъ ожиданіи чего-то волшебно-счастливаго. Я все ждалъ, что вотъ *начнется*, и я достигну всего, чего можетъ желать человѣкъ, и всегда повсюду торопился, полагая, что уже *начинается* тамъ, гдѣ меня нѣтъ. Четвертое и главное чувство было отвращеніе къ самому себѣ и раскаяніе, но раскаяніе до такой степени слитое съ надеждой на счастіе, что оно не имѣло въ себѣ ничего печальнаго. Мнѣ казалось такъ легко и естественно оторваться отъ всего прошедшаго, передѣлать, забыть все, что было, и начать свою жизнь со всѣми ея отношеніями совершенно снова, что прошедшее не тяготило, не связывало меня. Я даже наслаждался въ отвращеніи къ прошедшему и старался видѣть его мрачнѣе, чѣмъ оно было. Чѣмъ чернѣе былъ кругъ воспоминаній прошедшаго, тѣмъ чище и свѣтлѣе выдавалась

изъ него свѣтлая, чистая точка настоящаго и разливались радужные цвѣта будущаго. Этотъ-то голосъ раскаянія и страстнаго желанія совершенства и былъ главнымъ новымъ душевнымъ ощущеніемъ въ ту эпоху моего развитія, и онъ-то положилъ новыя начала моему взгляду на себя, на людей и на міръ Божій. Благой, отрадный голосъ, столько разъ съ тѣхъ поръ, въ тѣ грустныя времена, когда душа молча покорялась власти жизненной лжи и разврата, вдругъ смѣло возставшій противъ всякой неправды, злостно обличавшій прошедшее, указывавшій, заставляя любить ее, ясную точку настоящаго и обѣщавшій добро и счастіе въ будущемъ, — благой, отрадный голосъ! Неужели ты перестанешь звучать когда-нибудь?

IV.

НАШЪ СЕМЕЙНЫЙ КРУЖОКЪ.

Папа эту весну рѣдко бывалъ дома. Но зато, когда это случалось, онъ бывалъ чрезвычайно веселъ, бренчалъ на фортепіано свои любимыя штучки, дѣлалъ сладенькіе глазки и выдумывалъ про всѣхъ насъ и Мими шуточки, въ родѣ того, что грузинскій царевичъ видѣлъ Мими на катаньи и такъ влюбился, что подалъ прошеніе въ синодъ о разводной, что меня назначаютъ помощникомъ къ вѣнскому посланнику, и съ серьезнымъ лицомъ сообщалъ намъ эти новости; пугалъ Катеньку пауками, которыхъ она боялась; былъ очень ласковъ съ нашими пріятелями Дубковымъ и Нехлюдовымъ и безпрестанно разсказывалъ намъ и гостямъ свои планы на будущій годъ. Несмотря на то, что планы эти почти каждый день

измѣнялись и противорѣчили одинъ другому, они были такъ увлекательны, что мы ими заслушивались, и Любочка, не смигивая, смотрѣла прямо на ротъ папа, чтобы не проронить ни одного слова. То планъ состоялъ въ томъ, чтобы насъ оставить въ Москвѣ въ университетѣ, а самому съ Любочкой ѣхать года на два въ Италію, то въ томъ, чтобы купить имѣніе въ Крыму, на южномъ берегу, и ѣздить туда каждое лѣто, то въ томъ, чтобы переѣхать въ Петербургъ со всѣмъ семействомъ, и т. п. Но, кромѣ особеннаго веселья, въ папа послѣднее время произошла еще перемѣна, очень удивлявшая меня. Онъ сшилъ себѣ модное платье—оливковый фракъ, модныя панталоны со штрипками и длинную бекешу, которая очень шла къ нему, и часто отъ него прекрасно пахло духами, когда онъ ѣздилъ въ гости, и особенно къ одной дамѣ, про которую Мими не говорила иначе, какъ со вздохомъ и съ такимъ лицомъ, на которомъ такъ и читаешь слова: «бѣдные сироты! Несчастная страсть! Хорошо, что *ея* ужъ нѣтъ» и т. п. Я узналъ отъ Николая, потому что папа ничего не разсказывалъ намъ про свои игорныя дѣла, что онъ игралъ особенно счастливо эту зиму, выигралъ что-то ужасно много, положилъ деньги въ ломбардъ и весной не хотѣлъ больше играть. Вѣрно отъ этого, боясь не удержаться, ему такъ хотѣлось поскорѣе уѣхать въ деревню. Онъ даже рѣшилъ, не дожидаясь моего поступленія въ университетъ, тотчасъ послѣ Пасхи ѣхать съ дѣвочками въ Петровское, куда мы съ Володей должны были пріѣхать послѣ.

Володя всю эту зиму и до самой весны былъ неразлученъ съ Дубковымъ (съ Дмитріемъ же

они начинали холодно расходиться). Главныя ихъ удовольствія, сколько я могъ заключить по разговорамъ, которые слышалъ, постоянно заключались въ томъ, что они безпрестанно пили шампанское, ѣздили въ саняхъ подъ окна барышни, въ которую, какъ кажется, влюблены были вмѣстѣ, и танцовали визави уже не на дѣтскихъ, а на настоящихъ балахъ. Это послѣднее обстоятельство, несмотря на то, что мы съ Володей любили другъ друга, очень много разъединило насъ. Мы чувствовали слишкомъ большую разницу между мальчикомъ, къ которому ходятъ учителя, и человѣкомъ, который танцуетъ на большихъ балахъ, чтобы рѣшиться сообщать другъ другу свои мысли. Катенька была уже совсѣмъ большая, читала очень много романовъ, и мысль, что она скоро можетъ выйти замужъ, уже не казалась мнѣ шуткой; но, несмотря на то, что и Володя былъ большой, они не сходились и даже, кажется, взаимно презирали другъ друга. Вообще, когда Катенька бывала одна дома, ничто, кромѣ романовъ, ея не занимало и она большею частью скучала; когда же бывали посторонніе мужчины, то она становилась очень жива и любезна и дѣлала глазами то, что уже я понять никакъ не могъ, что она этимъ хотѣла выразить. Потомъ только, услыхавъ въ разговорѣ отъ нея, что одно позволительное для дѣвицы кокетство—это кокетство глазъ, я могъ объяснить себѣ эти странныя неестественныя гримасы глазами, которыя другихъ, кажется, вовсе не удивляли. Любочка тоже уже начинала носить почти длинное платье, такъ что ея гусиныя ноги были почти не видны, но она была такая же плакса, какъ и прежде. Теперь

она мечтала уже выйти замужъ не за гусара, а за пѣвца или музыканта и съ этой цѣлью усердно занималась музыкой. St.-Jérôme, который, зная, что остается у насъ въ домѣ только до окончанія моихъ экзаменовъ, пріискалъ себѣ мѣсто у какого-то графа, съ тѣхъ поръ какъ-то презрительно смотрѣлъ на нашихъ домашнихъ. Онъ рѣдко бывалъ дома, сталъ курить папиросы, которыя были тогда большимъ щегольствомъ, и безпрестанно свисталъ черезъ карточку какіе-то веселенькіе мотивы. Мими становилась съ каждымъ днемъ все огорченнѣе и огорченнѣе и, казалось, съ тѣхъ поръ, какъ мы всѣ начинали выростать большими, ни отъ кого и ни отъ чего не ожидала ничего хорошаго.

Когда я пришелъ обѣдать, я засталъ въ столовой только Мими, Катеньку, Любочку и St.-Jérôme'а; папа не былъ дома, а Володя готовился къ экзамену съ товарищами въ своей комнатѣ и потребовалъ обѣдъ къ себѣ. Вообще это последнее время большею частью первое мѣсто за столомъ занимала Мими, которую мы никто не уважали, и обѣдъ много потерялъ своей прелести. Обѣдъ уже не былъ, какъ при maman или бабушкѣ, какимъ-то обрядомъ, соединяющимъ въ извѣстный часъ все семейство и раздѣляющимъ день на двѣ половины. Мы позволяли себѣ опаздывать, приходить ко второму блюду, пить вино въ стаканахъ (чему подавалъ примѣръ самъ St.-Jérôme), разваливаться на стулѣ, вставать не дообѣдавъ и тому подобныя вольности. Съ тѣхъ поръ обѣдъ пересталъ быть, какъ прежде, ежедневнымъ семейнымъ радостнымъ торжествомъ. То ли дѣло бывало въ Петровскомъ, когда въ два часа всѣ, умытые, одѣтые къ обѣду, сидятъ въ

гостиной и, весело разговаривая, ждутъ условленнаго часа. Именно въ то самое время, какъ хрипятъ часы въ офиціантской, чтобы бить два, съ салфеткой въ рукѣ, съ достойнымъ и нѣсколько строгимъ лицомъ, тихими шагами входитъ Фока. «Кушанье готово!» провозглашаетъ онъ громкимъ, протяжнымъ голосомъ, и всѣ съ веселыми, довольными лицами, старшіе впереди, младшіе сзади, шумя крахмаленными юбками и поскрипывая сапогами и башмаками, идутъ въ столовую и, негромко переговариваясь, разсаживаются на извѣстныя мѣста. Или, то ли дѣло бывало въ Москвѣ, когда всѣ, тихо переговариваясь, стоятъ передъ накрытымъ столомъ въ залѣ, дожидаясь бабушки, которой Гаврило уже прошелъ доложить, что кушанье поставлено; вдругъ отворяется дверь, слышенъ шорохъ платья, шарканье ногъ, и бабушка въ чепцѣ, съ какимъ-нибудь необыкновеннымъ лиловымъ бантомъ, бочкомъ, улыбаясь или мрачно косясь (смотря по состоянію здоровья), выплываетъ изъ своей комнаты. Гаврило бросается къ ея креслу, стулья шумятъ, и, чувствуя, какъ по спинѣ пробѣгаетъ какой-то холодъ—предвѣстникъ аппетита, берешься за сыроватую крахмаленную салфетку, съѣдаешь корочку хлѣба и съ нетерпѣливою и радостною жадностью, потирая подъ столомъ руки, поглядываешь на дымящіяся тарелки супа, которыя по чинамъ, годамъ и вниманію бабушки разливаетъ дворецкій.

Теперь я уже не испытывалъ никакой ни радости, ни волненія, приходя къ обѣду.

Болтовня Мими, St.-Jérôme'а и дѣвочекъ о томъ, какіе ужасные сапоги носитъ русскій учитель, какія у княженъ Корнаковыхъ платья съ

воланами и т. п.,—болтовня ихъ, прежде внушавшая мнѣ искреннее презрѣніе, которое я, особенно въ отношеніи Любочки и Катеньки, не старался скрывать, не вывела меня изъ моего новаго добродѣтельнаго расположенія духа. Я былъ необыкновенно кротокъ; улыбаясь, слушалъ ихъ особенно ласково, почтительно просилъ передать мнѣ квасу и согласился съ St.-Jérôme'омъ, поправившимъ меня въ фразѣ, которую я сказалъ за обѣдомъ, говоря, что красивѣе говорить je puis, чѣмъ je peux. Долженъ однако сознаться, что мнѣ было нѣсколько непріятно то, что никто не обратилъ особеннаго вниманія на мою кротость и добродѣтель. Любочка показала мнѣ послѣ обѣда бумажку, на которой она записала всѣ свои грѣхи; я нашелъ, что очень хорошо, но что еще лучше въ душѣ своей записать всѣ грѣхи и что «все это не то».

— Отчего же не то?—спросила Любочка.

— Ну, да и это хорошо; ты меня не поймешь.— И я пошелъ къ себѣ наверхъ, сказавъ St.-Jérôme'у, что иду заниматься, но собственно съ тѣмъ, чтобы до исповѣди, до которой оставалось часа полтора, написать себѣ на всю жизнь расписаніе своихъ обязанностей и занятій, изложить на бумагѣ цѣль своей жизни и правила, по которымъ всегда уже, не отступая, дѣйствовать.

V.

ПРАВИЛА.

Я досталъ листъ бумаги и прежде всего хотѣлъ приняться за расписаніе обязанностей и занятій на слѣдующій годъ. Надо было разлиневать бу-

магу. Но такъ какъ линейки у меня не нашлось, я употребилъ для этого латинскій лексиконъ. Кромѣ того, что, проведя перомъ вдоль лексикона и потомъ отодвинувъ его, оказалось, что вмѣсто черты я сдѣлалъ по бумагѣ продолговатую лужу чернилъ, — лексиконъ не хваталъ на всю бумагу и черта загнулась по его мягкому углу. Я взялъ другую бумагу и, передвигая лексиконъ, разлиневалъ кое-какъ. Раздѣливъ свои обязанности на три рода: на обязанности къ самому себѣ, къ ближнимъ и къ Богу, я началъ писать первыя, но ихъ оказалось такъ много и столько родовъ и подраздѣленій, что надо было прежде написать «Правила жизни», а потомъ уже приняться за расписаніе. Я взялъ шесть листовъ бумаги, сшилъ тетрадь и написалъ сверху: «Правила жизни». Эти два слова написаны такъ криво и неровно, что я долго думалъ: не переписать ли? и долго мучился, глядя на разорванное расписаніе и это уродливое заглавіе. Зачѣмъ все такъ прекрасно, ясно у меня въ душѣ и такъ безобразно выходитъ на бумагѣ и вообще въ жизни, когда я хочу примѣнять къ ней что-нибудь изъ того, что думаю?...

— Духовникъ пріѣхали, пожалуйте внизъ правила слушать, — пришелъ доложить Николай.

Я спряталъ тетрадь въ столъ, посмотрѣлъ въ зеркало, причесалъ волосы кверху, что, по моему убѣжденію, давало мнѣ задумчивый видъ, и сошелъ въ диванную, гдѣ уже стоялъ накрытый столъ съ образомъ и горѣвшими восковыми свѣчами. Папа въ одно время со мною вошелъ изъ другой двери. Духовникъ, сѣдой монахъ, съ строгимъ старческимъ лицомъ, благословилъ папа.

Папа поцѣловалъ его небольшую, широкую, сухую руку; я сдѣлалъ то же.

— Позовите Вольдемара, — сказалъ папа. — Гдѣ онъ? Или нѣтъ, вѣдь онъ въ университетѣ говѣетъ.

— Онъ занимается съ княземъ, — сказала Катенька и посмотрѣла на Любочку. Любочка вдругъ покраснѣла отъ чего-то, сморщилась, притворяясь, что ей что-то больно, и вышла изъ комнаты. Я вышелъ вслѣдъ за нею. Она остановилась въ гостиной и что-то снова записала карандашикомъ на свою бумажку.

— Что, еще новый грѣхъ сдѣлала? — спросилъ я.

— Нѣтъ, ничего, такъ, — отвѣчала она, краснѣя.

Въ это время въ передней послышался голосъ Дмитрія, который прощался съ Володей.

— Вотъ, тебѣ все искушеніе, — сказала Катенька, входя въ комнату и обращаясь къ Любочкѣ.

Я не могъ понять, что дѣлалось съ сестрой: она была сконфужена такъ, что слезы выступили у нея на глаза и что смущеніе ея, дойдя до крайней степени, перешло въ досаду на себя и на Катеньку, которая, видимо, дразнила ее.

— Вотъ видно, что ты *иностранка* (ничего не могло быть обиднѣе для Катеньки названія иностранки, съ этою-то цѣлью и употребила его Любочка): — передъ этакимъ таинствомъ, — продолжала она съ важностью въ голосѣ, — и ты меня нарочно разстраиваешь... ты бы должна понимать... это совсѣмъ не шутка.

— Знаешь, Николенька, что она написала? — сказала Катенька, разобиженная названіемъ *иностранка*. — Она написала...

— Не ожидала я, чтобы ты была такая злая, — сказала Любочка, совершенно разнюнившись, уходя отъ насъ: — въ такую минуту и нарочно, цѣлый вѣкъ, все вводить въ грѣхъ. Я къ тебѣ не пристаю съ твоими чувствами и страданіями.

VI.

ИСПОВѢДЬ.

Съ этими и подобными разсѣянными размышленіями я вернулся въ диванную, когда всѣ собрались туда и духовникъ, вставъ, приготовился читать молитву передъ исповѣдью. Но какъ только посреди общаго молчанія раздался выразительный, строгій голосъ монаха, читавшаго молитву, и особенно когда произнесъ къ намъ слова: *откройте всѣ ваши прегрѣшенія безъ стыда, утайки и оправданія, и душа ваша очистится передъ Богомъ, а ежели утаите что-нибудь, большой грѣхъ будете имѣть,* — ко мнѣ возвратилось чувство благоговѣйнаго трепета, которое я испытывалъ утромъ при мысли о предстоящемъ таинствѣ. Я даже находилъ наслажденіе въ сознаніи этого состоянія и старался удержать его, останавливая всѣ мысли, которыя мнѣ приходили въ голову, и усиливаясь чего-то бояться.

Первый прошелъ исповѣдываться папа. Онъ очень долго пробылъ въ бабушкиной комнатѣ, и во все это время мы всѣ въ диванной молчали или шопотомъ переговаривались о томъ, кто пойдетъ прежде. Наконецъ, опять изъ двери послышался голосъ монаха, читавшаго молитву, и шаги папа. Дверь скрипнула, и онъ вышелъ оттуда, по своей привычкѣ покашливая, подергивая плечомъ и не глядя ни на кого изъ насъ.

— Ну, теперь ты ступай, Люба, да смотри все скажи. Ты вѣдь у меня большая грѣшница, — весело сказалъ папа, щипнувъ ее за щеку.

Любочка поблѣднѣла и покраснѣла, вынула записочку изъ фартука и опять спрятала и, опустивъ голову, какъ-то укоротивъ шею, какъ будто ожидая удара сверху, прошла въ дверь. Она пробыла тамъ недолго, но, выходя оттуда, у нея плечи подергивались отъ всхлипываній.

Наконецъ, послѣ хорошенькой Катеньки, которая, улыбаясь, вышла изъ двери, насталъ и мой чередъ. Я съ тѣмъ же тупымъ страхомъ и желаніемъ умышленно все больше и больше возбуждать въ себѣ этотъ страхъ вошелъ въ полуосвѣщенную комнату. Духовникъ стоялъ передъ аналоемъ и медленно обратилъ ко мнѣ свое лицо.

Я пробылъ не болѣе пяти минутъ въ бабушкиной комнатѣ, но вышелъ оттуда счастливымъ и, по моему тогдашнему убѣжденію, совершенно чистымъ, нравственно переродившимся и новымъ человѣкомъ. Несмотря на то, что меня непріятно поражала вся старая обстановка жизни, тѣ же комнаты, та же мебель, та же моя фигура (мнѣ бы хотѣлось, чтобы все внѣшнее измѣнилось такъ же, какъ, мнѣ казалось, я самъ измѣнился внутренно), — несмотря на это, я пробылъ въ этомъ отрадномъ настроеніи духа до самаго того времени, какъ легъ въ постель.

Я уже засыпалъ, перебирая воображеніемъ всѣ грѣхи, отъ которыхъ очистился, какъ вдругъ вспомнилъ одинъ стыдный грѣхъ, который утаилъ на исповѣди. Слова молитвы передъ исповѣдью вспомнились мнѣ и не переставая звучали у меня въ ушахъ. Все мое спокойствіе мгновенно исчезло.

«А ежели утаите, большой грѣхъ будете имѣть...» слышалось мнѣ безпрестанно, и я видѣлъ себя такимъ страшнымъ грѣшникомъ, что не было для меня достойнаго наказанія. Долго я ворочался съ боку на бокъ, передумывая свое положеніе и съ минуты на минуту ожидая Божьяго наказанія и даже внезапной смерти, — мысль, приводившая меня въ неописанный ужасъ. Но вдругъ мнѣ пришла счастливая мысль: чѣмъ свѣтъ итти или ѣхать въ монастырь къ духовнику и снова исповѣдываться, и я успокоился.

VII.

ПОѢЗДКА ВЪ МОНАСТЫРЬ.

Я нѣсколько разъ просыпался ночью, боясь проспать утро, и въ шестомъ часу уже былъ на ногахъ. Въ окнахъ сада едва брезжилось. Я надѣлъ свое платье и сапоги, которые, скомканные и нечищенные, лежали у постели, потому что Николай еще не успѣлъ убрать, и, не молясь Богу, не умываясь, вышелъ въ первый разъ въ жизни одинъ на улицу.

На противоположной сторонѣ изъ-за зеленой крыши большого дома краснѣлась туманная, студеная заря. Довольно сильный утренній весенній морозъ сковалъ грязь и ручьи, кололъ подъ ногами и щипалъ мнѣ лицо и руки. Въ нашемъ переулкѣ не было еще ни одного извозчика, на которыхъ я разсчитывалъ, чтобы скорѣе съѣздить и вернуться. Только тянулись какіе-то возы по Арбату, и два рабочіе каменщика, разговаривая, прошли по тротуару. Пройдя шаговъ тысячу, мнѣ стали попадаться люди и женщины, шедшіе съ

корзинками на рынокъ, бочки, ѣдущія за водой; на перекрестокъ вышелъ пирожникъ; открылась одна калачная, и у Арбатскихъ воротъ попался извозчикъ-старичокъ, спавшій, покачиваясь, на своихъ калиберныхъ, облѣзлыхъ голубоватенькихъ и заплатанныхъ дрожкахъ. Онъ спросонокъ, должно-быть, запросилъ съ меня двугривенный до монастыря и назадъ, но потомъ вдругъ опомнился и, только что я хотѣлъ садиться, захлесталъ лошаденку концами вожжей и совсѣмъ было уѣхалъ отъ меня. «Кормить лошадь надо! нельзя, баринъ», бормоталъ онъ.

Насилу я уговорилъ его остановиться, предложивъ ему два двугривенныхъ. Онъ остановилъ лошадь, внимательно осмотрѣлъ меня и сказалъ: «садись, баринъ». Признаюсь, я боялся нѣсколько, что онъ завезетъ меня въ глухой переулокъ и ограбитъ. Ухвативъ его за воротникъ изорваннаго армячишка, при чемъ его сморщенная шея надъ сильно сгорбленною спиной какъ-то жалобно обнажилась, я влѣзъ верхомъ на волнообразное голубенькое колыхающееся сидѣнье, и мы затряслись внизъ по Воздвиженкѣ. Дорогой я успѣлъ замѣтить, что спинка дрожекъ была обита кусочкомъ зеленоватенькой матеріи, изъ который былъ и армякъ извозчика; это обстоятельство почему-то успокоило меня, и я уже не боялся, что извозчикъ завезетъ меня въ глухой переулокъ и ограбитъ.

Солнце уже поднялось довольно высоко и ярко золотило куполы церквей, когда мы подъѣхали къ монастырю. Въ тѣни еще держался морозъ, но по всей дорогѣ текли быстрые мутные ручьи, и лошадь шлепала по оттаявшей грязи. Войдя въ монастыр-

скую ограду, у перваго лица, которое я увидалъ, я спросилъ, какъ бы мнѣ найти духовника.

— Вонъ его келья, — сказалъ мнѣ проходившій монахъ, останавливаясь на минуту и указывая на маленькій домикъ съ крылечкомъ.

— Покорно васъ благодарю, — сказалъ я.

Но что обо мнѣ могли думать монахи, которые, другъ за другомъ выходя изъ церкви, всѣ глядѣли на меня? Я былъ ни большой, ни ребенокъ; лицо мое было не умыто, волосы не причесаны, платье въ пуху, сапоги не чищены и еще въ грязи. Къ какому разряду людей относили меня мысленно монахи, глядѣвшіе на меня? А они смотрѣли на меня внимательно. Однако я все-таки шелъ по направленію, указанному мнѣ молодымъ монахомъ.

Старичокъ въ черной одеждѣ, съ густыми сѣдыми бровями, встрѣтился мнѣ на узенькой дорожкѣ, ведущей къ кельямъ, и спросилъ: «что мнѣ надо?»

Была минута, что я хотѣлъ сказать «ничего», бѣжать назадъ къ извозчику и ѣхать домой, но, несмотря на надвинутыя брови, лицо старика внушало довѣріе. Я сказалъ, что мнѣ нужно видѣть духовника, назвавъ его по имени.

— Пойдемте, *барчукъ*, я васъ проведу, — сказалъ онъ, поворачиваясь назадъ и, повидимому, сразу угадавъ мое положеніе.—Батюшка въ утрени: онъ скоро пожалуетъ.

Онъ отворилъ дверь и черезъ чистенькія сѣни и переднюю по чистому полотняному половику провелъ меня въ келью.

— Вотъ тутъ и подождите, — сказалъ онъ мнѣ съ добродушнымъ, успокоительнымъ выраженіемъ и вышелъ.

Комнатка, въ которой я находился, была очень невелика и чрезвычайно опрятно убрана. Всю мебель составляли: столикъ, покрытый клеенкой, стоявшій между двумя маленькими створчатыми окнами, на которыхъ стояли два горшка герани, стоечка съ образами и лампадка, висѣвшая передъ ними, одно кресло и два стула. Въ углу висѣли стѣнные часы съ разрисованнымъ цвѣточками циферблатомъ и подтянутыми на цѣпочкахъ мѣдными гирями; на перегородкѣ, соединявшейся съ потолкомъ деревянными, выкрашенными известкой палочками (за которой, вѣрно, стояла кровать), висѣли на гвоздикахъ двѣ рясы.

Окна выходили на какую-то бѣлую стѣну, виднѣвшуюся въ двухъ аршинахъ отъ нихъ. Между ними и стѣной былъ маленькій кустъ сирени. Никакой звукъ снаружи не доходилъ въ комнату, такъ что въ этой тишинѣ равномѣрное пріятное постукиваніе маятника казалось сильнымъ звукомъ. Какъ только я остался одинъ въ этомъ тихомъ уголкѣ, вдругъ всѣ мои прежнія мысли и воспоминанія выскочили у меня изъ головы, какъ будто ихъ никогда не было, и я весь погрузился въ какую-то невыразимо-пріятную задумчивость. Эта нанковая пожелтѣвшая ряса съ протертою подкладкой, эти истертые кожаные черные переплеты книгъ съ мѣдными застежками, эти мутно-зеленые цвѣты съ тщательно политою землей и обмытыми листьями, а особенно этотъ однообразный, прерывистый звукъ маятника — говорили мнѣ внятно про какую-то новую, доселѣ бывшую мнѣ неизвѣстною жизнь, про жизнь уединенія, молитвы, тихаго, спокойнаго счастья...

«Проходятъ мѣсяцы, проходятъ годы, — думалъ я,—онъ все одинъ, онъ все спокоенъ, онъ все чувствуетъ, что совѣсть его чиста передъ Богомъ и молитва услышана Имъ». Съ полчаса я просидѣлъ на стулѣ, стараясь не двигаться и не дышать громко, чтобы не нарушить гармоніи звуковъ, говорившихъ мнѣ такъ много. А маятникъ все стучалъ такъ же, направо громче, налѣво тише.

VIII.

ВТОРАЯ ИСПОВѢДЬ.

Шаги духовника вывели меня изъ этой задумчивости.

— Здравствуйте,—сказалъ онъ, поправляя рукой свои сѣдые волосы.—Что вамъ угодно?

Я попросилъ его благословить меня и съ особымъ удовольствіемъ поцѣловалъ его желтоватую небольшую руку.

Когда я объяснилъ ему свою просьбу, онъ ничего не сказалъ мнѣ, подошелъ къ иконамъ и началъ исповѣдь.

Когда исповѣдь кончилась, и я, преодолѣвъ стыдъ, сказалъ все, что было у меня на душѣ, онъ положилъ мнѣ на голову руки и своимъ звучнымъ, тихимъ голосомъ произнесъ: «да будетъ, сынъ мой, надъ тобою благословеніе Отца небеснаго, да сохранитъ Онъ въ тебѣ навсегда вѣру, кротость и смиреніе. Аминь».

Я былъ совершенно счастливъ; слезы счастія подступали мнѣ къ горлу, я поцѣловалъ складку его драдедамовой рясы и поднялъ голову. Лицо монаха было совершенно спокойно.

Я чувствовалъ, что наслаждаюсь чувствомъ умиленія, и, боясь чѣмъ-нибудь разогнать его, торопливо простился съ духовникомъ и, не глядя по сторонамъ, чтобы не разсѣяться, вышелъ за ограду и снова сѣлъ на колыхающіяся полосатыя дрожки. Но толчки экипажа, пестрота предметовъ, мелькавшихъ передъ глазами, скоро разогнали это чувство, и я уже думалъ о томъ, какъ теперь духовникъ, вѣрно, думаетъ, что такой прекрасной души молодого человѣка, какъ я, онъ никогда не встрѣчалъ въ жизни да и не встрѣтитъ, что даже и не бываетъ подобныхъ. Я въ этомъ былъ убѣжденъ, и это убѣжденіе произвело во мнѣ чувство веселья такого рода, которое требовало того, чтобы кому-нибудь сообщить его.

Мнѣ ужасно хотѣлось поговорить съ кѣмъ-нибудь; но такъ какъ никого подъ рукой не было, кромѣ извозчика, я обратился къ нему.

— Что, долго я былъ?—спросилъ я.

— Ничего-таки, долго, а лошадь давно кормить пора; вѣдь я *ночной*, — отвѣчалъ старичокъ-извозчикъ, теперь, повидимому, съ солнышкомъ повеселѣвшій сравнительно съ прежнимъ.

— А мнѣ показалось, что я былъ всего одну минуту,—сказалъ я.—А знаешь, зачѣмъ я былъ въ монастырѣ?—прибавилъ я, пересаживаясь въ углубленіе, которое было на дрожкахъ ближе къ старичку-извозчику.

— Наше дѣло какое? Куда сѣдокъ скажетъ, туда и веземъ,—отвѣчалъ онъ.

— Нѣтъ, все-таки какъ ты думаешь?—продолжалъ я допрашивать.

— Да вѣрно хоронить кого, ѣздили мѣсто покупать,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, братецъ; а знаешь, зачѣмъ я ѣздилъ?

— Не могу знать, баринъ,—повторилъ онъ.

Голосъ извозчика показался мнѣ такимъ добрымъ, что я рѣшился въ назиданіе его разсказать ему причину моей поѣздки и даже чувство, которое я испытывалъ.

— Хочешь, я тебѣ разскажу? Вотъ видишь ли...

И я разсказалъ ему все и описалъ всѣ свои прекрасныя чувства. Я даже теперь краснѣю при этомъ воспоминаніи.

— Такъ-съ,—сказалъ извозчикъ недовѣрчиво.

И долго послѣ этого онъ молчалъ и сидѣлъ неподвижно, только изрѣдка поправляя полу армяка, которая все выбивалась изъ-подъ его полосатой ноги, прыгавшей въ большомъ сапогѣ на подножкѣ калибера. Я уже думалъ, что и онъ думаетъ про меня то же, что духовникъ, то-есть, что такого прекраснаго молодого человѣка, какъ я, другого нѣтъ на свѣтѣ; но онъ вдругъ обратился ко мнѣ:

— А что, баринъ, ваше дѣло господское!

— Что?—спросилъ я.

— Дѣло-то, дѣло господское! — повторилъ онъ, шамкая беззубыми губами.

«Нѣтъ, онъ меня не понялъ», подумалъ я, но уже больше не говорилъ съ нимъ до самаго дома.

Хотя не самое чувство умиленія и набожности, но самодовольство въ томъ, что я испыталъ его, удержалось во мнѣ всю дорогу, несмотря на народъ, который при яркомъ солнечномъ блескѣ пестрѣлъ вездѣ на улицахъ, но какъ только я пріѣхалъ домой, чувство это совершенно исчезло. У меня не было двухъ двугривенныхъ, чтобы запла-

тить извозчику. Дворецкій Гаврило, которому я уже былъ долженъ, не давалъ мнѣ больше взаймы. Извозчикъ, увидавъ, какъ я два раза пробѣжалъ по двору, чтобы достать денегъ, должно-быть догадавшись, зачѣмъ я бѣгаю, слѣзъ съ дрожекъ и, несмотря на то, что казался мнѣ такимъ добрымъ, громко началъ говорить, съ видимымъ желаніемъ уколоть меня, о томъ, какъ бываютъ шаромыжники, которые не платятъ за ѣзду.

Дома еще всѣ спали, такъ что, кромѣ людей, мнѣ не у кого было занять двухъ двугривенныхъ. Наконецъ, Василій подъ самое честное, честное слово, которому (я по лицу его видѣлъ) онъ не вѣрилъ нисколько, но такъ, потому что любилъ меня и помнилъ услугу, которую я ему оказалъ, заплатилъ за меня извозчику. Такъ дымомъ разлетѣлось это чувство. Когда я сталъ одѣваться въ церковь, чтобы со всѣми вмѣстѣ итти причащаться и оказалось, что мое платье не было перешито и его нельзя было надѣть, я пропасть нагрѣшилъ. Надѣвъ другое платье, я пошелъ къ причастію въ какомъ-то странномъ положеніи торопливости мыслей и съ совершеннымъ недовѣріемъ къ своимъ прекраснымъ наклонностямъ.

IX.

КАКЪ Я ГОТОВЛЮСЬ КЪ ЭКЗАМЕНУ.

Въ четвергъ на Святой папа, сестра и Мими съ Катенькой уѣхали въ деревню, такъ что во всемъ большомъ бабушкиномъ домѣ остались только Володя, я и St.-Jérôme. То настроеніе духа, въ которомъ я находился въ день исповѣди

и поѣздки въ монастырь, совершенно прошло и оставило по себѣ только смутное, хотя и пріятное воспоминаніе, которое все болѣе и болѣе заглушалось новыми впечатлѣніями свободной жизни.

Тетрадь съ заглавіемъ «Правила жизни» тоже была спрятана съ черновыми ученическими тетрадями. Несмотря на то, что мысль о возможности составить себѣ правила на всѣ обстоятельства жизни и всегда руководиться ими нравилась мнѣ, казалась чрезвычайно простою и вмѣстѣ великою и я намѣревался все-таки приложить ее къ жизни, я опять какъ будто забылъ, что это нужно было дѣлать сейчасъ-же, и все откладывалъ до такого-то времени. Меня утѣшало однако то, что всякая мысль, которая приходила мнѣ теперь въ голову, подходила какъ разъ подъ какое-нибудь изъ подраздѣленій моихъ правилъ и обязанностей: или къ правиламъ въ отношеніи къ ближнимъ, или къ себѣ, или къ Богу. «Вотъ тогда я это отнесу туда и еще много, много мыслей, которыя мнѣ придутъ тогда, по этому предмету», говорилъ я самъ себѣ. Часто теперь я спрашиваю себя: когда я былъ лучше и правѣе: тогда ли, когда вѣрилъ во всемогущество ума человѣческаго, или теперь, когда, потерявъ силу развитія, сомнѣваюсь въ силѣ и значеніи ума человѣческаго?—и не могу себѣ дать положительнаго отвѣта.

Сознаніе свободы и то весеннее чувство ожиданія чего-то, про которое я говорилъ уже, до такой степени взволновали меня, что я рѣшительно не могъ совладѣть съ самимъ собой и приготавливался къ экзамену очень плохо. Бывало, утромъ занимаешься въ классной комнатѣ и знаешь, что

необходимо работать, потому что завтра экзаменъ изъ предмета, въ которомъ цѣлыхъ два вопроса еще не прочитаны мной, но вдругъ пахнетъ изъ окна какимъ-нибудь весеннимъ духомъ,—покажется будто что-то крайне нужно сейчасъ вспомнить, руки сами собой опускаютъ книгу, ноги сами собой начинаютъ двигаться и ходить взадъ и впередъ, а въ головѣ—какъ будто кто-нибудь пожалъ пружинку и пустилъ въ ходъ машину — въ головѣ такъ легко и естественно и съ такою быстротою начинаютъ пробѣгать разныя пестрыя, веселыя мечты, что только успѣваешь замѣчать блескъ ихъ. И часъ, и два проходятъ незамѣтно. Или тоже сидишь за книгой и кое-какъ сосредоточишь все вниманіе на томъ, что читаешь; вдругъ по коридору услышишь женскіе шаги и шумъ платья,—и все выскочило изъ головы и нѣтъ возможности усидѣть на мѣстѣ, хотя очень хорошо знаешь, что, кромѣ Гаши, старой бабушкиной горничной, никто не могъ пройти по коридору. «Ну, а ежели это вдругъ *она?*—приходитъ въ голову, — ну, а если теперь-то вдругъ вотъ и начнется, а я пропущу?» — и выскакиваешь въ коридоръ, видишь, что это точно Гаша; но ужъ долго потомъ не совладѣешь съ головой. Пружинка пожата, и опять пошла кутерьма страшная. Или вечеромъ сидишь одинъ съ сальною свѣчой въ своей комнатѣ; вдругъ на секунду, чтобы снять со свѣчки или поправиться на стулѣ, отрываешься отъ книги и видишь, что вездѣ въ дверяхъ, по угламъ темно, и слышишь, что вездѣ въ домѣ тихо,—опять невозможно не остановиться и не слушать этой тишины, и не смотрѣть на этотъ мракъ отворенной двери въ темную ком-

нату, и долго-долго не пробыть въ неподвижномъ положеніи или не пойти внизъ и не пройти по всѣмъ пустымъ комнатамъ. Часто тоже долго по вечерамъ я просиживалъ незамѣченнымъ въ залѣ, прислушиваясь къ звуку «соловья», котораго двумя пальцами наигрывала на фортепіано Гаша, сидя одна при сальной свѣчкѣ въ большой залѣ. А ужъ при лунномъ свѣтѣ я рѣшительно не могъ не вставать съ постели и не ложиться на окно въ палисадникъ и, вглядываясь въ освѣщенную крышу Шапошникова дома, и стройную колокольню нашего прихода, и въ вечернюю тѣнь забора и куста, ложившуюся на дорожку садика, не могъ не просиживать такъ долго, что потомъ просыпался съ трудомъ только въ десять часовъ утра.

Такъ что ежели бы не учителя, которые продолжали ходить ко мнѣ, St.-Jérôme, который изрѣдка нехотя подстрекалъ мое самолюбіе, и, главное, не желаніе показаться дѣльнымъ малымъ въ глазахъ моего друга Нехлюдова, то-есть выдержать отлично экзаменъ, что по его понятіямъ было очень важною вещью—ежели бы не это, то весна и свобода сдѣлали бы то, что я забылъ бы даже все то, что зналъ прежде, и ни за что бы не выдержалъ экзамена.

X.

ЭКЗАМЕНЪ ИСТОРІИ.

16 апрѣля я въ первый разъ подъ покровительствомъ St.-Jérôme'a вошелъ въ большую университетскую залу. Мы пріѣхали съ нимъ въ нашемъ довольно щегольскомъ фаэтонѣ. Я былъ во фракѣ, въ первый разъ въ моей жизни, и все платье, даже бѣлье, чулки, было на мнѣ самое

новое и лучшее. Когда швейцаръ снялъ съ меня внизу шинель и я предсталъ передъ нимъ во всей красотѣ своей одежды, мнѣ даже стало нѣсколько совѣстно за то, что я такъ ослѣпителенъ. Однако едва только я вступилъ въ свѣтлую паркетную залу, наполненную народомъ, и увидѣлъ сотни молодыхъ людей въ гимназическихъ мундирахъ и во фракахъ, изъ которыхъ нѣкоторые равнодушно взглянули на меня, и въ дальнемъ концѣ важныхъ профессоровъ, свободно ходившихъ около столовъ и сидѣвшихъ въ большихъ креслахъ, какъ я въ ту же минуту разочаровался въ надеждѣ обратить на себя общее вниманіе, и выраженіе моего лица, означавшее дома и еще въ сѣняхъ какъ бы сожалѣніе въ томъ, что я противъ моей воли имѣю видъ такой благородный и значительный, замѣнилось выраженіемъ сильнѣйшей робости и нѣкотораго унынія. Я даже впалъ въ другую крайность и обрадовался весьма, увидавъ на ближайшей лавкѣ одного чрезвычайно дурно, нечистоплотно одѣтаго господина, еще не стараго, но почти совсѣмъ сѣдого, который, въ отдаленіи отъ другихъ, сидѣлъ на задней лавкѣ. Я тотчасъ же подсѣлъ къ нему и сталъ разсматривать экзаменующихся и дѣлать о нихъ свои заключенія. Много тутъ было разнообразныхъ фигуръ и лицъ, но всѣ они по моимъ тогдашнимъ понятіямъ легко распредѣлялись на три рода.

Были такіе же, какъ и я, явившіеся на экзаменъ съ гувернерами или родителями, и въ числѣ ихъ меньшой Ивинъ съ знакомымъ мнѣ Фростомъ и Илинька Грапъ съ своимъ старымъ отцомъ. Всѣ таковые были съ пушистыми подбородками, имѣли выпущенное бѣлье и сидѣли смирно, не раскрывая

книгъ и тетрадей, принесенныхъ съ собой, и съ видимою робостью смотрѣли на профессоровъ и экзаменные столы. Второго рода экзаменующіеся были молодые люди въ гимназическихъ мундирахъ, изъ которыхъ многіе уже брили бороды. Эти были большею частью знакомы между собой, говорили громко, по имени и отчеству называли профессоровъ, тутъ же готовили вопросы, передавали другъ другу тетради, шагали черезъ скамейки, изъ сѣней приносили пирожки и бутерброды, которые тутъ же съѣдали, только немного наклонивъ голову на уровень лавки. И, наконецъ, третьяго рода экзаменующіеся, которыхъ, впрочемъ, было немного, были совсѣмъ старые, во фракахъ, но большею частью въ сюртукахъ и безъ видимаго бѣлья. Эти держали себя весьма серьезно, сидѣли уединенно и имѣли видъ очень мрачный. Тотъ, который утѣшилъ меня тѣмъ, что навѣрно былъ одѣтъ хуже меня, принадлежалъ къ этому послѣднему роду. Онъ, облокотившись на обѣ руки, сквозь пальцы которыхъ торчали всклокоченные полусѣдые волосы, читалъ въ книгѣ и, только на мгновеніе взглянувъ на меня не совсѣмъ доброжелательно своими блестящими глазами, мрачно нахмурился и еще выставилъ въ мою сторону глянцевитый локоть, чтобы я не могъ подвинуться къ нему ближе. Гимназисты, напротивъ, были слишкомъ общительны, и я ихъ немножко боялся. Одинъ, сунувъ мнѣ въ руку книгу, сказалъ: «передайте вонъ ему»; другой, проходя мимо меня, сказалъ: «пустите-ка, батюшка»; третій, перелѣзая черезъ лавку, уперся на мое плечо, какъ на скамейку. Все это мнѣ было дико и непріятно; я считалъ себя гораздо выше

этихъ гимназистовъ и полагалъ, что они не должны были позволять себѣ со мною такой фамильярности. Наконецъ, начали вызывать фамиліи; гимназисты выходили смѣло и отвѣчали большею частью хорошо, возвращались весело; наша братія робѣла гораздо болѣе, да и, какъ кажется, отвѣчала хуже. Изъ старыхъ нѣкоторые отвѣчали превосходно, другіе очень плохо. Когда вызвали Семенова, то мой сосѣдъ съ сѣдыми волосами и блестящими глазами грубо толкнулъ меня, перелѣзъ черезъ мои ноги и пошелъ къ столу. Какъ было замѣтно по виду профессоровъ, онъ отвѣчалъ отлично и смѣло. Возвратившись къ своему мѣсту, онъ, не узнавая о томъ, сколько ему поставили, спокойно взялъ свои тетрадки и вышелъ. Ужъ нѣсколько разъ я содрогался при звукѣ голоса, вызывающаго фамиліи, но еще до меня не доходила очередь по алфавитному списку, хотя уже вызывали фамиліи, начинавшіяся съ И. «Иконинъ и Теньевъ!» вдругъ прокричалъ кто-то изъ профессорскаго угла. Морозъ пробѣжалъ у меня по спинѣ и въ волосахъ.

— Кого звали? Кто Бартеньевъ? — заговорили вокругъ меня.

— Иконинъ, иди, тебя зовутъ; да кто же Бартеньевъ, Морденьевъ? — я не знаю, признавайся, — говорилъ высокій, румяный гимназистъ, стоявшій за мной.

— Вамъ, — сказалъ St.-Jérôme.

— Моя фамилія Иртеньевъ, — сказалъ я румяному гимназисту. — Развѣ Иртеньева звали?

— Ну-да; что жъ вы нейдете?.. Вишь какой франтъ! — прибавилъ онъ не громко, но такъ, что я слышалъ его слова, выходя изъ-за скамейки.

Впереди меня шелъ Иконинъ, высокій молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, принадлежавшій къ третьему роду старыхъ. На немъ былъ оливковый узенькій фракъ, атласный синій галстукъ, на которомъ лежали сзади длинные бѣлокурые волосы, тщательно причесанные, à la мужикъ. Я замѣтилъ его наружность еще на лавкахъ. Онъ былъ недуренъ собой, разговорчивъ; и меня особенно поразили въ немъ странные рыжіе волосы, которые онъ отпустилъ себѣ на горлѣ, и еще болѣе странная привычка, которую онъ имѣлъ — безпрестанно разстегивать жилетъ и чесать себѣ грудь подъ рубашкой.

Три профессора сидѣли за тѣмъ столомъ, къ которому я подошелъ вмѣстѣ съ Иконинымъ; ни одинъ изъ нихъ не отвѣтилъ на нашъ поклонъ. Молодой профессоръ тасовалъ билеты, какъ колоду картъ; другой профессоръ, со звѣздой на фракѣ, смотрѣлъ на гимназиста, говорившаго что-то очень скоро про Карла Великаго, къ каждому слову прибавляя «наконецъ», и третій, старичокъ въ очкахъ, опустивъ голову, посмотрѣлъ на насъ черезъ очки и указалъ на билеты. Я чувствовалъ, что взглядъ его былъ совокупно обращенъ на меня и Иконина и что въ насъ не понравилось ему что-то (можетъ-быть, рыжіе волосы Иконина), потому что онъ сдѣлалъ, глядя опять-таки на обоихъ насъ вмѣстѣ, нетерпѣливый жестъ головой, чтобы мы скорѣе брали билеты. Мнѣ было досадно и оскорбительно, во-первыхъ, то, что никто не отвѣтилъ на нашъ поклонъ, а во-вторыхъ, то, что меня видимо соединяли съ Иконинымъ въ одно понятіе *экзаменующихся* и уже предупреждены противъ меня за рыжіе волосы Иконина. Я взялъ

билетъ безъ робости и готовился отвѣчать, но профессоръ указалъ глазами на Иконина. Я прочелъ свой билетъ: онъ былъ мнѣ знакомъ, и я, спокойно ожидая свой очереди, наблюдалъ то, что происходило передо мной. Иконинъ нисколько не оробѣлъ и даже слишкомъ смѣло, какъ-то всѣмъ бокомъ двинулся, чтобы взять билетъ, встряхнулъ волосами и бойко прочелъ то, что было написано на билетѣ. Онъ открылъ было ротъ, какъ мнѣ казалось, чтобы начать отвѣчать, какъ вдругъ профессоръ со звѣздой, съ похвалой отпустивъ гимназиста, посмотрѣлъ на него. Иконинъ какъ будто что-то вспомнилъ и остановился. Общее молчаніе продолжалось минуты двѣ.

— Ну, — сказалъ профессоръ въ очкахъ.

Иконинъ открылъ ротъ и снова замолчалъ.

— Вѣдь вы не одни; извольте отвѣчать или нѣтъ? — сказалъ молодой профессоръ, но Иконинъ даже не взглянулъ на него. Онъ пристально смотрѣлъ въ билетъ и не произнесъ ни одного слова. Профессоръ въ очкахъ смотрѣлъ на него и сквозь очки, и черезъ очки, и безъ очковъ, потому что успѣлъ въ это время снять ихъ, тщательно протереть стекла и снова надѣть. Иконинъ не произнесъ ни одного слова. Вдругъ улыбка блеснула на его лицѣ, онъ встряхнулъ волосами, опять всѣмъ бокомъ повернувшись къ столу, положилъ билетъ, взглянулъ на всѣхъ профессоровъ поочередно, потомъ на меня, поворотился и бодрымъ шагомъ, размахивая руками, вернулся къ лавкамъ. Профессора переглянулись между собой.

— Хорошъ голубчикъ! — сказалъ молодой профессоръ: — своекоштный!

Я подвинулся ближе къ столу, но профессора продолжали почти шопотомъ говорить между собой, какъ будто никто изъ нихъ и не подозрѣвалъ моего присутствія. Я былъ тогда твердо убѣжденъ, что всѣхъ трехъ профессоровъ чрезвычайно занималъ вопросъ о томъ, выдержу ли я экзаменъ и хорошо ли я его выдержу, но что такъ только, для важности, притворялись, что это имъ совершенно все равно и что они будто бы меня не замѣчаютъ.

Когда профессоръ въ очкахъ равнодушно обратился ко мнѣ, приглашая отвѣчать на вопросы, то, взглянувъ ему въ глаза, мнѣ немножко совѣстно было за него, что онъ такъ лицемѣрилъ передо мною, и я нѣсколько замялся въ началѣ отвѣта; но потомъ пошло легче и легче, и такъ какъ вопросъ былъ изъ русской исторіи, которую я зналъ отлично, то я кончилъ блистательно и даже до того расходился, что, желая дать почувствовать профессорамъ, что я не Иконинъ и что меня смѣшивать съ нимъ нельзя, предложилъ взять еще билетъ; но профессоръ, кивнувъ головой, сказалъ: «хорошо-съ», и отмѣтилъ что-то въ журналѣ. Возвратившись къ лавкамъ, я тотчасъ же узналъ отъ гимназистовъ, которые, Богъ ихъ знаетъ, какъ все узнавали, что мнѣ было поставлено пять.

XI.

ЭКЗАМЕНЪ МАТЕМАТИКИ.

На слѣдующихъ экзаменахъ, кромѣ Грапа, котораго я считалъ недостойнымъ своего знакомства, и Ивина, который почему-то дичился меня, я уже имѣлъ много новыхъ знакомыхъ. Нѣкоторые уже

здоровались со мной. Иконинъ даже обрадовался, увидавъ меня, и сообщилъ мнѣ, что онъ будетъ переэкзаменовываться изъ исторіи, что профессоръ исторіи золъ на него еще съ прошлогодняго экзамена, на которомъ онъ будто бы тоже *сбилъ* его. Семеновъ, который поступалъ въ одинъ факультетъ со мной, въ математическій, до конца экзаменовъ все-таки дичился всѣхъ, сидѣлъ молча одинъ, облокотясь на руки и засунувъ пальцы въ свои сѣдые волосы, и экзаменовался отлично. Онъ былъ вторымъ, первымъ же былъ гимназистъ первой гимназіи. Это былъ высокій худощавый брюнетъ, весьма блѣдный, съ подвязанною чернымъ галстукомъ щекой и покрытымъ прыщами лбомъ. Руки у него были худыя, красныя, съ чрезвычайно длинными пальцами и ногти обкусаны такъ, что концы пальцевъ его казались перевязаны ниточками. Все это мнѣ казалось прекраснымъ и такимъ, какимъ должно было быть *у перваго гимназиста*. Онъ говорилъ со всѣми такъ же, какъ и всѣ, даже и я съ нимъ познакомился, но все-таки, какъ мнѣ казалось, въ его походкѣ, движеніяхъ губъ и черныхъ глазахъ было замѣтно что-то необыкновенное, *магнетическое*.

На экзаменъ математики я пришелъ раньше обыкновеннаго. Я зналъ предметъ порядочно, но было два вопроса изъ алгебры, которые я какъ-то утаилъ отъ учителя и которые мнѣ были совершенно неизвѣстны. Это были, какъ теперь помню, теорія сочетаній и биномъ Ньютона. Я сѣлъ на заднюю лавку и просматривалъ два незнакомые вопроса; но непривычка заниматься въ шумной комнатѣ и недостаточность времени, которую я предчувствовалъ, мѣшали мнѣ вникнуть въ то, что я читалъ.

— Вотъ онъ. Поди сюда, Нехлюдовъ, — послышался за мной знакомый голосъ Володи.

Я обернулся и увидалъ брата и Дмитрія, которые въ разстегнутыхъ сюртукахъ, размахивая руками, проходили ко мнѣ между лавокъ. Сейчасъ видны были студенты второго курса, которые въ университетѣ, какъ дома. Одинъ видъ ихъ разстегнутыхъ сюртуковъ выражалъ презрѣніе къ нашему брату поступающему и нашему брату поступающему внушалъ зависть и уваженіе. Мнѣ было весьма лестно думать, что всѣ окружающіе могли видѣть, что я знакомъ съ двумя студентами второго курса, и я поскорѣе всталъ имъ навстрѣчу.

Володя даже не могъ удержаться, чтобы не выразить чувства своего превосходства.

— Эхъ, ты, горемычный! — сказалъ онъ, — что, не экзаменовался еще?

— Нѣтъ.

— Что ты читаешь? Развѣ не приготовилъ?

— Да два вопроса не совсѣмъ. Тутъ не понимаю.

— Что? Вотъ это? — сказалъ Володя и началъ мнѣ объяснять биномъ Ньютона, но такъ скоро и неясно, что, въ моихъ глазахъ прочтя недовѣріе къ своему знанію, онъ взглянулъ на Дмитрія и, въ его глазахъ, должно-быть, прочтя то же, покраснѣлъ, но все-таки продолжалъ говорить что-то, чего я не понималъ.

— Нѣтъ, постой, Володя, дай я съ нимъ пройду, коли успѣемъ, — сказалъ Дмитрій, взглянувъ на профессорскій уголъ, и подсѣлъ ко мнѣ.

Я сейчасъ замѣтилъ, что другъ мой былъ въ томъ самодовольно-кроткомъ расположеніи духа, которое всегда на него находило, когда онъ бывалъ доволенъ собой, и которое я особенно

любилъ въ немъ. Такъ какъ математику онъ зналъ хорошо и говорилъ ясно, онъ такъ славно прошелъ со мной вопросъ, что до сихъ поръ я его помню. Но едва онъ кончилъ, какъ St.-Jérôme громкимъ шопотомъ проговорилъ: «à vous Nicolas!» и я вслѣдъ за Иконинымъ вышелъ изъ-за лавки, не успѣвъ пройти другого незнакомаго вопроса. Я подошелъ къ столу, у котораго сидѣло два профессора и стоялъ гимназистъ передъ черною доской. Гимназистъ бойко выводилъ какую-то формулу, со стукомъ ломая мѣлъ о доску, и все писалъ, несмотря на то, что профессоръ уже сказалъ ему «довольно» и велѣлъ намъ взять билеты. «Ну, что ежели достанется теорія сочетаній!» подумалъ я, доставая дрожащими пальцами билетъ изъ мягкой кипы нарѣзанныхъ бумажекъ. Иконинъ съ тѣмъ же смѣлымъ жестомъ, какъ и въ прошедшій экзаменъ, раскачнувшись всѣмъ бокомъ, не выбирая, взялъ верхній билетъ, взглянулъ на него и сердито нахмурился.

— Все такіе черти попадаются! — пробормоталъ онъ.

Я посмотрѣлъ на свой. О, ужасъ! это была теорія сочетаній!..

— А у васъ какой? — спросилъ Иконинъ.

Я показалъ ему.

— Этотъ я знаю, — сказалъ онъ.

— Хотите мѣняться?

— Нѣтъ, все равно, я чувствую, что не въ духѣ, — едва успѣлъ прошептать Иконинъ, какъ профессоръ уже подозвалъ насъ къ доскѣ.

«Ну, все пропало! — подумалъ я: — вмѣсто блестящаго экзамена, который я думалъ сдѣлать, я навѣки покроюсь срамомъ, хуже Иконина». Но

вдругъ Иконинъ, въ глазахъ профессора, поворотился ко мнѣ, вырвалъ у меня изъ рукъ билетъ и отдалъ мнѣ свой. Я взглянулъ на билетъ: это былъ биномъ Ньютона.

Профессоръ былъ не старый человѣкъ, съ пріятнымъ, умнымъ выраженіемъ, которое особенно давала ему чрезвычайно выпуклая нижняя часть лба.

— Что это, вы билетами мѣняетесь, господа? — сказалъ онъ.

— Нѣтъ, это онъ такъ, давалъ мнѣ свой посмотрѣть, г. профессоръ, — нашелся Иконинъ; и опять слово *г. профессоръ* было послѣднее слово, которое онъ произнесъ на этомъ мѣстѣ; и опять, проходя назадъ мимо меня, онъ взглянулъ на профессоровъ, на меня, улыбнулся и пожалъ плечами съ выраженіемъ, говорившимъ: «Ничего, братъ!» (Я послѣ узналъ, что Иконинъ уже третій годъ являлся на вступительный экзаменъ).

Я отвѣчалъ отлично на вопросъ, который только что прошелъ, — профессоръ даже сказалъ мнѣ, что лучше, чѣмъ можно требовать, и поставилъ 5.

XII.

ЛАТИНСКІЙ ЭКЗАМЕНЪ.

Все шло отлично до латинскаго экзамена. Подвязанный гимназистъ былъ первымъ, Семеновъ — вторымъ, я — третьимъ. Я даже началъ гордиться и серьезно думалъ, что, несмотря на мою молодость, я совсѣмъ не шутка.

Еще съ перваго экзамена всѣ съ трепетомъ разсказывали про латинскаго профессора, который былъ будто бы какой-то звѣрь, наслаждав-

шійся гибелью молодыхъ людей, особенно своекоштныхъ и говорившій будто бы только на латинскомъ или греческомъ языкѣ. St.-Jérôme, который былъ моимъ учителемъ латинскаго языка, ободрялъ меня, да и мнѣ казалось, что, переводя безъ лексикона Цицерона, нѣсколько одъ Горація и зная отлично Цумпта, я былъ приготовленъ не хуже другихъ; но вышло иначе. Все утро только и было слышно, что о погибели тѣхъ, которые выходили прежде меня: тому поставилъ нуль, тому единицу, того еще разбранилъ и хотѣлъ выгнать и т. д., и т. д. Только Семеновъ и первый гимназистъ, какъ всегда, спокойно вышли и вернулись, получивъ по 5 каждый. Я уже предчувствовалъ несчастіе, когда насъ вызвали вмѣстѣ съ Иконинымъ къ маленькому столику, противъ котораго страшный профессоръ сидѣлъ совершенно одинъ. Страшный профессоръ былъ маленькій, худой, желтый человѣкъ, съ длинными масляными волосами и съ весьма задумчивою физіономіей.

Онъ далъ Иконину книгу рѣчей Цицерона и заставилъ переводить его.

Къ великому удивленію моему, Иконинъ не только прочелъ, но и перевелъ нѣсколько строкъ съ помощью профессора, который ему подсказывалъ. Чувствуя свое превосходство передъ такимъ слабымъ соперникомъ, я не могъ не улыбнуться и даже нѣсколько презрительно, когда дѣло дошло до анализа и Иконинъ попрежнему погрузился въ очевидно безвыходное молчаніе. Я этою умною слегка насмѣшливою улыбкой хотѣлъ понравиться профессору, но вышло наоборотъ.

— Вы, вѣрно, лучше знаете, что улыбаетесь, —сказалъ мнѣ профессоръ дурнымъ русскимъ языкомъ, — посмотримъ. Ну, скажите вы.

Впослѣдствіи я узналъ, что латинскій профессоръ покровительствовалъ Иконину и что Иконинъ даже жилъ у него. Я отвѣтилъ тотчасъ же на вопросъ изъ синтаксиса, который былъ предложенъ Иконину, но профессоръ сдѣлалъ печальное лицо и отвернулся отъ меня.

— Хорошо-съ, придетъ и вашъ чередъ, увидимъ, какъ вы знаете,—сказалъ онъ, не глядя на меня, и сталъ обяснять Иконину то, о чемъ его спрашивалъ.

— Ступайте, — добавилъ онъ; и я видѣлъ, какъ онъ въ тетради балловъ поставилъ Иконину 4. «Ну, — подумалъ я, — онъ совсѣмъ не такъ строгъ, какъ говорили». Послѣ ухода Иконина онъ вѣрныхъ минутъ пять, которыя мнѣ показались за пять часовъ, укладывалъ книги, билеты, сморкался, поправлялъ кресла, развалился на нихъ, смотрѣлъ въ залу, по сторонамъ и повсюду, но только не на меня. Все это притворство показалось ему однако недостаточнымъ, онъ открылъ книгу и притворился, что читаетъ ее, какъ будто меня вовсе тутъ не было. Я подвинулся ближе и кашлянулъ.

— Ахъ, да! еще вы! Ну, переведите-ка что-нибудь, — сказалъ онъ, подавая мнѣ какую-то книгу, — да нѣтъ, лучше вотъ эту. — Онъ перелистывалъ книгу Горація и развернулъ мнѣ ее на такомъ мѣстѣ, которое, какъ мнѣ казалось, никто никогда не могъ бы перевести.

— Я этого не готовилъ, — сказалъ я.

— А вы хотите отвѣчать то, что выучили наизусть, — хорошо!.. Нѣтъ, вотъ это переведите.

Кое-какъ я сталъ добиваться до смысла, но профессоръ на каждый мой вопросительный взглядъ качалъ головой и, вздыхая, отвѣчалъ только «нѣтъ». Наконецъ, онъ закрылъ книгу такъ нервически быстро, что захлопнулъ между листами свой палецъ; сердито выдернувъ его оттуда, онъ далъ мнѣ билетъ изъ грамматики и, откинувшись назадъ на кресло, сталъ молчать самымъ зловѣщимъ образомъ. Я сталъ было отвѣчать, но выраженіе его лица сковывало мнѣ языкъ, и все, что бы я ни сказалъ, мнѣ казалось не то.

— Не то, не то, совсѣмъ не то, — заговорилъ онъ вдругъ своимъ гадкимъ выговоромъ, быстро перемѣняя положеніе, облокачиваясь о столъ и играя золотымъ перстнемъ, который у него слабо держался на худомъ пальцѣ лѣвой руки. — Такъ нельзя, господа, готовиться въ высшее учебное заведеніе; вы все хотите только мундиръ носить съ синимъ воротникомъ, верховъ нахватаетесь и думаете, что вы можете быть студентами; нѣтъ, господа, надо основательно изучать предметъ... — и т. д., и т. д.

Во все время этой рѣчи, произносимой коверканнымъ языкомъ, я съ тупымъ вниманіемъ смотрѣлъ на его потупленные глаза. Сначала мучило меня разочарованіе не быть третьимъ, потомъ страхъ вовсе не выдержать экзамена и, наконецъ, къ этому присоединилось чувство сознанія несправедливости, оскорбленнаго самолюбія и незаслуженнаго униженія; сверхъ того, презрѣніе къ профессору за то, что онъ не былъ, по моимъ понятіямъ, изъ людей comme il faut, — что я открылъ, глядя на его короткіе, крѣпкіе и круглые ногти, — еще болѣе разжигало во мнѣ и дѣлало

ядовитыми всѣ эти чувства. Взглянувъ на меня и замѣтивъ мои дрожащія губы и налитые слезами глаза, онъ перевелъ, должно-быть, мое волненіе просьбой прибавить мнѣ баллъ и, какъ будто сжалившись надо мной, сказалъ (и еще при другомъ профессорѣ, который подошелъ въ это время):

— Хорошо-съ, я поставлю вамъ переходный баллъ (это значило два), хотя вы его не заслуживаете, но это только въ уваженіе вашей молодости и въ надеждѣ, что вы въ университетѣ уже не будете такъ легкомысленны.

Послѣдняя фраза его, сказанная при постороннемъ профессорѣ, который смотрѣлъ на меня такъ, какъ будто тоже говорилъ: «да, вотъ видите, молодой человѣкъ», окончательно смутила меня. Была одна минута, когда глаза у меня застлало туманомъ: страшный профессоръ со своимъ столомъ показался мнѣ сидящимъ гдѣ-то вдали, и мнѣ съ страшною, одностороннею ясностью пришла въ голову дикая мысль: «а что ежели?.. что изъ этого будетъ?» Но я этого почему-то не сдѣлалъ, а напротивъ, безсознательно, особенно почтительно поклонился обоимъ профессорамъ и, слегка улыбнувшись, кажется, тою же улыбкой, какой улыбался Иконинъ, отошелъ отъ стола.

Несправедливость эта до такой степени сильно подѣйствовала на меня тогда, что, ежели бы я былъ свободенъ въ своихъ поступкахъ, я бы не пошелъ больше экзаменоваться. Я потерялъ всякое честолюбіе (уже нельзя было и думать о томъ, чтобы быть третьимъ), и остальные экзамены я спустилъ безъ всякаго старанія и даже волненія. Въ общемъ числѣ у меня было однако четыре

слишкомъ, но это уже вовсе не интересовало меня; я самъ съ собой рѣшилъ и доказалъ это себѣ весьма ясно, что чрезвычайно глупо и даже mauvais genre стараться быть первымъ, а надо такъ, чтобы только ни слишкомъ дурно, ни слишкомъ хорошо, какъ Володя. Этого я намѣренъ былъ держаться и впредь въ университетѣ, несмотря на то, что въ этомъ случаѣ я въ первый разъ расходился въ мнѣніяхъ со своимъ другомъ.

Я думалъ уже только о мундирѣ, треугольной шляпѣ, собственныхъ дрожкахъ, собственной комнатѣ и, главное, о собственной свободѣ.

XIII.

Я БОЛЬШОЙ.

Впрочемъ, и эти мысли имѣли свою прелесть.

8-го мая, вернувшись съ послѣдняго экзамена закона Божія, я нашелъ дома знакомаго мнѣ подмастерья отъ Розанова, который еще прежде приносилъ на живую нитку сметанные мундиръ и сюртукъ изъ глянцевитаго чернаго сукна съ отливомъ и отбивалъ мѣломъ лацканы, а теперь принесъ совсѣмъ готовое платье съ блестящими золотыми пуговицами, завернутыми бумажками.

Надѣвъ это платье и найдя его прекраснымъ, несмотря на то, что St.-Jérôme увѣрялъ, что спина сюртука морщила, я сошелъ внизъ съ самодовольною улыбкой, которая совершенно невольно распускалась на моемъ лицѣ, я зашелъ къ Володѣ, чувствуя и какъ будто не замѣчая взглядовъ домашнихъ, которые изъ передней и изъ коридора съ жадностью были устремлены на меня. Гаврило дворецкій догналъ меня въ залѣ, поздравилъ съ

поступленіемъ, передалъ, по приказанію папа, четыре бѣленькихъ бумажки и сказалъ, что, тоже по приказанію папа, съ нынѣшняго дня кучеръ Кузьма, пролетка и гнѣдой красавчикъ въ моемъ полномъ распоряженіи. Я такъ обрадовался этому почти неожиданному счастію, что никакъ не могъ притвориться равнодушнымъ передъ Гаврилой и, нѣсколько растерявшись и задохнувшись, сказалъ первое, что мнѣ пришло въ голову, — кажется, что «Красавчикъ отличный рысакъ». Взглянувъ на головы, которыя высовывались изъ дверей передней и коридора, не въ силахъ болѣе удерживаться, я рысью побѣжалъ черезъ залу въ своемъ новомъ сюртукѣ съ блестящими золотыми пуговицами. Въ то время, какъ я входилъ къ Володѣ, за мной послышались голоса Дубкова и Нехлюдова, которые пріѣхали поздравить меня и предложить ѣхать обѣдать куда-нибудь и пить шампанское въ честь моего вступленія. Дмитрій сказалъ мнѣ, что онъ хотя и не любитъ пить шампанское, нынче поѣдетъ съ нами, чтобы выпить со мною *на ты*. Дубковъ сказалъ, что я почему-то похожъ вообще на полковника; Володя не поздравилъ меня и весьма сухо только сказалъ, что теперь мы послѣзавтра можемъ ѣхать въ деревню. Какъ будто, хотя онъ былъ и радъ моему поступленію, ему немножко непріятно было, что теперь и я такой же большой, какъ и онъ. St.-Jèrôme, который тоже пришелъ къ намъ, сказалъ очень напыщенно, что его обязанность кончена, что онъ не знаетъ, хорошо ли, дурно ли она исполнена, но что онъ сдѣлалъ все, что могъ, и что завтра онъ переѣзжаетъ къ своему графу. Въ отвѣтъ на все, что мнѣ говорили, я чувствовалъ, какъ про-

тивъ моей воли на лицѣ моемъ расцвѣтала сладкая, счастливая, нѣсколько глупо-самодовольная улыбка, и замѣчалъ, что улыбка эта даже сообщалась всѣмъ, кто со мной говорилъ.

И вотъ у меня нѣтъ гувернера, у меня есть свои дрожки, имя мое напечатано въ спискѣ студентовъ, у меня шпага на портупеѣ, будочники могутъ дѣлать иногда мнѣ честь... Я большой, я, кажется, счастливъ.

Обѣдать мы рѣшили у «Яра» въ пятомъ часу; но такъ какъ Володя поѣхалъ къ Дубкову, а Дмитрій тоже по своей привычкѣ исчезъ куда-то, сказавъ, что у него есть до обѣда одно дѣло, то я могъ употребить два часа времени, какъ мнѣ хотѣлось. Довольно долго я ходилъ по всѣмъ комнатамъ, и смотрѣлся во всѣ зеркала то въ застегнутомъ сюртукѣ, то совсѣмъ въ разстегнутомъ, то въ застегнутомъ на одну верхнюю пуговицу, и все мнѣ казалось отлично. Потомъ, какъ мнѣ ни совѣстно было показывать слишкомъ большую радость, я не удержался, пошелъ въ конюшню и каретный сарай, посмотрѣлъ «Красавчика», Кузьму и дрожки, потомъ снова вернулся и сталъ ходить по комнатамъ, поглядывая въ зеркала и разсчитывая деньги въ карманѣ и все такъ же счастливо улыбаясь. Однако не прошло и часа времени, какъ я почувствовалъ нѣкоторую скуку или сожалѣніе о томъ, что никто меня не видитъ въ такомъ блестящемъ положеніи, и мнѣ захотѣлось движенія и дѣятельности. Вслѣдствіе этого я велѣлъ заложить дрожки и рѣшилъ, что мнѣ лучше всего съѣздить на Кузнецкій мостъ сдѣлать покупки.

Я вспомнилъ, что Володя при вступленіи въ университетъ купилъ себѣ литографіи лошадей Виктора Адама, табаку и трубки, и мнѣ показалось необходимымъ сдѣлать то же самое.

При обращенныхъ со всѣхъ сторонъ на меня взглядахъ и при яркомъ блескѣ солнца на моихъ пуговицахъ, кокардѣ шляпы и шпагѣ я пріѣхалъ на Кузнецкій мостъ и остановился подлѣ магазина картинъ Даціаро. Оглядываясь на всѣ стороны, я вошелъ въ него. Я не хотѣлъ покупать лошадей В. Адама, для того, чтобы меня не могли упрекнуть въ обезьянствѣ Володѣ, но торопясь отъ стыда, въ безпокойствѣ, которое я доставлялъ услужливому магазинщику, выбрать поскорѣе, я взялъ гуашью сдѣланную женскую голову, стоявшую на окнѣ, и заплатилъ за нее двадцать рублей. Однако, заплативъ въ магазинѣ двадцать рублей, мнѣ все-таки казалось совѣстно, что я обезпокоилъ двухъ красиво одѣтыхъ магазинщиковъ такими пустяками, и притомъ, казалось, что они все еще слишкомъ небрежно на меня смотрятъ. Желая имъ дать почувствовать, кто я такой, я обратилъ вниманіе на серебряную штучку, которая лежала подъ стекломъ, и, узнавъ, что это былъ porte-crayon, который стоилъ восемнадцать рублей, попросилъ завернуть его въ бумажку и, заплативъ деньги и узнавъ еще, что хорошіе чубуки и табакъ можно найти рядомъ въ табачномъ магазинѣ, учтиво поклонясь обоимъ магазинщикамъ, вышелъ на улицу съ картиной подъ мышкой. Въ сосѣднемъ магазинѣ, на вывѣскѣ котораго былъ написанъ негръ, курящій сигару, я купилъ — тоже изъ желанія не подражать никому — не Жукова, а султанскаго табаку, стамбулку-

трубку и два липовыхъ и розовыхъ чубука. Выходя изъ магазина къ дрожкамъ, я увидѣлъ Семенова, который въ штатскомъ сюртукѣ, опустивъ голову, скорыми шагами шелъ по тротуару. Мнѣ было досадно, что онъ не узналъ меня. Я довольно громко сказалъ: «Подавай!» и, сѣвъ на дрожки, догналъ Семенова.

— Здравствуйте-съ,—сказалъ я ему.

— Мое почтеніе,—отвѣтилъ онъ, продолжая итти.

— Что же вы не въ мундирѣ?—спросилъ я.

Семеновъ остановился, прищуривъ глаза и оскаливъ свои бѣлые зубы, какъ будто ему было больно смотрѣть на солнце, но собственно затѣмъ, чтобы показать свое равнодушіе къ моимъ дрожкамъ и мундиру, молча посмотрѣлъ на меня и пошелъ дальше.

Съ Кузнецкаго моста я заѣхалъ въ кондитерскую на Тверской и, хотя желалъ притвориться, что меня въ кондитерской преимущественно интересуютъ газеты, не могъ удержаться и началъ ѣсть одинъ сладкій пирожокъ за другимъ. Несмотря на то, что мнѣ было стыдно передъ господиномъ, который изъ-за газеты съ любопытствомъ посматривалъ на меня, я съѣлъ чрезвычайно быстро пирожковъ восемь всѣхъ сортовъ, которые только были въ кондитерской.

Пріѣхавъ домой, я почувствовалъ маленькую изжогу; но, не обративъ на нее никакого вниманія, занялся разсматриваніемъ покупокъ, изъ которыхъ картина такъ мнѣ не понравилась, что я не только не обдѣлалъ ее въ рамку и не повѣсилъ въ своей комнатѣ, какъ Володя, но даже тщательно спряталъ ее за комодъ, гдѣ никто не могъ ее видѣть.

Porte-crayon дома мнѣ тоже не понравился; я положилъ его въ столъ, утѣшая себя, однако, мыслью, что это вещь серебряная, капитальная и для студента очень полезная. Курительные же препараты я тотчасъ рѣшилъ пустить въ дѣло и испробовать.

Распечатавъ четвертку, тщательно набивъ стамбулку красно-желтымъ, мелкой рѣзки, султанскимъ табакомъ, я положилъ на нее горящій трутъ и, взявъ чубукъ между среднимъ и безыменнымъ пальцемъ (положеніе руки, особенно мнѣ нравившееся), сталъ тянуть дымъ.

Запахъ табака былъ очень пріятенъ, но во рту было горько и дыханіе захватывало. Однако, скрѣпивъ сердце, я довольно долго втягивалъ въ себя дымъ, пробовалъ пускать кольца и затягиваться. Скоро комната вся наполнилась голубоватыми облаками дыма, трубка начала хрипѣть, горячій табакъ—подпрыгивать, а во рту я почувствовалъ горечь и въ головѣ маленькое круженіе. Я хотѣлъ уже перестать и только посмотрѣться съ трубкой въ зеркало, какъ, къ удивленію моему, зашатался на ногахъ; комната пошла кругомъ, и, взглянувъ въ зеркало, къ которому я съ трудомъ подошелъ, я увидѣлъ, что лицо мое было блѣдно, какъ полотно. Едва я успѣлъ упасть на диванъ, какъ почувствовалъ такую тошноту и такую слабость, что, вообразивъ себѣ, что трубка для меня смертельна, мнѣ показалось, что я умираю. Я серьезно испугался и хотѣлъ уже звать людей на помощь и посылать за докторомъ.

Однако страхъ этотъ продолжался недолго. Я скоро понялъ, въ чемъ дѣло, и съ страшною головною болью, разслабленный, долго лежалъ на ди-

ванѣ, съ тупымъ вниманіемъ вглядываясь въ гербъ Бостанджогло, изображенный на четверткѣ, въ валявшуюся на полу трубку, окурки и остатки кондитерскихъ пирожковъ, и съ разочарованіемъ грустно думалъ: «Вѣрно, я еще не совсѣмъ большой, если не могу курить, какъ другіе, и что, видно, мнѣ не судьба, какъ другимъ, держать чубукъ между среднимъ и безыменнымъ пальцами, затягиваться и пускать дымъ черезъ русые усы».

Дмитрій, заѣхавъ за мной въ пятомъ часу, засталъ меня въ этомъ непріятномъ положеніи. Выпивъ стаканъ воды однако, я почти оправился и былъ готовъ ѣхать съ нимъ.

— И что вамъ за охота курить,—сказалъ онъ, глядя на слѣды моего куренія;—это все глупости и напрасная трата денегъ. Я далъ себѣ слово не курить... Однако поѣдемъ скорѣй: еще надо заѣхать за Дубковымъ.

XIV.

ЧѢМЪ ЗАНИМАЛИСЬ ВОЛОДЯ СЪ ДУБКОВЫМЪ.

Какъ только Дмитрій вошелъ ко мнѣ въ комнату, по его лицу, походкѣ и свойственному ему жесту во время дурного расположенія духа, подмигивая глазомъ, гримасливо подергивать головой на бокъ, какъ будто для того, чтобы поправить галстукъ, я понялъ, что онъ находился въ своемъ холодно-упрямомъ расположеніи духа, которое на него находило, когда онъ былъ недоволенъ собой, и которое всегда производило охлаждающее дѣйствіе на мое къ нему чувство. Въ послѣднее время я уже начиналъ наблюдать и обсуждать характеръ моего друга, но дружба наша вслѣдствіе

этого нисколько не измѣнилась: она еще была такъ молода и сильна, что, съ какой бы стороны я ни смотрѣлъ на Дмитрія, я не могъ не видѣть его совершенствомъ. Въ немъ были два различные человѣка, которые оба были для меня прекрасны. Одинъ, котораго я горячо любилъ, добрый, ласковый, кроткій, веселый и съ сознаніемъ этихъ любезныхъ качествъ. Когда онъ бывалъ въ этомъ расположеніи духа, вся его наружность, звукъ голоса, всѣ движенія говорили, казалось: «я кротокъ и добродѣтеленъ, наслаждаюсь тѣмъ, что я кротокъ и добродѣтеленъ, и вы всѣ это можете видѣть». Другой—котораго я только теперь началъ узнавать и передъ величавостью котораго преклонялся—былъ человѣкъ холодный, строгій къ себѣ и къ другимъ, гордый, религіозный до фанатизма и педантически нравственный. Въ настоящую минуту онъ былъ этимъ вторымъ человѣкомъ.

Съ откровенностью, составлявшею необходимое условіе нашихъ отношеній, я сказалъ ему, когда мы сѣли въ дрожки, что мнѣ было грустно и больно видѣть его въ нынѣшній счастливый для меня день въ такомъ тяжеломъ, непріятномъ для меня расположеніи духа.

— Вѣрно, что-нибудь васъ разстроило: отчего вы мнѣ не скажете?—спросилъ я его.

— Николенька! — отвѣчалъ онъ неторопливо, нервически поворачивая голову на бокъ и подмигивая,—ежели я далъ слово ничего не скрывать отъ васъ, то вы и не имѣете причинъ подозрѣвать во мнѣ скрытность. Нельзя всегда быть одинаково расположеннымъ, а ежели что-нибудь меня разстроило, то я самъ не могу себѣ дать отчета.

«Какой это удивительно открытый, честный характеръ», подумалъ я и больше не заговаривалъ съ нимъ.

Мы молча прiѣхали къ Дубкову. Квартира Дубкова была необыкновенно хороша или показалась мнѣ такою. Вездѣ были ковры, картины, гардины, пестрые обои, портреты, изогнутыя кресла, вольтеровскiя кресла, на стѣнахъ висѣли ружья, пистолеты, кисеты и какiя-то картонныя звѣриныя головы. При видѣ этого кабинета я понялъ, кому подражалъ Володя въ убранствѣ своей комнаты. Мы застали Дубкова и Володю за картами. Какой-то незнакомый мнѣ господинъ (должно-быть, неважный, судя по его скромному положенiю) сидѣлъ подлѣ стола и очень внимательно смотрѣлъ на игру. Самъ Дубковъ былъ въ шелковомъ халатѣ и мягкихъ башмакахъ. Володя безъ сюртука сидѣлъ противъ него на диванѣ и, судя по раскраснѣвшемуся лицу и недовольному, бѣглому взгляду, который онъ, на секунду оторвавъ отъ картъ, бросилъ на насъ, былъ очень занятъ игрой. Увидѣвъ меня, онъ покраснѣлъ еще больше.

— Ну, тебѣ сдавать,—сказалъ онъ Дубкову. Я понялъ, что ему было непрiятно, что я узналъ про то, что онъ играетъ въ карты. Но въ его выраженiи не было замѣтно смущенiя, оно какъ будто говорило мнѣ: «Да, играю, а ты удивляешься этому только потому, что еще молодъ. Это не только не дурно, но должно въ наши лѣта».

Я тотчасъ почувствовалъ и понялъ это.

Дубковъ, однако, не сталъ сдавать карты, а всталъ, пожалъ всѣмъ руки, усадилъ и предложилъ трубки, отъ которыхъ мы отказались.

— Такъ вотъ онъ, нашъ дипломатъ, виновникъ торжества,—сказалъ Дубковъ.—Ей-Богу, ужасно похожъ на полковника.

— Гмъ!—промычалъ я, чувствуя опять на своемъ лицѣ распускающуюся глупо-самодовольную улыбку.

Я уважалъ Дубкова, какъ только можетъ уважать шестнадцатилѣтній мальчикъ двадцатисемилѣтняго адъютанта, про котораго всѣ большіе говорятъ, что онъ чрезвычайно порядочный молодой человѣкъ, который отлично танцуетъ, говоритъ по-французски и который, въ душѣ презирая мою молодость, видимо старается скрывать это.

Несмотря на все мое уваженіе, во все время нашего съ нимъ знакомства мнѣ, Богъ знаетъ отчего, бывало тяжело и неловко смотрѣть ему въ глаза. А я замѣтилъ послѣ, что мнѣ бываетъ неловко смотрѣть въ глаза тремъ родамъ людей: тѣмъ, которые гораздо хуже меня, тѣмъ, которые гораздо лучше меня, и тѣмъ, съ которыми мы не рѣшаемся сказать другъ другу вещь, которую оба знаемъ. Можетъ-быть, Дубковъ былъ и лучше, можетъ-быть, и хуже меня, но навѣрное уже было то, что онъ очень часто лгалъ, не признаваясь въ этомъ, что я замѣтилъ въ немъ эту слабость и, разумѣется, не рѣшался ему говорить о ней.

— Сыграемъ еще одного короля,—сказалъ Володя, подергивая плечомъ, какъ папа, и тасуя карты.

— Вотъ пристаетъ!—сказалъ Дубковъ,—послѣ доиграемъ. Ну, а впрочемъ, одного—давай.

Въ то время, какъ они играли, я наблюдалъ ихъ руки. У Володи была большая, красивая рука; отдѣлъ большого пальца и выгибъ остальныхъ,

когда онъ держалъ карты, были такъ похожи на руку папа, что мнѣ даже одно время казалось, что Володя нарочно такъ держитъ руки, чтобы быть похожимъ на большого; но, взглянувъ на его лицо, сейчасъ видно было, что онъ ни о чемъ не думаетъ, кромѣ игры. У Дубкова, напротивъ, руки были маленькія, пухлыя, загнутыя внутрь, чрезвычайно ловкія и съ мягкими пальцами; именно тотъ сортъ рукъ, на которыхъ бываютъ перстни и которыя принадлежатъ людямъ, склоннымъ къ ручнымъ работамъ и любящимъ имѣть красивыя вещи.

Должно-быть, Володя проигралъ, потому что господинъ, смотрѣвшій ему въ карты, замѣтилъ, что Владиміру Петровичу ужасное несчастіе, и Дубковъ, доставъ портфель, записалъ туда что-то и, показавъ записанное Володѣ, сказалъ: «Такъ?»

— Такъ!—сказалъ Володя, притворно разсѣянно взглянувъ въ записную книжку,—теперь поѣдемте.

Володя повезъ Дубкова, меня повезъ Дмитрій въ своемъ фаэтонѣ.

— Во что это они играли?—спросилъ я Дмитрія.

— Въ пикетъ. Глупая игра, да и вообще игра—глупая вещь.

— А они въ большія деньги играютъ?

— Не въ большія, однако нехорошо.

— А вы не играете?

— Нѣтъ, я далъ слово не играть; а Дубковъ не можетъ, чтобы не обыграть кого-нибудь.

— Вѣдь это нехорошо съ его стороны,—сказалъ я.—Володя, вѣрно, хуже его играетъ?

— Разумѣется, нехорошо, но дурного тутъ ничего особеннаго нѣтъ. Дубковъ любитъ играть

и умѣетъ играть, а все-таки онъ отличный человѣкъ.

— Да я совсѣмъ и не думалъ...—сказалъ я.

— Да и нельзя о немъ ничего дурного думать, потому что онъ точно прекрасный человѣкъ. И я его очень люблю и всегда буду любить, несмотря на его слабости.

Мнѣ почему-то показалось, что именно потому, что Дмитрій слишкомъ горячо заступался за Дубкова, онъ уже не любилъ и не уважалъ его, но не признавался въ томъ изъ упрямства и изъ того, чтобы его никто не могъ упрекнуть въ непостоянствѣ. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые любятъ друзей на всю жизнь, не столько потому, что эти друзья остаются имъ постоянно любезны, сколько потому, что разъ, даже по ошибкѣ, полюбивъ человѣка, они считаютъ безчестнымъ разлюбить его.

XV.

МЕНЯ ПОЗДРАВЛЯЮТЪ.

Дубковъ и Володя знали у «Яра» всѣхъ людей по имени, и отъ швейцара до хозяина всѣ оказывали имъ большое уваженіе. Намъ тотчасъ отвели особенную комнату и подали какой-то удивительный обѣдъ, выбранный Дубковымъ по французской картѣ. Бутылка замороженнаго шампанскаго, на которую я старался смотрѣть какъ можно равнодушнѣе, уже была приготовлена. Обѣдъ прошелъ очень пріятно и весело, несмотря на то, что Дубковъ, по своему обыкновенію, разсказывалъ самые странные, будто бы истинные случаи,— между прочимъ, какъ его бабушка убила изъ мушкетона трехъ напавшихъ на нее разбойниковъ

(при чемъ я покраснѣлъ и, потупивъ глаза, отвернулся отъ него), — и, несмотря на то, что Володя видимо робѣлъ всякій разъ, какъ я начиналъ говорить что-нибудь (что было совершенно напрасно, потому что я не сказалъ, сколько помню, ничего особенно постыднаго). Когда подали шампанское, всѣ поздравили меня и я выпилъ черезъ руку «на ты» съ Дубковымъ и Дмитріемъ и поцѣловался съ ними. Такъ какъ я не зналъ, кому принадлежитъ поданная бутылка шампанскаго (она была общая, какъ послѣ мнѣ объяснили), и я хотѣлъ угостить пріятелей на свои деньги, которыя я безпрестанно ощупывалъ въ карманѣ, я, досталъ потихоньку десятирублевую бумажку и, подозвавъ къ себѣ человѣка, далъ ему деньги и шопотомъ, но такъ, что всѣ слышали, потому что молча смотрѣли на меня, сказалъ ему, чтобъ онъ принесъ *пожалуйста уже еще полбутылочки шампанскаго*. Володя покраснѣлъ, такъ сталъ подергиваться и испуганно глядѣть на меня и на всѣхъ, что я почувствовалъ, какъ я ошибся, но полбутылочку принесли и мы ее выпили съ большимъ удовольствіемъ. Продолжало казаться очень весело. Дубковъ вралъ безъ-умолку, и Володя тоже разсказывалъ такія смѣшныя штуки и такъ хорошо, что я никакъ не ожидалъ отъ него, и мы много смѣялись. Характеръ ихъ смѣшного, то-есть Володи и Дубкова, состоялъ въ подражаніи и усиленіи извѣстнаго анекдота: «Что, вы были за границей?» будто бы говоритъ одинъ. «Нѣтъ, я не былъ, — отвѣчаетъ другой, — но братъ играетъ на скрипкѣ». Они въ этомъ родѣ комизма безсмыслія дошли до такого совершенства, что уже самый анекдотъ разсказывали такъ, что «братъ

мой тоже никогда не игралъ на скрипкѣ». На каждый вопросъ они отвѣчали другъ другу въ томъ же родѣ, а иногда и безъ вопроса старались только соединить двѣ самыя несообразныя вещи, говорили эту безсмыслицу съ серьезнымъ лицомъ, — и выходило очень смѣшно. Я начиналъ понимать, въ чемъ было дѣло, и хотѣлъ тоже разсказать смѣшное, но всѣ робко смотрѣли или старались не смотрѣть на меня въ то время, какъ я говорилъ, и анекдотъ мой не вышелъ. Дубковъ сказалъ: «Заврался, братъ, дипломатъ», но мнѣ было такъ пріятно отъ выпитаго шампанскаго и общества большихъ, что это замѣчаніе только чуть-чуть оцарапало меня. Одинъ Дмитрій, несмотря на то, что пилъ ровно съ нами, продолжалъ быть въ своемъ строгомъ, серьезномъ расположеніи духа, которое нѣсколько сдерживало общее веселье.

— Ну, послушайте, господа, — сказалъ Дубковъ, — послѣ обѣда вѣдь надо дипломата въ руки забрать. Не поѣхать ли намъ къ *теткѣ*, тамъ ужъ мы съ нимъ распорядимся.

— Нехлюдовъ вѣдь не поѣдетъ, — сказалъ Володя.

— Несносный смиренникъ! Ты несносный смиренникъ! — сказалъ Дубковъ, обращаясь къ нему. — Поѣдемъ съ нами, увидишь, что отличная дама тетушка.

— Не только не поѣду, но и его не пущу, — отвѣчалъ Дмитрій, краснѣя.

— Кого? дипломата? Вѣдь ты хочешь, дипломатъ? Смотри, онъ даже весь просіялъ, какъ только заговорили о тетушкѣ.

— Не то что не пущу, — продолжалъ Дмитрій, вставая съ мѣста и начиная ходить по комнатѣ, не глядя на меня, — а не совѣтую ему и не желаю, чтобъ онъ ѣхалъ. Онъ не ребенокъ теперь и ежели хочетъ, то можетъ одинъ, безъ васъ, ѣхать. А тебѣ это должно быть стыдно, Дубковъ: что ты дѣлаешь нехорошо, такъ хочешь, чтобы и другіе то же дѣлали.

— Что-жъ тутъ дурного, — сказалъ Дубковъ, подмигивая Володѣ, — что я васъ всѣхъ приглашаю къ тетушкѣ на чашку чаю? Ну, а ежели тебѣ непріятно, что мы ѣдемъ, такъ изволь: мы поѣдемъ съ Володей. Володя, поѣдешь?

— Гмъ, гмъ, — утвердительно сказалъ Володя. — съѣздимъ туда, а потомъ вернемся ко мнѣ и будемъ продолжать пикетъ.

— Что, ты хочешь ѣхать съ ними или нѣтъ? — сказалъ Дмитрій, подходя ко мнѣ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я, подвигаясь на диванѣ, чтобы дать ему мѣсто подлѣ себя, на которое онъ сѣлъ, — я и просто не хочу, а если ты не совѣтуешь, то я ни за что не поѣду. Нѣтъ, — прибавилъ я потомъ, — я неправду говорю, что мнѣ не хочется съ ними ѣхать, но я радъ, что не поѣду.

— И отлично, — сказалъ онъ, — живи по-своему и не пляши ни по чьей дудкѣ, это лучше всего.

Этотъ маленькій споръ не только не разстроилъ нашего удовольствія, но еще увеличилъ его. Дмитрій вдругъ пришелъ въ мое любимое, кроткое расположеніе духа. Такое вліяніе имѣло на него, какъ я послѣ не разъ замѣчалъ, сознаніе хорошаго поступка. Онъ теперь былъ доволенъ собой за то, что отстоялъ меня. Онъ чрезвычайно развеселился, потребовалъ еще бутылку шампанскаго (что

было противъ его правилъ), зазвалъ въ нашу комнату какого-то незнакомаго господина и сталъ поить его, пѣлъ «Gaudeamus igitur», просилъ, чтобы всѣ вторили ему, и предлагалъ ѣхать въ Сокольники кататься, на что Дубковъ замѣтилъ, что это слишкомъ чувствительно.

— Давайте нынче веселиться,—говорилъ Дмитрій, улыбаясь:—въ честь его вступленія я въ первый разъ напьюсь пьянъ, ужъ такъ и быть. — Эта веселость какъ-то странно шла къ Дмитрію. Онъ былъ похожъ на гувернера или добраго отца, который доволенъ своими дѣтьми, разгулялся и хочетъ ихъ потѣшить и вмѣстѣ доказать, что можно честно и прилично веселиться; но, несмотря на это, на меня и на другихъ, кажется, эта неожиданная веселость дѣйствовала заразительно, тѣмъ болѣе, что на каждаго изъ насъ пришлось уже почти по полбутылкѣ шампанскаго.

Въ такомъ-то пріятномъ настроеніи духа я вышелъ въ большую комнату съ тѣмъ, чтобы закурить папироску, которую мнѣ далъ Дубковъ.

Когда я всталъ съ мѣста, я замѣтилъ, что голова у меня немного кружилась и ноги шли и руки были въ естественномъ положеніи только тогда, когда я о нихъ пристально думалъ. Въ противномъ же случаѣ ноги забирали по сторонамъ, а руки выдѣлывали какіе-то жесты. Я устремилъ на эти члены все свое вниманіе, велѣлъ рукамъ подняться, застегнуть сюртукъ, пригладить волосы (при чемъ онѣ какъ-то ужасно высоко подбросили локти), а ногамъ велѣлъ итти въ дверь, что онѣ исполнили, но ступали какъ-то очень твердо или слишкомъ нѣжно, особенно лѣвая нога все становилась на цыпочку. Какой-то голосъ

прокричалъ мнѣ: «Куда ты идешь? принесутъ свѣчку». Я догадался, что этотъ голосъ принадлежалъ Володѣ, и мнѣ доставила удовольствіе мысль, что я таки догадался, но въ отвѣтъ ему я только слегка улыбнулся и пошелъ дальше.

XVI.

ССОРА.

Въ большой комнатѣ сидѣлъ за маленькимъ столомъ невысокій, плотный штатскій господинъ съ рыжими усами и ѣлъ что-то. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ высокой брюнетъ безъ усовъ. Они говорили по-фрацузски. Ихъ взглядъ смутилъ меня, но я все-таки рѣшилъ закурить папироску у горѣвшей свѣчки, которая стояла передъ ними. Поглядывая по сторонамъ, чтобы не встрѣчать ихъ взглядовъ, я подошелъ къ столу и сталъ зажигать папироску. Когда папироска загорѣлась, я не утерпѣлъ и взглянулъ на обѣдавшаго господина. Его сѣрые глаза были пристально и недоброжелательно устремлены на меня. Только что я хотѣлъ отвернуться, рыжіе усы его зашевелились и онъ произнесъ по-французски: «Не люблю, чтобы курили, когда я обѣдаю, милостивый государь».

Я пробормоталъ что-то непонятное.

— Да-съ, не люблю, — продолжалъ строго господинъ съ усами, бѣгло взглянувъ на господина безъ усовъ, какъ будто приглашая его полюбоваться на то, какъ онъ будетъ обработывать меня, — не люблю-съ, милостивый государь, и тѣхъ, которые такъ невѣжливы, что приходятъ курить вамъ въ носъ, и тѣхъ не люблю.—Я тотчасъ же

сообразилъ, что этотъ господинъ меня распекаетъ, но мнѣ казалось въ первую минуту, что я былъ очень виноватъ передъ нимъ.

— Я не думалъ, что это вамъ помѣшаетъ, — сказалъ я.

— А, вы не думали, что вы невѣжа, а я думалъ! — закричалъ господинъ.

— Какое вы имѣете право кричать? — сказалъ я, чувствуя, что онъ меня оскорбляетъ, и начиная самъ сердиться.

— Такое, что я никогда никому не позволю мнѣ манкировать и всегда буду учить такихъ молодцовъ, какъ вы. Какъ ваша фамилія, милостивый государь? и гдѣ вы живете?

Я былъ очень озлобленъ, губы у меня тряслись и дыханіе захватывало. Но я все-таки чувствовалъ себя виноватымъ, должно-быть, за то, что я выпилъ много шампанскаго, и не сказалъ этому господину никакихъ грубостей, а напротивъ, губы мои самымъ покорнымъ образомъ назвали фамилію и нашъ адресъ.

— Моя фамилія Колпиковъ, милостивый государь, а вы впередъ будьте учтивѣе. Мы еще увидимся съ вами (vous aurez de mes nouvelles), — заключилъ онъ, такъ какъ весь разговоръ происходилъ по-французски.

Я сказалъ только: «очень радъ», стараясь дать голосу какъ можно болѣе твердости, повернулся и съ папироской, которая успѣла потухнуть, вернулся въ нашу комнату.

Я ничего не сказалъ о случившемся со мной ни брату, ни пріятелямъ, тѣмъ болѣе, что они были заняты какимъ-то горячимъ споромъ, и

усѣлся одинъ въ уголку, разсуждая объ этомъ странномъ обстоятельствѣ. Слова: «вы невѣжа, милостивый государь» (un mal élevé, monsieur), такъ и звучали у меня въ ушахъ, все болѣе и болѣе возмущали меня. Хмель у меня совершенно прошелъ. Когда я размышлялъ о томъ, какъ я поступилъ въ этомъ дѣлѣ, мнѣ вдругъ пришла страшная мысль, что я поступилъ какъ трусъ. «Какое онъ имѣлъ право нападать на меня? Отчего онъ просто не сказалъ мнѣ, что это ему мѣшаетъ? Стало-быть, онъ былъ виноватъ? Отчего же, когда онъ мнѣ сказалъ, что я невѣжа, я не сказалъ ему: невѣжа, милостивый государь, тотъ, кто позволяетъ себѣ грубость? или отчего я просто не крикнулъ на него: *молчать!* — Это было бы отлично; зачѣмъ я не вызвалъ его на дуэль? Нѣтъ! я ничего этого не сдѣлалъ, а какъ подлый трусишка проглотилъ обиду». «Вы невѣжа, милостивый государь!» безпрестанно раздражающе звучало у меня въ ушахъ. «Нѣтъ, этого нельзя такъ оставить», подумалъ я и всталъ съ твердымъ намѣреніемъ пойти опять къ этому господину и сказать ему что-нибудь ужасное, а можетъ-быть, и прибить его подсвѣчникомъ по головѣ, коли придется. Я съ величайшимъ наслажденіемъ мечталъ о послѣднемъ намѣреніи, но не безъ сильнаго страха вошелъ снова въ большую комнату. Къ счастію, г. Колпикова уже не было; одинъ лакей былъ въ большой комнатѣ и убиралъ столъ. Я хотѣлъ было сообщить лакею о случившемся и объяснить ему, что я нисколько не виноватъ, но почему-то раздумалъ и въ самомъ мрачномъ расположеніи духа снова вернулся въ нашу комнату.

— Что это съ нашимъ дипломатомъ сдѣлалось? —сказалъ Дубковъ. — Онъ, вѣрно, рѣшаетъ теперь судьбу Европы.

— Ахъ, оставь меня въ покоѣ, — сказалъ я, угрюмо отворачиваясь. Вслѣдъ за тѣмъ я, расхаживая по комнатѣ, началъ размышлять почему-то о томъ, что Дубковъ вовсе не хорошій человѣкъ. «И что за вѣчныя шутки и названіе «дипломатъ» — ничего тутъ любезнаго нѣтъ. Ему бы только обыгрывать Володю да ѣздить къ тетушкѣ какой-то... И ничего въ немъ нѣтъ пріятнаго. Все, что ни скажетъ, солжетъ или пошлость какая-нибудь, и вѣчно тоже хочетъ насмѣхаться. Мнѣ кажется, онъ просто глупъ, да и дурной человѣкъ». Въ такихъ-то размышленіяхъ я провелъ минутъ пять, все болѣе и болѣе чувствуя почему-то враждебное чувство къ Дубкову. Дубковъ же не обращалъ на меня вниманія, и это злило меня еще болѣе. Я даже сердился на Володю и на Дмитрія за то, что они съ нимъ разговариваютъ.

— Знаете что, господа? надо дипломата водой облить,—сказалъ вдругъ Дубковъ, взглянувъ на меня съ улыбкой, которая мнѣ показалась насмѣшливою и даже предательскою,—а то онъ плохъ! Ей-Богу, онъ плохъ!

— И васъ надо облить, сами вы плохи,—отвѣчалъ я, злостно улыбаясь и забывъ даже, что ему говорилъ «ты».

Этотъ отвѣтъ, должно-быть, удивилъ Дубкова, но онъ равнодушно отвернулся отъ меня и продолжалъ разговаривать съ Володей и Дмитріемъ.

Я попробовалъ было присоединиться къ ихъ бесѣдѣ, но чувствовалъ, что рѣшительно не могъ

притворяться, и снова удалился въ свой уголъ, гдѣ и пробылъ до самаго отъѣзда.

Когда расплатились и стали надѣвать шинели, Дубковъ обратился къ Дмитрію:

— Ну, а Орестъ и Пиладъ куда поѣдутъ? вѣрно, домой бесѣдовать о *любви;* то ли дѣло, мы провѣдаемъ милую тетушку,—лучше вашей кислой дружбы.

— Какъ вы смѣете говорить, смѣяться надъ нами?—заговорилъ я вдругъ, подходя къ нему очень близко и махая руками,—какъ вы смѣете смѣяться надъ чувствами, которыхъ не понимаете? Я вамъ этого не позволю. Молчать!—закричалъ я и самъ замолчалъ, не зная, что говорить дальше, и задыхаясь отъ волненія. Дубковъ сначала удивился, потомъ хотѣлъ улыбнуться и принять это въ шутку, но, наконецъ, къ моему великому удивленію, испугался и опустилъ глаза.

— Я вовсе не смѣюсь надъ вами и вашими чувствами, я такъ только говорю,—сказалъ онъ уклончиво.

— То-то!—закричалъ я, но въ это же самое время мнѣ стало совѣстно за себя и жалко Дубкова, красное, смущенное лицо котораго выражало истинное страданіе.

— Что съ тобой?—заговорили вмѣстѣ Володя и Дмитрій:—никто тебя не хотѣлъ обижать.

— Нѣтъ, онъ хотѣлъ оскорбить меня.

— Вотъ отчаянный господинъ твой братъ,—сказалъ Дубковъ въ то самое время, когда онъ уже выходилъ изъ двери, такъ что не могъ бы слышать того, что я скажу.

Можетъ-быть, я бросился бы догонять его и наговорилъ бы ему еще грубостей, но въ это

время тотъ самый лакей, который присутствовалъ при моей исторіи съ Колпиковымъ, подалъ мнѣ шинель, и я тотчасъ же успокоился, притворяясь только передъ Дмитріемъ разсерженнымъ настолько, насколько это было необходимо, чтобы мгновенное успокоеніе не показалось страннымъ. На другой день мы съ Дубковымъ встрѣтились у Володи, не поминали объ этой исторіи, но остались на «вы», и смотрѣть другъ другу въ глаза стало намъ еще труднѣе.

Воспоминаніе о ссорѣ съ Колпиковымъ, который, впрочемъ, ни на другой день ни послѣ такъ и не далъ мнѣ de ses nouvelles, было многіе годы для меня ужасно живо и тяжело. Я подергивался и вскрикивалъ лѣть пять послѣ этого, всякій разъ, какъ вспоминалъ неотплаченную обиду, и утѣшалъ себя, съ самодовольствіемъ вспоминая о томъ, какимъ я молодцомъ показалъ себя зато въ дѣлѣ съ Дубковымъ. Только гораздо послѣ этого я сталъ совершенно иначе смотрѣть на это дѣло и съ комическимъ удовольствіемъ вспоминать о ссорѣ съ Колпиковымъ и раскаиваться въ незаслуженномъ оскорбленіи, которое я нанесъ *доброму малому* Дубкову.

Когда я въ тотъ же день вечеромъ разсказалъ Дмитрію свое приключеніе съ Колпиковымъ, котораго наружность я описалъ ему подробно, онъ удивился чрезвычайно.

— Да это тотъ самый!—сказалъ онъ.—Можешь себѣ представить, что этотъ Колпиковъ извѣстный негодяй, шулеръ, а главное—трусъ, выгнанъ товарищами изъ полка за то, что получилъ пощечину и не хотѣлъ драться. Откуда у него прыть взялась?—прибавилъ онъ, съ доброю улыбкой

глядя на меня.—Вѣдь онъ больше ничего не сказалъ, какъ «невѣжа»?

— Да,—отвѣчалъ я, краснѣя.

— Нехорошо, ну, да еще не бѣда!—утѣшалъ меня Дмитрій.

Только гораздо послѣ, размышляя уже спокойно объ этомъ обстоятельствѣ, я сдѣлалъ предположеніе довольно правдоподобное, что Колпиковъ, послѣ многихъ лѣтъ почувствовавъ, что на меня напасть можно, выместилъ на мнѣ въ присутствіи брюнета безъ усовъ полученную пощечину, точно такъ же, какъ я тотчасъ же выместилъ его «невѣжу» на невинномъ Дубковѣ.

XVII.

Я СОБИРАЮСЬ ДѢЛАТЬ ВИЗИТЫ.

Проснувшись на другой день, первою мыслью моею было приключеніе съ Колпиковымъ; опять я помычалъ, побѣгалъ по комнатѣ, но дѣлать было нечего; притомъ нынче былъ послѣдній день, который я проводилъ въ Москвѣ, и надо было сдѣлать, по приказанію папа, визиты, которые онъ мнѣ самъ написалъ на бумажкѣ. Заботою о насъ отца были не столько нравственность и образованіе, сколько свѣтскія отношенія. На бумажкѣ было написано его изломаннымъ быстрымъ почеркомъ: «1) къ князю Ивану Ивановичу *непремѣнно;* 2) къ Ивинымъ *непремѣнно;* 3) къ князю Михайлѣ; 4) къ княгинѣ Нехлюдовой и къ Валахиной, ежели успѣешь». И, разумѣется, къ попечителю, къ ректору и къ профессорамъ.

Послѣдніе визиты Дмитрій отсовѣтовалъ мнѣ дѣлать, говоря, что это не только не нужно, но даже было бы неприлично, но остальные надо было всѣ сдѣлать сегодня. Изъ нихъ особенно пугали меня два первые визита, подлѣ которыхъ было написано *непремѣнно.* Князь Иванъ Ивановичъ былъ генералъ-аншефъ, старикъ, богачъ и одинъ; стало-быть, я шестнадцатилѣтній студентъ, долженъ былъ имѣть съ нимъ прямыя отношенія, которыя, я предчувствовалъ, не могли быть для меня лестны. Ивины тоже были богачи, и отецъ ихъ былъ какой-то важный штатскій генералъ, который всего только разъ, при бабушкѣ, самъ былъ у насъ. Послѣ же смерти бабушки я замѣчалъ, что младшій Ивинъ дичился насъ и какъ будто важничалъ. Старшій, какъ я зналъ по слухамъ, уже кончилъ курсъ въ правовѣдѣніи и служилъ въ Петербургѣ; второй, Сергѣй, котораго я обожалъ нѣкогда, былъ тоже въ Петербургѣ большимъ толстымъ кадетомъ въ пажескомъ корпусѣ.

Я въ юности не только не любилъ отношеній съ людьми, которые считали себя выше меня, но такія отношенія были для меня невыносимо мучительны вслѣдствіе постояннаго страха оскорбленія и напряженія всѣхъ умственныхъ силъ на то, чтобы доказать имъ свою самостоятельность. Однако, не исполняя послѣдняго приказанія папа, надо загладить вину исполненіемъ первыхъ. Я ходилъ по комнатѣ, оглядывая разложенныя на стульяхъ платье, шпагу и шляпу, и собирался уже ѣхать, когда ко мнѣ пришелъ съ поздравленіемъ старикъ Грапъ и привелъ съ собой Илиньку. Отецъ Грапъ былъ обрусѣвшій нѣмецъ, невыносимо при-

торный, льстивый и весьма часто нетрезвый; онъ приходилъ къ намъ большею частью только для того, чтобы просить о чемъ-нибудь, и папа сажалъ его иногда у себя въ кабинетѣ, но обѣдать его никогда не сажали съ нами. Его униженіе и попрошайничество такъ слились съ какимъ-то внѣшнимъ добродушіемъ и привычкою къ нашему дому, что всѣ ставили ему въ большую заслугу его будто бы привязанность ко всѣмъ намъ, но я почему-то не любилъ его и, когда онъ говорилъ, мнѣ всегда бывало стыдно за него.

Я былъ очень недоволенъ приходомъ этихъ гостей и не старался скрывать своего неудовольствія. На Илиньку я такъ привыкъ смотрѣть свысока и онъ такъ привыкъ считать насъ въ правѣ это дѣлать, что мнѣ было нѣсколько непріятно, что онъ такой же студентъ, какъ и я. Мнѣ казалось, что и ему было нѣсколько совѣстно передо мной за это равенство. Я холодно поздоровался съ ними и, не пригласивъ ихъ сѣсть, потому что мнѣ было совѣстно это сдѣлать, думая, что они это могутъ сдѣлать и безъ моего приглашенія, велѣлъ закладывать пролетку. Илинька былъ добрый, очень честный и весьма неглупый молодой человѣкъ, но онъ былъ то, что называется малый съ дурью; на него безпрестанно находило — и, казалось, безъ всякихъ причинъ — какое-нибудь крайнее расположеніе духа: то плаксивость, то смѣшливость, то обидчивость за всякую малость; и теперь, какъ кажется, онъ находился въ этомъ послѣднемъ настроеніи духа. Онъ ничего не говорилъ, злобно посматривалъ на меня и на отца и только, когда къ нему обращались, улыбался своею покорною, принужденною улыбкой,

подъ которой онъ уже привыкъ скрывать свои чувства и особенно чувство стыда за своего отца, которое онъ не могъ не испытывать при насъ.

— Такъ-то-съ, Николай Петровичъ, — говорилъ мнѣ старикъ, слѣдуя за мной по комнатѣ, въ то время какъ я одѣвался, и почтительно медленно вертя между своими толстыми пальцами серебряную, подаренную бабушкой, табакерку: — какъ только узналъ отъ сына, что вы изволили такъ отлично выдержать экзаменъ—вѣдь вашъ умъ всѣмъ извѣстенъ — тотчасъ прибѣжалъ поздравить, батюшка; вѣдь я васъ на плечѣ носилъ, и Богъ видитъ, что всѣхъ васъ, какъ родныхъ, люблю, и Илинька мой все просился къ вамъ. Тоже и онъ привыкъ ужъ къ вамъ.

Илинька въ это время сидѣлъ молча у окна, разсматривая будто бы мою треугольную шляпу, и чуть замѣтно что-то сердито бормоталъ себѣ подъ носъ.

— Ну, а я васъ хотѣлъ спросить, Николай Петровичъ, — продолжалъ старикъ, — какъ мой-то Илюша хорошо экзаменовался? Онъ говорилъ, что будетъ съ вами вмѣстѣ, такъ вы ужъ его не оставьте, присмотрите за нимъ, посовѣтуйте.

— Что же, онъ прекрасно выдержалъ, — отвѣчалъ я, взглянувъ на Илиньку, который, почувствовавъ на себѣ мой взглядъ, покраснѣлъ и пересталъ шевелить губами.

— А можно ему у васъ пробыть нынче денекъ? — сказалъ старикъ съ такою робкою улыбкой, какъ будто онъ очень боялся меня, и все, куда бы я ни подвинулся, оставаясь отъ меня въ такомъ

близкомъ разстояніи, что винный и табачный запахъ, которымъ онъ весь былъ пропитанъ, ни на секунду не переставалъ мнѣ быть слышенъ. Мнѣ было досадно за то, что онъ ставилъ меня въ такое фальшивое положеніе къ своему сыну, и за то, что отвлекалъ мое вниманіе отъ весьма важнаго для меня тогда занятія — одѣванья; а главное — этотъ преслѣдующій меня запахъ перегара такъ разстроилъ меня, что я очень холодно сказалъ ему, что я не могу быть съ Илинькой, потому что цѣлый день не буду дома.

— Да вѣдь вы хотѣли итти къ сестрицѣ, батюшка, — сказалъ Илинька, улыбаясь и не глядя на меня, — да и мнѣ дѣло есть. — Мнѣ стало еще досаднѣе и совѣстнѣе, и чтобы загладить чѣмъ-нибудь свой отказъ, я поспѣшилъ сообщить, что я не буду дома, потому что долженъ быть у *князя* Ивана Ивановича, у *княгини* Корнаковой, у Ивина, того самаго, что имѣетъ такое важное мѣсто, и что вѣрно буду обѣдать у *княгини* Нехлюдовой. Мнѣ казалось, что, узнавъ, къ какимъ важнымъ людямъ я ѣду, они уже не могли претендовать на меня. Когда они собрались уходить, я пригласилъ Илиньку заходить ко мнѣ въ другой разъ; но Илинька только промычалъ что-то и улыбнулся съ принужденнымъ выраженіемъ. Видно было, что нога его больше никогда у меня не будетъ.

Вслѣдъ за ними я поѣхалъ по своимъ визитамъ. Володя, котораго еще утромъ я просилъ ѣхать вмѣстѣ, чтобы мнѣ было не такъ неловко одному, отказался, подъ предлогомъ, что это было бы слишкомъ чувствительно, что два *братца* ѣздятъ вмѣстѣ на одной *пролеточкѣ*.

XVIII.

ВАЛАХИНЫ.

Итакъ, я отправился одинъ. Первый визитъ былъ, по мѣстности, къ Валахиной, на Сивцевомъ Вражкѣ. Я года три не видалъ Сонечки, и любовь моя къ ней, разумѣется, давнымъ-давно прошла, но въ душѣ оставалось еще живое и трогательное воспоминаніе прошедшей дѣтской любви. Мнѣ случалось въ продолженіе этихъ трехъ лѣтъ вспоминать о ней съ такою силой и ясностью, что я проливалъ слезы и чувствовалъ себя снова влюбленнымъ, но это продолжалось только нѣсколько минутъ и возвращалось снова нескоро.

Я зналъ, что Сонечка съ матерью была за-границей, гдѣ онѣ пробыли года два и гдѣ, разсказывали, ихъ вывалили въ дилижансѣ и Сонечкѣ изрѣзали лицо стеклами кареты, отъ чего она будто бы очень подурнѣла. Дорогой къ нимъ я живо вспоминалъ о прежней Сонечкѣ и думалъ о томъ, какою теперь ее встрѣчу. Вслѣдствіе двухлѣтняго пребыванія ея за-границей я воображалъ ее почему-то чрезвычайно высокою, съ прекрасною таліей, серьезною и важною, но необыкновенно привлекательною. Воображеніе мое отказывалось представлять ее съ изуродованнымъ шрамами лицомъ; напротивъ, слышавъ гдѣ-то про страстнаго любовника, оставшагося вѣрнымъ своему предмету, несмотря на изуродовавшую ее оспу, я старался думать, что я влюбленъ въ Сонечку, для того, чтобъ имѣть заслугу, несмотря на шрамы, остаться ей вѣрнымъ. Вообще, подъѣзжая къ дому Валахиныхъ, я не былъ влюбленъ, но, расшевеливъ въ себѣ старыя воспоминанія любви, былъ

хорошо приготовленъ влюбиться и очень желалъ этого, тѣмъ болѣе, что мнѣ уже давно было совѣстно, глядя на всѣхъ своихъ влюбленныхъ пріятелей, за то, что я такъ отсталъ отъ нихъ.

Валахины жили въ маленькомъ, чистенькомъ деревянномъ домикѣ, входъ котораго былъ со двора. Дверь отперъ мнѣ, по звону въ колокольчикъ, который былъ тогда еще большою рѣдкостью въ Москвѣ, крошечный, чисто одѣтый мальчикъ. Онъ не умѣлъ или не хотѣлъ сказать мнѣ, дома ли господа, и, оставивъ одного въ темной передней, убѣжалъ въ еще болѣе темный коридоръ.

Я довольно долго оставался одинъ въ этой темной комнатѣ, въ которой, кромѣ входа и коридора, была еще одна запертая дверь, и отчасти удивлялся этому мрачному характеру дома, отчасти полагалъ, что это такъ должно быть у людей, которые были за-границей. Минутъ черезъ пять дверь въ залу отперлась изнутри посредствомъ того же мальчика, и онъ провелъ меня въ опрятную, но не богатую гостиную, въ которую вслѣдъ за мною вошла Сонечка.

Ей было семнадцать лѣтъ. Она была очень мала ростомъ, очень худа и съ желтоватымъ нездоровымъ цвѣтомъ лица. Шрамовъ на лицѣ не было замѣтно никакихъ, но прелестные выпуклые глаза и свѣтлая, добродушно - веселая улыбка были тѣ же, которые я зналъ и любилъ въ дѣтствѣ. Я совсѣмъ не ожидалъ ея такою и поэтому никакъ не могъ сразу излить на нее то чувство, которое приготовилъ дорогой. Она подала мнѣ руку по англійскому обычаю, который былъ тогда такая же рѣдкость, какъ и колокольчикъ, пожала от-

кровенно мою руку и усадила подлѣ себя на диванѣ.

— Ахъ, какъ я рада васъ видѣть, милый Nicolas, — сказала она, вглядываясь мнѣ въ лицо съ такимъ искреннимъ выраженіемъ удовольствія, что въ словахъ: милый Nicolas, я замѣтилъ дружескій, а не покровительственный тонъ. Она, къ удивленію моему, послѣ поѣздки за-границу была еще проще, милѣе и родственнѣе въ обращеніи, чѣмъ прежде. Я замѣтилъ два маленькіе шрама около носа и на брови, но чудесные глаза и улыбка были совершенно вѣрны съ моими воспоминаніями и блестѣли по-старому.

— Какъ вы перемѣнились! — говорила она: — совсѣмъ большой стали. Ну, а я — какъ вы находите?

— Ахъ, я бы васъ не узналъ, — отвѣчалъ я, несмотря на то, что въ это самое время думалъ, что я всегда бы узналъ ее. Я чувствовалъ себя снова въ томъ безпечно-веселомъ расположеніи духа, въ которомъ я пять лѣтъ тому назадъ танцовалъ съ нею гросфатеръ на бабушкиномъ балѣ.

— Что-жъ, я очень подурнѣла? — спросила она, встряхивая головкой.

— Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, выросли немного, старше стали, — заторопился я отвѣчать, — но напротивъ... и даже...

— Ну, да все равно; а помните наши танцы, игры, St.-Jérôme'а, m-me Dorat? (Я не помнилъ никакой m-me Dorat; она, видно, увлекалась наслажденіемъ дѣтскихъ воспоминаній и смѣшивала ихъ). Ахъ, славное время было! — продолжала она, и та же улыбка, даже лучше той, которую я носилъ въ воспоминаніи, и все тѣ же глаза блестѣли передо мной. Въ то время какъ она говорила, я

успѣлъ подумать о томъ положенiи, въ которомъ я находился въ настоящую минуту, и рѣшилъ самъ съ собой, что въ настоящую минуту я былъ влюбленъ. Какъ только я рѣшилъ это, въ ту же секунду исчезло мое счастливое, безпечное расположенiе духа, какой-то туманъ покрылъ все, что было передо мной, даже ея глаза и улыбку; мнѣ стало чего-то стыдно, я покраснѣлъ и потерялъ способность говорить.

— Теперь другiя времена, — продолжала она, вздохнувъ и поднявъ немного брови: — гораздо все хуже стало, и мы хуже стали, не правда ли, Nicolas?

Я не могъ отвѣчать и молча смотрѣлъ на нее.

— Гдѣ всѣ теперь тогдашнiе Ивины, Корнаковы? Помните?—продолжала она, съ нѣкоторымъ любопытствомъ вглядываясь въ мое раскраснѣвшееся испуганное лицо.—Славное было время!

Я все-таки не могъ отвѣчать.

Изъ этого тяжелаго положенiя вывелъ меня на время приходъ въ комнату старой Валахиной. Я всталъ, поклонился и снова получилъ способность говорить; но за то съ приходомъ матери съ Сонечкой произошла странная перемѣна: вся ея веселость и родственность вдругъ исчезли, даже улыбка сдѣлалась другая, и она вдругъ, исключая высокаго роста, стала тою прiѣхавшею изъ-заграницы барышней, которую я воображалъ найти въ ней. Казалось, такая перемѣна не имѣла никакой причины, потому что мать ея улыбалась такъ же прiятно и во всѣхъ движенiяхъ выражала такую же кротость, какъ и въ старину. Валахина сѣла на большiя кресла и указала мнѣ мѣсто подлѣ

себя. Дочери она сказала что-то по-англійски, и Сонечка тотчасъ же вышла, что меня еще болѣе облегчило. Валахина разспрашивала про родныхъ, про брата, про отца, потомъ разсказала мнѣ про свое горе — потерю мужа, и уже, наконецъ, чувствуя, что со мной говорить нечего, смотрѣла на меня молча, какъ будто говоря: «Ежели ты теперь встанешь, раскланяешься и уѣдешь, то сдѣлаешь очень хорошо, мой милый»; но со мной случилось странное обстоятельство. Сонечка вернулась въ комнату съ работой и сѣла въ другомъ углу гостиной, такъ что я чувствовалъ на себѣ ея взгляды. Во время разсказа Валахиной о потерѣ мужа я еще разъ вспомнилъ о томъ, что я влюбленъ, и подумалъ еще, что вѣроятно и мать уже догадалась объ этомъ, и на меня снова нашелъ припадокъ застѣнчивости, такой сильный, что я чувствовалъ себя не въ состояніи пошевелиться ни однимъ членомъ естественно. Я зналъ, что для того, чтобы встать и уйти, я долженъ буду думать о томъ, куда поставить ногу, что сдѣлать съ головой, что съ рукой, — однимъ словомъ, я чувствовалъ почти то же самое, что и вчера, когда выпилъ полбутылки шампанскаго. Я предчувствовалъ, что со всѣмъ этимъ я не управлюсь и поэтому *не могу* встать, и дѣйствительно *не могъ* встать. Валахина, вѣрно, удивлялась, глядя на мое красное, какъ сукно, лицо и совершенную неподвижность; но я рѣшилъ, что лучше сидѣть въ этомъ глупомъ положеніи, чѣмъ рисковать какъ-нибудь нелѣпо встать и выйти. Такъ я и сидѣлъ довольно долго, ожидая, что какой-нибудь непредвидѣнный случай выведетъ меня изъ этого положенія. Случай этотъ представился въ лицѣ

невиднаго молодого человѣка, который, съ пріемами домашняго, вошелъ въ комнату и учтиво поклонился мнѣ. Валахина встала, извиняясь, что ей надо поговорить со своимъ homme d'affaires, и взглянула на меня съ недоумѣвающимъ выраженіемъ, говорившимъ: «Ежели вы вѣкъ хотите сидѣть, то я васъ не выгоню». Кое-какъ сдѣлавъ страшное усиліе надъ собой, я всталъ, но уже не былъ въ состояніи поклониться и, выходя, провожаемый взглядами соболѣзнованія матери и дочери, зацѣпилъ за стулъ, который вовсе не стоялъ на моей дорогѣ, но зацѣпилъ потому, что все вниманіе мое было устремлено на то, чтобы не зацѣпить за коверъ, который былъ подъ ногами. На чистомъ воздухѣ однако—подергавшись и помычавъ такъ громко, что даже Кузьма нѣсколько разъ спрашивалъ: «Что угодно?»—чувство это разсѣялось, и я сталъ довольно спокойно размышлять о моей любви къ Сонечкѣ и о ея отношеніяхъ къ матери, которыя мнѣ показались странны. Когда я потомъ разсказалъ отцу о моемъ замѣчаніи, что Валахина съ дочерью не въ хорошихъ отношеніяхъ, онъ сказалъ:

— Да, она ее мучитъ, бѣдняжку, своею страшною скупостью, странно,—прибавилъ онъ съ чувствомъ болѣе сильнымъ, чѣмъ то, которое могъ имѣть просто къ родственницѣ:—какая была прелестная, милая, чудная женщина! Я не могу понять, отчего она такъ перемѣнилась. Ты не видѣлъ тамъ, у ней, ея секретаря какого-то? И что за манера русской барынѣ имѣть секретаря? —сказалъ онъ, сердито отходя отъ меня.

— Видѣлъ,—отвѣчалъ я.

— Что, онъ хорошъ собой, по крайней мѣрѣ?

— Нѣтъ, совсѣмъ не хорошъ.

— Непонятно,—сказалъ папа и сердито подергалъ плечомъ и покашлялъ.

«Вотъ и я влюбленъ», думалъ я, катясь далѣе въ своихъ дрожкахъ.

XIX.
КОРНАКОВЫ.

Второй визитъ по дорогѣ былъ къ Корнаковымъ. Они жили въ бельэтажѣ большого дома на Арбатѣ. Лѣстница была чрезвычайно парадна и опрятна, но не роскошна. Вездѣ лежали полосушки, прикрѣпленныя чисто-начисто вычищенными мѣдными прутами, но ни цвѣтовъ, ни зеркалъ не было. Зала, черезъ свѣтло налощенный полъ которой я прошелъ въ гостиную, была такъ же строго, холодно и опрятно убрана, все блестѣло и казалось прочнымъ, хотя и не совсѣмъ новымъ, но ни картинъ, ни гардинъ, никакихъ украшеній нигдѣ не было замѣтно. Нѣсколько княженъ было въ гостиной. Онѣ сидѣли такъ аккуратно и праздно, что сейчасъ было замѣтно: онѣ не такъ сидятъ, когда у нихъ не бываетъ гостя.

— Maman сейчасъ выйдетъ,—сказала мнѣ старшая изъ нихъ, подсѣвъ ко мнѣ ближе. Съ четверть часа эта княжна занимала меня разговоромъ весьма свободно и такъ ловко, что разговоръ ни на секунду не умолкалъ. Но ужъ слишкомъ замѣтно было, что она занимаетъ меня, и поэтому она мнѣ не понравилась. Она разсказала мнѣ между прочимъ, что ихъ братъ Степанъ, котораго онѣ звали *Этьенъ* и котораго года два

тому назадъ отдали въ юнкерскую школу, былъ уже произведенъ въ офицеры. Когда она говорила о братѣ и особенно о томъ, что онъ противъ воли maman, пошелъ въ гусары, она сдѣлала испуганное лицо,—и всѣ младшія княжны, сидѣвшія молча, сдѣлали тоже испуганныя лица; когда она говорила о кончинѣ бабушки, она сдѣлала печальное лицо,—и всѣ младшія княжны сдѣлали то же; когда она вспомнила о томъ, какъ я ударилъ St.-Jérôme'a и меня вывели, она засмѣялась и показала дурные зубы,—и всѣ княжны засмѣялись и показали дурные зубы.

Вошла княгиня,—та же маленькая, сухая женщина съ бѣгающими глазами и привычкой оглядываться на другихъ въ то время, какъ она говорила съ вами. Она взяла меня за руку и подняла свою руку къ моимъ губамъ, чтобы я поцѣловалъ ее, чего бы я иначе, не полагая этого необходимымъ, никакъ не сдѣлалъ.

— Какъ я рада васъ видѣть,—заговорила она съ своею обыкновенною рѣчивостью, оглядываясь на дочерей.—Ахъ, какъ онъ похожъ на свою maman! Не правда ли, Lise?

Lise сказала, что правда, хотя я знаю навѣрно, что во мнѣ не было ни малѣйшаго сходства съ матушкой.

— Такъ вотъ какъ вы, ужъ и большой стали! и мой Этьенъ, вы его помните, вѣдь онъ вашъ троюродны... нѣтъ, не троюродный, а какъ это, Lise? моя мать была Варвара Дмитріевна, дочь Дмитрія Николаевича, ваша бабушка Наталья Николаевна.

— Такъ четвероюродный, maman, — сказала старшая княжна.

— Ахъ, ты все путаешь,—сердито крикнула на нее мать:—совсѣмъ не троюродный, a issus de germains—вотъ какъ вы съ моимъ Этьеночкой. Онъ ужъ офицеръ, знаете? Только не хорошо, что ужъ слишкомъ на волѣ. Васъ, молодежь, надо еще держать въ рукахъ, и вотъ какъ!.. Вы на меня не сердитесь, на старую тетку, что я вамъ правду говорю? Я Этьена держала строго и нахожу, что такъ надо.

— Да, вотъ какъ мы родня,—продолжала она: —князь Иванъ Ивановичъ мнѣ дядя родной и вашей матери былъ дядя. Стало-быть, двоюродныя мы были съ вашей maman, нѣтъ, троюродныя... да, такъ. Ну, а скажите, вы были, мой другъ, у *кнезь* Ивана?

Я сказалъ, что еще нѣтъ, но буду нынче.

— Ахъ, какъ это можно!—воскликнула она:— это вамъ первый визитъ надо было сдѣлать. Вѣдь вы знаете, что *кнезь* Иванъ вамъ все равно что отецъ. У него дѣтей нѣтъ, стало-быть, его наслѣдники только вы да мои дѣти. Вамъ надо его уважать и по лѣтамъ, и по положенію въ свѣтѣ, и по всему. Я знаю, вы, молодежь нынѣшняго вѣка, ужъ не считаете родство и не любите стариковъ; но вы меня послушайте, старую тетку, потому что я васъ люблю, и вашу maman любила, и бабушку тоже очень, очень любила и уважала. Нѣтъ, вы поѣзжайте, непремѣнно, непремѣнно поѣзжайте.

Я сказалъ, что непремѣнно поѣду, и такъ какъ уже визитъ, по моему мнѣнію, продолжался достаточно долго, я всталъ и хотѣлъ уѣхать, но она удержала меня.

— Нѣтъ, постойте минутку. Гдѣ вашъ отецъ, Lise? Позовите его сюда; онъ такъ радъ будетъ васъ видѣть, — продолжала она, обращаясь ко мнѣ.

Черезъ минуты двѣ дѣйствительно вошелъ князь Михайло. Это былъ невысокій, плотный господинъ, весьма неряшливо одѣтый, невыбритый и съ какимъ-то такимъ равнодушнымъ выраженіемъ въ лицѣ, что оно походило даже на глупое. Онъ нисколько не былъ радъ меня видѣть, по крайней мѣрѣ, не выразилъ этого. Но княгиня, которой онъ, повидимому, очень боялся, сказала ему:

— Не правда ли, какъ Вольдемаръ (она забыла вѣрно мое имя) похожъ на свою maman?—и сдѣлала такой жестъ глазами, что князь, должнобыть, догадавшись, чего она хотѣла, подошелъ ко мнѣ и съ самымъ безстрастнымъ, даже недовольнымъ выраженіемъ лица протянулъ мнѣ небритую щеку, въ которую я долженъ былъ поцѣловать его.

— А ты еще не одѣтъ, а тебѣ надо ѣхать,— тотчасъ же послѣ этого начала говорить ему княгиня сердитымъ тономъ, который, видимо, былъ ей привыченъ въ отношеніи съ домашними:—опять чтобы на тебя сердились, опять хочешь возстановить противъ себя.

— Сейчасъ, сейчасъ, матушка,—сказалъ князь Михайло и вышелъ. Я раскланялся и вышелъ тоже.

Я въ первый разъ слышалъ, что мы были наслѣдники князя Ивана Ивановича, и это извѣстіе непріятно поразило меня.

XX.

ИВИНЫ.

Мнѣ еще тяжеле стало думать о предстоящемъ необходимомъ визитѣ. Но прежде, чѣмъ къ князю, по дорогѣ надо было заѣхать къ Ивинымъ. Они жили на Тверской въ огромномъ, красивомъ домѣ. Не безъ боязни вошелъ я на парадное крыльцо, у котораго стоялъ швейцаръ съ булавой.

Я спросилъ его, дома ли.

— Кого вамъ надо? Генеральскій сынъ дома, —сказалъ мнѣ швейцаръ.

— А самъ генералъ?—спросилъ я храбро.

— Надо доложить. Какъ прикажете?—сказалъ швейцаръ и позвонилъ. Лакейскія ноги въ штиблетахъ показались на лѣстницѣ. Я такъ оробѣлъ, самъ не знаю чего, что сказалъ лакею, чтобы онъ не докладывалъ генералу, а что я пройду прежде къ генеральскому сыну. Когда я шелъ вверхъ по этой большой лѣстницѣ, мнѣ показалось, что я сдѣлался ужасно маленькій (и не въ переносномъ, а въ настоящемъ значеніи этого слова). То же чувство я испыталъ и тогда, когда мои дрожки подъѣхали къ большому крыльцу: мнѣ показалось, что и дрожки, и лошадь, и кучеръ сдѣлались маленькіе. Генеральскій сынъ лежалъ на диванѣ съ открытою передъ нимъ книгой и спалъ, когда я вошелъ къ нему. Его гувернеръ, г. Фростъ, который все еще оставался у нихъ въ домѣ, вслѣдъ за мной своею молодецкою походкой вошелъ въ комнату и разбудилъ своего воспитанника. Ивинъ не изъявилъ особенной радости при видѣ меня, и я замѣтилъ, что, разговаривая со мной, онъ смотрѣлъ мнѣ въ брови. Хотя онъ былъ очень

учтивъ, мнѣ казалось, что онъ занимаетъ меня такъ же, какъ и княжна, и что особеннаго влеченія ко мнѣ онъ не чувствовалъ, а надобности въ моемъ знакомствѣ ему не было, такъ какъ у него вѣрно былъ свой, другой кругъ знакомства. Все это я сообразилъ преимущественно потому, что онъ смотрѣлъ мнѣ въ брови. Однимъ словомъ, его отношенія со мной были, какъ мнѣ ни непріятно признаться въ этомъ, почти такія же, какъ мои съ Илинькой. Я начиналъ приходить въ раздраженное состояніе духа, каждый взглядъ Ивина ловилъ на лету и, когда онъ встрѣчался съ глазами Фроста, переводилъ его вопросомъ: «и зачѣмъ онъ пріѣхалъ къ намъ?»

Поговоривъ немного со мной, Ивинъ сказалъ, что его отецъ и мать дома, такъ не хочу ли я сойти къ нимъ вмѣстѣ.

— Сейчасъ я одѣнусь, — прибавилъ онъ, выходя въ другую комнату, несмотря на то, что и въ этой комнатѣ былъ хорошо одѣтъ — въ новомъ сюртукѣ и бѣломъ жилетѣ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ ко мнѣ въ мундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, и мы вмѣстѣ пошли внизъ. Парадныя комнаты, черезъ которыя мы прошли, были чрезвычайно велики, высоки и, кажется, роскошно убраны, что-то было тамъ мраморное и золотое, и обвернутое кисеей, и зеркальное. Ивина въ одно время съ нами изъ другой двери вошла въ маленькую комнату за гостиной. Она очень дружески-родственно приняла меня, усадила подлѣ себя и съ участіемъ разспрашивала меня о всемъ нашемъ семействѣ.

Ивина, которую я прежде раза два видалъ мелькомъ, а теперь разсмотрѣлъ внимательно, очень

понравилась мнѣ. Она была велика ростомъ, худа, очень бѣла и казалось постоянно грустною и изнуренною. Улыбка у нея была печальная, но чрезвычайно добрая; глаза были большіе, усталые и нѣсколько косые, что давало ей еще болѣе печальное и привлекательное выраженіе. Она сидѣла не сгорбившись, а какъ-то опустившись всѣмъ тѣломъ, всѣ движенія ея были падающія. Она говорила вяло, но звукъ голоса ея и выговоръ съ неяснымъ произношеніемъ *р* и *л* были очень пріятны. Она не занимала меня. Ей, видимо, доставляли грустный интересъ мои отвѣты о родныхъ, какъ будто она, слушая меня, съ грустью вспоминала лучшія времена. Сынъ ея вышелъ куда-то, она минуты двѣ молча смотрѣла на меня и вдругъ заплакала. Я сидѣлъ передъ ней и никакъ не могъ придумать, что бы мнѣ сказать или сдѣлать. Она продолжала плакать, не глядя на меня. Сначала мнѣ было жалко ее, потомъ я подумалъ: «не надо ли утѣшать ее и какъ это надо сдѣлать?» и, наконецъ, мнѣ стало досадно за то, что она ставила меня въ такое неловкое положеніе. «Неужели я имѣю такой жалкій видъ?—думалъ я, —или ужъ не нарочно ли она это дѣлаетъ, чтобы узнать, какъ я поступлю въ этомъ случаѣ?»

«Уйти же теперь неловко, какъ будто я бѣгу отъ ея слезъ», продолжалъ думать я. Я повернулся на стулѣ, чтобы хоть напомнить ей о моемъ присутствіи.

— Ахъ, какая я глупая! — сказала она, взглянувъ на меня и стараясь улыбнуться. — Бываютъ такіе дни, что плачешь безъ всякой причины.

Она стала искать платокъ подлѣ себя на диванѣ и вдругъ заплакала еще сильнѣе.

— Ахъ, Боже мой! какъ это смѣшно, что я все плачу. Я такъ любила вашу мать, мы такъ дружны... были... и...

Она нашла платокъ, закрылась имъ и продолжала плакать. Опять повторилось мое неловкое положеніе и продолжалось довольно долго. Мнѣ было и досадно, и еще больше жалко ее. Слезы ея казались искренни, и мнѣ все думалось, что она не столько плакала о моей матери, сколько о томъ, что ей самой было нехорошо теперь и когда-то, въ тѣ времена, было гораздо лучше. Не знаю, чѣмъ бы это кончилось, ежели бы не вошелъ молодой Ивинъ и не сказалъ, что старикъ Ивинъ ее спрашиваетъ. Она встала и хотѣла уже итти, когда самъ Ивинъ вошелъ въ комнату. Это былъ маленькій, крѣпкій, сѣдой господинъ съ густыми черными бровями, съ совершенно сѣдою, коротко обстриженною головой и чрезвычайно строгимъ и твердымъ выраженіемъ рта.

Я всталъ и поклонился ему, но Ивинъ, у котораго было три звѣзды на зеленомъ фракѣ, не только не отвѣтилъ на мой поклонъ, но почти не взглянулъ на меня, такъ что я вдругъ почувствовалъ, что я не человѣкъ, а какая-то не стоящая вниманія вещь — кресло или окошко, или ежели человѣкъ, то такой, который нисколько не отличается отъ кресла или окошка.

— А вы все не написали графинѣ, моя милая, — сказалъ онъ женѣ по-французски, съ безстрастнымъ, но твердымъ выраженіемъ лица.

— Прощайте, m-r Irteneff, — сказала мнѣ Ивина, вдругъ какъ-то гордо кивнувъ головой и, такъ же какъ сынъ, посмотрѣвъ мнѣ въ брови. Я поклонился еще разъ ей и ея мужу, и опять на

стараго Ивина мой поклонъ подѣйствовалъ такъ же, какъ ежели бы открыли или закрыли окошко. Студентъ Ивинъ проводилъ меня однако до двери и дорогой разсказалъ, что онъ переходитъ въ петербургскій университетъ, потому что отецъ его получилъ тамъ мѣсто (онъ назвалъ мнѣ какое-то очень важное мѣсто).

«Ну, ужъ какъ папа хочетъ, — пробормоталъ я самъ себѣ, садясь въ дрожки, — а моя нога больше не будетъ здѣсь никогда; эта нюня плачетъ, на меня глядя, точно я несчастный какой-нибудь, а Ивинъ свинья не кланяется; я же ему задамъ...» Чѣмъ это я хотѣлъ задать ему, я рѣшительно не знаю, но такъ это пришлось къ слову.

Послѣ часто мнѣ надо было выдерживать увѣщанія отца, который говорилъ, что необходимо *культивировать* это знакомство и что я не могу требовать, чтобы человѣкъ въ такомъ положеніи, какъ Ивинъ, занимался мальчишкой, какъ я; но я выдерживалъ характеръ довольно долго.

XXI.

КНЯЗЬ ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

— Ну, теперь послѣдній визитъ на Никитскую, — сказалъ я Кузьмѣ, и мы покатили къ дому князя Ивана Ивановича.

Пройдя черезъ нѣсколько визитныхъ испытаній, я обыкновенно пріобрѣталъ самоувѣренность, и теперь подъѣзжалъ было къ князю съ довольно спокойнымъ духомъ, какъ вдругъ мнѣ вспомнились слова княгини Корнаковой, что я наслѣдникъ; кромѣ того, я увидѣлъ у крыльца два экипажа и почувствовалъ прежнюю робость.

Мнѣ казалось, что и старый швейцаръ, который отворилъ мнѣ дверь, и лакей, который снялъ съ меня шинель, и три дамы, и два господина, которыхъ я нашелъ въ гостиной, и въ особенности самъ князь Иванъ Ивановичъ, который въ штатскомъ сюртукѣ сидѣлъ на диванѣ, — мнѣ казалось, что всѣ смотрѣли на меня, какъ на наслѣдника, и вслѣдствіе этого недоброжелательно. Князь былъ со мной очень ласковъ, поцѣловалъ меня, т.-е. приложилъ на секунду къ моей щекѣ мягкія сухія и холодныя губы, разспрашивалъ о моихъ занятіяхъ, планахъ, шутилъ со мной, спрашивалъ, пишу ли я все стихи, какъ тѣ, которые написалъ въ именины бабушки, и сказалъ, чтобъ я приходилъ нынче къ нему обѣдать. Но чѣмъ больше онъ былъ ласковъ, тѣмъ больше мнѣ все казалось, что онъ хочетъ обласкать меня только съ тѣмъ, чтобы не дать замѣтить, какъ ему непріятна мысль, что я его наслѣдникъ. Онъ имѣлъ привычку — происходившую отъ фальшивыхъ зубовъ, которыхъ у него былъ полонъ ротъ, — сказавъ что-нибудь, поднимать верхнюю губу къ носу и, производя легкій звукъ сопѣнія, какъ будто втягивать эту губу себѣ въ ноздри, и когда онъ это дѣлалъ теперь, мнѣ все казалось, что онъ про себя говорилъ: «мальчишка, мальчишка, и безъ тебя знаю: наслѣдникъ, наслѣдникъ», и т. д.

Когда мы были дѣтьми, мы называли князя Ивана Ивановича дѣдушкой, но теперь, въ качествѣ наслѣдника, у меня языкъ не ворочался сказать ему дѣдушка, а сказать — ваше сіятельство, какъ говорилъ одинъ изъ господъ, бывшихъ тутъ, мнѣ казалось унизительнымъ, такъ что во все время разговора я старался никакъ не называть его. Но

болѣе всего меня смущала старая княжна, бывшая тоже наслѣдницей князя и жившая въ его домѣ. Во все время обѣда, за которымъ я сидѣлъ рядомъ съ княжной, я предполагалъ, что княжна не говоритъ со мной потому, что ненавидитъ меня за то, что я такой же наслѣдникъ князя, какъ и она, и что князь не обращаетъ вниманія на нашу сторону стола потому, что мы, я и княжна — наслѣдники, ему одинаково противны.

— Да, ты не повѣришь, какъ мнѣ было непріятно, — говорилъ я въ тотъ же день вечеромъ Дмитрію, желая похвастаться передъ нимъ чувствомъ отвращенія къ мысли о томъ, что я наслѣдникъ (мнѣ казалось, что это чувство очень хорошее), — какъ мнѣ непріятно было нынче цѣлыхъ два часа пробыть у князя. Онъ прекрасный человѣкъ и былъ очень ласковъ ко мнѣ, — говорилъ я, желая между прочимъ внушить своему другу, что все это я говорю не вслѣдствіе того, чтобы я чувствовалъ себя униженнымъ передъ княземъ, — но, — продолжалъ я, — мысль о томъ, что на меня могутъ смотрѣть, какъ на княжну, которая живетъ у него въ домѣ и подличаетъ передъ нимъ,—ужасная мысль. Онъ чудесный старикъ и со всѣми чрезвычайно добръ и деликатенъ, а больно смотрѣть, какъ онъ *мальтретируетъ* эту княжну. Эти отвратительныя деньги портятъ всѣ отношенія!

— Знаешь, я думаю гораздо бы лучше прямо объясниться съ княземъ, — говорилъ я: — сказать ему, что я его уважаю какъ человѣка, но о наслѣдствѣ его не думаю и прошу его, чтобы онъ мнѣ ничего не оставлялъ, и что только въ этомъ случаѣ я буду ѣздить къ нему.

Дмитрій не расхохотался, когда я сказалъ ему это; напротивъ, онъ задумался и, помолчавъ нѣсколько минутъ, сказалъ мнѣ:

— Знаешь что? Ты не правъ. Или тебѣ не должно вовсе предполагать, чтобы о тебѣ могли думать такъ же, какъ объ этой вашей княжнѣ какой-то, или ежели ужъ ты предполагаешь это, то предполагай дальше, то-есть что ты знаешь, что о тебѣ могутъ думать, но что мысли эти такъ далеки отъ тебя, что ты ихъ презираешь и на основаніи ихъ ничего не будешь дѣлать. Ты предполагай, что они предполагаютъ, что ты предполагаешь это... но, однимъ словомъ, — прибавилъ онъ, чувствуя, что путается въ своемъ разсужденіи, — гораздо лучше вовсе и не предполагать этого.

Мой другъ былъ совершенно правъ, только гораздо, гораздо позднѣе я изъ опыта жизни убѣдился въ томъ, какъ вредно думать и еще вреднѣе говорить многое, кажущееся очень благороднымъ, но что должно навсегда быть спрятано отъ всѣхъ въ сердцѣ каждаго человѣка, и въ томъ, что благородныя слова рѣдко сходятся съ благородными дѣлами. Я убѣжденъ въ томъ, что уже по одному тому, что хорошее намѣреніе высказано, трудно, даже большею частью невозможно, исполнить это хорошее намѣреніе. Но какъ удержать отъ высказыванія благородно-самодовольные порывы юности? Только гораздо позже вспоминаешь ихъ и жалѣешь о нихъ, какъ о цвѣткѣ, который — не удержался — сорвалъ нераспустившимся и потомъ увидѣлъ на землѣ завялымъ и затоптаннымъ.

Я, который сейчасъ только говорилъ Дмитрію, своему другу, о томъ, какъ деньги портятъ отношенія, на другой день утромъ, передъ нашимъ отъѣздомъ въ деревню, когда оказалось, что я моталъ всѣ свои деньги на разныя картинки и стамбулки, взялъ у него двадцать пять рублей ассигнаціями на дорогу, которые онъ предложилъ мнѣ, и потомъ очень долго оставался ему долженъ.

XXII.

ЗАДУШЕВНЫЙ РАЗГОВОРЪ СЪ МОИМЪ ДРУГОМЪ.

Теперешній разговоръ нашъ происходитъ въ фаэтонѣ на дорогѣ въ Кунцево. Дмитрій отсовѣтовалъ мнѣ ѣхать утромъ съ визитомъ къ своей матери, а заѣхалъ за мной послѣ обѣда, чтобы увезти на весь вечеръ и даже ночевать на дачѣ, гдѣ жило его семейство. Только когда мы выѣхали изъ города, и грязно-пестрыя улицы и несносный оглушительный шумъ мостовой замѣнились просторнымъ видомъ полей и мягкимъ похряскиваніемъ колесъ по пыльной дорогѣ, и весенній пахучій воздухъ и просторъ охватили меня со всѣхъ сторонъ, только тогда я немного опомнился отъ разнообразныхъ новыхъ впечатлѣній и сознанія свободы, которыя въ эти два дня совершенно меня запутали. Дмитрій былъ общителенъ и кротокъ, не поправлялъ головой галстука, не подмигивалъ нервически и не зажмуривался; я былъ доволенъ тѣми благородными чувствами, которыя ему высказалъ, полагая, что за нихъ онъ совершенно простилъ мою постыдную исторію съ Колпиковымъ, не презираетъ меня за нее, и мы друж-

но разговорились о многомъ задушевномъ, которое не во всякихъ условіяхъ говорится другъ другу. Дмитрій разсказалъ мнѣ про свое семейство, котораго я еще не зналъ, про мать, тетку, сестру и ту, которую Володя и Дубковъ считали пассіей моего друга и называли *рыженькою*. Про мать онъ говорилъ съ нѣкоторою холодною и торжественною похвалой, какъ будто съ цѣлью предупредить всякое возраженіе по этому предмету; про тетку онъ отозвался съ восторгомъ, но и съ нѣкоторою снисходительностью; про сестру онъ говорилъ очень мало и какъ будто бы стыдясь мнѣ говорить о ней; но про *рыженькую*, которую по-настоящему звали Любовью Сергѣевной и котерая была пожилая дѣвушка, жившая по какимъ-то семейнымъ отношеніямъ въ домѣ Нехлюдовыхъ, онъ говорилъ мнѣ съ одушевленіемъ.

— Да, она удивительная дѣвушка, — говорилъ онъ, стыдливо краснѣя, но тѣмъ съ большею смѣлостью глядя мнѣ въ глаза: — она ужъ не молодая дѣвушка, даже скорѣе старая и совсѣмъ не хороша собой, но вѣдь что за глупость, безмыслица — любить красоту!.. я этого не могу понять, такъ это глупо (онъ говорилъ это, какъ будто только что открылъ самую новую, необыкновенную истину), а такой души, сердца и правилъ... я увѣренъ, не найдешь подобной дѣвушки въ нынѣшнемъ свѣтѣ (не знаю, отъ кого перенялъ Дмитрій привычку говорить, что все хорошее рѣдко въ нынѣшнемъ свѣтѣ; онъ любилъ повторять это выраженіе и оно какъ-то шло къ нему).

— Только я боюсь, — продолжалъ онъ спокойно, совершенно уже уничтоживъ своимъ разсужденіемъ

людей, которые имѣли глупость любить красоту, — я боюсь, что ты не поймешь и не узнаешь ея скоро: она скромна и даже скрытна, не любитъ показывать свои прекрасныя, удивительныя качества. Вотъ матушка, которая, ты увидишь, прекрасная и умная женщина, — она знаетъ Любовь Сергѣевну уже нѣсколько лѣтъ и не можетъ, и не хочетъ понять ее. Я даже вчера... я скажу тебѣ, отчего я былъ не въ духѣ, когда ты у меня спрашивалъ. Третьяго дня Любовь Сергѣевна желала, чтобы я съѣздилъ съ ней къ Ивану Яковлевичу, — ты слышалъ, вѣрно, про Ивана Яковлевича, который будто бы сумасшедшій, а дѣйствительно замѣчательный человѣкъ. Любовь Сергѣевна чрезвычайно религіозна, надо тебѣ сказать, и понимаетъ совершенно Ивана Яковлевича. Она часто ѣздитъ къ нему, бесѣдуетъ съ нимъ и даетъ ему для бѣдныхъ деньги, которыя сама вырабатываетъ. Она удивительная женщина, ты увидишь. Ну, и я ѣздилъ съ ней къ Ивану Яковлевичу, и очень благодаренъ ей за то, что видѣлъ этого замѣчательнаго человѣка... А матушка никакъ не хочетъ понять этого, видитъ въ этомъ суевѣріе. И вчера у меня съ матушкой въ первый разъ въ жизни былъ споръ, и довольно горячій, — заключилъ онъ, сдѣлавъ судорожное движеніе шеей, какъ будто въ воспоминаніе о чувствѣ, которое онъ испытывалъ при этомъ спорѣ.

— Ну, и какъ же ты думаешь? то-есть какъ, когда ты воображаешь, что выйдетъ... или вы съ нею говорите о томъ, что будетъ и чѣмъ кончится ваша любовь или дружба?—спросилъ я, желая отвлечь его отъ непріятнаго воспоминанія.

— Ты спрашиваешь, думаю ли я жениться на ней? — спросилъ онъ меня, снова краснѣя, но смѣло, повернувшись, глядя мнѣ въ лицо.

«Что-жъ въ самомъ дѣлѣ,—подумалъ я, успокаивая себя, — это ничего, мы большіе, два друга, ѣдемъ въ фаэтонѣ и разсуждаемъ о нашей будущей жизни. Всякому даже пріятно бы было теперь со стороны послушать и посмотрѣть на насъ».

— Отчего же нѣтъ? — продолжалъ онъ послѣ моего утвердительнаго отвѣта. — Вѣдь моя цѣль, какъ и всякаго благоразумнаго человѣка, — быть счастливымъ и хорошимъ, сколько возможно; и съ ней, ежели только она захочетъ этого, когда я буду совершенно независимъ, я съ ней буду и счастливѣе, и лучше, чѣмъ съ первою красавицей въ мірѣ.

Въ такихъ разговорахъ мы и не замѣтили, какъ подъѣзжали къ Кунцеву, не замѣтили и того, что небо заволокало и собирался дождикъ. Солнце уже стояло невысоко, направо, надъ старыми деревьями кунцевскаго сада, и половина блестящаго краснаго круга была закрыта сѣрою, слабо просвѣчивающею тучей; изъ другой половины брызгами вырывались раздробленные огненные лучи и поразительно ярко освѣщали старыя деревья сада, неподвижно блестѣвшія своими зелеными густыми макушками еще на ясномъ, освѣщенномъ мѣстѣ лазури неба. Блескъ и свѣтъ этого края неба былъ рѣзко противоположенъ лиловой тяжелой тучѣ, которая залегла передъ нами надъ молодымъ березникомъ, виднѣвшимся на горизонтѣ.

Немного правѣе виднѣлись уже изъ-за кустовъ и деревъ разноцвѣтныя крыши дачныхъ домиковъ,

изъ которыхъ нѣкоторыя отражали на себѣ блестящіе лучи солнца, нѣкоторыя принимали на себя унылый характеръ другой стороны неба. Налѣво внизу синѣлъ неподвижный прудъ, окруженный блѣдно-зелеными ракитами, которыя темно отражались на его матовой, какъ бы выпуклой поверхности. За прудомъ, по полугорью, разстилалось паровое чернѣющее поле, и прямая линія ярко-зеленой межи, пересѣкавшей его, уходила вдаль и упиралась въ свинцовый грозный горизонтъ. Съ обѣихъ сторонъ мягкой дороги, по которой мѣрно покачивался фаэтонъ, рѣзко зеленѣла сочная уклочившаяся рожь, ужъ кое-гдѣ начинавшая выбивать въ трубку. Въ воздухѣ было совершенно тихо и пахло свѣжестью; зелень деревьевъ, листьевъ и ржи была неподвижна и необыкновенно чиста и ярка. Казалось, каждый листъ, каждая травка жили своею отдѣльною, полною и счастливою жизнью. Около дороги я замѣтилъ черноватую тропинку, которая вилась между темно-зеленою, уже больше чѣмъ на четверть поднявшеюся рожью, и эта тропинка почему-то мнѣ чрезвычайно живо напомнила деревню и вслѣдствіе воспоминанія о деревнѣ, по какой-то странной связи мыслей, чрезвычайно живо напомнила мнѣ Сонечку и то, что я влюбленъ въ нее.

Несмотря на всю дружбу мою къ Дмитрію и на удовольствіе, которое доставляла мнѣ его откровенность, мнѣ не хотѣлось болѣе ничего знать о его чувствахъ и намѣреніяхъ въ отношеніи Любови Сергѣевны, а непремѣнно хотѣлось сообщить про свою любовь къ Сонечкѣ, которая мнѣ казалась любовью гораздо высшаго разбора. Но я почему-то не рѣшился сказать ему прямо свои

предположенія о томъ, какъ будетъ хорошо, когда я, женившись на Сонечкѣ, буду жить въ деревнѣ, какъ у меня будутъ маленькія дѣти, которыя, ползая по полу, будутъ называть меня папой, и какъ я обрадуюсь, когда онъ съ своей женой, Любовью Сергѣевной, пріѣдетъ ко мнѣ въ дорожномъ платьѣ... а сказалъ вмѣсто всего этого, указывая на заходящее солнце: «Дмитрій, посмотри, какая прелесть!»

Дмитрій ничего не сказалъ мнѣ, видимо недовольный тѣмъ, что на его признаніе, которое, вѣроятно, стоило ему труда, я отвѣчалъ, обращая его вниманіе на природу, къ которой онъ вообще былъ хладнокровенъ. Природа дѣйствовала на него совсѣмъ иначе, чѣмъ на меня: она дѣйствовала на него не столько красотой, сколько занимательностью; онъ любилъ ее болѣе умомъ, чѣмъ чувствомъ.

— Я очень счастливъ,—сказалъ я ему вслѣдъ за этимъ, не обращая вниманія на то, что онъ, видимо, былъ занятъ своими мыслями и совершенно равнодушенъ къ тому, что я могъ сказать ему: —я вѣдь тебѣ говорилъ, помнишь, про одну барышню, въ которую я былъ влюбленъ, бывши ребенкомъ; я видѣлъ ее нынче,—продолжалъ я съ увлеченіемъ,—и теперь я рѣшительно влюбленъ въ нее...

И я разсказалъ ему, несмотря на продолжавшееся на лицѣ его выраженіе равнодушія, про свою любовь и про всѣ планы о будущемъ супружескомъ счастіи. И странно, что какъ только я разсказалъ подробно про всю силу своего чувства, такъ въ то же мгновеніе и почувствовалъ, какъ чувство это стало уменьшаться.

Дождикъ захватилъ насъ, когда уже мы повернули въ березовую аллею, ведущую къ дачѣ. Но онъ не замочилъ насъ. Я зналъ, что шелъ дождикъ, только потому, что нѣсколько капель упало мнѣ на носъ и на руку и что-то зашлепало по молодымъ клейкимъ листьямъ березъ, которыя, неподвижно повѣсивъ свои кудрявыя вѣтви, казалось, съ наслажденіемъ, выражающимся тѣмъ сильнымъ запахомъ, которымъ онѣ наполняли аллею, принимали на себя эти чистыя, прозрачныя капли. Мы вышли изъ коляски, чтобы поскорѣе до дома пробѣжать садомъ. Но у самаго входа въ домъ столкнулись съ четырьмя дамами, изъ которыхъ двѣ съ работами, одна съ книгой, а другая съ собачкой скорыми шагами шли съ другой стороны. Дмитрій тутъ же представилъ меня своей матери, сестрѣ, теткѣ и Любови Сергѣевнѣ. На секунду онѣ остановились, но дождикъ начиналъ накрапывать все чаще и чаще.

— Пойдемте на галлерею, тамъ ты его еще разъ представишь,—сказала та, которую я приняла за мать Дмитрія, и мы вмѣстѣ съ дамами вошли на лѣстницу.

XXIII.

НЕХЛЮДОВЫ.

Въ первую минуту изъ всего этого общества болѣе всѣхъ поразила меня Любовь Сергѣевна, которая, держа на рукахъ болонку, сзади всѣхъ въ толстыхъ вязаныхъ башмакахъ всходила на лѣстницу и раза два, остановившись, внимательно оглянулась на меня и тотчасъ послѣ этого поцѣловала свою собачку. Она была очень не хороша собой: рыжа, худа, невелика ростомъ, не-

много кривобока. Что еще болѣе дѣлало некрасивымъ ея некрасивое лицо, была странная прическа съ проборомъ съ боку (одна изъ тѣхъ прическъ, которыя придумываютъ для себя плѣшивыя женщины). Какъ я ни старался въ угодность своему другу, я не могъ въ ней найти ни одной красивой черты. Даже карiе глаза ея, хотя и выражавшiе добродушiе, были слишкомъ малы и тусклы и рѣшительно не хороши; даже руки, эта характеристическая черта, хотя и не большiя и не дурной формы, были красны и шершавы.

Когда я вслѣдъ за ними вошелъ на террасу —исключая Вареньки, сестры Дмитрiя, которая только внимательно посмотрѣла на меня своими большими темно-сѣрыми глазами,—каждая изъ дамъ сказала мнѣ нѣсколько словъ, прежде чѣмъ онѣ снова взяли каждая свою работу, а Варенька вслухъ начала читать книгу, которую она держала у себя на колѣняхъ, заложивъ пальцемъ.

Княгиня Марья Ивановна была высокая, стройная женщина лѣтъ сорока. Ей можно было бы дать больше, судя по буклямъ полусѣдыхъ волосъ, откровенно выставленныхъ изъ-подъ чепца. Но по свѣжему, чрезвычайно нѣжному, почти безъ морщинъ лицу, въ особенности же по живому, веселому блеску большихъ глазъ ей казалось гораздо меньше. Глаза у нея были карiе, очень открытые; губы слишкомъ тонкiя, немного строгiя; носъ довольно правильный и немного на лѣвую сторону; рука у нея была безъ колецъ, большая, почти мужская, съ прекрасными продолговатыми пальцами. На ней было темно-синее закрытое платье, крѣпко стягивавшее ея стройную и еще молодую талiю, которою она, видимо, щего-

ляла. Она сидѣла чрезвычайно прямо и шила какое-то платье. Когда я вошелъ на галлерею, она взяла мою руку, притянула меня къ себѣ, какъ будто съ желаніемъ разсмотрѣть меня поближе, и сказала, взглянувъ на меня тѣмъ же нѣсколько холоднымъ, открытымъ взглядомъ, который былъ у ея сына, что она меня давно знаетъ по разсказамъ Дмитрія и что для того, чтобы ознакомиться хорошенько съ ними, она приглашаетъ меня пробыть у нихъ цѣлыя сутки.

— Дѣлайте все, что вамъ вздумается, нисколько не стѣсняясь нами, такъ же, какъ и мы не будемъ стѣсняться вами; гуляйте, читайте, слушайте или спите, ежели вамъ это веселѣе, — прибавила она.

Софья Ивановна была старая дѣвушка и младшая сестра княгини, но на видъ она казалась старше.

Она имѣла тотъ особенный переполненный характеръ сложенія, который только встрѣчается у невысокихъ ростомъ, очень полныхъ старыхъ дѣвъ, носящихъ корсеты. Какъ будто все здоровье ея ей подступило кверху съ такой силой, что всякую минуту угрожало задушить ее. Ея коротенькія толстыя ручки не могли соединиться ниже выгнутаго мыска лифа, и самый туго-натуго натянутый мысокъ лифа она уже не могла видѣть.

Несмотря на то, что княгиня Марья Ивановна была черноволоса и черноглаза, а Софья Ивановна бѣлокура и съ большими живыми и вмѣстѣ съ тѣмъ (что большая рѣдкость) спокойными голубыми глазами, между сестрами было большое семейное сходство: то же выраженіе, тотъ же носъ, тѣ же губы; только у Софьи Ивановны и носъ, и губы были потолще немного и на правую сто-

рону, когда она улыбалась, тогда какъ у княгини они были на лѣвую. Софья Ивановна, судя по одеждѣ и прическѣ, еще, видимо, молодилась и не выставила бы сѣдыхъ буклей, ежели бы онѣ у нея были. Ея взглядъ и обращеніе со мною показались мнѣ въ первую минуту очень гордыми и смутили меня; тогда какъ съ княгиней, напротивъ, я чувствовалъ себя совершенно развязнымъ. Можетъ-быть, эта толщина и нѣкоторое сходство съ портретомъ Екатерины Великой, которое поразило меня въ ней, придавали ей въ моихъ глазахъ гордый видъ; но я совершенно оробѣлъ, когда она, пристально глядя на меня, сказала мнѣ: «друзья нашихъ друзей—наши друзья». Я успокоился и вдругъ совершенно перемѣнилъ о ней мнѣніе только тогда, когда она, сказавъ эти слова, замолчала и, открывъ ротъ, тяжело вздохнула. Должно-быть, отъ полноты у нея была привычка послѣ нѣсколькихъ сказанныхъ словъ глубоко вздыхать, открывая немного ротъ и нѣсколько закатывая свои большіе голубые глаза. Въ этой привычкѣ почему-то выражалось такое милое добродушіе, что вслѣдъ за этимъ вздохомъ я потерялъ къ ней страхъ, и она даже мнѣ очень понравилась. Глаза ея были прелестны, голосъ звученъ и пріятенъ, даже эти очень круглыя линіи сложенія въ ту пору моей юности казались мнѣ не лишенными красоты.

Любовь Сергѣевна, какъ другъ моего друга, я полагалъ, должна была сейчасъ же сказать мнѣ что-нибудь очень дружеское и задушевное, и она даже смотрѣла на меня довольно долго молча, какъ будто въ нерѣшимости — не будетъ ли ужъ слишкомъ дружески то, что, она намѣрена сказать

мнѣ; но она прервала это молчаніе только для того, чтобы спросить меня, въ какомъ я факультетѣ. Потомъ снова она довольно долго пристально смотрѣла на меня, видимо колеблясь: сказать или не сказать это задушевное дружеское слово, и я, замѣтивъ это сомнѣніе, выраженіемъ лица умолялъ ее сказать мнѣ все, но она сказала: «нынче, говорятъ, въ университетѣ уже мало занимаются науками», и подозвала свою собачку Сюзетку.

Любовь Сергѣевна весь этотъ вечеръ говорила такими большею частью не идущими ни къ дѣлу, ни другъ къ другу изреченіями; но я такъ вѣрилъ Дмитрію, и онъ такъ заботливо весь этотъ вечеръ смотрѣлъ то на меня, то на нее съ выраженіемъ, спрашивавшимъ: «Ну, что?» что я, какъ это часто случается, хотя въ душѣ былъ уже убѣжденъ, что въ Любовь Сергѣевнѣ ничего особеннаго нѣтъ, еще чрезвычайно далекъ былъ отъ того, чтобы высказать эту мысль даже самому себѣ.

Наконецъ, послѣднее лицо этого семейства, Варенька, была очень полная дѣвушка лѣтъ шестнадцати.

Только темно-сѣрые большіе глаза, выраженіемъ, соединявшимъ веселость и спокойную внимательность, чрезвычайно похожіе на глаза тетки, очень большая русая коса и чрезвычайно нѣжная и красивая рука были хороши въ ней.

— Вамъ, я думаю, скучно, m-r Nicolas слушать изъ середины, — сказала мнѣ Софья Ивановна со своимъ добродушнымъ вздохомъ, переворачивая куски платья, которое она шила.

Чтеніе въ это время прекратилось, потому что Дмитрій куда-то вышелъ изъ комнаты.

— Или, можетъ-быть, вы уже читали «Роброя»?

Въ то время я считалъ своею обязанностью, вслѣдствіе уже одного того, что носилъ студенческій мундиръ, съ людьми мало мнѣ знакомыми на каждый самый простой вопросъ отвѣчать непремѣнно очень *умно и оригинально* и считалъ величайшимъ стыдомъ короткіе и ясные отвѣты, какъ: да, нѣтъ, скучно, весело и тому подобное. Взглянувъ на свои новые модные панталоны и блестящія пуговицы сюртука, я отвѣчалъ, что не читалъ «Роброя», но что мнѣ было очень интересно слушать, потому что я больше люблю читать книги изъ середины, чѣмъ съ начала.

— Вдвое интереснѣй: догадываешься о томъ, что было и что будетъ, — добавилъ я, самодовольно улыбаясь.

Княгиня засмѣялась какъ будто бы неестественнымъ смѣхомъ (впослѣдствіи я замѣтилъ, что у нея не было другого смѣха).

— Однако это, должно-быть, правда, — сказала она. — А что, вы долго здѣсь пробудете, Nicolas? Вы не обидитесь, что я васъ зову безъ monsieur? Когда вы ѣдете?

— Не знаю, можетъ-быть, завтра, а можетъ-быть, пробудемъ еще довольно долго, — отвѣчалъ я почему-то, несмотря на то, что мы навѣрное должны были ѣхать завтра.

— Я бы желала, чтобы вы остались, и для васъ, и для моего Дмитрія, — замѣтила княгиня, глядя куда-то далеко: — въ ваши годы дружба — славная вещь.

Я чувствовалъ, что всѣ смотрѣли на меня и ожидали того, что я скажу, хотя Варенька и притворялась, что смотритъ работу тетки; я чувство-

валъ, что мнѣ дѣлаютъ въ нѣкоторомъ родѣ экзаменъ и что надо показаться какъ можно выгоднѣе.

— Да, для меня, — сказалъ я, — дружба Дмитрія полезна, но я не могу ему быть полезенъ: онъ въ тысячу разъ лучше меня. (Дмитрій не могъ слышать того, что̀ я говорилъ, иначе я бы боялся, что онъ почувствуетъ неискренность моихъ словъ).

Княгиня засмѣялась снова неестественнымъ, ей естественнымъ смѣхомъ.

— Ну, а послушать его, — сказала она, — такъ c'est vous qui êtes un petit monstre de perfection.

«Monstre de perfection — это отлично, надо запомнить», подумалъ я.

— Но, впрочемъ, не говоря о васъ, онъ на это мастеръ, — продолжала она, понизивъ голосъ (что мнѣ было особенно пріятно) и указывая глазами на Любовь Сергѣевну:—онъ открылъ въ *бѣдной тетенькѣ* (такъ называлась у нихъ Любовь Сергѣевна), которую я двадцать лѣтъ знаю съ ея Сюзеткой, такія совершенства, какихъ я не подозрѣвала... Варя, вели мнѣ дать стаканъ воды, — прибавила она, снова взглянувъ вдаль, должно-быть, найдя, что было еще рано или вовсе не нужно посвящать меня въ семейныя отношенія,— или нѣтъ, лучше онъ сходитъ. *Онъ* ничего не дѣлаетъ, а ты читай. Идите, мой другъ, прямо въ дверь и, пройдя пятнадцать шаговъ, остановитесь и скажите громкимъ голосомъ: «Петръ, подай Марьѣ Ивановнѣ стаканъ воды со льдомъ», сказала она мнѣ и снова слегка засмѣялась своимъ неестественнымъ смѣхомъ.

«Вѣрно, она хочетъ про меня говорить, — подумалъ я, выходя изъ комнаты, — вѣрно, хочетъ

сказать, что она замѣтила, что я очень и очень умный молодой человѣкъ». Я еще не успѣлъ пройти пятнадцати шаговъ, какъ толстая запыхавшаяся Софья Ивановна, однако, скорыми и легкими шагами, догнала меня.

— Merci, mon cher, — сказала она: — я сама иду туда, такъ скажу.

XXIV.

ЛЮБОВЬ.

Софья Ивановна, какъ я ее послѣ узналъ, была одна изъ тѣхъ рѣдкихъ немолодыхъ женщинъ, рожденныхъ для семейной жизни, которымъ судьба отказала въ этомъ счастіи и которыя вслѣдствіе этого отказа весь тотъ запасъ любви, который такъ долго хранился, росъ и крѣпъ въ ихъ сердцѣ для дѣтей и мужа, рѣшаются вдругъ изливать на нѣкоторыхъ избранныхъ. И запасъ этотъ у старыхъ дѣвушекъ такого рода бываетъ такъ неистощимъ, что, несмотря на то, что избранныхъ много, еще остается много любви, которую онѣ изливаютъ на всѣхъ окружающихъ, на всѣхъ добрыхъ и злыхъ людей, которые только сталкиваются съ ними въ жизни.

Есть три рода любви:

1) любовь красивая,

2) любовь самоотверженная и

3) любовь дѣятельная.

Я говорю не о любви молодого мужчины къ молодой дѣвицѣ и наоборотъ, — я боюсь этихъ нѣжностей, былъ такъ несчастливъ въ жизни, что никогда не видалъ въ этомъ родѣ любви ни одной искры правды, а только ложь, въ которой чув-

ственность, супружескія отношенія, деньги, желаніе связать или развязать себѣ руки до того запутывали самое чувство, что ничего разобрать нельзя было. Я говорю про любовь къ человѣку, которая, смотря по большей или меньшей силѣ души сосредоточивается на одномъ, на нѣкоторыхъ или изливается на многихъ, про любовь къ матери, къ отцу, къ брату, къ дѣтямъ, къ товарищу, къ подругѣ, къ соотечественнику, про любовь къ человѣку.

Любовь красивая заключается въ любви красоты самаго чувства и его выраженія. Для людей, которые такъ любятъ, любимый предметъ любезенъ только настолько, насколько онъ возбуждаетъ то пріятное чувство, сознаніемъ и выраженіемъ котораго они наслаждаются. Люди, которые любятъ красивою любовью, очень мало заботятся о взаимности, какъ объ обстоятельствѣ, не имѣющемъ никакого вліянія на красоту и пріятность чувства. Они часто перемѣняютъ предметы своей любви, такъ какъ ихъ главная цѣль состоитъ только въ томъ, чтобы пріятное чувство любви было постоянно возбуждаемо. Для того, чтобы поддержать въ себѣ это пріятное чувство, они постоянно въ самыхъ изящныхъ выраженіяхъ говорятъ о своей любви какъ самому предмету, такъ и всѣмъ тѣмъ, кому даже и нѣтъ до этой любви никакого дѣла. Въ нашемъ отечествѣ люди извѣстнаго класса, любящіе *красиво*, не только всѣмъ разсказываютъ про свою любовь, но разсказываютъ про нее непремѣнно по-французски. Смѣшно и странно сказать, но я увѣренъ, что было очень много и теперь есть много людей извѣстнаго общества, въ особенности женщинъ,

которыхъ любовь къ друзьямъ, мужьямъ, дѣтямъ сейчасъ бы уничтожилась, ежели бы имъ только запретить про нее говорить по-французски.

Второго рода любовь — *любовь самоотверженная* — заключается въ любви къ процессу жертвованія собой для любимаго предмета, не обращая никакого вниманія на то, хуже или лучше отъ этихъ жертвъ любимому предмету. «Нѣтъ никакой непріятности, которую бы я не рѣшился сдѣлать самому себѣ, для того, чтобы доказать всему свѣту и *ему* или *ей* свою преданность». Вотъ формула этого рода любви. Люди, любящіе такъ, никогда не вѣрятъ взаимности (потому что еще достойнѣе жертвовать собою для того, кто меня не понимаетъ), всегда бываютъ болѣзненны, что тоже увеличиваетъ заслугу жертвъ; большею частью постоянны, потому что имъ тяжело бы было потерять заслугу тѣхъ жертвъ, которыя онѣ сдѣлали любимому предмету; всегда готовы умереть, для того, чтобы доказать *ему* или *ей* всю свою преданность, но пренебрегаютъ мелкими ежедневными доказательствами любви, въ которыхъ не нужно особенныхъ порывовъ самоотверженія. Имъ все равно, хорошо ли вы ѣли, хорошо ли спали, весело ли вамъ, здоровы ли вы, и они ничего не сдѣлаютъ, чтобы доставить вамъ эти удобства, ежели они въ ихъ власти; но стать подъ пулю, броситься въ воду, въ огонь, зачахнуть отъ любви — на это они всегда готовы, ежели только встрѣтится случай. Кромѣ того люди, склонные къ любви самоотверженной, бываютъ всегда горды своею любовью, взыскательны, ревнивы, недовѣрчивы и — странно сказать — желаютъ своимъ предметамъ опасностей, чтобы избавлять ихъ отъ

несчастій, чтобъ утѣшать, и даже пороковъ, чтобъ исправлять отъ нихъ.

Вы одни и живете въ деревнѣ съ своею женой, которая любитъ васъ съ самоотверженіемъ. Вы здоровы, спокойны, у васъ есть занятія, которыя вы любите; любящая жена ваша такъ слаба, что не можетъ заниматься ни домашнимъ хозяйствомъ, которое передано на руки слугъ, ни дѣтьми, которыя на рукахъ нянекъ, ни даже какимъ-нибудь дѣломъ, которое бы она любила, потому что она ничего не любитъ, кромѣ васъ. Она *видимо* больна, но, не желая васъ огорчить, не хочетъ говорить вамъ этого; она *видимо* скучаетъ, но для васъ она готова скучать всю свою жизнь; ее *видимо* убиваетъ то, что вы такъ пристально занимаетесь своимъ дѣломъ (какое бы оно ни было: охота, книги, хозяйство, служба); она видитъ, что эти занятія погубятъ васъ, но она молчитъ и терпитъ. Но вотъ вы сдѣлались больны, — любящая жена ваша забываетъ свою болѣзнь и неотлучно, несмотря на ваши просьбы не мучить себя напрасно, сидитъ у вашей постели; и вы всякую секунду чувствуете на себѣ ея соболѣзнующій взглядъ, говорящій: «Что же, я говорила, но мнѣ все равно и я все-таки не оставлю тебя». Утромъ вамъ немного получше, вы выходите въ другую комнату. Комната не протоплена, не убрана; супъ, который одинъ вамъ можно ѣсть, не заказанъ повару, за лѣкарствомъ не послано; но, изнуренная отъ ночнаго бдѣнія, любящая жена ваша все съ такимъ же выраженіемъ соболѣзнованія смотритъ на васъ, ходитъ на цыпочкахъ и шопотомъ отдаетъ слугамъ непривычныя и неясныя приказанія. Вы хотите читать — любящая жена со

вздохомъ говоритъ вамъ, что она знаетъ, что вы ея не послушаетесь, будете сердиться на нее, но она ужъ привыкла къ этому, — вамъ лучше не читать; вы хотите пройтись по комнатѣ — вамъ этого тоже лучше не дѣлать; вы хотите поговорить съ пріѣхавшимъ пріятелемъ — вамъ лучше не говорить. Ночью у васъ снова жаръ, вы хотите забыться, но любящая жена ваша, худая, блѣдная, изрѣдка вздыхая, въ полусвѣтѣ ночника сидитъ противъ васъ на креслѣ и малѣйшимъ движеніемъ, малѣйшимъ звукомъ возбуждаетъ въ васъ чувства досады и нетерпѣнія. У васъ есть слуга, съ которымъ вы живете ужъ двадцать лѣтъ, къ которому вы привыкли, который съ удовольствіемъ и отлично служитъ вамъ, потому что днемъ выспался и получаетъ за свою службу жалованье, но она не позволяетъ ему служить вамъ. Она все дѣлаетъ сама своими слабыми, непривычными пальцами, за которыми вы не можете не слѣдить со сдержанной злобой, когда эти бѣлые пальцы тщетно стараются откупорить склянку, тушатъ свѣчку, проливаютъ лѣкарство или брезгливо дотрогиваются до васъ. Ежели вы нетерпѣливый, горячій человѣкъ и просите ее уйти, вы услышите своимъ раздраженнымъ, болѣзненнымъ слухомъ, какъ она за дверью будетъ покорно вздыхать и плакать, и шептать какой-нибудь вздоръ вашему человѣку. Наконецъ, ежели вы не умерли, любящая жена ваша, которая не спала двадцать ночей во время вашей болѣзни (что она безпрестанно вамъ повторяетъ), дѣлается больна, чахнетъ, страдаетъ и становится еще меньше способна къ какому-нибудь занятію, и въ то время какъ вы находитесь въ нормаль

номъ состояніи, выражаетъ свою любовь самоотверженія только кроткою скукой, которая невольно сообщается вамъ и всѣмъ окружающимъ.

Третій родъ — *любовь дѣятельная* — заключается въ стремленіи удовлетворять всѣ нужды, всѣ желанія, прихоти, даже пороки, любимаго существа. Люди, которые любятъ такъ, любятъ всегда на всю жизнь, потому что чѣмъ больше они любятъ, тѣмъ больше узнаютъ любимый предметъ и тѣмъ легче имъ любить, то-есть удовлетворять ихъ желанія. Любовь ихъ рѣдко выражается словами, и если выражается, то не только не самодовольно, красиво, но стыдливо, неловко, потому что они всегда боятся, что любятъ недостаточно. Люди эти любятъ даже пороки любимаго существа, потому что пороки эти даютъ имъ возможность удовлетворять еще новыя желанія. Они ищутъ взаимности, охотно даже обманывая себя, вѣрятъ въ нее и счастливы, если имѣютъ ее; но любятъ все такъ же даже и въ противномъ случаѣ и не только желаютъ счастія для любимаго предмета, но всѣми тѣми моральными и матеріальными, большими и мелкими средствами, которыя находятся въ ихъ власти, постоянно стараются доставить его.

И вотъ эта-то дѣятельная любовь къ своему племяннику, племянницѣ, къ сестрѣ, къ Любовь Сергѣевнѣ, ко мнѣ даже за то, что меня любилъ Дмитрій, свѣтилась въ глазахъ, въ каждомъ словѣ и движеніи Софьи Ивановны.

Только гораздо послѣ я оцѣнилъ вполнѣ Софью Ивановну, но и тогда мнѣ пришелъ въ голову вопросъ: почему Дмитрій, старавшійся понимать любовь совершенно иначе, чѣмъ обыкно-

венно молодые люди, и имѣвшій всегда передъ глазами милую, любящую Софью Ивановну, вдругъ страстно полюбилъ непонятную Любовь Сергѣевну и только допускалъ, что въ его теткѣ есть тоже хорошія качества? Видно, справедливо изреченіе: «нѣтъ пророка въ отечествѣ своемъ». Одно изъ двухъ: или дѣйствительно въ каждомъ человѣкѣ больше дурного, чѣмъ хорошаго, или человѣкъ больше воспріимчивъ къ дурному, чѣмъ къ хорошему. Любовь Сергѣевну онъ зналъ недавно, а любовь тетки онъ испытывалъ съ тѣхъ поръ, какъ родился.

XXV.

Я ОЗНАКОМЛИВАЮСЬ.

Когда я вернулся на галлерею, тамъ вовсе не говорили обо мнѣ, какъ я предполагалъ; но Варенька не читала, а, отложивъ въ сторону книгу, съ жаромъ спорила съ Дмитріемъ, который, расхаживая взадъ и впередъ, поправлялъ шеей галстукъ и зажмуривался. Предметъ спора былъ будто бы Иванъ Яковлевичъ и суевѣріе; но споръ былъ слишкомъ горячъ для того, чтобы подразумѣваемый смыслъ его не былъ другой, болѣе близкій всему семейству. Княгиня и Любовь Сергѣевна сидѣли молча, вслушиваясь въ каждое слово, видимо желая иногда принять участіе въ спорѣ, но удерживаясь и предоставляя говорить за себя, одна —Варенькѣ, другая—Дмитрію. Когда я вошелъ, Варенька взглянула на меня съ выраженіемъ такого равнодушія, что видно было, споръ сильно занималъ ее и ей было все равно, буду ли я или не буду слушать то, что она говорила. Такое

же выраженіе имѣлъ взглядъ княгини, которая, видимо, была на сторонѣ Вареньки. Но Дмитрій еще горячѣе сталъ спорить при мнѣ, а Любовь Сергѣевна какъ будто очень испугалась моего прихода и сказала, не обращаясь ни къ кому въ особенности: «правду говорятъ старые люди — si jeunesse savait, si viellesse pouvait».

Но это изреченіе не прекратило спора, а только навело меня на мысль, что сторона Любовь Сергѣевны и моего друга, была неправая сторона. Хотя мнѣ было нѣсколько совѣстно присутствовать при маленькомъ семейномъ раздорѣ, однако и было пріятно видѣть настоящія отношенія этого семейства, выказывавшіяся вслѣдствіе спора, и чувствовать, что мое присутствіе не мѣшало имъ выказываться.

Какъ часто бываетъ, что вы года видите семейство подъ одною и тою же ложною завѣсой приличія, и истинныя отношенія его членовъ остаются для васъ тайной. (Я даже замѣчалъ, что чѣмъ непроницаемѣе и потому красивѣе эта завѣса, тѣмъ грубѣе бываютъ истинныя, скрытыя отъ васъ отношенія). Но случится разъ совершенно неожиданно, поднимется въ кругу этого семейства какой-нибудь, иногда кажущійся незначащимъ, вопросъ о какой-нибудь блондѣ или визитѣ, о мужниныхъ лошадяхъ, — и безъ всякой видимой причины споръ становится ожесточеннѣе и ожесточеннѣе, подъ завѣсой уже становится тѣсно для разбирательства дѣла, и вдругъ, къ ужасу самихъ спорящихъ и къ удивленію присутствующихъ, всѣ истинныя, грубыя отношенія вылѣзаютъ наружу, завѣса, уже ничего не прикрывая, праздно болтается между воюющими сторонами и только на-

поминаетъ вамъ о томъ, какъ долго вы были ею обмануты. Часто не такъ больно со всего размаха удариться головой о притолоку, какъ чуть-чуть, легонько дотронуться до наболѣвшаго, натруженнаго мѣста. И такое натруженное, больное мѣсто бываетъ почти въ каждомъ семействѣ. Въ семействѣ Нехлюдовыхъ такое натруженное мѣсто была странная любовь Дмитрія къ Любовь Сергѣевнѣ, возбуждавшая въ сестрѣ и матери если не чувство зависти, то оскорбленное родственное чувство. Поэтому-то и споръ объ Иванѣ Яковлевичѣ и суевѣріи имѣлъ для всѣхъ ихъ такое серьезное значеніе.

— Ты всегда стараешься видѣть въ томъ, надъ чѣмъ другіе смѣются и что всѣ презираютъ, — говорила Варенька своимъ звучнымъ голосомъ и отчетливо выговаривая каждую букву, — ты именно во всемъ этомъ стараешься находить что-нибудь необыкновенно хорошее.

— Во-первыхъ, только самый *легкомысленный человѣкъ* можетъ говорить о презрѣніи къ такому замѣчательному человѣку, какъ Иванъ Яковлевичъ, — отвѣчалъ Дмитрій, судорожно подергивая головой въ противную сторону отъ сестры, — а во-вторыхъ, напротивъ, *ты* стараешься нарочно не видать хорошаго, которое у тебя стоитъ передъ глазами.

Вернувшись къ намъ, Софья Ивановна нѣсколько разъ испуганно посмотрѣла то на племянника, то на племянницу, то на меня и раза два, какъ будто сказавъ что-то мысленно, открывъ ротъ, тяжело вздохнула.

— Варя, пожалуйста, читай поскорѣе, — сказала она, подавая ей книгу и ласково потрепавъ

ее по рукѣ, — я непремѣнно хочу знать, нашелъ ли онъ ее опять. (Кажется, что въ романѣ и рѣчи не было о томъ, чтобы кто-нибудь находилъ кого-нибудь.) А ты, Митя, лучше бы завязалъ щеку, мой дружокъ, а то свѣжо, и опять у тебя разболятся зубы, — сказала она племяннику, несмотря на недовольный взглядъ, который онъ бросилъ на нее, должно-быть, за то, что она прервала логическую нить его доводовъ. Чтенiе продолжалось.

Эта маленькая ссора нисколько не разстроила того семейнаго спокойствiя и разумнаго согласiя, которымъ дышалъ этотъ женскiй кружокъ.

Этотъ кружокъ, которому направленiе и характеръ, видимо, давала княгиня Марья Ивановна, имѣлъ для меня совершенно новый и привлекательный характеръ какой-то логичности и вмѣстѣ съ тѣмъ простоты и изящества. Этотъ характеръ выражался для меня и въ красотѣ, чистотѣ и прочности вещей — колокольчика, переплета книги, кресла, стола, и въ прямой, поддержанной корсетомъ, позѣ княгини, и въ выставленныхъ на показъ букляхъ сѣдыхъ волосъ, и въ манерѣ называть меня при первомъ свиданiи просто Nicolas и *онъ*, въ ихъ занятiяхъ, въ чтенiи и въ шитьѣ платья, и въ необыкновенной бѣлизнѣ дамскихъ рукъ. (У нихъ у всѣхъ была въ рукѣ общая семейная черта, состоящая въ томъ, что мякоть ладони съ внѣшней стороны была алаго цвѣта и отдѣлялась рѣзкою, прямою чертой отъ необыкновенной бѣлизны верхней части руки). Но болѣе всего этотъ характеръ выражался въ ихъ манерѣ, всѣхъ трехъ, отлично говорить по-русски и по-французски, отчетливо выговаривать каждую

вый пріемъ, все-таки дать мнѣ почувствовать ту разницу, которая по годамъ и по положенію въ свѣтѣ была между мною и ими. Въ разговорахъ же общихъ, въ которыхъ я могъ принимать участіе, искупая свое предшествовавшее молчаніе, я старался выказать свой необыкновенный умъ и оригинальность, къ чему особенно я считалъ себя обязаннымъ своимъ мундиромъ. Когда зашелъ разговоръ о дачахъ, я вдругъ разсказалъ, что у князя Ивана Ивановича есть такая дача около Москвы, что на нее пріѣзжали смотрѣть изъ Лондона и изъ Парижа, что тамъ есть рѣшетка, которая стоитъ триста восемьдесятъ тысячъ, и что князь Иванъ Ивановичъ мнѣ очень близкій родственникъ и я нынче у него обѣдалъ, и онъ звалъ меня непремѣнно пріѣхать къ нему на эту дачу жить съ нимъ цѣлое лѣто, но что я отказался, потому что знаю хорошо эту дачу, нѣсколько разъ бывалъ въ ней, и что всѣ эти рѣшетки и мосты для меня нисколько не занимательны, потому что я терпѣть не могу роскоши, особенно въ деревнѣ: я люблю, чтобы въ деревнѣ ужъ было совсѣмъ какъ въ деревнѣ... Сказавъ эту страшную, сложную ложь, я сконфузился и покраснѣлъ, такъ что всѣ, вѣрно, замѣтили, что я лгу. Варенька, передававшая мнѣ въ это время чашку чая, и Софья Ивановна, смотрѣвшая на меня въ то время, какъ я говорилъ, обѣ отвернулись отъ меня и заговорили о другомъ съ выраженіемъ лица, которое потомъ я часто встрѣчалъ у добрыхъ людей, когда очень молодой человѣкъ начинаетъ очевидно лгать имъ въ глаза, и которое значитъ: «вѣдь мы знаемъ, что онъ лжетъ, и зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, бѣдняжка!..»

Что я сказалъ, что у князя Ивана Ивановича есть дача — это потому, что я не нашелъ лучшаго предлога разсказать про свое родство съ княземъ Иваномъ Ивановичемъ и про то, что я нынче у него обѣдалъ; но для чего я разсказалъ про рѣшетку, стоившую триста восемьдесятъ тысячъ, и про то, что я такъ часто бывалъ у него, тогда какъ я ни разу не былъ и не могъ быть у князя Ивана Ивановича, жившаго только въ Москвѣ или Неаполѣ, что очень хорошо знали Нехлюдовы, — для чего я это сказалъ, я рѣшительно не могу дать себѣ отчета. Ни въ дѣтствѣ, ни въ отрочествѣ, ни потомъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ я не замѣчалъ за собой порока лжи: напротивъ, я скорѣе былъ слишкомъ правдивъ и откровененъ; но въ эту первую эпоху юности на меня часто находило странное желаніе безъ всякой видимой причины лгать самымъ отчаяннымъ образомъ. Я говорю именно «отчаяннымъ образомъ», потому что я лгалъ въ такихъ вещахъ, въ которыхъ очень легко было поймать меня. Мнѣ кажется, что тщеславное желаніе выказать себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ есть, соединенное съ несбыточною въ жизни надеждой лгать, не бывъ уличеннымъ во лжи, было главною причиной этой странной наклонности.

Послѣ чая, такъ какъ дождикъ прошелъ и погода на вечерней зарѣ была тихая и ясная, княгиня предложила итти гулять въ нижній садъ и полюбоваться ея любимымъ мѣстомъ. Слѣдуя своему правилу быть всегда оригинальнымъ и считая, что такіе умные люди, какъ я и княгиня, должны стоять выше банальной учтивости, я отвѣчалъ, что терпѣть не могу гулять безъ всякой

цѣли и ежели ужъ люблю гулять, то совершенно одинъ. Я вовсе не сообразилъ, что это было просто грубо; но мнѣ тогда казалось, что такъ же какъ нѣтъ ничего стыднѣе пошлыхъ комплиментовъ, такъ и нѣтъ ничего милѣе и оригинальнѣе нѣкоторой невѣжливой откровенности. Однако, очень довольный своимъ отвѣтомъ, я пошелъ-таки гулять вмѣстѣ со всѣмъ обществомъ.

Любимое мѣсто княгини было совершенно внизу, въ самой глуши сада, на маленькомъ мостикѣ, перекинутомъ черезъ узкое болотце. Видъ былъ очень ограниченный, но очень задумчивый и граціозный. Мы такъ привыкли смѣшивать искусство съ природой, что очень часто тѣ явленія природы, которыя никогда не встрѣчали въ живописи, намъ кажутся неестественными, какъ будто природа не натуральна, и наоборотъ: тѣ явленія, которыя слишкомъ часто повторялись въ живописи, кажутся намъ избитыми, нѣкоторые же виды, слишкомъ проникнутые одною мыслью и чувствомъ, встрѣчающіеся намъ въ дѣйствительности, кажутся вычурными. Видъ съ любимаго мѣста княгини былъ въ такомъ родѣ. Его составляли небольшой, заросшій съ краевъ прудикъ, сейчасъ же за нимъ крутая гора вверхъ, поросшая огромными старыми деревьями и кустами, часто перемѣшивающими свою разнообразную зелень, и перекинутая надъ прудомъ, у начала горы, старая береза, которая, держась частью своихъ толстыхъ корней во влажномъ берегу пруда, макушкой оперлась на высокую стройную осину и повѣсила кудрявыя вѣтки надъ гладкою поверхностью пруда, отражавшаго въ себѣ эти висящія вѣтки и окружающую зелень.

— Что за прелесть! — сказала княгиня, покачивая головой и не обращаясь ни къ кому въ особенности.

— Да, чудесно, но только, мнѣ кажется, ужасно похоже на декорацію, — сказалъ я, желая доказать, что я во всемъ имѣю свое собственное мнѣніе.

Какъ будто не слыхавъ моего замѣчанія, княгиня продолжала любоваться видомъ, и, обращаясь къ сестрѣ и Любовь Сергѣевнѣ, указывала на частности: на кривой висѣвшій сукъ и на его отраженіе, которое ей особенно нравилось. Софья Ивановна говорила, что все это прекрасно и что сестра ея по нѣскольку часовъ проводитъ здѣсь, но видно было, что все это она говорила только для удовольствія княгини. Я замѣчалъ, что люди, одаренные способностью любви, рѣдко бываютъ воспріимчивы къ красотамъ природы. Любовь Сергѣевна восхищалась тоже, спрашивала, между прочимъ: «Чѣмъ эта береза держится? долго ли она простоитъ?» и безпрестанно поглядывала на свою Сюзетку, которая, махая пушистымъ хвостомъ, взадъ и впередъ бѣгала на своихъ кривыхъ ножкахъ по мостику съ такимъ хлопотливымъ выраженіемъ, какъ будто ей въ первый разъ въ жизни довелось быть не въ комнатѣ. Дмитрій завелъ съ матерью очень логическое разсужденіе о томъ, что никакъ не можетъ быть прекрасенъ видъ, въ которомъ горизонтъ ограниченъ. Варенька ничего не говорила. Когда я оглянулся на нее, она, опершись на перила мостика, стояла ко мнѣ въ профиль и смотрѣла впередъ. Что-то, вѣрно, сильно занимало ее и даже трогало, потому что она, видимо, забылась и мысли не имѣла о себѣ и о томъ, что на нее смотрятъ. Въ выраженіи

ея большихъ глазъ было столько пристальнаго вниманія и спокойной, ясной мысли, въ позѣ ея столько непринужденности и, несмотря на ея небольшой ростъ, даже величавости, что снова меня поразило какъ будто воспоминаніе о ней, и снова я спросилъ себя: «Не начинается ли?» И снова я отвѣтилъ себѣ, что я уже влюбленъ въ Сонечку, а что Варенька — просто барышня, сестра моего друга. Но она мнѣ понравилась въ эту минуту, и вслѣдствіе этого я почувствовалъ неопредѣленное желаніе сдѣлать или сказать ей какую-нибудь небольшую непріятность.

— Знаешь что, Дмитрій, — сказалъ я моему другу, подходя ближе къ Варенькѣ, такъ чтобы она могла слышать то, что я буду говорить: — я нахожу, что ежели бы не было комаровъ, и то ничего хорошаго нѣтъ въ этомъ мѣстѣ, а ужъ теперь, — прибавилъ я, щелкнувъ себя по лбу и дѣйствительно раздавивъ комара, — это совсѣмъ плохо.

— Вы, кажется, не любите природы? — сказала мнѣ Варенька, не поворачивая головы.

— Я нахожу, что это праздное, безполезное занятіе, — отвѣчалъ я, очень довольный тѣмъ, что я сказалъ-таки ей маленькую непріятность, и притомъ оригинальную. Варенька чуть-чуть подняла на мгновеніе брови съ выраженіемъ сожалѣнія и точно такъ же спокойно продолжала смотрѣть прямо.

Мнѣ стало досадно на нее, но, несмотря на это, сѣренькія съ полинявшею краской перильца мостика, на которыя она оперлась, отраженіе въ темномъ прудѣ опустившагося сука перекинутой березы, которое, казалось, хотѣло соединиться съ

висящими вѣтками, болотный запахъ, чувство на лбу раздавленнаго комара и ея внимательный взглядъ и величавая поза—часто потомъ совершенно неожиданно являлись вдругъ въ моемъ воображенiи.

XXVII.

ДМИТРIЙ.

Когда послѣ прогулки мы вернулись домой,Варенька не хотѣла пѣть, какъ она обыкновенно дѣлала по вечерамъ, и я былъ такъ самонадѣянъ, что принялъ это на свой счетъ, воображая, что причиной тому было то, что́ я ей сказалъ на мостикѣ. Нехлюдовы не ужинали и расходились рано, а въ этотъ день, такъ какъ у Дмитрiя, по предсказанью Софьи Ивановны, точно разболѣлись зубы, мы ушли въ его комнату еще раньше обыкновеннаго. Полагая, что я исполнилъ все, чего требовали отъ меня мой синiй воротникъ и пуговицы, и что всѣмъ очень понравился, я находился въ весьма прiятномъ, самодовольномъ расположенiи духа; Дмитрiй же, напротивъ, вслѣдствiе спора и зубной боли былъ молчаливъ и мраченъ. Онъ сѣлъ къ столу, досталъ свои тетради — дневникъ и тетрадь, въ которой онъ имѣлъ обыкновенiе каждый вечеръ записывать свои будущiя и прошедшiя занятiя, и, безпрестанно морщась и дотрогиваясь рукой до щеки, довольно долго писалъ въ нихъ.

— Ахъ, оставьте меня въ покоѣ!—закричалъ онъ на горничную, которая отъ Софьи Ивановны пришла спросить его: какъ его зубы? и не хочетъ ли онъ сдѣлать себѣ припарку? Вслѣдъ затѣмъ, сказавъ, что постель мнѣ сейчасъ постелютъ и что

онъ сейчасъ вернется, онъ пошелъ къ Любовь Сергѣевнѣ.

«Какъ жалко, что Варенька не хорошенькая и вообще не Сонечка,—мечталъ я, оставшись одинъ въ комнатѣ.—Какъ бы хорошо было, выйдя изъ университета, пріѣхать къ нимъ и предложить ей руку. Я бы сказалъ: «Княжна, я уже не молодъ—не могу любить страстно, но буду постоянно любить васъ, какъ милую сестру. Васъ я уже уважаю,—я сказалъ бы матери,—а васъ, Софья Ивановна, повѣрьте, что очень цѣню. Такъ скажите просто и прямо: хотите ли вы быть моей женой? — «Да». И она подастъ мнѣ руку, я пожму ее и скажу: «Любовь моя не на словахъ, а на дѣлѣ». «Ну, а что,—пришло мнѣ въ голову, —ежели бы вдругъ Дмитрій влюбился въ Любочку —вѣдь Любочка влюблена въ него—и захотѣлъ бы жениться на ней? Тогда кому-нибудь изъ насъ вѣдь нельзя бы было жениться, и это было бы отлично. Тогда бы я вотъ что сдѣлалъ. Я бы сейчасъ замѣтилъ это, ничего бы не сказалъ, пришелъ бы къ Дмитрію и сказалъ бы: «Напрасно, мой другъ, мы стали бы скрываться другъ отъ друга: ты знаешь, что моя любовь къ твоей сестрѣ кончится только съ моею жизнью; но я все знаю: ты лишилъ меня лучшей надежды, ты сдѣлалъ меня несчастнымъ, но знаешь, какъ Николай Иртеньевъ отплачиваетъ за несчастье всей своей жизни?.. Вотъ тебѣ моя сестра», и подалъ бы ему руку Любочки. Онъ бы сказалъ: «Нѣтъ, ни за что!..» А я сказалъ бы: «Князь Нехлюдовъ! напрасно вы хотите быть великодушнѣе Николая Иртеньева. Нѣтъ въ мірѣ человѣка великодушнѣе его». Поклонился бы и вышелъ. Дмитрій и Лю-

бочка въ слезахъ выбѣжали бы за мной и умоляли бы, чтобъ я принялъ ихъ жертву. И я бы могъ согласиться и могъ бы быть очень счастливъ, ежели бы только я былъ влюбленъ въ Вареньку...» Мечты эти были такъ пріятны, что мнѣ очень хотѣлось сообщить ихъ моему другу, но, несмотря на нашъ обѣтъ взаимной откровенности, я чувствовалъ почему-то, что нѣтъ физической возможности сказать это.

Дмитрій вернулся отъ Любовь Сергѣевны съ каплями на зубу, которыя она дала ему, еще болѣе страдающій и вслѣдствіе этого еще болѣе мрачный. Постель мнѣ была еще не постлана, и мальчикъ, слуга Дмитрія, пришелъ спросить его, гдѣ я буду спать.

— Убирайся къ чорту!—крикнулъ Дмитрій, топнувъ ногой.—Васька! Васька! Васька!—закричалъ онъ, только что мальчикъ вышелъ, съ каждымъ разомъ возвышая голосъ.—Васька! стели мнѣ на полу.

— Нѣтъ, лучше я лягу на полу,—сказалъ я.

— Ну, все равно, стели гдѣ-нибудь,—тѣмъ же сердитымъ тономъ продолжалъ Дмитрій.—Васька! что же ты не стелешь?

Но Васька, видимо, не понималъ, чего отъ него требовали, и стоялъ не двигаясь.

— Ну, что жъ ты? стели, стели! Васька! Васька!—закричалъ Дмитрій, входя вдругъ въ какое-то бѣшенство.

Но Васька, все еще не понимая и оробѣвъ, не шевелился.

— Такъ ты поклялся меня погуб... взбѣсить?

И Дмитрій, вскочивъ со стула и подбѣжавъ къ мальчику, изъ всѣхъ силъ нѣсколько разъ

ударилъ по головѣ кулакомъ Ваську, который стремглавъ убѣжалъ изъ комнаты. Остановившись у двери, Дмитрій оглянулся на меня, и выраженіе бѣшенства и жестокости, которое на секунду было на его лицѣ, замѣнилось такимъ кроткимъ, пристыженнымъ и любящимъ дѣтскимъ выраженіемъ, что мнѣ стало жалко его, и, какъ ни хотѣлось отвернуться, я не рѣшился этого сдѣлать. Онъ ничего не сказалъ мнѣ, но долго молча ходилъ по комнатѣ, изрѣдка поглядывая на меня съ тѣмъ же просящимъ прощенія выраженіемъ, потомъ досталъ изъ стола тетрадь, записалъ что-то въ нее, снялъ сюртукъ, тщательно сложилъ его, подошелъ къ углу, гдѣ висѣлъ образъ, сложилъ на груди свои большія бѣлыя руки и сталъ молиться. Онъ молился такъ долго, что Васька успѣлъ принести тюфякъ и постлать на полу, что̀ я ему объяснилъ шопотомъ. Я раздѣлся и легъ на постланную на полу постель, а Дмитрій все еще продолжалъ молиться. Глядя на немного сутуловатую спину Дмитрія и его подошвы, которыя какъ-то покорно выставлялись передо мной, когда онъ клалъ земные поклоны, я еще сильнѣе любилъ Дмитрія, чѣмъ прежде, и думалъ о томъ: «сказать или не сказать ему то, что я мечталъ о нашихъ сестрахъ?» Окончивъ молитву, Дмитрій легъ ко мнѣ на постель и, облокотясь на руку, долго, молча, ласковымъ и пристыженнымъ взглядомъ смотрѣлъ на меня. Ему, видимо, было тяжело это, но онъ какъ будто наказывалъ себя. Я улыбнулся, глядя на него. Онъ улыбнулся тоже.

— А отчего же ты мнѣ не скажешь,—сказалъ онъ,—что я гадко поступилъ? Вѣдь ты объ этомъ сейчасъ думалъ?

— Да,—отвѣчалъ я, хотя и думалъ о другомъ, но мнѣ показалось, что дѣйствительно я объ этомъ думалъ,—да, это очень нехорошо, я даже и не ожидалъ отъ тебя этого,—сказалъ я, чувствуя въ эту минуту особенное удовольствіе въ томъ, что я говорилъ ему *ты*.—Ну, что зубы твои? прибавилъ я.

— Прошли. Ахъ, Николенька, мой другъ!—заговорилъ Дмитрій такъ ласково, что слезы, казалось, стояли въ его блестящихъ глазахъ,—я знаю и чувствую, какъ я дуренъ, и Богъ видитъ, какъ я желаю и прошу Его, чтобъ Онъ сдѣлалъ меня лучше; но что же мнѣ дѣлать, ежели у меня такой несчастный, отвратительный характеръ? что же мнѣ дѣлать? Я стараюсь удерживаться, исправляться, но вѣдь это невозможно вдругъ и невозможно одному. Надо, чтобы кто-нибудь поддерживалъ, помогалъ мнѣ. Вотъ Любовь Сергѣевна—она понимаетъ меня и много помогла мнѣ въ этомъ. Я знаю по своимъ запискамъ, что я въ продолженіе года ужъ много исправился. Ахъ, Николенька, душа моя!—продолжалъ онъ съ особенною непривычною нѣжностью и ужъ болѣе спокойнымъ тономъ послѣ этого признанія, — какъ это много значитъ, вліяніе такой женщины, какъ она! Боже мой, какъ можетъ быть хорошо, когда я буду самостоятеленъ съ такимъ другомъ, какъ она! Я съ ней совершенно другой человѣкъ.

И вслѣдъ за этимъ Дмитрій началъ развивать мнѣ свои планы женитьбы, деревенской жизни и постоянной работы надъ самимъ собой.

— Я буду жить въ деревнѣ, ты пріѣдешь ко мнѣ, можетъ-быть, и ты будешь женатъ на Со-

нечкѣ,—говорилъ онъ,—дѣти наши будутъ играть. Вѣдь все это кажется смѣшно и глупо, а можетъ вѣдь случиться.

— Еще бы, и очень можетъ,—сказалъ я, улыбаясь и думая въ это время о томъ, что было бы еще лучше, ежели бы я женился на его сестрѣ.

— Знаешь, что я тебѣ скажу?—сказалъ онъ мнѣ, помолчавъ немного:—вѣдь ты только воображаешь, что ты влюбленъ въ Сонечку, а, какъ я вижу, это пустяки, и ты еще не знаешь, что такое настоящее чувство.

Я не возражалъ, потому что почти соглашался съ нимъ. Мы помолчали немного.

— Ты замѣтилъ вѣрно, что я нынче опять былъ въ гадкомъ духѣ и нехорошо спорилъ съ Варей. Мнѣ потомъ ужасно непріятно было, особенно потому, что это было при тебѣ. Хоть она о многомъ думаетъ не такъ, какъ слѣдуетъ, но она славная дѣвочка, очень хорошая... вотъ ты ее покороче узнаешь.

Его переходъ въ разговорѣ отъ того, что я не влюбленъ, къ похваламъ своей сестрѣ чрезвычайно обрадовалъ меня и заставилъ покраснѣть, но я все-таки ничего не сказалъ ему о его сестрѣ, и мы продолжали говорить о другомъ.

Такъ мы проболтали до вторыхъ пѣтуховъ, и блѣдная заря уже глядѣла въ окно, когда Дмитрій перешелъ на свою постель и потушилъ свѣчку.

— Ну, теперь спать,—сказалъ онъ.

— Да,—отвѣчалъ я,—только одно слово.

— Ну?

— Отлично жить на свѣтѣ!—сказалъ я.

— Отлично жить на свѣтѣ,—отвѣчалъ онъ такимъ голосомъ, что я въ темнотѣ, казалось, видѣлъ выраженіе его веселыхъ, ласкающихъ глазъ и дѣтской улыбки.

XXVIII.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

На другой день мы съ Володей на почтовыхъ уѣхали въ деревню. Дорогой, перебирая въ головѣ разныя московскія воспоминанія, я вспомнилъ про Сонечку Валахину, но и то вечеромъ, когда мы уже отъѣхали пять станцій. «Однако странно, — подумалъ я, — что я влюбленъ и вовсе забылъ объ этомъ; надо думать о ней». И я сталъ думать о ней такъ, какъ думается дорогой,—несвязно, но живо, и додумался до того, что, пріѣхавъ въ деревню, два дня почему-то считалъ необходимымъ казаться грустнымъ и задумчивымъ передъ всѣми домашними и особенно передъ Катенькой, которую считалъ большимъ знатокомъ въ дѣлахъ этого рода, и которой я намекнулъ кое-что о состояніи, въ которомъ находилось мое сердце. Но, несмотря на все стараніе притворства передъ другими и самимъ собой, несмотря на умышленное усвоеніе всѣхъ признаковъ, которые я замѣчалъ въ другихъ во влюбленномъ состояніи, я только въ продолженіе двухъ дней и то непостоянно, а преимущественно по вечерамъ, вспоминалъ, что я влюбленъ, и наконецъ, какъ скоро вошелъ въ новую колею деревенской жизни и занятій, совсѣмъ забылъ о своей любви къ Сонечкѣ.

Мы пріѣхали въ Петровское ночью, и я спалъ такъ крѣпко, что не видалъ ни дома, ни березовой

аллеи и никого изъ домашнихъ, которые уже всѣ разошлись и давно спали. Сгорбленный старикъ Фока, босикомъ, въ какой-то жениной ваточной кофточкѣ, со свѣчой въ рукахъ, отложилъ намъ крючокъ двери. Увидавъ насъ, онъ затрясся отъ радости, расцѣловалъ насъ въ плечи, торопливо убралъ свой войлокъ и сталъ одѣваться. Сѣни и лѣстницу я прошелъ, еще не проснувшись хорошенько, но въ передней замокъ двери, задвижка, косая половица, ларь, старый подсвѣчникъ, закапанный саломъ по-старому, тѣни отъ кривой, холодной, только что зажженной свѣтильни сальной свѣчи, всегда пыльное, не выставлявшееся двойное окно, за которымъ, какъ я помнилъ, росла рябина,—все это такъ было знакомо, такъ полно воспоминаній, такъ дружно между собой, какъ будто соединено одною мыслью, что я вдругъ почувствовалъ на себѣ ласку этого милаго стараго дома. Мнѣ невольно представился вопросъ: какъ могли мы, я и домъ, быть такъ долго другъ безъ друга? и, торопясь куда-то, я побѣжалъ смотрѣть, все тѣ же ли другія комнаты? Все было то же, только все сдѣлалось меньше, ниже, а я какъ будто сдѣлался выше, тяжелѣе и грубѣе; но и такимъ, какимъ я былъ, домъ радостно принималъ меня въ свои объятія и каждою половицей, каждымъ окномъ, каждою ступенькой лѣстницы, каждымъ звукомъ пробуждалъ во мнѣ тьмы образовъ, чувствъ, событій невозвратимаго счастливаго прошедшаго. Мы пришли въ нашу дѣтскую спальню: всѣ дѣтскіе ужасы снова тѣ же таились во тракѣ угловъ и дверей; прошли гостиную—та же тихая, нѣжная материнская любовь была разлита по всѣмъ предметамъ, стоявшимъ въ ком-

натѣ; прошли залу—шумливое, безпечное дѣтское веселье, казалось, остановилось въ этой комнатѣ и ждало только того, чтобы снова оживили его. Въ диванной, куда насъ провелъ Фока и гдѣ онъ постлалъ намъ постели, казалось, все—зеркало, ширмы, старый деревянный образъ, каждая неровность стѣны, оклеенной бѣлою бумагой,—все говорило про страданія, про смерть, про то, чего уже больше никогда не будетъ.

Мы улеглись, и Фока, пожелавъ спокойной ночи, оставилъ насъ.

— А вѣдь въ этой комнатѣ умерла maman? —сказалъ Володя.

Я не отвѣчалъ ему и притворился спящимъ. Если бы я сказалъ что-нибудь, я бы заплакалъ. Когда я проснулся на другой день утромъ, папа, еще не одѣтый, въ торжковскихъ сапожкахъ и халатѣ, съ сигарой въ зубахъ сидѣлъ на постели у Володи и разговаривалъ и смѣялся съ нимъ. Онъ съ веселымъ подергиваньемъ вскочилъ отъ Володи, подошелъ ко мнѣ и, шлепнувъ меня своею большою рукой по спинѣ, подставилъ мнѣ щеку и прижалъ ее къ моимъ губамъ.

— Ну, отлично, спасибо, дипломатъ, — говорилъ онъ съ своею особенною шутливою лаской, вглядываясь въ меня своими маленькими блестящими глазками. — Володя говоритъ, что хорошо выдержалъ, молодцомъ, ну и славно. Ты коли захочешь не дурить, ты у меня тоже славный малый. Спасибо, дружокъ. Теперь мы тутъ заживемъ славно, а зимой, можетъ, въ Петербургъ переѣдемъ; только жалко, охота кончилась, а то бы я васъ потѣшилъ; ну, съ ружьемъ можешь охотиться, Вольдемаръ? Дичи пропасть, я, по-

жалуй, самъ пойду съ тобой когда-нибудь. Ну, а зимой, Богъ дастъ, въ Петербургъ переѣдемъ, увидите людей, связи сдѣлаете, вы теперь у меня ребята большіе. Вотъ я сейчасъ Вольдемару говорилъ: вы теперь стоите на дорогѣ, и мое дѣло кончено, можете итти сами, а со мной коли хотите совѣтоваться, совѣтуйтесь, я теперь вашъ не дядька, а другъ, по крайней мѣрѣ хочу быть другомъ и товарищемъ и совѣтчикомъ, гдѣ могу, и больше ничего. Какъ это по твоей философіи выходитъ, Коко? А? хорошо или дурно? а?

Я, разумѣется, сказалъ, что отлично, и дѣйствительно находилъ это таковымъ. Папа въ этотъ день имѣлъ какое-то особенно привлекательное, веселое, счастливое выраженіе; эти новыя отношенія со мной, какъ съ равнымъ, какъ съ товарищемъ, еще болѣе заставляли меня любить его.

— Ну, разсказывай же мнѣ, былъ ты у всѣхъ родныхъ? у Ивиныхъ? видѣлъ старика? что онъ тебѣ сказалъ? — продолжалъ онъ разспрашивать меня. — Былъ у князя Иванъ Ивановича?

И мы такъ долго разговаривали не одѣваясь, что солнце уже начинало уходить изъ оконъ диванной, и Яковъ (который все точно такъ же былъ старъ, все такъ же вертѣлъ пальцами за спиной и говорилъ *опять-таки*) пришелъ въ нашу комнату и доложилъ папа, что колясочка готова.

— Куда ты ѣдешь? — спросилъ я папа.

— Ахъ, я и забылъ было, — сказалъ папа съ *досадливымъ* подергиваньемъ и покашливаньемъ: — я къ Епифановымъ обѣщалъ ѣхать нынче. Помнишь Епифанову, la belle Flamande?.. еще ѣзжала къ вашей maman. Они славные люди. —

И папа, какъ мнѣ показалось, застѣнчиво подергивая плечомъ, вышелъ изъ комнаты.

Любочка во время нашей болтовни уже нѣсколько разъ подходила къ двери и все спрашивала: «можно ли войти къ вамъ?» но всякій разъ папа кричалъ ей черезъ дверь, что «никакъ нельзя, потому что мы не одѣты».

— Что за бѣда! вѣдь я видала тебя въ халатѣ?

— Нельзя тебѣ видѣть братьевъ безъ *невыразимыхъ*, — кричалъ онъ ей, — а вотъ каждый изъ нихъ постучитъ тебѣ въ дверь, довольно съ тебя? Постучите. А даже и говорить съ тобой въ такомъ неглиже имъ неприлично.

— Ахъ, какіе вы несносные! Такъ приходите по крайней мѣрѣ скорѣе въ гостиную, Мими такъ хочетъ васъ видѣть! — кричала изъ-за двери Любочка.

Какъ только папа ушелъ, я живо одѣлся въ студенческій сюртукъ и пришелъ въ гостиную; Володя же, напротивъ, не торопился и долго просидѣлъ наверху, разговаривая съ Яковомъ о томъ, гдѣ водятся дупеля и бекасы. Онъ, какъ я уже говорилъ, ничего въ мірѣ такъ не боялся, какъ нѣжностей съ братцемъ, папашей или сестрицей, какъ онъ выражался, и, избѣгая всякаго выраженія чувства, впадалъ въ другую крайность — холодность, часто больно оскорблявшую людей, не понимавшихъ причинъ ея. Въ передней я столкнулся съ папа, который мелкими, скорыми шажками шелъ садиться въ экипажъ. Онъ былъ въ своемъ новомъ модномъ московскомъ сюртукѣ и отъ него пахло духами. Увидавъ меня, онъ весело кивнулъ мнѣ головой, какъ будто говоря: «видишь, славно?» и снова меня поразило то счастливое

выраженіе его глазъ, которое я еще утромъ замѣтилъ.

Гостиная была все та же свѣтлая, высокая комната съ желтенькимъ англійскимъ рояломъ и съ большими открытыми окнами, въ которыя весело смотрѣли зеленыя деревья и желтыя, красноватыя дорожки сада. Расцѣловавшись съ Мими и Любочкой и подходя къ Катенькѣ, мнѣ вдругъ пришло въ голову, что уже неприлично цѣловаться съ ней, и я молча и краснѣя остановился. Катенька, не сконфузившись нисколько, протянула мнѣ свою бѣленькую ручку и поздравила со вступленіемъ въ университетъ. Когда Володя пришелъ въ гостиную, съ нимъ, при свиданіи съ Катенькой, случилось то же самое. Дѣйствительно, трудно было рѣшить, послѣ того, какъ мы вмѣстѣ выросли и въ продолженіе всего этого времени видѣлись каждый день, какъ теперь, послѣ первой разлуки, намъ должно было встрѣчаться. Катенька гораздо больше покраснѣла, чѣмъ мы всѣ; Володя нисколько не смутился и, слегка поклонившись ей, отошелъ къ Любочкѣ, съ которою тоже поговоривъ немного, и то не серьезно, пошелъ одинъ гулять куда-то.

XXIX.

ОТНОШЕНІЯ МЕЖДУ НАМИ И ДѢВОЧКАМИ.

Володя имѣлъ такой странный взглядъ на дѣвочекъ, что его могло занимать: сыты ли онѣ, выспались ли, прилично ли одѣты, не дѣлаютъ ли ошибокъ по-французски, за которыя бы ему было стыдно передъ посторонними; но онъ не

допускалъ мысли, чтобы онѣ могли думать или чувствовать что-нибудь человѣческое, и еще меньше допускалъ возможность разсуждать съ ними о чемъ-нибудь. Когда имъ случалось обращаться къ нему съ какимъ-нибудь серьезнымъ вопросомъ (чего онѣ, впрочемъ, уже старались избѣгать), если онѣ спрашивали его мнѣнія про какой-нибудь романъ или про его занятія въ университетѣ, онъ дѣлалъ имъ гримасу и молча уходилъ или отвѣчалъ какою-нибудь исковерканною французскою фразою: *комъ се три жоли* и т. п., или, сдѣлавъ серьезное, умышленно глупое лицо, говорилъ какое-нибудь слово, не имѣющее никакого смысла и отношенія съ вопросомъ, произносилъ вдругъ, сдѣлавъ мутные глаза, слова: *булку* или *поѣхали*, или *капусту*, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Когда случалось, что я повторялъ ему слова, сказанныя мнѣ Любочкой или Катенькой, онъ всегда говорилъ мнѣ:

— Гмъ! Такъ ты еще разсуждаешь съ ними! Нѣтъ, ты, я вижу, еще плохъ.

И надо было слышать и видѣть его въ это время, чтобы оцѣнить то глубокое, неизмѣнное презрѣніе, которое выражалось въ этой фразѣ. Володя уже два года былъ большой, влюблялся безпрестанно во всѣхъ хорошенькихъ женщинъ, которыхъ встрѣчалъ; но, несмотря на то, что каждый день видѣлся съ Катенькой, которая тоже уже два года, какъ носила длинное платье и съ каждымъ днемъ хорошѣла, ему и въ голову не приходила мысль о возможности влюбиться въ нее. Происходило ли это отъ того, что прозаическія воспоминанія дѣтства — линейка, простыня, капризничанье — были еще слишкомъ свѣжи въ

памяти, или отъ отвращенія, которое имѣютъ очень молодые люди ко всему домашнему, или отъ общей людской слабости, встрѣчая на первомъ пути хорошее и прекрасное, обходить его, говоря себѣ: «э! еще такого я много встрѣчу въ жизни», — но только Володя еще до сихъ поръ не смотрѣлъ на Катеньку, какъ на женщину.

Володя все это лѣто, видимо, очень скучалъ; скука его происходила отъ презрѣнія къ намъ, которое, какъ я говорилъ, онъ и не старался скрывать. Постоянное выраженіе его лица говорило: «фу! скука какая, и поговорить не съ кѣмъ!» Бывало, съ утра онъ или уйдетъ съ ружьемъ на охоту, или въ своей комнатѣ, не одѣваясь до обѣда, читаетъ книгу. Ежели папа не было дома, онъ даже къ обѣду приходилъ съ книгой, продолжая читать ее и не разговаривая ни съ кѣмъ изъ насъ, отъ чего мы всѣ чувствовали себя передъ нимъ какъ будто виноватыми. Вечеромъ тоже онъ ложился съ ногами на диванъ въ гостиной, спалъ, облокотившись на руку, или вралъ съ серьезнѣйшимъ лицомъ страшную безсмыслицу, иногда и не совсѣмъ приличную, отъ которой Мими злилась, краснѣла пятнами, а мы помирали со смѣху; но никогда ни съ кѣмъ изъ нашего семейства, кромѣ съ папа и изрѣдка со мною, онъ не удостоивалъ говорить серьезно. Я совершенно невольно во взглядѣ на дѣвочекъ подражалъ брату, несмотря на то, что не боялся нѣжностей такъ, какъ онъ, и презрѣніе мое къ дѣвочкамъ еще далеко не было такъ твердо и глубоко. Я даже въ это лѣто пробовалъ нѣсколько разъ отъ скуки сблизиться и бесѣдовать съ Любочкой и Катенькой, но всякій разъ встрѣчалъ въ нихъ

такое отсутствіе способности логическаго мышленія и такое незнаніе самыхъ простыхъ, обыкновенныхъ вещей, какъ, напримѣръ, что такое деньги, чему учатся въ университетѣ, что такое война и т. п., и такое равнодушіе къ объясненію всѣхъ этихъ вещей, что эти попытки только больше подтверждали мое о нихъ невыгодное мнѣніе.

Помню, разъ вечеромъ Любочка въ сотый разъ твердила на фортепіано какой-то невыносимо надоѣвшій пассажъ. Володя лежалъ въ гостиной, дремля на диванѣ, и изрѣдка, съ нѣкоторою злобною ироніей, не обращаясь ни къ кому въ особенности, бормоталъ: «ай да валяетъ!... музыкантша!... *Битховенъ!*... (это имя онъ произносилъ съ особенною ироніей), лихо... ну еще разъ... вотъ такъ», и т. п. Катенька и я оставались за чайнымъ столомъ, и, не помню какъ, Катенька навела разговоръ о своемъ любимомъ предметѣ — любви. Я былъ въ расположеніи духа пофилософствовать и началъ свысока опредѣлять любовь желаніемъ пріобрѣсти въ другомъ то, чего самъ не имѣешь, и т. д. Но Катенька отвѣчала мнѣ, что, напротивъ, это уже не любовь, коли дѣвушка думаетъ выйти замужъ за богача, и что, по ея мнѣнію, состояніе — самая пустая вещь, а что истинная любовь только та, которая можетъ выдержать разлуку (это, я понялъ, она намекала на свою любовь къ Дубкову). Володя, который вѣрно слышалъ нашъ разговоръ, вдругъ приподнялся на локтѣ и вопросительно вскричалъ: *Катенька Русскихъ?*

— Вѣчно вздоръ! — сказала Катенька.

памяти, или отъ отвращенія, которое имѣютъ очень молодые люди ко всему домашнему, или отъ общей людской слабости, встрѣчая на первомъ пути хорошее и прекрасное, обходить его, говоря себѣ: «э! еще такого я много встрѣчу въ жизни», — но только Володя еще до сихъ поръ не смотрѣлъ на Катеньку, какъ на женщину.

Володя все это лѣто, видимо, очень скучалъ; скука его происходила отъ презрѣнія къ намъ, которое, какъ я говорилъ, онъ и не старался скрывать. Постоянное выраженіе его лица говорило: «фу! скука какая, и поговорить не съ кѣмъ!» Бывало, съ утра онъ или уйдетъ съ ружьемъ на охоту, или въ своей комнатѣ, не одѣваясь до обѣда, читаетъ книгу. Ежели папа не было дома, онъ даже къ обѣду приходилъ съ книгой, продолжая читать ее и не разговаривая ни съ кѣмъ изъ насъ, отъ чего мы всѣ чувствовали себя передъ нимъ какъ будто виноватыми. Вечеромъ тоже онъ ложился съ ногами на диванъ въ гостиной, спалъ, облокотившись на руку, или вралъ съ серьезнѣйшимъ лицомъ страшную безсмыслицу, иногда и не совсѣмъ приличную, отъ которой Мими злилась, краснѣла пятнами, а мы помирали со смѣху; но никогда ни съ кѣмъ изъ нашего семейства, кромѣ съ папа и изрѣдка со мною, онъ не удостоивалъ говорить серьезно. Я совершенно невольно во взглядѣ на дѣвочекъ подражалъ брату, несмотря на то, что не боялся нѣжностей такъ, какъ онъ, и презрѣніе мое къ дѣвочкамъ еще далеко не было такъ твердо и глубоко. Я даже въ это лѣто пробовалъ нѣсколько разъ отъ скуки сблизиться и бесѣдовать съ Любочкой и Катенькой, но всякій разъ встрѣчалъ въ нихъ

такое отсутствіе способности логическаго мышленія и такое незнаніе самыхъ простыхъ, обыкновенныхъ вещей, какъ, напримѣръ, что такое деньги, чему учатся въ университетѣ, что такое война и т. п., и такое равнодушіе къ объясненію всѣхъ этихъ вещей, что эти попытки только больше подтверждали мое о нихъ невыгодное мнѣніе.

Помню, разъ вечеромъ Любочка въ сотый разъ твердила на фортепіано какой-то невыносимо надоѣвшій пассажъ. Володя лежалъ въ гостиной, дремля на диванѣ, и изрѣдка, съ нѣкоторою злобною ироніей, не обращаясь ни къ кому въ особенности, бормоталъ: «ай да валяетъ!... музыкантша!... *Битховенъ!*... (это имя онъ произносилъ съ особенною ироніей), лихо... ну еще разъ...вотъ такъ», и т. п. Катенька и я оставались за чайнымъ столомъ, и, не помню какъ, Катенька навела разговоръ о своемъ любимомъ предметѣ — любви. Я былъ въ расположеніи духа пофилософствовать и началъ свысока опредѣлять любовь желаніемъ пріобрѣсти въ другомъ то, чего самъ не имѣешь, и т. д. Но Катенька отвѣчала мнѣ, что, напротивъ, это уже не любовь, коли дѣвушка думаетъ выйти замужъ за богача, и что, по ея мнѣнію, состояніе — самая пустая вещь, а что истинная любовь только та, которая можетъ выдержать разлуку (это, я понялъ, она намекала на свою любовь къ Дубкову). Володя, который вѣрно слышалъ нашъ разговоръ, вдругъ приподнялся на локтѣ и вопросительно вскричалъ: *Катенька Русскихъ?*

— Вѣчно вздоръ! — сказала Катенька.

— *Въ перешницу?* — продолжалъ Володя, ударяя на каждую гласную. И я не могъ не подумать, что Володя былъ совершенно правъ.

Отдѣльно отъ общихъ, болѣе или менѣе развитыхъ въ лицахъ, способностей ума, чувствительности, художническаго чувства существуетъ частная, болѣе или менѣе развитая въ различныхъ кружкахъ общества и особенно въ семействахъ, способность, которую я назову *пониманіемъ.* Сущность этой способности состоитъ въ условленномъ чувствѣ мѣры и въ условленномъ одностороннемъ взглядѣ на предметы. Два человѣка одного кружка или одного семейства, имѣющіе эту способность, всегда до одной и той же точки допускаютъ выраженіе чувства, далѣе которой они оба вмѣстѣ уже видятъ фразу; въ одну и ту же минуту они видятъ, гдѣ кончается похвала и начинается иронія, гдѣ кончается увлеченіе и начинается притворство, что́ для людей съ другимъ пониманіемъ можетъ казаться совершенно иначе. Для людей съ однимъ пониманіемъ каждый предметъ одинаково для обоихъ бросается въ глаза преимущественно своею смѣшною, или красивою, или грязною стороной. Для облегченія этого одинаковаго пониманія между людьми одного кружка или семейства устанавливается свой языкъ, свои обороты рѣчи, даже слова, опредѣляющія тѣ оттѣнки понятій, которыя для другихъ не существуютъ. Въ нашемъ семействѣ, между папа и нами, братьями, пониманіе это было развито въ высшей степени. Дубковъ тоже какъ-то хорошо пришелся къ нашему кружку и *понималъ*, но Дмитрій, несмотря на то, что былъ гораздо умнѣе его, былъ тупъ на это. Но ни съ кѣмъ, какъ съ Володей,

съ которымъ мы развивались въ одинаковыхъ условіяхъ, не довели мы этой способности до такой тонкости. Уже и папа давно отсталъ отъ насъ, и многое, что для насъ было такъ же ясно, какъ дважды два, было ему непонятно. Напримѣръ, у насъ съ Володей установились, Богъ знаетъ какъ, слѣдующія слова съ соотвѣтствующими понятіями: *изюмъ* означало тщеславное желаніе показать, что у меня есть деньги, *шишка* (при чемъ надо было соединить пальцы и сдѣлать особенное удареніе на оба *ш*) означало что-то свѣжее, здоровое, изящное, но не щегольское; существительное, употребленное во множественномъ числѣ, означало несправедливое пристрастіе къ этому предмету и т. д., и т. д. Но, впрочемъ, значеніе зависѣло больше отъ выраженія лица, отъ общаго разговора, такъ что, какое бы новое выраженіе для новаго оттѣнка ни придумалъ одинъ изъ насъ, другой по одному намеку уже понималъ его точно такъ же. Дѣвочки не имѣли нашего пониманія, и это было главною причиной нашего моральнаго разъединенія и презрѣнія, которое мы къ нимъ чувствовали.

Можетъ-быть, у нихъ было свое *пониманіе*, но оно до того не сходилось съ нашимъ, что тамъ, гдѣ мы уже видѣли фразу, онѣ видѣли чувство, наша иронія была для нихъ правдой и т. д. Но тогда я не понималъ того, что онѣ не виноваты въ этомъ отношеніи и что это отсутствіе пониманія не мѣшаетъ имъ быть и хорошенькими, и умными дѣвочками, а я презиралъ ихъ. Притомъ, разъ напавъ на мысль объ откровенности, доведя приложеніе этой мысли до крайности въ себѣ, я обвинялъ въ скрытности и притворствѣ спокой-

ную, довѣрчивую натуру Любочки, не видѣвшей никакой необходимости въ выкапываніи и разсматриваніи всѣхъ своихъ мыслей и душевныхъ влеченій. Напримѣръ, то, что Любочка каждый день на ночь крестила папа, то, что она и Катенька плакали въ часовнѣ, когда ѣздили служить панихиду по матушкѣ, то, что Катенька вздыхала и закатывала глаза, играя на фортепіано, — все это мнѣ казалось чрезвычайнымъ притворствомъ, и я спрашивалъ себя: когда онѣ выучились такъ притворяться, какъ большія, и какъ это имъ не совѣстно?

XXX.

МОИ ЗАНЯТІЯ.

Несмотря на это, я въ нынѣшнее лѣто больше, чѣмъ въ другіе годы, сблизился съ нашими барышнями по случаю явившейся во мнѣ страсти къ музыкѣ. Весной къ намъ въ деревню пріѣзжалъ рекомендоваться одинъ сосѣдъ, молодой человѣкъ, который, какъ только вошелъ въ гостиную, все смотрѣлъ на фортепіано и незамѣтно подвигалъ къ нему стулъ, разговаривая, между прочимъ, съ Мими и Катенькой. Поговоривъ о погодѣ и пріятностяхъ деревенской жизни, онъ искусно навелъ разговоръ на настройщика, на музыку, на фортепіано и, наконецъ, объявилъ, что онъ играетъ, и очень скоро сыгралъ три вальса, при чемъ Любочка, Мими и Катенька стояли около фортепіано и смотрѣли на него. Молодой человѣкъ этотъ послѣ ни разу не былъ у насъ, но мнѣ очень понравились его игра, поза за фортепіано, встряхиванье волосами и особенно манера брать октавы лѣвой рукой, быстро расправляя ми-

зинецъ и большой палецъ на ширину октавы и потомъ медленно сводя ихъ и снова быстро расправляя. Этотъ граціозный жестъ, небрежная поза, встряхиванье волосами и вниманіе, которое оказали наши дамы его таланту, дали мнѣ мысль играть на фортепіано. Вслѣдствіе этой мысли, убѣдившись, что я имѣю талантъ и страсть къ музыкѣ, я принялся учиться. Въ этомъ отношеніи я дѣйствовалъ такъ же, какъ милліоны мужескаго и особенно женскаго пола учащихся безъ хорошаго учителя, безъ истиннаго призванія и безъ малѣйшаго понятія о томъ, что можетъ дать искусство и какъ нужно приняться за него, чтобъ оно дало что-нибудь. Для меня музыка, или скорѣе игра на фортепіано, была средствомъ прельщать дѣвицъ своими чувствами. Съ помощью Катеньки, выучившись нотамъ и выломавъ немного свои толстые пальцы, на что я, впрочемъ, употребилъ мѣсяца два такого усердія, что даже за обѣдомъ на колѣнкѣ и въ постели на подушкѣ я работалъ непокорнымъ безымяннымъ пальцемъ, я тотчасъ же принялся играть *пьесы* и игралъ ихъ, разумѣется, съ душой, avec âme, въ чемъ соглашалась и Катенька, но совершенно безъ такта.

Выборъ пьесъ былъ извѣстный — вальсы, галопы, романсы, аранжировки и т. п., — все тѣхъ милыхъ композиторовъ, которыхъ всякій человѣкъ съ немного здравымъ вкусомъ отберетъ вамъ въ нотномъ магазинѣ небольшую кипу изъ кучи прекрасныхъ вещей и скажетъ: «Вотъ чего не надо играть, потому что хуже, безвкуснѣе и безсмысленнѣе этого никогда ничего не было писано на нотной бумагѣ», и которыхъ — должно-быть, именно поэтому — вы найдете на фортепіано у

каждой русской барышни. Правда, у насъ были и несчастныя, навѣки изуродованныя барышнями «Sonate Pathétique» и Cis-moll-ная сонаты Бетховена, которыя въ воспоминаніе maman играла Любочка, и еще другія хорошія вещи, которыя ей задалъ ея московскій учитель, но были и сочиненія этого учителя, нелѣпѣйшіе марши и галопы, которые тоже играла Любочка. Мы же съ Катенькой не любили серьезныхъ вещей, а предпочитали всему «Le Fou» и «Соловья», котораго Катенька играла такъ, что пальцевъ не было видно, и я уже начиналъ играть довольно громко и слитно. Я усвоилъ себѣ жестъ молодого человѣка и часто жалѣлъ о томъ, что некому изъ постронних посмотрѣть, какъ я играю. Но скоро Листъ и Калькбренеръ показались мнѣ не по силамъ, и я увидѣлъ невозможность догнать Катеньку. Вслѣдствіе этого, вообразивъ себѣ, что классическая музыка легче, и отчасти для оригинальности, я рѣшилъ вдругъ, что я люблю ученую нѣмецкую музыку, сталъ приходить въ восторгъ, когда Любочка играла «Sonate Pathétique», несмотря на то, что, по правдѣ сказать, эта соната давно уже опротивѣла мнѣ до крайности, самъ сталъ играть Бетховена и выговаривать *Беетховенъ.* Сквозь всю эту путаницу и притворство, какъ я теперь вспоминаю, во мнѣ, однако, было что-то въ родѣ таланта, потому что часто музыка дѣлала на меня до слезъ сильное впечатлѣніе, и тѣ вещи, которыя мнѣ нравились, я кое-какъ умѣлъ самъ безъ нотъ отыскивать на фортепіано; такъ что, ежели бы тогда кто-нибудь научилъ меня смотрѣть на музыку, какъ на цѣль, какъ на самостоятельное наслажденіе, а не на средство прельщать дѣвицъ

быстротою и чувствительностью своей игры, можетъ-быть, я бы сдѣлался, дѣйствительно, порядочнымъ музыкантомъ.

Чтеніе французскихъ романовъ, которыхъ много привезъ съ собой Володя, было другимъ моимъ занятіемъ въ это лѣто. Въ то время только начинали появляться Монтекристы и разныя «Тайны», и я зачитывался романами Сю, Дюма и Поль-де-Кока. Всѣ самыя неестественныя лица и событія были для меня такъ же живы, какъ дѣйствительность, я не только не смѣлъ заподозрить автора во лжи, но самъ авторъ не существовалъ для меня, а сами собой являлись передо мной изъ печатной книги живые, дѣйствительные люди и событія. Ежели я нигдѣ не встрѣчалъ лицъ, похожихъ на тѣ, про которыхъ я читалъ, то я ни секунды не сомнѣвался въ томъ, что они *будутъ*.

Я находилъ въ себѣ всѣ описываемыя страсти и сходство со всѣми характерами, и съ героями, и съ злодѣями каждаго романа, какъ мнительный человѣкъ находитъ въ себѣ признаки всѣхъ возможныхъ болѣзней, читая медицинскую книгу. Нравились мнѣ въ этихъ романахъ и хитрая мысль, и пылкія чувства, и волшебныя событія, и цѣльные характеры: добрый — такъ ужъ совсѣмъ добрый, злой — такъ ужъ совсѣмъ злой, именно такъ, какъ я воображалъ себѣ людей въ первой молодости; нравилось очень, очень много и то, что все это было по-французски и что тѣ благородныя слова, которыя говорили благородные герои, я могъ запомнить, упомянуть при случаѣ въ благородномъ дѣлѣ. Сколько я съ помощью романовъ придумалъ различныхъ французскихъ фразъ для Колпикова, ежели бы я когда-нибудь

съ нимъ встрѣтился, и для *нея*, когда я ее, наконецъ, встрѣчу и буду открываться ей въ любви! Я приготовилъ имъ сказать *такое*, что они погибли бы, услышавъ меня. На основанiи романовъ у меня даже *составились* новые идеалы нравственныхъ достоинствъ, которыхъ я желалъ достигнуть. Прежде всего я желалъ быть во всѣхъ своихъ дѣлахъ и поступкахъ «noble» (я говорю noble, а не благородный, потому что французское слово имѣетъ другое значенiе, что поняли нѣмцы, принявъ слово nobel и не смѣшивая съ нимъ понятiя ehrlich), потомъ быть *страстнымъ* и, наконецъ, — къ чему у меня и прежде была наклонность, — быть какъ можно болѣе comme il faut. Я даже наружностью и привычками старался быть похожимъ на героевъ, имѣвшихъ какое-нибудь изъ этихъ достоинствъ. Помню, что въ одномъ изъ прочитанныхъ мною въ это лѣто до сотни романовъ былъ одинъ чрезвычайно страстный герой съ густыми бровями, и мнѣ такъ захотѣлось быть похожимъ на него наружностью (морально я чувствовалъ себя точно такимъ, какъ онъ), что я, разсматривая свои брови передъ зеркаломъ, вздумалъ простричь ихъ слегка, чтобъ онѣ выросли гуще, но разъ, начавъ стричь, случилось такъ, что я выстригъ въ одномъ мѣстѣ больше, — надо было подравнивать, и кончилось тѣмъ, что я къ ужасу своему увидѣлъ себя въ зеркало безбровымъ и вслѣдствiе этого очень некрасивымъ. Однако надѣясь, что скоро у меня вырастутъ густыя брови, какъ у страстнаго человѣка, я утѣшился и только безпокоился о томъ, чтó сказать всѣмъ нашимъ, когда они увидятъ меня безбровымъ. Я досталъ пороху у Володи,

натеръ имъ брови и поджегъ. Хотя порохъ не вспыхнулъ, я былъ достаточно похожъ на опаленнаго, никто не узналъ моей хитрости, и дѣйствительно у меня, когда я уже забылъ про страстнаго человѣка, выросли брови гораздо гуще.

XXXI.

COMME IL FAUT.

Уже нѣсколько разъ въ продолженіе этого разсказа я намекалъ на понятіе, соотвѣтствующее этому французскому заглавію, и теперь чувствую необходимость посвятить цѣлую главу этому понятію, которое въ моей жизни было однимъ изъ самыхъ пагубныхъ, ложныхъ понятій, привитыхъ мнѣ воспитаніемъ и обществомъ.

Родъ человѣческій можно раздѣлить на множество отдѣловъ — на богатыхъ и бѣдныхъ, на добрыхъ и злыхъ, на военныхъ и статскихъ, на умныхъ и глупыхъ и т. д., и т. д., но у каждаго человѣка есть непремѣнно свое любимое главное подраздѣленіе, подъ которое онъ безсознательно подводитъ каждое новое лицо. Мое любимое и главное подраздѣленіе людей въ то время, о которомъ я пишу, было на людей comme il faut и на comme il ne faut pas. Второй родъ подраздѣлялся еще на людей собственно не comme il faut и простой народъ. Людей comme il faut я уважалъ и считалъ достойными имѣть со мной равныя отношенія; вторыхъ — притворялся, что презираю, но въ сущности ненавидѣлъ ихъ, питая къ нимъ какое-то оскорбленное чувство личности; третьи для меня не существовали — я ихъ презиралъ совершенно. *Мое* comme il faut состояло, первое и

главное, въ отличномъ французскомъ языкѣ и особенно въ выговорѣ. Человѣкъ, дурно выговаривавшій по-французски, тотчасъ же возбуждалъ во мнѣ чувство ненависти. «Для чего же ты хочешь говорить, какъ мы, когда не умѣешь?» съ ядовитою насмѣшкой спрашивалъ я его мысленно. Второе условіе comme il faut были ногти длинные, отчищенные и чистые; третье было умѣнье кланяться, танцовать и разговаривать; четвертое, и очень важное, было равнодушіе ко всему и постоянное выраженіе нѣкоторой изящной, презрительной скуки. Кромѣ того, у меня были общіе признаки, по которымъ я, не говоря съ человѣкомъ, рѣшалъ, къ какому разряду онъ принадлежитъ. Главнымъ изъ этихъ признаковъ, кромѣ убранства комнаты, перчатокъ, почерка, экипажа, были ноги. Отношеніе сапогъ къ панталонамъ тотчасъ рѣшало въ моихъ глазахъ положеніе человѣка. Сапоги безъ каблука съ угловатымъ носкомъ и концы панталонъ узкіе безъ штрипокъ—это былъ *простой;* сапогъ съ узкимъ, круглымъ носкомъ и каблукомъ и панталоны узкіе внизу со штрипками, облегающіе ногу, или широкіе со штрипками, какъ балдахинъ, стоящій надъ носкомъ,—это былъ человѣкъ mauvais genre, и т. п.

Странно то, что ко мнѣ, который имѣлъ положительную неспособность къ comme il faut, до такой степени привилось это понятіе. А можетъ-быть, именно оно такъ сильно вросло въ меня оттого, что мнѣ стоило огромнаго труда, чтобы пріобрѣсти это comme il faut. Страшно вспомнить, сколько безцѣннаго, лучшаго въ жизни шестнадцатилѣтняго времени я потратилъ на пріобрѣтеніе этого качества. Всѣмъ, кому я подражалъ,

—Володѣ, Дубкову и большей части моихъ знакомыхъ, все это, казалось, доставалось легко. Я съ завистью смотрѣлъ на нихъ и втихомолку работалъ надъ французскимъ языкомъ, надъ наукой кланяться, не глядя на того, кому кланяешься, надъ разговоромъ, танцованіемъ, надъ вырабатываніемъ въ себѣ ко всему равнодушія и скуки, надъ ногтями, на которыхъ я рѣзалъ себѣ мясо ножницами,—и все-таки чувствовалъ, что мнѣ еще много оставалось труда для достиженія цѣли. А комнату, письменный столъ, экипажъ—все это я никакъ не умѣлъ устроить такъ, чтобы было comme il faut, хотя усиливался, несмотря на отвращеніе къ практическимъ дѣламъ, заниматься этимъ. У другихъ же безъ всякаго, казалось, труда все шло отлично, какъ будто не могло быть иначе. Помню разъ, послѣ усиленнаго и тщетнаго труда надъ ногтями, я спросилъ у Дубкова, у котораго ногти были удивительно хороши, давно ли они у него такіе и какъ онъ это сдѣлалъ? Дубковъ мнѣ отвѣчалъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, никогда ничего не дѣлалъ, чтобы они были такіе, и не понимаю, какъ могутъ быть другіе ногти у порядочнаго человѣка». Этотъ отвѣтъ сильно огорчилъ меня. Я тогда еще не зналъ, что однимъ изъ главныхъ условій comme il faut была скрытность въ отношеніи тѣхъ трудовъ, которыми достигается comme il faut. Comme il faut было для меня не только важною заслугою, прекраснымъ качествомъ, совершенствомъ, котораго я желалъ достигнуть, но это было необходимое условіе жизни, безъ котораго не могло быть ни счастія, ни славы, ничего хорошаго на свѣтѣ. Я не уважалъ бы ни знаменитаго артиста, ни уче-

наго, ни благодѣтеля рода человѣческаго, если бы онъ не былъ comme il faut. Человѣкъ comme il faut стоялъ выше и внѣ сравненія съ ними; онъ предоставлялъ имъ писать картины, ноты, книги, дѣлать добро, онъ даже хвалилъ ихъ за это,—отчего же не похвалить хорошаго, въ комъ бы оно ни было, но онъ не могъ становиться съ ними подъ одинъ уровень, онъ былъ comme il faut, а они нѣтъ—и довольно. Мнѣ кажется даже, что ежели бы у насъ былъ братъ, мать или отецъ, которые бы не были comme il faut, я бы сказалъ, что это несчастіе, но что ужъ тутъ между мной и ими не можетъ быть ничего общаго. Но ни потеря золотого времени, употребленнаго на постоянную заботу о соблюденіи всѣхъ трудныхъ для меня условій comme il faut, исключающихъ всякое серьезное увлеченіе, ни ненависть и презрѣніе къ девяти десятымъ рода человѣческаго, ни отсутствіе вниманія ко всему прекрасному, совершающемуся внѣ кружка comme il faut,—все это еще было не главное зло, которое мнѣ причиняло это понятіе. Главное зло состояло въ томъ убѣжденіи, что comme il faut есть самостоятельное положеніе въ обществѣ, что человѣку не нужно стараться быть ни чиновникомъ, ни каретникомъ, ни солдатомъ, ни ученымъ, когда онъ comme il faut; что, достигнувъ этого положенія, онъ ужъ исполняетъ свое назначеніе и даже становится выше большей части людей.

Въ извѣстную пору молодости, послѣ многихъ ошибокъ и увлеченій каждый человѣкъ обыкновенно становится въ необходимость дѣятельнаго участія въ общественной жизни, избираетъ какую-нибудь отрасль труда и посвящаетъ себя ей;

но съ человѣкомъ comme il faut это рѣдко случается. Я зналъ и знаю очень, очень многихъ людей старыхъ, гордыхъ, самоувѣренныхъ, рѣзкихъ въ сужденіяхъ, которые на вопросъ, если такой задастся имъ на томъ свѣтѣ: «Кто ты такой? и что ты тамъ дѣлалъ?» не будетъ въ состояніи отвѣтить иначе какъ: «je fus un homme très comme il faut».

Эта участь ожидала меня.

XXXII.

ЮНОСТЬ.

Несмотря на происходившую у меня въ головѣ путаницу понятій, я въ это лѣто былъ юнъ, невиненъ, свободенъ и поэтому почти счастливъ.

Иногда, и довольно часто, я вставалъ рано. (Я спалъ на открытомъ воздухѣ на террасѣ, и яркіе косые лучи утренняго солнца будили меня). Я живо одѣвался, бралъ подъ мышку полотенце и книгу французскаго романа и шелъ купаться въ рѣкѣ въ тѣни березника, который былъ въ полуверстѣ отъ дома. Тамъ я ложился въ тѣни на травѣ и читалъ, изрѣдка отрывая глаза отъ книги, чтобы взглянуть на лиловатую въ тѣни поверхность рѣки, начинающую колыхаться отъ утренняго вѣтра, на поле желтѣющей ржи на томъ берегу, на свѣтло-красный утренній свѣтъ лучей, ниже и ниже окрашивающій бѣлые стволы березъ, которыя, прячась одна за другую, уходили отъ меня въ даль частаго лѣса, и наслаждался сознаніемъ въ себѣ точно такой же свѣжей молодой силы жизни, какою вездѣ кругомъ меня дышала природа. Когда на небѣ были утреннія сѣрыя

тучки и я озябалъ послѣ купанья, я часто безъ дороги отправлялся ходить по полямъ и лѣсамъ, съ наслажденіемъ сквозь сапоги промачивая ноги по свѣжей росѣ. Въ это время я живо мечталъ о герояхъ послѣдняго прочитаннаго романа и воображалъ себя то полководцемъ, то министромъ, то силачомъ необыкновеннымъ, то страстнымъ человѣкомъ и съ нѣкоторымъ трепетомъ оглядывался безпрестанно кругомъ, въ надеждѣ вдругъ встрѣтить гдѣ-нибудь *ее* на полянкѣ или за деревомъ. Когда въ такихъ прогулкахъ я встрѣчалъ крестьянъ и крестьянокъ на работахъ, несмотря на то, что *простой народъ* не существовалъ для меня, я всегда испытывалъ безсознательное, сильное смущеніе и старался, чтобъ они меня не видѣли. Когда уже становилось жарко, но дамы наши еще не выходили къ чаю, я часто ходилъ въ огородъ или садъ ѣсть тѣ овощи и фрукты, которые поспѣвали. И это занятіе доставляло мнѣ одно изъ главныхъ удовольствій. Заберешься, бывало, въ яблочный садъ, въ самую середину высокой, заросшей, густой малины. Надъ головой — яркое горячее небо, кругомъ — блѣдно-зеленая колючая зелень кустовъ малины, перемѣшанныхъ съ сорною зарослью. Темно-зеленая крапива съ тонкою цвѣтущею макушкой стройно тянется вверхъ; разлапистый репейникъ съ неестественно лиловыми колючими цвѣтками грубо растетъ выше малины и выше головы и кое-гдѣ вмѣстѣ съ крапивою достаетъ даже до развѣсистыхъ блѣдно-зеленыхъ вѣтвей старыхъ яблонь, на которыхъ наверху, въ упоръ жаркому солнцу, зрѣютъ глянцевитыя, какъ косточки, круглыя, еще сырыя яблоки. Внизу молодой кустъ малины, почти су-

хой, безъ листьевъ, искривившись, тянется къ солнцу; зеленая игловатая трава и молодой лопухъ, пробившись сквозь прошлогодній листъ, увлажненный росой, сочно зеленѣютъ въ вѣчной тѣни, какъ будто и не знаютъ о томъ, какъ на листьяхъ яблони ярко играетъ солнце.

Въ чащѣ этой всегда сыро, пахнетъ густою постоянною тѣнью, паутиной, падалью-яблокомъ, которое, чернѣя, уже валяется на прѣлой землѣ, малиной, иногда и лѣснымъ клопомъ, котораго проглотишь нечаянно съ ягодой и поскорѣе заѣшь другою. Подвигаясь впередъ, спугиваешь воробьевъ, которые всегда живутъ въ этой глуши, слышишь ихъ торопливое чириканье и удары о вѣтки ихъ маленькихъ, быстрыхъ крыльевъ, слышишь жужжанье на одномъ мѣстѣ жировой пчелы и гдѣ-нибудь по дорожкѣ шаги садовника, дурачка Акима, и его вѣчное мурлыканье себѣ подъ носъ. Думаешь себѣ: «Нѣтъ! ни ему, ни кому на свѣтѣ не найти меня тутъ!...» обѣими руками направо и налѣво снимаешь съ бѣлыхъ коническихъ стебельковъ сочныя ягоды и съ наслажденіемъ глотаешь одну за другою. Ноги, даже выше колѣнъ, насквозь мокры, въ головѣ какой-нибудь ужаснѣйшій вздоръ (твердишь тысячу разъ сряду мысленно и-и-и-по-оо-о-двад-ца-а-ать и-и-и-во-семь), руки и ноги сквозь промоченныя панталоны обожжены крапивой, голову уже начинаютъ печь прорывающіеся въ чащу прямые лучи солнца, ѣсть уже давно не хочется, а все сидишь въ чащѣ, поглядываешь, послушиваешь, подумываешь и машинально обрываешь и глотаешь лучшія ягоды.

Часу въ одиннадцатомъ я обыкновенно приходилъ въ гостиную, большею частью послѣ чаю,

когда уже дамы сидѣли за занятіями. Около перваго окна, съ опущенною на солнцѣ небѣленою холстинною сторой, сквозь скважины которой яркое солнце кладетъ на все, что ни попадется, такіе блестящіе огненные кружки, что глазамъ больно смотрѣть на нихъ, стоятъ пяльцы, по бѣлому полотну которыхъ тихо гуляютъ мухи. За пяльцами сидитъ Мими, безпрестанно сердито встряхивая головой и передвигаясь съ мѣста на мѣсто отъ солнца, которое, вдругъ прорвавшись гдѣ-нибудь, проложитъ ей то тамъ, то сямъ на лицѣ или на рукѣ огненную полосу. Сквозь другія три окна, съ тѣнями рамъ, лежатъ цѣльные яркіе четырехугольники; на некрашеномъ полу гостиной на одномъ изъ нихъ, по старой привычкѣ, лежитъ Милка и, насторoживъ уши, взглядывается въ ходящихъ мухъ по свѣтлому четырехугольнику. Катенька вяжетъ или читаетъ, сидя на диванѣ, и нетерпѣливо отмахивается своими бѣленькими, кажущимися прозрачными въ яркомъ свѣтѣ ручками или, сморщившись, трясетъ головкой, чтобы выгнать забившуюся въ золотистые густые волосы бьющуюся тамъ муху. Любочка или ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, заложивъ за спину руки, дожидаясь того, чтобы пошли въ садъ, или играетъ на фортепіано какую-нибудь пьесу, которой я давно знаю каждую нотку. Я сажусь гдѣ-нибудь, слушаю эту музыку или чтеніе и дожидаюсь того, чтобы мнѣ можно было самому сѣсть за фортепіано. Послѣ обѣда я иногда удостоивалъ дѣвочекъ ѣздить верхомъ съ ними (ходить гулять пѣшкомъ я считалъ несообразнымъ съ моими годами и положеніемъ въ свѣтѣ). И наши прогулки, въ которыхъ я провожу ихъ по необыкновеннымъ

мѣстамъ и оврагамъ, бываютъ очень пріятны. Съ нами случаются иногда приключенія, въ которыхъ я себя показываю молодцомъ, и дамы хвалятъ мою ѣзду и смѣлость и считаютъ меня своимъ покровителемъ. Вечеромъ, ежели гостей никого нѣтъ, послѣ чая, который мы пьемъ въ тѣнистой галлереѣ, и послѣ прогулки съ папа по хозяйству, я ложусь на старое свое мѣсто, въ вольтеровское кресло, и, слушая Катенькину или Любочкину музыку, читаю и вмѣстѣ съ тѣмъ мечтаю по-старому. Иногда, оставшись одинъ въ гостиной, когда Любочка играетъ какую-нибудь старинную музыку, я невольно оставляю книгу и, вглядываясь въ растворенную дверь балкона въ кудрявыя висячія вѣтви высокихъ березъ, на которыхъ уже заходитъ вечерняя тѣнь, и въ чистое небо, на которомъ, какъ смотришь пристально, вдругъ показывается какъ будто пыльное, желтоватое пятнышко и снова исчезаетъ, и, вслушиваясь въ звуки музыки изъ залы, скрипа воротъ, бабьихъ голосовъ и возвращающагося стада на деревнѣ, я вдругъ живо вспоминаю и Наталью Савишну, и maman, и Карла Ивановича, и мнѣ на минуту становится грустно. Но душа моя такъ полна въ это время жизнью и надеждами, что воспоминаніе это только крыломъ касается меня и летитъ дальше.

Послѣ ужина и иногда ночной прогулки съ кѣмъ-нибудь по саду — одинъ я боялся ходить по темнымъ аллеямъ — я уходилъ одинъ спать на полу на галлерею, что, несмотря на милліоны ночныхъ комаровъ, пожиравшихъ меня, доставляло мнѣ большое удовольствіе. Въ полнолуніе я часто цѣлыя ночи напролетъ проводилъ, сидя на своемъ тюфякѣ, вглядываясь въ свѣтъ и тѣни, вслуши-

ваясь въ тишину и звуки, мечтая о различныхъ предметахъ, преимущественно о поэтическомъ, сладострастномъ счастіи, которое мнѣ тогда казалось высшимъ счастіемъ въ жизни, и тоскуя о томъ, что мнѣ до сихъ поръ дано было только воображать его. Бывало, только что всѣ разойдутся и огни изъ гостиной перейдутъ въ верхнія комнаты, гдѣ слышны становятся женскіе голоса и стукъ отворяющихся и затворяющихся оконъ, я отправляюсь на галлерею и расхаживаю по ней, жадно прислушиваясь ко всѣмъ звукамъ засыпающаго дома. До тѣхъ поръ, пока есть маленькая, безпричинная надежда хотя на неполное такое счастіе, о которомъ я мечтаю, я еще не могу спокойно строить для себя воображаемое счастіе.

При каждомъ звукѣ босыхъ шаговъ, кашлѣ, вздохѣ, толчкѣ окошка, шорохѣ платья я вскакиваю съ постели, воровски прислушиваюсь, приглядываюсь и безъ видимой причины прихожу въ волненіе. Но вотъ огни исчезаютъ въ верхнихъ окнахъ, звуки шаговъ и говора замѣняются храпѣніемъ, караульщикъ по-ночному начинаетъ стучать въ доску, садъ сталъ и мрачнѣе и свѣтлѣе, какъ скоро исчезли въ немъ полосы краснаго свѣта изъ оконъ, послѣдній огонь изъ буфета переходитъ въ переднюю, прокладывая полосу свѣта по росистому саду, и мнѣ видна черезъ окно сгорбленная фигура Фоки, который въ кофточкѣ, со свѣчой въ рукахъ, идетъ къ своей постели. Часто я находилъ большое волнующее наслажденье, крадучись по мокрой травѣ въ черной тѣни дома, подходить къ окну передней и, не переводя дыханія, слушать храпѣніе мальчика, покряхтыванье Фоки, полагавшаго, что никто его не слышитъ, и

звукъ его старческаго голоса, долго-долго читавшаго молитвы. Наконецъ, тушилась его послѣдняя свѣчка, окно захлопывалось, я оставался совершенно одинъ и, робко оглядываясь по сторонамъ, не видно ли гдѣ-нибудь подлѣ клумбы или подлѣ моей постели бѣлой женщины, рысью бѣжалъ на галлерею. И вотъ тогда-то я ложился на свою постель лицомъ къ саду, и, закрывшись, сколько возможно было, отъ комаровъ и летучихъ мышей смотрѣлъ въ садъ, слушалъ звуки ночи и мечталъ о любви и счастіи.

Тогда все получало для меня другой смыслъ: и видъ старыхъ березъ, блестѣвшихъ съ одной стороны на лунномъ небѣ своими кудрявыми вѣтвями, съ другой — мрачно застилавшихъ кусты и дорогу своими черными тѣнями, и спокойный, пышный, равномѣрный, какъ звукъ, возраставшій блескъ пруда, и лунный блескъ капель росы на цвѣтахъ передъ галлереей, тоже кладущихъ поперекъ сѣрой рабатки свои граціозныя тѣни, и звукъ перепела за прудомъ, и голосъ человѣка съ большой дороги, и тихій, чуть слышный скрипъ двухъ старыхъ березъ другъ о друга, и жужжанье комара надъ ухомъ подъ одѣяломъ, и паденіе зацѣпившагося за вѣтку яблока на сухіе листья, и прыжки лягушекъ, которыя иногда добирались до ступеней террасы и какъ-то таинственно блестѣли на мѣсяцѣ своими зеленоватыми спинками, — все это получало для меня странный смыслъ, — смыслъ слишкомъ большой красоты и какого-то недоконченнаго счастія. И вотъ являлась *она* съ длинной черной косой, высокой грудью, всегда печальная и прекрасная, съ обнаженными руками, съ сладострастными объятіями. Она любила меня, я

жертвовалъ для одной минуты ея любви всею жизнью. Но луна все выше, выше, свѣтлѣе и свѣтлѣе стояла на небѣ, пышный блескъ пруда, равномѣрно усиливающійся, какъ звукъ, становился яснѣе и яснѣе, тѣни становились чернѣе и чернѣе, свѣтъ прозрачнѣе и прозрачнѣе, и вглядываясь и вслушиваясь во все это, что-то говорило мнѣ, что *она* съ обнаженными руками и пылкими объятіями — еще далеко-далеко не все счастіе, что и любовь къ ней — далеко-далеко еще не все благо; и чѣмъ больше я смотрѣлъ на высокій полный мѣсяцъ, тѣмъ истинная красота и благо казались мнѣ выше и выше, чище и чище и ближе и ближе къ Нему, къ источнику всего прекраснаго и благого, и слезы какой-то неудовлетворенной, но волнующей радости навертывались мнѣ на глаза.

И все я былъ одинъ, и все казалось, что таинственно-величавая природа, притягивающій къ себѣ свѣтлый кругъ мѣсяца, остановившійся зачѣмъ-то на одномъ высокомъ неопредѣленномъ мѣстѣ блѣдно-голубого неба и вмѣстѣ стоящій вездѣ и какъ будто наполняющій собой все необъятное пространство, и я, ничтожный червякъ, уже оскверненный всѣми мелкими, бѣдными людскими страстями, но со всею необъятною могучею силой любви — мнѣ все казалось въ эти минуты, что какъ будто природа и луна, и я, мы были одно и то же.

XXXIII.

СОСѢДИ.

Меня очень удивило въ первый день нашего пріѣзда то, что папа назвалъ нашихъ сосѣдей Епифановыхъ славными людьми и еще больше уди-

вило то, что онъ ѣздилъ къ нимъ. У насъ съ Епифановыми съ давнихъ поръ была тяжба за какую-то землю. Будучи ребенкомъ, не разъ я слышалъ, какъ папа сердился за эту тяжбу, бранилъ Епифановыхъ, призывалъ различныхъ людей, чтобы, по моимъ понятіямъ, защититься отъ нихъ, слышалъ, какъ Яковъ называлъ ихъ нашими непріятелями и *черными людьми*, и помню какъ maman просила, чтобы въ ея домѣ и при ней даже не упоминали про этихъ людей...

По этимъ даннымъ я въ дѣтствѣ составилъ себѣ такое твердое и ясное понятіе о томъ, что Епифановы — наши *враги*, которые готовы зарѣзать или задушить не только папа, но и сына его, ежели бы онъ имъ попался, и что они въ буквальномъ смыслѣ *черные люди*, что, увидѣвъ въ годъ кончины матушки Авдотью Васильевну Епифанову, la belle Flamande, ухаживающею за матушкой, я съ трудомъ могъ повѣрить тому, что она была изъ семейства черныхъ людей. Все-таки я удержалъ объ этомъ семействѣ самое низкое понятіе. Несмотря на то, что въ это лѣто мы часто видѣлись съ ними, я продолжалъ быть странно предубѣжденъ противъ всего этого семейства. Въ сущности же вотъ кто такіе были Епифановы. Семейство ихъ состояло изъ матери, пятидесятилѣтней вдовы, еще свѣженькой и веселенькой старушки, красавицы-дочери Авдотьи Васильевны и сына-заики Петра Васильевича, отставного холостого поручика, весьма серьезнаго характера.

Анна Дмитріевна Епифанова лѣтъ двадцать до смерти мужа жила врозь съ нимъ, изрѣдка въ Петербургѣ, гдѣ у нея были родственники, но боль-

шею частью въ своей деревнѣ Мытищахъ, которая была въ трехъ верстахъ отъ насъ. Въ околоткѣ разсказывали про ея образъ жизни такіе ужасы, что Мессалина въ сравненіи съ нею была невинное дитя. Вслѣдствіе этого-то матушка и просила, чтобы въ ея домѣ не поминали даже имени Епифановой; но совершенно не иронически говоря, нельзя было вѣрить и десятой долѣ самыхъ злостныхъ изъ всѣхъ родовъ сплетней,—деревенскихъ сосѣдскихъ сплетней. Но въ то время, когда я узналъ Анну Дмитріевну, хотя и былъ у нея въ домѣ изъ крѣпостныхъ конторщикъ Митюша, который, всегда напомаженный, завитой и въ сюртукѣ на черкесскій манеръ, стоялъ во время обѣда за стуломъ Анны Дмитріевны, и она часто при немъ по-французски приглашала гостей полюбоваться его прекрасными глазами и ртомъ, ничего и похожаго не было на то, что продолжала говорить молва. Дѣйствительно, кажется, ужъ лѣтъ десять тому назадъ, именно съ того времени, какъ Анна Дмитріевна выписала изъ службы къ себѣ своего почтительнаго сына Петрушу, она совершенно перемѣнила свой образъ жизни. Имѣніе Анны Дмитріевны было небольшое, всего съ чѣмъ-то сто душъ, а расходовъ во время ея веселой жизни было много, такъ что лѣтъ десять тому назадъ, разумѣется, заложенное и перезаложенное имѣніе было просрочено и неминуемо должно было продаться съ аукціона. Въ этихъ-то крайнихъ обстоятельствахъ, полагая, что опека, опись имѣнія, пріѣздъ сюда и тому подобныя непріятности происходятъ не столько отъ неплатежа процентовъ, сколько отъ того, что она женщина, Анна Дмитріевна писала въ полкъ къ

сыну, чтобы онъ пріѣхалъ спасти свою мать въ этомъ случаѣ. Несмотря на то, что служба Петра Васильевича шла такъ хорошо, что онъ скоро надѣялся имѣть свой кусокъ хлѣба, онъ все бросилъ, вышелъ въ отставку и, какъ почтительный сынъ, считавшій своею первою обязанностью успокоивать старость матери (что онъ совершенно искренно и писалъ ей въ письмахъ), пріѣхалъ въ деревню.

Петръ Васильевичъ, несмотря на свое некрасивое лицо, неуклюжесть и заиканье, былъ человѣкъ съ чрезвычайно твердыми правилами и необыкновеннымъ практическимъ умомъ. Кое-какъ, мелкими займами, оборотами, просьбами и обѣщаніями, онъ удержалъ имѣніе. Сдѣлавшись помѣщикомъ, Петръ Васильевичъ надѣлъ отцовскую бекешу, хранившуюся въ кладовой, уничтожилъ экипажи и лошадей, отучилъ гостей ѣздить въ Мытищи, а раскопалъ копани, увеличилъ запашку, уменьшилъ крестьянской земли, срубилъ своими и хозяйственно продалъ рощу и поправилъ дѣла. Петръ Васильевичъ далъ себѣ и сдержалъ слово: до тѣхъ поръ, пока не уплатятся всѣ долги, не носить другого платья, какъ отцовскую бекешу и парусинное пальто, которое онъ сшилъ себѣ, и не ѣздить иначе, какъ въ телѣжкѣ, на крестьянскихъ лошадяхъ. Этотъ стоическій образъ жизни онъ старался распространить на все семейство, сколько позволяло ему подобострастное уваженіе къ матери, которое онъ считалъ своимъ долгомъ. Въ гостиной онъ, заикаясь, раболѣпствовалъ передъ матерью, исполнялъ всѣ ея желанія, бранилъ людей, ежели они не дѣлали того, что приказывала Анна Дмитріевна, у себя же въ кабинетѣ и въ кон-

торѣ строго взыскивалъ за то, что взяли къ столу безъ его приказанія утку или послали къ сосѣдкѣ мужика по приказанію Анны Дмитріевны узнать о здоровьѣ, или крестьянскихъ дѣвокъ, вмѣсто того, чтобы полоть въ огородѣ, послали въ лѣсъ за малиной.

Года черезъ четыре долги всѣ были заплачены, и Петръ Васильевичъ, съѣздивъ въ Москву, вернулся оттуда въ новомъ платьѣ и тарантасѣ. Несмотря на это цвѣтущее положеніе дѣлъ, онъ удержалъ тѣ же стоическія наклонности, которыми, казалось, мрачно гордился передъ своими и посторонними, и часто, заикаясь, говорилъ, что «кто меня истинно хочетъ видѣть, тотъ радъ будетъ видѣть меня и въ тулупѣ, тотъ будетъ и щи, и кашу мою ѣсть. Я же ѣмъ ее», прибавлялъ онъ. Въ каждомъ словѣ и движеніи его выражалась гордость, основанная на сознаніи того, что онъ пожертвовалъ собой для матери и выкупилъ имѣніе, и презрѣніе къ другимъ за то, что они ничего подобнаго не сдѣлали.

Мать и дочь были совершенно другихъ характеровъ и во многомъ различны между собой. Мать была одна изъ самыхъ пріятныхъ, всегда одинаково добродушно веселыхъ въ обществѣ женщинъ. Все милое, веселое истинно радовало ее. Даже —черта, встрѣчаемая только у самыхъ добродушныхъ старыхъ людей—способность наслаждаться видомъ веселящейся молодежи была у нея въ высшей степени. Дочь ея, Авдотья Васильевна, была, напротивъ, серьезнаго характера или, скорѣе, того особеннаго равнодушно-разсѣяннаго и безъ всякаго основанія высокомѣрнаго нрава, котораго обыкновенно бываютъ незамужнія красавицы.

Когда же она хотѣла быть веселой, то веселье ея выходило какое-то странное—не то она смѣялась надъ собой, не то надъ тѣмъ, съ кѣмъ она говорила, не то надъ всѣмъ свѣтомъ, чего она, вѣрно, не хотѣла. Часто я удивлялся и спрашивалъ себя, что она хотѣла этимъ сказать, когда говорила подобныя фразы: *да, я ужасно какъ хороша собой; какъ же всѣ въ меня влюблены*, и т. п. Анна Дмитріевна была всегда дѣятельна; имѣла страсть къ устройству домика и садика, къ цвѣтамъ, канарейкамъ и хорошенькимъ вещицамъ. Ея комнатки и садикъ были небольшіе и небогатые, но все это было устроено такъ аккуратно, чисто и все носило такой общій характеръ той легонькой веселости, которую выражаетъ хорошенькій вальсъ или полька, что слово *игрушечка*, употребляемое часто въ похвалу гостями, чрезвычайно шло къ садику и комнаткамъ Анны Дмитріевны. И сама Анна Дмитріевна была игрушечка—маленькая, худенькая, съ свѣжимъ цвѣтомъ лица, съ хорошенькими маленькими ручками, всегда веселая и всегда къ лицу одѣтая. Только немного слишкомъ выпукло обозначавшіяся темно-лиловыя жилки на ея маленькихъ ручкахъ разстраивали этотъ общій характеръ. Авдотья Васильевна, напротивъ, почти никогда ничего не дѣлала и не только не любила заниматься какими-нибудь вещицами или цвѣточками, но даже слишкомъ мало занималась собой и всегда убѣгала одѣваться, когда пріѣзжали гости. Но, одѣтая, возвратившись въ комнату, она бывала необыкновенно хороша, исключая общаго всѣмъ очень красивымъ лицамъ холоднаго и однообразнаго выраженія глазъ и улыбки. Ея строго правильное, прекрасное лицо и ея стройная фи-

гура, казалось, постоянно говорили вамъ: «извольте, можете смотрѣть на меня».

Но, несмотря на живой характеръ матери и равнодушно разсѣянную внѣшность дочери, что-то говорило вамъ, что первая никогда—ни прежде, ни теперь—ничего не любила, исключая хорошенькаго и веселенькаго, а что Авдотья Васильевна была одна изъ тѣхъ натуръ, которыя ежели разъ полюбятъ, то жертвуютъ уже всею жизнью тому, кого они полюбятъ.

XXXIV.

ЖЕНИТЬБА ОТЦА.

Отцу было сорокъ восемь лѣтъ, когда онъ во второй разъ женился на Авдотьѣ Васильевнѣ Епифановой.

Прiѣхавъ одинъ весной съ дѣвочками въ деревню, папа, я воображаю, находился въ томъ особенно тревожно-счастливомъ и общительномъ расположенiи духа, въ которомъ обыкновенно бываютъ игроки, забастовавъ послѣ большого выигрыша. Онъ чувствовалъ, что много еще оставалось у него неизрасходованнаго счастiя, которое, ежели онъ не хотѣлъ больше употреблять на карты, онъ могъ употребить вообще на успѣхи въ жизни. Притомъ была весна, у него было неожиданно много денегъ, онъ былъ совершенно одинъ и скучалъ. Толкуя съ Яковомъ о дѣлахъ и вспомнивъ о безконечной тяжбѣ съ Епифановыми и о красавицѣ Авдотьѣ Васильевнѣ, которую онъ давно не видѣлъ, я воображаю, какъ онъ сказалъ Якову: «Знаешь, Яковъ Харлампычъ, чѣмъ намъ возиться съ этою тяжбой, я думаю просто усту-

пить имъ эту проклятую землю, а? какъ ты думаешь?....»

Воображаю, какъ отрицательно завертѣлись за спиной пальцы Якова при такомъ вопросѣ и какъ онъ доказывалъ, что «*опять-таки* дѣло наше правое, Петръ Александрычъ».

Но папа велѣлъ заложить колясочку, надѣлъ свою модную оливковую бекешу, зачесалъ остатки волосъ, вспрыснулъ платокъ духами и въ самомъ веселомъ расположеніи духа, въ которое приводило его убѣжденіе, что онъ поступаетъ по-барски, а главное — надежда увидать хорошенькую женщину, поѣхалъ къ сосѣдямъ.

Мнѣ извѣстно только то, что папа въ первый свой визитъ не засталъ Петра Васильевича, который былъ въ полѣ, и пробылъ одинъ часа два съ дамами. Я воображаю, какъ онъ разсыпался въ любезностяхъ, какъ обворожалъ ихъ, притопывая своимъ мягкимъ сапогомъ, пришепетывая и дѣлая сладенькіе глазки. Я воображаю тоже, какъ его вдругъ нѣжно полюбила веселенькая старушка и какъ развеселилась ея холодная красавица-дочь.

Когда дворовая дѣвка, запыхавшись, прибѣжала доложить Петру Васильевичу, что самъ старый Иртеньевъ пріѣхалъ, я воображаю, какъ онъ сердито отвѣчалъ: «Ну что-жъ, что пріѣхалъ?» и какъ вслѣдствіе этого онъ пошелъ домой какъ можно тише, можетъ-быть, еще, вернувшись въ кабинетъ, нарочно надѣлъ самое грязное пальто и послалъ сказать повару, чтобъ отнюдь не смѣлъ, ежели барыни прикажутъ, ничего прибавлять къ обѣду.

Я потомъ часто видалъ папа съ Епифановымъ, поэтому живо представляю себѣ это первое свиданіе. Воображаю, какъ, несмотря на то, что папа предложилъ ему мировою окончить тяжбу, Петръ Васильевичъ былъ мраченъ и сердитъ за то, что пожертвовалъ своею карьерой матери, а папа подобнаго ничего не сдѣлалъ, какъ ничто не удивляло его, и какъ папа, будто не замѣчая этой мрачности, былъ игривъ, веселъ и обращался съ нимъ, какъ съ удивительнымъ шутникомъ, чѣмъ иногда обижался Петръ Васильевичъ и чему иногда противъ своего желанія не могъ не поддаваться. Папа, съ своею склонностью изъ всего дѣлать шутку, называлъ Петра Васильевича почему-то полковникомъ и, несмотря на то, что Епифановъ при мнѣ разъ, хуже чѣмъ обыкновенно заикнувшись и покраснѣвъ отъ досады, замѣтилъ, что онъ не по-по-по-полковникъ, а по-по-о-ручикъ, папа черезъ пять минутъ назвалъ его опять полковникомъ.

Любочка разсказывала мнѣ, что, когда еще насъ не было въ деревнѣ, онѣ каждый день видѣлись съ Епифановыми, и было чрезвычайно весело. Папа, съ своимъ умѣньемъ устраивать все какъ-то оригинально, шутливо и вмѣстѣ съ тѣмъ просто и изящно, затѣвалъ то охоты, то рыбныя ловли, то какіе-то фейерверки, на которыхъ присутствовали Епифановы. И было бы еще веселѣе, ежели бы не этотъ несносный Петръ Васильевичъ, который дулся, заикался и все разстраивалъ, говорила Любочка.

Съ тѣхъ поръ какъ мы пріѣхали, Епифановы только два раза были у насъ, и разъ мы всѣ ѣздили къ нимъ. Послѣ же Петрова дня, въ ко-

торый, на именинахъ папа, были они и пропасть гостей, отношенія наши съ Епифановымъ почему-то совершенно прекратились, и только папа одинъ продолжалъ ѣздить къ нимъ.

Въ то короткое время, въ которое я видѣлъ папа вмѣстѣ съ Дунечкой, какъ ее звала мать, вотъ что я успѣлъ замѣтить. Папа былъ постоянно въ томъ же счастливомъ расположеніи духа, которое поразило меня въ немъ въ день нашего пріѣзда. Онъ былъ такъ веселъ, молодъ, полонъ жизни и счастливъ, что лучи этого счастія распространялись на всѣхъ окружающихъ и невольно сообщали имъ такое же расположеніе. Онъ ни на шагъ не отходилъ отъ Авдотьи Васильевны, когда она была въ комнатѣ, безпрестанно говорилъ ей такіе сладенькіе комплименты, что мнѣ совѣстно было за него, или молча, глядя на нее, какъ-то страстно и самодовольно подергивалъ плечомъ и покашливалъ, а иногда, улыбаясь, говорилъ съ ней даже шопотомъ; но все это дѣлалъ съ тѣмъ выраженіемъ, *такъ, шутя*, которое въ самыхъ серьезныхъ вещахъ было ему свойственно.

Авдотья Васильевна, казалось, усвоила себѣ отъ папа выраженіе счастія, которое въ это время блестѣло въ ея большихъ голубыхъ глазахъ почти постоянно, исключая тѣхъ минутъ, когда на нее вдругъ находила такая застѣнчивость, что мнѣ, знавшему это чувство, было жалко и больно смотрѣть на нее. Въ такія минуты она, видимо, боялась каждаго взгляда и движенія, ей казалось, что всѣ смотрятъ на нее, думаютъ только о ней и все въ ней находятъ неприличнымъ. Она испуганно оглядывалась на всѣхъ, краска безпрестанно приливала и отливала отъ ея лица и она начи-

нала громко и смѣло говорить, большею частью, глупости, чувствуя это, чувствуя, что всѣ и папа слышатъ это, и краснѣла еще больше. Но въ такихъ случаяхъ папа и не замѣчалъ глупостей, онъ все такъ же страстно, покашливая, съ веселымъ восторгомъ смотрѣлъ на нее. Я замѣтилъ, что припадки застѣнчивости, хотя и находили на Авдотью Васильевну безъ всякой причины, иногда слѣдовали тотчасъ же за тѣмъ, какъ при папа упоминали о какой-нибудь молодой и красивой женщинѣ. Частые переходы отъ задумчивости къ тому роду ея странной, неловкой веселости, про которую я уже говорилъ, повтореніе любимыхъ словъ и оборотовъ рѣчи папа, продолженіе съ другими начатыхъ съ папа разговоровъ, — все это, если бы дѣйствующимъ лицомъ былъ не мой отецъ и я бы былъ постарше, объяснило бы мнѣ отношенія папа и Авдотьи Васильевны, но я ничего не подозрѣвалъ въ то время, даже и тогда, когда при мнѣ папа, получивъ какое-то письмо отъ Петра Васильевича, очень разстроился имъ и до конца августа пересталъ ѣздить къ Епифановымъ.

Въ концѣ августа папа снова сталъ ѣздить къ сосѣдямъ и за день до нашего (моего и Володи) отъѣзда въ Москву объявилъ намъ, что онъ женится на Авдотьѣ Васильевнѣ Епифановой.

XXXV.

КАКЪ МЫ ПРИНЯЛИ ЭТО ИЗВѢСТІЕ.

Наканунѣ этого офиціальнаго извѣщенія всѣ въ домѣ уже знали и различно судили объ этомъ обстоятельствѣ. Мими не выходила цѣлый день изъ своей комнаты и плакала. Катенька сидѣла

съ ней и вышла только къ обѣду, съ какимъ-то оскорбленнымъ выраженіемъ лица, явно заимствованнымъ отъ своей матери; Любочка, напротивъ, была очень весела и говорила за обѣдомъ, что она знаетъ отличный секретъ, который, однако, она никому не разскажетъ.

— Ничего нѣтъ отличнаго въ твоемъ секретѣ, — сказалъ ей Володя, не раздѣляя ея удовольствія: — коли бы ты могла думать о чемъ-нибудь серьезно, ты бы поняла, что это, напротивъ, очень худо.

Любочка съ удивленіемъ, пристально посмотрѣла на него и замолчала.

Послѣ обѣда Володя хотѣлъ меня взять за руку, но, испугавшись, должно-быть, что это будетъ похоже на нѣжность, только тронулъ меня за локоть и кивнулъ въ залу.

— Ты знаешь, про какой секретъ говорила Любочка? — сказалъ онъ мнѣ, убѣдившись, что мы были одни.

Мы рѣдко говорили съ Володей съ глазу на глазъ и о чемъ-нибудь серьезномъ, такъ что, когда это случалось, мы испытывали какую-то взаимную неловкость и въ глазахъ у насъ начинали прыгать мальчики, какъ говорилъ Володя; но теперь, въ отвѣтъ на смущеніе, выразившееся въ моихъ глазахъ, онъ пристально и серьезно продолжалъ глядѣть мнѣ въ глаза съ выраженіемъ, говорившимъ: «тутъ нечего смущаться, все-таки мы братья и должны посовѣтоваться между собой о важномъ семейномъ дѣлѣ». Я понялъ его, и онъ продолжалъ:

— Папа женится на Епифановой! ты знаешь?

Я кивнулъ головой, потому что уже слышалъ про это.

— Вѣдь это очень не хорошо, — продолжалъ Володя.

— Отчего же?

— Отчего! — отвѣчалъ онъ съ досадой: — очень пріятно имѣть этакаго дядюшку-заику, полковника, и все это родство. Да и она теперь только кажется добрая и ничего, а кто ее знаетъ, чтó будетъ. Намъ, положимъ, все равно, но Любочка скоро должна выѣзжать въ свѣтъ. Съ этакою belle-mère не очень пріятно, она даже по-французски плохо говоритъ и какія манеры она можетъ ей дать. Пуассардка и больше ничего; положимъ, добрая, но все таки пуассардка, — заключилъ Володя, видимо очень довольный этимъ наименованіемъ «пуассардки».

Какъ ни странно мнѣ было слышать, что Володя такъ спокойно судитъ о выборѣ папа, мнѣ казалось, что онъ правъ.

— Изъ чего же папа женится? — спросилъ я.

— Это темная исторія, Богъ ихъ знаетъ; я знаю только, что Петръ Васильевичъ уговаривалъ его жениться, требовалъ, что папа не хотѣлъ, а потомъ ему пришла фантазія, какое-то рыцарство, —темная исторія. Я теперь только началъ понимать отца, — продолжалъ Володя (то, что онъ называлъ его отцомъ, а не папа, больно кольнуло меня): — что онъ прекрасный человѣкъ, добръ и уменъ, но такого легкомыслія и вѣтренности... это удивительно! онъ не можетъ видѣть хладнокровно женщину. Вѣдь ты знаешь, что нѣтъ женщины, которую бы онъ зналъ и въ

которую бы не влюбился. Ты знаешь, Мими вѣдь тоже.

— Что ты?

— Я тебѣ говорю; я недавно узналъ, онъ былъ влюбленъ въ Мими, когда она была молода, стихи ей писалъ, и что-то у нихъ было. Мими до сихъ поръ страдаетъ. — И Володя засмѣялся.

— Не можетъ быть! — сказалъ я съ удивленіемъ.

— Но главное, — продолжалъ Володя снова серьезно и вдругъ начиная говорить по-французски, — всей роднѣ нашей какъ будетъ пріятна такая женитьба! И дѣти вѣдь у нея вѣрно будутъ.

Меня такъ поразилъ здравый смыслъ и предвидѣніе Володи, что я не зналъ, что отвѣчать.

Въ это время къ намъ подошла Любочка.

— Такъ вы знаете? — спросила она съ радостнымъ лицомъ.

— Да, — сказалъ Володя, — только я удивляюсь, Любочка: вѣдь ты уже не въ пеленкахъ дитя. Что тебѣ можетъ быть радости, что папа женится на какой-нибудь дряни?

Любочка вдругъ сдѣлала серьезное лицо и задумалась.

— Володя! отчего же дряни? какъ ты смѣешь такъ говорить про Авдотью Васильевну? Коли папа на ней женится, такъ, стало-быть, она не дрянь.

— Да, не дрянь, я такъ сказалъ, но все-таки...

— Нечего «но все-таки», — перебила Любочка, разгорячившись, — я не говорила, что дрянь эта барышня, въ которую ты влюбленъ; какъ же ты можешь говорить про папа и про отличную жен-

щину? Хоть ты старшій братъ, но ты мнѣ не говори! ты не долженъ говорить.

— Да отчего же нельзя разсуждать про...?

— Нельзя разсуждать, — опять перебила Любочка, — нельзя разсуждать про такого отца, какъ нашъ. Мими можетъ разсуждать, а не ты, старшій братъ.

— Нѣтъ, ты еще ничего не понимаешь, — сказалъ Володя презрительно, — ты пойми. Что это хорошо, что какая-нибудь Епифанова *Дунечка* замѣнитъ тебѣ maman покойницу?

Любочка замолчала на минутку, и вдругъ слезы выступили у нея на глаза.

— Я знала, что ты гордецъ, но не думала, чтобы ты былъ такой злой, — сказала она и ушла отъ насъ.

— *Въ булку*, — сказалъ Володя, сдѣлавъ серьезно-комическое лицо и мутные глаза. — Вотъ разсуждай съ ними, — продолжалъ онъ, какъ будто упрекая себя въ томъ, что онъ до того забылся, что рѣшился снизойти до разговора съ Любочкой.

На другой день погода была дурная, и еще ни папа, ни дамы не выходили къ чаю, когда я пришелъ въ гостиную. Ночью былъ осенній холодный дождикъ, по небу бѣжали остатки вылившейся ночью тучи, сквозь которую не ярко просвѣчивало обозначившееся свѣтлымъ кругомъ, довольно высоко уже стоявшее солнце. Было вѣтрено, сыро и сиверко. Дверь въ садъ была открыта, на почернѣвшемъ отъ мокроты полу террасы высыхали лужи ночного дождя. Открытая дверь подергивалась отъ вѣтра на желѣзномъ крючкѣ, дорожки были сыры и грязны; старыя березы съ оголен-

ными бѣлыми вѣтвями, кусты и трава, крапива, смородина, бузина съ вывернутыми блѣдною стороной листьями бились на одномъ мѣстѣ и, казалось, хотѣли оторваться отъ корней; изъ липовой аллеи, вертясь и обгоняя другъ друга, летѣли желтые круглые листья и, промокая, ложились на мокрую дорогу и на мокрую темно-зеленую отаву луга. Мысли мои заняты были будущею женитьбой отца, съ той точки зрѣнія, съ которой смотрѣлъ на нее Володя. Будущее сестры, насъ и самого отца не представляло мнѣ ничего хорошаго. Меня возмущала мысль, что посторонняя, чужая и, главное, *молодая* женщина, не имѣя на то никакого права, вдругъ займетъ мѣсто во многихъ отношеніяхъ — кого же? — простая *молодая* барышня и займетъ мѣсто покойницы матушки! Мнѣ было грустно, и отецъ казался мнѣ все больше и больше виноватымъ. Въ это время я услышалъ его и Володинъ голоса, говорившіе въ офиціантской. Я не хотѣлъ видѣть отца въ эту минуту и отошелъ отъ двери; но Любочка пришла за мною и сказала, что папа меня спрашиваетъ.

Онъ стоялъ въ гостиной, опершись рукой о фортепіано, и нетерпѣливо и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественно смотрѣлъ въ мою сторону. На лицѣ его уже не было того выраженія молодости и счастія, которое я замѣчалъ на немъ все это время. Онъ былъ печаленъ. Володя съ трубкой въ рукѣ ходилъ по комнатѣ. Я подошелъ къ отцу и поздоровался съ нимъ.

— Ну, друзья мои, — сказалъ онъ рѣшительно, поднимая голову, и тѣмъ особеннымъ быстрымъ тономъ, которымъ говорятся вещи очевидно непріятныя, но о которыхъ судить уже поздно, — вы

знаете, я думаю, что я женюсь на Авдотьѣ Васильевнѣ. — Онъ помолчалъ немного. — Я никогда не хотѣлъ жениться послѣ вашей maman, но... — онъ остановился на минутку, — но... но видно сульба. Дунечка — добрая, милая дѣвушка и ужъ не очень молода; я надѣюсь, вы ее полюбите, дѣти, а она уже васъ любитъ отъ души, она хорошая. Теперь вамъ, — сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ и Володѣ и какъ будто торопясь говорить, чтобы мы не успѣли перебить его, — вамъ пора уже ѣхать, а я пробуду здѣсь до новаго года и пріѣду въ Москву, — опять онъ замялся, — уже съ женою и съ Любочкой. — Мнѣ стáло больно видѣть отца, какъ будто робѣющаго и виноватаго передъ нами, я подошелъ къ нему ближе, но Володя, продолжая курить, опустивъ голову, все ходилъ по комнатѣ.

— Такъ-то, друзья мои, вотъ вашъ старикъ чтó выдумалъ, — заключилъ папа, краснѣя, покашливая и подавая мнѣ и Володѣ руки. Слезы у него были на глазахъ, когда онъ сказалъ это, и рука, которую онъ протянулъ Володѣ, бывшему въ это время въ другомъ концѣ комнаты, я замѣтилъ, немного дрожала. Видъ этой дрожащей руки больно поразилъ меня, и мнѣ пришла мысль, что папа служилъ въ 12-мъ году и былъ, извѣстно, храбрымъ офицеромъ. Я задержалъ его большую жилистую руку и поцѣловалъ ее. Онъ крѣпко пожалъ мою и вдругъ, всхлипнувъ отъ слезъ, взялъ обѣими руками Любочку за ея черную головку и сталъ цѣловать ее въ глаза. Володя притворился, что уронилъ трубку, и, нагнувшись, потихоньку вытеръ глаза кулакомъ и, стараясь быть незамѣченнымъ, вышелъ изъ комнаты.

XXXVI.

УНИВЕРСИТЕТЪ.

Свадьба должна была быть черезъ двѣ недѣли; но лекціи наши начинались, и мы съ Володей въ началѣ сентября поѣхали въ Москву. Нехлюдовы тоже вернулись изъ деревни. Дмитрій (съ которымъ мы, разставаясь, дали слово писать другъ другу и, разумѣется, не писали ни разу) тотчасъ же пріѣхалъ ко мнѣ, и мы рѣшили, что онъ меня на другой день повезетъ въ первый разъ въ университетъ на лекціи.

Былъ яркій солнечный день.

Какъ только вошелъ я въ аудиторію, я почувствовалъ, какъ личность моя исчезаетъ въ этой толпѣ молодыхъ веселыхъ лицъ, которая въ яркомъ солнечномъ свѣтѣ, проникшемъ въ большія окна, шумно колебалась по всѣмъ дверямъ и коридорамъ. Чувство сознанія себя членомъ этого огромнаго общества было очень пріятно. Но изъ всѣхъ этихъ лицъ не много было мнѣ знакомыхъ, да и съ тѣми знакомство ограничивалось кивкомъ головы и словами: «здравствуйте, Иртеньевъ!» Вокругъ же меня жали другъ другу руки, толкались; слова дружбы, улыбки, пріязни, шуточки сыпались со всѣхъ сторонъ. Я вездѣ чувствовалъ связь, соединяющую все это молодое общество, и съ грустью чувствовалъ, что связь эта какъ-то обошла меня. Но это было только минутное впечатлѣніе. Вслѣдствіе его и досады, порожденной имъ, напротивъ, я даже скоро нашелъ, что очень хорошо, что я не принадлежу ко всему этому обществу, что у меня долженъ быть свой кружокъ людей порядочныхъ, и усѣлся на третьей лавкѣ, гдѣ

сидѣли графъ Б., баронъ З., князь Р., Ивинъ и другіе господа въ томъ же родѣ, изъ которыхъ я былъ знакомъ съ Ивинымъ и графомъ Б. Но и эти господа смотрѣли на меня такъ, что я чувствовалъ себя не совсѣмъ принадлежащимъ и къ ихъ обществу. Я сталъ наблюдать все, что происходило вокругъ меня. Семеновъ, со своими сѣдыми всклокоченными волосами и бѣлыми зубами, въ разстегнутомъ сюртукѣ сидѣлъ недалеко отъ меня, облокотясь, и грызъ перо. Гимназистъ, выдержавшій первымъ экзаменъ, сидѣлъ на первой лавкѣ, все съ подвязанною чернымъ галстукомъ щекой, и игралъ серебрянымъ ключикомъ часовъ на атласномъ жилетѣ. Иконинъ, который поступилъ-таки въ университетъ, сидя на верхней лавкѣ въ голубыхъ панталонахъ съ кантомъ, закрывавшихъ весь сапогъ, хохоталъ и кричалъ, что онъ на Парнасѣ. Илинька, который, къ удивленію моему, не только холодно, но даже презрительно мнѣ поклонился, какъ будто желая напомнить о томъ, что здѣсь мы всѣ равны, сидѣлъ передо мной и, поставивъ особенно развязно свои худыя ноги на лавку (какъ мнѣ казалось, на мой счетъ) разговаривалъ съ другимъ студентомъ и изрѣдка взглядывалъ на меня. Подлѣ меня компанія Ивина говорила по-французски. Эти господа казались мнѣ ужасно глупы. Всякое слово, которое я слышалъ изъ ихъ разговора, не только казалось мнѣ безсмысленно, но неправильно, просто не по-французски (ce n'est pas français, говорилъ я себѣ мысленно), а позы, рѣчи и поступки Семенова, Илиньки и другихъ казались мнѣ неблагородны, не порядочны, не «comme il faut».

Я не принадлежалъ ни къ какой компаніи и, чувствуя себя одинокимъ и неспособнымъ къ сближенію, злился. Одинъ студентъ на лавкѣ передо мной грызъ ногти, которые были всѣ въ красныхъ заусенцахъ, и это мнѣ показалось до того противно, что я даже пересѣлъ отъ него подальше. Въ душѣ же мнѣ, помню, въ этотъ первый день было очень грустно.

Когда вошелъ профессоръ и всѣ зашевелились, замолкли, я помню, что я на профессора распространилъ свой сатирическій взглядъ, и меня поразило то, что профессоръ началъ лекцію вводною фразой, въ которой, по моему мнѣнію, не было никакого толка. Я хотѣлъ, чтобы лекція отъ начала до конца была такая умная, чтобы изъ нея нельзя было выкинуть и нельзя было къ ней прибавить ни одного слова. Разочаровавшись въ этомъ, я сейчасъ же, подъ заглавіемъ «первая лекція», написаннымъ въ красиво переплетенной тетрадкѣ, которую я принесъ съ собой, нарисовалъ восемнадцать профилей, которые соединялись въ кружокъ въ видѣ цвѣтка, и только изрѣдка водилъ рукой по бумагѣ, для того, чтобы профессоръ (который, я былъ увѣренъ, очень занимался мною) думалъ, что я записываю. На этой же лекціи, рѣшивъ, что записываніе всего, что будетъ говорить всякій профессоръ, не нужно и даже было бы глупо, я держался этого правила до конца курса.

На слѣдующихъ лекціяхъ я уже не чувствовалъ такъ сильно одиночества, познакомился со многими, жалъ руки, разговаривалъ, но между мной и товарищами настоящаго сближенія все-таки не дѣлалось отчего-то и еще часто мнѣ случалось въ

душѣ грустить и притворяться. Съ компаніей Ивина и аристократовъ, какъ ихъ всѣ называли, я не могъ сойтись, потому что, какъ теперь вспоминаю, я былъ дикъ и грубъ съ ними и кланялся имъ только тогда, когда они мнѣ кланялись, а они очень мало, повидимому, нуждались въ моемъ знакомствѣ. Съ большинствомъ же это происходило отъ совершенно другой причины. Какъ только я чувствовалъ, что товарищъ начиналъ быть ко мнѣ расположенъ, я тотчасъ же давалъ ему понять, что я обѣдаю у князя Ивана Ивановича и что у меня есть дрожки. Все это я говорилъ только для того, чтобы показать себя съ болѣе выгодной стороны и чтобы товарищъ меня полюбилъ еще больше за это; но почти всякій разъ, напротивъ, вслѣдствіе сообщеннаго извѣстія о моемъ родствѣ съ княземъ Иваномъ Ивановичемъ и дрожкахъ, къ удивленію моему, товарищъ вдругъ становился со мной гордъ и холоденъ.

Былъ у насъ казеннокоштный студентъ Оперовъ, скромный, очень способный и усердный молодой человѣкъ, который подавалъ всегда руку, какъ доску, не сгибая пальцевъ и не дѣлая ею никакого движенія, такъ что шутники-товарищи иногда такъ же подавали ему руку и называли это подавать руку «дощечкой». Я почти всегда садился съ нимъ рядомъ и часто разговаривалъ. Оперовъ особенно понравился мнѣ тѣми свободными мнѣніями, которыя онъ высказывалъ о профессорахъ. Онъ очень ясно и отчетливо опредѣлялъ достоинства и недостатки преподаванія каждаго профессора и даже иногда подтрунивалъ надъ

ними, что особенно странно и поразительно дѣйствовало на меня, сказанное его тихимъ голоскомъ, выходящимъ изъ его крошечнаго ротика. Несмотря на то, онъ однако тщательно записывалъ своимъ мелкимъ почеркомъ безъ исключенія всѣ лекціи. Мы начинали уже сходиться съ нимъ, рѣшились готовиться вмѣстѣ, и его маленькіе сѣрые близорукіе глазки уже начали съ удовольствіемъ обращаться на меня, когда я приходилъ садиться рядомъ съ нимъ на свое мѣсто. Но я нашелъ нужнымъ разъ въ разговорѣ объяснить ему, что моя матушка, умирая, просила отца не отдавать насъ въ казенное заведеніе и что всѣ казенные воспитанники, можетъ, и очень учены, но они для меня... совсѣмъ не то, ce ne sont pas des gens comme il faut. сказалъ я, запинаясь и чувствуя, что я почему-то покраснѣлъ. Оперовъ ничего не сказалъ мнѣ, но на слѣдующихъ лекціяхъ не здоровался со мной первый, не подавалъ своей дощечки, не разговаривалъ, и когда я садился на мѣсто, то онъ, бочкомъ пригнувъ голову на палецъ отъ тетрадей, дѣлалъ видъ, какъ будто вглядывался въ нихъ. Я удивлялся безпричинному охлажденію Оперова. Но pour un jeune homme de bonne maison я считалъ неприличнымъ заискивать въ казеннокоштномъ студентѣ *Оперовѣ* и оставилъ его въ покоѣ, хотя, признаюсь, его охлажденіе мнѣ было грустно. Разъ я пришелъ прежде него, и такъ какъ лекція была любимаго профессора, на которую сошлись студенты, не имѣвшіе обыкновенія всегда ходить на лекціи, и мѣста всѣ были заняты, я сѣлъ на мѣсто Оперова, положилъ на пюпитръ свои тетради, а самъ вышелъ. Возвратясь въ аудиторію, я увидѣлъ, что мои тетради

переложены на заднюю лавку, а Оперовъ сидитъ на моемъ мѣстѣ. Я замѣтилъ ему, что я тутъ положилъ тетради.

— Я не знаю, — отвѣчалъ онъ, вдругъ вспыхнувъ и не глядя на меня.

— Я вамъ говорю, что я положилъ тутъ тетради, — сказалъ я, начиная нарочно горячиться, думая испугать его своею храбростью. — Всѣ видѣли, — прибавилъ я, оглядываясь на студентовъ, но, хотя многіе съ любопытствомъ смотрѣли на меня, никто не отвѣтилъ.

— Тутъ мѣстъ не откупаютъ, а кто пришелъ прежде, тотъ и садится, — сказалъ Оперовъ, сердито поправляясь на своемъ мѣстѣ и на мгновенье взглянувъ на меня возмущеннымъ взглядомъ.

— Это значитъ, что вы невѣжа, — сказалъ я.

Кажется, что Оперовъ пробормоталъ что-то, кажется даже, что онъ пробормоталъ: «А ты глупый мальчишка», но я рѣшительно не слыхалъ этого. Да и какая была бы польза, ежели бы я это слышалъ? браниться какъ manants какіе-нибудь, больше ничего? (Я очень любилъ это слово manants, и оно мнѣ было отвѣтомъ и разрѣшеніемъ многихъ запутанныхъ отношеній). Можетъ-быть, я бы сказалъ еще что-нибудь, но въ это время хлопнула дверь, и профессоръ въ синемъ фракѣ, расшаркиваясь, торопливо прошелъ на каѳедру.

Однако передъ экзаменомъ, когда мнѣ понадобились тетради, Оперовъ, помня свое обѣщаніе, предложилъ мнѣ свои и пригласилъ заниматься вмѣстѣ.

XXXVII.

СЕРДЕЧНЫЯ ДѢЛА.

Сердечныя дѣла занимали меня въ эту зиму довольно много. Я былъ влюбленъ три раза. Разъ я страстно влюбился въ очень полную даму, которая ѣздила при мнѣ въ манежѣ Фрейтага, вслѣдствіе чего каждый вторникъ и пятницу—дни, въ которые она ѣздила,—я приходилъ въ манежъ смотрѣть на нее, но всякій разъ такъ боялся, что она меня увидитъ, и потому такъ далеко всегда становился отъ нея и бѣжалъ такъ скоро съ того мѣста, гдѣ она должна была пройти, и такъ небрежно отворачивался, когда она взглядывала въ мою сторону, что я даже не разсмотрѣлъ хорошенько ея лица и до сихъ поръ не знаю, была ли она точно хороша собой или нѣтъ.

Дубковъ, который былъ знакомъ съ этою дамой, заставъ меня однажды въ манежѣ, гдѣ я стоялъ, спрятавшись за лакеями и шубами, которыя они держали, и, узнавъ отъ Дмитрія о моей страсти, такъ испугалъ меня предложеніемъ познакомить меня съ этою амазонкой, что я опрометью убѣжалъ изъ манежа и при одной мысли о томъ, что онъ ей сказалъ обо мнѣ, больше не смѣлъ входить въ манежъ, даже до лакеевъ, боясь встрѣтить ее.

Когда я бывалъ влюбленъ въ незнакомыхъ и особенно замужнихъ женщинъ, на меня находила застѣнчивость еще въ тысячу разъ сильнѣе той, которую я испытывалъ съ Сонечкой. Я боялся больше всего на свѣтѣ того, чтобы мой предметъ не узналъ о моей любви и даже о моемъ существованіи. Мнѣ казалось, что ежели бы она узнала о

томъ чувствѣ, которое я къ ней испытывалъ, то это было бы для нея такимъ оскорбленіемъ, котораго бы она не могла мнѣ простить никогда. И въ самомъ дѣлѣ, ежели бы эта амазонка знала подробно, какъ я, глядя на нее изъ-за лакеевъ, воображалъ, похитивъ ее, увезти въ деревню и какъ съ ней жить тамъ и что съ ней дѣлать, можетъ-быть, она справедливо бы очень оскорбилась. Но я не могъ ясно сообразить того, что, зная меня, она не могла еще узнать вдругъ всѣ мои о ней мысли и что поэтому ничего не было постыднаго просто познакомиться съ ней.

Въ другой разъ я влюбился въ Сонечку, увидавъ ее у сестры. Вторая любовь моя къ ней уже давно прошла, но я влюбился въ третій разъ вслѣдствіе того, что Любочка дала мнѣ тетрадку стишковъ, переписанныхъ Сонечкой, въ которой «Демонъ» Лермонтова былъ во многихъ мрачно-любовныхъ мѣстахъ подчеркнутъ красными чернилами и заложенъ цвѣточками. Вспомнивъ, какъ Володя цѣловалъ прошлаго года кошелекъ своей барышни, я попробовалъ сдѣлать то же, и дѣйствительно, когда я одинъ вечеромъ въ своей комнатѣ сталъ мечтать, глядя на цвѣтокъ, и прикладывать его къ губамъ, я почувствовалъ нѣкоторое пріятно-слезливое расположеніе и снова былъ влюбленъ или такъ предполагалъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней.

Въ третій разъ, наконецъ, въ эту зиму я влюбился въ барышню, въ которую былъ влюбленъ Володя и которая ѣзжала къ намъ. Въ барышнѣ этой, какъ я теперь вспоминаю, ровно ничего не было хорошаго, и именно того хорошаго, что мнѣ

обыкновенно нравилось. Она была дочь извѣстной московской умной и ученой дамы, маленькая, худенькая, съ длинными русыми англійскими буклями и съ прозрачнымъ профилемъ. Всѣ говорили, что эта барышня умнѣе и ученѣе своей матери; но я никакъ не могъ судить объ этомъ, потому что, чувствуя какой-то подобострастный страхъ при мысли о ея умѣ и учености, я только одинъ разъ говорилъ съ ней и то съ неизъяснимымъ трепетомъ. Но восторгъ Володи, который никогда не стѣснялся присутствующими въ выраженіи своего восторга, сообщился мнѣ съ такою силой, что я страстно влюбился въ эту барышню. Чувствуя, что Володѣ будетъ непріятно извѣстіе о томъ, что *два брата влюблены въ одну дѣвицу*, я не говорилъ ему о своей любви. Мнѣ же, напротивъ, въ этомъ чувствѣ больше всего доставляла удовольствіе мысль, что любовь наша такъ чиста, что, несмотря на то, что предметъ ея—одно и то же прелестное существо, мы остаемся дружны и готовы, ежели встрѣтится необходимость, жертвовать собою другъ для друга. Впрочемъ, насчетъ готовности жертвовать Володя, кажется, не совсѣмъ раздѣлялъ мое мнѣніе, потому что онъ былъ влюбленъ такъ страстно, что хотѣлъ дать пощечину и вызвать на дуэль одного настоящаго дипломата, который, говорили, долженъ былъ жениться на ней. Мнѣ же очень пріятно было жертвовать своимъ чувствомъ, можетъ-быть, оттого, что не стоило большого труда, такъ какъ я съ этою барышней только разъ вычурно поговорилъ о достоинствѣ ученой музыки, и любовь моя, какъ я ни старался поддерживать ее, прошла на слѣдующей недѣлѣ.

XXXVIII.

СВѢТЪ.

Свѣтскія удовольствія, которымъ, вступая въ университетъ, я мечталъ предаться въ подражаніе старшему брату, совершенно разочаровали меня въ эту зиму. Володя танцовалъ очень много, папа тоже ѣзжалъ на балы со своею молодою женой; но меня, должно-быть, считали или еще слишкомъ молодымъ, или неспособнымъ для этихъ удовольствій, и никто не представлялъ меня въ тѣ дома, гдѣ давались балы. Несмотря на обѣщаніе откровенности съ Дмитріемъ, я никому, и ему тоже, не говорилъ о томъ, какъ мнѣ хотѣлось ѣздить на балы и какъ больно и досадно было то, что про меня забывали и, видимо, смотрѣли какъ на какого-то философа, которымъ я вслѣдствіе того и прикидывался.

Но въ эту зиму былъ вечеръ у княгини Корнаковой. Она сама пригласила всѣхъ насъ и между прочими меня, и я въ первый разъ долженъ былъ ѣхать на балъ. Володя, передъ тѣмъ, какъ ѣхать, пришелъ ко мнѣ въ комнату и желалъ видѣть, какъ я одѣнусь. Меня очень удивилъ и озадачилъ этотъ поступокъ съ его стороны. Мнѣ казалось, что желаніе быть хорошо одѣтымъ весьма стыдно и что нужно скрывать его; онъ же, напротивъ, считалъ это желаніе до такой степени естественнымъ и необходимымъ, что совершенно откровенно говорилъ, что боится, чтобъ я не осрамился. Онъ велѣлъ мнѣ непремѣнно надѣть лаковые сапоги, пришелъ въ ужасъ, когда я хотѣлъ надѣть замшевыя перчатки, надѣлъ мнѣ часы какъ-то особеннымъ манеромъ и повезъ на Кузнецкій

мость къ парикмахеру. Меня завили. Володя отошелъ и посмотрѣлъ на меня издали.

— Вотъ, теперь хорошо, только неужели нельзя пригладить этихъ вихровъ?—сказалъ онъ, обращаясь къ парикмахеру.

Но сколько ни мазалъ m-r Charles какою-то липкою эссенціей мои вихры, они все-таки встали, когда я надѣлъ шляпу, и вообще моя завитая фигура мнѣ казалась еще гораздо хуже, чѣмъ прежде. Мое одно спасеніе была аффектація небрежности. Только въ такомъ видѣ наружность моя была на что-нибудь похожа.

Володя, кажется, былъ того же мнѣнія, потому что попросилъ меня разбить завивку, и когда я это сдѣлалъ и все-таки было нехорошо, онъ больше не смотрѣлъ на меня и всю дорогу до Корнаковыхъ былъ молчаливъ и печаленъ.

Къ Корнаковымъ вмѣстѣ съ Володей я вошелъ смѣло; но когда меня княгиня пригласила танцовать и я почему-то, несмотря на то, что ѣхалъ съ одною мыслью танцовать очень много, сказалъ, что я не танцую, я оробѣлъ и, оставшись одинъ между незнакомыми людьми, впалъ въ свою обычную непреодолимую, все возрастающую застѣнчивость. Я молча стоялъ на одномъ мѣстѣ цѣлый вечеръ.

Во время вальса одна изъ княженъ подошла ко мнѣ и съ общею всему семейству оффиціальною любезностью спросила меня: «отчего я не танцую?» Помню, какъ я оробѣлъ при этомъ вопросѣ, но какъ вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно невольно для меня, на лицѣ моемъ распустилась самодовольная улыбка, и я началъ говорить по-французски самымъ напыщеннымъ языкомъ съ

вводными предложеніями такой вздоръ, который мнѣ теперь, даже послѣ десятковъ лѣтъ, совѣстно вспомнить. Должно-быть, такъ подѣйствовала на меня музыка, возбуждавшая мои нервы и заглушавшая, какъ я полагалъ, не совсѣмъ понятную часть моей рѣчи. Я говорилъ что-то про высшее общество, про пустоту людей и женщинъ и, наконецъ, такъ заврался, что остановился на половинѣ слова какой-то фразы, которую не было никакой возможности кончить.

Даже свѣтская по породѣ княжна смутилась и съ упрекомъ посмотрѣла на меня. Я улыбался. Въ эту критическую минуту Володя, который, замѣтивъ, что я разговариваю горячо, вѣрно желалъ знать, каково я въ разговорахъ искупаю то, что не танцую, подошелъ къ намъ вмѣстѣ съ Дубковымъ. Увидавъ мое улыбающееся лицо и испуганную мину княжны и услыхавъ тотъ ужасный вздоръ, которымъ я кончилъ, онъ покраснѣлъ и отвернулся. Княжна встала и отошла отъ меня. Я все-таки улыбался, но такъ страдалъ сознаніемъ своей глупости, что готовъ былъ провалиться сквозь землю и что во что бы то ни стало чувствовалъ потребность шевелиться и говорить что-нибудь, чтобы какъ-нибудь измѣнить свое положеніе. Я подошелъ къ Дубкову и спросилъ его, много ли онъ протанцовалъ вальсовъ съ *ней*. Это я будто бы былъ игривъ и веселъ, но въ сущности умолялъ о помощи того самаго Дубкова, которому я прокричалъ: «Молчать!» на обѣдѣ у «Яра». Дубковъ сдѣлалъ видъ, будто не слышитъ меня, и повернулся въ другую сторону. Я пододвинулся къ Володѣ и сказалъ черезъ силу, стараясь дать тоже шутливый тонъ голосу: «Ну что,

Володя, *умаялся?*» Но Володя посмотрѣлъ на меня такъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «Ты такъ не говоришь со мной, когда мы одни», и молча отошелъ отъ меня, видимо боясь, чтобы я еще не прицѣпился къ нему какъ-нибудь.

«Боже мой, и братъ мой покидаетъ меня!» подумалъ я.

Однако у меня почему-то недостало силы уѣхать. Я до конца вечера мрачно простоялъ на одномъ мѣстѣ, и только когда всѣ, разъѣзжаясь, столпились въ передней и лакей надѣлъ мнѣ шинель на конецъ шляпы, такъ что она поднялась, я сквозь слезы болѣзненно засмѣялся и, не обращаясь ни къ кому въ особенности, сказалъ-таки: «Comme c'est gracieux».

XXXIX.

КУТЕЖЪ.

Несмотря на то, что подъ вліяніемъ Дмитрія я еще не предавался обыкновеннымъ студенческимъ удовольствіямъ, называемымъ *кутежами*, мнѣ случилось уже въ эту зиму разъ участвовать въ такомъ увеселеніи, и я вынесъ изъ него не совсѣмъ пріятное чувство. Вотъ какъ это было.

Въ началѣ года, разъ на лекціи, баронъ З., высокій, бѣлокурый молодой человѣкъ съ весьма серьезнымъ выраженіемъ правильнаго лица, пригласилъ всѣхъ насъ къ себѣ на товарищескій вечеръ. Всѣхъ насъ, значитъ всѣхъ товарищей болѣе или менѣе comme il faut нашего курса, въ числѣ которыхъ, разумѣется, не были ни Грапъ, ни Семеновъ, ни Оперовъ, ни всѣ эти плохенькіе

господа. Володя презрительно улыбнулся, узнавъ, что я ѣду на кутежъ первокурсниковъ; но я ожидалъ необыкновеннаго и большого удовольствія отъ этого еще совершенно неизвѣстнаго мнѣ провожденія времени и пунктуально въ назначенное время, въ восемь часовъ, былъ у барона З.

Баронъ З. въ растегнутомъ сюртукѣ и бѣломъ жилетѣ принималъ гостей въ освѣщенной залѣ и гостиной небольшого домика, въ которомъ жили его родители, уступившіе ему на вечеръ этого торжества парадныя комнаты. Въ коридорѣ виднѣлись платья и головы любопытныхъ горничныхъ, и въ буфетѣ мелькнуло разъ платье дамы, которую я принялъ за самую баронессу. Гостей было человѣкъ двадцать, и всѣ были студенты, исключая г. Фроста, пріѣхавшаго вмѣстѣ съ Ивинымъ, и одного румянаго, высокаго штатскаго господина, распоряжавшагося пиршествомъ и котораго со всѣми знакомили, какъ родственника барона и бывшаго студента дерптскаго университета. Слишкомъ яркое освѣщеніе и обыкновенное казенное убранство парадныхъ комнатъ сначала дѣйствовали такъ охладительно на все это молодое общество, что всѣ невольно держались по стѣнкамъ, исключая нѣкоторыхъ смѣльчаковъ и дерптскаго студента, который, уже разстегнувъ жилетъ, казалось, находился въ одно и то же время въ каждой комнатѣ и въ каждомъ углу каждой комнаты и наполнялъ, казалось, всю комнату своимъ звучнымъ, пріятнымъ, неумолкающимъ теноромъ. Товарищи же больше молчали или скромно разговаривали о профессорахъ, наукахъ, экзаменахъ, вообще серьезныхъ и интересныхъ предметахъ.

Всѣ безъ исключенія поглядывали на дверь буфета и, хотя старались скрывать это, имѣли выраженіе, говорившее: «Что-жъ, пора бы и начинать». Я тоже чувствовалъ, что пора бы начинать, и ожидалъ *начала* съ нетерпѣливою радостью.

Послѣ чая, которымъ лакеи обнесли гостей, дерптскій студентъ спросилъ у Фроста по-русски:

— Умѣешь дѣлать жжонку, Фростъ?

— О ja! — отвѣчалъ Фростъ, потрясая икрами, но дерптскій студентъ снова по-русски сказалъ ему:

— Такъ ты возьмись за это дѣло (они были на «ты», какъ товарищи по дерптскому университету), — и Фростъ, дѣлая большіе шаги своими выгнутыми мускулистыми ногами, сталъ переходить изъ гостиной въ буфетъ, изъ буфета въ гостиную, и скоро на столѣ оказалась большая суповая чаша съ стоящею на ней десятифунтовой головкой сахару посредствомъ трехъ перекрещенныхъ студенческихъ шпагъ. Баронъ З. въ это время безпрестанно подходилъ ко всѣмъ гостямъ, которые собрались въ гостиной, глядя на суповую чашу, и съ неизмѣнно серьезнымъ лицомъ говорилъ всѣмъ почти одно и то же: «Давайте, господа, выпьемте всѣ по-студенчески круговую, брудершафтъ, а то у насъ совсѣмъ нѣтъ товарищества въ нашемъ курсѣ. Да разстегнитесь же или совсѣмъ снимите, вотъ какъ онъ». Дѣйствительно, дерптскій студентъ, снявъ сюртукъ, засучивъ бѣлые рукава рубашки выше бѣлыхъ локтей и рѣшительно разставивъ ноги, уже поджигалъ ромъ въ суповой чашѣ.

— Господа! тушите свѣчи, — закричалъ вдругъ дерптскій студентъ такъ пріемисто и громко, какъ только можно было крикнуть тогда, когда бы мы всѣ кричали. Мы же всѣ безмолвно смотрѣли на суповую чашу и бѣлую рубашку дерптскаго студента и всѣ чувствовали, что наступила торжественная минута.

— Löschen Sie die Lichter aus, Frost! — снова прокричалъ дерптскій студентъ уже по-нѣмецки, должно-быть, слишкомъ разгорячившись. Фростъ и мы всѣ принялись тушить свѣчи. Въ комнатѣ стало темно, одни бѣлые рукава и руки, поддерживавшія голову сахару на шпагахъ, освѣщались голубоватымъ пламенемъ. Громкій теноръ дерптскаго студента уже не былъ одинокимъ, потому что во всѣхъ углахъ комнаты заговорило и засмѣялось. Многіе сняли сюртуки (особенно тѣ, у которыхъ были тонкія и совершенно свѣжія рубашки), я сдѣлалъ то же и понялъ, *что началось.* Хотя веселаго еще ничего не было, я былъ твердо увѣренъ, что все-таки будетъ отлично, когда мы всѣ выпьемъ по стакану готовившагося напитка.

Напитокъ поспѣлъ. Дерптскій студентъ, сильно закапавъ столъ, разлилъ жжонку по стаканамъ и закричалъ: «Ну, теперь, господа, давайте». Когда мы каждый взяли въ руку по полному липкому стакану, дерптскій студентъ и Фростъ запѣли нѣмецкую пѣсню, въ которой часто повторялось восклицаніе *Юхе!* Мы всѣ нескладно запѣли за ними, стали чокаться, кричать что-то, хвалить жжонку и другъ съ другомъ черезъ руку и просто пить сладкую и крѣпкую жидкость. Теперь ужъ нечего было дожидаться, — кутежъ былъ

во всемъ разгарѣ. Я выпилъ уже цѣлый стаканъ жжонки, мнѣ налили другой, въ вискахъ у меня стучало, огонь казался багровымъ, кругомъ меня все кричало и смѣялось, но все-таки не только не казалось весело, но я даже былъ увѣренъ, что и мнѣ, и всѣмъ было скучно, и что я и всѣ только почему-то считали необходимымъ притворяться, что имъ очень весело. Не притворялся, можетъ-быть, только дерптскій студентъ: онъ все болѣе и болѣе становился румянымъ и вездѣсущимъ, всѣмъ подливалъ въ пустые стаканы и все больше и больше заливалъ столъ, который весь сдѣлался сладкимъ и липкимъ. Не помню, какъ и что слѣдовало одно за другимъ, но помню, что въ этотъ вечеръ я ужасно любилъ дерптскаго студента и Фроста, училъ наизусть нѣмецкую пѣсню и обоихъ ихъ цѣловалъ въ сладкія губы; помню тоже, что въ этотъ вечеръ я ненавидѣлъ дерптскаго студента и хотѣлъ пустить въ него стуломъ, но удержался; помню, что, кромѣ того чувства неповиновенія всѣхъ членовъ, которое я испыталъ и въ день обѣда у «Яра», у меня въ этотъ вечеръ такъ болѣла и кружилась голова, что я ужасно боялся умереть сію же минуту; помню тоже, что мы зачѣмъ-то всѣ сѣли на полъ, махали руками, подражая движенію веслами, пѣли «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», и что я въ это время думалъ о томъ, что этого вовсе не нужно было дѣлать; помню еще, что я, лежа на полу, цѣпляясь нога за ногу, боролся по-цыгански, кому-то свихнулъ шею и подумалъ, что этого не случилось бы, ежели бы онъ не былъ пьянъ; помню еще, что ужинали и пили что-то другое, что я выходилъ на дворъ освѣжиться и моей головѣ было холодно и что, уѣз-

жая, я замѣтилъ, что было ужасно темно, что подножка пролетки сдѣлалась покатая и скользкая и за Кузьму нельзя было держаться, потому что онъ сдѣлался слабъ и качался, какъ тряпка; но помню главное, что въ продолженіе всего этого вечера я безпрестанно чувствовалъ, что я очень глупо дѣлаю, притворяясь, будто бы мнѣ очень весело, будто бы я люблю очень много пить и будто бы я и не думалъ быть пьянымъ, и безпрестанно чувствовалъ, что и другіе очень глупо дѣлаютъ, притворяясь въ томъ же. Мнѣ казалось, что каждому отдѣльно было непріятно, какъ и мнѣ, но, полагая, что такое непріятное чувство испытывалъ онъ одинъ, каждый считалъ себя обязаннымъ притворяться веселымъ, для того, чтобы не разстроить общаго веселья; притомъ же — странно сказать — я себя считалъ обязаннымъ къ притворству по одному тому, что въ суповую чашу влито было три бутылки шампанскаго по девяти рублей и десять бутылокъ рому по четыре рубля, что всего составляло семьдесятъ рублей, кромѣ ужина. Я такъ былъ убѣжденъ въ этомъ, что на другой день на лекціи меня чрезвычайно удивило то, что товарищи мои, бывшіе на вечерѣ барона З., не только не стыдились вспоминать о томъ, что̀ они тамъ дѣлали, но разсказывали про вечеръ такъ, чтобы другіе студенты могли слышать. Они говорили, что былъ отличнѣйшій кутежъ, что дерптскіе — молодцы на эти дѣла и что тамъ было выпито на двадцать человѣкъ сорокъ бутылокъ рому и что многіе замертво остались подъ столами. Я не могъ понять, для чего они не только разсказывали, но и лгали на себя.

XL.

ДРУЖБА СЪ НЕХЛЮДОВЫМИ.

Въ эту зиму я очень часто видѣлся не только съ однимъ Дмитріемъ, который ѣздилъ нерѣдко къ намъ, но и со всѣмъ его семействомъ, съ которымъ я начиналъ сходиться.

Нехлюдовы — мать, тетка и дочь — всѣ вечера проводили дома, и княгиня любила, чтобы по вечерамъ пріѣзжала къ ней молодежь, мужчины такого рода, которые, какъ она говорила, въ состояніи провести весь вечеръ безъ картъ и танцевъ. Но, должно-быть, такихъ мужчинъ было мало, потому что я, который ѣздилъ къ нимъ почти каждый вечеръ, рѣдко встрѣчалъ у нихъ гостей. Я привыкъ къ лицамъ этого семейства, къ различнымъ ихъ настроеніямъ, сдѣлалъ себѣ уже ясное понятіе о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, привыкъ къ комнатамъ и мебели и, когда гостей не было, чувствовалъ себя совершенно свободнымъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда оставался одинъ въ комнатѣ съ Варенькой. Мнѣ все казалось, что она, какъ не очень красивая дѣвушка, очень бы желала, чтобы я влюбился въ нее. Но и это смущеніе начинало проходить. Она такъ естественно показывала видъ, что ей было все равно говорить со мной, съ братомъ или съ Любовь Сергѣевной, что и я усвоилъ привычку смотрѣть на нее просто, какъ на человѣка, которому ничего нѣтъ постыднаго и опаснаго выказывать удовольствіе, доставляемое его обществомъ. Во все время моего съ ней знакомства она мнѣ казалась — днями — то очень некрасивою, то не слишкомъ дурною дѣвушкой, но я даже не спра-

шивалъ себя насчетъ ея ни разу: влюбленъ ли я или нѣтъ. Мнѣ случалось разговаривать съ ней прямо, но чаще я разговаривалъ съ нею, обращая при ней рѣчь къ Любовь Сергѣевнѣ или къ Дмитрію, и этотъ послѣдній способъ особенно мнѣ нравился. Я находилъ большое удовольствіе говорить при ней, слушать ея пѣніе и вообще знать о ея присутствіи въ той же комнатѣ, въ которой былъ я; но мысль о томъ, какія будутъ впослѣдствіи мои отношенія съ Варенькой, и мечты о самопожертвованіи для своего друга, ежели онъ влюбится въ мою сестру, уже рѣдко приходили мнѣ въ голову. Ежели мнѣ приходили такія мечты и мысли, то я, чувствуя себя довольнымъ настоящимъ, безсознательно старался отгонять мысль о будущемъ.

Несмотря, однако, на это сближеніе, я продолжалъ считать своею непремѣнною обязанностью скрывать отъ всего общества Нехлюдовыхъ и въ особенности отъ Вареньки свои настоящія чувства и наклонности и старался выказывать себя совершенно другимъ молодымъ человѣкомъ отъ того, какимъ я былъ въ дѣйствительности, и даже такимъ, какого не могло быть въ дѣйствительности. Я старался казаться страстнымъ, восторгался, ахалъ, дѣлалъ страстные жесты, когда что-нибудь мнѣ будто бы очень нравилось, вмѣстѣ съ тѣмъ старался казаться равнодушнымъ ко всякому необыкновенному случаю, который видѣлъ или про который мнѣ разсказывали; старался казаться злымъ насмѣшникомъ, не имѣющимъ ничего святого, и вмѣстѣ съ тѣмъ тонкимъ наблюдателемъ; старался казаться логическимъ во всѣхъ своихъ поступкахъ, точнымъ и аккуратнымъ въ

жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ презирающимъ все матеріальное. Могу смѣло сказать, что я былъ гораздо лучше въ дѣйствительности, чѣмъ то странное существо, которое я пытался представлять изъ себя; но все-таки и такимъ, какимъ я притворялся, Нехлюдовы меня полюбили и, къ счастію моему, не вѣрили, какъ кажется, моему притворству. Одна Любовь Сергѣевна, считавшая меня величайшимъ эгоистомъ, безбожникомъ и насмѣшникомъ, какъ кажется, не любила меня и часто спорила со мной, сердилась и поражала меня своими отрывочными, безсвязными фразами. Но Дмитрій оставался все въ тѣхъ же странныхъ, больше чѣмъ дружескихъ отношеніяхъ съ нею и говорилъ, что ея никто не понимаетъ и что она чрезвычайно много дѣлаетъ ему добра. Его дружба съ нею точно такъ же продолжала огорчать все семейство.

Разъ Варенька, разговаривая со мной про эту непонятную для всѣхъ насъ связь, объяснила ее такъ:

— Дмитрій самолюбивъ. Онъ слишкомъ гордъ и, несмотря на весь свой умъ, очень любитъ похвалу и удивленіе, любитъ быть всегда первымъ, а *тетенька* въ невинности души находится въ адмираціи передъ нимъ и не имѣетъ довольно такта, чтобы скрывать отъ него эту адмирацію, и выходитъ, что она льститъ ему, только не притворно, а искренно.

Это разсужденіе запомнилось мнѣ, и потомъ, разбирая его, я не могъ не подумать, что Варенька очень умна, и съ удовольствіемъ, вслѣдствіе этого, возвысилъ ее въ своемъ мнѣніи. Такого рода возвышенія, вслѣдствіе открываемаго мною въ ней ума и другихъ моральныхъ достоинствъ, я производилъ, хотя и съ удовольствіемъ,

съ нѣкоторою строгою умѣренностью и никогда не доходилъ до восторга, крайней точки этого возвышенія. Такъ, когда Софья Ивановна, не устававшая говорить про свою племянницу, разсказала мнѣ, какъ Варенька въ деревнѣ, будучи ребенкомъ, четыре года тому назадъ отдала безъ позволенія всѣ свои платья и башмаки крестьянскимъ дѣтямъ, такъ что ихъ надо было отобрать послѣ, я еще не сразу принялъ этотъ фактъ, какъ достойный къ возвышенію ея въ моемъ мнѣніи, а еще подтрунивалъ мысленно надъ нею за такой непрактическій взглядъ на вещи.

Когда у Нехлюдовыхъ бывали гости и между прочими иногда Володя и Дубковъ, я самодовольно и съ нѣкоторымъ спокойнымъ сознаніемъ силы домашняго человѣка удалялся на послѣдній планъ, не разговаривалъ и только слушалъ, что говорили другіе. И все, что говорили другіе, мнѣ казалось до того неимовѣрно глупо, что я внутренно удивлялся, какъ такая умная, логическая женщина, какъ княгиня, и все ея логическое семейство могло слушать эти глупости и отвѣчать на нихъ. Ежели бы мнѣ тогда пришло въ голову сравнить съ тѣмъ, что говорили другіе, то, что я говорилъ самъ, когда бывалъ одинъ, я бы вѣрно нисколько не удивлялся. Еще бы меньше я удивлялся, ежели бы я повѣрилъ, что наши домашнія — Авдотья Васильевна, Любочка и Катенька — были такія же женщины, какъ и всѣ, нисколько не ниже другихъ, и вспомнилъ бы, чтó по цѣлымъ вечерамъ говорили, весело улыбаясь, Дубковъ, Катенька и Авдотья Васильевна; какъ почти всякій разъ Дубковъ, придравшись къ чему-нибудь, читалъ съ чувствомъ стихи: «Au banquet

de la vie, infortuné convive...» или отрывки «Демона», и вообще съ какимъ удовольствіемъ и какой вздоръ они говорили въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ сряду.

Разумѣется, что, когда бывали гости, Варенька меньше обращала на меня вниманія, чѣмъ когда мы были одни, и тогда уже не было ни чтенія, ни музыки, которую я очень любилъ слушать. Разговаривая съ гостями, она теряла для меня главную свою прелесть — спокойной разсудительности и простоты. Помню, какъ ея разговоры о театрѣ и погодѣ съ братомъ моимъ Володей странно поразили меня. Я зналъ, что Володя больше всего на свѣтѣ избѣгалъ и презиралъ банальности, Варенька тоже всегда смѣялась надъ притворно-занимательными разговорами о погодѣ и т. п., — почему же, сойдясь вмѣстѣ, они оба постоянно говорили самыя несносныя пошлости, и какъ будто стыдясь другъ за друга? Всякій разъ послѣ такихъ разговоровъ я втихомолку злился на Вареньку, на другой день посмѣивался надъ бывшими гостями, но находилъ еще больше удовольствія быть одному въ семейномъ кружкѣ Нехлюдовыхъ.

Какъ бы то ни было, я начиналъ находить больше удовольствія быть съ Дмитріемъ въ гостиной его матери, чѣмъ съ нимъ однимъ съ глазу на глазъ.

XLI.

ДРУЖБА СЪ НЕХЛЮДОВЫМЪ.

Именно въ эту пору дружба моя съ Дмитріемъ держалась только на волоскѣ. Я уже слишкомъ давно началъ обсуждать его, для того, чтобы не найти въ немъ недостатковъ; а въ первой моло-

дости мы любимъ только страстно и поэтому только людей совершенныхъ. Но какъ скоро начинаетъ мало-по-малу уменьшаться туманъ страсти или сквозь него невольно начинаютъ пробивать ясные лучи разсудка, и мы видимъ предметъ нашей страсти въ его настоящемъ видѣ съ достоинствами и недостатками, одни недостатки, какъ неожиданность, ярко, преувеличенно бросаются намъ въ глаза, чувство влеченія къ новизнѣ и надежды на то, что не невозможно совершенство въ другомъ человѣкѣ, поощряютъ насъ не только къ охлажденію, но къ отвращенію къ прежнему предмету страсти, и мы, не жалѣя, бросаемъ его и бѣжимъ впередъ искать новаго совершенства. Ежели со мной не случилось того же въ отношеніи Дмитрія, то я обязанъ только его упорной, педантической, болѣе разсудочной, чѣмъ сердечной привязанности, которой бы мнѣ слишкомъ совѣстно было измѣнить. Сверхъ того, насъ связывало наше странное правило откровенности. Разойдясь, мы слишкомъ боялись оставить во власти одинъ другого всѣ повѣренныя, постыдныя для себя, моральныя тайны. Впрочемъ, наше правило откровенности уже давно — очевидно для насъ — не соблюдалось и часто стѣсняло насъ и производило странныя между нами отношенія.

У Дмитрія въ эту зиму я почти всякій разъ, какъ пріѣзжалъ, заставалъ его товарища по университету, студента Безобѣдова, съ которымъ онъ занимался. Безобѣдовъ былъ маленькій, рябой, худой человѣчекъ, съ крошечными, покрытыми веснушками ручками и огромными нечесанными рыжими волосами, всегда оборванный, грязный,

необразованный и даже плохо занимавшійся. Отношенія Дмитрія съ нимъ, такъ же какъ и съ Любовь Сергѣевной, были мнѣ непонятны. Единственная причина, по которой онъ могъ выбрать его изъ всѣхъ товарищей и сойтись съ нимъ, могла быть только та, что хуже Безобѣдова на видъ не было студента во всемъ университетѣ. Но, должно-быть, именно поэтому Дмитрію пріятно было наперекоръ всѣмъ оказывать ему дружбу. Во всѣхъ его отношеніяхъ съ этимъ студентомъ выражалось это гордое чувство: «вотъ, молъ, мнѣ все равно, кто бы вы ни были, мнѣ всѣ равны, я его люблю, значитъ и онъ хорошъ».

Я удивлялся, какъ ему не тяжело было постоянно принуждать себя и какъ несчастный Безобѣдовъ выдерживалъ свое неловкое положеніе. Мнѣ очень не нравилась эта дружба.

Разъ я пріѣхалъ вечеромъ къ Дмитрію съ тѣмъ, чтобы съ нимъ вмѣстѣ провести вечеръ въ гостиной его матери, разговаривать и слушать пѣніе или чтеніе Вареньки. Но Безобѣдовъ сидѣлъ наверху; Дмитрій рѣзкимъ тономъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ не можетъ итти внизъ, потому что, какъ я вижу, у него гости.

— И что тамъ веселаго? — прибавилъ онъ. — Гораздо лучше здѣсь посидимъ, поболтаемъ. — Хотя меня вовсе не прельщала мысль просидѣть часа два съ Безобѣдовымъ, я не рѣшался одинъ пойти въ гостиную и съ досадой въ душѣ на странности моего друга усѣлся на качающемся креслѣ и молча сталъ качаться. Мнѣ очень досадно было на Дмитрія и на Безобѣдова за то, что они лишили меня удовольствія быть внизу; я ждалъ, скоро ли уйдетъ Безобѣдовъ, и злился

на него и на Дмитрія, молча слушая ихъ разговоръ. «Очень пріятный гость! Сиди съ нимъ!» думалъ я, когда лакей принесъ чай и Дмитрій долженъ былъ разъ пять просить Безобѣдова взять стаканъ, потому что робкій гость при первомъ и второмъ стаканѣ считалъ своею обязанностью отказываться и говорить: «кушайте сами». Дмитрій, видимо, принуждая себя, занималъ гостя разговоромъ, въ который тщетно нѣсколько разъ хотѣлъ втянуть меня. Я мрачно молчалъ.

«Нечего дѣлать такое лицо, что никто не смѣй подозрѣвать, что я скучаю», мысленно обращался я къ Дмитрію, молча, равномѣрно раскачиваясь на креслѣ. Я все больше и больше, съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, разжигалъ въ себѣ чувство тихой ненависти къ своему другу. «Вотъ дуракъ, — думалъ я про него, — могъ бы провести пріятно вечеръ съ милыми родными, нѣтъ, сидитъ съ этимъ скотомъ, а теперь время проходитъ, будетъ уже поздно итти въ гостиную», и я взглядывалъ изъ-за края кресла на своего друга. И рука его, и поза, и шея, и въ особенности затылокъ и колѣнки казались мнѣ до того противны и оскорбительны, что я бы съ наслажденіемъ въ эту минуту сдѣлалъ ему какую-нибудь, даже большую непріятность.

Наконецъ, Безобѣдовъ всталъ, но Дмитрій не могъ сразу отпустить такого пріятнаго гостя; онъ ему предложилъ ночевать, на что, къ счастью, Безобѣдовъ не согласился и вышелъ.

Проводивъ его, Дмитрій вернулся и, слегка самодовольно улыбаясь и потирая руки, — должно-быть, и тому, что онъ-таки выдержалъ характеръ, и тому, что избавился, наконецъ, отъ скуки, —

сталъ ходить по комнатѣ, изрѣдка взглядывая на меня. Онъ былъ мнѣ еще противнѣе. «Какъ онъ смѣетъ ходить и улыбаться?» думалъ я.

— Зачѣмъ ты злишься? — сказалъ онъ вдругъ, останавливаясь противъ меня.

— Я совсѣмъ не злюсь, — отвѣчалъ я, какъ всегда отвѣчаютъ въ подобныхъ случаяхъ, — а только мнѣ досадно, что ты притворяешься и передо мной, и передъ Безобѣдовымъ, и передъ самимъ собой.

— Какой вздоръ! Я никогда ни передъ кѣмъ не притворяюсь.

— Я не забываю нашего правила откровенности, — я тебѣ говорю прямо: какъ я увѣренъ, — сказалъ я, — тебѣ несносенъ этотъ Безобѣдовъ такъ же, какъ и мнѣ, потому что онъ глупъ и Богъ знаетъ что такое, но тебѣ пріятно важничать передъ нимъ.

— Нѣтъ! И во-первыхъ, Безобѣдовъ прекрасный человѣкъ...

— А я говорю: да; я скажу тебѣ даже, что и твоя дружба къ Любовь Сергѣевнѣ основана тоже на томъ, что она считаетъ тебя богомъ.

— Да я тебѣ говорю, что нѣтъ.

— А я говорю, что да, потому что я знаю это по себѣ, — отвѣчалъ я съ жаромъ сдержанной досады и своею откровенностью желая обезоружить его. — Я тебѣ говорилъ и повторяю, что мнѣ всегда кажется, что я люблю тѣхъ людей, которые мнѣ говорятъ пріятное, а какъ разберу хорошенько, то вижу, что настоящей привязанности нѣтъ.

— Нѣтъ, — продолжалъ Дмитрій, сердитымъ движеніемъ шеи поправляя галстукъ, — когда я

люблю, то ни похвалы, ни брань не могутъ измѣнить моего чувства.

— Неправда, вѣдь я тебѣ признавался, что, когда папа меня назвалъ дрянью, я нѣсколько времени ненавидѣлъ его и желалъ его смерти; такъ же и ты...

— Говори за себя. Очень жалко, коли ты такой...

— Напротивъ, — вскричалъ я, вскакивая съ креселъ и съ отчаянною храбростью глядя ему въ глаза, — это не хорошо, что́ ты говоришь; развѣ ты мнѣ не говорилъ про брата, — я тебѣ про это не поминаю, потому что это бы было нечестно, — развѣ ты мнѣ не говорилъ... а я тебѣ скажу, какъ я тебя теперь понимаю...

И я, стараясь уколоть его еще больнѣе, чѣмъ онъ меня, сталъ доказывать ему, что онъ никого не любитъ, и высказывать ему все то, въ чемъ, мнѣ казалось, я имѣлъ право упрекнуть его. Я былъ очень доволенъ тѣмъ, что высказалъ ему все, совершенно забывая то, что единственно возможная цѣль этого высказыванія, состоящая въ томъ, чтобы онъ признался въ недостаткахъ, которые я обличалъ въ немъ, не могла быть достигнута въ настоящую минуту, когда онъ былъ разгоряченъ. Въ спокойномъ же состояніи, когда онъ могъ сознаться, я никогда не говорилъ ему этого.

Споръ уже переходилъ въ ссору, когда вдругъ Дмитрій замолчалъ и ушелъ отъ меня въ другую комнату. Я пошелъ было за нимъ, продолжая говорить, но онъ не отвѣчалъ мнѣ. Я зналъ, что въ графѣ его пороковъ была вспыль-

чивость и онъ теперь преодолѣвалъ себя. Я проклиналъ всѣ его расписанія.

Такъ вотъ къ чему повело насъ наше правило: *говорить другъ другу все, что мы чувствовали, и никогда третьему ничего не говорить другъ о другѣ.* Мы доходили иногда въ увлеченіи откровенностью до самыхъ безстыдныхъ признаній, выдавая, къ своему стыду, предположеніе, мечту за желаніе и чувство, какъ, напримѣръ, то, что я сейчасъ сказалъ ему; и эти признанія не только не стягивали больше связь, соединявшую насъ, но сушили самое чувство и разъединяли насъ; а теперь вдругъ самолюбіе не допустило его сдѣлать самое пустое признаніе, и мы въ жару спора воспользовались тѣми орудіями, которыя прежде сами дали другъ другу и которыя поражали ужасно больно.

XLII.
МАЧЕХА.

Несмотря на то, что папа хотѣлъ пріѣхать съ женой въ Москву только послѣ новаго года, онъ пріѣхалъ въ октябрѣ, осенью, въ то время, когда была еще отличная ѣзда съ собаками. Папа говорилъ, что онъ измѣнилъ свое намѣреніе, потому что дѣло его въ сенатѣ должно было слушаться; но Мими разсказывала, что Авдотья Васильевна въ деревнѣ такъ скучала, такъ часто говорила про Москву и такъ притворялась нездоровою, что папа рѣшился исполнить ея желаніе.

— Потому что она никогда не любила его, а только всѣмъ уши прожужжала своею любовью, желая выйти замужъ за богатаго человѣка,—прибавляла Мими, задумчиво вздыхая, какъ бы го-

воря: «не то бы сдѣлали для него *нѣкоторые люди*, если бы онъ сумѣлъ оцѣнить ихъ».

Нѣкоторые люди были несправедливы къ Авдотьѣ Васильевнѣ; ея любовь къ папа, страстная, преданная, любовь самоотверженія была видна въ каждомъ словѣ, взглядѣ и движеніи. Но такая любовь не мѣшала ей нисколько, вмѣстѣ съ желаніемъ не разставаться съ обожаемымъ мужемъ, желать необыкновеннаго чепчика отъ мадамъ Аннетъ, шляпы съ необыкновеннымъ голубымъ страусовымъ перомъ и синяго венеціанскаго бархата платья, которое бы искусно обнажало стройную бѣлую грудь и руки, до сихъ поръ еще никому не показанныя, кромѣ мужа и горничныхъ. Катенька, разумѣется, была на сторонѣ матери, между же нами и мачехой установились сразу, со дня ея пріѣзда, какія-то странныя, шуточныя отношенія. Какъ только она вышла изъ кареты, Володя, сдѣлавъ серьезное лицо и мутные глаза, расшаркиваясь и раскачиваясь, подошелъ къ ея рукѣ и сказалъ, какъ будто представляя кого-то:

— Имѣю честь поздравить съ пріѣздомъ милую мамашу и цѣловать ея ручку.

— А, милый сынокъ!—сказала Авдотья Васильевна, улыбаясь своею красивою однообразною улыбкой.

— И второго сынка не забудьте,—сказалъ я, подходя тоже къ ея рукѣ и стараясь невольно перенять выраженіе лица и голоса Володи.

Ежели бы мы и мачеха были увѣрены во взаимной привязанности, это выраженіе могло бы означать пренебреженіе къ изъявленію признаковъ любви; ежели бы мы уже были дурно расположены другъ къ другу, оно могло бы означать

иронію или презрѣніе къ притворству, или желаніе скрыть отъ присутствующаго отца наши настоящія отношенія и еще много другихъ чувствъ и мыслей; но въ настоящемъ случаѣ выраженіе это, которое очень пришлось къ духу Авдотьи Васильевны, ровно ничего не значило и только скрывало отсутствіе всякихъ отношеній. Я впослѣдствіи часто замѣчалъ и въ другихъ семействахъ, когда члены ихъ предчувствуютъ, что настоящія отношенія будутъ не совсѣмъ хороши, такого рода шуточныя, подставныя отношенія; и эти-то отношенія невольно установились между нами и Авдотьей Васильевной. Мы почти никогда не выходили изъ нихъ, мы всегда были притворно учтивы съ ней, говорили по-французски, расшаркивались и называли ее *chère maman*, на что она всегда отвѣчала шуточками въ томъ же родѣ и красивою однообразною улыбкой. Одна плаксивая Любочка, съ ея гусиными ногами и нехитрыми разговорами, полюбила мачеху и весьма наивно и иногда неловко старалась сблизить ее со всѣмъ нашимъ семействомъ; зато и единственное лицо на всемъ мірѣ, къ которому, кромѣ ея страстной любви къ папа, Авдотья Васильевна имѣла хоть каплю привязанности, была Любочка. Авдотья Васильевна оказывала ей даже какое-то восторженное удивленіе и робкое уваженіе, очень удивлявшее меня.

Авдотья Васильевна въ первое время часто любила, называя себя мачехой, намекать на то, какъ всегда дѣти и домашніе дурно и несправедливо смотрятъ на мачеху и вслѣдствіе этого какъ тяжело бываетъ ея положеніе. Но, предвидя всю непріятность этого положенія, она ничего не сдѣлала, чтобы избѣжать его: приласкать того, по-

дарить этого, не быть ворчливою, что бы ей было очень легко, потому что она была отъ природы невзыскательна и очень добра. И не только она не сдѣлала этого, но, напротивъ, предвидя всю непріятность своего положенія, она безъ нападенія приготовилась къ защитѣ и, предполагая, что всѣ домашніе хотятъ всѣми средствами дѣлать ей непріятности и оскорбленія, она во всемъ видѣла умыселъ и полагала самымъ достойнымъ для себя терпѣть молча и, разумѣется, своимъ бездѣйствіемъ не снискивая любви, снискивала нерасположеніе. Притомъ въ ней было такое отсутствіе той въ высшей степени развитой въ нашемъ домѣ способности пониманія, о которой я уже говорилъ, и привычки ея были такъ противоположны тѣмъ, которыя укоренились въ нашемъ домѣ, что уже это одно дурно располагало въ ея пользу. Въ нашемъ аккуратномъ, опрятномъ домѣ она вѣчно жила, какъ будто только сейчасъ пріѣхала, вставала и ложилась то поздно, то рано, то выходила, то не выходила къ обѣду, то ужинала, то не ужинала. Ходила почти всегда, когда не было гостей, полуодѣтая и не стыдилась намъ и даже слугамъ показываться въ бѣлой юбкѣ и накинутой шали, съ голыми руками. Сначала эта простота понравилась мнѣ, но потомъ очень скоро, именно вслѣдствіе этой простоты, я потерялъ послѣднее уваженіе, которое имѣлъ къ ней. Еще страннѣе было для насъ то, что въ ней были—при гостяхъ и безъ гостей—двѣ совершенно различныя женщины: одна, при гостяхъ, молодая, здоровая и холодная красавица, пышно одѣтая, не глупая, не умная, но веселая; другая, безъ гостей, была уже немолодая, изнуренная, тоскующая женщина,

неряшливая и скучающая, хотя и любящая. Часто, глядя на нее, когда она улыбающаяся, румяная отъ зимняго холода, счастливая сознанiемъ своей красоты, возвращалась съ визитовъ и, снявъ шляпу, подходила осмотрѣться въ зеркало или, шумя пышнымъ бальнымъ открытымъ платьемъ, стыдясь и вмѣстѣ гордясь передъ слугами, проходила въ карету, или дома, когда у насъ бывали маленькiе вечера, въ закрытомъ шелковомъ платьѣ и какихъ-то тонкихъ кружевахъ около нѣжной шеи сiяла на стороны однообразною, но красивою улыбкой,—я думалъ, глядя на нее, что́ бы сказали тѣ, которые восхищались ею, ежели бы видѣли ее такою, какъ я видѣлъ ее, когда она, по вечерамъ оставаясь дома, послѣ двѣнадцати часовъ, дожидаясь мужа изъ клуба, въ какомъ-нибудь капотѣ, съ нечесаными волосами, какъ тѣнь ходила по слабо освѣщеннымъ комнатамъ. То она подходила къ фортепiано и играла на нихъ, морщась отъ напряженiя, единственный вальсъ, который знала, то брала книгу романа и, прочтя нѣсколько строкъ изъ средины, бросала его, то, чтобы не будить людей, сама подходила къ буфету, доставала оттуда огурецъ и холодную телятину и съѣдала ее, стоя у окошка буфета, то снова, усталая, тоскующая, безъ цѣли шлялась изъ комнаты въ комнату. Но болѣе всего разъединяло насъ съ нею отсутствiе пониманiя, выражавшееся преимущественно въ свойственной ей манерѣ снисходительнаго вниманiя, когда съ ней говорили о вещахъ, для нея непонятныхъ. Она была не виновата въ томъ, что сдѣлала безсознательную привычку слегка улыбаться однѣми губами и наклонять голову, когда ей разсказывали вещи, для нея мало зани-

мательныя (а кромѣ ея самой и ея мужа, ничто ее не занимало); но эта улыбка и наклоненіе головы, часто повторенныя, были невыносимо отталкивающія. Ея веселость, какъ будто подсмѣивающаяся надъ собой, надъ вами и надъ всѣмъ свѣтомъ, была тоже неловкая, никому не сообщавшаяся, ея чувствительность слишкомъ приторная. А главное—она не стыдилась безпрестанно говорить всякому о своей любви къ папа. Хотя она нисколько не лгала, говоря про то, что вся жизнь ея заключается въ любви къ мужу, и хотя она доказывала это всею своею жизнью, но, по нашему пониманію, такое беззастѣнчивое, безпрестанное твержение про свою любовь было отвратительно, и мы стыдились за нее, когда она говорила это при постороннихъ, еще болѣе, чѣмъ когда она дѣлала ошибки во французскомъ языкѣ.

Она любила своего мужа болѣе всего на свѣтѣ, и мужъ любилъ ее, особенно первое время и когда онъ видѣлъ, что она не ему одному нравилась. Единственная цѣль ея жизни была пріобрѣтеніе любви своего мужа; но она дѣлала, казалось, нарочно все, что только могло быть ему непріятно, и все съ цѣлью доказать ему всю силу своей любви и готовности самопожертвованія.

Она любила наряды, отецъ любилъ видѣть ее въ свѣтѣ красавицей, возбуждавшею похвалы и удивленіе; она жертвовала своею страстью къ нарядамъ для отца, больше и больше привыкала сидѣть дома въ сѣрой блузѣ. Папа, считавшій всегда свободу и равенство необходимымъ условіемъ въ семейныхъ отношеніяхъ, надѣялся, что его любимица Любочка и добрая молодая жена сойдутся искренно и дружески; но Авдотья Ва-

сильевна жертвовала собой и считала необходиммымъ оказывать *настоящей хозяйкѣ дома*, какъ она называла Любочку, неприличное уваженіе, больно оскорблявшее папа. Онъ игралъ много эту зиму, подъ конецъ много проигрывалъ и, какъ всегда, не желая смѣшивать игру съ семейною жизнью, скрывалъ свои игорныя дѣла отъ всѣхъ домашнихъ. Авдотья Васильевна жертвовала собой и, иногда больная, подъ конецъ зимы даже беременная, считала своею обязанностью въ сѣрой блузѣ, съ нечесаной головой, хоть въ четыре или пять часовъ утра, раскачиваясь, итти навстрѣчу папа, когда онъ, иногда усталый, проигравшійся, пристыженный, послѣ восьмого штрафа, возвращался изъ клуба. Она спрашивала его разсѣянно о томъ, былъ ли онъ счастливъ въ игрѣ, и съ снисходительною внимательностью, улыбаясь и покачивая головой, слушала, что онъ говорилъ ей о томъ, что онъ дѣлалъ въ клубѣ, и о томъ, что онъ въ сотый разъ ее проситъ никогда не дожидаться его. Но хотя проигрышъ и выигрышъ, отъ котораго, по его игрѣ, зависѣло все состояніе папа, нисколько не интересовали ее, она снова каждую ночь первая встрѣчала его, когда онъ возвращался изъ клуба. Къ этимъ встрѣчамъ, впрочемъ, кромѣ своей страсти къ самопожертвованію, побуждала ее еще затаенная ревность, отъ которой она страдала въ сильнѣйшей степени. Никто въ мірѣ не могъ бы ее убѣдить, что папа возвращался поздно изъ клуба, а не отъ любовницы. Она старалась прочесть на лицѣ папа его любовныя тайны и, не прочтя ничего, съ нѣкоторымъ наслажденіемъ горя вздыхала и предавалась созерцанію своего несчастья.

Вслѣдствіе этихъ и многихъ другихъ безпрестанныхъ жертвъ въ обращеніи папа съ его женою въ послѣдніе мѣсяцы этой зимы, въ которые онъ много проигрывалъ и оттого былъ большею частью не въ духѣ, стало уже замѣтно перемежающееся чувство *тихой ненависти*, того сдержаннаго отвращенія къ предмету привязанности, которое выражается безсознательнымъ стремленіемъ дѣлать всѣ возможныя мелкія моральныя непріятности этому предмету.

XLIII.

НОВЫЕ ТОВАРИЩИ.

Зима прошла незамѣтно и уже опять начинало таять, и въ университетѣ уже было прибито расписаніе экзаменовъ, когда я вдругъ вспомнилъ, что надо было отвѣчать изъ восемнадцати предметовъ, которые я слушалъ и изъ которыхъ я не слышалъ, не записывалъ и не приготовилъ ни одного. Странно, какъ такой ясный вопросъ: какъ же держать экзаменъ? ни разу мнѣ не представился. Но я былъ всю зиму эту въ такомъ туманѣ, происходившемъ отъ наслажденія тѣмъ, что я большой и что я comme il faut что, когда мнѣ и приходило въ голову: какъ же держать экзаменъ? я сравнивалъ себя съ своими товарищами и думалъ: «они же будутъ держать, а большая часть ихъ еще не comme il faut, стало-быть, у меня еще лишнее передъ ними преимущество и я долженъ выдержать». Я приходилъ на лекціи только потому, что ужъ такъ привыкъ и что папа усылалъ меня изъ дому.. Притомъ же знакомыхъ у меня было много, и мнѣ было часто весело

въ университетѣ. Я любилъ этотъ шумъ, говоръ, хохотню по аудиторіямъ, любилъ во время лекціи, сидя на задней лавкѣ, при равномѣрномъ звукѣ голоса профессора мечтать о чемъ-нибудь и наблюдать товарищей, любилъ иногда съ кѣмъ-нибудь сбѣгать къ Матерну выпить водки и закусить и, зная, что за это могутъ распечь послѣ профессора, робко скрипнувъ дверью, войти въ аудиторію, любилъ участвовать въ продѣлкѣ, когда курсъ на курсъ съ хохотомъ толпился въ коридорѣ. Все это было очень весело.

Когда всѣ уже начали ходить аккуратнѣе на лекціи, профессоръ физики кончилъ свой курсъ и простился до экзаменовъ, студенты стали собирать тетрадки и партіями готовиться, я тоже подумалъ, что надо готовиться. Оперовъ, съ которымъ мы продолжали кланяться, но были въ самыхъ холодныхъ отношеніяхъ, какъ я говорилъ уже, предложилъ мнѣ не только тетрадки, но и пригласилъ готовиться по нимъ вмѣстѣ съ нимъ и другими студентами. Я поблагодарилъ его и согласился, надѣясь этою честью совершенно загладить свою бывшую размолвку съ нимъ, но просилъ только, чтобы непремѣнно всѣ собирались у меня всякій разъ, такъ какъ у меня квартира хорошая.

Мнѣ отвѣчали, что будутъ готовиться по перемѣнкамъ, то у того, то у другого, и тамъ, гдѣ ближе. Въ первый разъ собрались у Зухина. Это была маленькая комнатка за перегородкой въ большомъ домѣ на Трубномъ бульварѣ. Въ первый назначенный день я опоздалъ и пришелъ, когда уже читали. Маленькая комнатка была вся закурена, даже не вакштафомъ, а махоркой, которую ку-

рилъ Зухинъ. На столѣ стояли: штофъ водки, рюмка, хлѣбъ, соль и кость баранины.

Зухинъ, не вставая, пригласилъ меня выпить водки и снять сюртукъ.

— Вы, я думаю, къ такому угощенію не привыкли, — прибавилъ онъ.

Всѣ были въ грязныхъ ситцевыхъ рубашкахъ и нагрудникахъ. Стараясь не выказать своего къ нимъ презрѣнія, я снялъ сюртукъ и легъ по-*товарищески* на диванъ. Зухинъ, изрѣдка справляясь по тетрадкамъ, читалъ, другіе останавливали его, дѣлая вопросы, а онъ объяснялъ сжато, умно и точно. Я сталъ вслушиваться и, не понимая многаго, потому что не зналъ предыдущаго, сдѣлалъ вопросъ.

— Э, батюшка, да вамъ нельзя слушать, коли вы этого не знаете, — сказалъ Зухинъ. — Я вамъ дамъ тетрадки, вы пройдите это къ завтраму, а то что-жъ вамъ объяснять.

Мнѣ стало совѣстно за свое незнаніе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя всю справедливость замѣчанія Зухина, я пересталъ слушать и занялся наблюденіями надъ этими новыми товарищами. По подраздѣленію людей на comme il faut и не comme il faut они принадлежали, очевидно, ко второму разряду и вслѣдствіе этого возбуждали во мнѣ не только чувство презрѣнія, но и нѣкоторой личной ненависти, которую я испытывалъ къ нимъ за то, что, не бывъ comme il faut, они какъ будто считали меня не только равнымъ себѣ, но даже добродушно покровительствовали мнѣ. Это чувство возбуждали во мнѣ ихъ ноги и грязныя руки съ обгрызанными ногтями и одинъ отпущенный на пятомъ пальцѣ длинный ноготь у Оперова,

и розовыя рубашки, и нагрудники, и ругательства, которыя они ласкательно обращали другъ къ другу, и грязная комната, и привычка Зухина безпрестанно немножко сморкаться, прижавъ одну ноздрю пальцемъ, и въ особенности ихъ манера говорить, употреблять и интонировать нѣкоторыя слова. Напримѣръ, они употребляли слова *лупецъ* вмѣсто дуракъ, *словно* вмѣсто точно, *великолѣпно* вмѣсто прекрасно, *движучи* и т. п., что мнѣ казалось книжно и отвратительно непорядочно. Но еще болѣе возбуждали во мнѣ эту комильфотную ненависть интонаціи, которыя они дѣлали на нѣкоторыя русскія и въ особенности иностранныя слова; они говорили ма́шина вмѣсто маши́на, дѣя́тельность вмѣсто дѣятельность, на́рочно вмѣсто наро́чно, въ ка́минѣ вмѣсто въ ками́нѣ, Ше́кспиръ вмѣсто Шекспи́ръ и т. д., и т. д.

Несмотря, однако, на эту, въ то время для меня непреодолимо-отталкивающую внѣшность, я, предчувствуя что-то хорошее въ этихъ людяхъ и завидуя тому веселому товариществу, которое соединяло ихъ, испытывалъ къ нимъ влеченіе и желалъ сблизиться съ ними, какъ это ни было для меня трудно. Кроткаго и честнаго Оперова я уже зналъ; теперь же бойкій, необыкновенно умный Зухинъ, который, видимо, первенствовалъ въ этомъ кружкѣ, чрезвычайно нравился мнѣ. Это былъ маленькій плотный брюнетъ съ нѣсколько оплывшимъ и всегда глянцевитымъ, но чрезвычайно умнымъ, живымъ и независимымъ лицомъ. Это выраженіе особенно придавали ему невысокій, но горбатый надъ глубокими черными глазами лобъ, щетинистые короткіе волосы и частая черная борода, казавшаяся всегда небритою. Онъ, каза-

лось, не думалъ о себѣ (что всегда мнѣ особенно нравилось въ людяхъ), но видно было, что никогда умъ его не оставался безъ работы. У него было одно изъ тѣхъ выразительныхъ лицъ, которыя нѣсколько часовъ послѣ того, какъ вы ихъ увидите въ первый разъ, вдругъ совершенно измѣняются въ вашихъ глазахъ. Это случилось подъ конецъ вечера, въ моихъ глазахъ, съ лицомъ Зухина. Вдругъ на его лицѣ показались новыя морщины, глаза ушли глубже, улыбка стала другая, и все лицо такъ измѣнилось, что я съ трудомъ бы узналъ его.

Когда кончили читать, Зухинъ, другіе студенты и я, чтобы доказать свое желаніе быть товарищемъ, выпить по рюмкѣ водки, и въ штофѣ почти ничего не осталось. Зухинъ спросилъ, у кого есть четвертакъ, чтобъ еще послать за водкой какую-то старую женщину, которая прислуживала ему. Я предложилъ было своихъ денегъ, но Зухинъ, какъ будто не слыхавъ меня, обратился къ Оперову, и Оперовъ, доставъ бисерный кошелекъ, далъ ему требуемую монету.

— Ты, смотри, не запей, — сказалъ Оперовъ, который самъ ничего не пилъ.

— Небось, — отвѣчалъ Зухинъ, высасывая мозгъ изъ бараньей кости (я помню, въ это время я думалъ: отъ этого-то онъ такъ уменъ, что ѣстъ много мозгу). — Небось, — продолжалъ Зухинъ, слегка улыбаясь, а улыбка у него была такая, что вы невольно замѣчали ее и были ему благодарны за эту улыбку: — хоть и запью, такъ не бѣда; уже теперь, братъ, посмотримъ, кто кого собьетъ. онъ ли меня или я его. Ужъ готово, братъ, — добавилъ онъ хвастливо, щелкнувъ себя по лбу.

— Вотъ Семеновъ не провалился бы: онъ что-то сильно закутилъ.

Дѣйствительно, тотъ самый Семеновъ съ сѣдыми волосами, который въ первый экзаменъ меня такъ обрадовалъ тѣмъ, что на видъ былъ хуже меня, и который, выдержавъ вторымъ вступительный экзаменъ, первый мѣсяцъ студенчества аккуратно ходилъ на лекціи, закутилъ еще до репетицій и подъ конецъ курса уже совсѣмъ не показывался въ университетѣ.

— Гдѣ онъ? — спросилъ кто-то.

— Ужъ и я его изъ виду потерялъ, — продолжалъ Зухинъ: — въ послѣдній разъ мы съ нимъ вмѣстѣ «Лиссабонъ» разбили. Великолѣпная штука вышла. Потомъ, говорятъ, какая-то исторія была... Вотъ голова! Что огня въ этомъ человѣкѣ! Что ума! Жаль, коли пропадетъ. А пропадетъ навѣрно: не такой мальчикъ, чтобы съ его порывами онъ усидѣлъ въ университетѣ.

Поговоривъ еще немного, всѣ стали расходиться, условившись и на слѣдующіе дни собираться къ Зухину, потому что его квартира была ближе ко всѣмъ прочимъ. Когда всѣ вышли на дворъ, мнѣ стало нѣсколько совѣстно, что всѣ шли пѣшкомъ, а я одинъ ѣхалъ на дрожкахъ, и я, стыдясь, предложилъ Оперову довезти его. Зухинъ вышелъ вмѣстѣ съ нами и, занявъ у Оперова цѣлковый, пошелъ на всю ночь куда-то въ гости. Дорогой Оперовъ разсказалъ мнѣ многое про характеръ и образъ жизни Зухина, и, пріѣхавъ домой, я долго не спалъ, думая объ этихъ новыхъ, узнанныхъ мною людяхъ. Я долго, не засыпая, колебался, съ одной стороны, между уваженіемъ къ нимъ, къ которому располагали меня

ихъ знанія, простота, честность и поэзія молодости и удальства, съ другой стороны, между отталкивающею меня ихъ непорядочною внѣшностью. Несмотря на все желаніе, мнѣ было въ то время буквально невозможно сойтись съ ними. Наше пониманіе было совершенно различно. Была бездна оттѣнковъ, составлявшихъ для меня всю прелесть и весь смыслъ жизни, совершенно непонятныхъ для нихъ, и наоборотъ. Но главною причиной невозможности сближенія были мое двадцатирублевое сукно на сюртукѣ, дрожки и голландская рубашка. Эта причина была въ особенности важна для меня: мнѣ казалось, что я невольно оскорблю ихъ признаками своего благосостоянія. Я чувствовалъ себя передъ ними виноватымъ и, то смиряясь, то возмущаясь противъ своего незаслуженнаго смиренія и переходя къ самонадѣянности, никакъ не могъ войти съ ними въ равныя, искреннія отношенія. Грубая же, порочная сторона въ характерѣ Зухина до такой степени заглушалась въ то время для меня тою сильною поэзіей удальства, которую я предчувствовалъ въ немъ, что она нисколько не непріятно дѣйствовала на меня.

Недѣли двѣ почти каждый день я ходилъ по вечерамъ заниматься къ Зухину. Занимался я очень мало, потому что, какъ говорилъ уже, отсталъ отъ товарищей и, не имѣя силъ одинъ заняться, чтобы догнать ихъ, только притворялся, что слушаю и понимаю то, что они читаютъ. Мнѣ кажется, что и товарищи догадывались о моемъ притворствѣ, и часто я замѣчалъ, что они пропускали мѣста, которыя сами знали, и никогда не спрашивали меня.

Съ каждымъ днемъ я больше и больше извинялъ непорядочность этого кружка, втягиваясь въ ихъ бытъ и находя въ немъ много поэтическаго. Только одно честное слово, данное мною Дмитрію, не ѣздить никуда кутить съ ними удержало меня отъ желанія раздѣлить ихъ удовольствія.

Разъ я хотѣлъ похвастаться передъ ними своими знаніями въ литературѣ, въ особенности французской, и завелъ разговоръ на эту тему. Къ удивленію моему, оказалось, что хотя они выговаривали иностранныя заглавія по-русски, они читали гораздо больше меня, знали, цѣнили англійскихъ и даже испанскихъ писателей, Лесажа, про которыхъ я даже не слыхивалъ. Пушкинъ и Жуковскій были для нихъ литература (а не такъ, какъ для меня, книжки въ желтомъ переплетѣ, которыя я читалъ и училъ ребенкомъ). Они презирали равно Дюма, Сю и Феваля и судили, въ особенности Зухинъ, гораздо лучше и яснѣе о литературѣ, чѣмъ я, въ чемъ я не могъ не сознаться. Въ знаніи музыки я тоже не имѣлъ передъ ними никакого преимущества. Еще къ большему удивленію моему, Оперовъ игралъ на скрипкѣ, другой изъ занимавшихся съ нами студентовъ игралъ на віолончели и фортепіано, и оба играли въ университетскомъ оркестрѣ, порядочно знали музыку и цѣнили хорошую. Однимъ словомъ, все, чѣмъ я хотѣлъ похвастаться передъ ними, исключая выговора французскаго и нѣмецкаго языковъ, они знали лучше меня и нисколько не гордились этимъ. Могъ бы я похвастаться въ моемъ положеніи свѣтскостью, но ея я не имѣлъ, какъ Володя. Такъ что же такое

было та высота, съ которой я смотрѣлъ на нихъ? Мое знакомство съ княземъ Иваномъ Ивановичемъ? Выговоръ французскаго языка? дрожки? голландская рубашка? ногти? Да ужъ не вздоръ ли все это? — начинало мнѣ глухо приходить иногда въ голову подъ вліяніемъ чувства зависти къ товариществу и добродушному, молодому веселью, которое я видѣлъ передъ собой. Они всѣ были на «ты». Простота ихъ обращеній доходила до грубости, но и подъ этою грубою внѣшностью былъ постоянно виденъ страхъ хоть чуть-чуть оскорбить другъ друга. *Подлецъ*, *свинья*, употребляемые ими въ ласкательномъ смыслѣ, только коробили меня и подавали мнѣ поводъ къ внутреннему подсмѣиванію, но эти слова не оскорбляли ихъ и не мѣшали имъ быть между собой на самой искренней, дружеской ногѣ. Въ обращеніи между собой они были такъ осторожны и деликатны, какъ только бываютъ очень бѣдные и очень молодые люди. Главное же — что-то широкое, разгульное чуялось мнѣ въ этомъ характерѣ Зухина и его похожденіяхъ въ «Лиссабонѣ». Я предчувствовалъ, что эти кутежи должны были быть что-то совсѣмъ другое, чѣмъ то притворство съ жженнымъ ромомъ и шампанскимъ, въ которомъ я участвовалъ у барона З.

XLIV.

ЗУХИНЪ И СЕМЕНОВЪ.

Не знаю, къ какому сословію принадлежалъ Зухинъ, но знаю, что онъ былъ изъ с. гимназіи, безъ всякаго состоянія и, кажется, не дворянинъ. Ему было въ то время лѣтъ восемнадцать, хотя

на видъ казалось гораздо больше. Онъ былъ необычайно уменъ, въ особенности понятливъ: ему легче было сразу обнять цѣлый многосложный предметъ, предвидѣть всѣ его частности и выводы, чѣмъ посредствомъ сознанія обсудить законы, по которымъ производились эти выводы. Онъ зналъ, что онъ былъ уменъ, гордился этимъ и вслѣдствіе этой гордости былъ одинаково со всѣми простъ въ обращеніи и добродушенъ. Должно-быть, онъ много испыталъ въ жизни. Его пылкая, воспріимчивая натура уже успѣла отразить въ себѣ и любовь, и дружбу, и дѣла, и деньги. Хотя въ малой мѣрѣ, хотя въ низшихъ слояхъ общества, но не было вещи, къ которой бы онъ, испытавъ ее, не имѣлъ не то презрѣнія, не то какого-то равнодушія и невниманія, происходящихъ отъ слишкомъ большой легкости, съ которою ему все доставалось. Онъ, казалось, съ такимъ жаромъ брался за все новое только для того, чтобы, достигнувъ цѣли, презирать то, чего онъ достигъ, и способная натура его достигала всегда и цѣли и права на презрѣніе. Въ отношеніи науки было то же самое: занимаясь мало, не записывая, онъ зналъ математику превосходно и не хвастался, говоря, что собьетъ профессора. Ему казалось много вздоровъ въ томъ, что ему читали, но со свойственнымъ его натурѣ *безсознательнымъ практическимъ плутовствомъ* онъ тотчасъ же поддѣлывался подъ то, что было нужно профессору, и всѣ профессора его любили. Онъ былъ *прямъ* въ отношеніяхъ съ начальствомъ, но начальство уважало его. Онъ не только не уважалъ и не любилъ науки, но презиралъ даже тѣхъ, которые серьезно занимались тѣмъ, что ему

такъ легко доставалось. Науки, какъ онъ понималъ ихъ, не занимали десятой доли его способностей; жизнь въ его студенческомъ положенiи не представляла ничего такого, чему бы онъ могъ весь отдаться, а пылкая, дѣятельная, какъ онъ говорилъ, натура требовала жизни и онъ вдался въ кутежъ такого рода, какой возможенъ былъ по его средствамъ, и предался ему съ жаромъ и желанiемъ уходить себя, *чѣмъ больше во мнѣ силы*. Теперь, передъ экзаменами, предсказанiе Оперова сбылось: онъ пропалъ недѣли на двѣ, такъ что мы готовились уже послѣднее время у другого студента. Но въ первый экзаменъ онъ, блѣдный, изнуренный, съ дрожащими руками, явился въ залу и блестящимъ образомъ перешелъ во второй курсъ.

Съ начала курса въ шайкѣ кутилъ, главою которыхъ былъ Зухинъ, было человѣкъ восемь. Въ числѣ ихъ сначала были Иконинъ и Семеновъ, но первый удалился отъ общества, не вынесши того неистоваго разгула, которому они предавались въ началѣ года, второй же удалился потому, что ему и этого казалось мало. Въ первыя времена всѣ въ нашемъ курсѣ съ какимъ-то ужасомъ смотрѣли на нихъ и разсказывали другъ другу ихъ подвиги.

Главными героями этихъ подвиговъ были Зухинъ, а въ концѣ курса — Семеновъ. На Семенова всѣ послѣднее время смотрѣли съ какимъ-то даже ужасомъ, и когда онъ приходилъ на лекцiю, что случалось довольно рѣдко, то въ аудиторiи происходило волненiе.

Семеновъ передъ самыми экзаменами кончилъ свое кутежное поприще самымъ энергическимъ и

оригинальнымъ образомъ, чему я былъ свидѣтелемъ благодаря своему знакомству съ Зухинымъ. Вотъ какъ это было. Разъ вечеромъ, только что мы сошлись къ Зухину и Оперовъ, приникнувъ головой къ тетрадкамъ и поставивъ около себя, кромѣ сальной свѣчи въ подсвѣчникѣ, сальную свѣчу въ бутылкѣ, началъ читать своимъ тоненькимъ голоскомъ свои мелко исписанныя тетрадки физики, какъ въ комнату вошла хозяйка и объявила Зухину, что къ нему пришелъ кто-то съ запиской . . .

XLV.

Я ПРОВАЛИВАЮСЬ.

Наконецъ, настaлъ первый экзаменъ, диференціаловъ и интеграловъ, а я все былъ въ какомъ-то странномъ туманѣ и не отдавалъ себѣ яснаго отчета о томъ, что́ меня ожидало. По вечерамъ на меня, послѣ общества Зухина и другихъ товарищей, находила мысль о томъ, что надо перемѣнить что-то въ своихъ убѣжденіяхъ, что что-то въ нихъ не такъ и не хорошо, но утромъ, съ солнечнымъ свѣтомъ, я снова становился comme il faut, былъ очень доволенъ этимъ и не желалъ въ себѣ никакихъ измѣненій.

Въ такомъ расположеніи духа я пріѣхалъ на первый экзаменъ.

Я сѣлъ на лавку въ той сторонѣ, гдѣ сидѣли князья, графы и бароны, сталъ разговаривать съ ними по-французски, и (какъ ни странно сказать) мнѣ и мысль не приходила о томъ, что сейчасъ надо будетъ отвѣчать изъ предмета, который я вовсе не знаю. Я хладнокровно смотрѣлъ на тѣхъ,

которые подходили экзаменоваться, и даже позволялъ себѣ подтрунивать надъ нѣкоторыми.

— Ну что, Грапъ, — сказалъ я Илинькѣ, когда онъ возвращался отъ стола, — набрались страха?

— Посмотримъ, какъ вы, — сказалъ Илинька, который съ тѣхъ поръ, какъ поступилъ въ университетъ, совершенно взбунтовался противъ моего вліянія, не улыбался, когда я говорилъ съ нимъ, и былъ дурно расположенъ ко мнѣ.

Я презрительно улыбнулся на отвѣтъ Илиньки, несмотря на то, что сомнѣніе, которое онъ выразилъ, на минуту заставило меня испугаться. Но туманъ снова застлалъ это чувство, и я продолжалъ быть разсѣянъ и равнодушенъ, такъ что даже тотчасъ послѣ того, какъ меня проэкзаменуютъ (какъ будто для меня это было самое пустячное дѣло), я обѣщался пойти вмѣстѣ съ барономъ З. закусить къ Матерну. Когда меня вызвали вмѣстѣ съ Иконинымъ, я оправилъ фалды мундира и весьма хладнокровно подошелъ къ экзаменному столу.

Легкій морозъ испуга пробѣжалъ у меня по спинѣ только тогда, когда молодой профессоръ, тотъ самый, который экзаменовалъ меня на вступительномъ экзаменѣ, посмотрѣлъ мнѣ прямо въ лицо и я дотронулся до почтовой бумаги, на которой были написаны билеты. Иконинъ, хотя взялъ билетъ съ тѣмъ же раскачиваньемъ всѣмъ тѣломъ, съ какимъ онъ это дѣлалъ на предыдущихъ экзаменахъ, отвѣчалъ кое-что, хотя и очень плохо, я же сдѣлалъ то, что онъ дѣлалъ на первыхъ экзаменахъ, я сдѣлалъ хуже, потому что взялъ другой билетъ и на другой ничего не отвѣтилъ. Профессоръ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ

мнѣ въ лицо и тихимъ, но твердымъ голосомъ сказалъ:

— Вы не перейдете на второй курсъ, г. Иртеньевъ. Лучше не ходите экзаменоваться. Надо очистить факультетъ. И вы тоже, г. Иконинъ, — добавилъ онъ.

Иконинъ просилъ позволенія переэкзаменоваться какъ будто милостыни, но профессоръ отвѣчалъ ему, что онъ въ два дня не успѣетъ сдѣлать того, чего не сдѣлалъ въ продолженіе года, и что онъ никакъ не перейдетъ. Иконинъ снова жалобно, униженно умолялъ, но профессоръ снова отказалъ.

— Можете итти, господа, — сказалъ онъ тѣмъ же негромкимъ, но твердымъ голосомъ.

Только тогда я рѣшился отойти отъ стола и мнѣ стало стыдно за то, что я своимъ молчаливымъ присутствіемъ какъ будто принималъ участіе въ униженныхъ мольбахъ Иконина. Не помню, какъ я прошелъ залу мимо студентовъ, что отвѣчалъ на ихъ вопросы, какъ вышелъ въ сѣни и какъ добрался до дому! Я былъ оскорбленъ, униженъ, я былъ истинно несчастливъ.

Три дня я не выходилъ изъ комнаты, никого не видѣлъ, находилъ, какъ въ дѣтствѣ, наслажденіе въ слезахъ и плакалъ много. Я искалъ пистолетовъ, которыми бы могъ застрѣлиться, ежели бы мнѣ этого ужъ очень захотѣлось. Я думалъ, что Илинька Грапъ плюнетъ мнѣ въ лицо, когда меня встрѣтитъ, и, сдѣлавъ это, поступитъ справедливо; что Оперовъ радуется моему несчастію и всѣмъ про него разсказываетъ; что Колпиковъ былъ совершенно правъ, осрамивъ меня у Яра; что мои глупыя рѣчи съ княжной Корнаковой не

могли имѣть другихъ послѣдствій, и т. д., и т. д. Всѣ тяжелыя, мучительныя для самолюбія минуты въ жизни, одна за другой приходили мнѣ въ голову; я старался обвинить кого-нибудь въ своемъ несчастіи: думалъ, что кто-нибудь все это сдѣлалъ нарочно, придумывалъ противъ себя цѣлую интригу, роапталъ на профессоровъ, на товарищей, на Володю, на Дмитрія, на папа за то, что онъ меня отдалъ въ университетъ; роапталъ на Провидѣніе за то, что Оно допустило меня дожить до такого позора. Наконецъ, чувствуя свою окончательную погибель въ глазахъ всѣхъ тѣхъ, кто меня зналъ, я просился у папа идти въ гусары или на Кавказъ. Папа былъ недоволенъ мною, но, видя мое страшное огорченіе, утѣшалъ меня, говоря, что, какъ это ни скверно, еще все дѣло можно поправить, ежели я перейду на другой факультетъ. Володя, который тоже не видѣлъ въ моей бѣдѣ ничего ужаснаго, говорилъ, что на другомъ факультетѣ мнѣ, по крайней мѣрѣ, не будетъ совѣстно передъ новыми товарищами.

Наши дамы вовсе не понимали и не хотѣли или не могли понять, что́ такое экзаменъ, что́ такое не перейти, а жалѣли обо мнѣ только потому, что видѣли мое горе.

Дмитрій ѣздилъ ко мнѣ каждый день и былъ все время чрезвычайно нѣженъ и кротокъ; но мнѣ именно поэтому казалось, что онъ охладѣлъ ко мнѣ. Мнѣ казалось всегда больно и оскорбительно, когда онъ, проходя ко мнѣ наверхъ, молча близко подсаживался ко мнѣ, немножко съ тѣмъ выраженіемъ, съ которымъ докторъ садится на постель тяжелаго больного. Софья Ивановна и Варенька прислали мнѣ черезъ него книги, кото-

рыя я прежде желалъ имѣть, и желали, чтобъ я пришелъ къ нимъ; но именно въ этомъ вниманіи я видѣлъ гордое, оскорбительное для меня снисхожденіе къ человѣку, упавшему уже слишкомъ низко. Дня черезъ три я немного успокоился, но до самаго отъѣзда въ деревню я никуда не выходилъ изъ дому и, все думая о своемъ горѣ, праздно шлялся изъ комнаты въ комнату, стараясь избѣгать всѣхъ домашнихъ.

Я думалъ, думалъ и, наконецъ, разъ поздно вечеромъ, сидя одинъ внизу и слушая вальсъ Авдотьи Васильевны, вдругъ вскочилъ, взбѣжалъ наверхъ, досталъ тетрадь, на которой написано было: «правила жизни», открылъ ее, и на меня нашла минута раскаянія и моральнаго порыва. Я заплакалъ, но уже не слезами отчаянія. Оправившись, я рѣшился снова писать правила жизни и твердо былъ убѣжденъ, что я уже никогда не буду дѣлать ничего дурного, ни одной минуты не проведу праздно и никогда не измѣню своимъ правиламъ.

Долго ли продолжался этотъ моральный порывъ, въ чемъ онъ заключался и какія новыя начала положилъ онъ моему моральному развитію, я разскажу въ слѣдующей, болѣе счастливой половинѣ юности.

ПЕРВЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

(Изъ автобіографическихъ замѣтокъ).

(1878 г.).

Родился я и провелъ первое дѣтство въ деревнѣ Ясной Полянѣ.

Вотъ первыя мои воспоминанія (которыя я не умѣю поставить по порядку, не зная, что было прежде, что послѣ; о нѣкоторыхъ даже не знаю, было ли то во снѣ или наяву). Вотъ они: я связанъ; мнѣ хочется выпростать руки, и я не могу этого сдѣлать, и я кричу и плачу, и мнѣ самому непріятенъ мой крикъ; но я не могу остановиться. Надо мной стоитъ, нагнувшись, кто-то, я не помню кто. И все это въ полутьмѣ. Но я помню, что двое. Крикъ мой дѣйствуетъ на нихъ; они тревожатся отъ моего крика, но не развязываютъ меня, чего я хочу, и я кричу еще громче. Имъ кажется, что это нужно (т.-е. чтобы я былъ связанъ), тогда какъ я знаю, что это не нужно, и хочу доказать имъ это, и я заливаюсь крикомъ, противнымъ для самого себя, но неудержимымъ. Я чувствую несправедливость и жестокость не людей, потому что они жалѣютъ меня, но судьбы, и жалость надъ самимъ собой. Я не знаю и никогда не узнаю, что это такое было: пеленали ли меня, когда я былъ грудной, и я выдиралъ руку, или это пеленали меня, уже когда мнѣ было больше года, чтобы я не расчесывалъ лишаи; собралъ ли я въ одно это воспоминаніе, какъ то бываетъ во снѣ, много впе-

чатлѣній, но вѣрно то, что это было первое и самое сильное мое впечатлѣніе жизни. И памятны мнѣ не крикъ мой, не страданіе, но сложность, противорѣчивость впечатлѣнія. Мнѣ хочется свободы, она никому не мѣшаетъ, и я, кому сила нужна, я слабъ, а они сильны.

Другое впечатлѣніе — радостное. Я сижу въ корытѣ, и меня окружаетъ новый не непріятный запахъ какого-то вещества, которымъ трутъ мое маленькое тѣльце. Вѣроятно, это были отруби, и, вѣроятно, въ водѣ и въ корытѣ, но новизна впечатлѣній отрубей разбудила меня, и я въ первый разъ замѣтилъ и полюбилъ свое тѣльце, съ видными мнѣ ребрами на груди, и гладкое темное корыто, засученныя руки няни, и теплую, парную, стращенную воду, и звукъ ея, и въ особенности ощущеніе гладкости мокрыхъ краевъ корыта, когда я водилъ по нимъ ручонками.

Странно и страшно подумать, что отъ рожденія моего и до трехъ лѣтъ, въ то время, когда я кормился грудью, когда меня отняли отъ груди, когда я сталъ ползать, ходить, говорить, сколько бы я ни искалъ въ своей памяти, я не могу найти ни одного впечатлѣнія, кромѣ этихъ двухъ. Когда же я начался? Когда началъ жить? И почему мнѣ радостно представлять себя тогда, а бывало страшно, какъ и теперь страшно многимъ, представлять себя тогда, когда я опять вступлю въ то состояніе смерти, отъ котораго не будетъ воспоминаній, выразимыхъ словами? Развѣ я не жилъ тогда, когда учился смотрѣть, слушать, понимать, говорить, когда спалъ, сосалъ грудь, и цѣловалъ грудь, и смѣялся, и радовалъ мою мать? Я жилъ и блаженно жилъ! Развѣ не тогда я пріобрѣталъ все то, чѣмъ я теперь живу, и пріобрѣталъ такъ много, такъ быстро, что во всю остальную жизнь я не пріобрѣлъ и одной сотой того? Отъ пятилѣтняго ребенка до меня—только шагъ. Отъ новорожденнаго до пятилѣтняго—страшное разстоя-

ніе. Отъ зародыша до новорожденнаго—пучина. А отъ несуществованія до зародыша отдѣляетъ уже не пучина, а непостижимость. Мало того, что пространство, и время, и причина суть формы мышленія, и что сущность жизни внѣ этихъ формъ, но вся жизнь наша есть большее и большее подчиненіе себя этимъ формамъ и потомъ опять освобожденіе отъ нихъ.

Слѣдующія воспоминанія мои относятся уже къ четыремъ-пяти годамъ, но и тѣхъ очень немного, и ни одно изъ нихъ не относится къ жизни внѣ стѣнъ дома. Природа до пяти лѣтъ не существуетъ для меня. Все, что я помню, все происходитъ въ постелькѣ, горницѣ. Ни травы, ни листьевъ, ни неба, ни солнца не существуетъ для меня. Не можетъ быть, чтобы не давали мнѣ играть цвѣтами, листьями, чтобъ я не видалъ травы, чтобъ не защищали меня отъ солнца, но лѣтъ до пяти, до шести нѣтъ ни одного воспоминанія, изъ того, что мы называемъ природой. Вѣроятно, надо уйти отъ нея, чтобы видѣть ее, а я былъ природа.

Слѣдующее за корытцемъ воспоминаніе есть воспоминаніе «Еремѣевны». «Еремѣевна» было слово, которымъ насъ, дѣтей, пугали, но мое воспоминаніе о ней такое: я—въ постелькѣ, и мнѣ весело и хорошо, какъ и всегда, и я бы не помнилъ этого, но вдругъ няня или кто-то изъ того, что составляетъ мою жизнь, что-то говоритъ новымъ для меня голосомъ и уходитъ, и мнѣ дѣлается, кромѣ того, что весело, еще и страшно. И я вспоминаю, что я не одинъ, а кто-то еще такой же, какъ я. (Это, вѣроятно, моя годомъ младшая сестра Машенька, съ которой наши кровати стояли въ одной комнатѣ). И вспоминаю, что есть положекъ у моей кровати, и мы вмѣстѣ съ сестрою радуемся и пугаемся тому необыкновенному, что случилось съ нами, и я прячусь въ подушкѣ,

и прячусь и выглядываю въ дверь, изъ которой жду чего-то новаго и веселаго. И мы смѣемся, и прячемся, и ждемъ. И вотъ является кто-то въ платьѣ и чепцѣ, все такъ, какъ я никогда не видалъ, но я узнаю, что это та самая, кто всегда со мной (няня или тетка — я не знаю), и эта кто-то говоритъ грубымъ голосомъ, который я знаю, что-то страшное про дурныхъ дѣтей и про Еремѣевну. Я визжу отъ страха и радости и точно ужасаюсь и вмѣстѣ радуюсь, что мнѣ страшно, и хочу, чтобы тотъ, кто меня пугаетъ, не зналъ, что я узналъ ее.

Мы затихаемъ, но потомъ опять нарочно начинаемъ перешептываться, чтобы вызвать опять Еремѣевну.

Подобное воспоминанію Еремѣевны есть у меня другое, вѣроятно позднѣйшее по времени, потому что болѣе ясное, но всегда оставшееся для меня непонятнымъ. Въ воспоминаніи этомъ играетъ главную роль нѣмецъ Ѳедоръ Ивановичъ, нашъ учитель, но я знаю навѣрное, что еще я не нахожусь подъ его надзоромъ, слѣдовательно, это происходитъ до пяти лѣтъ. И это первое мое впечатлѣніе Ѳедора Ивановича. И происходитъ это такъ рано, что я еще никого, — ни братьевъ, ни отца, — никого не помню. Если и есть у меня представленіе о какомъ-нибудь отдѣльномъ лицѣ, то только о сестрѣ, и то только потому, что она одинаково со мною боялась Еремѣевны. Съ этимъ воспоминаніемъ соединяется у меня тоже первое представленіе о томъ, что въ домѣ у насъ есть верхній этажъ. Какъ я забрался туда, — самъ ли зашелъ или кто меня занесъ, — я ничего не помню, но помню то, что насъ много, мы всѣ хороводомъ держимся рука за руку, въ числѣ держащихся есть чужія женщины (почему-то мнѣ памятно, что это прачки), и мы всѣ начинаемъ вертѣться и прыгать, и Ѳедоръ Ивановичъ прыгаетъ, слишкомъ высоко поднимая ноги и слишкомъ шумно и громко, и я въ одно и то же мгновеніе чувствую, что это не хорошо, раз-

вратно и замѣчаю его и, кажется, начинаю плакать, и все кончается.

Вотъ все, что я помню до пятилѣтняго возраста. Ни своихъ нянь, тетокъ, братьевъ, сестеръ, ни отца, ни комнатъ, ни игрушекъ, — я ничего не помню. Воспоминанія болѣе опредѣленныя начинаются у меня съ того времени, какъ меня перевели внизъ къ Ѳедору Ивановичу и къ старшимъ мальчикамъ.

При переводѣ меня внизъ къ Ѳедору Ивановичу и мальчикамъ я испыталъ въ первый разъ и потому сильнѣе, чѣмъ когда-либо послѣ, то чувство, которое называютъ чувствомъ долга, называютъ чувствомъ креста, который призванъ нести каждый человѣкъ. Мнѣ было жалко покидать привычное (привычное отъ вѣчности), грустно было, поэтически грустно разставаться не столько съ людьми, съ сестрой, съ няней, съ теткой, сколько съ кроваткой, съ положкомъ, съ подушкой, и страшна была та новая жизнь, въ которую я вступалъ. Я старался находить веселое въ той новой жизни, которая предстояла мнѣ; я старался вѣрить ласковымъ рѣчамъ, которыми заманивалъ меня къ себѣ Ѳеодоръ Ивановичъ; старался не видѣть того презрѣнія, съ которымъ мальчики принимали меня, меньшого, къ себѣ; старался думать, что стыдно было жить большому мальчику съ дѣвочками, и что ничего хорошаго не было въ этой жизни наверху съ няней; но на душѣ было страшно грустно, и я зналъ, что я безвозвратно терялъ невинность и счастье, и только чувство собственнаго достоинства, сознаніе того, что я исполняю свой долгъ, поддерживало меня. Много разъ потомъ въ жизни мнѣ приходилось переживать такія минуты на распутьяхъ жизни, вступая на новыя дороги. Я испытывалъ тихое горе о безвозвратности утраченнаго. Я все не вѣрилъ, что это будетъ. Хотя мнѣ и говорили про то, что меня переведутъ къ мальчикамъ, но, помню, халатъ съ подтяжкой, пришитой къ

спинѣ, который на меня надѣли, какъ будто отрѣзалъ меня навсегда отъ верха, и я тутъ въ первый разъ замѣтилъ не всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ я жилъ наверху, но главное лицо, съ которымъ я жилъ и которое я не понималъ прежде. Это была тетушка Татьяна Александровна. Помню невысокую, плотную, черноволосую, добрую, нѣжную, жалостливую. Она надѣвала на меня халатъ, обнимая подпоясывала и цѣловала, и я видѣлъ, что она чувствовала то самое, что и я, что жалко, ужасно жалко, но должно. Въ первый разъ я почувствовалъ, что жизнь не игрушка, а трудное дѣло, — не то ли я почувствую, когда буду умирать: я пойму, что смерть или будущая жизнь не игрушка, а трудное дѣло?

ВОСПОМИНАНІЯ ДѢТСТВА.

1903—1906 гг.

ВВЕДЕНІЕ.

Другъ мой, П. Б., взявшійся писать мою біографію для французскаго изданія полнаго сочиненія, просилъ меня сообщить ему нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія.

Мнѣ очень хотѣлось исполнить его желаніе, и я сталъ въ воображеніи составлять свою біографію. Сначала я незамѣтно для себя самымъ естественнымъ образомъ сталъ вспоминать только одно хорошее въ моей жизни, только, какъ тѣни на картинѣ, присоединяя къ этому хорошему мрачныя, дурныя стороны, поступки моей жизни Но вдумываясь болѣе серьезно въ событія моей жизни. я увидалъ, что такая біографія была бы, хотя и не прямая ложь, но ложь. вслѣдствіе невѣрнаго освѣщенія и выставленій хорошаго и умолчанія или сглаживанія всего дурного. Когда же я подумалъ о томъ, чтобы написать всю истинную правду, не скрывая ничего дурного моей жизни, я ужаснулся передъ тѣмъ впечатлѣніемъ. которое должна бы была произвести такая біографія. Въ это время я заболѣлъ. И во время невольной праздности болѣзни мысль моя все время обращалась къ воспоминаніямъ, и эти воспоминанія были ужасны.

Я съ величайшей силой испыталъ то, что говоритъ Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи: «Воспоминаніе»:

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмыя стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,—
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья.
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ: въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ,
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ.
И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

Въ послѣдней строкѣ я только измѣнилъ бы такъ, вмѣсто: строкъ печальныхъ... поставилъ бы: строкъ постыдныхъ не смываю.

Подъ этимъ впечатлѣніемъ я написалъ у себя въ дневникѣ слѣдующее:

6 янв. 1903 г.

Я теперь испытываю муки ада: вспоминаю всю мерзость своей прежней жизни, и воспоминанія эти не оставляютъ меня и отравляютъ жизнь.

Обыкновенно жалѣютъ о томъ, что личность не удерживаетъ воспоминанія послѣ смерти. Какое счастье, что этого нѣтъ. Какое было бы мученье, если бы я въ этой жизни помнилъ все дурное, мучительное для совѣсти, что я совершалъ въ предшествующей жизни. А если помнить хорошее, то надо помнить и все дурное. Какое счастье, что воспоминаніе исчезаетъ со смертью, и остается одно сознаніе,—сознаніе, которое представляетъ какъ бы общій выводъ изъ хорошаго и дурного, какъ бы сложное уравненіе, сведенное къ самому простому его выраженію x—положительной или отрицательной, большой или малой величинѣ. Да, великое счастье — уничтоженіе воспоминанія, съ нимъ нельзя бы жить ра-

достно. Теперь же съ уничтоженіемъ воспоминанія мы вступаемъ въ жизнь съ чистой, бѣлой страницей, на которой можно писать вновь хорошее и дурное.

Правда, что не вся моя жизнь была такъ ужасно дурна, — такимъ былъ только одинъ 20-лѣтній періодъ ея; правда и то, что и въ этотъ періодъ жизнь моя не была сплошнымъ зломъ, какимъ она представлялась мнѣ во время болѣзни, и что и въ этотъ періодъ во мнѣ пробуждались порывы къ добру, хотя и недолго продолжавшіеся и скоро заглушаемые ничѣмъ не сдерживаемыми страстями. Но все-таки эта моя работа мысли—особенно во время болѣзни, ясно показала мнѣ, что моя біографія, какъ пишутъ обыкновенно біографіи, съ умалчиваніемъ о всей гадости и преступности моей жизни, была бы ложь, и что если писать біографію, то надо писать всю настоящую правду. Только такая біографія, какъ ни стыдно мнѣ будетъ писать ее, можетъ имѣть настоящій и плодотворный интересъ для читателей. Вспоминая такъ свою жизнь, т.-е. разсматривая ее съ точки зрѣнія добра и зла, которыя я дѣлалъ, я увидалъ, что вся моя длинная жизнь распадается на четыре періода: тотъ чудный, въ особенности въ сравненіи съ послѣдующимъ, невинный, радостный, поэтическій періодъ дѣтства до 14 лѣтъ, потомъ второй —ужасныя 20 лѣтъ или періодъ грубой распущенности, служенія честолюбію, тщеславію и главное — похоти, потомъ третій 18-лѣтній періодъ отъ женитьбы и до моего духовнаго рожденія, который съ мірской точки зрѣнія можно бы назвать нравственнымъ, т.-е. въ эти 18 лѣтъ я жилъ правильной, честной семейной жизнью, не предаваясь никакимъ осуждаемымъ общественнымъ мнѣніемъ порокамъ, но всѣ интересы котораго ограничивались эгоистическими заботами о семьѣ, объ увеличеніи состоянія, о прі-

обрѣтеніи литературнаго успѣха и всякаго рода удовольствіями.

И, наконецъ, четвертый 20-лѣтній періодъ, въ которомъ я живу теперь и въ которомъ надѣюсь умереть и съ точки зрѣнія котораго я вижу все значеніе прошедшей жизни и котораго я ни въ чемъ не желалъ бы измѣнить, кромѣ какъ въ тѣхъ привычкахъ зла, которыя усвоены мною въ прошедшіе періоды.

Такую исторію жизни всѣхъ этихъ четырехъ періодовъ совсѣмъ правдивую я хотѣлъ бы написать, если Богъ дастъ мнѣ силы и жизни. Я думаю, что такая написанная мною біографія, хотя бы и съ большими недостатками, будетъ полезнѣе для людей, чѣмъ вся та художественная болтовня, которой наполнены мои 12 томовъ сочиненій и которымъ люди нашего времени приписываютъ незаслуженное ими значеніе.

Теперь я и хочу сдѣлать это. Разскажу сначала первый радостный періодъ дѣтства, который особенно сильно манитъ меня; потомъ, какъ мнѣ ни стыдно это будетъ, разскажу, не утаивъ ничего, и ужасные 20 лѣтъ послѣдующаго періода. Потомъ и третій періодъ, который менѣе всѣхъ можетъ быть интересенъ, и наконецъ, послѣдній періодъ моего пробужденія къ истинѣ, давшаго мнѣ высшее благо жизни и радостное спокойствіе въ виду приближающейся смерти.

Для того, чтобы не повторяться въ описаніи дѣтства, я перечелъ мое описаніе подъ этимъ заглавіемъ и пожалѣлъ о томъ, что написалъ это: такъ не хорошо, литературно, не искренно написано. Оно и не могло быть иначе, во-первыхъ, потому, что замыселъ мой былъ описать исторію не свою, а моихъ пріятелей дѣтства и оттого вышло нескладное смѣшеніе событій ихъ и моего дѣтства, а во-вторыхъ, потому, что во время писанія этого я былъ далеко не самостоятеленъ въ формахъ выраженія, а находился подъ вліяніемъ сильно подѣйствовавшихъ на меня тогда двухъ писателей, Stern'a

(его «Sentimental journey») и Töpfer'a («Bibliothèque de mon oncle»).

Въ особенности же не понравились мнѣ теперь послѣднія двѣ части· отрочество и юность, въ которыхъ, кромѣ нескладнаго смѣшенія правды съ выдумкой, есть и неискренность, желаніе выставить какъ хорошее и важное то, что я не считалъ тогда хорошимъ и важнымъ —мое демократическое направленіе. Надѣюсь, что то, что я напишу теперь, будетъ лучше, главное — полезнѣе другимъ людямъ.

I.

Родился я и провелъ первое дѣтство въ деревнѣ Ясной Полянѣ. Матери своей я совершенно не помню. Мнѣ было 1½ года, когда она скончалась. По странной случайности не осталось ни одного ея портрета; такъ что какъ реальное физическое существо я не могу себѣ представить ее. Я отчасти радъ этому, потому что въ представленіи моемъ о ней есть только ея духовный обликъ, и все, что я знаю о ней, все прекрасно, и я думаю —не оттого только, что всѣ, говорившіе мнѣ про мою мать, старались говорить о ней только хорошое, но потому, что дѣйствительно въ ней было очень много этого хорошаго.

Впрочемъ, не только моя мать, но и всѣ окружавшія мое дѣтство лица—отъ отца до кучеровъ—представляются мнѣ исключительно хорошими людьми. Вѣроятно, мое чистое любовное чувство, какъ яркій лучъ, открывало мнѣ въ людяхъ (они всегда есть) лучшія ихъ свойства, и то, что всѣ люди эти казались мнѣ исключительно хорошими, было гораздо больше правда, чѣмъ то, когда я видѣлъ одни ихъ недостатки. Мать моя была не хороша собою, очень хорошо образована для своего времени. Она знала, кромѣ русскаго,—которымъ она противно принятой тогда русской безграмотности, писала правильно,—четыре языка: французскій, нѣмецкій, англійскій и итальянскій, и должна была быть чутка къ художеству, она хорошо играла на фортепіано, и сверстницы ея разсказывали мнѣ, что она была большая мастерица разсказывать завлекательныя сказки, выдумывая ихъ по мѣрѣ разсказа. Самое же дорогое качество бы-

ло то, что она, по разсказамъ прислуги, была хотя и вспыльчива, но сдержанна. «Вся покраснѣетъ, даже заплачетъ,—разсказывала мнѣ ея горничная,— но никогда не скажетъ грубаго слова». Она и не знала ихъ.

У меня осталось нѣсколько писемъ ея къ моему отцу и другимъ теткамъ и дневникъ поведенія Николеньки (старшаго брата), которому было 6 лѣтъ, когда она умерла, и который, я думаю, былъ болѣе всѣхъ похожъ на нее. У нихъ обоихъ было очень мнѣ милое свойство характера, которое я предполагаю по письмамъ матери, но которое я зналъ у брата—ихъ равнодушіе къ сужденіямъ людей и скромность, доходящая до того, что они старались скрыть тѣ умственныя, образовательныя и нравственныя преимущества, которыя они имѣли передъ другими людьми. Они какъ будто стыдились этихъ преимуществъ.

Въ братѣ, про котораго Тургеневъ очень вѣрно сказалъ, что « у него не было тѣхъ недостатковъ, которые нужны для того, чтобы быть большимъ писателемъ», я хорошо зналъ это.

Помню разъ, какъ очень глупый и нехорошій человѣкъ, адъютантъ губернатора, охотившійся съ нимъ вмѣстѣ, при мнѣ подсмѣивался надъ нимъ, и какъ братъ, глядя на меня, добродушно улыбался, очевидно, находя въ этомъ большое удовольствіе.

Ту же черту я замѣчалъ въ письмахъ матери. Она, очевидно, духовно была выше отца и его семьи, за исключеніемъ нешто Тат. Алекс. Ергольской, съ которой я прожилъ половину своей жизни и которая была замѣчательная по нравственнымъ качествамъ женщина.

Кромѣ того, у обоихъ была еще другая черта, обусловливающая, я думаю, и ихъ равнодушіе къ сужденію людей, это то, что они никогда никого,—это я уже вѣрно знаю про брата, съ которымъ прожилъ половину жизни, —никогда никого не осуждали. Наиболѣе рѣзкое выраженіе отрицательнаго отношенія къ человѣку выражалось у брата тонкимъ, добродушнымъ юморомъ и такою

же улыбкой. То же самое я вижу по письмамъ моей матери и слышалъ отъ тѣхъ, которые знали ее.

Въ житіяхъ Дмитрія Ростовскаго есть одно, которое меня всегда очень трогало — это коротенькое житіе одного монаха, имѣвшаго, завѣдомо всей братіи, много недостатковъ и. несмотря на то, явившагося въ сновидѣньи старцу среди святыхъ въ самомъ лучшемъ мѣстѣ рая. Удивленный старецъ спросилъ, чѣмъ заслужилъ этотъ невоздержанный во многомъ монахъ такую награду? Ему отвѣтили: «Онъ никогда не осудилъ никого».

Если бы были такія награды, я думаю, что мой братъ и моя мать получили бы ихъ.

Еще третья черта, выдѣлявшая мать изъ ея среды, была правдивость и простота ея тона въ письмахъ. Въ то время особенно были распространены въ письмахъ выраженія преувеличенныхъ чувствъ: «несравненная, обожаемая, радость моей жизни, неоцѣненная» и т. д. —были самые распространенные эпитеты между близкими. и чѣмъ напыщеннѣе, тѣмъ были неискреннѣе.

Эта черта, хотя и не въ сильной степени, видна въ письмахъ отца. Онъ пишетъ: «Ma bien douce amie, je ne pense qu'au bonheur d'être auprès de toi...»

Едва ли это было вполнѣ искренно. Она же пишетъ въ обращеніи всегда одинаковое: «mon bon ami», и въ одномъ изъ писемъ прямо говоритъ: «Le temps me paraît long sans toi, quoiqu'à dire vrai, nous ne jouissons pas beaucoup de ta société quand tu es ici», и всегда подписывается одинаково: «ta devouée Marie».

Дѣтство свое мать прожила частью въ Москвѣ, частью въ деревнѣ съ умнымъ, гордымъ и даровитымъ человѣкомъ, моимъ дѣдомъ Волконскимъ.

II.

Про дѣда я знаю то, что, достигнувъ высокихъ чиновъ генералъ-аншефа при Екатеринѣ, онъ вдругъ потерялъ свое положеніе вслѣдствіе отказа жениться на племянницѣ и любовницѣ Потемкина Варенькѣ Энгель-

гардтъ. На предложеніе Потемкина онъ отвѣчалъ: «Съ чего онъ взялъ, чтобы я женился на его б....»

За этотъ отвѣтъ онъ не только остановился въ своей служебной карьерѣ, но былъ назначенъ воеводой въ Архангельскъ, гдѣ пробылъ, кажется, до воцаренія Павла, когда вышелъ въ отставку и, женившись на княжнѣ Екатеринѣ Дмитріевнѣ Трубецкой, поселился въ полученномъ отъ своего отца, Сергѣя Ѳедоровича, имѣніи Ясной Полянѣ.

Княгиня Екатерина Дмитріевна рано умерла, оставивъ моему дѣду единственную дочь Марію. Съ этой-то сильно любимой дочерью и ея компаньонкой-француженкой и прожилъ мой дѣдъ до своей смерти около 1811 года. Дѣдъ мой считался очень строгимъ хозяиномъ, но я никогда не слыхалъ разсказовъ о его жестокостяхъ и наказаніяхъ, столь обычныхъ въ то время. Я думаю, что они были. Но восторженное уваженіе къ важности и разумности было такъ велико въ дворовыхъ и крестьянахъ его времени, которыхъ я часто разспрашивалъ про него, что хотя я и слышалъ осужденія моего отца, я слышалъ только похвалы уму, хозяйственности и заботѣ о крестьянахъ и въ особенности огромной дворнѣ моего дѣда.

Онъ построилъ прекрасныя помѣщенія для дворовыхъ и заботился о томъ, чтобы они были всегда не только сыты, но и хорошо одѣты и веселились бы. По праздникамъ онъ устраивалъ для нихъ увеселенія качели, хороводы. Еще болѣе онъ заботился, какъ всякій умный помѣщикъ того времени, о благосостояніи крестьянъ, и они благоденствовали, тѣмъ болѣе, что высокое положеніе дѣда, внушая уваженіе становымъ, исправникамъ и засѣдателю, избавляло ихъ отъ притѣсненія начальства.

Вѣроятно, у него было очень тонкое эстетическое чувство. Всѣ его постройки не только прочны и удобны, но чрезвычайно изящны. Таковъ же разбитый имъ паркъ передъ домомъ. Вѣроятно, онъ также очень

любилъ музыку, потому что только для себя и для матери держалъ свой хорошій небольшой оркестръ. Я еще засталъ огромный, въ три обхвата вязъ, росшій въ клину липовой аллеи и вокругъ котораго были сдѣланы скамьи и пюпитры для музыкантовъ. По утрамъ онъ гулялъ по аллеѣ, слушая музыку. Охоты онъ терпѣть не могъ, а любилъ цвѣты и оранжерейныя растенія.

Странная судьба и самымъ страннымъ образомъ свела его съ той самой Варенькой Энгельгардтъ, за отказъ отъ которой онъ пострадалъ во время своей службы. Варенька эта вышла за князя Сергѣя Ѳедоровича Голицына, получившаго вслѣдствіе этого всякаго рода чины, ордена и награды. Съ этимъ-то Сергѣемъ Ѳедоровичемъ и его семьей, слѣдовательно, и съ Варварой Васильевной, сблизился мой дѣдъ до такой степени, что мать моя была съ дѣтства обручена одному изъ десяти сыновей Голицына и что оба старые князя размѣнились портретными галлереями (разумѣется, копіями, написанными крѣпостными живописцами). Всѣ эти портреты Голицыныхъ и теперь въ нашемъ домѣ, съ княземъ Сергѣемъ Ѳедоровичемъ въ Андреевской лентѣ и рыжей толстой Варварой Васильевной—кавалерственной дамой. Однако сближенію этому не суждено было совершиться: женихъ моей матери, Левъ Голицынъ, умеръ отъ горячки передъ свадьбой, имя котораго мнѣ, 4-му сыну, дано въ память этого Льва. Мнѣ говорили, что маменька очень любила меня и называла: mon petit Benjamin.

Думаю, что любовь къ умершему жениху, именно вслѣдствіе того, что она кончилась смертью, была той поэтической любовью, которую дѣвушки испытываютъ только одинъ разъ.

Бракъ ея съ моимъ отцомъ былъ устроенъ родными ея и моего отца.

Она была богатая, уже не первой молодости, сирота, отецъ же былъ веселый, блестящій молодой человѣкъ, съ именемъ и связями, но съ очень разстроеннымъ (до

такой степени разстроеннымъ, что отецъ даже отказался отъ наслѣдства) моимъ дѣдомъ Толстымъ состояніемъ. Думаю, что мать любила моего отца, но больше какъ мужа и, главное, отца своихъ дѣтей, но не была влюблена въ него. Настоящія же ея любви, какъ я понимаю, были три или четыре: любовь къ умершему жениху, потомъ страстная дружба съ француженкой m-lle Hénissienne, про которую я слышалъ отъ тетушекъ и которая кончилась, какъ кажется, разочарованіемъ. M-lle Hénissienne эта вышла замужъ за двоюроднаго брата матери, князя Михаила Волконскаго, дѣда теперешняго писателя Волконскаго. Вотъ что пишетъ моя мать про свою дружбу съ этой m-lle Hénissienne:

Пишетъ она про свою дружбу по случаю двухъ дѣвицъ, жившихъ у нея въ домѣ: «Je m'arrange très bien avec toutes les deux: je fais de la musique, je ris et je folâtre avec l'une et je parle sentiment, ou je médis du monde frivole avec l'autre, je suis aimée à la folie par toutes les deux, je suis la confidente de chacune, je les concilie, quand elles sont brouillées, car il n'y eut jamais d'amitié plus querelleuse et plus drôle à voir que la leur: ce sont des bouderies, des pleurs, des réconciliations, des injures, et puis des transports d'amitié exaltée et romanesque. Enfin j'y vois comme dans un miroir l'amitié qui a animée et troublée ma vie pendant quelques années. Je les regarde avec un sentiment indéfinissable, quelquefois j'envie leurs illusions, que je n'ai plus, mais dont je connais la douceur; disant le franchement le bonheur solide et réel de l'âge mûr vaut-il les charmantes illusions de la jeunesse, où tout est embelli par la toute puissance de l'imagination? Et quelquefois je souris de leur enfantillage" [1])

---

[1]) «Мнѣ хорошо съ обѣими, я занимаюсь музыкой, смѣюсь и дурю съ одной, говорю о чувствахъ, пересуживаю легкомысленный свѣтъ съ другой, любима до безумія обѣими, пользуюсь довѣріемъ каждой, я ихъ мирю, когда онѣ ссорятся, такъ какъ не было дружбы бо-

Третье сильное, едва ли не самое страстное чувство была ея любовь къ старшему брату Коко, журналъ поведенія котораго она вела по-русски, въ которомъ она записывала его проступки и читала ему. Изъ этого журнала видно страстное желаніе сдѣлать все возможное для наилучшаго воспитанія Коко и вмѣстѣ съ тѣмъ очень неясное представленіе о томъ, что нужно для этого. Такъ, напримѣръ, она выговариваетъ ему за то, что онъ слишкомъ чувствителенъ и плачетъ при видѣ страданій животныхъ. Мужчинѣ, по ея понятіямъ, надо быть твердымъ. Другой недостатокъ, который она старается исправлять въ немъ, это то, что онъ задумывается и вмѣсто bonsoir или bonjour говоритъ бабушкѣ: «Je vous remercie» [1]).

Четвертое сильное чувство, которое, можетъ-быть, было, какъ мнѣ говорили тетушки, и которое я такъ желалъ, чтобы было, была любовь ко мнѣ, замѣнившая любовь къ Коко, во время моего рожденія, уже отлѣпившагося отъ матери и поступившаго въ мужскія руки. Ей необходимо было любить не себя, и одна любовь смѣнялась другой.

Таковъ былъ духовный обликъ моей матери въ моемъ представленіи.

лѣе бурной и болѣе смѣшной на видъ, чѣмъ ихъ дружба. Постоянныя неудовольствія, плачъ, утѣшенія, брань и затѣмъ порывы дружбы восторженной и чувствительной. Такъ я вижу, какъ бы въ зеркалѣ, дружбу, которая одушевляла и смущала меня въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Я смотрю на нихъ съ невыразимымъ чувствомъ, иногда завидую ихъ иллюзіямъ, которыхъ у меня уже нѣтъ, но сладость которыхъ я знаю. Говоря откровенно, прочное, и дѣйствительное счастье зрѣлаго возраста, стоитъ ли оно очаровательныхъ иллюзій юности, когда все бываетъ украшено всемогуществомъ воображенія? А иногда я усмѣхаюсь ихъ ребячеству».

[1]) Добрый вечеръ... добрый день. Благодарю васъ.

Она представлялась мнѣ такимъ высокимъ, чистымъ, духовнымъ существомъ, что часто въ средній періодъ моей жизни, во время борьбы съ одолѣвавшими меня искушеніями, я молился ея душѣ, прося ее помочь мнѣ, и эта молитва всегда помогала много.

Жизнь моей матери въ семьѣ отца, какъ я могу заключить по письмамъ и разсказамъ, была очень счастливая и хорошая. Семья отца состояла изъ бабушки-старушки, его матери, ея дочери, моей тетки, графини Александры Ильин. Остенъ-Сакенъ и ея воспитанницы Пашеньки, другой тетушки, какъ называли ее, хотя она была намъ очень дальней родственницей, Татьяны Александровны Ергольской, воспитывавшейся въ домѣ дѣдушки и прожившей всю жизнь въ нашемъ домѣ, моего отца, учителя Ѳедора Ивановича Ресселя, описаннаго мною довольно вѣрно въ «Дѣтствѣ».

Дѣтей насъ было пятеро: Николай, Сергѣй, Дмитрій, я, меньшой, и меньшая сестра Машенька, вслѣдствіе родовъ которой и умерла моя мать. Замужняя очень короткая жизнь моей матери,—кажется, не больше 9 лѣтъ,—была счастливая и хорошая. Жизнь эта была очень полна и украшена любовью всѣхъ къ ней и ея ко всѣмъ, жившимъ съ нею. Судя по письмамъ, я вижу, что жила она тогда очень уединенно. Никто почти, кромѣ близкихъ сосѣдей Огаревыхъ и родственниковъ, случайно проѣзжавшихъ по большой дорогѣ и заѣзжавшихъ къ намъ, не посѣщалъ Ясной Поляны.

Жизнь моей матери проходила вся за занятіями съ дѣтьми, въ вечернихъ чтеніяхъ вслухъ романовъ для бабушки и серьезныхъ чтеніяхъ, какъ «Эмиль» Руссо, для себя и разсужденіяхъ о читанномъ, въ игрѣ на фортепіано, въ преподаваніи итальянскаго языка одной изъ тетокъ, въ прогулкахъ и домашнемъ хозяйствѣ. Во всѣхъ семьяхъ бываютъ періоды, когда болѣзни и смерти еще отсутствуютъ и члены семьи живутъ спокойно. Такой періодъ, какъ мнѣ думается, переживала мать въ семьѣ мужа до своей смерти. Никто не уми-

ралъ, никто серьезно не болѣлъ, разстроенныя дѣла отца поправлялись. Всѣ были здоровы, веселы и дружны. Отецъ веселилъ всѣхъ своими разсказами и шутками. Я не засталъ этого времени. Когда я сталъ помнить себя, уже смерть матери наложила свою печать на жизнь нашей семьи.

III.

Все это я описываю по разсказамъ и письмамъ. Теперь же начинаю о томъ, что я пережилъ и помню. Не буду говорить о смутныхъ младенческихъ, неясныхъ воспоминаніяхъ, въ которыхъ не можешь еще отличить дѣйствительности отъ сновидѣній. Начну съ того, что я ясно помню, съ того мѣста и тѣхъ лицъ, которыя окружали меня съ первыхъ лѣтъ. Первое мѣсто среди этихъ лицъ занимаетъ, хотя и не по вліянію на меня, но по моему чувству къ нему, разумѣется, мой отецъ.

Отецъ мой съ молодыхъ лѣтъ оставался единственнымъ сыномъ своихъ родителей. Младшій братъ его, Иленька, былъ ушибленъ въ дѣтствѣ, сталъ горбатый и умеръ въ дѣтствѣ. Въ 12 году ему было 17 лѣтъ, и онъ, несмотря на ужасъ и страхъ и отговоры родителей, поступилъ въ военную службу. Въ то время кн. Ник. Ив. Горчаковъ, близкій родственникъ моей бабушки кн. Горчаковой, былъ военнымъ министромъ, а другой Андр. Ив. былъ генераломъ, командовавшимъ чѣмъ-то въ дѣйствующей арміи, и отца зачислили къ нему въ адъютанты. Онъ продѣлалъ походы 13—14 годовъ и въ 14 году гдѣ-то въ Германіи, будучи посланъ курьеромъ, былъ французами взятъ въ плѣнъ, отъ котораго освободился только въ 15 году, когда наши войска вошли въ Парижъ. Отецъ въ 20 лѣтъ былъ уже не невиннымъ юношей, а еще до поступленія на военную службу—стало-быть, лѣтъ 16—былъ соединенъ родителями, какъ думали тогда, для его здоровья съ дворовой дѣвушкой. Отъ этой связи былъ сынъ Мишенька, котораго опредѣлили въ почтальоны и который при жизни отца жилъ хорошо,

но потомъ сбился съ пути и часто уже къ намъ, взрослымъ братьямъ, обращался за помощью. Помню то странное чувство недоумѣнія, которое я испытывалъ, когда этотъ впавшій въ нищенство братъ мой, очень похожій (болѣе всѣхъ насъ) на отца, просилъ насъ о помощи и былъ благодаренъ за 10—15 рублей, которые давали ему.

Послѣ кампаніи отецъ, разочаровавшись въ военной службѣ—это видно по письмамъ—вышелъ въ отставку и пріѣхалъ въ Казань, гдѣ, совсѣмъ уже разорившись, мой дѣдъ былъ губернаторомъ, и въ Казани же была сестра отца Пел. Ильин. за Юшковымъ. Дѣдъ скоро умеръ въ Казани же, и отецъ остался съ наслѣдствомъ, которое не стоило всѣхъ долговъ, и съ старой привыкшей къ роскоши матерью, сестрой и кузиной на рукахъ. Въ это время ему устроили женитьбу на моей матери, и онъ переѣхалъ въ Ясную Поляну, гдѣ, проживъ 9 лѣтъ съ матерью, овдовѣлъ и гдѣ уже на моей памяти жилъ съ нами.

Отецъ былъ средняго роста, хорошо сложенъ, живой, сангвиникъ, съ пріятнымъ лицомъ и съ всегда грустными глазами.

Жизнь его проходила въ занятіяхъ хозяйствомъ, въ которомъ онъ, кажется, не былъ большой знатокъ, но въ которомъ онъ имѣлъ для того времени большое качество: онъ былъ не только не жестокъ, но скорѣе даже слабъ. Такъ что и за его время я никогда не слыхалъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Вѣроятно, эти наказанія производились. Въ то время трудно было себѣ представить управленіе безъ употребленія этихъ наказаній, но они, вѣроятно, были такъ рѣдки и отецъ такъ мало принималъ въ нихъ участія, что намъ, дѣтямъ, никогда не удавалось слышать про это. Уже только послѣ смерти отца я въ первый разъ узналъ, что такія наказанія совершались у насъ. Мы, дѣти, съ учителемъ возвращались съ прогулки и подлѣ гумна встрѣтили толстаго управляющаго Андрея Ильина и шедшаго за нимъ, съ

поразившимъ насъ печальнымъ видомъ, помощника кучера Кривого Кузьму, человѣка женатаго и уже немолодого. Кто-то изъ насъ спросилъ Андрея Ильина: куда онъ идетъ, и онъ спокойно отвѣчалъ, что идетъ на гумно, гдѣ надо Кузьму наказать. Не могу описать ужаснаго чувства, которое произвели на меня эти слова и видъ добраго и унылаго Кузьмы. Вечеромъ я разсказалъ это тетушкѣ Татьянѣ Александровнѣ, воспитавшей насъ и ненавидѣвшей тѣлесныя наказанія, никогда не допускавшей его для насъ, а также для крѣпостныхъ тамъ, гдѣ она могла имѣть вліяніе. Она очень возмутилась тѣмъ, что я разсказалъ ей, и съ упрекомъ сказала: «Какъ же вы не остановили его?» Ея слова еще болѣе огорчили меня... Я никакъ не думалъ, чтобы мы могли вмѣшиваться въ такое дѣло, а между тѣмъ оказалось, что мы могли. Но уже было поздно, и ужасное дѣло было совершено.

Возвращаюсь къ тому, что я зналъ про отца и какъ представляю себѣ его жизнь. Занятіе его составляло хозяйство и главное—процессы, которыхъ тогда было очень много у всѣхъ и, кажется, особенно много у отца, которому надо было распутывать дѣла дѣда. Процессы эти заставляли отца часто уѣзжать изъ дома; кромѣ того, уѣзжалъ онъ часто и для охоты—и для ружейной и для псовой. Главнымъ товарищемъ его по охотѣ былъ его пріятель, старый холостякъ и богачъ, Кирѣевскій и Языковъ, Глѣбовъ, Исленевъ. Отецъ раздѣлялъ общее тогда свойство помѣщиковъ—пристрастіе къ нѣкоторымъ любимцамъ изъ дворовыхъ Такими любимцами его были два брата—Петруша и Матюша, оба красивые, ловкіе ребята и они же охотники. Дома отецъ кромѣ занятій хозяйствомъ и нами дѣтьми,—еще много читалъ. Онъ собиралъ библіотеку, состоящую по тому времени во французскихъ классикахъ, историческихъ сочиненіяхъ и естественно-историческихъ сочиненіяхъ—Бюфонъ, Кювье. Тетушка говорила, что отецъ поставилъ себѣ за правило не покупать новыхъ книгъ, пока не

прочтетъ прежнихъ. Но, хотя онъ и много читалъ, трудно вѣрить, чтобы онъ одолѣлъ всѣ эти Histoires des Croisades et des papes, которыя онъ пріобрѣталъ въ библіотеку. Сколько я могу судить, онъ не имѣлъ склонности къ наукамъ, но былъ на уровнѣ образованныхъ людей своего времени. Какъ большая часть людей перваго Александровскаго времени и походовъ 13, 14, 15 годовъ, онъ былъ не то, что теперь называется либераломъ, а просто по чувству собственнаго своего достоинства не считалъ для себя возможнымъ служить ни при концѣ царствованія Александра I, ни при Николаѣ. Онъ не только не служилъ нигдѣ, но даже всѣ друзья его были такіе же люди свободные, не служащіе и немного фрондирующіе правительство Николая Павловича. За все мое дѣтство и даже юность наше семейство не имѣло близкихъ сношеній ни съ однимъ чиновникомъ. Разумѣется, я ничего не понималъ этого въ дѣтствѣ, но я понималъ то, что отецъ никогда ни передъ кѣмъ не унижался, не измѣнялъ своего бойкаго, веселаго и часто насмѣшливаго тона. И это чувство собственнаго достоинства, которое я видѣлъ въ немъ, увеличивало мою любовь, мое восхищеніе передъ нимъ. Помню его въ его кабинетѣ, куда мы приходили къ нему прощаться, а иногда просто поиграть, гдѣ онъ съ трубкой сидѣлъ на кожаномъ диванѣ и ласкалъ насъ и иногда, къ великой радости нашей, пускалъ къ себѣ за спину на кожаный диванъ и продолжалъ или читать или разговаривать съ стоящимъ у притолоки двери приказчикомъ или съ С. И. Языковымъ, моимъ крестнымъ отцомъ, часто гостившимъ у насъ. Помню, какъ онъ приходилъ къ намъ внизъ и рисовалъ намъ картинки, которыя казались намъ верхомъ совершенства. Помню, какъ онъ разъ заставилъ меня прочесть ему полюбившіеся мнѣ и выученные мною наизусть стихи Пушкина: «Къ морю»: «Прощай, свободная стихія» и «Наполеону»: «Чудесный жребій совершился: угасъ великій человѣкъ» и т. д.

Его поразилъ, очевидно, тотъ паѳосъ, съ которымъ я произносилъ эти стихи, и онъ, прослушавъ меня, какъ-то значительно переглянулся съ бывшимъ тутъ Языковымъ. Я понялъ, что онъ что-то хорошее видитъ въ этомъ моемъ чтеніи, и былъ очень счастливъ этимъ. Помню его веселые шутки и разсказы за обѣдомъ и ужиномъ, какъ и бабушка, и тетушка, и мы, дѣти, смѣялись, слушая его. Помню еще его поѣздки въ городъ и тотъ удивительно красивый видъ, который онъ имѣлъ, когда надѣвалъ сюртукъ и узкіе панталоны. Но болѣе всего я помню его въ связи съ псовой охотой. Помню его выѣзды на охоту. Мнѣ всегда потомъ казалось, что Пушкинъ списалъ съ нихъ свой выѣздъ на охоту мужа въ «Графѣ Нулинѣ».

Помню, какъ мы съ нимъ ходили гулять и какъ, увязавшись за нимъ, молодыя борзыя, разрѣзвившись по нескошенному лугу, на которомъ высокая трава подстегивала ихъ и щекотала подъ брюхомъ, летали кругомъ съ загнутыми на бокъ хвостами, и какъ онъ любовался ими. Помню, какъ въ день охотничьяго праздника, 1 сентября, мы всѣ выѣхали въ линейкѣ, къ отъемному лѣсу, въ которомъ была посажена лисица, и какъ гоняли гончія ее и гдѣ-то—мы не видѣли—борзыя поймали ее. Помню особенно ясно садку волка. Это было около самаго дома. Мы всѣ пѣшкомъ вышли смотрѣть. На телѣгѣ вывезли большого, соструненнаго со связанными ногами, сѣраго волка. Онъ лежалъ смирно и только косился на подходившихъ къ нему. Пріѣхавъ на мѣсто за садомъ, волка вынули, прижали вилами къ землѣ и развязали ноги. Онъ сталъ рваться и дергаться и злобно грызъ струнку. Наконецъ, развязали на затылкѣ, кто-то крикнулъ: «пущенъ». Вилы подняли, волкъ поднялся, постоялъ секундъ десять, но на него крикнули и пустили собакъ. Волкъ, собаки, конные, верховые полетѣли внизъ по полю. И волкъ ушелъ. Помню, отецъ что-то выговаривалъ и, сердито махая руками, возвращался домой.

Самыя же пріятныя мои воспоминанія о немъ—это его сидѣнье съ бабушкой на диванѣ и помоганье ей раскладыванья пасьянса. Отецъ со всѣми бывалъ учтивъ и ласковъ, но съ бабушкой онъ былъ всегда какъ-то особенно ласково подобострастенъ. Сидитъ, бывало, бабушка, со своимъ длиннымъ подбородкомъ въ чепцѣ съ рюшемъ и съ бантомъ, на диванѣ и раскладываетъ карты, понюхивая изрѣдка изъ золотой табакерки. Рядомъ съ диваномъ сидитъ на креслѣ тульская оружейница Петровна въ своей куртушкѣ съ патронами, прядетъ и стукаетъ клубкомъ изрѣдка по стѣнѣ, въ которой она клубками этими уже выбила ямку. Петровна эта—торговка почему-то полюбилась бабушкѣ, и она гоститъ часто у насъ и всегда сидитъ рядомъ съ бабушкой въ гостиной на диванѣ. На креслѣ сидятъ тетушки, и одна изъ нихъ читаетъ вслухъ. На одномъ изъ креселъ, продавивъ въ немъ себѣ ямку, лежитъ чернопѣгая Милка, любимая рѣзвая собака отца, съ прекрасными черными глазами. Мы приходимъ прощаться, а иногда сидимъ тутъ же. Прощаемся, всегда цѣлуясь съ бабушкой и тетушками, цѣлуясь рука въ руку. Помню, разъ въ серединѣ пасьянса и чтенія отецъ останавливаетъ читающую тетушку, указываетъ въ зеркало и шепчетъ что-то. Мы всѣ смотримъ туда же. Это офиціантъ Тихонъ, зная, что отецъ въ гостиной, идетъ къ нему въ кабинетъ брать его табакъ изъ большой складывающейся розанчикомъ кожаной табачницы. Отецъ видитъ его въ зеркало и смотритъ на его на цыпочкахъ осторожно шагающую фигуру. Тетушки смѣются. Бабушка долго не понимаетъ, а когда понимаетъ—радостно улыбается. Я восхищаюсь добротой отца и, прощаясь съ нимъ, съ особенной нѣжностью цѣлую его бѣлую жилистую руку. Я очень любилъ отца, но не зналъ еще, какъ сильна была эта моя любовь къ нему до тѣхъ поръ, пока онъ не умеръ. Но объ этомъ послѣ. Теперь о слѣдующихъ членахъ нашей семьи, среди которыхъ прошло мое дѣтство.

IV.

Бабушка Пелагея Николаевна была дочь скопившаго себѣ большое состоянie слѣпого князя Никол. Ив. Горчакова. Сколько я могу составить себѣ понятie о ея характерѣ, она была недалекая, малообразованная; она, какъ всѣ тогда, знала по французски лучше, чѣмъ порусски (и этимъ ограничивалось ея образованie), и очень избалованная—сначала отцомъ, потомъ мужемъ, а потомъ при мнѣ уже сыномъ—женщина. Кромѣ того, какъ дочь старшаго въ родѣ, она пользовалась большимъ уваженiемъ всѣхъ Горчаковыхъ: бывшаго военнаго министра Никол. Ив. и Андр. Ив. и сыновей вольнодумца Дмитрiя Петровича—Петра, Сергѣя и Михаила Севастопольскаго.

Дѣдъ мой Илья Андреевичъ, ея мужъ, былъ тоже, какъ я его понималъ, человѣкъ ограниченный, очень мягкiй, веселый и не только щедрый, но безтолково мотоватый, а главное—довѣрчивый. Въ имѣнiи его Бѣлевскаго уѣзда, Полянахъ,—не Ясной Полянѣ, но Полянахъ, шло долго неперестающее пиршество, театры, балы, обѣды, катанья, которые въ особенности при склонности дѣда играть по большой въ ломберъ и вистъ, не умѣя играть и при готовности давать всѣмъ, кто просилъ, и взаймы и безъ отдачи, а главное—затѣваемыми аферами, откупами, кончилось тѣмъ, что большое имѣнiе его жены все было такъ запутано въ долгахъ, что жить было нечѣмъ, и дѣдъ долженъ былъ выхлопотать и взять, что ему было легко при его связяхъ, мѣсто губернатора въ Казани. Дѣдъ, какъ мнѣ разсказывали, не бралъ взятокъ, кромѣ какъ съ откупщика, что было тогда общепринятымъ обычаемъ, и сердился, когда ихъ предлагали ему, но бабушка, какъ мнѣ разсказывали, тайно отъ мужа брала приношенiя. Въ Казани бабушка выдала меньшую дочь Пелагею за Юшкова, старшая же Александра въ Петербургѣ была выдана за графа Остенъ-Сакенъ.

Послѣ смерти мужа въ Казани и женитьбы отца моя бабушка поселилась съ моимъ отцомъ въ Ясной Полянѣ, и тутъ я засталъ ее уже старухой и хорошо помню ее.

Отца бабушка страстно любила и насъ, внуковъ, забавляясь нами. Любила тетушекъ, но, мнѣ кажется, не совсѣмъ любила мою мать, считая ее недостойной моего отца и ревнуя его къ ней.

Съ людьми, прислугой она не могла быть требовательна, потому что всѣ знали, что она первое лицо въ домѣ, и старались угождать ей, но со своей горничной Гашей она отдавалась своимъ капризамъ и мучила ее, называя: «вы, моя милая» и требуя отъ нея того, чего она не спрашивала, и всячески мучая ее, и, странное дѣло, Гаша, Агаѳья Мих., которую я зналъ хорошо, заразилась манерой капризничать бабушки и съ своей дѣвочкой, и съ своей кошкой, и вообще съ существами, съ которыми могла быть требовательна, была такъ же капризна, какъ бабушка съ ней.

Самыя раннія воспоминанія мои о бабушкѣ до нашей поѣздки въ Москву и жизни тамъ сводятся къ тремъ сильнымъ, связаннымъ съ нею, впечатлѣніямъ. Первое—это то, какъ бабушка умывалась и какимъ-то особеннымъ мыломъ пускала на рукахъ удивительные пузыри, которые, мнѣ казалось, только она одна могла дѣлать. Насъ нарочно приводили къ ней,—вѣроятно, наше восхищеніе и удивленіе передъ ея мыльными пузырями забавляло ее,—чтобы видѣть, какъ она умывалась. Помню: бѣлая кофточка, юбка, бѣлыя старческія руки и огромные, поднимающіеся на нихъ пузыри и ея довольное, улыбающееся бѣлое лицо. Второе воспоминаніе—это было то, какъ ее безъ лошади на рукахъ вывезли камердинеры отца въ желтомъ кабріолетѣ съ рессорами, въ которомъ мы ѣздили кататься съ Ѳедоромъ Ивановичемъ,. въ мелкій Заказъ для сбора орѣховъ, которыхъ въ этомъ году было особенно много. Помню чащу частаго и густого орѣшника, въ глубь котораго, раздвигая и ломая вѣтки, Петруша и Матюша ввозили желтый кабріолетъ

съ бабушкой и какъ нагибали ей вѣтки съ гроздями спѣлыхъ, иногда высыпавшихся орѣховъ, и какъ бабушка сама рвала ихъ и клала въ мѣшокъ, и какъ мы, гдѣ сами гнули вѣтки, гдѣ Ѳед. Ив. удивлялъ насъ своей силой, нагибая намъ толстые орѣшники, а мы обирали со всѣхъ сторонъ и всетаки видѣли, что еще оставались незамѣченные нами орѣхи, когда Ѳед. Ив. пускалъ ихъ и кусты, медленно цѣпляясь, расправлялись. Помню, какъ жарко было на полянкахъ, какъ пріятно, прохладно въ тѣни, какъ дышалось терпкимъ запахомъ орѣховой листвы, какъ щелкали со всѣхъ сторонъ разгрызаемые дѣвушками, которыя были съ нами, орѣхи, и какъ мы, не переставая, жевали свѣжія, полныя, бѣлыя ядра. Мы собирали въ карманы, подолы и нашъ кабріолетъ, и бабушка принимала и хвалила насъ. Какъ мы пришли домой, что было послѣ, я ничего не помню; помню только, что бабушка, орѣшникъ, терпкій запахъ орѣховой листвы, камердинеры, желтый кабріолетъ, солнце —соединились въ одно радостное впечатлѣніе. Мнѣ казалось, что, какъ мыльные пузыри могли быть только у бабушки, такъ и лѣсъ, и орѣхи, и солнце, и тѣ могли быть только при бабушкѣ въ желтомъ кабріолетѣ, которую везутъ Петруша и Матюша.

Самое же сильное, связанное съ бабушкой воспоминаніе—это ночь, проведенная въ спальнѣ бабушки, и Левъ Степановичъ. Левъ Степановичъ былъ слѣпой сказочникъ; онъ былъ уже старикомъ, когда я зналъ его —остатокъ стариннаго барства,—барства дѣда.

Онъ былъ купленъ только для того, чтобы разсказывать сказки, которыя онъ, вслѣдствіе свойственной слѣпымъ необыкновенной памяти, могъ слово въ слово разсказывать послѣ того, какъ ихъ раза два прочитывали ему.

Онъ жилъ гдѣ-то въ домѣ, и цѣлый день его было невидно. Но по вечерамъ онъ приходилъ наверхъ, въ спальню бабушки (спальня эта была въ низенькой комнаткѣ, въ которую входить надо было по двумъ сту-

пенькамъ), и садился на низенькій подоконникъ, куда ему приносили ужинъ съ господскаго стола. Тутъ онъ дожидался бабушку, которая безъ стыда могла дѣлать свой ночной туалетъ при слѣпомъ человѣкѣ. Въ тотъ день, когда былъ мой чередъ ночевать у бабушки, Левъ Степановичъ со своими бѣлыми глазами, въ синемъ длинномъ сюртукѣ съ буфами на плечахъ, сидѣлъ уже на подоконникѣ и ужиналъ. Не помню, какъ раздѣвалась бабушка, въ этой ли комнатѣ или въ другой, и какъ меня уложили въ постель; помню только ту минуту, когда свѣчу потушили, осталась одна лампадка, передъ золочеными иконами, бабушка, та самая удивительная бабушка, которая пускала эти необычайные мыльные пузыри, вся бѣлая, въ бѣломъ на бѣломъ и покрытая бѣлымъ, въ своемъ бѣломъ чепцѣ, высоко лежала на подушкахъ, и съ подоконника послышался ровный, спокойный голосъ Льва Степановича: «Продолжать прикажете?» — «Да, продолжайте!» — «Любимая сестрица, сказала она, — заговорилъ Левъ Степановичъ тихимъ, ровнымъ, старческимъ голосомъ, — разскажите намъ одну изъ тѣхъ прелюбопытнѣйшихъ сказокъ, которыя вы такъ хорошо умѣете разсказывать». — «Охотно, — отвѣчала Шехеразада, — разсказала бы я замѣчательную исторію принца Камаральзамана, если повелитель нашъ выразитъ на то свое согласіе». Получивъ согласіе султана, Шехеразада начала такъ: «У одного владѣтельнаго царя былъ единственный сынъ»... и, очевидно, слово въ слово по книгѣ началъ Левъ Степановичъ исторію Камаральзамана. Я не слушалъ, не понималъ того, что онъ говорилъ, — настолько былъ поглощенъ таинственнымъ видомъ бѣлой бабушки, ея колеблющейся тѣнью на стѣнѣ и видомъ старика съ бѣлыми глазами, котораго я не видалъ теперь, но котораго помнилъ, неподвижно сидѣвшаго на подоконникѣ и медленнымъ голосомъ говорившаго какія-то странныя, мнѣ казавшіяся торжественными слова, одиноко звучавшія среди полутемноты комнатки, освѣщенной дрожащимъ свѣтомъ лам-

падки. Должно-быть, я тотчасъ же заснулъ, потому что дальше ничего не помню, и только утромъ опять удивлялся и восхищался мыльными пузырями, которые, умываясь, дѣлала на своихъ рукахъ бабушка. Разскажу послѣ о моихъ дальнѣйшихъ впечатлѣніяхъ о бабушкѣ во время переѣзда въ Москву и жизни тамъ; теперь же разскажу, что знаю и помню о другомъ важномъ для моего дѣтства лицѣ — жившей у насъ родной теткѣ моей, Александрѣ Ильиничнѣ, графинѣ Остенъ-Сакенъ.

V.

Тетушка Александра Ильинична очень рано въ Петербургѣ была выдана за остзейскаго богатаго графа Остенъ-Сакенъ. Партія казалась очень блестящая, но кончившаяся въ смыслѣ супружества очень печально для тетушки, хотя, можетъ-быть,послѣдствія этого брака были благотворны для ея души. Тетушка Aline, какъ ее звали въ семьѣ, была, должно-быть, очень привлекательна, съ своими большими голубыми глазами и кроткимъ выраженіемъ бѣлаго лица, какою она 16-лѣтней дѣвушкой изображена на очень хорошемъ портретѣ.

Вскорѣ послѣ свадьбы Остенъ-Сакенъ уѣхалъ съ молодой женой въ свое большое остзейское имѣніе, и тамъ все больше и больше стала проявляться душевная болѣзнь, выражавшаяся сначала только очень замѣтной безпричинной ревностью. На первомъ же году своей женитьбы, когда тетушка была уже на сносяхъ беременна, болѣзнь эта такъ усилилась, что на него стали находить минуты полнаго сумасшествія, во время котораго ему казалось, что враги его, желающіе отнять у него его жену, окружали его, и единственное спасеніе для него состоитъ въ томъ, чтобы бѣжать отъ нихъ. Это было лѣтомъ. Вставши рано утромъ, онъ объявилъ женѣ, что единственное средство спасенія состоитъ въ томъ, чтобы бѣжать, что онъ велѣлъ закладывать ко-

ляску, и они сейчасъ ѣдутъ, чтобы она готовилась. Дѣйствительно, подали коляску, онъ посадилъ въ нее тетушку и велѣлъ ѣхать какъ можно скорѣе. На пути онъ досталъ изъ ящика два пистолета, взвелъ курокъ и, давъ одинъ тетушкѣ, сказалъ ей, что если только враги узнаютъ про его побѣгъ, они догонятъ его, и тогда они погибли, и единственное, что имъ остается сдѣлать, —это убить другъ друга. Испуганная, ошеломленная тетушка взяла пистолетъ и хотѣла уговорить мужа, но онъ не слушалъ ея и только поворачивался назадъ, ожидая погони, и гналъ кучера. На бѣду, по проселочной дорогѣ, выходившей на большую, показался экипажъ; онъ вскрикнулъ, что все погибло, и велѣлъ ей стрѣлять въ себя, а самъ выстрѣлилъ въ упоръ въ грудь тетушки. Должно-быть, увидавъ, что онъ сдѣлалъ, и то, что напугавшій его экипажъ проѣхалъ въ другую сторону, онъ остановился, вынесъ раненую, окровавленную тетушку изъ экипажа, положилъ на дорогу и ускакалъ. На счастье тетки, скоро на нее наѣхали крестьяне, подняли ее и свезли къ пастору, который, какъ умѣлъ, перевязалъ ей рану и послалъ за докторомъ. Рана была въ правой сторонѣ груди на вылетъ (тетушка показывала мнѣ оставшійся слѣдъ) и была не тяжелая.

Въ то время, какъ она выздоравливала, все еще беременная, лежа у пастора, мужъ ея, опомнившійся, прибѣжалъ къ ней и, разсказавъ пастору исторію о томъ, какъ она несчастно была ранена, попросилъ свиданія съ ней. Свиданіе это было ужасно, онъ—хитрый, какъ всѣ душевно-больные—притворился раскаивающимся въ своемъ поступкѣ и только озабоченнымъ ея здоровьемъ. Посидѣвъ съ ней довольно долго, совершенно разумно обо всемъ разговаривая, онъ воспользовался той минутой, когда они остались одни, чтобы попытаться исполнить свое намѣреніе. Какъ бы заботясь о ея здоровьѣ, онъ попросилъ ее показать ему языкъ, и когда она высунула его, схватился одной рукой за языкъ, а другой

выхватилъ приготовленную бритву съ намѣреніемъ отрѣзать его. Произошла борьба, она вырвалась отъ него, закричала, вбѣжали люди, остановили и увели его.

Съ тѣхъ поръ сумасшествіе его совершенно опредѣлилось, и онъ долго жилъ въ какомъ-то заведеніи для душевно-больныхъ, не имѣя никакихъ сношеній съ тетушкой. Вскорѣ послѣ этого тетушку перевезли въ родительскій домъ въ Петербургъ, и тамъ она родила уже мертваго ребенка. Боясь послѣдствій отъ огорченій отъ смерти ребенка, ей сказали, что ребенокъ ея живъ, и взяли родившуюся въ то же время у знакомой прислуги, жены придворнаго повара, дѣвочку. Эта дѣвочка—Пашенька, которая жила у насъ и была уже взрослой дѣвушкой, когда я сталъ помнить себя. Не знаю, когда была открыта Пашенькѣ исторія ея рожденія, но, когда я зналъ ее, она уже знала, что она не была дочь тетушки. Тетушка Алекс. Ильин. послѣ случившагося съ нею жила у своихъ родителей, потомъ у моего отца, и потомъ послѣ смерти отца была нашей опекуншей, а когда мнѣ было 12 лѣтъ, умерла въ Оптиной пустыни.

Тетушка эта была истинно религіозная женщина. Любимыя ея занятія были чтенія житій святыхъ, бесѣды съ странниками, юродивыми, монахами, монашенками, изъ которыхъ нѣкоторые всегда жили въ нашемъ домѣ, а нѣкоторые только посѣщали тетушку. Въ числѣ почти постояно жившихъ у насъ была монахиня Марья Герасимовна, крестная мать моей сестры, ходившая въ молодости странствовать подъ видомъ юродиваго Иванушки. Крестною матерью сестры Марья Гер. была потому, что мать обѣщала ей взять ее кумой, если она вымолитъ у Бога дочь, которую матери очень хотѣлось имѣть послѣ четырехъ сыновей. Дочь родилась, и Марья Гер. была ея крестной матерью и жила частью въ тульскомъ женскомъ монастырѣ, частью у насъ въ домѣ.

Тетушка Александра Ильинична не только была внѣшне религіозна, соблюдала посты, много молилась,

общалась съ людьми святой жизни, каковъ былъ въ ея время старецъ Леонидъ въ Оптиной пустыни, но сама жила истинно-христіанской жизнью, стараясь не только избѣгать всякой роскоши и услуги, но стараясь, сколько возможно, служить другимъ. Денегъ у нея никогда не было, потому что она раздавала просящимъ все, что у нея было.

Горничная Гаша, послѣ смерти бабушки перешедшая къ ней, разсказывала мнѣ, какъ она во время московской жизни, шедши къ заутренѣ, старательно на цыпочкахъ проходила мимо спящей горничной и сама дѣлала все то, что по принятому обычаю дѣлалось горничной. Въ пищѣ, въ одеждѣ она была такъ проста и нетребовательна, какъ только можно себѣ представить. Какъ мнѣ не непріятно это сказать, я съ дѣтства помню особенный кислый запахъ тетушки Алек. Ильин., вѣроятно, происходившій отъ неряшества въ ея туалетѣ. И это была та граціозная, съ прекрасными голубыми глазами, поэтическая Aline, любившая читать и списывать французкіе стихи, игравшая на арфѣ и всегда имѣвшая большой успѣхъ на самыхъ большихъ балахъ. Помню, какъ она была всегда одинаково ласкова и добра точно такъ же со всѣми важными мужчинами и дамами, какъ съ монахинями, странниками и странницами. Помню, какъ зять ея Юшковъ любилъ шутить надъ ней и какъ разъ изъ Казани прислалъ большой ящикъ-посылку на ея имя. Въ ящикѣ оказался другой ящикъ, въ томъ еще третій и т. д. до маленькой коробочки, въ которой въ ватѣ лежалъ фарфоровый монахъ. Помню, какъ отецъ добродушно смѣялся, показывая тетушкѣ эту посылку. Помню еще, какъ за обѣдомъ отецъ разсказывалъ, какъ она будто вмѣстѣ съ своей кузиной Молчановой ловила въ церкви уважаемаго ими священника, чтобы получить отъ него благословеніе.

Отецъ разсказывалъ, это въ видѣ травли, какъ будто бы Молчанова отхватила священника отъ царскихъ дверей, онъ бросился въ сѣверныя. Молчанова дала угонку,

пронеслась, и тутъ-то Aline захватила его. Помню ея милый, добродушный смѣхъ и сіяющее удовольствіемъ лицо. То религіозное чувство, которое наполняло ея душу, очевидно, было такъ важно для нея, было до такой степени выше всего остального, что она не могла сердиться, огорчаться чѣмъ-нибудь, не могла приписывать мірскимъ дѣламъ ту важность, которая имъ обыкновенно приписывается. Она заботилась о насъ, когда была нашей опекуншей, но все, что она дѣлала, не поглощало ея душу, все было подчинено служенію Богу, какъ она понимала это служеніе.

VI.

Третье, послѣ отца и матери, самое важное лицо въ смыслѣ вліянія на мою жизнь была тетенька, какъ мы называли ее, Татьяна Александровна Ергольская. Она была очень дальняя по Горчаковымъ родственница бабушки. Она и сестра ея Лиза, вышедшая потомъ за графа Петра Ивановича Толстого, остались маленькими дѣвочками, бѣдными сиротками отъ умершихъ родителей Было еще нѣсколько братьевъ, которыхъ родные кое-какъ пристроили. Дѣвочекъ же порѣшили взять на воспитаніе знаменитая въ своемъ кругу въ Чернскомъ уѣздѣ и въ свое время властная и важная Тат. Сем. Скуратова и моя бабушка; свернули билетики и положили подъ образа, помолившись вынули, и Лизанька досталась Тат. Сем., а черненькая—бабушкѣ. Танечка, какъ ее звали у насъ, была одних лѣтъ съ отцомъ, родилась въ 1795 году и воспитывалась совершенно наравнѣ съ моими тетками и была всѣми нѣжно любима, какъ и нельзя было не любить ее за ея твердый, рѣшительный, энергичный и вмѣстѣ съ тѣмъ самоотверженный характеръ. Очень рисуетъ ея характеръ событіе съ линейкой, про которую она разсказывала намъ, показывая большой, чуть не въ ладонь, слѣдъ обжога на рукѣ между локтемъ и кистью. Они дѣтьми читали исторію Муція Сцеволы и заспорили о томъ, что никто изъ нихъ

не рѣшился бы сдѣлать то же. «Я сдѣлаю», сказала она. «Не сдѣлаешь», сказалъ Языковъ, мой крестный отецъ, и, тоже характерно для него, разжегъ на свѣчкѣ линейку такъ, что она обуглилась и вся дымилась. «Вотъ приложи это къ рукѣ», сказалъ онъ. Она вытянула голую руку,—тогда дѣвочки ходили всегда декольте,—и Языковъ приложилъ обугленную линейку. Она нахмурилась, но не отдернула руки; застонала она только тогда, когда линейка съ кожей отодралась отъ руки. Когда же большіе увидали ея рану и стали спрашивать, какъ это сдѣлалось, она сказала, что сама сдѣлала это, хотѣла испытать то, что испыталъ Муцій Сцевола.

Такая она была во всемъ рѣшительная и самоотверженная.

Должно-быть, она была очень привлекательная съ своей жесткой черной, курчавой, огромной косой и агатово-черными глазами и оживленнымъ, энергичнымъ выраженіемъ. В. И. Юшковъ, мужъ тетки Пелагеи Ильиничны, большой волокита, часто уже старикомъ, съ тѣмъ чувствомъ, съ которымъ говорятъ влюбленные про прежній предметъ любви, вспоминалъ про нее: „Toinette, oh, elle était charmante!“ [1]).

Когда я сталъ помнить ее, ей было уже за сорокъ, и я никогда не думалъ о томъ, красива или некрасива она. Я просто любилъ ее, любилъ ея глаза, улыбку, смуглую, широкую, маленькую руку съ энергической поперечной жилкой.

Должно-быть она любила отца, и отецъ любилъ ее, но она не пошла за него въ молодости для того, чтобы онъ могъ жениться на богатой моей матери; впослѣдствіи же она не пошла за него потому, что не хотѣла портить своихъ чистыхъ, поэтическихъ отношеній съ нимъ и съ нами. Въ ея бумагахъ, въ бисерномъ портфельчикѣ, лежитъ слѣдующая, написанная въ 1836 году, 6 лѣтъ послѣ смерти моей матери, записка:

---

[1]) «Туанетъ, о, она была очаровательна!»

„16 août 1836. Nicolas m'a fait aujourd'hui une étrange proposition—celle de l'épouser, de servir de mère à ses entfants et de ne jamais les quitter. J'ai refusé la première proposition, j'ai promis de remplir l'autre tant que je vivrai“ [1]).

Такъ она записала; но никогда ни намъ, никому не говорила объ этомъ. Послѣ смерти отца она исполнила второе его желаніе: у насъ были двѣ родныя тетки и бабушка, всѣ онѣ имѣли на насъ больше правъ, чѣмъ Татьяна Александровна, которую мы называли тетушкой только по привычкѣ, такъ какъ родство наше было такъ далеко, что я никогда не могъ запомнить его, но она, по праву любви къ намъ, какъ Будда съ раненымъ лебедемъ, заняла въ нашемъ воспитаніи первое мѣсто. И мы чувствовали это.

У меня были вспышки восторженно-умиленной любви къ ней. Помню, какъ разъ на диванѣ въ гостиной, мнѣ было лѣтъ пять, я завалился за нее; она, лаская, тронула меня рукой. Я ухватилъ эту руку и сталъ цѣловать ее и плакать отъ умиленной любви къ ней.

Она была воспитана барышней богатаго дома, говорила и писала по-французски, лучше чѣмъ по-русски, прекрасно играла на фортепіано, но лѣтъ 30 не дотрогивалась до него. Она стала играть только уже тогда, когда я взрослымъ учился играть, и иногда, играя въ четыре руки, удивляла меня правильностью и изяществомъ своей игры. Къ прислугѣ она была добра, никогда сердито не говорила съ нею, не могла переносить мысли о побояхъ или розгахъ, но считала, что крѣпостные—крѣпостные, и обращалась съ ними, какъ барыня. Но, несмотря на то, ее отличали отъ другихъ, любили всѣ лю-

---

[1]) «16 августа 1836. Николай сдѣлалъ мнѣ сегодня странное предложеніе—выйти за него замужъ, замѣнить мать его дѣтямъ и никогда ихъ болѣе не оставлять. Въ первомъ предложеніи я отказала, второе я обѣщалась исполнять, пока я буду жива».

ди. Когда она скончалась и ее несли по деревнѣ, изъ всѣхъ домовъ выходили крестьяне и заказывали панихиду. Главная черта ея была любовь, но какъ бы я ни хотѣлъ, чтобы это такъ было—любовь къ одному человѣку—къ моему отцу! Только уже исходя изъ этого центра, любовь ея разливалась на всѣхъ людей. Чувствовалось, что она и насъ любила за него, черезъ него и всѣхъ любила, потому что вся жизнь ея была любовь.

Она имѣла по своей любви къ намъ наибольшее право на насъ, но родныя тетушки, особенно Пелагея Ильинична, когда она насъ увезла въ Казань, имѣли внѣшнія права, и она покорялась имъ, но любовь отъ этого не ослабѣвала. Она жила у сестры, гр. Е. А. Толстой, но жила душою съ нами и, какъ только можно было, возвращалась къ намъ. То, что она послѣдніе годы своей жизни, около 20 лѣтъ, прожила со мной въ Ясной Полянѣ, было для меня большимъ счастьемъ. Но, какъ мы не умѣли цѣнить нашего счастья, тѣмъ болѣе, что истинное счастье всегда негромко и незамѣтно! Я цѣнилъ, но далеко недостаточно. Она любила у себя въ комнатѣ въ разныхъ посудинкахъ держать сладенькое: винныя ягоды, пряники, финики, и любила покупать и угощать этимъ перваго меня. Не могу забыть и безъ жестокаго укора совѣсти вспомнить, какъ я нѣсколько разъ отказывалъ ей въ деньгахъ на эти сласти и какъ она, грустно вздыхая, умолкала. Правда, я былъ стѣсненъ въ деньгахъ, но теперь не могу вспомнить безъ ужаса, какъ я отказывалъ ей.

Уже когда я былъ женатъ и она начала слабѣть, она разъ, выждавъ время, когда я былъ въ ея комнатѣ, отвернувшись (я видѣлъ, что она готова заплакать), сказала мнѣ: «Вотъ что, mes chers amis. комната моя очень хорошая и вамъ понадобится. А если я умру въ ней, —сказала она дрожащимъ голосомъ,—вамъ будетъ непріятно воспоминаніе, такъ вы меня переведите, чтобы я умерла не здѣсь». Такая она была вся съ первыхъ временъ моего дѣтства, когда я еще не могъ понимать...

Комната ея была такая: въ лѣвомъ углу стояла шифоньерка съ безчисленными вещицами, цѣнными только для нея, въ правомъ—кіотъ съ иконами и большимъ, въ серебряной ризѣ, Спасителемъ; посрединѣ диванъ, на которомъ она спала, передъ нимъ—столъ. Направо дверь къ ея горничной.

Я сказалъ, что тетенька Татьяна Александровна имѣла самое большое вліяніе на мою жизнь. Вліяніе это было, во первыхъ, въ томъ, что еще въ дѣтствѣ она научила меня духовному наслажденію любви. Она не словами учила меня этому, а всѣмъ своимъ существомъ заражала меня любовью.

Я видѣлъ, чувствовалъ, какъ хорошо ей было любить, и понялъ счастье любви. Это—первое. Второе—то, что она научила меня прелести неторопливой, одинокой жизни.

Помню осенніе и зимніе длинные вечера, и эти вечера остались для меня чудеснымъ воспоминаніемъ. Этимъ вечерамъ я обязанъ лучшими своими мыслями, лучшими движеніями души. Сидишь на креслѣ, читаешь, думаешь, изрѣдка слушаешь ея разговоры съ Натальей Петровной или съ Дунечкой, горничной, всегда доброй, ласковой, перекинешься съ ней словомъ и опять сидишь, читаешь, думаешь. Это чудное кресло и теперь стоитъ у меня, но оно уже не то, и другой диванъ, на которомъ спала добрая старушка Наталья Петровна, жившая съ ней, не для нея, а потому, что ей негдѣ было жить. Между окнами подъ зеркаломъ былъ ея письменый столикъ съ баночками и вазочкой, въ которыхъ были сладости: пряники, финики, которыми она угощала меня. У окна два кресла и направо отъ двери вышитое покойное кресло, на которомъ она любила, чтобы я сидѣлъ по вечерамъ.

Главная прелесть этой жизни была въ отсутствіи всякой матеріальной заботы, въ добрыхъ отношеніяхъ ко всѣмъ, въ твердыхъ, несомнѣнно, добрыхъ отношеніяхъ къ ближайшимъ лицамъ, которыя никѣмъ не могли быть

нарушены, и въ нетороппивости, въ несознаванiи убѣгающаго времени.

Тогда можно было сказать: „Wer darauf sitzt, der ist glücklich und der Glückliche bin ich“ [1]).

И дѣйствительно, я былъ истинно счастливъ, когда сидѣлъ на этомъ креслѣ. Послѣ дурной жизни въ Тулѣ у сосѣдей съ картами, цыганами, охотой, глупымъ тщеславiемъ, вернешься домой, придешь къ ней, по старой привычкѣ поцѣлуешься съ ней рука въ руку, я—ея милую, энергическую, она—мою грязную, порочную руку, поздоровавшись тоже по старой привычкѣ по-французски, пошутишь съ Натальей Петровной и сядешь на покойное кресло. Она знаетъ все, что я дѣлалъ, жалѣетъ объ этомъ, но никогда не упрекнетъ, всегда съ той же лаской, любовью. Сижу на креслѣ, читаю, думаю, прислушиваюсь къ разговору ея съ Натальей Петровной. То вспоминаютъ старину, то раскладываютъ пасьянсъ, то замѣчаютъ предзнаменованiя, то шутятъ о чемъ-нибудь, и обѣ старушки смѣются, особенно тетенька, дѣтскимъ, милымъ смѣхомъ, который я сейчасъ слышу. Разсказываю я про то, что жена знакомаго измѣнила мужу, и говорю, что мужъ, должно быть, радъ, что освободился отъ нея. И вдругъ тетенька, сейчасъ только говорившая съ Натальей Петровной о томъ, что наростъ на свѣчкѣ означаетъ гостя, поднимаетъ брови и говоритъ, какъ дѣло, давно рѣшенное въ ея душѣ, что мужъ не долженъ этого дѣлать, потому что погубитъ совсѣмъ жену. Потомъ она разсказываетъ мнѣ про драму на дворнѣ, про которую разсказывала ей Дунечка. Потомъ перечитываетъ письмо отъ сестры Машеньки, которую она любила если не больше, то такъ же, какъ меня, и говоритъ про ея мужа, своего родного племянника, не осуждая, но грустя о томъ горѣ, которое онъ сдѣлалъ Машенькѣ. Потомъ я опять читаю, она перебира-

---

[1]) «Кто на немъ сидитъ, тотъ счастливъ, и счастливецъ этотъ—я».

етъ свои вещицы—все воспоминанія. Главное свойство ея жизни, которое невольно заражало меня, была ея удивительная, всеобщая доброта ко всѣмъ безъ исключенія. Я стараюсь вспомнить и не могу ни одного случая, когда бы она разсердилась, сказала рѣзкое слово, осудила бы, и не могу вспомнить ни одного случая за 30 лѣтъ жизни. Она говорила добро про другую тетушку родную, которая жестоко огорчила ее, отнявъ насъ у нея, не осуждала и мужа сестры, очень дурно поступившаго съ ней. Про прислугу и говорить нечего. Она выросла въ понятіяхъ, что есть господа и люди, но пользовалась своимъ господствомъ только для того, чтобы служить людямъ. Никогда она не выговаривала мнѣ прямо за мою дурную жизнь, хотя страдала за меня. Брата Сергѣя, котораго она тоже горячо любила, она также не упрекала и тогда, когда онъ сошелся съ цыганкой. Единственный оттѣнокъ безпокойства за насъ было то, что когда онъ долго не пріѣзжалъ, она говаривала: «Что-то нашъ Сергейусъ?» Только вмѣсто Сережи—Сергейусъ. Никогда она не учила тому, какъ надо жить, словами, никогда не читала нравоученій. Вся нравственная работа была переработка въ ней внутри, а наружу выходили только ея дѣла—и не дѣла—дѣлъ не было, а вся ея жизнь, спокойная, кроткая, покорная и любящая не тревожной, любующейся на себя, а тихой, незамѣтной любовью.

Она дѣлала внутреннее дѣло любви, и потому ей не нужно было никуда торопиться. И эти два свойства—любовность и неторопливость—незамѣтно влекли въ общество къ ней и давали особенную прелесть въ этой близости.

Отъ этого, какъ я не знаю случая, чтобы она обидѣла кого, я не знаю никого, кто бы не любилъ ее. Никогда она не говорила про себя, никогда о религіи, о томъ, какъ надо вѣрить, о томъ, какъ она вѣритъ и молится. Она вѣрила во все, но отвергала только одинъ догматъ—вѣч-

ныхъ мученій. „Dieu, qui est la bonté même, ne peut pas vouloir nos souffrances“ [1]).

И кромѣ какъ на молебнахъ и панихидахъ, я никогда не видалъ, какъ она молится. Я только по особенной привѣтливости, съ которой она иногда встрѣчала меня, когда я иногда поздно вечеромъ послѣ прощанія на ночь заходилъ къ ней, догадывался, что я прервалъ ея молитву. «Заходи, заходи,—скажетъ она бывало.—А я только что говорю Нат. Петр., что Nicolas зайдетъ еще къ намъ». Она часто называла меня именемъ отца, и это мнѣ было особенно пріятно потому, что показывало, что представленіе о мнѣ и отцѣ соединяется въ ея любви къ обоимъ. По этимъ позднимъ вечерамъ она бывала уже раздѣта, въ ночной рубашкѣ, съ накинутымъ платкомъ, съ цыплячьими ножками въ туфляхъ, и въ такомъ же неглиже Нат. Петр. «Садись, садись», говорила она, видя, что мнѣ не хочется спать или тяжело одиночество. И эти незаконныя позднія сидѣнія мнѣ особенно милы, по памяти. Бывало, скажетъ что нибудь смѣшное Нат. Петр. или я—и она добродушно смѣется, и тотчасъ же разсмѣется Нат. Петр., и обѣ старушки долго смѣются, сами не знаютъ—чему, а какъ дѣти, только тому, что онѣ всѣхъ любятъ и имъ хорошо.

Не одна любовь ко мнѣ была радостна. Радостна была эта атмосфера любви ко всѣмъ присутствующимъ, отсутствующимъ, живымъ и умершимъ людямъ и даже животнымъ.

Я еще буду, если придется раскопать мою жизнь, много говорить про нее. Теперь скажу только про отношеніе народа, яснополянскихъ крестьянъ къ ней, выразившееся во время ея похоронъ: когда мы несли ее по деревнѣ, не было ни одного двора изъ 60, изъ котораго не выходили бы люди и не требовали бы остановки и панихиды. «Добрая была барыня, никому зла не сдѣла-

---

[1]) «Богъ, который сама доброта, не можетъ хотѣть нашихъ страданій».

ла», говорили всѣ. И ее любили и сильно любили за это. Лаодзе говоритъ, что вещи цѣнны тѣмъ, чего въ нихъ нѣтъ. Также и жизнь: главная цѣна ея въ томъ, чтобы не было въ ней дурного. И въ жизни тетушки Татьяны Александровны не было дурного. Это легко сказать, но трудно сдѣлать. И я зналъ только одного такого человѣка.

Умирала она тихо, постепенно засыпая, и умерла, какъ хотѣла, не въ той комнатѣ, гдѣ жила, чтобы не испортить ее для насъ.

Умирала она, почти никого не узнавая, меня она узнавала всегда; улыбаясь, просіявала, какъ электрическая лампочка, когда нажмешь кнопку, и иногда шевелила губами, стараясь произнести Nicolas, передъ смертью совсѣмъ уже нераздѣльно соединивъ меня съ тѣмъ, кого она любила всю жизнь.

И ей-то, ей-то я отказывалъ въ той маленькой радости, которую ей доставляли финики, шоколадъ, и не столько для себя, а чтобы угощать меня же, и возможность дать ей немного денегъ тѣмъ, кто просилъ ее. Этого не могу вспомнить безъ мучительнаго укора совѣсти. Милая, милая тетенька, простите меня. Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait![1]) не въ смыслѣ того блага, котораго для себя не взялъ въ молодости, а въ смыслѣ того блага, которого не далъ, и зла, которое сдѣлалъ тѣмъ, которыхъ уже нѣтъ.

VII.

Кромѣ братьевъ и сестры, съ пятилѣтняго возраста съ нами росла ровесница мнѣ Дунечка Темяшева, и мнѣ надо разсказать, кто она была и какъ попала къ намъ. Въ числѣ нашихъ посѣтителей, памятныхъ мнѣ въ дѣтствѣ, мужа тетки, Юшкова, страннаго для дѣтей вида, съ черными усами, бакенбардами и въ очкахъ (о немъ придется много говорить), и моего крестнаго отца С. И.

---

[1]) Если бы юность знала, если бы старость могла!

Языкова, замѣчательно безобразнаго, пропахшаго курительнымъ табакомъ, съ лишней кожей на большомъ лицѣ, которую онъ передергивалъ въ самыя странныя, безпрестанныя гримасы, кромѣ этихъ и двухъ сосѣдей, Огарева и Исленева, посѣщалъ насъ еще дальній родственникъ по Горчаковымъ, богачъ-холостякъ Темяшевъ, называвшій отца братомъ и питавшій къ нему какую-то восторженную любовь. Онъ жилъ въ сорока верстахъ отъ Ясной Поляны въ селѣ Пироговѣ, и привезъ разъ оттуда поросятъ съ закорюченными колечками хвостами, которыхъ на большомъ подносѣ раскладывали на столѣ въ офиціантской. Темяшевъ, Пирогово и поросята соединялись у меня въ воображеніи въ одно.

Кромѣ того, Темяшевъ былъ намъ, дѣтямъ памятенъ еще тѣмъ, что игралъ въ залѣ на фортепіано какой-то плясовой мотивъ (онъ только это и умѣлъ играть) и заставлялъ насъ плясать подъ эту музыку; когда же мы спрашивали его, какой танецъ надо танцовать, онъ говорилъ, что можно всѣ танцы танцовать подъ эту музыку. И мы любили пользоваться этимъ.

Былъ зимній вечеръ, чай отпили, насъ скоро должны были вести спать, и у меня уже глаза слипались, когда вдругъ изъ офиціантской въ гостиную, гдѣ всѣ сидѣли и горѣли только двѣ свѣчи и было полутемно, въ открытую большую дверь скорымъ шагомъ мягкихъ сапогъ вошелъ человѣкъ и, выйдя на середину гостиной, хлопнулся на колѣни. Зажженная трубка на длинномъ чубукѣ, которую онъ держалъ въ рукѣ, ударилась объ полъ, и искры разсыпались, освѣщая лицо стоявшаго на колѣняхъ,—это былъ Темяшевъ. Что сказалъ Темяшевъ отцу, упавъ передъ нимъ на колѣни, я не помню, да и не слышалъ, а только потомъ узналъ, что это онъ упалъ на колѣни передъ отцомъ потому, что привезъ съ собою свою незаконную дочь Дунечку, про которую уже прежде говорилъ съ отцомъ съ тѣмъ, чтобы отецъ принялъ ее на воспитаніе съ своими дѣтьми. Съ тѣхъ поръ у насъ появилась широколицая дѣвочка, моя

ровесница, Дунечка, съ своей няней Евпраксеей, высокой, сморщенной старухой, съ висячимъ у подбородка, какъ у индюка, кадыкомъ, въ которомъ былъ шарикъ, который она намъ давала ощупывать.

Появленіе въ нашемъ домѣ Дунечки связывалось съ сложной имущественной сдѣлкой между отцомъ и Темяшевымъ. Сдѣлка эта была вотъ какая:

Темяшевъ былъ очень богатъ. Законныхъ дѣтей у него не было. А было только двѣ дѣвочки: Дунечка и Вѣрочка, горбатая дѣвочка, отъ бывшей крѣпостной, отпущенной на волю дѣвушки Марѳуши. Наслѣдницы Темяшевы были его сестры. Онъ предоставлялъ имъ всѣ остальныя свои имѣнія, а Пирогово, въ которомъ онъ жилъ, желалъ передать отцу съ тѣмъ, чтобы цѣнность имѣнія 300.000 (про Пирогово всегда говорили, что это было золотое дно, и оно стоило гораздо больше) отецъ передалъ двумъ дѣвочкамъ. Для того, чтобы устроить это дѣло, было придумано слѣдующее: Темяшевъ дѣлалъ запродажную запись, по которой онъ продавалъ отцу Пирогово за 300.000, отецъ же давалъ вексель тремъ постороннимъ лицамъ: Исленеву, Языкову и Глѣбову по 100 тысячъ каждый. Въ случаѣ смерти Темяшева отецъ получалъ имѣніе и, объяснивъ Глѣбову, Исленеву и Языкову, съ какою цѣлью даны были на ихъ имя векселя, выплачивалъ 300.000, которыя должны были итти двумъ дѣвочкамъ.

Можетъ-быть, я ошибаюсь въ описаніи всего плана, но знаю я несомнѣнно то, что имѣніе Пирогово перешло къ намъ послѣ смерти отца и что были три векселя на имена Исленева, Глѣбока и Языкова, и опека выплатила эти векселя и первые два передали по 100 тысячъ дѣвочкамъ. Языковъ же присвоилъ себѣ эти, не принадлежащія ему, деньги, но объ этомъ послѣ.

Дунечка жила у насъ и была милая, простая, спокойная, но не умная дѣвочка и большая плакса. Помню, какъ меня, обученнаго уже французской грамотѣ, заставили учить ее буквы. Сначала у насъ дѣло шло хорошо

(мнѣ и ей было по пяти лѣтъ), но потомъ, вѣроятно, она устала и перестала называть правильно ту букву, которую я ей показывалъ. Я настаивалъ. Она заплакала. Я тоже. И когда къ намъ пришли, мы ничего не могли выговорить отъ отчаянныхъ слезъ. Другое помню о ней, что когда оказалась похищенной одна слива съ тарелки и не могли найти виновнаго, Ѳедоръ Ивановичъ съ серьезнымъ видомъ, не глядя на насъ, сказалъ, что съѣлъ —это ничего, а если косточку проглотилъ, то можетъ умереть. Дунечка не вытерпѣла этого страха и сказала, что косточку она выплюнула. Еще помню ея отчаянныя слезы, когда они съ братомъ Митенькой затѣяли игру, состоящую въ томъ, чтобы плевать другъ другу въ ротъ маленькую мѣдную цѣпочку, и она такъ сильно плюнула, а Митенька такъ широко раскрылъ ротъ, что проглотилъ цѣпочку. Она плакала безутѣшно, пока не пріѣхалъ докторъ и не успокоилъ всѣхъ.

Она была не умная, но хорошая, простая дѣвочка, а главное, до такой степени цѣломудренная, что между нами, мальчиками, и ею никогда не было никакихъ, кромѣ братскихъ, отношеній.

VIII.

Прасковью Исаевну я довольно вѣрно описалъ въ «Дѣтствѣ» (подъ именемъ Натальи Савишны). Все, что я о ней писалъ, было дѣйствительно. Прасковья Исаевна была почтенная особа—экономка, а между тѣмъ у нея, въ ея маленькой комнаткѣ, стояло наше дѣтское судньшко. Помню, одно изъ самыхъ пріятныхъ впечатлѣній было послѣ урока или въ серединѣ урока сѣсть въ ея комнаткѣ и разговаривать съ ней и слушать. Вѣроятно, она любила видѣть насъ въ эти времена особенно счастливой и умиленной откровенности. «Прасковья Исаевна, дѣдушка какъ воевалъ? Верхомъ?» кряхтя спросишь ее, чтобы только поговорить и послушать.

— Онъ всячески воевалъ—и на конѣ и пѣшій. За то генералъ-аншефъ былъ,—отвѣтитъ она и, открывая

шкапъ, достастъ смолку, которую она называла «Очаковскимъ куреньемъ». По ея словамъ выходило, что эту смолку дѣдушка привезъ изъ-подъ Очакова. Зажжетъ бумажку изъ лампадки у иконы и зажжетъ смолку, и она дымитъ пріятнымъ запахомъ.

Кромѣ той обиды, которую она мнѣ нанесла, побивъ меня мокрой скатертью, какъ я описалъ это въ «Дѣтствѣ», она еще другой разъ обидѣла меня: въ числѣ ея обязанностей было еще и то, чтобы, когда это нужно было, ставить намъ клистиры. Разъ утромъ, уже не въ женской половинѣ, а внизу, на половинѣ Ѳедора Ивановича, мы только что встали и старшіе братья уже одѣлись, а я замѣшкался и только что собирался снимать свой халатикъ и одѣваться, какъ быстрыми старушечьими шагами вошла Прасковья Исаевна со своими инструментами. Инструменты состояли изъ трубки, завернутой почему-то въ салфетку такъ, что только желтоватая костяная трубочка виднѣлась изъ нея, и еще блюдечко съ деревяннымъ масломъ, въ которое обмакивалась костяная трубочка. Увидя меня, Прасковья Исаевна рѣшила, что тотъ, надъ кѣмъ тетенька велѣла сдѣлать операцію, былъ я. Въ сущности, это былъ Митенька, но случайно или изъ хитрости, зная, что ему угрожаетъ операція, которую мы всѣ очень не любили, онъ поспѣшно одѣлся и ушелъ изъ спальни. И, несмотря на мои клятвенныя увѣренія, что не мнѣ назначена операція, она исполнила ее надо мной.

Кромѣ той преданности и честности ея, я особенно любилъ ее потому, что она со старушкой Анной Ивановной казалась мнѣ представительницей таинственной стороны жизни дѣдушки съ «очаковскимъ куреньемъ».

Анна Ивановна жила на покоѣ, и раза два она была въ домѣ и я видѣлъ ее. Ей, говорили, что было 100 лѣтъ, и она помнила Пугачева. У ней были очень черные глаза и одинъ зубъ. Она была той старости, которая страшна дѣтямъ.

Няня, Татьяна Филипповна, маленькая, смуглая, съ пухлыми маленькими руками, была молодая няня, помощница старой няни Аннушки, которую я почти не помню, именно потому, что я сознавалъ себя не иначе, какъ съ Аннушкой, и какъ я на себя не смотрѣлъ и не помнилъ себя, какой я былъ, такъ не помню и Аннушку.

Такъ, вновь прибывшую няню Дунечки, Евпраксею, съ ея шарикомъ на шеѣ, я помню прекрасно. Помню, какъ мы чередовались щупать ея шарикъ; какъ я, какъ нѣчто новое, понялъ то, что няня Аннушка не есть всеобщая принадлежность людей. А что вотъ у Дунечки совсѣмъ особенная своя няня изъ Пирогова.

Няню Татьяну Филипповну я помню потому, что она потомъ была няней моихъ племянницъ и моего старшаго сына. Это было одно изъ тѣхъ трогательныхъ существъ изъ народа, которыя такъ сживаются съ семьями своихъ питомцевъ, что всѣ свои интересы переносятъ въ нихъ и для своихъ семейныхъ предоставляютъ только возможность выпрашиванія и наслѣдованія нажитыхъ денегъ. Всегда у нихъ моты братья, мужья, сыновья. И такіе же были, сколько помню, мужъ и сынъ Татьяны Филипповны. Помню, она тяжело, тихо и кротко умирала въ нашемъ домѣ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ я теперь сижу и пишу эти воспоминанія.

Братъ ея, Николай Филипповичъ, былъ кучеръ, котораго мы не только любили, но къ которому, какъ большею частью господскія дѣти, питали великое уваженіе. У него были особенно толстые сапоги, пахло отъ него всегда пріятно навозомъ, и голосъ у него былъ ласковый и звучный...

Да, но прежде всего скажу нѣсколько словъ о камердинерахъ и Тихонѣ. Въ старину у всѣхъ баръ, особенно охотниковъ, были любимцы. Такіе были у моего отца два брата-камердинеры — Петруша и Матюша, оба красивые, сильные, ловкіе охотники. Оба они были

отпущены на волю и получили всякаго рода преимущества и подарки отъ отца. Когда отецъ мой скоропостижно умеръ, было подозрѣніе, что эти люди отравили его. Поводъ къ этому подозрѣнію подало то, что у отца были похищены всѣ бывшія съ нимъ деньги и бумаги, и бумаги только, векселя и другія, были подкинуты въ московскій домъ черезъ нищую. Не думаю, чтобы это была правда, но было возможно и это. Бывали именно такіе случаи, именно то, что крѣпостные, особенно возвышенные своими господами, вмѣсто рабства, вдругъ получавши огромную власть, ошалѣвали и убивали своихъ благодѣтелей. Трудно представить себѣ весь тотъ переходъ отъ полнаго рабства не только къ свободѣ, но къ огромной власти. Не знаю ужъ, какъ и отчего, но знаю, что это бывало, и что Петруша и Матюша были именно такіе ошалѣвшіе люди, не могущіе удовлетвориться тѣмъ, что́ получили, а естественно хотѣвшіе подниматься все выше и выше. Я этого, разумѣется, не понималъ, и мнѣ они просто нравились—особенно Петруша—своей ловкостью, силой, мужественной красотой, чистотой одежды и ласковостью къ намъ, дѣтямъ, и ко мнѣ особенно. Я всегда просто любовался ими, видѣлъ въ нихъ особенныхъ людей. Большое уваженіе къ нимъ вызывали во мнѣ тѣ фарфоровыя и деревянныя крашеныя куколки людей, собакъ, кошекъ, обезьянъ, которыя стояли у нихъ на окнахъ въ комнатахъ нижняго этажа, въ которыхъ они жили. Проходя мимо нихъ, мы всегда съ уваженіемъ смотрѣли на этихъ куколъ. Это казалось мнѣ чѣмъ-то особенно важнымъ. Оба они были холостые, и оба нелюбимы дворней.

Тихонъ, официантъ, тотъ, который теръ табакъ и котораго мы очень любили, былъ человѣкъ совсѣмъ другого склада. Это былъ маленькій, узенькій человѣчекъ, весь бритый, съ длиннымъ, какъ это часто бываетъ у актеровъ-комиковъ, промежуткомъ между носомъ и твердо сложеннымъ ртомъ, и подвижнымъ лбомъ, и

бровями надъ впалыми, сѣрыми глазками. Онъ былъ у дѣдушки въ оркестрѣ флейтистомъ. Его обязанности въ домѣ состояли въ уборкѣ парадныхъ комнатъ и въ служеніи за столомъ. Онъ былъ природный актеръ. Ему, очевидно, самому доставляло удовольствіе представлять что попало и дѣлать комическія гримасы, которыя приводили насъ, дѣтей, въ восхищеніе. Всѣ всегда надъ нимъ смѣялись. И про него ходили разсказы между дворней о томъ, какъ онъ въ похожденіи на деревнѣ попалъ въ похтерь. По утрамъ онъ въ чулкахъ и курткѣ съ вѣничкомъ изъ прудоваго тростника убиралъ комнаты, днемъ сидѣлъ въ передней и вязалъ чулки.

Обрываю начатое описаніе слугъ по порядку. Это показалось мнѣ скучно и не выходило. Буду описывать свою жизнь, вспоминая, сколько могу, назадъ.

Да, столько впереди интереснаго, важнаго, что хотѣлось бы разсказать, а не могу оторваться отъ дѣтства, яркаго, нѣжнаго, поэтическаго, любовнаго, таинственнаго дѣтства. Вступая въ жизнь, мы въ дѣтствѣ чувствуемъ, сознаемъ всю ея удивительную таинственность, знаемъ, что жизнь не только то, что даютъ намъ наши чувства, а потомъ стирается это истинное предчувствіе или послѣчувствія всей глубины жизни.

Да, удивительное было время. Вотъ мы кончили уроки, кончили прогулку и приведены въ гостиную, чтобы итти къ обѣду. Гостиная — диванъ, большой, круглый, краснаго дерева, столъ, подъ прямымъ угломъ къ столу — по четыре кресла. Напротивъ дивана балконная дверь и въ простѣнкахъ между ней и высокими окнами два зеркала въ рѣзныхъ золоченыхъ рамахъ. Бабушка сидитъ на лѣвой сторонѣ дивана съ золотой табакеркой въ чепцѣ съ рюшей. Тетушки Александра Ильинишна, Татьяна Александровна, Пашенька, тетушкина пріемная дочь, съ своей крестной матерью Марьей Герасимовной (про которую сейчасъ разскажу), Ѳедоръ Ивановичъ, всѣ собрались, ждутъ папеньку изъ каби-

нета. Вотъ онъ выходитъ бодрымъ, быстрымъ шагомъ съ своей сангвинической красной шеей, мягкихъ, безъ каблуковъ, сапогъ, добрыми, красивыми глазами и граціозно-мужественными движеніями. Иногда онъ выходитъ съ трубкой въ рукѣ, отдаетъ ее лакею. Онъ выходитъ и подсаживается къ бабушкѣ, цѣлуя у нея руку и что-нибудь шутя съ нами, тетушкой или Ѳедоромъ Ивановичемъ.

— Что же не даютъ обѣдать? — крикнетъ онъ своимъ добрымъ и ласковымъ голосомъ. Изъ официантской выходитъ кто-нибудь изъ его камердинеровъ-охотниковъ— Володя, Матюша, Петруша (про нихъ тоже надо разсказать). Сейчасъ подаютъ.

И дѣйствительно, въ огромную высокую дверь (темно-красную, подмалеванную, двери такъ и остались) входитъ въ синемъ сюртукѣ съ высокими со сборками плечами дворецкій, бывшая вторая скрипка въ оркестрѣ дѣдушки, Фока Демидычъ съ своими сходящимися поднятыми бровями и съ очевидной гордостью и торжественностью объявляетъ—кушанье поставлено.

Всѣ поднимаются. Отецъ даетъ руку бабушкѣ, за ними слѣдуютъ тетушки, Пашенька, мы съ Ѳедоромъ Ивановичемъ и кто-нибудь изъ живущихъ и Марья Герасимовна. Я подхожу (я помню это, какъ всегда помнится, почему-то ярко одинъ моментъ) съ лѣвой стороны къ отцу, рука его касается моихъ волосъ, шеи, я люблю эту бѣлую руку съ красной характерной полосой на внѣшней выступающей части ладони, и держу и не смѣю и, наконецъ, цѣлую; рука пожимаетъ мою щеку, и я умиленно счастливъ. Проходимъ официантскую площадку передъ лѣстницей и входимъ въ большую залу. Почти за каждымъ стуломъ стоятъ лакеи съ тарелками, которыя они держатъ въ лѣвой рукѣ у лѣвой стороны груди. Если есть гости, то ихъ лакеи всегда стоятъ за ихъ стульями и служатъ имъ. На столѣ, покрытомъ работы своихъ ткачей грубоватой скатертью, графины съ водой, кружки съ квасомъ, ложки

серебряныя старыя, ножи и вилки желѣзныя съ деревянными ручками, стаканы самые простые, тонкіе. Супъ разливаютъ въ буфетѣ, лакеи разносятъ къ супу пирожки. Но намъ не даютъ почему-то пирожковъ, и камердинеръ Петруша, особенно расположенный ко мнѣ, потихоньку подсовываетъ мнѣ пирожокъ. Какъ удивительно вкусенъ этотъ пирожокъ! За обѣдомъ, впрочемъ, все удовольствіе, все радостно, все вкусно, все весело. Трудно только сидѣть неподвижно, и если не позволяется шевелиться верхней частью тѣла, то замѣщаешь это тѣмъ, что болтаешь усиленно подъ столомъ недостающими до полу толстыми ножонками въ бѣлыхъ нитяныхъ чулкахъ, сдѣланными своимъ глухимъ Алексѣемъ сапожникомъ башмаками. Все вкусно, кромѣ иногда жилистаго, застрявшаго во рту, куска говядины, который мнешь, мнешь и пока большіе заняты разговорами, выплюнешь въ маленькую ладонь и бросишь подъ столъ. Вкусна каша, вкусенъ картофель печеный, рѣпа, вкусны куры съ огурцами и, главное, вкусно пирожное, всякое сладкое пирожное, оладьи, молочная лапша, хворостики, творогъ съ сметаною. Весело слушать иногда разговоры старшихъ, когда понимаешь ихъ и переговариваться съ братьями о нашихъ, однимъ намъ интересныхъ, предметахъ и особенно весело смотрѣть на Тихона.

Тихонъ это бывшая флейта въ оркестрѣ дѣдушки, маленькій веселый человѣчекъ съ удивительнымъ, какъ намъ казалось, талантомъ комизма. Онъ стоитъ бывало за бабушкой или за отцомъ, вдругъ вытянувъ свои длинныя бритыя губы, взмахнетъ тарелкой и сдѣлаетъ комическую выкрутасу. Мы засмѣемся. Кто-нибудь изъ большихъ оглянется, и Тихонъ стоитъ какъ статуя, замеревъ въ неподвижной позѣ съ тарелкой у груди.

Бываетъ за обѣдомъ и еще удовольствіе, когда на меня обращаютъ вниманіе и выставляютъ передъ публикой мое искусство составлять шарады.

— Ну-ка, Левка, пузырь (меня такъ звали, я былъ очень толстый ребенокъ), отличись новой шарадой, — говоритъ отецъ.

И я отличаюсь шарадой въ такомъ родѣ: мое первое —буква, второе—птица, а все—маленькій домикъ. Это: бутка — будка. Пока я говорю, на меня смотрятъ и улыбаются, и я знаю, чувствую, что эти улыбки не значатъ то, что есть что-нибудь смѣшное во мнѣ или моихъ рѣчахъ, а значитъ то, что смотрящіе на меня любятъ меня. Я чувствую это, и мнѣ восторженно-радостно на душѣ.

Обѣдъ кончается. Отцу подаютъ закуренную трубку, и онъ идетъ къ себѣ, бабушка въ гостиную, мы внизъ, и начинается рисованіе. Иногда приходитъ отецъ, говоритъ съ Ѳедоромъ Ивановичемъ по-нѣмецки, удивляя насъ своимъ выговоромъ. Онъ говорилъ правильно з и (sie), г а н ц ъ (ganz), а мы по-саксонски, какъ Ѳедоръ Ивановичъ с и и я н ц ъ и съ недовѣріемъ слушаемъ выговоръ отца. Онъ иногда рисуетъ намъ. Потомъ идемъ прощаться съ бабушкой, тетушками; Николай Дмитріевичъ — дядька собираетъ наше платье, перевѣшиваетъ на руку и желаетъ намъ спокойной ночи и пріятнаго сна. Иногда мы не спимъ и переговариваемся до тѣхъ поръ, пока входитъ въ темнотѣ Ѳедоръ Ивановичъ, высѣкаетъ огонь, зажигаетъ сѣрничокъ синимъ огнемъ, потомъ свѣчку, ложится на свою постель съ высокими подушками, тушитъ свѣчку, и я засыпаю.

Надо упомянуть и о буфетчикѣ Васильѣ Трубецкомъ. Это былъ милый, ласковый человѣкъ, очевидно, любившій дѣтей и потому любившій насъ, особенно Сережу, того самаго. у котораго онъ потомъ и служилъ и померъ. Помню добрую, кривую улыбку его бритаго лица. которое съ морщинами и шеей было близко видно, и тоже особенный запахъ, когда онъ бралъ насъ на руки и сажалъ на подносъ (это было однимъ изъ большихъ удовольствій: «и меня! теперь меня!») и

носилъ по буфету, таинственному для насъ мѣсту, съ какимъ-то подземнымъ ходомъ. Одно изъ сильныхъ воспоминаній, связанныхъ съ нимъ, былъ его отъѣздъ въ Щербачевку, курское имѣніе, полученное отцомъ въ наслѣдство отъ Перовской. Это было (отъѣздъ Василія Трубецкого) на святкахъ, въ то время, какъ мы, дѣти, и нѣсколько дворовыхъ въ залѣ играли «пошелъ рубликъ».

Про эти святочныя увеселенія надо тоже разсказать. Святочныя, увеселенія происходили такъ: дворовые всѣ, очень много, человѣкъ 30, наряжались, приходили въ домъ и играли въ разныя игры и плясали подъ игру старика Григорья, который только въ эти времена и появлялся въ домѣ. Это было очень весело. Ряженые были, какъ всегда, медвѣдь съ поводыремъ и козой, турки и турчанки, разбойники, крестьянки—мужчины и мужики—бабы. Помню, какъ казались мнѣ красивы нѣкоторые ряженые и какъ хороша была особенно Маша-турчанка. Иногда тетенька наряжала и насъ. Былъ особенно желателенъ какой-то поясъ съ каменьями и кисейное полотенце, вышитое серебромъ и золотомъ, и очень я себѣ казался хорошъ съ усами, наведенными жженой пробкой. Помню, какъ, глядя въ зеркало на свое съ черными усами и бровями лицо, я не могъ удержать улыбки удовольствія, а надо было дѣлать величественное лицо турки. Ходили по всѣмъ комнатамъ и угощались разными лакомствами.

Въ однѣ изъ святокъ, въ моемъ первомъ дѣтствѣ, пріѣхали къ намъ всѣ Исленевы ряженые: отецъ, дѣдъ моей жены, три его сына и три дочери. На всѣхъ были удивительные для насъ костюмы: былъ туалетъ, былъ сапогъ, картонный паяцъ и еще что-то. Исленевы, пріѣхавъ за 40 верстъ, переодѣлись на деревнѣ, и, войдя въ залу, Исленевъ сѣлъ за фортепіано и пропѣлъ сочиненные имъ стихи на голосъ, который я и теперь помню. Стихи были такіе:

«Съ новымъ годомъ васъ поздравить
Мы пріѣхали сюда;
Коль удастся позабавить,
Будемъ счастливы тогда!»

Это было все очень удивительно и, вѣроятно, хорошо для большихъ, но для насъ, дѣтей, самое лучшее были дворовые.

Такія увеселенія происходили первые дни Рождества и подъ Новый годъ, иногда и послѣ, до Крещенья. Но послѣ Новаго года уже приходило мало народа, и увеселенія шли вяло. Такъ это было въ тотъ день, когда Василій уѣзжалъ въ Щербачевку. Помню, въ углу почти неосвѣщенной залы мы сидѣли кружкомъ на домодѣльныхъ, подъ красное дерево, съ кожаными подушками деревянныхъ стульяхъ и играли въ рубликъ. Онъ ходилъ и долженъ былъ найти рубль, а мы перепускали его изъ рукъ въ руки, напѣвая: «пошелъ рубликъ, пошелъ рубликъ!» Помню, одна дворовая особенно пріятнымъ и вѣрнымъ голосомъ выводила все тѣ же слова. Вдругъ дверь буфета отворилась, и Василій, какъ-то особенно застегнутый, безъ подноса и посуды, прошелъ черезъ край залы въ кабинетъ. Тутъ только я узналъ, что Василій уѣзжаетъ приказчикомъ въ Щербачевку. Я помню, что это было повышеніемъ, и радъ былъ за Василія, и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ не только жаль было разстаться съ нимъ, знать, что его не будетъ въ буфетѣ, не будетъ ужъ онъ насъ носить на подносѣ, но я даже не понималъ, не вѣрилъ, чтобы могло совершиться такое измѣненіе. Мнѣ стало ужасно таинственно-грустно, и напѣвы: «пошелъ рубликъ», сдѣлались умильно-трогательны. Когда же Василій вернулся отъ тетеньки и съ своей милой кривой улыбкой подошелъ къ намъ, цѣлуя насъ въ плечи, я испыталъ въ первый разъ ужасъ и страхъ передъ непостоянствомъ жизни и жалость и любовь къ милому Василію.

Когда я послѣ встрѣчалъ Василія, я видѣлъ въ немъ уже хорошаго или дурного приказчика брата, человѣка,

котораго я подозрѣвалъ, и слѣда уже не было прежняго, святого, братскаго человѣчнаго чувства.

IX.

Да, Фанфаронова гора—это одно изъ самыхъ далекихъ, и милыхъ, и важныхъ воспоминаній. Старшій братъ Николенька былъ на 6 лѣтъ старше меня. Ему было, стало-быть 10—11, когда мнѣ было 4 или 5, именно когда онъ водилъ насъ на Фанфаронову гору. Мы въ первой молодости, не знаю, какъ это случилось, говорили ему «вы». Онъ былъ удивительный мальчикъ и потомъ удивительный человѣкъ. Тургеневъ говорилъ про него очень вѣрно, что онъ не имѣлъ только тѣхъ недостатковъ, которые нужны для того, чтобы быть писателемъ. Онъ не имѣлъ главнаго, нужнаго для этого недостатка: у него не было тщеславія, ему совершенно не интересно было, что́ о немъ думаютъ люди. Качества же писателя, которыя у него были, были прежде всего тонкое, художественное чутье, крайнее чувство мѣры, добродушный, веселый юморъ, необыкновенное, неистощимое воображеніе и правдивое, высоко-нравственное міровоззрѣніе, и все это безъ малѣйшаго самодовольства. Воображеніе у него было такое, что онъ могъ разсказывать сказки или исторіи съ привидѣніями или юмористическія исторіи въ духѣ мадамъ Рэдклифъ безъ остановки цѣлыми часами и съ такой увѣренностью въ дѣйствительность разсказываемаго, что забывалось, что это выдумка.

Когда онъ не разсказывалъ и не читалъ (онъ читалъ очень много), онъ рисовалъ. Рисовалъ онъ почти всегда чертей съ рогами, закрученными усами, сцѣпляющихся въ самыхъ разнообразныхъ позахъ между собою и занятыхъ самыми разнообразными дѣлами. Рисунки эти тоже были полны воображенія и юмора.

Такъ вотъ онъ-то, когда намъ съ братьями было—мнѣ 5, Митенькѣ 6, Сережѣ 7 лѣтъ, объявилъ намъ, что у него есть тайна, посредствомъ которой, когда она откроется, всѣ люди сдѣлаются счастливыми, не будетъ

ни болѣзни, никакихъ непріятностей, никто ни на кого не будетъ сердиться, и всѣ будутъ любить другъ друга, всѣ сдѣлаются муравейными братьями (вѣроятно, это были моравскіе братья, о которыхъ онъ слышалъ или читалъ, но на нашемъ языкѣ это были муравейные братья). Я помню, что слово «муравейные» особенно нравилось, напоминая муравьевъ въ кочкѣ. Мы даже устроили игру въ муравейные братья, которая состояла въ томъ, что садились подъ стулья, загораживая ихъ ящиками, завѣшивали платками и сидѣли тамъ въ темнотѣ, прижимаясь другъ къ другу. Я, помню, испытывалъ особенное чувство любви и умиленія и очень любилъ эту игру.

«Муравейные братья» были открыты намъ, но главная тайна о томъ, какъ сдѣлать, чтобы всѣ люди не знали никакихъ несчастій, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы, эта тайна была, какъ онъ намъ говорилъ, написана имъ на зеленой палочкѣ, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага стараго Заказа, въ томъ мѣстѣ, въ которомъ я, такъ какъ надо же гдѣ-нибудь зарыть мой трупъ, просилъ въ память Николеньки закопать меня.

Кромѣ этой палочки, была еще какая-то Фанфаронова гора, на которую, онъ говорилъ, можетъ ввести насъ, если только мы исполнимъ всѣ положенныя для того условія. Условія были, во-первыхъ: стать въ уголъ и не думать о бѣломъ медвѣдѣ. Помню, какъ я становился въ уголъ и старался, но никакъ не могъ не думать о бѣломъ медвѣдѣ. Второе условіе: пройти, не оступившись, по щелкѣ между половицами, и третье, легкое: въ продолженіе года не видать зайца,—все равно, живого или мертваго или жаренаго. Потомъ надо поклясться никому не открывать этихъ тайнъ.

Тотъ, кто исполнитъ эти условія и еще другія, болѣе трудныя, которыя онъ откроетъ послѣ, того одно желаніе, какое бы то ни было, будетъ исполнено. Мы должны были сказать наше желаніе. Сережа пожелалъ умѣть

лѣпить лошадей и куръ изъ воска; Митенька пожелалъ умѣть рисовать всякія вещи, какъ живописецъ, въ большомъ видѣ. Я же ничего не могъ придумать, кромѣ того, чтобы умѣть рисовать въ маломъ видѣ. Все это, какъ это бываетъ у дѣтей, очень скоро забылось, и никто не вошелъ на Фанфаронову гору, но помню ту таинственную важность, съ которой Николенька посвящалъ насъ въ эти тайны, и наше уваженіе и трепетъ передъ тѣми удивительными вещами, которыя намъ открывались.

Въ особенности же оставило во мнѣ сильное впечатлѣніе муравейное братство и таинственная зеленая палочка, связывавшаяся съ нимъ и долженствующая осчастливить всѣхъ людей.

Какъ теперь я думаю, Николенька, вѣроятно, прочелъ или наслушался о масонахъ, объ ихъ стремленіи къ осчастливленію человѣчества, о таинственныхъ обрядахъ пріема въ ихъ орденъ, вѣрно слышалъ о моравскихъ братьяхъ и соединилъ все это въ одно въ своемъ живомъ воображеніи и любви къ людямъ, къ добротѣ, придумалъ всѣ эти исторіи и самъ радовался имъ и морочилъ ими насъ.

Идеалъ муравейныхъ братьевъ, льнущихъ любовно другъ къ другу, только не подъ двумя креслами, завѣшанными платками, а подъ всѣмъ небеснымъ сводомъ всѣхъ людей міра, остался для меня тотъ же. И какъ я тогда вѣрилъ, что есть та зеленая палочка, на которой написано то́, что должно уничтожить все зло въ людяхъ и дать имъ великое благо, такъ я вѣрю и теперь, что есть эта истина и что будетъ она открыта людямъ и дастъ имъ то, что она обѣщаетъ.

Митенька—годомъ старше меня. Большіе черные, строгіе глаза. Почти не помню его маленькимъ. Знаю только по разсказамъ, что онъ въ дѣтствѣ былъ очень капризенъ; разсказывали, что на него находили такіе капризы, что онъ сердился и плакалъ за то, что няня не смотритъ на него; потомъ такъ же злился и кричалъ, что няня смотритъ на него. Знаю по разсказамъ, что ма-

менька очень мучилась съ нимъ. Онъ былъ ближе мнѣ по возрасту, и мы больше играли съ нимъ, но я не такъ любилъ его, какъ любилъ Сережу и какъ любилъ и уважалъ Николеньку. Мы жили съ нимъ дружно, не помню, чтобы ссорились. Вѣроятно, ссорились и даже дрались, но, какъ это бываетъ у дѣтей, эти драки не оставили ни малѣйшаго слѣда, и я любилъ его простой, ровной, естественной любовью и потому не замѣчалъ ея и не помню ея. Я думаю, даже знаю, потому что испыталъ это, особенно въ дѣтствѣ, что любовь къ людямъ есть естественное состояніе души или, скорѣе, естественное отношеніе ко всѣмъ людямъ, и когда оно такое, его не замѣчаешь. Оно замѣчается только тогда, когда не любишь (не не любишь, а боишься кого-нибудь. Такъ, я боялся нищихъ, боялся одного Волконскаго, который щипалъ меня; больше, кажется, никого), и тогда, когда особенно любишь, какъ я любилъ тетеньку Татьяну Александровну, брата Сережу, Николеньку, Василія, няню Исаевну, Пашеньку. Ребенкомъ я ничего особеннаго, кромѣ дѣтскаго веселья, не помню о немъ. Особенности его проявились и памятны мнѣ уже въ Казани, куда мы переѣхали въ 40-мъ году, и ему было 13 лѣтъ. До этого въ Москвѣ, я помню, что онъ не влюблялся, какъ я и Сережа, не любилъ особенно ни танцевъ, ни военныхъ зрѣлищъ, о которыхъ разскажу я послѣ, и учился хорошо, усердно. Помню, учитель, студентъ Поплонскій, дававшій намъ уроки, опредѣлялъ по отношенію къ ученію насъ трехъ братьевъ такъ: Сергѣй—и хочетъ и можетъ, Дмитрій—хочетъ, но не можетъ (это была неправда), и Левъ—и не хочетъ и не можетъ. Я думаю, что это была совершенная правда.

Такъ что настоящія воспоминанія мои о Митенькѣ начинаются съ Казани. Въ Казани я, подражавшій всегда Сережѣ, началъ развращаться (тоже послѣ разскажу). Не только съ Казани, но и еще прежде я занимался своей наружностью: старался быть свѣтскимъ, comme il faut. Ничего этого не было и слѣда въ Митень-

кѣ; кажется, онъ никогда не страдалъ обычными отроческими пороками. Онъ всегда былъ серьезенъ, вдумчивъ, чистъ, рѣшителенъ, вспыльчивъ, и то, что дѣлалъ, доводилъ до предѣловъ своихъ силъ. Когда съ нимъ случилось, что онъ проглотилъ цѣпочку, онъ, сколько помню, не особенно безпокоился о послѣдствіяхъ этого, тогда какъ про себя помню, какой я испыталъ ужасъ, когда проглотилъ косточку французскаго чернослива, который дала мнѣ тетенька, и какъ я торжестенно, какъ бы передъ смертью, объявилъ ей объ этомъ несчастьи. Помню еще, какъ мы катались маленькими на салазкахъ съ крутой горы мимо закутъ (какъ весело было!) и какой-то проѣзжій, вмѣсто того, чтобы ѣхать по дорогѣ, поѣхалъ на своей тройкѣ на эту гору. Кажется, Сережа съ деревенскимъ мальчикомъ раскатился и, не удержавъ салазки, попалъ подъ лошадей. Ребята выкарабкались безъ ушибовъ. Тройка выѣхала на гору. Мы всѣ были заняты происшествіемъ: какъ вылѣзъ изъ-подъ пристяжной, какъ коренная испугалась и т. п. Митенька же (мальчикъ лѣтъ 9) подошелъ къ проѣзжему и началъ бранить его. Я помню, какъ меня удивило и не понравилось то, что онъ сказалъ, что за это, чтобы не смѣли ѣздить, гдѣ нѣтъ дороги, стоитъ на конюшню отправить; на языкѣ того времени значило—высѣчь.

Въ Казани начались его особенности. Учился онъ хорошо, ровно, писалъ стихи очень легко; помню, прекрасно перевелъ Шиллера „Der Jüngling am Bache“ [1]), но не предавался этому занятію. Мало общался съ нами, всегда былъ спокоенъ, серьезенъ и задумчивъ. Помню, какъ онъ разъ расшалился и какъ дѣвочки пришли въ восторгъ отъ этого, и мнѣ стало завидно, и я подумалъ, что это отъ того, что онъ всегда серьезенъ. И я тоже хотѣлъ въ этомъ подражать ему. Очень глупая была мысль у опекунши-тетушки дать намъ каждому по мальчику съ тѣмъ, чтобы потомъ это былъ нашъ

---

[1]) «Юноша у ручья».

преданный слуга. Митенькѣ данъ былъ Ванюша. (Ванюша этотъ и теперь живъ). Митенька часто дурно обращался съ нимъ, кажется, даже билъ. Я говорю: кажется, потому что не помню этого, а помню только его покаянія за что-то передъ Ванюшей и униженныя просьбы о прощеніи.

Такъ онъ росъ незамѣтно, мало общаясь съ людьми, всегда, кромѣ какъ въ минуты гнѣва, тихій, серьезный, съ задумчивыми, строгими, большими карими глазами. Онъ былъ великъ ростомъ, худъ довольно, силенъ не очень, съ длинными и большими руками и сутуловатой спиной. Особенности его начались со времени вступленія въ университетъ. Онъ былъ годомъ моложе Сергѣя, но поступилъ въ университетъ съ нимъ вмѣстѣ на математическій факультетъ только потому, что старшій братъ былъ математикомъ. Не знаю, какъ и что навело его такъ рано на религіозную жизнь, но съ перваго же года университетской жизни это началось. Религіозныя стремленія, естественно, направили его на церковную жизнь, и онъ предался ей, какъ онъ все дѣлалъ, до конца. Онъ сталъ ѣсть постное, ходить на всѣ церковныя службы и еще строже сталъ къ себѣ въ жизни.

Въ Митенькѣ, должно-быть, была та драгоцѣнная черта характера, которую я предполагалъ въ матери и которую зналъ въ Николенькѣ и которой я былъ совершенно лишенъ—черта совершеннаго равнодушія къ мнѣнію о себѣ людей. Я всегда, до самаго послѣдняго времени, не могъ отдѣлаться отъ заботы о мнѣніи людскомъ, у Митеньки же этого совсѣмъ не было. Никогда не помню на его лицѣ той сдерживаемой улыбки, которая невольно выступаетъ, когда васъ хвалятъ. Всегда помню его серьезные, спокойные, грустные, иногда недобрые, миндалеобразные, большіе каріе глаза. Съ Казани только мы стали обращать на него вниманіе и то только потому, что. тогда какъ мы съ Сережей приписывали большое значеніе comme il faut, внѣшности, онъ же былъ неряшливъ и грязенъ, и мы осуждали его за

это. Онъ не танцовалъ и не хотѣлъ этому учиться, студентомъ не ѣздилъ въ свѣтъ, носилъ одинъ студенческій сюртукъ съ узкимъ галстукомъ, и смолоду уже у него появился тикъ: онъ подергивалъ головой, какъ бы освобождаясь отъ узости галстука.

Особенность его первая проявилась во время перваго говѣнія. Онъ говѣлъ не въ модной университетской церкви, а въ казематской церкви. Мы жили въ домѣ Горталова, противъ острога. Въ острогѣ тогда былъ особенно набожный и строгій священникъ, который, какъ нѣчто непривычное, дѣлалъ то, что на Страстной недѣлѣ вычитывалъ всѣ евангелія, какъ это полагалось, и службы отъ этого продолжались особенно долго. Митенька выстаивалъ ихъ и свелъ знакомство со священникомъ. Церковь острожная была такъ устроена, что отдѣлялась только стеклянной перегородкой съ дверью отъ мѣста, гдѣ стояли колодники. Одинъ разъ одинъ изъ колодниковъ что-то хотѣлъ передать причетникамъ: свѣчу или деньги на свѣчи; никто изъ бывшихъ въ церкви не захотѣлъ взять на себя это порученіе, но Митенька тотчасъ съ своимъ серьезнымъ лицомъ взялъ и передалъ. Оказалось, что это было запрещено, и ему сдѣлали выговоръ; но онъ, считая, что такъ надобно, продолжалъ дѣлать то же самое.

Мы, главное—Сережа, водили знакомство съ аристократическими товарищами и молодыми людьми; Митенька, напротивъ, изъ всѣхъ товарищей выбралъ жалкаго, бѣднаго, оборваннаго студента Полубояринова (котораго нашъ пріятель-шутникъ называлъ Полубезобѣдовымъ, и мы, жалкіе ребята, находили это забавнымъ и смѣялись надъ Митенькой). Онъ только съ Полубояриновымъ дружилъ и съ нимъ готовился къ экзаменамъ.

Помню одинъ такой случай. Жили мы тогда уже на другой квартирѣ, на углу Арскаго поля, въ домѣ Киселевскаго, наверху. Верхъ раздѣлялся хорами надъ заломъ. Въ первой части верха, до хоръ, жилъ Митенька, въ компатѣ за хорами жили Сережа и я. Мы, я и

Сережа, любили вещицы, убирали свои столики, какъ у большихъ, и намъ давали и дарили для этого вещицы. Митенька никакихъ вещей не имѣлъ. Одну онъ взялъ изъ отцовскихъ вещей,—это минералы. Онъ распредѣлилъ ихъ, надписалъ и разложилъ ихъ подъ стеклами въ ящикъ. Такъ какъ мы, братья, да и тетушка, съ нѣкоторымъ презрѣніемъ смотрѣли на Митеньку за его низкіе вкусы и знакомства, то этотъ взглядъ усвоили себѣ и наши легкомысленные пріятели. Одинъ изъ такихъ, очень недалекій человѣкъ (инженеръ Ес., нестолько по нашему выбору нашъ пріятель, но потому, что онъ липъ къ намъ), разъ, проходя черезъ комнату Митеньки, обратилъ ниманіе на минералы и спросилъ Митеньку; Ес. былъ не симпатиченъ, не натураленъ. Митенька отвѣтилъ неохотно. Ес. двинулъ ящикъ и потрясъ ихъ; Митенька сказалъ: «Оставьте!» Ес. не послушался и что-то подшутилъ; кажется, назвалъ его Ноемъ. Митенька взбѣсился и своей огромной рукой ударилъ по лицу Ес. Ес. бросился бѣжать, Митенька за нимъ; когда они прибѣжали въ наши владѣнія, мы заперли двери. Но Митенька объявилъ намъ, что онъ исколотитъ его, когда онъ пойдетъ назадъ. Сережа и, кажется, Шуваловъ пошли усовѣщивать Митеньку, чтобы пропустить Ес. Но онъ взялъ половую щетку и объявилъ, что непремѣнно исколотитъ его. Не знаю, что бы было, если бы Ес. пошелъ черезъ его комнату, но онъ самъ просилъ какъ-нибудь провести его, и мы провели его, кое-гдѣ почти ползкомъ, черезъ пыльный чердакъ.

Таковъ былъ Митенька въ свои минуты злобы. Но вотъ какимъ онъ былъ, когда ничто не выводило его изъ себя. Къ нашему семейству какъ-то пристроена, взята была изъ жалости, самое странное и жалкое существо, нѣкто Любовь Сергѣевна, дѣвушка; не знаю, какую ей дали фамилію. Любовь Сергѣевна была плодъ кровосмѣшенія Протасова (изъ тѣхъ Протасовыхъ, отъ которыхъ Жуковскій). Какъ она попала къ намъ,—не знаю. Слышалъ, что ее жалѣли, ласкали, хотѣли пристроить

даже, выдать замужъ за Ѳедора Иановича, но все это не удалось. Она жила сначала у насъ,—я этого не помню; а потомъ ее взяла тетенька Пелагея Ильинична въ Казань, и она жила у нея. Такъ что узналъ я ее въ Казани. Это было жалкое, кроткое, забитое существо. У нея была комнатка и дѣвочка ей прислуживала. Когда я узналъ ее, она была не только жалка, но отвратительна. Не знаю, какая была у нея болѣзнь, но лицо ея было все распухлое такъ, какъ бываютъ запухлыя лица, искусанныя пчелами. Глаза виднѣлись въ узенькихъ щелкахъ между двумя запухшими, глянцевитыми, безъ бровей подушками. Также распухшіе, глянцевитые, желтые были щеки, носъ, губы, ротъ. И говорила она съ трудомъ, такъ какъ и во рту, вѣроятно, была та же опухоль. Лѣтомъ на лицо ея садились мухи, и она не чувствовала ихъ, и это было особенно непріятно видѣть. Волоса у ней были еще черные, но рѣдкіе, не скрывавшіе голый черепъ. Василій Ивановичъ Юшковъ, мужъ тетеньки, не добрый шутникъ, не скрывалъ своего отвращенія къ ней. Отъ нея всегда дурно пахло. А въ комнатѣ ея, гдѣ никогда не открывались окна и форточки, былъ удушливый запахъ. Вотъ эта-то Любовь Сергѣевна сдѣлалась другомъ Митеньки. Онъ сталъ ходить къ ней, слушать ее, говорить съ ней, читать ей. И—удивительное дѣло!—мы такъ были нравственно тупы, что только смѣялись надъ этимъ; Митенька же былъ такъ нравственно высокъ, такъ независимъ отъ заботы о людскомъ мнѣніи, что никогда ни словомъ, ни намекомъ не показалъ, что онъ считаетъ хорошимъ то, что́ дѣлаетъ. Онъ только дѣлалъ. И это былъ не порывъ, а это продолжалось все время, пока мы жили въ Казани.

Какъ мнѣ ясно теперь, что смерть Митеньки не уничтожила его, что онъ былъ прежде, чѣмъ я узналъ его, прежде, чѣмъ родился, и есть теперь, послѣ того, какъ умеръ!

Когда мы дѣлились, мнѣ, по обычаю, отдали имѣніе, въ которомъ жили, Ясную Поляну. Сережѣ, такъ какъ

онъ былъ охотникъ до лошадей, а въ Пироговѣ былъ конный заводъ, отдали Пирогово; онъ и желалъ этого. Митенькѣ и Николенькѣ отдали остальныя два имѣнія: Николенькѣ—Никольское, Митенькѣ—курское имѣніе Щербачевку, доставшуюся отъ Перовской. У меня теперь есть записка Митеньки о томъ, какъ онъ смотрѣлъ на владѣніе крѣпостными. Мысли о томъ, что этого не должно было быть, что надо было ихъ отпустить, среди нашего круга въ 40-хъ годахъ совсѣмъ не было. Владѣніе крѣпостными по наслѣдству представлялось необходимымъ условіемъ, и все, что можно было сдѣлать, чтобы это владѣніе не было дурно, это то, чтобы заботиться не только о матеріальномъ, но и нравственномъ состояніи крестьянъ. И въ этомъ смыслѣ была написана записка Митеньки очень серьезно, наивно и искренно. Онъ, малый двадцати лѣтъ (когда онъ кончилъ курсъ), бралъ на себя обязанность, считалъ, что не могъ не взять обязанность руководить нравственностью сотенъ крестьянскихъ семей и руководить угрозами наказаній и наказаніями. Такъ, какъ написано у Гоголя въ письмѣ къ помѣщику. Я думаю, и помнится, что Митенька читалъ эти письма, что на нихъ указалъ ему острожный священникъ. Такъ и началъ Митенька свои помѣщичьи обязанности, но, кромѣ этихъ обязанностей помѣщика къ крѣпостнымъ, въ то время была другая обязанность, неисполненіе которой казалось немыслимо,—это служба военная и гражданская. И Митенька, окончивъ курсъ, рѣшилъ служить по гражданской части. Для того же, чтобы рѣшить, какую именно службу избрать, онъ купилъ адресъ-календарь и, разсмотрѣвъ всѣ отрасли гражданской службы, рѣшилъ, что самая важная отрасль—это законодательство, и, рѣшивъ это, поѣхалъ въ Петербургъ и тамъ поѣхалъ къ статсъ-секретарю второго отдѣленія во время его пріема. Воображаю удивленіе Танѣева, когда въ числѣ просителей онъ остановился передъ высокимъ, сутуловатымъ, плохо одѣтымъ (Митенька всегда одѣвался только для того, чтобы при-

крыть тѣло), съ спокойными, прекрасными глазами, лицомъ и, спросивъ, что ему надо, получилъ отвѣтъ, что онъ русскій дворянинъ, кончилъ курсъ и, желая быть полезенъ отечеству, избралъ своею дѣятельностью законодательство.

— Ваша фамилія?

— Графъ Толстой.

— Вы нигдѣ не служили?

— Я только окончилъ курсъ, и мое желаніе только въ томъ, чтобы быть полезнымъ.

— Какое же мѣсто вы желаете имѣть?

— Мнѣ все равно, такое, въ которомъ я могъ бы быть полезенъ.

Серьезность, искренность такъ поразили Танѣева, что онъ повезъ Митеньку во второе отдѣленіе и тамъ сдалъ его чиновнику.

Должно-быть, отношеніе чиновниковъ къ нему и, главное, къ дѣлу оттолкнуло Митеньку, и онъ не поступилъ во второе отдѣленіе. Знакомыхъ у Митеньки въ Петербургѣ не было никого, кромѣ правовѣда Д. А. Оболенскаго, который, въ наше казанское время, былъ тамъ стряпчимъ. Митенька пришелъ къ Оболенскому на дачу. Оболенскій разсказывалъ мнѣ, посмѣиваясь.

Оболенскій былъ очень свѣтскій, съ тактомъ, честолюбивый человѣкъ. Онъ разсказывалъ, какъ въ то время, какъ у него были гости (вѣроятно, изъ высшаго круга, котораго всегда держался Оболенскій) Митенька пришелъ къ нему черезъ садъ въ фуражкѣ, въ нанковомъ пальто. «Я сначала не узналъ его, но, когда узналъ, постарался le mettre à son aise [1]), познакомилъ его съ гостями и предложилъ ему снять пальто, но оказалось, что подъ пальто ничего не было». Онъ находилъ это излишнимъ. Онъ сѣлъ и тотчасъ же, не стѣсняясь присутствіемъ гостей, обратился къ Оболенскому съ тѣмъ же вопросомъ, какъ и къ Танѣеву: гдѣ лучше

[1]) Ободрить его.

служить, чтобы принести больше пользы? Оболенскому, вѣроятно, съ его взглядами на службу, представляющую только средство удовлетворенія честолюбія, такой вопросъ, вѣроятно, никогда не представлялся. Но, съ свойственнымъ ему тактомъ и внѣшнимъ добродушіемъ, онъ отвѣтилъ, указавъ на различныя мѣста, и предложилъ свои услуги. Митенька, очевидно, остался недоволенъ и Оболенскимъ и Танѣевымъ и уѣхалъ изъ Петербурга, не поступивъ тамъ на службу. Онъ уѣхалъ къ себѣ въ деревню и въ Суджѣ, кажется, поступилъ въ какую-то дворянскую должность и занялся хозяйствомъ, преимущественно крестьянскимъ.

Послѣ выхода его, да и моего, изъ университета я потерялъ его изъ виду; знаю, что онъ жилъ тою же строгою, воздержанною жизнью, не зная ни вина, ни табаку, ни—главное—женщинъ до 26 лѣтъ, что было большою рѣдкостью въ то время. Знаю, что онъ сходился съ монахами и странниками и очень сблизился съ очень оригинальнымъ человѣкомъ, жившимъ у нашего опекуна Воейкова, происхожденіе котораго никто не зналъ. Звали его отцомъ Лукою. Онъ ходилъ въ подрясникѣ, былъ очень безобразенъ: маленькій ростомъ, косой, черный, но очень чистоплотный и необыкновенно сильный. Онъ жалъ руку, какъ клещами, и говорилъ всегда какъ-то значительно и загадочно. Жилъ онъ у Воейкова подлѣ мельницы, гдѣ построилъ маленькій домъ и развелъ необыкновенный цвѣтникъ. Этого отца Луку Митенька и водилъ съ собой. Какъ я слышалъ, онъ водился еще со старикомъ стараго закала, скопидомомъ-помѣщикомъ, сосѣдомъ Самойловымъ.

Кажется, я былъ тогда уже на Кавказѣ, когда съ Митенькой случился необыкновенный переворотъ. Онъ вдругъ сталъ пить, курить, мотать деньги и ѣздить къ женщинамъ. Какъ это съ нимъ случилось—не знаю, я не видалъ его въ это время. Знаю только, что соблазнителемъ его былъ очень внѣшне привлекательный,

но глубоко безнравственный человѣкъ, меньшой сынъ Исленева. Про него разскажу послѣ, если успѣю. И въ этой жизни онъ былъ тѣмъ же серьезнымъ, религіознымъ человѣкомъ, какимъ онъ былъ во всемъ. Ту женщину, проститутку Машу, которую онъ первую узналъ, онъ выкупилъ и взялъ къ себѣ. Но вообще эта жизнь продолжалась недолго. Думаю, что не столько дурная, нездоровая жизнь, которую онъ велъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ, сколько внутренняя борьба укоровъ совѣсти — сгубили сразу его могучій организмъ. Онъ заболѣлъ чахоткой, уѣхалъ въ деревню, лѣчился въ городахъ и слегъ въ Орлѣ, гдѣ я въ послѣдній разъ видѣлъ его уже послѣ Севастопольской войны. Онъ былъ ужасенъ: огромная кисть его руки была прикрѣплена къ двумъ костямъ локтевой части, лицо было —одни глаза и тѣ же прекрасные, серьезные, теперь выпытывающіе. Онъ безпрестанно кашлялъ и плевалъ и не хотѣлъ умереть, не хотѣлъ вѣрить, что онъ умиралъ. Рябая, выкупленная имъ Маша, повязанная платочкомъ, была при немъ и ходила за нимъ. При мнѣ, по его желанію, принесли чудотворную икону. Помню выраженіе его лица, когда онъ молился на нее.

Я былъ особенно отвратителенъ въ эту пору. Я пріѣхалъ въ Орелъ изъ Петербурга, гдѣ я ѣздилъ въ свѣтъ и былъ весь полонъ тщеславія. Мнѣ жалко было Митеньку, но мало. Я повернулся въ Орлѣ и уѣхалъ, и онъ умеръ черезъ нѣсколько дней.

Право, мнѣ кажется, мнѣ въ его смерти было самое тяжелое то, что она помѣшала мнѣ участвовать въ придворномъ спектаклѣ, который тогда устраивался и куда меня приглашали.

Съ Митенькой я былъ товарищемъ, Николеньку я уважалъ, но Сережей я восхищался и подражалъ ему, любилъ его, хотѣлъ быть имъ. Я восхищался его красивой наружностью, его пѣніемъ, — онъ всегда пѣлъ, — его рисованіемъ, его веселіемъ и въ особенности, какъ ни странно это сказать, непосредственностью его эго-

изма. Я всегда себя помнилъ, себя сознавалъ, всегда чуялъ, ошибочно или нѣтъ то, что думаютъ обо мнѣ и чувствуютъ ко мнѣ другіе, и это портило мнѣ радости жизни. Отъ этого, вѣроятно, я особенно любилъ въ другихъ противоположное этому, непосредственность эгоизма. И за это любилъ особенно Сережу—слово «любилъ» невѣрно. Николеньку я любилъ, а Сережей восхищался, какъ чѣмъ-то совсѣмъ мнѣ чуждымъ, непонятнымъ. Это была жизнь человѣческая, очень красивая, но совершенно непонятная для меня, таинственная и потому особенно привлекательная.

На-дняхъ онъ умеръ, и въ предсмертной болѣзни и умирая онъ былъ такъ же непостижимъ мнѣ и такъ же дорогъ, какъ и въ давнишнія времена дѣтства. Въ старости, въ послѣднее время, онъ больше любилъ меня, дорожилъ моей привязанностью, гордился мной, желалъ быть со мной согласенъ, но не могъ, и оставался такимъ, какимъ былъ: совсѣмъ особеннымъ, самимъ собою, красивымъ, породистымъ, гордымъ и, главное, до такой степени правдивымъ и искреннимъ человѣкомъ, какого я никогда не встрѣчалъ. Онъ былъ, что былъ, ничего не скрывалъ и ничѣмъ не хотѣлъ казаться.

Съ Николенькой мнѣ хотѣлось быть, говорить, думать; съ Сережей мнѣ хотѣлось только подражать ему. Съ перваго дѣтства началось это подражаніе. Онъ завелъ куръ, цыплятъ своихъ, и я завелъ такихъ же. Едва ли это было не первое мое вникновеніе въ жизнь животныхъ. Помню разной породы цыплятъ: сѣренькіе, крапчатые, съ хохолками, какъ они бѣгали на нашъ зовъ, какъ мы кормили ихъ и ненавидѣли большого голландскаго пѣтуха, который обижалъ ихъ. Сережа и завелъ этихъ цыплятъ, выпросивъ ихъ себѣ; то же сдѣлалъ и я, подражая ему. Сережа на длинной бумажкѣ рисовалъ и красками расписывалъ (мнѣ казалось, удивительно хорошо) подъ рядъ разныхъ цвѣтовъ куръ и пѣтушковъ, и я дѣлалъ то же, но хуже.

(Въ этомъ-то я надѣялся усовершенствоваться посредствомъ Фанфароновой горы). Сережа выдумалъ, когда вставлены были окна, кормить куръ черезъ ключевую дыру въ двери посредствомъ длинныхъ сосисокъ изъ чернаго и бѣлаго хлѣба—и я дѣлалъ то же.

О братьяхъ придется говорить еще много послѣ, если удастся довести воспоминанія хотя бы до женитьбы. Постараюсь вспомнить самыя живыя и радостныя (грустныхъ, тяжелыхъ не было) до переѣзда въ Москву.

X.

Въ трехъ верстахъ отъ Ясной Поляны есть деревушка Грумондъ (такъ названо это мѣсто дѣдомъ, бывшимъ воеводой въ Архангельскѣ, гдѣ есть островъ Грумондъ). Тамъ былъ скотный дворъ и домикъ, построенный дѣдомъ для пріѣзда лѣтомъ. Какъ все, что строилъ дѣдъ, было изящно и не пошло, и твердо, прочно, капитально. Такой же былъ и домикъ съ погребомъ для молочнаго скопа. Деревянный съ свѣтлыми окнами и ставнями, большой прочной дверью, домикъ, съ диванчикомъ и столомъ съ большими ящиками, складывавшимся, какъ пакетъ, четырьмя сторонами внутрь и такъ же раскладывавшимся, поворачиваясь на среднемъ шкворнѣ, такъ что отвороты эти ложились на углы и составляли большой, аршина въ два квадратныхъ, столъ. Домикъ стоялъ за деревушкой въ четыре или пять дворовъ, въ мѣстѣ, называемомъ садомъ, очень красивой, съ видомъ на вьющуюся по долинѣ въ лугахъ Воронку (рѣчку) съ лѣсами по ту и другую сторону. Въ саду этомъ былъ лѣсокъ надъ оврагомъ, въ которомъ былъ холодный и обильный ключъ прекрасной воды. Оттуда возили каждый день воду въ барскій домъ. Передъ оврагомъ, какъ продолженіе его, большой, глубокій, холодный проточный прудъ съ карпіей, линями, лещами, окунями и даже стерлядями. Мѣсто было прелестное—и не столько пить

тамъ молоко и сливки съ чернымъ хлѣбомъ, холодныя и густыя, какъ сметана, и присутствовать при ловлѣ рыбы, но просто побывать тамъ и побѣгать на гору и подъ гору, къ пруду и отъ пруда было великое наслажденіе. Изрѣдка лѣтомъ, когда была хорошая погода, мы всѣ ѣздили туда кататься. Тетушка, папенька и дѣвочки въ линейкѣ, а мы четверо съ Ѳед. Ив. въ желтомъ дѣдушкиномъ кабріолетѣ съ высокими крутыми рессорами и съ желтыми подлокотниками (другихъ и не было тогда).

За обѣдомъ идетъ разговоръ о погодѣ и составляется планъ, какъ ѣхать. Въ два часа мы должны ѣхать, въ четыре вернуться къ чаю. Все готово, но лошадей медлятъ посылать закладывать: съ запада изъ-за деревни и Заказа заходитъ туча. Мы всѣ въ волненіи, Ѳед. Ив. старается дѣлать строгій, спокойный видъ, но мы возбуждаемъ и его, и онъ выходитъ на балконъ, на вѣтеръ. Сѣдые волосы его на затылкѣ развѣваются, въ ту же сторону и фалды его фрака, и онъ значительно вглядывается черезъ перила. И мы ждемъ его рѣшенія. «Это на Сатинка», говоритъ онъ, указывая на самую большую лиловую тучу. «А это пустой», говоритъ онъ, указывая на другую, идущую съ востока. «Ну, что? Wie glauben Sie? Muss warten» [1]).

Но туча застилаетъ все небо. Мы въ горести. Послали было запрягать, теперь посылаютъ Мишу остановить. Накрапываетъ дождикъ. Мы въ уныніи и горести. Но вотъ Сережа выбѣжалъ на балконъ и кричитъ: «Расчищается, Ѳед. Ив.! Kommen Sie, blauer Himmel! Wo? Kommen Sie!» [2])

Дѣйствительно, между расползающейся тучей голубой кусочекъ то затягивается, то растягивается, вотъ еще, еще, но вотъ блеснуло солнце.

---

[1]) Какъ полагаете вы? Надо ждать.

[2]) Идите, голубое небо! Гдѣ? Идите!

— Тетенька! разгулялось! Правда, ей-Богу, посмотрите, Өедоръ Ивановичъ сказалъ.

Зовутъ Өед. Ив.; онъ нерѣшительно, но подтверждаетъ. Колебаніе и на небѣ, и у тетеньки. Тетенька Т. А. улыбается и говоритъ: „Je crois, Alexandrine, en effet, qu'il ne pleuvera plus. Il ne pleuvera pas! Смотрите» [1]).

— Тетенька, голубушка, велите запрягать! Пожалуйста, тетенька, голубушка!—кричимъ больше всѣхъ Сережа и я, и помогаютъ намъ дѣвочки. И вотъ рѣшено опять закладывать. Самъ Тихонъ дѣлаетъ антраша и бѣжитъ. И вотъ мы топчемъ ножонками на крыльцѣ, ожидая сначала лошадей, потомъ тетушекъ. Подъѣзжаетъ линейка съ балдахиномъ и фартукомъ. Николай Филиппычъ правитъ, запряжены неручинская гнѣдая, лѣвая свѣтлогнѣдая широкая и правая темная, костлявая, «съ крѣпотцей», какъ говоритъ Николай Филиппычъ. За линейкой большая гнѣдая въ желтомъ кабріолетѣ.

Тетеньки и дѣвочки усаживаются по своему. Наши-же же распредѣлены мѣста разъ навсегда опредѣленно. Өедоръ Ивановичъ садится съ правой стороны и правитъ, рядомъ съ нимъ Сережа и Николенька; кабріолетъ такъ глубокъ, что за ними садимся мы, я и Митенька, спинами врозь, къ бокамъ, ногами вмѣстѣ. Вся дорога мимо гумна по Заказу: справа старый, слѣва молодой Заказъ,—одно наслажденіе. Но вотъ подъѣзжаемъ къ горѣ, круто спускающейся къ рѣкѣ и мосту. «Halten Sie sich, Kinder», говоритъ Ө. И., торжественно нахмуриваясь, перехватываетъ вожжи, и вотъ мы спускаемся, спускаемся, но въ послѣдній моментъ, шаговъ за тридцать, Өед. Ив. пускаетъ лошадь, и мы летимъ, какъ намъ кажется, съ ужасной быстротой. Мы ждемъ этого момента, и впередъ уже замираетъ сердце. Переѣзжая

---

[1]) Я думаю, правда, Александринъ, дождя больше не будетъ!

мостъ, ѣдемъ вдоль рѣки и поднимаемся въ гору, на деревню, и въѣзжаемъ въ ворота, въ садъ и къ домику. Лошадей привязываютъ. Онѣ топчатъ траву и пахнутъ потомъ такъ, какъ никогда уже послѣ не пахли лошади. Кучера стоятъ въ тѣни деревъ. Свѣтъ и тѣни бѣгаютъ по ихъ лицамъ, добрымъ, веселымъ, счастливымъ лицамъ. Прибѣгаетъ Матрена-скотница, въ затрапезномъ платьѣ, говоритъ, что она давно ждала насъ, и радуется, что мы пріѣхали, и я не только вѣрю, но не могу не вѣрить, что всѣ на свѣтѣ только и дѣлаютъ, что радуются. Радуется Матренѣ тетенька, разспрашивая ее съ участіемъ объ ея дочеряхъ, радуются собаки, окружившія Ѳ. И. (Берфа, легавая Шарло), прибѣжавшія за нами, радуются куры, пѣтухи, крестьянскія дѣти, радуются лошади, телята, рыбы въ пруду, птицы въ лѣсу. Матрена и ея дочь приносятъ большой, толстый кусокъ черного хлѣба, раскрываютъ удивительный, необыкновенный столъ и ставятъ мягкій сочный творогъ съ отпечатками салфетки, сливки, какъ сметана, и кринки съ свѣжимъ цѣльнымъ молокомъ. Мы пьемъ, ѣдимъ, бѣгаемъ къ ключу, пьемъ тамъ воду, бѣгаемъ вокругъ пруда, гдѣ Ѳ. И. пускаетъ удочки, и, побывъ полчаса, часокъ на Грумондѣ, возвращаемся такимъ же путемъ, такіе же счастливые. Помню, одинъ разъ только наша радость была нарушена случаемъ, отъ котораго мы—по крайней мѣрѣ, я и Митенька—горько плакали. Берфа, милая, коричневая съ прекрасными глазами и мягкой курчавой шерстью собака Ѳед. Ив., бѣжала, какъ всегда, то сзади, то впереди кабріолета. Одинъ разъ при выѣздѣ изъ Грумондскаго сада крестьянскія собаки бросились за ней. Она бросилась къ кабріолету. Ѳед. Ив. не сдержалъ лошади, переѣхалъ ей лапу. Когда мы вернулись домой и несчастная Берфа добѣжала на трехъ ногахъ, Ѳед. Ив. съ Ник. Дм., нашимъ дядькой, тоже охотникомъ, осмотрѣли ее и рѣшили, что нога переломлена, собака испорчена, никогда не будетъ годиться для охоты. Я слушалъ, что говорилъ Ѳед. Ив. съ Ник. Дм. въ ма-

ленькой комнатѣ наверху, и не вѣрилъ своимъ ушамъ, когда услыхалъ слова Ѳед. Ив., который какимъ-то молодецкимъ, рѣшительнымъ тономъ сказалъ: «Не годится. Повѣсить его. Одинъ конца».

Собака страдаетъ, больна, и ее повѣсить за это. Я чувствовалъ, что это дурно, что этого не надо было дѣлать, но тонъ и Ѳед. Ив. и Ник. Дм., одобрившаго это рѣшеніе, былъ такимъ рѣшительнымъ, что я такъ же, какъ и тогда, когда Кузьму вели сѣчь, когда Темяшевъ разсказывалъ, что онъ отдалъ въ солдаты человѣка за то, что онъ въ посту ѣлъ скоромное, почувствовалъ что-то дурное, но въ виду несомнѣнныхъ рѣшеній людей старшихъ и уважаемыхъ не смѣлъ вѣрить своему чувству.

Перебирать всѣ мои радостныя дѣтскія воспоминанія не стану, потому что этому не будетъ конца и потому что мнѣ они дороги и важны, а передать ихъ такъ, чтобы они показались важны постороннимъ, я не сумѣю.

Разскажу только про одно душевное состояніе, которое я испыталъ нѣсколько разъ въ первомъ дѣтствѣ и которое, я думаю, было важно, важнѣе многихъ и многихъ чувствъ, испытанныхъ послѣ. Важно оно было потому, что это состояніе было первымъ опытомъ любви, не любви къ кому-нибудь, а любви къ любви, любви къ Богу,—чувство, которое я впослѣдствіи только рѣдко испытывалъ, рѣдко, но все-таки испытывалъ, благодаря тому, я думаю, что слѣдъ этотъ былъ проложенъ въ первомъ дѣтствѣ. Выражалось это чувство вотъ какъ: мы, въ особенности я съ Митенькой и дѣвочками, садились подъ стулья, какъ можно тѣснѣе другъ къ другу. Стулья эти завѣшивали платками, загораживали подушками и говорили, что мы «муравейные братья», и при этомъ испытывали особенную нѣжность другъ къ другу. Иногда эта нѣжность переходила въ ласку, гладить другъ друга, прижиматься другъ къ другу, но это было рѣдко, и мы сами чувствовали, что это не то, и тотчасъ же останавливались. Быть муравейными братьями, какъ мы на-

зывали это (вѣроятно, это какіе-нибудь разсказы о моравскихъ братьяхъ, дошедшіе до насъ черезъ Николенькину Фанфаронову гору), значило только завѣситься отъ всѣхъ, отдѣлиться отъ всѣхъ и всего и любить другъ друга.

Иногда мы подъ стульями разговаривали о томъ, что́ и кого кто любитъ, что́ нужно для счастья, какъ мы будемъ жить и всѣхъ любить.

Началось это, какъ помнится, отъ игры въ дорогу. Садились на стулья, запрягали стулья, устраивали карету или кабріолетъ, и вотъ сидѣвшіе-то въ каретѣ переходили изъ путешественниковъ въ муравейные братья. Къ нимъ присоединялись и остальные. Очень, очень хорошо это было, и я благодарю Бога за то, что могъ играть въ это. Мы называли это игрой, а между тѣмъ все на свѣтѣ игра, кромѣ этого.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Къ читателямъ	5
Дѣтство	9
Отрочество	151
Юность	261
Приложенія:	
Первыя воспоминанія (Изъ автобіографическихъ замѣтокъ)	483
Воспоминанія дѣтства	489

Напечатано и издано
Издательствомъ
»Слово«, Берлинъ.

